

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ VII.

Книга 4 (34).

Подъ редакціей Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго.

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 1896 г.

МОСКВА.



Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Цименовская улица, собствен. домъ.

1896.



СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Задачи искусства.— Н. А. Иванцова	441
Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ.— Н. А. Умова	489
Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ.— Л. Е. Оболенскаго	521
Основанія идеализма (<i>продолженіе</i>).— Кн. С. Н. Трубецкого	552
Нравственная организація челоѣчества.— Вл. С. Соловьева	579
Декартъ какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерпанія.— Л. М. Лопатина	609
По поводу статьи г. Оболенскаго.— В. А. Гольцева	643

Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій (<i>съ рисунками</i>).— С. А. Суханова	365
Вико и его система философіи исторіи А. К. Дживелегова	396
Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологии въ Женевѣ.— В. П. Сербскаго	429

Критика и библіографія.

I. Новый философскій журналъ. Александра Ив. Введенскаго	460
II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.	
Boutroux. De l'idée de la loi naturelle.— Н. И. Мазаровича.	467
W. Lutoslawski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie des dialogues de Platon.— А. А. Козлова.	472

	<i>Стр.</i>
Вл. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологии Н. Д. Виноградова	474
Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ.— Д. Викторова	481
Ив. Гвоздевъ. О врожденныхъ и приобретенныхъ свойствахъ дѣтей, какъ зачаткахъ преступности взрослыхъ.— Д. Викторова	483
Философскія теченія русской поэзіи. Составилъ П. Перцовъ .— Ю. И. Айхенвальда	485
Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліей Реймондъ Гинджелтъ .— Ю. И. Айхенвальда	492
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей	493

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

<i>Rivista italiana di filosofia.</i> 1896. Мартъ и июль.— В. Вальденберга	496
---	-----

IV. Новости иностранной философской литературы (Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ)	499
--	-----

Извѣстія и замѣтки	513
-------------------------------------	-----

Психологическое Общество (Пренія по реферату Л. М. Лопатина «Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта» и условія для соисканія премии, учрежденной Д. А. Столыпинымъ)	514
--	-----

А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психіатрической клиники Московскаго университета. Стр. 205—276.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Задачи искусства.

I.

Если взять различныя опредѣленія искусства, то формально они являются почти сходными, или разногласія между ними кажутся по крайней мѣрѣ не столь существенными. Если Гегель опредѣляет искусство, какъ воплощеніе идеи человѣкомъ въ чувственномъ образѣ, то онъ формально отличается отъ Тэна, по которому искусство есть воспроизведеніе явленій природы съ указаніемъ ихъ существеннаго характера или выраженіе господствующей въ нихъ идеи, только тѣмъ, что Гегель видитъ въ произведеніяхъ искусства воплощеніе идеи, забывая, что данная идея можетъ быть найдена человѣкомъ какъ разъ въ тѣхъ самыхъ явленіяхъ, чувственнымъ образомъ которыхъ онъ пользуется, и что слѣдовательно въ этихъ случаяхъ ее остается только выразить, а Тэнъ забываетъ, что идея можетъ быть взята изъ иныхъ источниковъ, чѣмъ тѣ предметы, въ соотвѣтствующемъ изображеніи которыхъ художникъ передаетъ такую идею, и что слѣдовательно въ такомъ случаѣ произведеніе искусства является не выраженіемъ идеи, существующей въ явленіи, но воплощеніемъ идеи, ему въ дѣйствительности посторонней. Такимъ образомъ, формально оба согласны въ томъ, что во всякомъ произведеніи искусства должна быть нѣкоторая идея, которая передается въ чувственномъ образѣ. Формально сходное опредѣленіе ис-

куство даетъ Шопенгауэръ и Прудонъ; также выражалъ его С. А. Усовъ *).

Но, согласно Усову, произведенія искусства имѣють своею цѣлью переносить насъ въ міръ идеаловъ, міръ творчества, заставляя забывать о нашихъ повседневныхъ нуждахъ; по Гегелю, цѣль искусства есть прекрасное, т.-е. воплощеніе абсолютнаго въ чувственномъ существованіи или безконечнаго въ конечномъ; по Шербюлье, искусство есть рожденіе въ красоту; по Шопенгауэру, оно есть отраженіе воли къ жизни или чистое созерцаніе, ведущее къ очищенію воли и ея самоотрѣшенію, или, по крайней мѣрѣ, самозабвенію въ чистомъ созерцаніи; по Прудону, искусство есть идеальное воспроизведеніе природы и насъ самихъ съ цѣлью физическаго и нравственнаго усовершенствованія человѣческаго рода. Такимъ образомъ, при формальномъ согласіи въ общемъ опредѣленіи искусства существуетъ коренное различіе во взглядахъ на цѣль искусства, различіе, которое отражается и въ самыхъ опредѣленіяхъ въ различномъ пониманіи слова „идея“. Итакъ, при формальномъ сходствѣ опредѣленія искусствъ въ сущности весьма различны.

Въ этихъ указаніяхъ цѣлей искусства и его опредѣленіяхъ, поскольку послѣднія включаютъ въ себѣ указаніе цѣлей искусства или его назначенія, есть одинъ общій недостатокъ. Онъ заключается въ томъ, что вмѣсто указанія на то, чѣмъ является каждое произведеніе искусства въ дѣйствительности, указываются тѣ требованія, которыя предъявляются авторомъ съ его общей точки зрѣнія къ произведеніямъ искусства. Опредѣляется не то, что есть, а что, по мнѣнію автора, должно быть. Даются такіа опредѣленія произведеній искусства, которымъ на самомъ дѣлѣ удовлетворяютъ лишь очень немногіа, а большинство оказывается подъ эти опредѣленія неподходящими. Вмѣсто естественныхъ мы имѣемъ опредѣленія телеологическіа, опредѣленія по цѣли, а не по сущности.

*) См. мои „Воспоминанія о возрѣніяхъ С. А. Усова на искусство“ въ „Вопр. Фил. и Псих.“ 1890 г.

Это все равно, какъ если бы зоологъ, котораго спросили, что такое животное, сталъ излагать, чѣмъ по его мнѣнію должно быть совершенное животное. Весьма возможно, что другіе зоологи были бы съ нимъ болѣе или менѣе согласны, — однако, это не было бы опредѣленіемъ животныхъ, существующихъ въ дѣйствительности. Опредѣленіе животнаго должно сказать намъ, что такое животное на самомъ дѣлѣ, что отличаетъ его отъ прочихъ предметовъ, а не то, чѣмъ должно быть наиболѣе совершенное изъ животныхъ.

Тоже самое находимъ мы и въ эстетикѣ. Даются опредѣленія, чѣмъ должны быть произведенія искусства, а не что они есть. Такія опредѣленія подходятъ, пожалуй, къ нѣкоторымъ изъ этихъ произведеній, наиболѣе совершеннымъ, но врядъ ли хоть одно изъ нихъ годится для всѣхъ произведеній искусства. Часто можно слышать по поводу той или другой картины, той или другой пьесы сужденія, подобныя слѣдующимъ: „Это отвратительно, это не произведеніе искусства; не въ томъ состоитъ задача художника, чтобы воспроизводить отвратительныя и звѣрскія стороны человѣка, не внося въ нихъ никакого примиряющаго начала“; или „это не произведеніе искусства—это простая фотографія съ натуры; художникъ съ фотографической точностью воспроизвелъ лишь то, что видѣлъ“; или „это памфлетъ на полотнѣ, пошлая тенденція, а не картина“ и т. д. Этимъ цѣнители показываютъ только, что ихъ опредѣленія слишкомъ узки и не годятся для всѣхъ произведеній искусства.

Какъ въ мірѣ животныхъ вѣнецъ природы, человѣкъ, стоитъ въ одномъ ряду съ полипомъ, безформенной губкой или столь простымъ существомъ, какъ амеба, которые едва заслуживаютъ названія животныхъ, но тѣмъ не менѣе суть животныя, такъ въ искусствѣ Сикстинская Мадонна Рафаэля, Гамлетъ Шекспира, пошлая каррикатура, грубая мазня начинающаго живописца, сальная картинка—по существу своему и по тѣмъ общимъ причинамъ, которыя обуславливаютъ ихъ происхожденіе, сходны другъ съ другомъ; и то, и дру-

гое, и третье суть произведенія искусства—въ одномъ случаѣ, возвышеннаго, въ другомъ, низкаго—все равно, тѣмъ не менѣе,—искусства. Зритель можетъ приходить въ восторгъ отъ произведенія искусства или возмущаться имъ, можетъ, далѣе, любить или ненавидѣть данное животное, но эстетикъ и ученый должны относиться къ явленіямъ искусства и природы безстрастно—они должны изучать ихъ. Высокое и пошлое, совершенное и несовершенное, развитое и зачаточное—все это явленія, подлежащія изслѣдованію, одинаково тщательному. Этого мало—какъ въ зоологіи мы познаемъ формы высшія черезъ низшія, такъ и въ области искусства высокое и совершенное открывается часто черезъ пошлое и несовершенное. Это своего рода эмбриональныя формы, являющіяся въ своихъ наиболѣе простыхъ, неосложненныхъ отличительныхъ особенностяхъ, безъ которыхъ намъ были бы непонятны формы высшія, и врядъ ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что неприличный рисунокъ на заборѣ проливаетъ большій свѣтъ на сущность искусства, чѣмъ Мадонна Рафаэля.

Шербюлье пытается дать такое опредѣленіе искусства, которое было бы одинаково приложимо и къ комедіи Мольера, и къ симфоніи Бетховена, и къ статуѣ Микель Анжело, и къ картинамъ живописцевъ всѣхъ школъ. Но этого мало,—оно должно подходить также къ провалившемуся на первомъ представленіи водевилю, пѣснѣ фабричнаго, снѣжной бабѣ, вылѣпленной уличными ребятишками, грубому рисунку дикаря или ребенка. Я не хочу этимъ сказать, что комедія Мольера и какая-нибудь пьеса В. Крылова одно и то же, или что для эстетики долженъ быть безразличенъ вопросъ о совершенствѣ произведеній искусства или ихъ градаци,—я хочу сказать только то, что для вопроса о самой сущности искусства такая сравнительная оцѣнка не имѣетъ значенія, что, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ произведеній искусства, мы должны рѣшить, что такое искусство вообще, независимо отъ того, совершенно ли его проявленіе или нѣтъ.

Попытаемся же найти естественное опредѣленіе для произведеній искусства.

Для этого мы должны поступать точно такъ же, какъ поступаетъ натуралистъ.

Что же дѣлаетъ натуралистъ при установленіи своихъ опредѣленій и классификацій?

Натуралистъ получаетъ классификаціи или отдѣльныя группы обыкновенно уже установленными въ грубыхъ чертахъ. Курица, галка и голубь назывались птицами, волкъ, собака и медвѣдь—звѣрями, окунь, карась и щука—рыбами, и всѣ они вмѣстѣ съ пчелами, червями, лягушками, змѣями и т. д.—животными, задолго до того, какъ были установлены зоологическія группы *Aves*, *Mammalia*, *Pisces* или опредѣлено сколько-нибудь отличіе животныхъ отъ растений. Классификація и опредѣленіе есть дѣло обыкновеннаго ума и ежедневной жизненной потребности въ такой же мѣрѣ, какъ и дѣло науки. Разница заключается лишь въ томъ, что научная классификація точнѣе, опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе; въ ней принимаются во вниманіе на первомъ планѣ признаки существенныя, а на сходства внѣшнія обращается мало вниманія. Зоологъ не относитъ къ рыбамъ кита только потому, что онъ живетъ въ водѣ, и не ставитъ лягушки и паука въ одинъ разрядъ гадинъ только потому, что оба возбуждаютъ отвращеніе. Натуралистъ въ сущности очищаетъ и совершенствуетъ классификацію, начало которой положено въ повседневной жизни. Онъ старается выяснитъ, привести въ сознаніе и критически оцѣнитъ сходства, подмѣчаемыя уже поверхностнымъ наблюденіемъ.

Точно также мы должны поступать и въ эстетикѣ, если желаемъ, чтобы она имѣла научный характеръ. Картины, статуи, музыкальныя сочиненія, стихотворенія, красивыя зданія — все это называется произведеніями искусства. Мы должны выяснитъ, какія общія сходства существуютъ между всѣми этими предметами, отличающія ихъ отъ всего прочаго; не попало ли въ число того, что обыкновенно называютъ произведеніями искусства, чего-либо такого, что имѣетъ съ

ними сходство чисто внѣшнее, подобно тому какъ, напримѣръ, полиповъ относили долгое время къ растеніямъ, хотя на самомъ дѣлѣ они суть животныя, и обратно—не слѣдуетъ ли отнести къ области искусства чего-либо такого, что обыкновенно къ ней не причисляется, благодаря недостаточно ясно выраженнымъ отличительнымъ признакамъ. Мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ причину существованія произведеній искусства, ихъ *raison d'être*, указать, почему ихъ создаютъ и зачѣмъ они намъ нужны, не смотря на то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они являются крайне несовершенными.

II.

Итакъ, дѣло идетъ объ установленіи отличительныхъ признаковъ царства произведеній искусства.

Для этого необходимо сравнить между собою произведенія различныхъ родовъ искусствъ.

Но здѣсь мы сразу наталкиваемся на затрудненіе, съ которымъ часто приходится встрѣчаться естествоиспытателю. Въ ботаникѣ и зоологіи существуютъ группы, весьма рѣзко опредѣленные. Таковы, напримѣръ, птицы, звѣри, наѣкомыя, иглокожія. Ихъ животная природа и особенности соотвѣтствующаго типа выражены настолько рѣзко, что ихъ невозможно смѣшать ни съ другими типами, ни съ растеніями. Наоборотъ, существуютъ формы, каковы, напримѣръ, черви или простѣйшія одноклѣтчатая животныя, которыя не рѣзко обособлены и которыя цѣлымъ рядомъ постепенныхъ переходовъ связаны съ ближайшими типами, какъ черви, или даже съ другимъ царствомъ, какъ Protozoa. Если бы мы, желая установить общее различіе между животными и растеніями, взяли исходной точкой Protozoa, наша попытка была бы безуспѣшной. Намъ пришлось бы имѣть дѣло съ формами, животная и растительная природа которыхъ выражена крайне слабо и неопредѣленно; намъ попались бы формы переходныя — полуживотныя, полурастенія. Вотъ почему удобнѣе начинать съ формъ, болѣе ясно выражен-

ныхъ, а затѣмъ, въ случаѣ необходимости, исправлять свои заключенія примѣнительно къ формамъ, менѣ опредѣленнымъ. Послѣднія служатъ, такъ сказать, пробнымъ камнемъ для классификаціи.

Не должно забывать также, что всякая классификація болѣе или менѣ искусственна. Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ; все, развиваясь одно изъ другого, постепенно переходитъ по своимъ признакамъ одно въ другое. Рѣзкой черты между животными и растениями провести невозможно. Если птицы ясно отличаются отъ другихъ животныхъ, то только потому, что промежуточные формы вымерли. Было время, когда зоологъ былъ бы не въ состояніи сказать, гдѣ кончаются пресмыкающіяся и начинаются птицы. Классификація сводится къ установленію предѣловъ, между которыми или около которыхъ колеблются различныя формы, приближаясь болѣе къ одному изъ нихъ или къ другому. И для установленія такихъ предѣловъ, формы съ болѣе ясными признаками и формы болѣе опредѣленныя удобнѣе неопредѣленныхъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ классификація является болѣе естественной, то-есть болѣе соотвѣтствующей естественному раздѣленію между существующими предметами.

Установленіе крупныхъ и мелкихъ классификаціонныхъ группъ подобно очерчиванію ломанной линіи съ большимъ или меньшимъ числомъ колѣнъ около кривой извилистой линіи, какъ это дѣлается при вычисленіи ея длины по способу предѣловъ. Если эта линія непрерывна, то безразлично, къ какимъ точкамъ ея провести касательныя прямая; если же отъ времени части ея стерлись, то тѣмъ самымъ опредѣляется болѣе или менѣ положеніе прямыхъ.

Точно также и въ области искусства. Картины и статуи—это формы, рѣзко выраженные; наоборотъ, въ литературѣ трудно провести границу, гдѣ кончается, положимъ, научное сочиненіе и гдѣ начинается произведеніе искусства, и въ чемъ состоитъ разница между историческимъ романомъ Вс. Соловьева и соотвѣтствующими страницами въ исторіи

его отца. Точно также простаго дома никто не считаетъ произведеніемъ искусства, а дворцы и храмы признаются произведеніями искусства; но границы между тѣмъ и другими провести невозможно. Такимъ образомъ, для нашего изслѣдованія поэзія и архитектура оказываются объектами менѣе удобными, чѣмъ живопись, скульптура и музыка. Мы начнемъ съ двухъ первыхъ, затѣмъ перейдемъ къ музыкѣ и, наконецъ, проверимъ въ общемъ наши выводы примѣнительно къ архитектурѣ и поэзіи, дабы не оказалось, что мы включили въ свое опредѣленіе что-либо лишнее или упустили въ немъ что-либо существенное.

III.

Итакъ, картины и статуи суть произведенія искусства. Что ихъ прежде всего отличаетъ отъ другихъ сходныхъ явленій, это то, что они суть произведенія человѣка. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ показываютъ разноцвѣтные камешки съ естественнымъ изображеніемъ распятія, молящагося монаха и т. д. Какъ бы похожи ни были такія изображенія, пусть бы даже, благодаря странной причудливости природы, нашлась такая картина, лучшая, чѣмъ Сикстинская Мадонна, или естественный обломокъ скалы, совершеннѣе античной статуи,—все же это будутъ произведенія природы, а не искусства.

Этого мало. Произведенія скульптуры и живописи, какъ и прочія произведенія искусства, суть произведенія сознательной дѣятельности человѣка. Только такіе предметы, производимые сознательно, съ извѣстнымъ умысломъ, отличаются отъ произведеній природы подъ именемъ произведеній искусства въ широкомъ смыслѣ. Безсознательные продукты человѣческой дѣятельности не суть произведенія искусства, хотя бы они сами по себѣ и не отличались отъ продуктовъ сознательной или преднамѣренной дѣятельности человѣка.

Возьмемъ примѣръ довольно сложный. Въ картинѣ каждый

штрихъ, каждое свѣтовое или красочное пятно накладываются сознательно. Фотографія можетъ быть процессомъ чисто механическимъ, который воспроизводитъ то, чего мы даже не различаемъ. Я могу купить фотографическую камеру, снимать по дорогѣ, даже не глядя, все, что случайно попадется, проявить и отпечатать снимки согласно приложенному наставленію и получить въ результатѣ прекрасный альбомъ. Но никто такихъ фотографій произведеніями искусства не назоветъ, развѣ въ смыслѣ техническомъ. Однако фотографія становится художественной, поскольку въ нее вносится элементъ сознательности. Этотъ элементъ выражается въ выборѣ сюжета для съемки и въ выборѣ характерной позы, если снимается портретъ, въ выборѣ освѣщенія, аксессуаровъ, отношенія размѣровъ главнаго предмета къ размѣрамъ всей фотографіи, въ помѣщеніи его въ серединѣ или съ боку, въ сообщеніи заднему плану большей или меньшей рѣзкости, въ мягкомъ или контрастномъ проявленіи негатива, въ свѣтломъ или темномъ печатаніи позитива, въ ретуши и т. д. Такія фотографіи тѣмъ болѣе приближаются къ произведеніямъ живописи, чѣмъ менѣе въ нихъ остается безсознательнаго.

Нерѣдко приходится, правда, слышать, что художникъ творитъ безсознательно, поетъ, что поется, и рисуетъ, что рисуется. Но это совершенно невѣрно. Наблюдая, какъ музыканты слагаютъ свои произведенія или художники рисуютъ свои картины, иногда дѣйствительно можно придти къ такому заключенію. Музыкантъ садится къ рояли. Усталой рукою беретъ онъ нѣсколько аккордовъ, совершенно о нихъ не думая; за ними слѣдуютъ другіе, сначала безъ всякаго порядка, а затѣмъ одни повторяются, другіе болѣе не слышатся. Между звуками водворяется все болѣе и болѣе порядокъ. Вся фигура музыканта дышитъ оживленіемъ; глаза его пылаютъ; изъ-подъ его пальцевъ льется стройная мелодія, продуктъ безсознательнаго вдохновенія. Или художникъ беретъ кусокъ бумаги и карандашъ и, какъ попало, чертитъ лобъ, носъ и губы, дополняя первыя слу-

чайныя черты другими, и въ результатѣ получается очень типичная физиономія, нарисовать которую онъ вовсе и не думалъ. Или онъ беретъ палитру и тѣми красками, какія на ней случайно оказались, мажетъ на полотнѣ нѣсколько пятенъ; мало-по-малу получается пейзажъ, изображающій закатъ солнца. Если бы на палитрѣ, вмѣсто красной и желтой краски, было побольше синей и черной, мы получили бы лунную ночь. Однако и въ этихъ случаяхъ художникъ творить вовсе не безсознательно. Самое большее, что можно сказать, это то, что онъ приступаетъ къ своей работѣ безъ предварительнаго замысла. Замысль рождается съ самой работой. Первые ноты, первые штрихи карандаша или мазки кистью, сдѣланные безсознательно, наталкиваютъ его на ту или другую мысль. Эти ноты, штрихи и мазки безсознательны только въ началѣ; далѣе, по мѣрѣ того, какъ художникъ начинаетъ нападать на ту или другую мысль, онъ производитъ между ними выборъ, одни оставляетъ, другіе выкидываетъ или исправляетъ, и подъ конецъ его дѣйствія совершенно сознательны и ведутъ къ строго выясненной цѣли.

IV.

Итакъ, картины и статуи суть продукты сознательной, преднамѣренной дѣятельности человѣка; это суть произведенія, сдѣланныя съ нѣкоторой цѣлью и имѣющія извѣстное назначеніе. Въ чемъ же состоитъ это назначеніе?

Во-первыхъ, это не есть назначеніе грубо-утилитарное, имѣющее въ виду удовлетвореніе чисто матеріальныхъ нуждъ человѣка, какъ платье, утварь, жилище, средства сообщенія и т. д. Изъ общей массы произведеній человѣческаго искусства, въ широкомъ смыслѣ, такіе предметы выдѣляются, какъ произведенія промышленности. Картины и статуи остаются въ числѣ произведеній искусства собственно, произведеній искусства въ узкомъ смыслѣ слова.

Какая же ихъ цѣль? Очевидно, если это не есть цѣль матеріальная, то это есть цѣль духовная. О ихъ назна-

чени не трудно заключить повидимому изъ самаго ихъ употребленія. Картины вѣшаются на стѣны, статуи ставятся въ комнатахъ, церквахъ или на площадяхъ для украшенія. Цѣль ихъ, слѣдовательно,—красота. На это указываетъ и самое ихъ названіе — картины и скульптуры называются произведеніями изящныхъ искусствъ, т. е. искусствъ, преслѣдующихъ красоту.

Таковъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ взглядовъ на искусство; но онъ невѣренъ. Красота не есть цѣль искусства, или, по крайней мѣрѣ, она не есть его главная и непосредственная цѣль, и „рожденіе въ красоту“ не есть прямая задача искусства.

Красота не есть цѣль искусства, но только средство къ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ искусство.

Что такое красота?

Въ своей статьѣ „Основной принципъ красоты“ *) я указывалъ, что красота есть субъективное чувство, вызываемое въ насъ такими явленіями природы или произведеніями искусства, въ которыхъ съ ясностью усматривается ихъ законмѣрность, ихъ слѣдованіе извѣстному закону. Сообразно роду закона красота можетъ быть или чисто физическая, т. е. правильность, или органическая, когда законъ явленія выражается въ извѣстномъ органическомъ сочетаніи частей, цѣлесообразномъ въ отношеніи другъ къ другу и общему цѣлому, или идейная, когда явленіе сразу вызываетъ въ насъ извѣстную общую идею, нагляднымъ воплощеніемъ которой оно является.

Если мы сравнимъ явленія природы съ произведеніями живописи и ваенія, то найдемъ, что первыя и по качеству, и по количеству во всѣхъ отношеніяхъ безконечно превосходятъ послѣднія. Искусство безсильно передать природу. У живописца нѣтъ красокъ, чтобы воспроизвести все разнообразіе, блескъ и яркость тоновъ заката, или темную

*) „Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 33.

глубину ночного неба съ его звѣздами, или переливы моря, или всю прелесть окраски насѣкомыхъ, птицъ и цвѣтовъ. Его солнце не свѣтитъ, огонь не горячъ и вода не прозрачна. Его линіи грубы сравнительно съ узорами морозныхъ кристалловъ или нѣжными очертаніями органическихъ формъ. Изображенная имъ буря не передаетъ во всей полнотѣ той идеи стихійнаго могущества, которую внушаетъ это явленіе природы. У музыканта нѣтъ звуковъ, чтобы выразить все, что происходитъ въ душѣ. Художникъ безсиленъ, когда дѣло идетъ даже о предметахъ встрѣчающихся намъ на каждомъ шагу. Но есть другія области, еще болѣе прекрасныя. Микроскопъ обнаружилъ намъ строенія столь изумительныя по своей тонкости и совершенству своихъ формъ, что воспроизвести ихъ совершенно невысказуемо. Если бы человѣкъ искалъ въ искусствѣ только красоты, то ему разумнѣе было бы, совершенно отказавшись отъ искусства, больше отдаться природѣ, ибо, если о художественныхъ произведеніяхъ судить съ точки зрѣнія красоты, они окажутся извращеніями, карриатурами прекраснаго, существующаго въ природѣ.

Высказывается мнѣніе, что произведенія искусства нужны намъ потому, что въ природѣ на ряду съ красивымъ существуетъ много лишняго, даже безобразнаго, вредящаго эстетичности впечатлѣнія. Искусство же передаетъ природу въ очищенномъ, облагороженномъ видѣ.

Но это невѣрно. Въ природѣ, чѣмъ болѣе мы въ нее вникаемъ, тѣмъ менѣе лишняго въ ней оказывается. Съ увеличеніемъ нашего знанія возрастаетъ для насъ закономерность природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея красота, и едва ли кто можетъ находить въ природѣ болѣе эстетическихъ наслажденій, чѣмъ естествоиспытатель. Если бы дѣло шло только объ устраненіи лишняго, то разумнѣе было бы побольше изучать природу, чѣмъ передавать ее на полотнѣ или въ мраморѣ. Съ другой стороны, на картинахъ художниковъ лишняго и безобразнаго еще болѣе, чѣмъ существуетъ, по видимому, въ самой природѣ.

Если мы ищемъ въ картинахъ и статуяхъ красоты, то только потому, что мы ищемъ красоты вездѣ по самому свойству нашей природы. Очертанія нашихъ жилищъ правильны, стѣны и потолки ихъ обиваются узорными обоями или покрываются лѣпными украшениями, фасоны нашихъ платьевъ красивы, сапоги мы чистимъ ваксой, кушанье намъ подаютъ красиво сервированнымъ, даже мелкая утварь расписывается узорами. Нѣтъ ничего удивительнаго, если мы ищемъ красоты и въ произведеніяхъ искусства и художникъ пользуется красотой, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе зрителей. Но если бы искусство существовало только для красоты, оно было бы намъ ненужно, такъ какъ красиваго и безъ него достаточно.

V.

Чтобы сдѣлать теперь для себя ясной общую цѣль или назначеніе искусства, стоитъ только обратиться къ самому его началу, къ грубымъ изображеніямъ дикарей и первобытныхъ народовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что начало искусства одно и то же, что и начало письменности. На первыхъ стадіяхъ развитія они не отличаются другъ отъ друга и иногда текутъ въ одномъ общемъ руслѣ даже весьма значительное время.

Но цѣль письменности ясна. Это тотъ же языкъ, т.е. сообщеніе объ извѣстныхъ фактахъ, ощущеніяхъ, представленіяхъ, идеяхъ одного лица другимъ. Такова же и общая цѣль искусства. *Искусство точно также, какъ слово и письменность, есть передача или выраженіе фактовъ, ощущеній, представленій и идей. Искусство есть своего рода языкъ.*

Отсюда ясно, прежде всего, что искусство, точно также, какъ слово и письменность, есть слѣдствіе и въ то же время орудіе соціальной жизни человѣка, и цѣль его прежде всего соціальная. Если говорятъ иногда, что художникъ рисуетъ прежде всего для себя, и пѣвецъ поетъ въ пустынѣ, то это совершенно невѣрно. Всѣ произведенія искусства создаются

для другихъ, для общества, въ которомъ живутъ художники, музыканты и поэты. Если бы человекъ вель одиночный образъ жизни, для него искусство было бы не нужно, точно также какъ не нуженъ былъ бы языкъ, ибо искусство и языкъ въ общей своей сущности одно и то же.

Если дѣйствительно бывають случаи, что пишутъ картины только для своего собственнаго удовольствія и никому ихъ не показываютъ, сочиняють стихи и ни кому не даютъ ихъ читать, то это есть явленіе вторичное или даже прямое извращеніе. Многіе люди и, особенно, дѣти разговаривають одни, сами съ собой, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы языкъ былъ созданъ для разговора человека съ самимъ собой, а не для передачи своихъ представленій другимъ.

Отсюда ясно также, зачѣмъ намъ нужны даже плохія произведенія искусства. Искусство есть особая форма языка. Какъ бы языкъ ни былъ несовершененъ, какъ бы плохо ни выражалъ онъ то, что должно быть передано, но мы безъ него обойтись не можемъ. Такъ и произведенія искусства. Искусство никогда не можетъ сравниться съ природой, какъ никогда нельзя въ словѣ передать всего въ совершенствѣ, и не потому произведенія искусства нужны человеку, что они красивы, но потому, что человекъ есть существо социальное, имѣющее потребность обмѣниваться съ другими людьми своими представленіями. И рисунокъ на заборѣ, и Сикстинская Мадонна служатъ одной и той же общей цѣли, и все различіе между ними лишь въ содержаніи передаваемого и совершенствѣ передачи.

Различіе между словомъ, письменностью и искусствомъ не въ ихъ сущности, а лишь въ средствахъ передачи или выраженія. Каждое имѣетъ свои преимущества и свои недостатки.

Языкъ собственно заключается въ томъ, что извѣстныя явленія или ихъ совокупности обозначаются условно—или извѣстнымъ жестомъ, въ языкѣ мимическомъ, или извѣстнымъ звукомъ, въ болѣе совершенной формѣ языка—языкѣ словесномъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, если не

всегда, эти жесты и звуки были заимствованы первоначально отъ самихъ предметовъ; доступныхъ нашимъ органамъ чувствъ, и были подражаніемъ ихъ формъ, движенію или звуку, ими производимому. Во всякомъ случаѣ, въ болѣе развитой формѣ языка они обыкновенно теряютъ свой подражательный характеръ и становятся вполне условными знаками, словами, для обозначенія явленій, ощущеній, представленій и идей.

Удобство словъ передъ другими способами выраженія— въ ихъ краткости и удобопримѣняемости. Это самый быстрый, легкій и дешевый способъ интеллектуальнаго сообщенія. Недостатокъ же языка двоякаго рода. Первый состоитъ въ томъ, что разъ слово произнесено, его уже нѣтъ, и говорить можно только съ лицомъ, находящимся на извѣстномъ разстояніи. Рѣчь ограничена во времени и пространствѣ. Этотъ недостатокъ, однако, въ наше время значительно устраняется при посредствѣ телефоновъ и фонографовъ, такъ что нашимъ потомкамъ съ нимъ, вѣроятно, считаться не придется. Другой, болѣе существенный недостатокъ рѣчи заключается въ томъ, что слова всегда имѣютъ общій характеръ, обозначаютъ понятія, а не индивидуальныя предметы, или, вѣрнѣе сказать, это суть лишь символы для обозначенія всѣхъ сходныхъ предметовъ. „Человѣка“ вообще нѣтъ, и общихъ понятій, какъ таковыхъ, въ реальной дѣйствительности не существуетъ. „Человѣкъ“ есть условное обозначеніе Петра, Ивана и всѣхъ другихъ тождественныхъ съ ними существъ. Чтобы сообщить что-либо объ индивидуальномъ предметѣ, его всегда надо описывать, и тѣмъ не менѣе такое описаніе никогда не можетъ быть доведено до сколько-нибудь полного совершенства. Словесный языкъ всегда имѣетъ нѣкоторый характеръ отвлеченности. Это поѣздъ мысли, мчащійся съ такой быстротою, что подробности предметовъ нами не различаются.

Письменность въ ея нѣсколько болѣе развитомъ видѣ, когда она отдѣлилась уже отъ искусства въ собственномъ смыслѣ, имѣетъ двѣ формы: одна, менѣе совершенная, состоитъ въ условномъ обозначеніи самихъ явленій и пред-

ставлений посредством зрительныхъ знаковъ на поверхности; другая, болѣе совершенная, состоитъ въ условномъ обозначеніи посредствомъ зрительныхъ знаковъ на поверхности не прямо явленій, но лишь извѣстныхъ звуковъ, изъ которыхъ слагается названіе предмета или дѣйствія, такъ что тотъ, кто видитъ такіе знаки или буквы, воспроизводитъ мысленно или устно соответствующіе имъ звуки, то-есть разговорный языкъ, и отсюда узнаетъ о томъ, что написано. Преимущество такой письменности передъ первымъ родомъ ея, письмомъ идеографическимъ, заключается въ единствѣ языка письменъ съ языкомъ словъ. Всѣ слова произносимыя образуются изъ сочетанія немногихъ звуковъ; соответствующія имъ слова въ письмѣ образуются изъ сочетанія вообще столькихъ же соответствующихъ имъ зрительныхъ знаковъ или буквъ; сочетанія словъ въ фразы и грамматика въ обоихъ случаяхъ одинаковы, между тѣмъ какъ письмо идеографическое, по сравненію съ языкомъ разговорнымъ, является языкомъ совершенно новымъ, со своимъ особеннымъ словаремъ и грамматикой. Чтобы выучиться писать такъ, какъ мы пишемъ, достаточно выучить буквы; научиться же идеографическому письму то же, что выучиться языку совершенно новому.

Всякое письмо можно прочесть, то-есть перевести зрительные знаки въ соответствующія слова. Но не все, выражаемое посредствомъ звуковъ, можно написать. Это потому, что въ языкѣ есть нѣкоторый элементъ, не передаваемый буквами, а именно интонація. Интонація есть въ сущности выраженіе ощущеній посредствомъ нечленораздѣльныхъ звуковъ: криковъ, стона, вопля, смѣха, шипѣнія, а также оттѣнка, придаваемаго произносимымъ словамъ, повышенія или пониженія голоса, ускоренія или замедленія рѣчи, ея плавности или порывистости и т. д. Нашъ разговорный языкъ всегда слагается изъ этихъ двухъ элементовъ: словъ и интонаціи. Въ письмѣ слова передаются вполнѣ, но интонація выражается лишь весьма несовершенно, въ формѣ удареній, поставленныхъ надъ отдѣльными словами,

красныхъ строкъ, знаковъ препинанія, подчеркиванья и т. д. или же описательно при помощи другихъ словъ: „да?“ спросилъ онъ улыбаясь; „нѣтъ!“ отвѣтила она съ негодованіемъ.

Если слова имѣютъ характеръ условный и изобрѣтаются болѣе или менѣе сознательно, то интонація, или, вообще, выраженіе ошущеній посредствомъ нечленораздѣльныхъ звуковъ или оттѣнковъ въ голосѣ въ значительной мѣрѣ безсознательна и имѣетъ характеръ природный. Это языкъ, болѣе или менѣе общій не только для всего человѣчества, но и для многихъ высшихъ животныхъ, языкъ которыхъ есть въ сущности только языкъ интонаціи. Не понимая рѣчи чуждаго народа, мы понимаемъ его интонацію, мы понимаемъ также вытье собаки, ея радостный лай или рычаніе. Мало того,—свои собственныя ошущенія мы выражаемъ подобными же звуками, какъ и собака. У человѣка интонація достигаетъ лишь несравненно болѣе высокаго развитія, чѣмъ у животныхъ, но въ письмѣ она, какъ было сказано, вообще не передается.

Въ настоящее время изобрѣтены инструменты, фонографы, которые записываютъ не только слова, но и интонацію, и нѣтъ сомнѣнія, что въ ближайшемъ будущемъ они получатъ весьма широкое примѣненіе. Однако, какъ бы ни были они усовершенствованы, они никогда не замѣнятъ пера, пишущей машины и печатнаго станка, если бы даже былъ изобрѣтенъ способъ воспроизведенія записаннаго на цилиндрикѣ фонографа въ большомъ количествѣ и съ быстротою печатнаго станка. Это по той причинѣ, что во многихъ случаяхъ передача интонаціи не только является лишней, но и прямо вредила бы дѣлу, внося личный элементъ. Не все ли равно, установленъ ли законъ всемірнаго тяготѣнія Ньютономъ или другимъ ученымъ и дана ли заповѣдь любви къ ближнему Христомъ или кѣмъ другимъ? Но если бы законъ тяготѣнія или заповѣдь любви были переданы намъ при посредствѣ фонографа, личность ихъ автора могла бы заслонять собою сущность дѣла. Поскольку слово служить общимъ интересамъ человѣчества—наукъ, морали и отвлечен-

ной мысли, въ фонографахъ нѣтъ необходимости, и въ этомъ отношеніи письмо, имѣя болѣе отвлеченный или, вѣрнѣе, безличный характеръ, не только вполне замѣняетъ живое слово, но и имѣетъ предъ нимъ преимущество большей объективности.

Искусство, и прежде всего живопись и музыка, состоитъ въ передачѣ представленій посредствомъ воспроизведенія самихъ чувственныхъ образовъ, вызывающихъ соотвѣтствующія представленія. Слово, написанное или произнесенное, передаетъ только общее понятіе о предметѣ, или, вѣрнѣе говоря, оно есть только символъ предмета, общій ему съ другими однородными предметами. Индивидуальный предметъ можетъ быть описанъ только при посредствѣ многихъ словъ и то лишь весьма приблизительно. Въ такомъ случаѣ общее понятіе лишь опредѣляется другими общими понятіями, но никогда не можетъ достигнуть степени чувственного образа; въ искусствѣ же, живописи и скульптурѣ, воспроизводится самый образъ предмета, вызывающій точно такое же зрительное впечатлѣніе, какъ и самый предметъ. Въ живописи этотъ образъ воспроизводится на поверхности такъ, какъ онъ былъ бы видимъ при разсмотрѣніи съ одной точки. Въ скульптурѣ воспроизводится его форма въ тѣлесномъ образѣ, такъ что ее можно разсматривать со всѣхъ сторонъ.

Огромное преимущество образнаго искусства предъ рѣчью письменной или устной состоитъ въ томъ, что оно до известной степени замѣняетъ самые предметы, о которыхъ рассказываетъ, между тѣмъ какъ слово ихъ только символизируетъ. Если я никогда не видалъ какого-либо человѣка, я могу получить ясное представленіе объ его физиономіи, когда мнѣ ее нарисуютъ; но какъ ни описывайте мнѣ его, я никогда не буду въ состояніи ясно представить себѣ его. Самое живое описаніе имѣетъ сравнительно съ рисункомъ характеръ мертвенности. Искусство есть живой языкъ ощущеній, а слово—языкъ холодныхъ понятій. Понятія имѣютъ свой корень въ ощущеніяхъ и, будучи отвлечены

отъ нихъ, теряютъ свою жизненность, а часто и смыслъ. Ощущенія, не связанныя понятіями, не разложенныя, такъ сказать, по ящичкамъ словъ и не объединенныя, не могутъ служить ни достаточно прочнымъ руководствомъ для чело- вѣческой дѣятельности, ни надежной опорой для знанія. Искусство нужно для человѣка, поскольку онъ долженъ всегда къ природѣ обращаться за матеріаломъ для своей мысли, стоять съ ней въ живомъ общеніи, чтобы его мысль не сдѣлалась мертвенной, и облекать свои общія идеи въ конкретные образы, какъ бы свѣряя ихъ съ самой природой.

Искусство не есть роскошь, а есть потребность — потребность обращаться къ природѣ, какъ къ неизсякаемому источнику плодотворной мысли. У однихъ народовъ эта потребность развита сильнѣе, и ихъ складъ мышленія всегда отличается реальностью и образностью. Таковы были античные народы, греки и римляне, таковы итальянцы съ эпохи возрожденія, у которыхъ натурализмъ и искусство были искусственно придушены въ теченіе среднихъ вѣковъ мистикой, аскетизмомъ и фальшивыми авторитетами. У другихъ народовъ, напротивъ, сильнѣе развита отвлеченная мысль, дѣлающая ихъ производительными въ области науки и общихъ теорій, но нерѣдко становящаяся, когда она отрѣшается отъ природы, бесплодной и туманной. Таковы нѣмцы, у которыхъ живопись и скульптура никогда не стояли высоко и были склонны къ аллегоріи, то-есть принимали словесный характеръ. Что касается до нашего народа, русскихъ, то лишь за послѣднее время русская живопись начинаетъ обращать на себя вниманіе и принимаетъ ясно выраженный реальный характеръ даже до натурализма довольно низкаго качества. Такая близость къ природѣ можетъ служить задаткомъ плодотворности русскаго искусства въ будущемъ, тѣмъ болѣе что она идетъ объ руку съ реализмомъ и въ другихъ областяхъ. Русскій романъ имѣетъ совершенно реальный характеръ. Русскіе натуралисты за- няли видное мѣсто на ряду съ западно-европейскими уче-

ными, между тѣмъ какъ въ области богословія и метафизики Россія ничего не произвела, кромѣ посредственности. Въ этомъ лежитъ рудательство, что ея интеллектуальная дѣятельность растетъ на здоровой почвѣ, не смотря на всѣ старанія заразить ее.

VI.

Всякій родъ языка,—слово, письменность и искусство,—имѣетъ свои преимущества и свои недостатки. Преимущество живописи и скульптуры передъ словомъ—въ живости изображенія. Недостатокъ ихъ въ томъ, что далеко не все доступное слову доступно и образному искусству. Въ немъ могутъ быть переданы только тѣ представленія, которыя имѣютъ для себя конкретную зрительную форму; иными словами—лишь то, что мы можемъ видѣть.

Область такихъ явленій громадна. Зрѣніе вмѣстѣ съ осязаніемъ есть наше главное внѣшнее чувство. Человѣкъ, лишенный вкуса, обонанія почти ничѣмъ не отличается отъ нормального человѣка. Чувственный и умственный горизонтъ глухого уже значительно уже, но можетъ быть весьма расширенъ при помощи зрѣнія; для глухого открыто еще большинство сторонъ человѣческой жизни. Слепой есть калѣка, въ полномъ смыслѣ слова, и для него закрыты вся прелесть природы, всѣ образныя искусства, вся естественная наука и значительная часть общественной жизни. Случаевъ полного отсутствія осязанія мы не знаемъ, и такъ какъ осязаніе и зрѣніе всегда идутъ объ руку, то большинство осязательныхъ представленій можетъ быть передано при посредствѣ зрительныхъ образовъ. Такъ, Верещагинъ прекрасно передалъ на своихъ картинахъ красками жару азіатскихъ степей. Гладкое есть представленіе зрительное въ такой же мѣрѣ, какъ и осязательное и т. д. То же относится до нѣкоторой степени и къ звуковымъ впечатлѣніямъ. Весьма многіе звуки могутъ быть, такъ сказать, нарисованы чрезъ изображеніе тѣхъ движеній, которыя имъ сопутствуютъ или ихъ производятъ. Іоаннъ Грозный на картинѣ Рѣ-

пина дѣйствительно кричить. Словомъ, благодаря тому, что зрительныя впечатлѣнія ассоціируются съ большинствомъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ черезъ другія чувства, почти все, что доступно для внѣшнихъ чувствъ, можетъ быть передано при посредствѣ зрительныхъ образовъ.

Но этого мало. Внутреннія состоянія также могутъ съ успѣхомъ передаваться при посредствѣ чувственныхъ образовъ.

Собственно говоря, передать наши внутреннія состоянія мы не можемъ даже и словомъ. Слово есть символъ. Чтобы сдѣлать символъ понятнымъ, надо его объяснить, то-есть указать, что онъ обозначаетъ. Указать значитъ обратиться къ посредству внѣшнихъ чувствъ. Иначе говоря, выражать внутреннія состоянія непосредственно слово не можетъ, ибо внутреннія состоянія не подлежатъ воспріятію чрезъ внѣшнія чувства. Но наши внутреннія состоянія имѣютъ для себя выраженіе во внѣшнихъ дѣйствіяхъ: крикѣ, мимикѣ, тѣлодвиженіяхъ. Зная, что наши внутреннія состоянія сопровождаются внѣшними движеніями, и видя подобныя движенія, производимыя другимъ человѣкомъ или животными, мы заключаемъ о тѣхъ внутреннихъ состояніяхъ посторонняго намъ существа, которыя лежатъ въ ихъ основѣ. Надо думать, что слова, служащія для обозначенія внутреннихъ состояній, обозначали первоначально или внѣшнія проявленія этихъ состояній, или ихъ внѣшнія причины. Такъ какъ тѣ и другія имѣютъ матеріальный характеръ, то они могутъ быть переданы и въ живописи, и дѣйствительно мы видимъ, что живопись и скульптура изображаютъ такимъ образомъ внутреннія состоянія ничуть не хуже, чѣмъ они передаются словомъ.

Короче говоря, почти весь міръ матеріальныхъ явленій самихъ по себѣ и міръ матеріальныхъ явленій, поскольку они служатъ выраженіемъ внутреннихъ состояній, доступны для изображенія въ живописи и скульптурѣ, но лишь съ однимъ весьма важнымъ ограниченіемъ. Живопись и скульптура воспроизводятъ предъ нами чувственно-кон-

кретные образы въ предѣлахъ, доступныхъ зрѣнію, то-есть въ предѣлахъ извѣстнаго разстоянія и угла зрѣнія. Нельзя нарисовать, что на сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко сосна, а на югѣ прекрасная пальма растетъ. Такія сопоставленія доступны для слова, но не для образныхъ искусствъ. И далѣе, если явленіе измѣняется, то въ каждый моментъ своего измѣненія оно имѣетъ уже иной образъ, который можетъ быть изображенъ на картинѣ; но послѣдовательность во времени такихъ измѣненій на одной и той же картинѣ изобразить невозможно. Дѣйствіе можетъ быть передано лишь постольку, поскольку оно выражается въ предѣлахъ одного момента, то-есть поскольку оно характеризуется не послѣдовательностью явленій, а положеніемъ предметовъ и ихъ частей въ пространствѣ въ отдѣльный моментъ времени. Единство въ пространствѣ и времени суть основные законы для живописи и скульптуры.

Таковы рамки, налагаемая самой сущностью образныхъ искусствъ на доступное ихъ изображенію въ области явленій матеріальныхъ и внутреннихъ состояній, поскольку они выражаются въ первыхъ.

Посмотримъ теперь, насколько способны образныя искусства передавать, сравнительно съ словомъ, общія понятія, идеи.

Отвлеченныя понятія, само собою понятно, какъ таковыя, совершенно недоступны для образныхъ искусствъ, передающихъ лишь конкретные образы, самые предметы, а не отвлеченія отъ предметовъ. Отвлеченное понятіе можетъ быть передано, лишь поскольку оно выражается въ конкретныхъ матеріальныхъ явленіяхъ. вмѣсто того, чтобы говорить: „человѣкъ, т.-е. Иванъ, Петръ, Степанъ и всѣ другія сходныя съ ними существа“, какъ это подразумѣвается въ словесной рѣчи,—живопись говоритъ: „человѣкъ, напримѣръ—Иванъ“. Такой способъ выраженія идеи посредствомъ примѣровъ, если имъ пользуются умѣло, не уступаетъ однако рѣчи посредствомъ словъ, т.-е. символовъ для всѣхъ сходныхъ предметовъ. На потолкѣ Сикстинской капеллы Ми-

кель Анжело передалъ идею всемогущества съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ она трактуется во многихъ богословскихъ сочиненіяхъ. Извѣстна также идея, выраженная имъ въ Ночи на гробницѣ Медичей: „мнѣ пріятенъ сонъ и еще пріятнѣе быть камнемъ: не видѣть, не слышать я должна считать счастьемъ, пока страна подавлена несчастіемъ и позоромъ. Поэтому не буди меня, говори тише и иди прочь“. И вообще вся эпоха Возрожденія есть эпоха идейнаго искусства.

Но не всѣ идеи могутъ передаваться искусствомъ въ чувственно конкретныхъ образахъ, а лишь тѣ, которыя представляютъ собою отвлеченія отъ явленій, доступныхъ для живописи или скульптуры. Такъ, не могутъ особенно передаваться въ образныхъ искусствахъ всѣ идеи, включающія въ себѣ элементъ времени. Нельзя нарисовать картину на тему „Причины французской революціи“. Можно изобразить какой-либо сюжетъ, характеризующій упадокъ французскаго двора, или Вольтера, сидящаго въ креслѣ и пишущаго, но безъ подписи не будетъ ясно, что упадокъ двора и сочиненія Вольтера стояли въ причинномъ отношеніи къ французской революціи. Ибо причинность есть связь во времени, а послѣдовательность во времени на полотнѣ изображена быть не можетъ. Нельзя нарисовать, что $2 \times 2 = 4$, даже въ какой-либо чувственно конкретной формѣ, напримѣръ, въ видѣ апельсинъ, ибо всякое математическое положеніе есть результатъ счета, происходящаго во времени. Нельзя нарисовать, что объемъ газа обратно пропорціоналенъ давленію, подъ которымъ онъ находится, ибо здѣсь мы имѣемъ сравненіе, происходящее во времени, и т. п.

Далѣе, тотъ или другой образъ, какъ бы живъ онъ ни былъ, еще нисколько не предполагаетъ своего существованія. Дерево, которое мы видимъ во снѣ, и дерево, которое мы видимъ въ дѣйствительности, какъ представленія, какъ чувственные образы, ровно ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются. О реальности одного и призрачности дру-

гого мы заключаемъ по совершенно другимъ основаніямъ. Отсюда ясно, что живопись и скульптура, давая образы, нисколько не говорятъ этимъ, что вещи, имъ соотвѣтствующія, существуютъ въ дѣйствительности. Идея существованія въ образныхъ искусствахъ не передается. Нарисовать сирену не значитъ утверждать ея существованіе.

Точно также нельзя нарисовать утвержденія и въ аподиктической формѣ, т.-е. нравственной заповѣди или какого бы то ни было совѣта, приказанія и т. д. Нельзя нарисовать: „люби ближняго своего какъ самого себя“. Можно изобразить Христа, дающаго заповѣдь своимъ ученикамъ, но отсюда еще не будетъ вытекать ни то, что Христосъ дѣйствительно далъ заповѣдь, ни точный смыслъ самой заповѣди, ни то, что ей должно слѣдовать. Картины и статуи, также какъ и другія произведенія искусства, ровно ничего не доказываютъ и доказывать не могутъ.

Наряду съ отвлеченными представленіями должно поставить представленія сверхчувственные или духовныя, наприм., Богъ, душа и т. д. Какъ предметы нематеріальные, недоступныя органамъ чувствъ, они, разумѣется, не могутъ быть переданы и въ образныхъ искусствахъ, развѣ символически, въ образѣ старика, маленькаго человѣчка и т. д. Но, собственно говоря, понятія сверхчувственные не могутъ быть переданы и словомъ. Слово есть символъ, подлежащій объясненію черезъ обращеніе къ внѣшнимъ органамъ чувствъ, которымъ доступно только матеріальное. Отсюда понятно, почему слова, служащія для выраженія самыхъ духовныхъ вещей, въ основѣ своей совершенно матеріалистичны. Самое слово „духъ“ происходитъ отъ слова „дунуть“, т.-е. сложить губы въ трубку и пропустить черезъ нихъ воздухъ изъ легкихъ. Отсюда, между прочимъ, понятно также, что всякая діалектика, въ основу которой положенъ разборъ смысла словъ, неизбѣжно должна привести къ матеріализму и феноменализму.

Итакъ, въ образныхъ искусствахъ могутъ передаваться только факты конкретные, поскольку они умѣщаются въ

ограниченномъ пространствѣ и не заключаютъ въ себѣ элемента времени, и идеи, поскольку онѣ выражаются конкретно въ такихъ явленіяхъ.

VII.

Мы уяснили себѣ, что можетъ передавать образное искусство. Теперь возникаетъ вопросъ, что оно должно передавать, какимъ цѣлямъ оно должно служить. Есть ли это цѣль религіозная, или простое воспроизведеніе природы, или нравственное и физическое усовершенствованіе человѣчества и т. д.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не труденъ. Искусство есть особый родъ языка, и цѣль его та же, что и цѣль языка. Но у языка одна цѣль—передача, безотносительно къ тому, что передается. Какъ слово можетъ быть употреблено для религіозной проповѣди, политической пропаганды, научной лекціи, разсказа объ историческомъ происшествіи, сообщенія пикантнаго анекдота или ругательства, такъ и искусство можетъ служить всѣмъ подобнымъ цѣлямъ. Совершенство произведенія искусства не въ томъ, что оно изображаетъ, а въ томъ, какъ оно изображаетъ. Какъ есть плохія богословскія сочиненія, также есть и никуда негодныя религіозныя картины; изящнымъ разсказамъ Мопассана соответствуютъ и по содержанію, и по исполненію картины современныхъ французскихъ художниковъ, и на заборахъ нашихъ городовъ рядомъ съ крѣпкими словами красуются и ихъ живописныя поясненія. Все это произведенія искусства. Во всемъ этомъ находятъ своеобразное выраженіе тѣ представленія и идеи, которыя насъ занимаютъ, и которыя мы находимъ интереснымъ сообщать другъ другу. Кромѣ самой передачи, у искусства нѣтъ другой цѣли, и художникъ въ выборѣ своихъ сюжетовъ ничѣмъ не связанъ, лишь бы его темы были выполнимы согласно указаннымъ выше условіямъ. Художникъ есть выразитель тѣхъ интересовъ и идей, которыя бродятъ въ обществѣ; его назначеніе чисто-соціальное—удовлетвореніе потребности облекать представ-

ленія въ конкретную форму. Для этого только художники намъ и нужны. Чтобы удовлетворять этому назначенію, искусство должно быть, во-первыхъ, дѣйствительнымъ и полнымъ выраженіемъ интересовъ даннаго общества и даннаго времени и, во-вторыхъ, выражать соотвѣтствующія представленія хорошо. Требованій, которымъ *должно* удовлетворять *всякое* произведеніе искусства, конечно нѣтъ, какъ нѣтъ требованій, которымъ долженъ удовлетворять всякій языкъ. Но существуютъ условія, соотвѣтственно выполненію которыхъ художественное произведеніе можетъ быть грубымъ лепетомъ дикаря или ребенка, несвязнымъ словоизверженіемъ пьянаго или рѣчью искуснаго оратора.

Всякое произведеніе образнаго искусства есть своего рода разсказъ, и, чтобы быть разсказано хорошо, оно должно удовлетворять условіямъ всякаго хорошаго разсказа.

VIII.

Всякое произведеніе искусства есть разсказъ въ чувственныхъ образахъ кого-нибудь кому-нибудь о чемъ-нибудь. Этимъ опредѣляются пять главныхъ условій совершенства произведеній искусства.

Произведеніе искусства есть разсказъ. Это есть разсказъ на опредѣленную тему. Также какъ и въ обыкновенномъ словесномъ разсказѣ, въ немъ должны быть извѣстная связь и единство, особое вниманіе должно быть обращено на главное, мелочи должны передаваться лишь постольку, поскольку онѣ характеризуютъ главный предметъ разсказа, ибо въ противномъ случаѣ получится простая болтовня, а не разсказъ, въ которомъ всегда должна быть извѣстная цѣльность и органичность. *Цѣльность и органичность* суть такимъ образомъ условія совершенства художественнаго произведенія, поскольку оно есть разсказъ.

Это есть разсказъ *въ чувственныхъ образахъ*, и въ немъ можетъ быть разсказано только то, что можетъ быть и поскольку можетъ быть передано въ чувственно-конкретныхъ

образахъ, и при томъ умѣщающихся въ опредѣленный уголь зрѣнія и одинъ моментъ времени. Объ этомъ уже было достаточно говорено выше. *Конкретность* произведенія живописи и скульптуры есть условіе его совершенства. Если художникъ хочетъ передать общую идею, онъ долженъ воплотить ее въ индивидуальную тѣлесную форму; онъ долженъ поступать какъ Мененій Агриппа, облакающей передъ римскими плебеями свою защиту капитализма въ форму басни о желудкѣ и членахъ человѣческаго тѣла. Онъ долженъ поступать какъ Микель Анжело, воплотившій въ своемъ Давидѣ призывъ къ возстанію за поработленную свободу, или въ своей Ночи и Утрѣ—позоръ угнетенія. Если живописецъ хочетъ передать отвлеченную идею болѣе непосредственно, ему остается прибѣгнуть къ помощи аллегоріи. Аллегорія есть въ сущности то же слово, но только менѣе совершенное. Слово есть также языкъ, служащій для передачи представленій, но это—другой языкъ, чѣмъ чувственные образы. Живописецъ-аллегористъ подобенъ человѣку, который въ свой рассказъ вдругъ вставляетъ ни съ того, ни съ сего иностранныя фразы. Гёте говорилъ, что весь его талантъ заключается въ умѣнїи писать по-нѣмецки. Точно также и геній всякаго художника заключается въ умѣнїи говорить на соответствующемъ языкѣ.

Художественное произведеніе есть рассказъ *о чемъ-нибудь*, и то, что въ немъ рассказывается, должно быть передано точно, его образы должны быть *вѣрны природѣ*. Это не значить, что искусство должно быть только подражательно, только воспроизводить природу, но что та тѣлесная форма, въ которой оно передаетъ свои представленія, хотя бы послѣднія были чистыми фантазіями, должна быть естественна. Къ этому вопросу мы вернемся далѣе нѣсколько подробнѣе.

Это есть рассказъ *какою-нибудь*. Рассказъ хорошъ тогда, когда онъ не только передаетъ извѣстные факты, вѣрно описываетъ извѣстную мѣстность, человѣка, сцену и т. д., но когда въ немъ выражено кромѣ того отношеніе самого рассказчика къ описываемому. Такое отношеніе выражается

уже въ выборѣ сюжета и отношеніи къ подробностямъ, въ указаніи на то, что рассказчикъ считаетъ главнымъ въ рассказѣ и т. д. *Субъективное отношеніе*, выраженное въ образахъ, передаваемыхъ объективно, т. - е. вѣрно съ дѣйствительностью, есть не только не недостатокъ, но условіе совершенства художественнаго произведенія. Искусство есть явленіе соціальной жизни, и чѣмъ большую часть себя воплощаетъ художникъ въ своихъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе онъ служитъ своему назначенію. Съ этимъ связанъ вопросъ о тенденціозности произведеній искусства, который мы также разберемъ далѣе, въ общихъ чертахъ, отдѣльно.

Наконецъ, художественное произведеніе есть рассказъ, передаваемый *кому-нибудь*. Картины пишутся затѣмъ, чтобы ихъ смотрѣли, и зритель предъявляетъ къ художнику свои требованія. Его рассказъ долженъ привлекать къ себѣ вниманіе, и потому онъ долженъ быть облеченъ въ занимательную форму. Одинъ умѣетъ рассказать самый простой случай такъ, что его слушаютъ съ удовольствіемъ, другой читаетъ лекцію о самыхъ важныхъ предметахъ до такой степени скучно, что слушатели бѣгутъ изъ аудиторіи. Заиканіе, растянутасть, напыщенность, туманность изложенія, вымученность такъ же несносны въ искусствѣ, какъ и въ повседневной жизни. Хорошая картина, какъ и хорошій рассказъ, *ясна, проста и красива по формѣ*. Красота, какъ было указано раньше, не составляетъ цѣли искусства, но есть условіе его совершенства; при помощи красоты художникъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе зрителей и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ можетъ проводить свои идеи.

Обобщая все вышесказанное и имѣя въ виду изложенный ранѣе взглядъ на сущность красоты, можно сказать, что совершенство произведеній искусства опредѣляется ихъ красотой,—органической, поскольку это есть рассказъ,—физической или красотой формы, поскольку это есть рассказъ кому-нибудь,—идейной, поскольку это есть рассказъ кого-нибудь, и ихъ естественностью и конкретностью, поскольку это есть рассказъ въ образахъ о чемъ-нибудь.

Въ заключеніе повторяю еще разъ, что это не суть требованія, которымъ должно удовлетворять всякое произведеніе искусства, чтобы быть искусствомъ, но лишь условія его совершенства, его, какъ говорятъ, художественности. Если произведеніе искусства не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ условій, это не мѣшаетъ ему оставаться произведеніемъ искусства. Если амеба не имѣетъ органовъ человѣка, это не мѣшаетъ ей оставаться животнымъ. Такія произведенія искусства, будучи крайне несовершенными, тѣмъ не менѣе остаются передачами извѣстныхъ представленій въ чувственныхъ образахъ. Сущность ихъ остается та же и, не будучи осложнена побочными обстоятельствами, часто выражается даже съ тѣмъ большею ясностью. Какъ я замѣтилъ раньше, рисунокъ на заборѣ можетъ яснѣе говорить о сущности искусства, чѣмъ Сикстинская Мадонна, какъ ни парадоксально это можетъ показаться на первый взглядъ. И главный недостатокъ большинства существующихъ эстетикъ заключается въ томъ, что онѣ точкой отправленія берутъ произведенія искусства, по мнѣнію автора наиболѣе совершенныя, точно также какъ было время, когда учебники зоологіи писались примѣнительно къ человѣку.

IX.

Изъ изложенныхъ выше условій совершенства художественныхъ произведеній я остановлюсь здѣсь нѣсколько подробнѣе на вѣрности природѣ и субъективномъ отношеніи къ ней художника.

Вѣрность природѣ есть понятіе весьма относительное. Вѣрность природѣ есть въ сущности вѣрность тому, что мы видимъ въ природѣ или на что обращаемъ вниманіе. Моментальныя фотографіи бѣгущей лошади съ художественной точки зрѣнія не вѣрны природѣ, ибо мы никогда лошадь въ такихъ положеніяхъ не видимъ, не будучи въ состояніи различить ихъ. Но въ одно время на природу обращается большее вниманіе, въ другое—меньшее; то, что казалось совер-

шенно естественнымъ сегодня, будетъ казаться неестественнымъ завтра. Въ средніе вѣка, подъ гнетомъ мистицизма, когда идеаломъ челоуѣка былъ святой съ изможденнымъ, полувисохшимъ тѣломъ, земная жизнь считалось проклятіемъ первороднаго грѣха, и живопись имѣла исключительно религіозный характеръ, понятія объ естественности были самыя примитивныя. Достаточно было, чтобы у челоуѣка было нарисовано двѣ руки, двѣ ноги, съ пятью пальцами на каждой, лицо съ выпученными глазами въ видѣ миндалинъ, длиннымъ носомъ въ формѣ сапога и мочалой вмѣсто волосъ. Фигуры были уродливыя и мертвыя, съ вывихнутыми шеями и конечностями, вытянутыя какъ палки, дабы черезъ худобу тѣлесную указать на тучность духовную. Цвѣтъ тѣла передавался условно темною краской цвѣта копченой рыбы; о полутонахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія; драпировка изображалась также условно. И этого было достаточно. Такія изображенія считались совершенно естественными, ибо въ нихъ на грѣшное тѣло было обращено ровно столько вниманія, сколько оно по тогдашнимъ понятіямъ заслуживало. Извращенное религіозное чувство не позволяло провести ни одной болѣе естественной земной черты.

Что понятіе естественности есть понятіе относительное, и вѣрность природѣ со стороны художника должна оцѣниваться не столько сама по себѣ, сколько по сравненію съ ему предшествующимъ и современнымъ состояніемъ искусства, это показываетъ сравненіе фресокъ двухъ религіозныхъ живописцевъ—Джіотто и Васнецова *). Мнѣ приходилось неоднократно слышать, что Васнецовъ въ своихъ фрескахъ для

*) Редакція, не признавая себя въ правѣ стѣснять своихъ сотрудниковъ въ свободѣ выраженія ихъ мнѣній, считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ долгомъ открыто заявить, что она вовсе не раздѣляетъ высказанныхъ въ настоящей статьѣ взглядовъ на нашего высокодаровитаго художника В. М. Васнецова, произведенія котораго, по мнѣнію редакціи, отмѣнены печатью совершенно самобытнаго творческаго генія, и по полету художественнаго замысла, величію религіозно-поэтическаго вдохновенія и поразительной своеобразности и красотѣ колорита не имѣютъ себѣ равныхъ во всей живописи нынѣшняго вѣка.

Владимірскаго собора въ Кіевѣ, которыя извѣстны мнѣ по картонамъ и эскизамъ въ Третьяковской галлерей, является своего рода Джіотто, и дѣйствительно въ этихъ фрескахъ есть нѣчто общее съ Джіотто. Стремленіе назадъ, къ Джіотто, не есть впрочемъ въ данномъ случаѣ явленіе исключительное, такъ какъ оно обнаруживается за послѣднее время также и во французской живописи, откуда перешло и къ намъ.

Джіотто былъ великій художникъ, особенно по органичности своихъ произведеній, по простотѣ и ясности выраженія глубокой религіозной мысли. Въ то же время сравнительно съ современной ему и предшествовавшей религіозною живописью это былъ глубокой натуралистъ. Его фигуры остались правда почти такими же условно деревянными, но онѣ ожили, ихъ движенія стали сильны и реальны.

У Васнецова (какъ и французскихъ джіоттистовъ) мы имѣемъ приблизительно то же самое. Это фигуры византійской иконописи, съ такими же худыми и длинными членами, условно сложенными перстами, темнымъ цвѣтомъ тѣла, мокрыми простынями вмѣсто одежды, но онѣ не стоятъ неподвижно въ традиціонныхъ позахъ, — движенія ихъ сильны до рѣзкости, въ византійское письмо внесень совершенно чуждый ему элементъ—чувство и страсть. Тотъ же самый характеръ изображенія, который у Джіотто былъ шагомъ впередъ, у Васнецова является шагомъ назадъ. Фигуры Джіотто сравнительно съ раннею живописью кажутся особенно жизненными, у Васнецова онѣ производятъ впечатлѣніе двигающихся маріонетокъ или труповъ, поставленныхъ въ позы. Джіотто занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду художниковъ Возрожденія, Васнецовъ проявилъ въ своихъ фрескахъ только свое незнаніе человѣческаго тѣла. Это художникъ безспорно талантливый, но рисовать какъ слѣдуетъ онъ не учился и старался прикрывать свое невѣжество сначала выборомъ фантастическихъ темъ, въ которыхъ можно выдумывать, что угодно, изображать несуществующіе пейзажи съ лазоревыми цвѣтами, какъ

въ Иванъ-царевичѣ на сѣромъ волкѣ и т. д.; теперь же онъ скрываетъ свое неумѣнье рисовать человѣческое тѣло подъ личиной особаго направленія въ религиозной живописи. Его неумѣнье рисовать особенно проявляется въ томъ, какъ онъ рисуетъ руки—для живописца самую трудную часть въ человѣческомъ тѣлѣ. Раньше онъ изображалъ ихъ въ рукавицахъ (Иванъ-царевичъ, Богатырь на распутьи), теперь онъ передаетъ ихъ совершенно условно, по византійскому типу. Это неумѣнье рисовать человѣческое тѣло, вѣроятно, и заставило его въ концѣ концовъ перейти на религиозную живопись.

Столь же неестественнымъ является направленіе современныхъ рафаэлистовъ, направленіе, которое у насъ существовало въ академической періодъ нашей живописи и теперь почти забыто, но еще продолжается въ довольно сильной степени у нѣмцевъ и въ Италиі. У Рафаэля есть чему поучиться, но въ смыслѣ вѣрности природѣ позднѣйшая живопись сильно ушла впередъ. Это касается главнымъ образомъ колорита. Прогрессъ живописи совершался такимъ образомъ, что сначала стали обращать большее вниманіе на форму; живопись, такъ сказать, оскульптурилась, но колоритъ остался еще прежній, только краски стали ярче и гармоничнѣе. Далѣе, и общій цвѣтъ одежды и особенно человѣческаго тѣла сталъ передаваться вѣрнѣе, но въ полутонахъ еще далеко не было того разнообразія и той естественности, какою мы имѣемъ въ живописи, начиная съ эпохи Тиціана.

О томъ, какъ художникъ относился въ разное время къ природѣ, всего лучше свидѣтельствуется то, какъ онъ писалъ свои картины. А это всего замѣтнѣе въ неоконченныхъ картинахъ. Старые мастера (сравни, напримѣръ, Фра Бартоломео—*La vergine col bambino e santi*, а также Рафаэля—*La madonna detta del Baldochino* въ Питти во Флоренціи) сначала рисовали очень тщательно контуръ; затѣмъ тщательно накладывали тѣни и полутоны коричневою краской. Наконецъ, картины, что называется, раскрашивались, т.-е.

покрывались въ цвѣтахъ и полутонахъ общимъ тономъ, накладывался румянецъ яблоками, въ тѣняхъ же оставалась наложенная ранѣе коричневая краска. Женское и мужское тѣло, молодое и старое, по колориту не отличались. Была одна „тѣлесная“ краска, которой всѣ они и расписывались. При передачѣ одеждъ обращалось также главное вниманіе на складки; цвѣтъ ихъ былъ простой—красный, синій, желтый, зеленый, малиновый со слабымъ различіемъ въ оттѣнкахъ. Только въ свѣтахъ краски брались обыкновенно желтѣе, или же накладывались блики золотомъ (также какъ иногда на волосахъ). Вслѣдствіе этого рода ткани узнать обыкновенно нельзя. Соотвѣтственно этому и эскизы съ натуры старыхъ мастеровъ мы имѣемъ только тѣневые. Колоритъ въ природѣ не изучался. Въ такомъ состояніи была колоритная живопись во времена Рафаэля. Однако уже у Леонардо да Винчи, этого новатора по самому свойству своей натуры, существуютъ отступленія отъ такой общей манеры. Оставляя для тѣней коричневую краску, онъ начинаетъ подмалевывать полутѣни болѣе густою зеленоватою краской, совершенно вѣрно замѣтивъ, что полутѣни обыкновенно имѣютъ болѣе холодный оттѣнокъ, а полутона самой легкой, красноватой. При этомъ подмалевка производится не такъ тщательно, оставляется большая свобода для послѣдующей прописки. (Сказанное особенно замѣтно на его неоконченной *L'adorazione dei Magi* въ Уффици во Флоренціи.) Тиціанъ (его неоконченныя *La vergine col bambino* и *Sacra famiglia* въ Уффици) пишетъ уже совершенно такъ, какъ пишутъ современные живописцы,—контуръ набрасываются въ общихъ чертахъ и подмалевка производится соотвѣтствующими красками съ большимъ разнообразіемъ полутоновъ. Рѣзкость контуровъ, тщательная коричневая подмалевка, съ постепенностью переходовъ къ тушевкѣ и однообразная лесировка замѣняются красочными мазками, т.-е. стремленіемъ уловить для каждой поверхности ея собственный естественный цвѣтъ. Соотвѣтственно этому и эскизы нашихъ мастеровъ преимущественно красочные; рисунокъ пришелъ даже въ упадокъ.

Если бы въ настоящее время художникъ сталъ писать такъ, какъ писали въ эпоху Рафаэля, его картины показались бы неестественными, между тѣмъ какъ тогда эта манера была большимъ прогрессомъ натурализма.

Х.

Совершенство произведенія искусства опредѣляется тѣмъ, насколько хорошо выражаетъ оно то, что хотѣлъ передать художникъ, т.-е. насколько удовлетворяетъ оно указаннымъ выше условіямъ. Но одно дѣло—совершенство передачи, другое дѣло — достоинство передаваемого. Въ неаполитанскомъ музеѣ, въ комнатѣ, куда пускаютъ однихъ мужчинъ, есть античная мраморная статуетка, изображающая фавна съ козой. Это во всѣхъ отношеніяхъ совершенное произведеніе скульптуры. Но никто не назоветъ этого произведенія высокимъ. Достоинство и совершенство разсказа въ образномъ искусствѣ, какъ и въ словесной рѣчи, не сопутствуютъ неизмѣнно другъ другу. Сальный анекдотъ можетъ быть разсказанъ хорошо, а проповѣдь произнесена плохо.

Различныя по своему содержанію произведенія искусства вызываются къ существованію различіемъ въ тѣхъ представленіяхъ, которыми люди обмѣниваются между собою. Мы сообщаемъ другъ другу видѣнные факты, разсказываемъ анекдоты и сказки, злословимъ, бранимся и уснащаемъ свою рѣчь неприличными словами, передаемъ историческія происшествія, свои взгляды на событія, на жизнь, на религиозные предметы, ведемъ политическіе споры. Всему этому соотвѣтствуютъ свои роды искусства. Какъ предметъ разговора можетъ быть высокъ или низокъ, такъ могутъ быть высоки или низки и произведенія искусства, независимо отъ того, совершенны они по исполненію или нѣтъ.

Низкимъ и недостойнымъ мы считаемъ то, что относится къ грубо-животной природѣ человѣка, высокимъ то, что относится къ человѣку, какъ существу социальному, и чѣмъ болѣе глубокой социальный интересъ имѣетъ предметъ раз-

говора или художественнаго изображенія, тѣмъ онъ выше и достойнѣе. Простой разсказъ о какомъ-либо общественномъ явленіи имѣетъ болѣе глубокой соціальный интересъ, чѣмъ описаніе красивой мѣстности или лица, и историческая и жанровая живопись всегда ставились выше пейзажа и портрета. Но еще большее значеніе имѣетъ не простая передача событій, а ихъ пониманіе, установленіе извѣстнаго взгляда на явленія и на жизнь, идея. Человѣкъ, проводящій въ общество плодотворную идею, приноситъ обществу наибольшую пользу, и нѣтъ болѣе достойнаго назначенія для человѣка, какъ быть борцомъ за идею, ибо идеями управляются сознательныя соціальныя отношенія, и черезъ нихъ устанавливаются правила разумнаго общежитія. Поэтому и въ образномъ искусствѣ первое мѣсто по достоинству занимаютъ живопись и скульптура идейная, поскольку идея воплощается въ чувственно - конкретныхъ образахъ. Идея можетъ облагородить чувственный образъ, который безъ нея является низменнымъ. Нагое женское тѣло изображаютъ современные французскіе художники, и изображали великіе мастера Возрожденія. Но картины первыхъ служатъ сладострастію, произведенія вторыхъ были призывомъ ушедшаго въ мистику человѣческаго духа къ красотѣ природы и естественности. Высшій родъ искусства есть искусство идейное, т.-е. тенденціозное. Художникъ не только имѣетъ право пропагандировать свои идеи на томъ языкѣ, которымъ говоритъ его искусство, но это его долгъ, ибо художникъ прежде всего — членъ общества, а цѣль искусства — соціальная. Современный упадокъ живописи и скульптуры обусловленъ, между прочимъ, тѣмъ, что наши художники ушли цѣликомъ въ техническую сторону своего искусства. Это по большей части люди необразованные, отставшіе отъ общественныхъ интересовъ. Изученіе природы — лучшая школа для художника; въ ней онъ научается грамматикѣ искусства. Но идеи для своихъ произведеній онъ можетъ почерпать только въ общественной жизни.

Всѣ великіе художники были тенденціозны, всѣ они были

пропагаторами идеи. Тенденція политической свободы вложена Микель Анжело въ Давида и фигуры на гробницѣ Медичей; она же говоритъ съ потолка Сикстинской капеллы въ пророкахъ и сивиллахъ. Тенденціозенъ былъ Рафаэль, воплощая своихъ мадоннъ въ чувственной формѣ красивыхъ итальянокъ, ибо изображеніе св. Маргариты или Сикстинской Мадонны въ образѣ своей возлюбленной было послѣ средневѣковыхъ религиозныхъ представленій самой явную тенденціей. Тенденціозенъ былъ и Дантъ, и Шекспиръ, и Леонардо да Винчи, и Тиціанъ, и Корреджіо, и Мурильо и другіе. Эти художники были тѣмъ болѣе велики, что по своимъ идеямъ или тенденціямъ они шли впереди вѣка, а не тянулись за нимъ, подобно нашимъ.

Но должно помнить, что лишь то ученіе выслушивается со вниманіемъ и роняетъ свои сѣмена въ сердца слушателей, которое и по формѣ своего выраженія привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Учить чему-либо плохо значить погубить самое дѣло. Образное искусство есть языкъ особенный, предъявляющій свои требованія. Если произведеніе при своей тенденціозности плохо, оно будетъ осмѣяно, и сужденіе о несовершенствѣ произведенія будетъ перенесено на самую идею. Такой художникъ подобенъ Валааму съ тѣмъ различіемъ, что, желая произнести благословеніе, онъ произноситъ ругательства и проклятія. Такую службу сослужилъ, между прочимъ, идеямъ Толстого покойный Ге, разучившійся на старости лѣтъ владѣть кистью. Его Распятіе Христа или Христось передъ Пилатомъ—полное безобразіе и художественная безграмотность, и многіе, указывая на эти картины, говорили: „вотъ вамъ идеи Толстого“. Искусство служить идеѣ не тѣмъ, что оно ее доказываетъ,—ибо искусство ничего доказать не можетъ,—но тѣмъ, что облакаетъ идею въ чувственно-конкретный образъ, въ такъ сказать, осязательную форму, и тѣмъ привлекаетъ къ ней вниманіе. Искусство говоритъ уму черезъ чувство; если же художникъ хочетъ говорить прямо уму зрителя, то пусть онъ лучше броситъ свои кисти и возьметъ перо.

XI.

На предыдущихъ страницахъ мною достаточно раскрыта сущность моихъ взглядовъ на задачи искусства, примѣнительно къ наиболѣе чистымъ его формамъ—живописи и скульптурѣ. Остается сказать нѣсколько словъ о музыкѣ, архитектурѣ и изяшной словесности.

Музыка избираетъ матеріаломъ художественнаго воплощенія звукъ. При этомъ, согласно требованіямъ музыкальной красоты, звуки берутся, стоящіе въ опредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу по числу своихъ колебаній. Уже простое законотѣрное сочетаніе такихъ звуковъ въ опредѣленной послѣдовательности составляетъ мелодію, музыку. Таковую музыку можно съ полнымъ правомъ поставить наряду съ арабесками и узорами въ живописи, въ которыхъ художникъ передаетъ только красивое сочетаніе линий, цвѣтовъ и ничего болѣе. Это самый низшій родъ искусства какъ въ живописи, такъ и въ музыкѣ.

Но есть музыка иного рода.

Какъ я уже указывалъ, въ нашей рѣчи есть два элемента—слова и интонація. Послѣдняя въ особенности выражаетъ наши чувства и внутреннія состоянія. Это языкъ самой природы, которому мы не учимся сознательно, но который понимаемъ у людей иной расы и даже у высшихъ животныхъ. Музыка передаетъ внутреннія состоянія въ болѣе красивой формѣ: это—та же интонація въ художественно облагороженной формѣ. Чѣмъ чувство сложнѣе, тѣмъ его труднѣе передать одной интонаціей, и является необходимость въ словахъ для поясненія. Въ болѣе широкой формѣ это является въ пѣснѣ, романсѣ и оперѣ, гдѣ слова сопровождаютъ музыку, или даже музыка сопровождаетъ слова, въ меньшей степени—въ опредѣленной подписи къ музыкѣ, заглавіи пьесы. Я не буду распространяться о томъ, что музыка, также какъ живопись и скульптура, можетъ быть тенденціозной, т.-е. передавать извѣстную идею. Музыкантъ менѣе, чѣмъ живописецъ, можетъ

доказать что-либо, но онъ можетъ затронуть извѣстныя чувства человѣка и тѣмъ направить ихъ туда, куда онъ хочетъ. Словомъ, все то, что говорилось о скульптурѣ и живописи, примѣнимо въ существенныхъ чертахъ и къ музыкѣ, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдняя можетъ передавать также послѣдовательность внутреннихъ состояній, но за то область ея и ограничивается только послѣдними.

Что касается до архитектуры, то большинство построекъ не суть произведенія искусства, ибо они назначены для чисто практическихъ цѣлей, а не для обмѣна чувствами, представленіями и идеями. Произведеніями искусства архитектурныя постройки являются тогда, когда въ нихъ передается въ чувственной формѣ извѣстное представленіе или идея. Такихъ общихъ идей для архитектуры существуетъ всего двѣ.

Во всякой постройкѣ архитектору приходится бороться съ силой тяжести, и эту силу онъ побѣждаетъ различными способами соотвѣтственно тому строительному матеріалу, которымъ онъ располагаетъ.

Элементомъ всякой постройки являются вертикальныя устои, въ простѣйшемъ случаѣ столбы, стѣны и потолокъ, крыша или помость, устроенный на устояхъ на извѣстномъ разстояніи отъ земли. Сложить стѣну или иного рода устой не трудно изъ любого матеріала, между тѣмъ какъ крыша, потолокъ, помость представляютъ, если они велики, огромныя затрудненія. Мостъ является самой простой и, такъ сказать, чистою формой такого помоста, и уже при постройкѣ моста приходится побѣждать силу тяжести совершенно различно, смотря по роду того строительнаго матеріала, который въ нашихъ рукахъ имѣется. Соотвѣтствующій типъ или стиль выражается уже постройкой простого моста.

Если мы имѣемъ дѣло съ деревянными брусьями или бревнами, основнымъ типомъ моста являются бревна, поставленныя вертикально (простѣйшая форма колонны) или стѣны, сложенныя инымъ образомъ, на которыхъ покоятся другія бревна въ горизонтальномъ положеніи. Для остро-

конечной крыши брусья (стропила) ставятся наклонно, упираясь своими верхними концами другъ въ друга.

Если мы имѣемъ мраморъ, типъ помоста остается, пока размѣры постройки не очень велики, совершенно тотъ же самый. Это благодаря тому, что мраморъ, легко распиливаясь на брусья и лещади, обладаетъ свойствами близкими въ строительномъ отношеніи къ дереву. Греческій храмъ является лучшимъ типомъ мраморной постройки небольшихъ размѣровъ. При сооруженіи изъ мрамора или близкаго къ нему по своимъ свойствамъ известняка, напримѣръ, травертина, построекъ большихъ размѣровъ, удобнѣе брать мраморъ, по крайней мѣрѣ отчасти въ формѣ тесаныхъ камней, которые легче подымать на высоту, и типъ постройки получается, какъ сейчасъ увидимъ, иной.

Если мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи кирпичъ или камень, съ трудомъ распиливающийся, но легко колющійся, какъ песчаникъ, намъ приходится сооружать помость инымъ способомъ, и болѣе или менѣе тяжелый сводъ является основною формой такого помоста. При этомъ изъ кирпича удобнѣе сдѣлать круглый сводъ или круглую арку; въ случаѣ камня большихъ размѣровъ, приближающагося къ брусьямъ, большія удобства представляютъ острые готическіе своды и арки. Римскій пантеонъ есть типъ кирпичной постройки (кромѣ греческаго фасада), готика—каменной. Въ послѣдней характеръ постройки измѣняется соотвѣтственно характеру камня. Нѣмецкая готика въ значительной мѣрѣ обусловлена тѣмъ, что для постройки шелъ красный песчаникъ, въ французской — сѣрый песчаникъ, въ итальянской — мраморъ и травертинъ.

Наконецъ, мы можемъ имѣть въ своемъ распоряженіи желѣзо,—сила тяжести побѣждается тогда новыми способами. Желѣзо допускаетъ устройство арокъ и сводовъ легкихъ, какъ кружево. Оно позволяетъ не только накладывать части одну на другую, но и подвѣшивать ихъ другъ къ другу, что совершенно недоступно для камня и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ доступно для дерева. Всякая арка (а также

сводъ) имѣть стремленіе развѣхаться; въ каменной архитектурѣ этому препятствуютъ, упирая концы арки въ толстыя стѣны или массивные устои—колонны, пилястры, которые должны быть тѣмъ толще, чѣмъ больше и тяжелѣе арка или сводъ. Въ готическихъ храмахъ боковыя части, разбитыя внутри на рядъ небольшихъ предѣловъ, представляютъ собою въ сущности не что иное, какъ огромные устои для массивнаго свода, покрывающаго среднюю главную часть. Въ случаѣ желѣзной архитектуры концы арокъ или основанія сводовъ могутъ быть просто связаны желѣзными прутьями, и такимъ образомъ огромный сводъ можетъ быть поставленъ на самыхъ легкихъ стѣнахъ или колоннахъ. Висячій мостъ, легкая арка, длинная балка, устроенная изъ мелкихъ перекрещивающихся линеекъ—элементы постройки, доступныя только для желѣзной архитектуры. Ея типы—желѣзнодорожные мосты, вокзалы, Эйфелева башня, машинное зданіе на послѣдней парижской выставкѣ и т. д. Но вѣкъ желѣзной архитектуры конечно еще только начинается. Однако надо думать, что въ недалекомъ будущемъ желѣзныя постройки такъ же затмятъ собою каменные, какъ послѣднія затмили деревянныя.

Въ большинствѣ случаевъ, однако, архитектору приходится имѣть дѣло съ различными матеріалами, приходится, кромѣ того, быстро воспроизводить формы и сочетанія болѣе сложныя, чѣмъ простой мостъ. Все это дѣлаетъ борьбу съ силой тяжести весьма сложной. Если архитекторъ сумѣетъ справиться съ силой тяжести легко и просто, выразить то, какъ онъ справился съ силою тяжести соотвѣтственно строительному матеріалу въ формахъ созданнаго имъ зданія и показать наглядно связь частей послѣдняго, архитектурное зданіе становится художественнымъ. Нѣтъ ничего нелѣпнѣе зданія, построеннаго въ стилѣ несоотвѣтствующемъ строительному матеріалу, напримѣръ, греческаго храма, сложеннаго изъ кирпича. Но архитектура въ значительной мѣрѣ допускаетъ безъ ущерба художественности и даже въ пользу послѣдней воспроизведеніе внѣшней формы од-

ного строительнаго матеріала при помощи другого въ формѣ облицовокъ, штукатурки и т. д., что даетъ большой просторъ фантазіи художника.

Другою идеей архитектуры является выраженіе той цѣли, для которой зданіе предназначено, выраженіе, придающее сооруженію характеръ уютности, обширности, торжественности, мрачности, свѣтлости, стремленія къ небу или близости къ землѣ и т. д.

Такимъ образомъ архитектура есть вообще языкъ весьма бѣдный по предметамъ доступнымъ для его передачи и грубый сравнительно съ другими искусствами.

Я не буду останавливаться подробно на произведеніяхъ изящной словесности, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Всѣми признается, что произведенія словесности художественны постольку, поскольку они образны; они также—языкъ образовъ, и все существенное, сказанное относительно живописи и скульптуры, приложимо и къ нимъ. Но образы слова отличаются отъ образовъ живописи и скульптуры, съ одной стороны, возможностью выразить въ нихъ послѣдовательность явленій и черезъ это большей широтой доступныхъ для передачи представленій и идей, съ другой—меньшей опредѣленностью. Въ этомъ отношеніи одни писатели болѣе приближаются къ чистымъ образнымъ искусствамъ, у другихъ слово носить болѣе характеръ холодныхъ понятій. „*Bel-ami*“ Мопассана и „*L'argent*“ Эмиля Золя при извѣстномъ сходствѣ сюжетовъ весьма различаются по своему характеру. Первый—то, чего не видаль, описываетъ, какъ будто самъ видѣль; второй—то, что нарочно для этого изучаль, рассказываетъ какъ будто съ чужихъ словъ.

Если архитектура богата переходными формами къ произведеніямъ, преслѣдующимъ чисто-матеріальныя цѣли, то изящная словесность представляетъ цѣлый рядъ переходовъ къ выраженію представленій и идей не посредствомъ чувственныхъ образовъ, а посредствомъ отвлеченныхъ понятій. Промышленность, искусство и слово суть три царства

произведеній человѣка, каждое со своими подраздѣленіями. Живопись, скульптура и музыка являются наиболѣ опредѣленными типами въ царствѣ искусства, между тѣмъ какъ архитектура и изящная словесность суть типы переходные, съ одной стороны—въ царство промышленности, съ другой—въ царство отвлеченнаго слова. Какъ въ природѣ, такъ и въ дѣятельности человѣка все связано одно съ другимъ и рѣзкихъ границъ провести нигдѣ невозможно.

XII.

Исходною точкою нашего разсмотрѣнія общихъ задачъ искусства послужили произведенія живописи и скульптуры. Въ заключеніе настоящаго очерка уместно будетъ сказать нѣсколько словъ объ исторической судьбѣ этихъ отдѣловъ въ царствѣ искусства.

Вѣкъ скульптуры можно считать оконченнымъ. Скульптура вымерла въ главныхъ своихъ представителяхъ и сохранилась въ настоящее время лишь въ немногихъ измельчавшихъ формахъ, главнымъ образомъ въ видѣ настольныхъ статуетокъ и т. под. Особенно она была развита у грековъ, но затѣмъ уже въ римскій періодъ стала клониться къ упадку, и всѣ усилія Микель Анжело поднять ее въ XVI-мъ вѣкѣ не повели ни къ чему. Это была послѣдняя, самая сильная вспышка ея жизни. У послѣдующихъ скульпторовъ, Кановы, Торвальдсена и другихъ, самая идея органичности и красоты человѣческаго тѣла, такъ сказать, статической—въ античный періодъ скульптуры и динамической—у Микель Анжело, утратилась и перешла въ вычурность и позировку балерины вмѣсто естественнаго положенія и движенія.

Причину упадка скульптуры видятъ обыкновенно во вліяніи христіанства. Но это совершенно невѣрно. Скульптура стала клониться къ упадку, когда язычество было еще въ полномъ расцвѣтѣ. Далѣе, христіанство или, вѣрнѣе, та варварская и извращенная, противоестественная форма государственной религіи, которая процвѣтала подъ этимъ именемъ въ средніе вѣка, относилась одинаково враждебно ко

всякому искусству, а не только къ скульптурѣ. Напротивъ, скульптура, благодаря ея связи съ архитектурой, подъ сѣнью которой она пріютилась, стояла въ болѣе выгодныхъ условіяхъ и выше современной ей живописи. Знаменитыя двери флорентійскаго баптистерія, изъ которыхъ древнѣйшія были окончены Андреемъ Пизано въ 1330 году послѣ 22-лѣтней работы, въ особенности же каедрa въ баптистеріи въ Пизѣ, исполненная въ 1260 году Никколо Пизано, не имѣютъ себѣ въ современной имъ живописи ничего подобнаго. И далѣе, когда это вліяніе кончилось и наступила эпоха возрожденія, живопись пошла быстрыми шагами впередъ, и явилось множество талантливыхъ живописцевъ, между тѣмъ какъ скульптуру, можно сказать, вынесъ на своихъ плечахъ одинъ Микель Анжело, унесшій съ собою въ могилу и ея жизненную идею.

Причиной упадка скульптуры было не вліяніе христіанства, а то, что кругъ представленій человѣка, требовавшій себѣ образнаго выраженія, отчасти измѣнился, а главное, сильно расширился, между тѣмъ какъ скульптура была способна передавать съ успѣхомъ лишь немногія, болѣе простыя идеи. Наиболѣе совершенной и типичною формой скульптуры является типичная статуя и преимущественно статуя нагая, ибо весь интересъ статуи въ формахъ и движеніи красиваго человѣческаго тѣла, которое должно быть поэтому открыто какъ можно болѣе, и при томъ статуя мраморная. Мраморъ тѣмъ отличается отъ другихъ матеріаловъ, употребляемыхъ для статуй, что онъ прозраченъ въ тонкихъ слояхъ, также какъ человѣческое тѣло, и при солнечномъ освѣщеніи имѣетъ слегка желтоватый оттѣнокъ, что дѣлаетъ его особенно пригоднымъ именно для передачи нагого тѣла. Статую можно разсматривать съ разныхъ сторонъ, ее можно освѣтить такъ или иначе, выдѣлить на подходящемъ фонѣ. Уже въ группѣ, гдѣ однѣ фигуры заслоняютъ другія, преимущества скульптуры теряются. Въ барельефѣ скульптура приближается къ живописи. Но многія ли представленія можно выразить въ формѣ единичной ста-

туи, когда, кромѣ того, наготы стали стыдиться и самая идея красоты нагого человѣческаго тѣла утратилась?

Ограниченность круга представленій, доступныхъ для выраженія въ скульптурѣ, была главною причиною ея упадка и замѣны другими болѣе широкими искусствами, прежде всего живописью.

Живопись, далеко уступая скульптурѣ по передачѣ формы человѣческаго тѣла, обладаетъ тѣмъ преимуществомъ передъ послѣдней, что захватываетъ гораздо болѣе широкой горизонтъ представленій. Картина, не говоря о колоритѣ, который въ скульптурѣ не передается, свободно допускаетъ изображеніе на одномъ полотнѣ множества фигуръ; на картинѣ многое можно передать лишь въ неясныхъ очеркахъ и тѣмъ отбѣнить главное; живопись допускаетъ болѣе широкое употребленіе аксессуаровъ, поясняющихъ смыслъ изображаемаго; пейзажъ, домашняя обстановка и т. д. доступны только для передачи на полотнѣ, но не въ мраморѣ. Поэтому неудивительно, что живопись, особенно когда интересъ къ красотѣ нагого тѣла уступилъ мѣсто интересамъ къ другимъ образамъ, смѣнила собою скульптуру. Но и для живописи во многихъ ея формахъ послѣдній часъ уже пробилъ. Религіозная живопись отживала свой вѣкъ по мѣрѣ того, какъ болѣе отвлеченныя религіозныя представленія смѣняли грубый матеріализмъ средневѣковой мистики. Въ этомъ отношеніи судьба религіозной живописи весьма замѣчательна. Она являлась, такъ сказать, своего рода *eductio ad absurdum* средневѣковыхъ представленій. Великіе мастера Возрожденія вполне добросовѣстно желали воплотить достойнымъ образомъ современныя религіозныя идеи въ чувственно-конкретныхъ образахъ. Но такъ какъ естественность изображенія является основнымъ условіемъ совершенства произведеній искусства, то по мѣрѣ развитія религіозной живописи воплощаемыя въ ней представленія все болѣе и болѣе утрачивали свой сверхъестественный характеръ. Искусство, добросовѣсно служа средневѣковой религіи, въ дѣйствительности ее подрывало. Когда же, от-

части благодаря содѣйствію искусства, извращенныя религіозныя представленія смѣнились понятіями болѣе высокими, религіозная живопись сдѣлалась ненужной, такъ какъ эти понятія частію не требовали, частію не допускали для себя образнаго воплощенія. Религіозная живопись въ настоящее время насъ вообще болѣе не интересуесть и пришла, можно сказать, въ полный упадокъ.

Подобная же участь постигаетъ и историческую живопись. Въ настоящее время мы видимъ причины историческихъ событій и прогресса не въ кровавыхъ сраженіяхъ, приказаніяхъ королей и интригахъ придворныхъ, но въ болѣе сложныхъ культурныхъ, экономическихъ и социальныхъ явленіяхъ. Послѣднія представляютъ для насъ наибольшій интересъ, между тѣмъ какъ кровавыя событія, нелѣпыя и звѣрскія избиенія тысячей людей другими тысячами ихъ собратій, убійства, казни и пытки, составлявшія одинъ изъ главныхъ сюжетовъ исторической живописи, возбуждаютъ наше отвращеніе и мы стараемся закрывать на нихъ глаза, а не искать ихъ увѣковѣченія въ образахъ искусства. Торжественные выходы, приемы, процессіи въ мишурныхъ костюмахъ съ бутафорскими украшеніями интересуютъ только ребятишекъ и чернь, и ни въ одномъ домѣ вы не увидите ихъ изображеній. Между тѣмъ экономическія и социальныя явленія, проявляясь лишь въ массѣ, въ крупныхъ числахъ, а не единичныхъ явленіяхъ, и совершаясь въ теченіе долгаго времени, не поддаются изображенію на полотнѣ.

Остаются жанровая живопись, пейзажъ и портретъ.

Жанровая живопись, захватывая собою интересы болѣе мелкаго порядка, слишкомъ узка по своему горизонту. Пейзажъ и портретъ въ значительной мѣрѣ подрываются по мѣрѣ того, какъ фотографія становится все болѣе и болѣе художественной, но во всякомъ случаѣ эти два отдѣла живописи, особенно при современномъ развитіи интереса къ природѣ, стоятъ на первомъ планѣ и идутъ все къ большому и большому развитію, тѣмъ болѣе что ихъ сюжеты не передаются никакимъ другимъ искусствомъ.

Главная причина упадка живописи та же, что и причина упадка скульптуры—ея неспособность къ передачѣ всего многообразія интересующихъ насъ представлений.

На смѣну этихъ оживающихъ типовъ искусства выступают типы новые. Таковы музыка и изящная словесность.

Большая сложность внутреннихъ чувствъ и настроеній современнаго человѣка, стоящая въ связи съ большею сложностью тѣхъ отношеній, среди которыхъ онъ живетъ, вызвала и большее развитіе музыки—искусства, которое всѣхъ совершеннѣе передаетъ внутреннія состоянія. И не подлежить сомнѣнію, что по мѣрѣ развитія и осложненія общественной жизни музыка также будетъ развиваться, хотя я и не могу согласиться, что именно музыка есть искусство будущаго по преимуществу. Тонкости интонаціи доступны лишь для немногихъ. Для музыки требуется слухъ, тѣмъ болѣе тонкій и развитой, чѣмъ музыка глубже. Музыка же, какъ просто красивое сочетаніе звуковъ, годится лишь какъ легкое развлеченіе для танцевальныхъ вечеровъ, трактировъ и кафе-шантановъ, и нѣтъ никакихъ причинъ для особеннаго развитія такой музыки. Кромѣ того, музыка есть искусство неудобное для окружающихъ, что сказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ скученнѣе становится населеніе, и въ западной Европѣ совершенно основательно принимаются полицейскія мѣры противъ терзанія слуха своихъ ближнихъ. Если въ настоящее время занятія музыкой пользуются столь большимъ распространеніемъ, то кромѣ легкаго удовольствія, какое оно доставляетъ, это потому, что нѣтъ ничего легче, какъ выучиться барабанить по готовымъ нотамъ, а корчить изъ себя артиста такъ пріятно, а иногда и выгодно.

Что касается обширной группы произведеній изящной словесности, то и здѣсь многіе виды клонятся къ упадку. Особенно это касается всѣхъ стихотворныхъ произведеній. Искусственная форма стиха при всей своей красотѣ связываетъ свободу выраженія. Многое изъ того, что прежде писалось стихами, въ настоящее время пишется исключи-

тельно прозой, а стиховъ сочиняется все меньше и меньше. Стихотворныя оды, разсужденія о пользѣ стекла и т. д., уже отжили свой вѣкъ. Къ тому же стихи хороши лишь тогда, когда они коротки. Въ стихѣ должна быть извѣстная пластичность, также какъ и въ скульптурѣ, ограничивающая объемъ передаваемого; стихи надо читать съ чувствомъ и разстановкой, чтобы красота ихъ могла произвести должное впечатлѣніе, а это быстро утомляетъ. Наконецъ, писать хорошіе стихи, есть искусство весьма трудное, и поступающее предложеніе ихъ далеко не удовлетворяетъ предъявляемому спросу на образное воплощеніе занимающихъ насъ представленій. Искусство вѣдь тоже есть своего рода рынокъ и подчинено законамъ всякаго рынка.

Наоборотъ, прозаическая литература, романъ и повѣсть, развивается все сильнѣе и сильнѣе, главнымъ образомъ благодаря широтѣ круга тѣхъ представленій, которыя получаютъ въ нихъ свое выраженіе. Романъ затрогиваетъ всѣ стороны человѣческой жизни—отъ самыхъ низкихъ и до самыхъ высокихъ—и наилучшимъ образомъ отвѣчаетъ современной потребности. Столь же сильное развитіе получаетъ въ современномъ искусствѣ театръ, начиная съ водевиля и оперетки до трагедіи и высокой оперы. Театръ имѣетъ передъ романомъ еще огромное преимущество въ большей конкретности своихъ образовъ, не уступая ему въ широтѣ захватываемаго круга представленій. Театръ представляетъ собою извѣстное органическое сочетаніе всѣхъ искусствъ. Это есть и пластика, и живопись, и музыка, и романъ, и архитектура. Для театральнаго воплощенія доступны такія представленія и идеи, которыя не передаются въ достаточно конкретной формѣ ни однимъ искусствомъ порознь. Въ театрѣ находятъ свое наиболѣе живое отраженіе весь міръ человѣческихъ страстей, представленій и идей.

Есть еще иная причина, обуславливающая вымирание скульптуры и живописи и все большее и большее развитіе романа и театра. Это—общедоступность послѣднихъ. За статуи и картины надо платить огромныя деньги, между

гѣмъ какъ романы и театръ почти ничего не стоятъ. Въ настоящее время существуютъ, правда, выставки и художественныя галлерей, но ничто такъ не утомляетъ, какъ разсматриваніе безъ порядка и не по свѣту повѣшенныхъ картинъ и разставленныхъ въ ряды въ темныхъ корридорахъ статуй. Картина, какъ и стихи или короткіе рассказы, доставляетъ удовольствіе, когда она смотрится одна или въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Просмотрѣть 200—300 картинъ—то же, что прочесть соотвѣтствующее число страницъ изъ хрестоматіи. Галлерей нужны для тѣхъ, кого интересуеетъ исторія искусства, но общей потребности въ искусствѣ онѣ удовлетворять не могутъ.

Картины и статуи есть искусство для богатыхъ, романъ и театръ—для толпы, и потому неудивительно, что теперь, когда, выражаясь словами Шекспира, „мужикъ ступаетъ на ногу дворянина и извиняться не думаетъ“, первыя вытѣсняются послѣдними.

Въ органическомъ мірѣ искусства, какъ и въ органическомъ мірѣ животныхъ и растений, ведется непрестанная борьба за существованіе, и выживаютъ формы наиболѣе приспособленныя, въ природѣ—къ матеріальнымъ условіямъ среды, въ искусствѣ—къ конкретному выраженію представленій и идей даннаго времени и даннаго общества.

Николай Иванцовъ.

Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ.

Три столѣтія, отдѣляющія насъ отъ дня рожденія Декарта, обнимаютъ эпоху безпримѣрнаго роста научнаго знанія.

Въ началѣ эпохи—конецъ XVI вѣка и первыя десятилѣтія XVII — представители мысли считаютъ себя обладателями абсолютной истины: натурфилософія древнихъ возведена въ догматъ, и авторитетъ противопоставленъ свободному изслѣдованію. Міръ идей признается болѣе тонкимъ сравнительно съ міромъ матеріальнымъ; идея не можетъ быть подтверждаема или опровергаема фактами, и потому опрашиваніе природы считается лишнимъ. Такъ напередъ признается негодность единственнаго пріема свободного изслѣдованія: послѣдному и отводится мѣсто въ ряду опасныхъ заблужденій, заслуживающихъ кары. Могушественная церковь беретъ на себя охрану истины, ставшей неизблемымъ достояніемъ человѣчества, и лѣтописецъ отмѣчаетъ костеръ Джордано Бруно и темницу Галилея.

Конецъ эпохи — свободное изслѣдованіе и его плоды, научное знаніе въ современномъ величій и силѣ.

Эти двѣ грани человѣческаго пониманія представляютъ діаметрально противоположныя точки, непримиримые полюсы. Великіе мыслители эпохи, на которой останавливается наше вниманіе, создали не только плюсъ, представляемый современнымъ умственнымъ достояніемъ, но низвели до нуля выдвинутой исторіей минусъ, вооруженный всѣми прерогативами политической власти.

Мы останавливаемся въ изумленіи передъ необычною затратою труда, рассматривая памятники древности, поражающіе насъ своими колоссальными размѣрами. Но ни одна работа не можетъ идти въ сравненіе съ той, которая тратится на перестановку общественной мысли съ усвоенной точки зрѣнія на другую — діаметрально противоположную. И этотъ гигантскій циклопическій трудъ, характерный памятникъ новѣйшей исторіи, совершенъ людьми, не обладавшими ни властью, ни политическимъ значеніемъ, совершенъ геніальными умами. Только они, наперекоръ видимости, подрывавшей вѣру въ движеніе человѣческой мысли, имѣли основаніе и осмѣливались утверждать: „а все-таки движется“.

Только дѣятельностью высоко одаренныхъ личностей объясняется кратковременность этого знаменательнаго періода. Еслибы въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій человѣческая мысль развивалась въ той же постепенности, какъ въ предшествовавшее имъ тысячелѣтіе, научное знаніе достигло бы современнаго уровня во время, сравнимое по своей продолжительности съ одною изъ геологическихъ эпохъ, пережитыхъ нашею планетою. Такія эпохи измѣряются не вѣками и не сотнями, а сотнями тысячъ вѣковъ.

Условія, при которыхъ зарождались методы естествознанія, были въ высокой степени неблагоприятны для его роста. Препятствія, обыкновенно встрѣчаемыя новымъ теченіемъ мысли, усиливались тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общественномъ сознаніи укрѣпилось и пріобрѣло политическую силу направленіе діаметрально противоположное. Для быстраго развитія возникающаго ученія необходимо, чтобы общественное сознаніе отвело ему мѣсто въ ряду доктринъ, которыя, согласно господствующимъ воззрѣніямъ, способны отвѣчать на запросы познанія. Для торжества метода еще недостаточно открытія съ его помощью новыхъ фактовъ и недостаточно указанія негодности пріемовъ старыхъ, извѣстныхъ. Адепты отживающихъ ученій находятъ успокоеніе и опору въ предположеніи, что возможныя поправки и надстройки ихъ системъ устранять указываемые пробѣлы и

воспримутъ новые факты. Эти недостатки, по ихъ мнѣнію, покрываются съ избыткомъ категорическимъ разрѣшеніемъ вопросовъ первостепенной важности, что составляетъ обычное преимущество господствующихъ ученій надъ возникающими; новые приемы и пути представляются поэтому случайнымъ и временнымъ исключеніемъ, возмущающимъ умы противъ того, что не имѣетъ себѣ равнаго по своей законченности и совершенству.

Эти характерныя черты вымиранія міросозерцаній въ значительной степени ослабляютъ отрицательную роль нарождающихся ученій, и наиболѣе дѣйствительнымъ противовѣсомъ укоренившимся взглядамъ является построение системы, включающей новые факты и соотвѣтствующей своимъ складомъ новому теченію мысли. Передъ общественнымъ сознаніемъ рядомъ со старымъ, консервативнымъ міросозерцаніемъ, не устранившимъ еще открытыхъ въ немъ пробѣловъ, должно явиться новое, не менѣе широкое, дающее отвѣты, для которыхъ не предвидится исключеній.

Система, появляющаяся въ тотъ моментъ, когда твердо установлены только немногіе камни ея основанія, не представляетъ конечно пріобрѣтенія своимъ непосредственнымъ содержаніемъ и деталями. Содержаніе и детали могутъ быть лишены всякаго значенія для послѣдующихъ поколѣній, но осужденіе ученія, основанное на подобномъ обстоятельствѣ, доказывало бы только отсутствіе историческаго пониманія судебъ человѣческой мысли. Цѣнность системы—въ ея общемъ планѣ, и появленіе въ разсматриваемую нами эпоху новаго плана для разрѣшенія вопросовъ знанія имѣло рѣшающее значеніе въ борьбѣ со схоластическими теоріями. Такой планъ созданъ Декартомъ, и въ этомъ его великая историческая заслуга. Передъ мыслящимъ человѣчествомъ стояли уже не единичные факты, противорѣчащіе общепризнаннымъ воззрѣніямъ и не связанные съ новыми,—стоялъ воплощенный и одухотворенный образъ точнаго знанія, по силѣ, широтѣ и опредѣленности не уступавшій старымъ ученіямъ.

Образъ, сыгравшій въ свое время такую выдающуюся роль, охватывавшій всѣ явленія какъ части одного великаго цѣлаго, долженъ былъ исходить изъ идеи, которая или закрѣпляется въ человѣчествѣ, или стоитъ на пути его развитія какъ моментъ, долженствующій быть пережитымъ. И въ этомъ мы находимъ еще другое обстоятельство, увѣковѣчивающее имя Декарта. Несмотря на поразительное наслоеніе гениальныхъ открытій и теорій, планъ физическихъ ученій Декарта сохраняетъ свою силу до настоящаго времени, и его рамки еще не заполнены научною мыслью.

Вмѣшательство церкви въ вопросы познанія заставляло мыслителей новаго направленія считаться съ обстоятельствами, совершенно чуждыми ихъ прямымъ и непосредственнымъ задачамъ.

Въ слѣдующихъ словахъ Декарта усматривается тотъ компромиссъ, который онъ пытается установить между притязаніями церкви и своими широкими, вполнѣ современными намъ взглядами:

„Для лучшаго объясненія явленій природы я ищу причинъ болѣе возвышенныхъ, чѣмъ тѣ, которыя согласно моему воззрѣнію дѣйствительно существовали.

Несомнѣнно, что міръ отъ вѣка созданъ во всемъ своемъ совершенствѣ, такъ что въ немъ существовали солнце, земля, луна и звѣзды и на землѣ находились не только сѣмена растений, но и самыя растенія; Адамъ и Ева не родились дѣтьми, а были созданы взрослыми. Этому учатъ насъ религія и естественный разумъ.

„Однако несомнѣнно лучше для познанія растений и чело-вѣка слѣдить за ихъ постепеннымъ развитіемъ изъ сѣмени, чѣмъ такъ, какъ Богъ создалъ ихъ въ началѣ міра. Если мы въ состояніи открыть нѣкоторые принципы, простые и легко понимаемые, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, могутъ быть выведены звѣзды, земля и все, что мы находимъ въ видимомъ мірѣ, хотя бы мы знали, что они произошли иначе,— то такимъ способомъ мы объяснимъ природу несравненно лучше, чѣмъ если будемъ описывать только существующее.

Такъ какъ я полагаю, что мною найдены такіе принципы, то я ихъ и изложу вкратцѣ“.

Работы Коперника, Леонардо-да-Винчи, Тихо-де-Браге, Кеплера, Галилея положили начало всестороннему изученію природы. Но это новое направленіе, опираясь только на наблюденіе и математику, страдало отсутствіемъ руководящихъ идей, которыя связывали бы и концентрировали факты, направляли изслѣдованія и досказывали бы то, что оставалось еще скрытымъ. Запасъ идей оставался прежнимъ, и его привлеченіе къ объясненію природы поражало своей дисгармоніей съ новыми научными теченіями.

Коперникъ вмѣсто объясненія описываемыхъ имъ планетныхъ движеній довольствуется тѣмъ, что считаетъ ихъ естественными. Шаровидная форма планетъ и тяжесть приписываются естественному стремленію однороднаго къ однородному.

Галилей, создавая отвлеченную науку о силахъ и движеніи—динамику, говоритъ, что природа служить только указателемъ соотношеній между послѣдовательностью движеній.

Кеплеръ, устанавливая свои безсмертные законы, думаетъ, подобно древнимъ, что каждое движеніе, не поддерживаемое извнѣ какою-либо причиною, должно потухнуть, какъ свѣтъ. Поэтому вращеніе планетъ и солнца приписывается безсознательно дѣйствующимъ въ нихъ душамъ. Каждая планета имѣетъ двѣ стороны: одну—дружественную, обращенную къ солнцу, другую—враждебную и т. д.

Современники, перешедшіе на сторону новыхъ методовъ, не могли мириться съ подобными толкованіями, вытекавшими изъ аристотелевскихъ ученій, и не хотѣли слышать о внутреннихъ формахъ, душахъ, или о цѣлесообразныхъ стремленіяхъ мертвой матеріи.

Упраздненіе такихъ неестественныхъ толкованій имѣло значеніе не только освобожденія человѣческой мысли, но и обновленія взглядовъ на явленія природы. Устраненіе однихъ идей вызывало необходимость созиданія новыхъ; и то и другое было сдѣлано Декартомъ.

Онъ изгоняетъ изъ природы все наслѣдіе схоластики: потаенныя качества, самости, аппетиты, влеченія и другія понятія, заимствованныя изъ духовной жизни человѣка.

Декартъ уничтожаетъ всякую возможность перенесенія психическихъ свойствъ человѣка на матерію: матерія отдѣляется имъ отъ духа; всѣ процессы, даже въ живыхъ организмахъ, суть механическіе. Животный организмъ есть автоматъ. Для Декарта не существуетъ той жизненной силы, противъ которой, два вѣка спустя, борется Гельмгольцъ.

Съ изумительною проницательностью Декартъ устраняетъ изъ области физики другія возрѣнія того же порядка—конечныя причины. Онъ подсмѣивается надъ тѣми, которые „думаютъ, что присутствуютъ на совѣтѣ Божіемъ“. Ребячество и нелѣпость, говоритъ онъ, воображать, что Богъ „подобно гордецу, создавая міръ, не имѣлъ другой цѣли, какъ быть похваленнымъ людьми. Онъ будто бы создалъ солнце, которое въ нѣсколько разъ больше земли, лишь съ тою цѣлью, чтобы свѣтитъ человѣку, который занимаетъ только малую часть этой земли! Сколько вещей, прибавляетъ Декартъ, находятся теперь въ мірѣ или были въ немъ нѣкогда и перестали быть, хотя ни одинъ человѣкъ никогда ихъ не видѣлъ и не зналъ и хотя онѣ никогда не были ни въ какомъ употребленіи у человѣчества!“

Въ физиологіи Декартъ тоже отрицаетъ конечныя причины въ пользу причинъ механическихъ.

Но и этихъ перегородокъ между таинственными силами и матеріей еще недостаточно для защиты природы отъ вторженія въ ея міръ духа и его свойствъ. Декартъ воздвигаетъ еще непроницаемую стѣну между духомъ человѣка и матеріальною природой. „Чувства наши не показываютъ намъ дѣйствительной природы вещей, а только то, въ чемъ онѣ намъ полезны или вредны“. Декартъ, такимъ образомъ, высказываетъ мысли, которыя два столѣтія спустя утверждаются Гельмгольцемъ. Наши ощущенія суть только знаки отношеній, существующихъ между нашимъ тѣломъ и

другими тѣлами, и эти знаки имѣютъ единственную цѣлью сохраненіе тѣла.

Этими принципами сказано все, такъ что дальнѣйшее развитіе физическаго міросозерцанія Декарта ими вполне опредѣляется. Все разнообразіе природы есть разнообразіе нашихъ ощущеній: цвѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ и пр. не существуютъ въ тѣлахъ. Тяжесть, сопротивленіе, непроницаемость, причины движеній—суть проблемы для рѣшенія, но не свойства тѣль.

Какой же образъ природы можетъ составить себѣ мысль, получающая только сигналы изъ внѣшняго міра?

Очевидно, основными свойствами природы должно быть то, что не искажается подобною сигнализацией. Такими свойствами являются движеніе и протяженность.

„Когда слѣпой касается какого-нибудь предмета, говоритъ Декартъ, то очевидно, что этотъ предметъ ничего не посылаетъ отъ себя, а только разнымъ образомъ движетъ палку, затѣмъ нервы руки и, наконецъ, тѣ мѣста въ мозгу, откуда идутъ эти нервы. А это даетъ его душѣ поводъ ощущать столько разныхъ качествъ въ тѣлахъ, сколько существуетъ различныхъ движеній, возбуждаемыхъ этими тѣлами въ его мозгу“.

Сужденіе о разстояніи предметовъ, основанное на зрѣніи двумя глазами, даетъ намъ правильное представленіе о другомъ свойствѣ матеріи. Это сужденіе характеризуется Декартомъ какъ „актъ мысли, который, будучи не болѣе какъ актомъ простаго воображенія, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ разсужденіе, совершенно подобное тому, какое дѣлаютъ межевщики, когда, пользуясь двумя станціями, измѣряютъ разстояніе двухъ мѣстъ“. Въ этихъ словахъ просвѣчиваетъ и мысль Гельмгольца о безотчетныхъ умозаключеніяхъ.

Сигналы о протяженіи и движеніи говорятъ намъ о реальныхъ свойствахъ матеріи. Пользуясь только ими, Декартъ построилъ природу съ геніальностью, вызывающей удивленіе.

Характерная черта ученія Декарта—изгнаніе изъ науки о природѣ потаенныхъ свойствъ и указаніе на возможность объясненія физическихъ явленій движеніемъ—обусловила его живучесть, и научное направленіе, руководящееся принципами Декарта, называется картезіанскимъ или кинетическимъ.

Чтобы отгнѣнить еще болѣе значеніе Декарта, я считаю нужнымъ указать на другую школу, явившуюся нѣсколько позднѣе и вступившую въ борьбу со школой картезіанской. Это другое направленіе носитъ названіе ньютоніанскаго или динамическаго.

Главный трудъ Декарта „Principia philosophiae“ появился въ 1644 г. Черезъ сорокъ три года, въ 1687 г., Ньютонъ открываетъ законъ всемірнаго тяготѣнія. Не рѣшаясь дать объясненіе причины тяготѣнія, Ньютонъ предоставляетъ усмотрѣнію читателя рѣшить вопросъ о матеріальности или нематеріальности этой причины. Ньютонъ впервые съ совершенною ясностью формулируетъ представленіе о силахъ, дѣйствующихъ между тѣлами на разстояніи, не привлекая къ этой формулировкѣ представленія о посредствующемъ матеріальномъ передатчикѣ. Такимъ образомъ было положено основаніе ученію о законѣрныхъ причинахъ, не допускающихъ механическаго объясненія и не нуждающихся въ немъ; первоисточниками всѣхъ явленій были выставлены разнообразныя силы, которыми одарены частицы матеріи. Эта идея возвращаетъ умы къ потаеннымъ свойствамъ, противъ которыхъ такъ настойчиво боролся Декартъ, съ тѣмъ различіемъ, что въ ньютоніанской школѣ эти свойства явились облеченными въ строгія математическія формы. Понятно, что ньютоніанское направленіе должно было вызвать сочувствіе теологовъ и религіозно настроенныхъ кружковъ Англій. Ньютону не представлялась необходимость дѣлать оговорки или вступать въ компромиссы, подобно Декарту. Успѣхъ, который имѣла школа Ньютона, несмотря на то обстоятельство, что въ основѣ ея лежалъ принципъ, сродный съ тѣми, какіе господствовали

въ схоластическихъ ученіяхъ, невольно приводитъ къ вопросу, дѣйствительно ли представленія о потаенныхъ свойствахъ, самостяхъ, аппетитахъ и т. д. могутъ оказать серьезное препятствіе развитію научной мысли?

Центръ тяжести успѣховъ ньютоніанскаго ученія заключается не въ томъ, что представлялось наиболѣе существеннымъ и важнымъ въ ученіяхъ схоластическихъ, т.-е. не въ приписываніи природѣ особыхъ свойствъ, лежащихъ внѣ человѣческаго пониманія. Не открытіе какихъ-то новыхъ качествъ матеріи представляетъ одну изъ великихъ заслугъ Ньютона передъ наукой. Наша мысль обращается къ особымъ свойствамъ матеріи, когда намъ непонятны соотношенія между явленіями; но мы забываемъ при этомъ, что въ области, недоступной мышленію, не существуетъ и основъ для какихъ бы то ни было сужденій, а слѣдовательно и о томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ новыми или старыми качествами матеріи. Въ цѣпи умозаключеній, которыя должны привести насъ отъ внѣшности, доступной нашимъ ощущеніямъ, къ ея скрытому механизму, Ньютонъ установилъ рядъ звеньевъ, скрѣпленныхъ между собою и съ явленіями посредствомъ ясно сформулированныхъ математическихъ соотношеній. Въ этомъ заключается великое открытіе Ньютона. Только нашей волей и конечно не на пользу знанія можетъ быть предопредѣлена остановка мышленія на одной изъ этихъ промежуточныхъ стадій, какъ принятой за первоисточникъ явленія. Такое предопредѣленіе не находится ни въ какой связи со смысломъ ньютоніанскаго ученія о силѣ, а потому оно являлось только внѣшнимъ, временнымъ придаткомъ. Такимъ образомъ, ньютоніанское ученіе въ дѣйствительности имѣло тотъ же смыслъ, который приписывается физическимъ теоріямъ и современной наукой: смыслъ символа, промежуточнаго звена въ цѣпи тѣхъ разсужденій, конечный результатъ которыхъ, по мнѣнію однихъ, не можетъ быть еще указанъ съ достовѣрностью, по мнѣнію же другихъ, долженъ привести къ объясненію явленій въ смыслѣ принциповъ Декарта.

Возвращаясь къ изложенію ученія Декарта, замѣтимъ, что сущность его приѣма заключается въ томъ, что всякое свойство природы, не подводимое подъ категоріи пространства и движенія, вычеркивается изъ разряда причинъ и переносится въ разрядъ проблемъ. Такой приѣмъ ведетъ уже къ открытію новыхъ законовъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, по духу картезіанскихъ ученій, сила есть проблема, а не свойство природы. Но вычеркивая силу изъ числа первоисточниковъ явленій, мы должны считаться съ неволью возникающимъ сомнѣніемъ: съ упраздненіемъ двигателей не долженъ ли остановиться тотъ механизмъ, который мы подставляемъ на мѣсто природы? Необходимость устранения подобнаго сомнѣнія приводитъ къ двумъ новымъ законамъ. Первый изъ нихъ есть законъ инерціи: тѣло сохраняетъ то состояніе покоя или движенія, въ которомъ оно находится; измѣненіе этого состоянія можетъ произойти только передачею движенія отъ другого движущагося тѣла. Но одинъ законъ инерціи еще недостаточенъ для сохраненія вселенной: движенія, передаваясь, могутъ вычитаться другъ изъ друга, т.-е. въ природѣ движеніе можетъ уменьшаться, и представляется возможность его исчезновенія, т.-е. покой матеріи, уничтоженіе явленій. Такая перспектива станетъ невозможною, если подчинить передачу движеній новому закону—закону сохраненія количества движенія въ природѣ.

Только благодаря отсутствію точной формулировки, эти идеи Декарта не заняли въ свое время такого же выдающагося положенія, какъ открытія Ньютона.

Въ современной наукѣ неизмѣнность количества движенія опредѣляется какъ законъ сохраненія энергіи и притомъ, съ картезіанской точки зрѣнія, какъ законъ сохраненія кинетической энергіи. Воззрѣнія, которыя привели Декарта къ мыслямъ, вращавшимся около этого основного закона естествознанія, далеко не обычны; доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что другой геніальный мыслитель, Ньютонъ, выставлялъ противъ кинетическихъ ученій то наиболѣе сильное, по его мнѣнію, возраженіе, что, если сво-

дить всѣ силы къ движеніямъ, то эти послѣднія должно признавать столь же неразрушимыми, какъ и матерію.

Въ связи съ представленіемъ о сохраненіи количества движенія находятся и совершенно правильныя воззрѣнія Декарта на теплоту: теплота есть продолжающееся движеніе трущихся кусковъ. Декартъ прозрѣваетъ и другую характерную черту передачи движеній, формулированную и развитую только въ послѣдней половинѣ нашего вѣка, какъ законъ уменьшенія свободной энергіи природы, т.-е. энергіи, способной давать работу. Вопросъ касается передачи движенія большими, видимыми массами массамъ меньшимъ и незамѣтнымъ, касается, слѣдовательно, преобразованія движеній видимыхъ въ незримо-малыя. Вотъ что говоритъ Декартъ: „представляется гораздо больше случаевъ передачи движенія отъ самыхъ большихъ тѣлъ — самымъ малымъ, нежели случаевъ обратныхъ, когда самыя малыя тѣла могутъ передавать свое движеніе большимъ“.

Итакъ, по Декарту, характеристикой матеріи является протяженность въ длину, ширину и глубину, т.-е. геометрическая фигура или форма *). Все, имѣющее протяженіе, есть тѣмъ самымъ и тѣло или матерія. Для Декарта нѣтъ пустого пространства, не наполненнаго матеріей. Мы должны различать мысленное, воображаемое дѣленіе пространства на части отъ его дѣйствительнаго, реальнаго раздѣленія. Это послѣднее совершается движеніемъ его отдѣльныхъ частей. Такимъ образомъ, матеріальный міръ есть мозаика большихъ и малыхъ фигурокъ, движущихся такъ, что совокупность ихъ безъ промежутковъ наполняетъ пространство. Въ этой пестрой смѣси фигуръ и движеній лежатъ всѣ явленія природы. Изъ ученія Декарта слѣдуетъ, что равные объемы пространства содержатъ въ себѣ одинаковое количество вещества, но отсюда не вытекаетъ однако, что одни и тѣ же утвержденія можно дѣлать, напримѣръ, относительно равныхъ объемовъ ваты и свинца. Матеріальныя

*) Обстоятельное изложеніе физическихъ ученій Декарта помѣщено въ сочиненіи проф. Н. Любимова „Философія Декарта“.

частицы ваты плюсъ неощущаемая нами матерія, наполняющая промежутки, даютъ въ суммѣ, по Декарту, то же количество матеріи, какъ и матеріальныя частицы такого же объема свинца, принимая опять во вниманіе неощутимую матерію, находящуюся въ томъ же объемѣ. Чтобы провести параллель между опредѣленіемъ количества матеріи, съ точки зрѣнія Декарта, и опредѣленіемъ массы въ современной наукѣ, допустимъ, что въ двухъ равныхъ объемахъ могутъ быть приведены въ движеніе *доступными* намъ приемами только различныя количества вещества. Современная наука, опредѣляющая массу тѣла тѣмъ сопротивленіемъ, которое оно оказываетъ измѣненію своего состоянія движенія, припишетъ этимъ объемамъ различныя массы, хотя они равны. Такимъ образомъ, опредѣленія Декарта не находятся въ противорѣчьи съ современнымъ опредѣленіемъ массы тѣлъ. Мы можемъ сдѣлать только то замѣчаніе, что представленіе о массѣ не выработано Декартомъ: причины этого пробѣла надо искать въ чрезвычайной широтѣ принциповъ; переходъ отъ этихъ принциповъ къ обыденнымъ вопросамъ механики въ то время былъ невозможенъ. Мы увидимъ далѣе, какимъ образомъ совершается этотъ переходъ въ современныхъ картезіанскихъ ученіяхъ.

Теперь идея о возможности взаимодѣйствія между тѣлами на разстояніи безъ посредствующей среды, всегда противная уму естествоиспытателя, оставлена наукой. Если земля стремится упасть на солнце или камень—на землю, то не потому, что между ними есть реальная взаимодѣйствующая сила: представленіе о силѣ замѣняется представленіемъ о междупланетной, не ощущаемой нами средѣ, находящейся въ особомъ состояніи натяженія или движенія, результатомъ котораго и является перемѣщеніе небесныхъ свѣтилъ, объясняемое ихъ кажущимся взаимодѣйствіемъ. Дѣйствіе не передается черезъ пустоту, а только черезъ матерію *). Эта идея, усматривающая въ силѣ, согласно съ

*) Правильнѣе: состояніе движенія, въ которомъ находится одно тѣло, не можетъ вліять на состояніе движенія другого, если они раздѣлены пустотой.

Декартомъ, не свойство матеріи, но задачу, подлежащую разрѣшенію, оказалась въ высокой степени плодотворною въ области электромагнитныхъ явленій.

Рельефно и рѣзко выступаетъ она въ трудахъ Декарта. Я приведу здѣсь его слова, которыя до послѣдняго времени оставались не только не понятными, но и подвергались осужденію. Эти слова въ сущности указываютъ, насколько Декартъ въ философіи науки стоялъ выше своихъ современниковъ. Дѣло идетъ о законахъ паденія тѣлъ въ пустотѣ. Декартъ пишетъ Мерсенну о Галилеѣ *) (стр. 72): „все, что онъ (Галилей) говоритъ о скорости тѣлъ, падающихъ въ пустотѣ, не имѣетъ основанія; онъ долженъ былъ бы предварительно опредѣлить, что такое тяжесть, и еслибы его опредѣленіе было вѣрно, то онъ зналъ бы, что ея нѣтъ въ пустотѣ“.

Это замѣчаніе Декарта имѣетъ силу и по отношенію къ нѣкоторымъ современнымъ намъ физикамъ, которые по странному недоразумѣнію говорятъ о паденіи тѣлъ въ пустотѣ. Въ абсолютной пустотѣ нѣтъ среды, и потому нѣтъ никакой связи между тѣломъ, окруженнымъ пустотой, и землею. Движеніе тѣла, единственно возможное при данныхъ условіяхъ, указано Декартомъ въ письмѣ къ*** **):

„Полагаю, что природа движенія такова, что, если тѣло пришло въ движеніе, уже этого достаточно, чтобъ оно его продолжало съ тою же скоростью и въ направленіи той же прямой линіи, пока оно не будетъ остановлено или отклонено какою-либо другою причиною“. Въ абсолютной пустотѣ, еслибы она была возможна, тѣла обладали бы тѣмъ же движеніемъ, какъ и лучистая матерія Крукса. Замѣтимъ, что въ стеклянныхъ запаянныхъ трубкахъ, въ которыхъ разрѣженіе воздуха доводилось до такой степени, что черезъ нихъ не проходилъ болѣе электрической разрядъ, дѣйствіе земли на тѣла не прекращалось: тѣла падали. Изъ этого

*) Lettres de M-r Descartes, MDCLIX, T. II, lettre XCI.

***) Op. c. lettre XV à M-r ***.

факта современный картезианецъ долженъ заключить о существованіи матеріи въ такихъ трубкахъ.

Какъ подойти къ объясненію силъ, дѣйствующихъ повидимому между тѣлами? Сила, по опредѣленію механики, есть причина, измѣняющая движеніе тѣла. Но движеніе тѣла съ картезианской точки зрѣнія можетъ измѣняться только движеніями непосредственно соприкасающихся съ нимъ тѣлъ. Итакъ, объясненіе будетъ такое: сила, т.-е. причина, измѣняющая движеніе тѣла, есть движеніе невидимой нами матеріи, окружающей тѣло. Такъ рѣшается эта задача въ цѣломъ рядѣ современныхъ намъ теорій. Рядомъ съ непосредственно ощущаемыми нами тѣлами или матеріальными массами I. I. Томсонъ и знаменитый физикъ Гертцъ принимаютъ скрытыя массы и скрытыя движенія (*verborgene Massen* и *verborgene Bewegungen*). Признаніе существованія невидимыхъ массъ и невидимыхъ движеній является неизбѣжнымъ результатомъ картезианскихъ представлений. Вотъ что говоритъ Декартъ: „присутствіе тѣла всегда знаменуется тѣмъ, что мы чувствуемъ. Напротивъ, мы наименѣе ощущаемъ тѣла, которыя насъ обыкновенно окружаютъ, и вовсе не чувствуемъ тѣхъ, которыя всегда около насъ“. Замѣтимъ, что современные намъ картезианцы должны считать послѣдніе элементы скрытыхъ массъ, также какъ и Декартъ, нерастяжимыми и несжимаемыми.

Картезианская точка зрѣнія приводитъ къ особому представленію объ энергіи. Подымая камень съ поверхности земли, я запасаю въ системѣ *камень — земля* работу, такъ называемую потенциальную энергію, которая проявляется и можетъ быть взята изъ этой системы при паденіи камня на землю. Энергія, которою обладаетъ тѣло въ силу своего движенія, есть энергія кинетическая. Такимъ образомъ въ природѣ мы находимъ двѣ формы энергіи — потенциальную и кинетическую: съ точки зрѣнія современныхъ картезианцевъ существуетъ только одна энергія—кинетическая. Потенциальная энергія есть кинетическая энергія скрытыхъ отъ насъ движеній.

Вопросъ о соотношеніи между ощущаемою и неоощаемою матеріей рѣшается также Декартомъ. Вначалѣ вселенная была наполнена частицами одной и той же матеріи, имѣвшими приблизительно одинаковую величину. Частицы не могли имѣть шаровидной или округленной формы, такъ какъ при такомъ условіи онѣ не могли бы наполнять пространства сплошь, безъ промежутковъ.

Вещественный океанъ не былъ въ покоѣ, его части находились въ движеніи. Количество вещества данной фигуры опредѣляется по Декарту только ея объемомъ; поэтому количество вещества въ природѣ должно быть неизмѣннымъ. Такимъ образомъ движущаяся однообразная матерія наполняла вселенную въ эпоху, предшествовавшую образованию небесныхъ свѣтилъ, — въ эпоху, въ которую, по воззрѣніямъ современнаго химика Крукса, все пространство было занято первичною матеріей — протиломъ. Итакъ, Декартъ устанавливаетъ единообразіе матеріи во вселенной. Естествоиспытатель, принимая неизмѣняемость количества матеріи, тѣмъ не менѣе не будетъ утверждать, что элементы, встрѣчаемые въ корѣ нашей планеты, существовали отъ вѣка съ тѣми же свойствами и въ томъ же количествѣ, какъ и въ настоящее время. Современная наука не отрицаетъ возможности нарожденія элементовъ, т.-е. видовъ вещества, и въ ученіи Декарта это нарожденіе и видоизмѣненіе является результатомъ движеній первичной матеріи.

Подвижныя части, не имѣвшія шаровидной формы, должны были постепенно отшлифовываться въ форму почти круглую. Отпавшіе при такой шлифовкѣ оскребки — остатки первичной матеріи, мелкіе и тонкіе, называемые Декартомъ первымъ элементомъ, наполняютъ всѣ поры и промежутки, какъ бы малы, узки и угловаты они ни были. Образовавшіеся шарики представляютъ второй элементъ Декарта. Частицы 1-го элемента, двигаясь въ многогранныхъ пространствахъ между шариками 2-го элемента, принимаютъ вѣтвистыя и улиткообразныя формы. Сцѣпляясь между

собою, онѣ образуютъ то, что мы называемъ вѣсомую матеріей; это — 3-й элементъ Декарта. Небесныя свѣтила суть пламенѣющія массы, образованныя 1-мъ элементомъ; темныя пятна на ихъ поверхности—это сѣпвшіяся части того же 1-го элемента, т.-е. 3-й элементъ или вѣсовая матерія. Процессъ образованія темныхъ пятенъ происходилъ нѣкогда на малой звѣздѣ — землѣ и обратилъ ее мало-помалу въ темное тѣло, состоящее изъ болѣе грубыхъ частицъ, образующихъ ея кору, ея атмосферу и жидкую внутренность.

Скрытыя массы представляются 2-мъ элементомъ, наполняющимъ междупланетное пространство; его движенія суть движенія скрытыя. Точно также и частицы 1-го элемента, пока онѣ движутся между частями 2-го и не собираются въ отдѣльныхъ мѣстахъ пространства, представляютъ скрытыя массы; движенія ихъ тоже скрыты.

Весь генезисъ матеріи сводится такимъ образомъ къ возникновенію различныхъ элементарныхъ формъ, которыя, сѣпляясь другъ съ другомъ и составляя новыя агрегаты, образуютъ различные виды матеріи.

Строеніе вещества очень грубо, по понятіямъ Декарта; но эта грубость находитъ свое оправданіе въ недостаточности механическихъ представленій, которыя могли быть созданы и накоплены только послѣдующими поколѣніями. Частицы воды, по Декарту, длинны, тонки и скользки; онѣ переплетаются, но ихъ взаимныя связи настолько слабы, что частицы могутъ быть легко разъединены. Декартъ сравниваетъ такія частицы съ угрями. Представляя въ популярной формѣ современныя намъ воззрѣнія на строеніе жидкостей, мы предположили бы толпу людей, движущихся въ разныя стороны такъ, что каждый беретъ сосѣда за руку, протискивается впередъ, хватаетъ руку встрѣчнаго и покидаетъ прежняго. Смысль обоихъ сравненій одинаковъ. По Декарту, частицы масла вѣтвисты; онѣ зацѣпляются въ порахъ бѣлья, а потому масло не испаряется съ его поверхности такъ быстро, какъ вода. Части земли и воздуха тоже вѣтвисты, на по-

добіе обломковъ кустовъ. Густо переплетенныя, онѣ образуютъ твердыя тѣла; раздѣленныя волненіемъ тонкой матеріи, онѣ носятя подобно пуху и образуютъ воздухъ. Частицы соли подобны игламъ, чѣмъ и объясняется ихъ острый вкусъ. Понятія наивныя, но цѣнныя для своего времени, какъ содержащія попытку механическаго объясненія свойствъ матеріи. Не представляютъ ли они, однако, и нѣчто большее, а именно прообразъ блоковъ, ремней, зубчатыхъ колесъ, которыми современные гениальные мыслители иллюстрируютъ строеніе невидимаго и неосязаемаго эфира?

Разсмотримъ теперь, какія движенія совмѣстимы съ представленіями Декарта о матеріи. Мы знаемъ, что она состоитъ изъ непосредственно соприкасающихся матеріальныхъ частицъ, нерастяжимыхъ и несжимаемыхъ. Слѣдовательно, всѣ мѣста пространства наполнены тѣлами, и определенное количество матеріи не можетъ растягиваться въ болышій и сжиматься въ меньшій объемъ. При этихъ условіяхъ, движенія должны быть кольцеобразны, и потоки матеріи замыкаются: когда одно тѣло уступаетъ мѣсто другому тѣлу, его вытѣсняющему, оно, въ свою очередь, замѣщаетъ третье мѣсто и т. д. опять до перваго; движеніе замыкается, какъ, напримѣръ, въ случаѣ теченія жидкости по кольцеобразной трубкѣ или по каналу, какъ движеніе точекъ быстро вертящагося волчка и т. д.

Такъ точно опредѣляются въ современной физикѣ движенія, играющія выдающуюся роль въ объясненіи явленій природы механическими образами или символами. Это — циклическія движенія, введенныя въ науку Гельмгольцемъ.

Конечно, между циклами Гельмгольца, облеченными въ ясную математическую форму, и циклами Декарта лежитъ громадное разстояніе. Но если мы остановимся на томъ вѣроятномъ фактѣ, что въ мірѣ мысли, какъ и въ матеріальной природѣ, нѣтъ произвольнаго зарожденія, а существуетъ только развитіе, эволюція, что современная мысль возникаетъ на несознаваемомъ фонѣ идей, переданныхъ намъ

предшествующими поколѣніями, то родство цикловъ Гельмгольца и Декарта неоспоримо.

Движенія первичной матеріи, по Декарту, какъ кольцеобразныя, должны были сгруппироваться въ безчисленное множество вихрей, изъ которыхъ одни могли всасывать въ себя другіе и увеличиваться въ объемѣ. Установившихся вихрей сохранилось столько, сколько есть въ природѣ небесныхъ тѣлъ. 1-ый элементъ всасывался внутрь вихря и образовывалъ тамъ пламенѣющую массу, на поверхности которой скоплялись болѣе грубыя частицы 3-го элемента. Большіе вихри увлекаютъ меньшіе и заставляютъ ихъ двигаться около своего центра. Эти малые вихри образуютъ съ теченіемъ времени планеты и т. д. Вихри или небо состоятъ изъ шариковъ 2-го элемента, и ощущеніе свѣта есть результатъ давленія этихъ небесныхъ шариковъ на сѣтчатку нашего глаза.

Мы не пойдемъ далѣе въ изложеніи механическаго міросозерцанія Декарта. Изъ трудовъ, содержаніе которыхъ цѣликомъ вошло въ современную науку, укажемъ на замѣчательныя работы Декарта по оптикѣ—формулировку закона преломленія, правильныя начала теоріи радуги. Здѣсь проявляется въ своемъ полномъ блескѣ не только математическій гений Декарта, но и его искусство пользоваться опытомъ для математическихъ дедукцій.

Декартъ, какъ говорилъ Гюйгенсъ въ 1690 г., впервые открылъ, что физическія явленія должны быть выводимы изъ принциповъ, доступныхъ нашему мышленію, что всѣ явленія должны быть объясняемы не чудесными свойствами матеріи, а только движеніями ея частей. *Сила*, какъ свойство, лежитъ *вне мышленія* человѣческаго.

Перейдемъ теперь къ описанію судебъ ученій Декарта.

Ньютоновская школа развивалась въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка. Къ этому же времени относится и ея упорная борьба съ картезіанскимъ міровоззрѣніемъ.

Кинетическія ученія, нашедшія свое выраженіе и въ теоріи волненій свѣтового эфира, подвергались большому и

большему игнорированію. Система Ньютона представлялась монолитомъ: нельзя было выбросить чего-либо, не повредивъ всего построения. Въ основу всѣхъ явленій клали первичныя силы матеріи. Каждая динамическая идея разсматривалась какъ источникъ точнаго и твердаго научнаго знанія, каждая попытка кинетическаго объясненія — какъ фантастическая гипотеза: въ сочиненіяхъ этой эпохи подъ рубрикой, озаглавленной словомъ «гипотеза», стоитъ утвержденіе, что гипотезы должны быть выбрасываемы изъ физики.

Реформа физики въ смыслѣ идей Ньютона началась въ Англіи въ то время, когда во Франціи и на остальномъ континентѣ еще господствовали идеи Декарта. Это различіе научныхъ принциповъ рельефно изображается въ письмахъ Вольтера. Французъ, говоритъ онъ, пріѣзжающій въ Лондонъ, находитъ всѣ философскіе вопросы сильно измѣненными. Онъ оставилъ міръ наполненнымъ и находитъ его пустымъ. Въ Парижѣ вселенная представлялась ему состоящей изъ однихъ вихрей тонкой матеріи, въ Лондонѣ ничего подобнаго не замѣтно. У насъ морскіе приливы производятся давленіемъ луны, у англичанъ само море стремится къ лунѣ; во Франціи солнце не принимаетъ участія въ этомъ явленіи, а тамъ и оно кое-что къ нему присоединяетъ. У насъ, картезианцевъ, все совершается импульсомъ, едва ли кому понятнымъ, у Ньютона дѣйствуетъ притяженіе, причина котораго столь же неизвѣстна. Въ Парижѣ представляютъ себѣ міръ въ видѣ арбуза, въ Лондонѣ онъ сплюсненъ съ двухъ сторонъ и т. д.

Въ концѣ первой половины 18-го вѣка профессоръ физики въ Оксфордѣ Джонъ Кейль высказывается такъ: „въ наше время механическая философія всюду прославляется и разрабатывается, но въ трудахъ большинства физиковъ мы находимъ не ее, а только одно ея названіе, имя. Въ нихъ на мѣсто дѣйствительныхъ механическихъ принциповъ ставятся фигура, промежутки и движеніе тѣлецъ, которыя навсегда останутся скрытыми, и требуется довѣріе къ чудеснымъ

свойствамъ тонкой матеріи, противорѣчащимъ всѣмъ законамъ природы.

„Всѣ эти заблужденія происходятъ отъ того, что люди, незнакомые съ геометрией, рѣшаются философствовать, забывая, что, не ставя геометріи въ основу физики, мы осуждаемъ себя на галлюцинаціи. Вождь этихъ философовъ есть Декартъ, который, хотя и былъ великимъ геометромъ и увѣрялъ, что все объяснить механически, но чтобы понравиться въ своей философіи невѣжественной толпѣ, не пользовался геометрией и прошелъ какъ можно дальше отъ нея. Истинные механическіе философы это — божественный Архимедъ, Рожеръ Бэконъ и Карданъ, затѣмъ Галилей, Торичелли, Паскаль, Гюйгенсъ, Бойль, Валлисъ, Галлей и Ньютонъ — знаменитѣйшій изъ всѣхъ“.

И современные намъ картезианцы считаютъ тѣ же имена представителями знанія и механическихъ ученій. Чудесныя свойства матеріи, противорѣчащія, по Кейлю, всѣмъ законамъ природы, пользуются полнымъ довѣріемъ науки.

Эти колебанія мысли, спутники упорной и добросовѣстной работы тружениковъ науки, свидѣлствуютъ о томъ, что разсматриваемая эпоха представляетъ главу особенно цѣнную для историка-психолога. Здѣсь, вращаясь среди группы совершенно опредѣленныхъ и конкретныхъ фактовъ, мы можемъ сравнивать съ современной постановкой и рѣшеніемъ физическихъ проблемъ ихъ постановку и рѣшеніе въ прошломъ. Слѣдя за усиліями человѣческаго разума въ исканіи точнаго знанія, мы видимъ, какъ передъ нами рельефно и осязательно выступаютъ общія свойства нашего мышленія. Мы открываемъ, что отсутствіе творческой дѣятельности ведетъ къ умственному застою и не можетъ быть замѣнено собираніемъ и накопленіемъ фактовъ. Творчество выразилось, съ одной стороны, въ методахъ наблюдений, съ другой — въ созданіи образовъ, дающихъ намъ руководящія идеи, которыя или направляютъ изслѣдованія, или связываютъ ихъ и досказываютъ то, что не можетъ быть постигаемо непосредственно нашими чувствами. Раскрытію за-

коновъ, управляющихъ какимъ-нибудь классомъ явленій, часто предшествовало созданіе образа въ совершенно иной области. Мы имѣемъ передъ собою примѣры, когда собраніе фактовъ въ опредѣленной группѣ явленій безъ предварительнаго обсужденія метода, отодвигало на столѣтія открытіе управляющихъ этими явленіями законовъ. Методъ даетъ форму собираемымъ фактамъ, и въ зависимости отъ него факты или укладываются въ прочное зданіе, или же, угловатые, не пригнанные другъ къ другу, могутъ быть соединяемы только въ искусственныя построенія, распадающіяся безъ внѣшнихъ подпорокъ и усилий. Нерѣдко открытіе законовъ замедлялось, только благодаря тому обстоятельству, что вмѣсто отсчета по прямой линіи производился отсчетъ по дугѣ круга, или наблюдатель смотрѣлъ на предметъ исключительно спереди, не разсматривая его сбоку, и т. д.

Образы окружающаго насъ неизвѣстнаго опредѣленностью своей формулировки должны естественно указывать и границы для человѣческаго мышленія. Но не эти стороны придаютъ имъ важное научное значеніе, а тѣ, которыя не имѣютъ съ ними ничего общаго. Ограничительный характеръ образа представляется наиболѣе важнымъ въ глазахъ подражателей великихъ двигателей человѣческой мысли и тѣхъ дѣятелей, которые, не имѣя ничего общаго съ наукой, считали себя вправѣ вмѣшиваться въ ея интересы. Развитие знанія показываетъ еще, что приемы въ высокой степени простые приводятъ къ величайшимъ открытіямъ, откуда слѣдуетъ, что истины, которыхъ мы ищемъ, не настолько скрыты отъ насъ, какъ мы обыкновенно предполагаемъ. Обстоятельное изученіе разсматриваемой нами эпохи приводитъ извѣстнаго историка физики Розенбергера къ мыслямъ, высказаннымъ Ланге въ его „Исторіи материализма“:

„Тотъ, кто видитъ въ исторіи неразлучимое сліяніе заблужденія и истины, кто замѣчаетъ, какимъ образомъ непрестанное приближеніе къ бесконечно-далекой цѣли совершеннаго по-

знанія проходить черезъ безчисленное множество посредствующихъ ступеней, кто усматриваетъ въ этомъ, что самое заблужденіе становится носителемъ разнообразнаго и прочнаго прогресса, тотъ отъ успѣховъ современности не придетъ такъ легко къ заключенію о непреложности нашихъ гипотезъ. Важнѣйшій результатъ историческаго созерцанія есть академическое спокойствіе, съ которымъ наши гипотезы и теоріи безъ вражды и преклоненія разсматриваются только въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, какъ ступени того безконечнаго приближенія къ истинѣ, въ которомъ, повидимому, лежитъ назначеніе нашего духовнаго развитія“.

Ставши на такую точку зрѣнія и опуская описаніе развитія картезіанскихъ идей въ нашемъ столѣтіи, мы представимъ здѣсь современное намъ отношеніе обоихъ ученій—кинетическаго и динамическаго.

Физическія теоріи имѣютъ или чисто-символическій смыслъ, описывая условнымъ языкомъ группу явленій, или же стремятся проникнуть въ механизмъ явленій, сводя ихъ къ движенію матеріальныхъ частицъ. Въ дѣйствительности послѣднія теоріи остаются картезіанскими только по своей цѣли и стремленіямъ, но не по выполненію. Изгоняя силы, дѣйствующія на разстояніи между тѣлами, доступными нашимъ ощущеніямъ, онѣ переносятъ ихъ въ неосязаемый міръ молекулъ и атомовъ. Теорія, останавливающаяся на молекулахъ и атомахъ, какъ на послѣднемъ представленіи, не можетъ быть картезіанской, потому что устойчивость системы атомовъ немыслима безъ ньютоніанскаго представленія о взаимныхъ силахъ. Ньютоніанскій символъ силы чертитъ такимъ образомъ магическій кругъ, внутри котораго вращается научная мысль. Послѣ упорнаго ответственнаго труда въ теченіе двухъ вѣковъ мы не находимъ еще строго выдержаннаго построенія явленій въ духъ Декарта. Наука маскируетъ этотъ пробѣлъ, разсматривая чуждое картезіанству представленіе о внутреннихъ силахъ только какъ обозначеніе неизвѣстныхъ намъ механическихъ процессовъ въ скрытыхъ отъ насъ матеріальныхъ системахъ.

Однако, несмотря на всю свою трудность, задача строго и послѣдовательно провести идеи Декарта не оставлена. Существенное препятствіе для послѣдовательнаго проведенія картезианскихъ идей заключалось въ томъ, что до послѣдняго времени была извѣстна только ньютоніанская механика. Недавно, можно сказать почти наканунѣ трехсотлѣтняго юбилея Декарта, современный ученый, преждевременно угасшій, далъ намъ строго формулированные принципы картезианской механики. Въ ней аксіомы механики Ньютона представляютъ или частныя слѣдствія, или же задачи, подлежащія рѣшенію.

Мы начнемъ выясненіе этихъ мыслей разсмотрѣніемъ одного мѣста, взятаго изъ сочиненій Декарта и ставшаго предметомъ незаслуженнаго осужденія.

„Можно утверждать съ достовѣрностью, что камень не одинаково расположенъ къ принятію новаго движенія или къ увеличенію скорости, когда онъ движется *очень скоро* и когда онъ движется *очень медленно*“.

Это мѣсто находится въ прямомъ противорѣчій съ аксіомой ньютоніанской механики о независимости дѣйствія силы отъ состоянія движенія, въ которомъ находится тѣло, подверженное этому дѣйствію. Аксіома находится въ тѣсной связи съ индифферентнымъ отношеніемъ Ньютона къ вопросу о матеріальности или нематеріальности причины тяготѣнія; извѣстно, что гениальный мыслитель предоставилъ его рѣшеніе усмотрѣнію читателя. Между тѣмъ значеніе утвержденія Ньютона будетъ далеко не одинаковымъ, остановимся ли мы на томъ или другомъ воззрѣніи на источникъ силы. Если сила есть нематеріальное свойство тѣлъ, то ясно, что, напримѣръ, сила, съ которою земля дѣйствуетъ на камень, не зависитъ отъ движенія камня. Если же сила является результатомъ особаго состоянія скрытой отъ насъ промежуточной среды, окружающей землю и камень, то такая среда можетъ обладать тѣмъ свойствомъ, что ея состояніе, а слѣдовательно и производимое имъ дѣйствіе, не зависитъ отъ движенія камня; но такая независимость бу-

детъ частнымъ случаемъ, который не можетъ быть возведенъ въ аксіому. Вообще говоря, движеніе тѣлъ можетъ измѣнить состояніе среды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствіе этой среды на тѣла, приписываемое обыкновенно силамъ, исходящимъ изъ тѣлъ. Извѣстно, на примѣръ, что измѣненіе скорости движенія магнита, падающаго передъ мѣднымъ листомъ, зависитъ отъ этой скорости; слѣдовательно, при извѣстныхъ условіяхъ, движеніе тѣла измѣняетъ состояніе той скрытой среды, которая передаетъ дѣйствіе силы. Мы не можемъ также утверждать, что аксіома Ньютона сохранится и въ простомъ случаѣ паденія тѣлъ, если тѣла будутъ двигаться со скоростями, сравнимыми со скоростью свѣта.

Вообще, картезіанецъ не можетъ говорить объ одной и той же силѣ, которая дѣйствовала бы на одно и то же тѣло, но въ двухъ различныхъ состояніяхъ движенія. Подобное же должно быть сказано и о той части аксіомы Ньютона, въ которой утверждается независимость дѣйствія нѣсколькихъ силъ, приложенныхъ къ тѣлу; такое мнѣніе можетъ быть возведено въ аксіому, только если усматривать въ силѣ не матеріальное свойство тѣлъ. Если же каждая сила есть результатъ особаго состоянія среды, то утвержденіе Ньютона будетъ справедливо въ томъ лишь случаѣ, когда совмѣщеніе нѣсколькихъ различныхъ состояній среды не сопровождается ихъ взаимнымъ разстройствомъ. Такимъ образомъ, утвержденіе о независимости дѣйствія силъ можетъ явиться въ картезіанской механикѣ въ видѣ частнаго случая, но не аксіомы. Мнѣніе, высказанное Декартомъ, показываетъ только, что онъ не могъ допустить какъ принципъ того, что въ картезіанскихъ воззрѣніяхъ возможно лишь при особыхъ свойствахъ скрытыхъ отъ насъ средъ. Мы видимъ отсюда, что рѣшеніе вопроса о матеріальности или нематеріальности источника силы далеко не безразлично, какъ думалъ гениальный Ньютонъ.

Разсмотримъ теперь третій законъ Ньютона—законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія. Вотъ что говоритъ по поводу этой аксіомы Герцъ въ своемъ замѣчательномъ тру-

дѣ „Die Principien der Mechanik in neuerem Zusammenhange dargestellt“, появившемся послѣ его смерти, въ 1894 г.: „So ist die Electrodynamic bereits fast überzeugt davon, dass die Wechselwirkung zwischen bewegten Magneten dem Prinzip nicht in allen Fällen genau unterworfen ist“.

Солнце притягиваетъ планету съ тою же силою, съ какой планета притягиваетъ солнце: это—ньютоновская аксіома. Для картезианца это не аксіома, а теорема, которую должно доказать, исходя изъ особыхъ свойствъ междупланетной среды. Итакъ, третій законъ Ньютона тоже не можетъ быть положенъ въ основу картезианской механики.

Передъ нами раскрываются смѣлыя гипотезы Ньютона, гипотезы безсознательныя. Упомянемъ еще объ одномъ неточномъ пониманіи идей Декарта. Его упрекаютъ въ недостаточномъ выясненіи понятія массы. Декартъ не опредѣляетъ массы тѣла какъ сопротивленіе, оказываемое имъ измѣненію его состоянія движенія. Такое опредѣленіе было невозможно для Декарта, потому что для него сила не представлялась чѣмъ-то самобытнымъ и первоначальнымъ. Въ глазахъ ньютоновца каждое тѣло имѣетъ опредѣленную неизмѣнную массу, такъ какъ оно разсматривается обособленнымъ отъ промежуточной среды, отъ той скрытой матеріальной системы, которая его окружаетъ. Ньютоновецъ смотритъ на тѣла какъ на находящіяся въ абсолютной пустотѣ, а потому и масса этихъ тѣлъ представляетъ абсолютную, неизмѣнную величину. Картезианское представленіе будетъ совершенно инымъ. Тѣло находится въ связи со скрытою средой; связь эта намъ неизвѣстна, и потому мы не можемъ утверждать а priori, что она будетъ оставаться одинаковою при всякихъ состояніяхъ среды. Но, ставши на такую точку зрѣнія, мы не можемъ напередъ исключить случай, что, если подвергать тѣло дѣйствию силъ, различныхъ по своему происхожденію, то неодинаковыя количества скрытой матеріи примутъ участіе въ движеніи тѣла и масса его не представится одною и тою же цифрой. Съ картезианской точки зрѣнія недостаточно опредѣлять массу тѣла

какъ отношеніе дѣйствующей на нее силы къ ускоренію: нужно прибавить, къ какому классу принадлежитъ эта сила и еще—въ какихъ предѣлахъ скорости дѣлается такое опредѣленіе.

Итакъ, аксіомы картезіанской механики не могутъ совпадать съ аксіомами Ньютона. Понятно, что пользуясь только ньютоновскою механикою, мы не въ состояніи создать строго картезіанскихъ теорій.

Новые принципы механики найдены и раскрыты въ замѣчательномъ трудѣ Герца, цитированномъ нами ранѣе.

Принципъ картезіанской механики долженъ содержать въ себѣ критерій, опредѣляющій естественное движеніе матеріальной системы.

Въ древности кругъ считался линіей наиболѣе совершенной, а потому круговое движеніе разсматривалось какъ естественное, т.-е. не подлежащее дальнѣйшему объясненію.

По Декарту, только прямолинейное движеніе есть простое и первоначальное. Изъ всѣхъ движеній, говоритъ Декартъ, только прямое просто и не сводится къ другому.

Изъ трехъ законовъ движенія Ньютона два послѣднихъ не могутъ быть занесены въ число аксіомъ новой механики, и остается только первый.

„Всякое тѣло упорствуетъ въ состояніи покоя или равномернаго прямолинейнаго движенія, пока не побуждается сообщенными ему силами измѣнить свое состояніе“.

„*Corpus omne perseverare in statu suo quiescendi vel movendi uniformiter in directum, nisi quatenus illud a viribus impressis cogitur statum suum mutare*“.

Этой аксіомы очевидно недостаточно для рѣшенія вопроса о движеніи тѣла, когда оно не можетъ быть прямолинейнымъ и равномернымъ. Нужны еще аксіомы, трактующія о силахъ; но свойства силы, представляя задачу для картезіанской механики, не могутъ быть предметомъ ея аксіомъ.

Въ механикѣ Герца *)-Декарта мы находимъ единствен-

*) Стр. 162

ный принципъ: „каждая свободная система упорствуетъ въ состояніи покоя или равномернаго движенія по прямѣйшему пути“.

„Systema omne liberum perseverare in statu suo quiescendi vel movendi uniformiter in directissimam“.

Передъ нами интересная картина эволюціи представленія о свойствахъ естественнаго движенія. Это движеніе равномерно и совершается не по кругу и не по прямой линіи, а по прямѣйшему пути.

Но что такое прямѣйшій путь? Не задаемся ли мы тѣмъ же вопросомъ въ нашей частной и общественной дѣятельности? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, въ предѣлахъ доступныхъ научному изслѣдованію, мы получаемъ одинаковые отвѣты.

Допустимъ, что мы повторяемъ много разъ измѣреніе какой-нибудь длины. Получаемыя цифры будутъ отличаться другъ отъ друга, потому что при каждомъ измѣреніи мы дѣлаемъ нѣкоторую погрѣшность. Теорія вѣроятностей указываетъ намъ законъ, связывающій величину погрѣшности съ числомъ ея повтореній. Это — законъ случайныхъ погрѣшностей: онъ представляетъ намъ границу, предѣлъ, который не можетъ быть нами перейденъ въ стремленіи къ достиженію определенной цѣли. Стрѣльба въ мишень даетъ примѣръ приложимости этого закона, если подъ погрѣшностью стрѣлка мы будемъ разумѣть отклоненіе пули отъ предположенной точки. Погрѣшности скульптора, который задался бы цѣлью вылѣпить нѣсколько тысячъ статуй определенныхъ размѣровъ, — погрѣшности, представляющія отклоненія отъ предположеннаго идеала, — будутъ подчиняться тому же закону.

Природа, стремящаяся воспроизвести определенный типъ въ тысячахъ индивидуумовъ какой-нибудь расы, тоже не достигаетъ въ точности своей цѣли, и уклоненія подчиняются тому же закону. Наконецъ, какъ показали знаменитый физикъ Максвель, тотъ же законъ управляетъ движеніями воздушныхъ молекулъ, носящихся вокругъ насъ съ разно-

образными скоростями во всевозможныхъ направлѣнiяхъ. Закону случайныхъ погрѣшностей можно дать еще названiе закона хаоса. Мы напомнимъ здѣсь утвержденiе Декарта, что, еслибы при началѣ вещей царствовалъ хаосъ по-этовъ, законы природы привели бы безпорядочныя движенiя къ порядку, наблюдаемому нами въ настоящее время. Законъ хаоса и аксіома Герца находятся въ тѣсной взаимной связи.

Представимъ себѣ точку, переходящую изъ одного положенiя въ пространствѣ—въ другое. Мы можемъ составить себѣ совершенно ясное представленiе о пути или траекторiи движущейся точки; если для нея, по условiямъ, стѣсняющимъ свободу передвиженiя, возможны различныя траекторiи, мы съумѣемъ выбрать изъ нихъ ту, которой элементы представляютъ наименьшую кривизну: такая траекторiя и будетъ прямѣйшимъ путемъ.

Представимъ себѣ теперь систему точекъ. Допустимъ, что каждая изъ нихъ перемѣщается сообразно связямъ системы. Мы будемъ имѣть передъ собою множество перемѣщенiй, совершающихся по различнымъ направлѣнiямъ. Какимъ же образомъ составимъ мы себѣ и въ этомъ случаѣ представленiе о перемѣщенiи системы? Вопросъ сводится къ слѣдующему: передъ нами толпа людей, изъ которыхъ каждый подвигается на одинъ шагъ въ томъ или другомъ направлѣнiи,—требуется опредѣлить путь или шагъ толпы.

Теорiя случайныхъ погрѣшностей даетъ формулу для средней погрѣшности наблюдений: средняя погрѣшность равняется квадратному корню изъ суммы квадратовъ погрѣшностей, раздѣленной на число произведенныхъ наблюдений. Замѣняя представленiе о погрѣшности—представленiемъ о перемѣщенiи, число наблюдений—числомъ индивидуумовъ, составляющихъ толпу, мы получимъ выраженiе, данное Гертцемъ для опредѣленiя шага, сдѣланнаго толпою, или элемента описываемой траекторiи. Такимъ образомъ, открывается методъ, дающій возможность замѣнять движе-

ніе системы точекъ — движеніемъ одной точки. Пользуясь тѣмъ же приемомъ, можно найти всѣ траекторіи разсматриваемой системы, согласныя съ ея связями; выбирая изъ этихъ траекторій такую, элементы которой наименѣе искривлены, мы получимъ прямѣйшій путь системы. Такимъ же точно приемомъ опредѣляются скорость и ускореніе системы.

Какимъ же образомъ составляется представленіе о массѣ? Подъ *частицей* матеріи Герцъ разумѣетъ ту мѣтку или тотъ знакъ, которымъ связывается опредѣленная точка пространства въ опредѣленное время съ другою точкою того же пространства въ другой моментъ времени. Матеріальная *точка* представляетъ собою систему, состоящую изъ большаго числа матеріальныхъ частицъ, неизмѣнимо связанныхъ одна съ другою. Такъ, въ приведенномъ нами выше примѣрѣ толпы каждый индивидуумъ представляетъ матеріальную частицу.

Нѣсколько индивидуумовъ, неизмѣнно между собою связанныхъ, положимъ, стоящихъ другъ на другѣ, представляютъ матеріальную точку. Перемѣщеніе матеріальной точки должно быть разсматриваемо какъ принадлежащее каждому изъ входящихъ въ нее индивидуумовъ; поэтому, квадратъ этого перемѣщенія повторяется столько же разъ, сколько матеріальныхъ частицъ содержится въ матеріальной точкѣ, т.-е. помножается на число этихъ частицъ или на массу точки. Сумма членовъ, составленныхъ такимъ образомъ, раздѣленная на массу системы, т.-е. на число матеріальныхъ частицъ, дастъ квадратъ перемѣщенія системы.

Итакъ, это послѣднее представляется отношеніемъ двухъ величинъ, изъ которыхъ каждая можетъ быть помножена на произвольнаго множителя, откуда слѣдуетъ, что единица массы остается произвольной.

Вдумываясь въ эти разсужденія, мы усматриваемъ, что приемъ Герца представляетъ собою обобщеніе приема Декарта. Для Декарта матеріальная точка есть точка пространства; для Герца—это есть кратная точка, представ-

ляющая сумму совмѣщенныхъ другъ съ другомъ точекъ цѣлаго ряда раздѣльныхъ и не совпадающихъ другъ съ другомъ пространствъ. Для наглядности сравнимъ матеріальную точку Декарта съ картоннымъ кружкомъ; площадь этого кружка представляетъ его массу. Расщепимъ этотъ кружокъ на нѣсколько отдѣльныхъ, оставляя ихъ во взаимномъ прикосновеніи; сумма ихъ площадей представитъ массу точки по Герцу. Число налагающихся другъ на друга пространствъ вообще различно для различныхъ матеріальныхъ точекъ. Конечно, не это число сообщаетъ точкѣ ея матеріальность, но тотъ произвольный конкретный множитель, о которомъ упоминалось выше. Такимъ образомъ, если, въ идеяхъ Герца, тѣла, имѣющія равные объемы, не имѣютъ въ тоже время равной массы, то это потому, что каждый объемъ представляетъ собою совмѣщеніе цѣлаго ряда объемовъ, принадлежащихъ различнымъ пространствамъ, совмѣщеннымъ въ тѣлѣ.

Какимъ же образомъ возникаетъ представленіе о силѣ въ механикѣ Герца-Декарта?

Системы матеріальныхъ точекъ могутъ быть соединены (gekorrelt) другъ съ другомъ, такъ что нѣсколько матеріальныхъ точекъ одной неизмѣяемо связаны съ нѣкоторымъ числомъ точекъ другой системы. Движенія подобныхъ системъ вліяютъ другъ на друга; это вліяніе и представляетъ собою силу, съ которой одна система дѣйствуетъ на другую. Теоретическое изслѣдованіе показываетъ, что такая сила слѣдуетъ III-му закону Ньютона и что она измѣряется, согласно II-му закону, измѣненіемъ количества движенія. Такимъ образомъ, обѣ аксіомы Ньютона являются слѣдствіями въ картезианской механикѣ. III-й законъ не имѣетъ того широкаго значенія, какъ въ механикѣ Ньютона. Онъ прилагается только къ соединеннымъ системамъ. Для силъ, дѣйствующихъ между солнцемъ и планетами, этотъ законъ мы должны вывести, исходя изъ состоянія скрытой отъ насъ матеріи, наполняющей междупланетное пространство. Мы не можемъ утверждать заранѣе, что

ислѣдованіе, произведенное въ этомъ направленіи надъ иными силами, чѣмъ всемірное тяготѣніе, приведетъ къ оправданію третьяго закона Ньютона.

Мы видимъ, что аксіомы Ньютона извлечены изъ частнаго явленія, а потому не могутъ быть полагаемы въ основу механическаго объясненія всей природы.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно ученіе Герца. Только читая его замѣчательную книгу, можно усмотрѣть всю трудность задачи, поставленной Декартомъ, задачи механической космологіи; становится понятнымъ, почему только послѣ упорной работы мысли въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій картезіанскія идеи облеклись въ строгія математическія формы.

Не суждено было Герцу увѣнчать свой трудъ приложеніемъ развитыхъ въ немъ теорій къ дѣйствительнымъ фактамъ. Гельмгольцъ въ своемъ предисловіи къ механикѣ Герца утверждаетъ, что подобное приложеніе потребовало бы обширнаго примѣненія циклическихъ движеній,—идея, совпадающая съ основною чертой ученія Декарта. Сужденіе, произнесенное Гельмгольцемъ надъ механикой Герца, есть въ то же время и сужденіе о картезіанской механикѣ: „можетъ быть, эта книга,—говоритъ великій физикъ,—будетъ имѣть въ будущемъ важное эвристическое значеніе руководителя въ открытіи новыхъ общихъ свойствъ природы“.

Предъ нами обрисовались два основныхъ теченія научной мысли. Историческія судьбы этихъ теченій, показывающія намъ попеременно колебаніе ихъ мощности, приводятъ современныхъ представителей знанія къ болѣе объективному и спокойному сужденію о физическихъ теоріяхъ. Я приведу взгляды, выраженные извѣстнымъ физикомъ Больцманомъ въ статьѣ, написанной имъ по поводу энергетики и помѣщенной въ анналахъ Видеманна, въ январѣ нѣнѣшняго года:

„Едва ли кто-нибудь считаетъ силу за реальность... Никто не считаетъ доказаннымъ, что совокупность явленій природы можетъ быть объяснена механически. Если

же совокупность не можетъ быть объяснена, то то же можетъ быть сказано и объ отдѣльныхъ классахъ явленій, такъ какъ все связано другъ съ другомъ. Я самъ ломалъ копье за механическое міровоззрѣніе, но только въ томъ смыслѣ, что оно представляетъ колоссальный прогрессъ сравнительно съ прежнимъ, мистическимъ. Давно оставлено и мнѣніе, что единственное возможное объясненіе явленій должно быть построено на движеніи матеріи подѣ дѣйствіемъ взаимныхъ, центральныхъ силъ.

„Теперь мы болѣе осторожны. Механическое міровоззрѣніе есть для насъ только образъ, которому мы не поклоняемся, который, быть можетъ, способенъ къ дальнѣйшему совершенствованію, а можетъ быть, придетъ время, когда онъ будетъ оставленъ. Но теперь онъ имѣетъ для насъ великую цѣну, потому что онъ единственный послѣдовательно проведенный и въ главныхъ своихъ чертахъ совпадающій съ опытомъ.

„Теперь точное описаніе явленій природы, по возможности независимое отъ всякихъ гипотезъ, считается наиболѣе важнымъ. Такъ смотрѣли на задачи физики Кирхгофъ, Гельмгольцъ, Clausius, Герцъ, лордъ Кельвинъ, Гиббсъ и проч. Воззрѣніе, что теплота и электричество могутъ быть объяснены механически, не клалось въ основаніе ихъ ученій.

„Рядомъ съ этимъ изъ механики были заимствованы образы, основанные на гипотезѣ, что природа можетъ быть объяснена движеніями матеріальныхъ частицъ,—гипотезѣ, которая давно перестала быть догматомъ.“

Такъ изображаетъ Больцманъ современное научное пониманіе. Враждующія направленія не захватываютъ уже ревниво горизонтовъ современной мысли, а работаютъ рядомъ въ служеніи благороднѣйшимъ задачамъ человѣчества.

Н. Умовъ.

Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ *)

(психо-соціологическій этюдъ).

I.

Небольшое предисловіе о методахъ.

Наука объ обществѣ (соціологія) все больше и больше сближается съ психологіей. С. Bouglé, въ своей недавно вышедшей книжкѣ: „Les sciences sociales en Allemagne. Les methodes actuelles“, дѣлитъ соціологическіе методы, господствовавшіе въ послѣдніа десятилѣтія въ Германіи и Франціи, на слѣдующіе періоды въ ихъ хронологическомъ порядкѣ: *умозрительный* (Кантъ, Гегель), *историческій* (Ранке, Нибуръ, Рошеръ), *натуралистическій* (примѣняющій къ обществу сравненіе съ организмомъ, — Шеффле, Вормсъ) и, наконецъ, *психологическій*; поборникомъ этого послѣдняго являются во Франціи — Тардъ, въ Германіи—Вагнеръ, Іерингъ и др. Но говоря, что соціологія сближается съ психологіей, я различаю два совершенно различныхъ теченія, одно изъ которыхъ считаю весьма плодотворнымъ, другое — мертворожденнымъ и даже вреднымъ для соціологіи. Мертворожденнымъ я счи-

*) Этотъ этюдъ представляетъ развитіе основной идеи, высказанной уже въ статьяхъ «Автономія челоѣка въ прогрессѣ и ея стадіи» (см. «Вопросы филос. и психол.», кн. I и II 1896 г.). Во всемъ остальномъ онъ является независимымъ цѣлымъ.

таю то психологическое направление въ социологии, представителями котораго служатъ: въ Италіи—Сигеле, во Франціи—Ле Бонъ. Это направленіе представляетъ собою отживающій остатокъ старой „органической“ или „аналогической“ теории, считавшей общество организмомъ, а потому примѣнявшей къ первому законы второго при посредствѣ метода вульгарной *аналогіи*. Я назвалъ эту теорію отживающей,—вѣдь, даже одинъ изъ самыхъ видныхъ основателей ея, Гербертъ Спенсеръ, отказался ее поддерживать. Онъ заявилъ, что если общество и можно считать организмомъ, то лишь организмомъ *sui generis*, отличающимся крайне существенною чертой отъ всѣхъ другихъ организмовъ,—а именно: *въ индивидуальных организмахъ цѣлью является цѣлое, а клѣточки или элементы служатъ только средствами; въ общества же (человѣческомъ) цѣлью являются, наоборотъ, эти клѣточки, элементы, т.-е. отдѣльные люди, а общее служитъ только для цѣлей этихъ элементарныхъ индивидуумовъ*. И причина такой противоположности очевидна: индивидуальные организмы имѣютъ общій для всѣхъ своихъ элементовъ *сенсоріумъ*, органъ сознанія, такъ что цѣлое чувствуетъ, думаетъ и сознаетъ за всѣ свои части или элементы. Наоборотъ, въ человѣческомъ обществѣ чувствуетъ *за себя* и мыслить каждый отдѣльный элементъ, а „цѣлое“ не имѣетъ общаго сенсоріума, общаго органа мысли и сознанія *). Поэтому законовъ біологій, открытыхъ въ жизни индивидуальныхъ организмовъ, нельзя переносить на общества. Это можетъ привести къ массѣ ошибокъ и нелѣпостей, какъ показалъ недавно Тардъ, разбирая новую книжку нашего русскаго социолога П. Лилиенфельда и взглядъ его французскаго единомышленника, Вормса, редактора „Revue internationale de sociologie“). Впрочемъ, ранѣе Тарда, нелѣпость метода аналогіи была превосходно указана въ русской литературѣ много лѣтъ тому назадъ.

*) Существованіе въ обществѣ правительственныхъ, законодательныхъ и ученыхъ центровъ даетъ только *внѣшнее* подобіе общаго сознанія; въ немъ нѣтъ основной черты: непосредственнаго ощущенія центромъ состояній каждой части цѣлага.

И вотъ этотъ методъ снова возродился, но уже въ формѣ „соціальной психологіи“, „психологіи толпы“, etc. Въ этомъ измѣненномъ видѣ старая „органическая“ теорія уже не настаиваетъ на аналогіи *всѣхъ* функцій общества со *всѣми* функціями организма, а стремится только отождествить у нихъ одну функцію — психическую. То-есть, она утверждаетъ, что *общество* имѣетъ *единую душу*, психологія которой должна быть изучаема, какъ психологія индивидуума, подъ видомъ особой науки — психологіи массъ или обществъ.

Родство этой теоріи со старымъ „органическимъ“ методомъ—очевидно. Здѣсь откинута только аналогія явно нелѣпая и абсурдная *), и оставленъ абсурдъ менѣе наглядный и очевидный, абсурдъ единой души, единой воли, единого сенсоріума у народовъ и массъ. Абсурдъ этотъ имѣетъ менѣе явную наглядность потому, что въ исторіи организованныя массы и народы иногда ведутъ себя, дѣйствительно, какъ одинъ человѣкъ. Но такой способъ поведения ихъ, во-1-хъ, обусловливается сходствомъ психического состоянія у всѣхъ (или у большинства) отдѣльныхъ индивидовъ, составляющихъ данную группу. Иными словами, психологія тутъ продолжаетъ оставаться индивидуальной,—психическіе процессы продолжаютъ совершаться въ каждомъ отдѣльномъ сенсоріумѣ и мозгѣ. Если замѣчаются въ этихъ процессахъ особенности, которыя не имѣютъ мѣста при изолированномъ существованіи индивидуума, то эти особенности даются *средой*, т.-е. пребываніемъ въ обществѣ, въ толпѣ, совершенно такъ же, какъ пребываніе человѣка въ горахъ, въ лѣсу, на морѣ, на пожарѣ создаетъ въ его душѣ *особенныя* состоянія, которыхъ, однако, нельзя включать въ особыя отдѣлы науки, подъ именемъ психологіи лѣса, моря, пожара, психологіи толпы, общества и т. д. Это — просто моменты, частные случаи

*) Прежняя аналогическая теорія доходила до того, что пробовала строить „анатомію» обществъ по типу анатоміи животныхъ индивидуумовъ.

индивидуальной психологии, которые съ натяжкой можнѣ назвать, пожалуй, психологіей въ толпѣ, психологіей на кораблѣ, на пожарѣ и т. д., но никакъ не психологіей толпы или корабля.

Во-2-хъ, какъ бы ни сливались индивиды, образующіе толпу, въ единомъ чувствѣ и настроеніи, они всегда остаются индивидуумами, такъ что самая сплоченная толпа всегда разбивается на нѣсколько *психологическихъ типовъ*. Напримѣръ, одна и та же толпа имѣетъ и болѣе рѣшительныхъ и менѣе рѣшительныхъ членовъ, и храбрыхъ и трусовъ, и кроткихъ и кровожадныхъ. Если вліяніе однихъ типовъ на другіе и можетъ болѣе или менѣе уравнивать, сглаживать эти особенности, то во всякомъ случаѣ это — не *психологія толпы*, а психологія въ толпѣ, т.-е. индивидуальная психологія, взятая при данныхъ, особенныхъ вліяніяхъ на каждую индивидуальную душу, и только.

Въ 3-хъ, никогда и нигдѣ общество или толпа не создавали сенсоріума общаго для всѣхъ и устраняющаго чувствительность, мысль и волю отдѣльнаго индивида. Кажущееся подчиненіе въ толпѣ отдѣльной воли — общей волѣ, полугипнотическое состояніе индивидовъ подъ *внушеніемъ* героическихъ личностей и т. п. явленія въ существованіи массъ не перестаютъ оставаться явленіями индивидуальной психологии, причемъ изслѣдовать ихъ можно только въ каждой отдѣльной душѣ: всегда только каждый отдѣльный индивидуумъ можетъ вамъ сообщить, что съ нимъ было въ толпѣ, что онъ въ ней думалъ и чувствовалъ. Только изслѣдуя *его*, вы можете изучить психологическія причины и первоисточники массовыхъ движеній и даже самого гипноза, производимаго героями и средой; наконецъ, изученіе героевъ, ихъ психологии, ихъ вліянія, ихъ происхожденія etc. есть задача индивидуальной психологии: только эта послѣдняя можетъ опредѣлить психическую сущность того явленія, которое вы въ массѣ наблюдаете лишь *снаружи*, въ объективныхъ проявленіяхъ, а не въ субъективныхъ состояніяхъ. Объ этихъ состояніяхъ вамъ не расска-

жетъ цѣлая масса, потому что у нея нѣтъ ни единого мозга, ни единого сенсориума, которые имѣли бы свои особыя субъективныя состоянія и могли бы намъ сообщить о нихъ.

Такимъ образомъ, попытка создать коллективную психологию въ области социологіи есть простое недоразумѣніе. Она исчезнетъ такъ же скоро, какъ исчезла и органическая теорія (или аналитическій методъ).

Но тѣмъ очевидѣе значеніе совсѣмъ другого психологическаго метода въ социологіи,—метода, изучающаго *психологию индивидуумовъ* въ толпѣ или обществѣ. Этотъ методъ (конечно, въ соединеніи съ другими) дастъ величайшіе результаты. Отчасти эти результаты уже намѣчаются въ послѣднихъ работахъ Тарда, какъ, наприм., „*Les transformations du droit*“, „*La logique sociale*“ и др. Тардъ еще не отдѣлался вполне отъ „массовой психологіи“, но уже сталъ на вѣрный путь, т.-е. онъ беретъ массовыя явленія не въ самихъ себѣ, не въ ихъ объективномъ проявленіи, объясняемомъ *en bloc* аналогіями съ психологіей индивидуальной; нѣтъ, онъ ищетъ въ массовыхъ явленіяхъ ихъ первоосновъ, кроющихся въ индивидуальныхъ психическихъ процессахъ каждой личности. И этимъ методомъ Тардъ выдѣлился изъ числа почти всѣхъ теперешнихъ психологовъ-социологовъ; благодаря этому методу, ему удалось сказать уже много новаго и неожиданнаго, тогда какъ другіе повторяютъ и пережевываютъ старыя и избитыя аналогіи *).

Итакъ, психологія входитъ въ болѣе и болѣе тѣсную связь съ социологіей.

Въ предлагаемой статьѣ я желалъ разсмотрѣть на почвѣ, преимущественно психологической, вопросъ, который сильно занималъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ нашу интеллигенцію,—вопросъ о такъ называемомъ «*классовомъ сознаниі*»**).

*) См. мои статьи объ этомъ въ «Русской Мысли» и «Новомъ Словѣ».

***) Терминъ этотъ встрѣчается впервые у нѣкоторыхъ сенъ-симонистовъ; въ послѣднее время онъ сдѣлался популярнымъ, благодаря т. н. «экономическимъ материалистамъ» или «монистамъ».

II.

Точное опредѣленіе классоваго сознанія.

Подъ словами „классовое сознаніе“ не слѣдуетъ понимать какое-то единое сознаніе классовъ. Это просто *сознаніе индивидами даннаго класса, или ихъ большинствомъ, своихъ обособленныхъ интересовъ*. Экономическіе матеріалисты видятъ въ классовомъ сознаніи источникъ всего прогресса въ теченіе чуть ли не всей исторіи человѣчества. По ихъ воззрѣніямъ, человѣчество управляется и руководится въ исторіи экономическими интересами. На почвѣ этихъ интересовъ возникаютъ общественные классы. Каждый классъ руководится своими классовыми интересами; изъ борьбы этихъ интересовъ создается исторія. Стало быть, прогрессъ въ исторіи достигается возникновеніемъ новыхъ классовъ, а у этихъ классовъ — развитіемъ ихъ классоваго сознанія. Когда это сознаніе созрѣваетъ, классы выступаютъ на арену исторіи со своей господствующей идеей, какъ это было, на примѣръ, въ XVIII ст., во Франціи, когда буржуазія сознала себя какъ классъ и выразила это въ знаменитой фразѣ Сіэса: „что такое третье сословіе? Оно было ничѣмъ, — оно должно стать всѣмъ“. Теперь та же фраза повторяется на Западѣ въ примѣненіи къ возникшему *четвертому* сословію, сословію *рабочихъ*.

Несомнѣнно, что *всякое* развитіе сознанія не можетъ не быть источникомъ какого-либо движенія впередъ.

Существо, не сознающее ясно своего неудобнаго положенія, не можетъ опредѣлить болѣе или менѣе точно его причину, а стало быть и средства измѣнить его, дѣйствуя на эти причины или условія. Наоборотъ, сознательное опредѣленіе причинъ и условій неудобства неизбѣжно вызываетъ и дальнѣйшую работу мысли, отыскивающей средства добиться иной жизни; а затѣмъ является и соотвѣтствующая дѣятельность. Но если сознаніе содѣйствуетъ прогрессу, то этой истины нельзя оборачивать, т-е. утверждать, что прогрессъ создается *только* сознаніемъ. Если

справедливо, что левъ есть животное, то, наоборотъ, сказать, что каждое животное есть левъ — очевидная нелѣпость. Прогрессъ творится не однимъ только сознаниемъ. Еще недавно Archdall Reid въ своей весьма интересной книгѣ „The present evolution of man“ доказалъ,—по-моему, несомнѣнно, — что, хотя у человѣка главнымъ факторомъ эволюціи является теперь мышленіе, но въ нѣкоторыхъ областяхъ продолжаетъ и теперь еще дѣйствовать *естественный подборъ*: напримѣръ, въ выработкѣ типовъ, менѣе поддающихся инфекціоннымъ болѣзнямъ и дѣйствию нѣкоторыхъ ядовъ. Наконецъ, въ прогрессѣ играетъ огромную роль и *чувство*, которое отличается отъ мысли большею смутностью, а потому ведетъ часто къ освобожденію отъ какого-либо тяжелаго положенія не прямыми путями, а бродитъ ощупью, облекая иногда причины страданій въ формы мистическія, или метафизически-абсолютныя, и т. п. *).

Но если нельзя сказать, что сознание вообще,—въ широкомъ смыслѣ слова,—составляетъ *единственную* причину прогресса, то тѣмъ менѣе можно сказать это о частномъ случаѣ сознанія, т.-е. о классовомъ сознаніи. Несомнѣнно, и оно, какъ частный случай *сознанія вообще*, должно имѣть важное значеніе въ прогрессѣ; но считать его *единственной* причиной прогресса—это еще болѣе грубая ошибка, чѣмъ считать всѣхъ животныхъ львами.

Если классовому сознанію придали въ наше время черезчуръ абсолютное значеніе въ прогрессѣ и если эту идею поддерживаютъ даже умы выдающіеся, то это объясняется свойствами того момента, какой теперь переживаетъ Западная Европа. Этотъ моментъ таковъ, что на Западѣ, въ самомъ дѣлѣ, едва ли будетъ возможенъ какой-нибудь серьезный детальный прогрессъ до тѣхъ поръ, пока не совершится прогрессъ классоваго сознанія четвертаго сословія, выступающаго нынѣ на арену исторіи. Дѣло въ томъ, что господствующая теперь на Западѣ, начиная съ XVIII в.,

*) См. у Тарда о логикѣ чувствованій, въ его „Logique sociale“. Фулье справедливо говоритъ, что каждое *чувство есть смутная мысль*.

буржуазія достигла предѣльнаго пункта своей эволюціи; ея дальнѣйшій прогрессъ, какъ обособленнаго класса, съ опредѣленными экономическими устоями (капиталистическимъ производствомъ) едва ли возможень: дальше на этомъ экономическомъ пути ей идти некуда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ останавливается и прогрессъ тѣхъ элементовъ жизни общества, которые всегда приспособляются къ служенію интересамъ и задачамъ главенствующаго класса. Это приспособленіе или служеніе всѣхъ элементовъ жизни (морали, религіи, искусства, науки) господствующему классу стоитъ разсмотрѣть внимательнѣе: Тардъ, напримѣръ, по-моему, преувеличиваетъ, говоря, что искусство (въ его цѣломъ) можно сравнить съ плющемъ, который обвиваетъ ту или иную подпорку (т.-е. общественную основу данной исторической эпохи), пока она не падаетъ; а затѣмъ этотъ плющъ взбирается на новую, пришедшую на мѣсто старой. Такъ, оно служило въ Египтѣ сперва религіи, потомъ царямъ; въ Европѣ оно вилось вокругъ средневѣковаго католицизма, поэтизировало рыцарство, перешло затѣмъ къ монархизму, а отъ него къ идеализаціи буржуазнаго строя жизни, и т. д. Все это вѣрно, но съ Тардомъ нельзя согласиться въ той *безусловной формѣ*, въ какой онъ высказываетъ свое мнѣніе. И по тѣмъ же причинамъ, которыя я объясню сейчасъ, нельзя совершенно согласиться съ экономическими материалистами, которые утверждаютъ, что безусловно всѣ явленія жизни общества и во всей своей цѣлости опредѣляются потребностями классовъ, господствующихъ въ данную эпоху, а съ тѣмъ вмѣстѣ и экономическими отношеніями, выдвинувшими впередъ данный классъ. Повторяю: въ этой идеѣ, какъ и въ мысли Тарда объ искусствѣ, есть большая доля истины; ошибочна же ея крайняя и безусловная постановка.

Такая абсолютность постановки зависѣла, конечно, отъ того, что подмѣченная доля истины поразила своей новизной и яркостью, а потому не была достаточно провѣрена и ограничена фактическимъ изслѣдованіемъ. Это-то изслѣдованіе я и попробую сдѣлать вкратцѣ.

III.

Какъ и насколько факторы общественности служатъ господствующимъ началомъ.

(Три типа—искусства, морали, науки.)

Чтобы не блуждать въ спорныхъ областяхъ отдаленной исторіи, возьмемъ всѣмъ извѣстныя явленія нашей эпохи. И въ искусствѣ, и въ морали, и даже въ современной наукѣ*), мы можемъ замѣтить теперь три основныхъ теченія. Во 1-хъ, если возьмемъ для простоты сначала только искусство, мы увидимъ, что самое широкое его теченіе, такъ сказать, *положительное*, идеализировавшее во всѣ эпохи *данный* моментъ (т.-е. жизнь и ея основы въ текущую историческую эпоху), это искусство, дѣйствительно, приспособилось къ потребностямъ, вкусамъ, желаніямъ и даже капризамъ господствующей теперь буржуазіи. Его идеалы, его красота не выходятъ за черту идеаловъ и красоты буржуазнаго типа. И вотъ чѣмъ объясняется появленіе въ немъ такихъ формъ, какъ символизмъ и декадентство: пока буржуазія была классомъ новымъ, творческимъ,—до тѣхъ поръ и это искусство творило или, вѣрнѣе, отражало и идеализировало его новыя идеи, стремленія, его созидающую работу, его торжествующіе типы и формы жизни. Но классъ достигъ апогея своего развитія; дальше идти ему въ этомъ направленіи некуда. Прогрессъ его конченъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ остановился прогрессъ и въ этомъ положительномъ теченіи искусства: для него нѣтъ новаго содержанія въ томъ классѣ, который оно избрало своею опорой. Но отъ искусства требуется постоянная *новизна*, и вотъ являются направленія, которыя бессознательно, въ угоду своему владыкѣ, провозглашаютъ теорію, гласящую, что возможна новизна *одной формы* искусства, безъ новизны содержанія;

*) Говоря о наукѣ, я долженъ замѣтить, что имѣю въ виду не самую науку, какъ сводъ знаній о природѣ и жизни, добытыхъ опытомъ, а науку прикладную, съ одной, и теоретическія обобщенія изъ науки, съ другой стороны.

они идутъ дальше и утверждаютъ, что возможна одна только форма искусства, т.-е. красивые, ласкающіе образы, звуки, краски, безъ всякаго содержанія. Символизмъ и декадентство лучше всего доказываютъ, что прогрессъ въ томъ положительномъ потокѣ искусства, который приспособляется къ владыкѣ данной эпохи, сдѣлался уже невозможнымъ и что обновленіе въ немъ и новый порывъ прогресса произойдетъ только съ торжествомъ какого-либо новаго начала, вокругъ котораго обовѣтся этотъ вѣчный плющь, вѣнчающій въ теченіе всей исторіи только триумфаторовъ и только до тѣхъ поръ, пока они не падаютъ и не является новый триумфаторъ: *le roi est mort, vive le roi!*

Но въ каждомъ обществѣ, (по крайней мѣрѣ, съ момента, когда обнаруживаются неудобства и несовершенства руководящаго начала или класса эпохи), существуетъ другой типъ искусства, не только не служащій господствующему классу, но прямо противоположный ему. Функція или назначеніе этого типа искусства—какъ бы расчищать почву для новаго начала или класса, указывая отрицательныя стороны начала или класса торжествующаго и всю массу неудобствъ, которыя порождаетъ прежній триумфаторъ на своемъ пути.

Итакъ, не все искусство каждой данной эпохи служитъ интересамъ господствующаго класса, а только одинъ типъ его—искусство положительное или триумфаторское, какъ бы слѣдовало называть его *). Но есть еще и третій типъ искусства почти во всѣ эпохи, хотя онъ стоитъ не въ области самаго искусства, а скорѣе въ промежуткѣ между нимъ и наукой. Это quasi-искусство стремится уловить и представить въ образной, т.-е. quasi-художественной, формѣ планы и идеалы будущаго и ту жизнь, которая можетъ возникнуть при осуществленіи этихъ идеаловъ. Таковъ въ наше время извѣстный романъ Беллами „Черезъ сто лѣтъ“, таковы, въ прежнія эпохи, знаменитыя созданія Платона, Кампанеллы,

*) Этотъ терминъ я беру у Тарда, (см. его «Logique Sociale», отдѣлъ объ искусствѣ), но даю ему иное значеніе.

Кабэ, Фурье и т. п. Въ сущности, это уже не искусство, потому что этотъ типъ изображаетъ и идеализируетъ не *дѣйствительную* жизнь, а только *ожидаемую*, т.-е. *выводимую логически изъ извѣстныхъ принциповъ, плановъ и идеаловъ*. И вотъ почему главный изъ потоковъ искусства (искусство положительное или триумфаторское) не умѣетъ, по самой сущности своей, вполнѣ отдѣлиться отъ прежняго триумфатора, пока не восторжествовало новое начало въ самой реальной жизни, т.-е. пока оно изъ идеальнаго плана не перешло въ реальность, которую можно наблюдать чувственно, въ которой можно жить какъ въ средѣ, воспринимая *реально* всѣ ея детали и переживая реальныя впечатлѣнія отъ нихъ. Пока будущій триумфаторъ (напримѣръ, новое религіозное учене, возникающая наука и т. п.) подавленъ и лежитъ еще въ пыли, покрытый ранами, происходитъ слѣдующее: если триумфаторское искусство пытается обвиться вокругъ него, предчувствуя его будущее торжество, оно невольно и неизбежно или оплакиваетъ его язвы, или призываетъ негодование на головы виновниковъ, т.-е. перестаетъ быть триумфаторскимъ, объективнымъ, или, если оно выдерживаетъ объективность, то переходитъ въ реализмъ, невольно живописующій тѣ же лохмотья и раны, съ одной стороны, и моральный упадокъ, съ другой; или же наконецъ оно бросается въ *образную* иллюстрацію намѣченнаго идеала, т.-е. въ изображеніе еще не существующихъ, но ожидаемыхъ формъ жизни (Беллами).

Истинные художники каждой эпохи (какъ у насъ Гоголь, Грибоѣдовъ) рѣдко берутся за созданіе идеальныхъ типовъ, а если и дѣлаютъ попытки (Гоголь въ Костанджогло, Грибоѣдовъ—въ Чацкомъ), то онѣ выходятъ искусственными и безжизненными. Если Тургеневу удалась въ „Запискахъ охотника“ нѣкоторая идеализація реальныхъ душевныхъ свойствъ бывшаго крѣпостнаго мужика, то на фонѣ остальной картины крѣпостнаго быта такіе очерки сами собою принимали въ то время характеръ протеста, а не триумфаторскаго искусства съ его гордой объективностью. За то второсте-

пенные художники (Григоровичъ, Бичеръ-Стоу) охотно берутся за такія темы и приносятъ большую пользу своему времени, но ихъ искусство есть только *quasi-искусство* и сливается съ третимъ изъ намѣченныхъ нами типовъ, въ которомъ упражняютъ свою фантазію философы и социологи. Чтобы грядущее начало могло стать содержаніемъ триумфаторскаго искусства, оно должно само стать триумфаторомъ потому, что только въ этомъ случаѣ искусство можетъ рисовать его въ реальныхъ деталяхъ, оставаясь на высотѣ торжествующаго безстрастія. Иное дѣло восхищаться архитектурнымъ планомъ роскошнаго зданія, пока оно еще не построено, или восхищаться *самимъ зданіемъ*, когда оно уже готово. Иное дѣло анатомическій планъ, или то живое существо, которое ему соотвѣтствуетъ.

Такъ же точно и возникающее новое начало или классъ: никакая фантазія не могла до полнаго развитія буржуазіи предвидѣть всѣхъ деталей и даже незначительной части ихъ, которыя разовьются этимъ новымъ классомъ, пока онъ былъ въ идеѣ, въ планѣ. Поэтому-то и искусство не могло воплощать или идеализировать эти детали,—ихъ еще не было въ жизни, онѣ не могли быть пережиты душой художника, какъ реальныя впечатлѣнія, переработанныя затѣмъ его художественнымъ творчествомъ.

Отсюда мы видимъ, что служеніе этого положительнаго типа искусства однимъ „триумфаторамъ“ можетъ лишь отчасти зависѣть отъ корыстныхъ соображеній и рабства передъ господствующею силой. Нѣтъ, причины явленія лежатъ глубже—въ сущности самого художественнаго творчества. Это творчество перестаетъ быть положительнымъ, а переходитъ въ искусство отрицательно-протокольное, реалистическое или сатирическое, если даже крупный талантъ, какъ, напримеръ, Золя, выступаетъ на поддержку возникающаго класса и отказывается отъ идеализаціи класса господствующаго.

Какой же, однако, выводъ изъ этого для цѣли, намѣченной мною выше, т. е. для доказательства, что идея Тарда о зависимости искусства отъ господствующаго начала эпо-

хи и аналогичная идея экономическихъ матеріалистовъ о зависимости отъ того же начала *всѣхъ явленій* жизни—имѣють *долю истины*, но не должны ставиться въ неограниченной формѣ?

А выводы вотъ какіе:

1. Не все искусство подчиняется этому закону, а только *тріумфаторское* искусство данной эпохи, воплощающее въ себѣ ея жизнь въ идеальной формѣ.

2. Отрицательное искусство (въ томъ числѣ сатирическое, реалистическое и т. п.) идетъ, наоборотъ, вопреки этому закону, т. е. служить для подготовки мѣста, для расчистки пути—грядущему тріумфатору, часто само этого не сознавая.

3. Не служить господствующему началу и quasi-искусство эпохи, создаваемое теоретиками грядущаго и воплощающее свои теории въ quasi-художественныхъ образахъ. Оно также подготавливаетъ почву для новаго грядущаго тріумфатора, но не отрицательно, а положительно. Очевидно, функція тріумфаторскаго искусства какъ бы разбивается между этими двумя типами, т. е. 1) *отрицательное* искусство рисуетъ реальную жизнь, но безъ ея идеализаціи (за исключеніемъ немногихъ типовъ, намѣчающихъ положительныя, уже явившіяся черты грядущаго типа, какъ въ „Запискахъ охотника“ Тургенева); 2) quasi—искусство, наоборотъ, почти лишено реального матеріала и беретъ на себя одну идеализацію. Но внѣ реальности ей приходится идеализировать лишь намѣченные планы и ихъ воображаемая детали.

Вотъ почему прогрессъ тріумфаторскаго искусства (какъ объединяющаго реальность съ идеализаціей) становится *временно* невозможнымъ въ эпохи, когда старый тріумфаторъ достигъ апогея, а грядущій еще не поднялся изъ пыли, не освободился отъ своихъ лохмотьевъ и ранъ, не развилъ самосознанія до возможности тріумфа.

Разсмотрѣвъ вопросъ о зависимости искусства отъ господствующаго начала эпохи, перейдемъ къ вопросу о такой же зависимости морали и даже науки.

Мы замѣчаемъ поразительный фактъ: и здѣсь, въ морали и

наукъ, оказываются тѣ же три теченія: одно, наиболѣе широкое и позитивное, приспособляется къ потребностямъ и интересамъ господствующаго класса; другое, отрицательное, критически анализируетъ свою эпоху, указываетъ научно, съ точки зрѣнія гигиены, социологии, морали, антропологии и т. п., недостатки эпохи и такимъ образомъ, часто не сознавая этого, расчищаетъ мѣсто и путь будущему; наконецъ, третье занято теоретическимъ построениемъ плановъ и идеаловъ грядущаго.

Я не буду приводить фактическаго матеріала въ подтвержденіе этой мысли, такъ какъ онъ у каждаго передъ глазами. Всѣ произведенія новѣйшей науки (т.-е. ея приложения, съ одной стороны, и обобщенія, съ другой), какъ и всѣ стремленія текущей морали—каждый легко можетъ распределить на эти три теченія. Я могъ бы указать ихъ и въ другихъ руководящихъ элементахъ жизни общества, но это завело бы насъ черезчуръ далеко.

Такимъ образомъ, мы видимъ и здѣсь, что руководящіе элементы жизни подчиняются и служатъ господствующему классу или *началу* не во всемъ своемъ цѣломъ, а лишь одной своей составною частью, правда, весьма важной, а именно триумфаторской или позитивной частью; но у каждаго изъ этихъ элементовъ есть еще части — отрицательная и идеальная, которыя функционируютъ противъ торжествующаго начала, расчищая и подготавливая путь грядущему—отрицательно и положительно.

Выше я употребилъ выраженіе „служать руководящему классу или началу“ для того, чтобы подчеркнуть, что господствующее и руководящее теченія эпохи далеко не всегда совпадаютъ съ возникновеніемъ или торжествомъ общественнаго класса. Тѣмъ болѣе можно предполагать, что будущій прогрессъ человѣчества, которому предстоитъ переживать не мало стадій и руководящихъ началъ, не будетъ борьбой классовъ, если можно полагаться на тенденцію, уже давно намѣтившуюся въ Европѣ и Америкѣ,—тенденцію къ нивелировкѣ классовыхъ различій.

Прежде, чѣмъ я закончу эту главу, обращу еще разъ вниманіе на одинъ фактъ, уже замѣченный выше: тѣ отрицательные дѣятели искусства, морали и науки, о которыхъ я говорилъ ранѣе, очень часто не подозрѣваютъ вовсе, что они готовятъ путь будущему новому началу (или классу). Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ фактомъ, что, бичуя и выставляя на показъ язвы настоящей эпохи, они видятъ ихъ причину не въ реальномъ историческомъ фактѣ, а иногда въ цѣломъ міровомъ порядкѣ (пессимизмъ), иногда въ испорченности или врожденной, неискоренимой злобѣ людей (Гоббсъ), или, наконецъ, въ какой-нибудь фикціи, часто совершенно нелѣпой, какъ, на примѣръ, въ пушенной кѣмъ-то (едва ли не Нордау) фикціи „fin de siècle“—какъ будто условное раздѣленіе времени на столѣтія и тысячелѣтія имѣетъ какое-нибудь реальное значеніе!

Итакъ, изъ предыдущаго изложенія читатель могъ вполне уяснить себѣ мысль, высказанную мною въ самомъ началѣ, а именно: хотя „классовое сознаніе“ и классовая борьба не могутъ быть признаны единственными и вѣчными источниками всякаго прогресса, но въ исторіи народовъ бываютъ моменты, когда почти весь *положительный* прогрессъ, т.-е. прогрессъ всѣхъ руководящихъ элементовъ жизни приостанавливается оттого, что господствующее начало (или классъ) теряетъ свою творческую способность, достигнувъ апогея своего развитія. Съ этимъ вмѣстѣ останавливается и положительное творчество тѣхъ элементовъ жизни, которые приспособились къ основному и господствующему. Совершается подготовительная работа для будущаго прогресса, состоящая въ отрицательной расчисткѣ мѣста для грядущаго начала или класса, и теоретическая постройка плановъ будущаго. И вотъ почему можно въ извѣстной степени сказать, что прогрессъ въ Западной Европѣ, т.-е. прогрессъ триумфаторовъ пока приостановился и начнется вновь лишь тогда, когда возникающія тамъ новыя начала разовьютъ свое сознаніе до предѣловъ, которые да-

дуть имъ возможность выступить въ исторической жизни руководящимъ, *творческимъ* началомъ. Но если классовое самосознаніе играетъ при этомъ иногда важную роль, то есть ли оно сознаніе *только* однихъ экономическихъ интересовъ? Это — ошибка очевидная, какъ и ошибка многихъ теперешнихъ экономистовъ и мыслителей, чрезчуръ обобщившихъ значеніе вообще классоваго сознанія для прогресса: подобный взглядъ справедливъ или почти справедливъ для *теперешней* 3. Европы, но онъ требуетъ значительныхъ оговорокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, во 1-хъ, примѣняется безъ различія ко всѣмъ народамъ и эпохамъ *практически*, во 2-хъ, когда, онъ возводится въ единственный законъ исторіи—*теоретически*, и, въ 3-хъ, когда классовое сознаніе сводится къ сознанію только однихъ экономическихъ интересовъ. Чтобы доказать это послѣднее положеніе *фактически*, попробуемъ теперь набросать картину роста или эволюціи этого сознанія у возникающаго четвертаго сословія, на основаніи новыхъ фактическихъ данныхъ. До сихъ поръ объ эволюціи самосознанія этого класса судили по преимуществу гипотетически и *априорно*. Объясняется это тѣмъ, что не было еще времени для того, чтобы стадіи его эволюціи намѣтились фактически. Въ 3. Европѣ, а въ частности въ Германіи и Франціи, классовое самосознаніе четвертаго сословія находится (сравнительно) еще въ началѣ своей эволюціи, т.-е. переживаетъ еще первыя свои стадіи. Только въ Америкѣ намѣтились уже и дальнѣйшія стадіи, а потому для пониманія этой новой эволюціи необходимо бросить взглядъ за океанъ и здѣсь подмѣтить черты этого интереснаго процесса, отыскавъ ихъ психологическія основанія. Необходимость изученія эволюціи четвертаго сословія въ Америкѣ уже признана европейцами, плодомъ чего и явилось недавно очень любопытное и важное изслѣдованіе, о которомъ я и поговорю теперь.

IV.

Эволюція самосознанія четвертаго сословія въ Америкѣ.

Нѣкто Исидоръ Финансъ, рабочій (маляръ) и глава 2-й секціи въ „Office du Travail“ былъ въ 1893 г., въ качествѣ члена рабочей делегаціи, посланъ на выставку въ Чикаго. Здѣсь онъ собралъ обширный матеріалъ, прекрасно имъ разработанный, относительно организаціи американскихъ рабочихъ союзовъ или синдикатовъ. Его особенно занималъ вопросъ объ условіяхъ успѣха или паденія нѣкоторыхъ ассоціацій, и въ книгѣ отведено значительное мѣсто для опредѣленія причинъ этого рода явленій.

Рабочіе синдикаты въ Америкѣ постоянно развивались, начиная съ конца прошлаго столѣтія. Это движеніе, которое можно назвать объединительнымъ или организаціоннымъ, то возрастало, то ослабѣвало. Послѣднее явленіе, по изслѣдованію Финанса, совпадаетъ съ періодами промышленныхъ кризисовъ. Въ настоящее время *рабочихъ синдикатовъ въ Америкѣ насчитывается до 12.000.* Синдикаты, въ свою очередь, соединяются въ союзы (хотя и не всѣ, а большинство), а эти союзы входятъ въ составъ двухъ обширнѣйшихъ въ мірѣ ассоціацій; одна изъ нихъ, болѣе старая, возникла 28 декабря 1869 г. подъ названіемъ ордена „Рыцарей труда“, съ девизомъ: *„агитируй, воспитывай, организуй“* (Agitate, educate, organize). Вступленіе въ орденъ обставлялось таинственными процедурами, и это придавало особую силу агитаціи. Ей помогли и стачки, результаты которыхъ оказались благодѣтельнѣе тѣхъ послѣдствій, какія бывали у прежнихъ стачекъ. Число членовъ ордена увеличивалось съ быстротой почти невѣроятной: такъ, въ 1872 г. число членовъ было 65, а черезъ 13 лѣтъ, когда орденъ достигъ апогея своего внѣшняго роста, оно доходило до 730.000. Съ этого года началось столь же быстрое паденіе, такъ что въ слѣдующіе 3 года убыло 200.000 членовъ, а къ 1895 г. ихъ осталось только 60.000! Въ чемъ же причина такого поразительнаго паденія? Ее стоитъ изслѣдовать: въ ней

ключь ко многимъ вопросамъ нашей эпохи. Изидоръ Финансъ, а за нимъ и L. March (въ *Revue internationale de sociologie*“) полагають, напимѣрь, что причиною паденія было забвеніе орденомъ „Рыцарей труда“ 2-го символа своего „де-виза“:—„воспитывай“; но съ этимъ нельзя согласиться. Мы видимъ въ Америкѣ возникновеніе другого, гораздо болѣе сложнаго и обширнаго общества, о которомъ я буду говорить дальше и которое можетъ жить и развиваться безъ всякаго искусственнаго воспитанія своихъ членовъ, не боясь ихъ почти миллионнаго числа; между тѣмъ „орденъ“ увидѣлъ опасность именно въ этомъ числѣ и временно запретилъ даже приѣмъ новыхъ членовъ! Причина паденія, очевидно, лежитъ глубже. Она и не въ томъ, что не удалась и 3-я заповѣдь девиза „организуи“. (Цѣлью „ордена“ было организовать „производительныя коопераціи“ и въ 1889 г. ихъ было основано 72, но онѣ не дали блестящихъ результатовъ). Мы сейчасъ увидимъ, что можетъ существовать могучая ассоціація труда и безъ этихъ попытокъ. Прежде чѣмъ искать дѣйствительныхъ причинъ паденія „ордена“, изложимъ исторію *другого* вышеупомянутаго общества, возникшаго въ 1881 г., подъ именемъ „Федераціи американскихъ рабочихъ“. Черезъ 11 лѣтъ, т.-е. въ 1892 г. оно имѣло уже 650.000 членовъ, а въ слѣдующемъ 1893 г.—800.000!

Разсмотримъ же прежде всего различіе тенденцій у обоихъ обществъ, въ которомъ несомнѣнно и должна заключаться причина паденія перваго и возвышенія втораго. Такое изученіе дастъ намъ фактической матеріалъ для сужденія объ эволюціи четвертаго сословія и его классоваго сознанія. До сихъ поръ, какъ я уже замѣтилъ выше, этотъ вопросъ рѣшался только а ргіогі, теоретически, да и не могъ иначе рѣшаться, потому что для него не было *фактическаго* матеріала. Явленіе, о которомъ я говорю, есть продуктъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Правда, во Франціи и Англій замѣчается борьба тѣхъ же двухъ тенденцій, которыя я укажу сейчасъ. Но тамъ эта борьба еще не имѣла осязательнаго результата. Поэтому объ исходѣ ея тамъ

возможны только апіорныя гаданія. Здѣсь же передъ нами фактъ явной и наглядной побѣды одной тенденціи надъ другою, при одинаковой свободѣ ихъ взаимной борьбы и конкуренціи.

Основною тенденціей умирающаго, но недавно еще торжествовавшаго ордена „Рыцарей труда“ Изидоръ Финансъ считаетъ его враждебное отношеніе къ *ремесленнымъ* синдикатамъ, то-есть къ такимъ союзамъ, которые состоятъ изъ рабочихъ одинаковаго ремесла и держатся на почвѣ своихъ *профессіональныхъ интересовъ*. Орденъ „Рыцарей труда“ поставилъ, въ самомъ началѣ, своею цѣлью болѣе широкой идеаль, не вмѣшающійся въ рамкахъ не только узко-профессіональныхъ, но и вообще экономическихъ интересовъ. Его основатели говорили: „наша цѣль — создать *моральную и промышленную цѣнность, а не богатство*, такъ какъ только въ первой лежитъ истинное *величіе личности и націй*“. Здѣсь экономика отходила на задній планъ. Мнѣ скажутъ, что паденіе этого „ордена“ и торжество узко-профессіональной „Федерации рабочихъ“ доказываютъ лучше всего, что именно только *чисто-экономическіе* интересы имѣютъ жизнеспособность въ развитіи классоваго сознанія. Однако разсмотримъ дѣло внимательнѣе. Вѣдь вначалѣ торжествовалъ именно „орденъ“, вѣдь онъ не даромъ же собралъ 720.000 членовъ? Почему же онъ, а не „федерация“, торжествовалъ вначалѣ? *Нѣтъ ли тутъ естественнаго психологическаго закона развитія самосознанія?*

Разсмотримъ же подробнѣе тенденціи „американской федерации рабочихъ“. Въ то время, какъ „Рыцари труда“ стремились къ крайней централизаци, стараясь все подчинять центру и даже мало-по-малу достигли почти полного отчужденія отъ своихъ развѣтвленій, послѣ чего началось паденіе, — „Федерация“ держится началомъ децентрализации. Она есть лишь „воплощеніе согласія профессіональныхъ союзовъ *въ главной общей цѣли*, т.-е. въ защитѣ *важнѣйшихъ* интересовъ рабочаго класса“.

Соотвѣтственно всему этому, цѣли „Федерации“ гораздо

практичнѣе, ея стремленія менѣе властны, ея приѣмы болѣе просты и демократичны. Сразу оно не задалось черезчуръ широкими и отдаленными цѣлями: напримѣръ, до 1893 г. въ немъ не ставилось еще вопросовъ—ни о націонализациі земли, ни о прогрессивномъ налогѣ, ни объ образованіи государственнаго банка для рабочихъ и ихъ союзовъ или коопераций, ни о замѣнѣ хозяйскаго (капиталистическаго) производства кооперативнымъ и т. д., и т. д. Всѣ эти задачи всплыли лишь на пятнадцатый годъ существованія „Федерациі“, а въ первые годы объ этомъ не было и помину.

По моему, дѣло это объясняется такъ: нельзя строить зданія, не создавъ и не сознавъ болѣе или менѣе ясно его общаго плана. Работа „Ордена“ была работой *сознанія плана*, работа же „Федерациі“—работой самой постройки. Нельзя строить зданія съ верхняго этажа и кончать нижнимъ, а затѣмъ фундаментомъ. Но *планъ* зданія можно начинать даже съ куполовъ и трубъ.

И вотъ чѣмъ объясняется, наоборотъ, *первоначальный успѣхъ* ордена „Рыцари труда“ и его *послѣдующее паденіе*: когда этотъ орденъ былъ основанъ, то зданіе рабочаго класса было еще, такъ сказать, только на планѣ; на этомъ планѣ были уже изображены и куполы, вѣнчающіе зданіе. И девизъ этого перваго общества объединялъ въ себѣ всю совокупность плана, даже больше: онъ не обращалъ вниманія на фундаментъ (профессіональные союзы ремесла), а указывалъ на куполы, на конечную вершину зданія, на его идею. И въ первое время все это влекло сердца массъ, потому что въ планѣ все это было ясно и понятно, и онъ прельщалъ своими широкими и блестящими перспективами „обѣтованной земли“. Но вотъ началась дѣйствительная постройка, и сама жизнь измѣнила девизы, въ связи съ практическою неизбѣжностью—начинать дѣло снизу, съ фундамента. „Рыцари труда“, не уяснивъ себѣ этой второй стадіи эволюціи, когда на сцену выступили практическія требованія минуты, думали побѣдить ихъ искусственнымъ, внѣшнимъ орудіемъ, т.-е. *властью*. Но въ такихъ дѣлахъ власть

имѣть силу лишь настолько, насколько ей желаютъ подчиняться; авторитетъ перестаетъ быть авторитетомъ, если онъ утраченъ или расшатанъ въ душѣ того, кто подчинялся ему раньше. Это—общій законъ, и онъ здѣсь подтвердился съ очевидностью. Но главное, что поучительно въ этомъ фактѣ, это—невозможность *насилъственного* навязыванія идеаловъ, хотя бы при содѣйствіи авторитета: ошибка „Рыцарей труда“ была, конечно, не въ томъ, что они имѣли высшіе идеалы и старались проводить ихъ въ сознаніе; я уже показалъ выше, а далѣе покажу еще разъ, какое значеніе имѣла именно такая первоначальная, идеально-высокая постановка задачъ. Ошибка явилась впоследствии и состояла она въ томъ, что „орденъ“, видя и помня свой прежній громадный успѣхъ, не уяснилъ себѣ его значенія: это былъ успѣхъ первой стадіи, т.-е. разрастаніе идеала или сознанія общаго плана. „Орденъ“ желалъ навсегда удержать эту стадію путемъ *авторитета*, что повело не только къ практической неудачѣ, но и къ послѣдствіямъ еще болѣе печальнымъ. „Стремленія *Рыцарей труда*,—говоритъ Изидоръ Финансъ,—имѣвшія казалось, въ виду общіе интересы рабочаго класса, стали служить, въ дѣйствительности, политическимъ предубѣжденіямъ или честолюбію нѣкоторыхъ лицъ“.

То, что пригодно и даже необходимо для одной стадіи развитія, часто бываетъ совершенно негодно или вредно для другой. Если юность, полная вѣры и энтузіазма, идетъ только за энтузіазмомъ и вѣрой въ идеаль, подчиняясь обаянію энтузіаста; если дѣтство можетъ быть воспитываемо только авторитетомъ отца, вызывающаго почти обожаніе, то зрѣлый возрастъ требуетъ совсѣмъ иного отношенія къ себѣ и совсѣмъ иначе относится къ авторитету. И вотъ „Федерация“, въ сравненіи съ „Рыцарями“, шла совсѣмъ инымъ путемъ, который, однако, какъ я покажу далѣе, не исключаетъ возможности возникновенія въ свое время на этомъ пути и самыхъ высшихъ идеаловъ. Ея усилія, прежде всего, были направлены на то, чтобы установить, по соглашенію съ хозяевами, росписание

или таксу рабочей платы, достигнуть постепеннаго уменьшения рабочаго дня *) , расширения факультативных третейских судов **) и т. п. Что касается области законодательной, то ея требованія ограничивались регламентаціей дѣтскаго труда, запрещеніемъ иммиграціи изъ Китая, а также иммиграціи изъ другихъ странъ такихъ рабочихъ, которые выписываются въ Америку по договорамъ; „Федерация“ стремилась также къ запрещенію промышленныхъ работъ въ тюрьмахъ, такъ какъ это до крайности понижаетъ рабочую плату и т. п. Мало-по-малу на этомъ фундаментѣ возникли и болѣе широкія стремленія общаго характера. Это доказывается конгрессомъ 1893 г., когда со стороны огромнаго числа членовъ федерации явились предложенія, носящія характеръ государственнаго коллективизма. Магш думаетъ, что это было только эхо новѣйшихъ стремленій конгресса англійскихъ рабочихъ союзовъ; однако, возникновеніе такого рода требованій черезъ 12 лѣтъ послѣ учрежденія „Федерации“ указываетъ на естественный ростъ или правильную эволюцію классоваго сознанія. Правда, эта 3-я стадія эволюціи еще не дала большинства голосовъ, и предложеніе огромнаго числа членовъ было отвергнуто. Но и этотъ фактъ доказываетъ только постепенный и естественный ростъ сознанія, а не временный, юношескій порывъ энтузіазма, характеризующій первую стадію и проходящій вмѣстѣ съ нею неудержимо.

Резюмируя то, къ чему мы пришли болѣе внимательнымъ анализомъ этого любопытнаго явленія, мы можемъ съ вѣроятностью сдѣлать слѣдующіе выводы: развитіе классоваго сознанія начинается не съ узкаго сознанія своихъ исключительно экономическихъ или профессиональныхъ интересовъ, а, наоборотъ, съ широкой, нѣсколько мистической формы представленія отдаленнаго грядущаго идеала. Если мы вспомнимъ возникновеніе буржуазіи, рыцарства, религіозныхъ

*) Въ Америкѣ длина рабочаго дня опредѣлена федеральнымъ закономъ только для правительственныхъ рабочихъ.

**) Такіе суды существуютъ только въ 15 штатахъ.

движеній, даже самаго монархизма, то замѣтимъ тѣ же свойства: первая стадія всегда характеризуется нѣсколько мистическимъ энтузіазмомъ. Разсмотримъ теперь ближе 2-ю стадію.

Финансъ даетъ очеркъ еще 60 союзовъ, которые сами распадаются на многочисленныя мѣстныя развѣтвленія. Главнымъ предметомъ ихъ стремленій являются повсюду *защита рабочей платы и взаимопомощь*. Такъ, значительное число этихъ союзовъ оказываютъ помощь больнымъ, а также переселяющимся изъ одного мѣста въ другое, не говоря уже о помощи, выдаваемой въ случаяхъ прекращенія работъ. Пенсій не даетъ почти ни одинъ союзъ, но почти всѣ они выдаютъ единовременно опредѣленную сумму (сто рублей) семьямъ своихъ умершихъ членовъ или даже тѣмъ членамъ, у которыхъ умерла жена, отецъ и т. п. Если нѣтъ пенсій, зато многіе союзы имѣютъ убѣжища для престарѣлыхъ товарищей. Всѣ союзы помогаютъ стачкамъ своихъ членовъ въ томъ, однако, случаѣ, если стачка одобряется союзомъ. Такъ какъ въ синдикатахъ могутъ участвовать и хозяева, то часто имѣютъ мѣсто обязательства союзовъ, чтобы ихъ члены-рабочіе занимались только у тѣхъ хозяевъ, которые принадлежатъ къ синдикатамъ, и, наоборотъ, чтобы хозяева не брали на свои фабрики рабочихъ, не входящихъ въ составъ синдикатовъ.

Конечно, всѣ такія отношенія и учрежденія могли развиться такъ широко только на почвѣ полной свободы ассоціацій, существующей въ Америкѣ. Тамъ право какого угодно числа лицъ соединяться для какой бы то ни было цѣли не подчинено никакимъ ограниченіямъ, кромѣ общихъ законовъ. Зато государство гарантируетъ, напимѣръ, право владѣнія какой-либо ассоціаціи или вообще признаетъ ее юридическимъ лицомъ только въ такомъ случаѣ, когда ею исполнены нѣкоторыя формальности и условія. Иногда эти условія очень стѣснительны и даже не особенно разумны.

Я раньше сказалъ, что американскіе рабочіе обязаны широкимъ развитіемъ своихъ ассоціацій существованію тамъ

полной свободы такихъ союзовъ. Этимъ я, *повидимому*, противорѣчу мнѣнію Изидора Финанса, который утверждаетъ, что свобода тутъ не при чемъ, а все дѣло въ „общественномъ духѣ“ американцевъ, до такой степени сильною, что здѣсь не можетъ быть даже и вопроса о подавленіи права ассоціацій.

Но эти слова не доказываютъ вовсе, что свобода тутъ не при чемъ; они указываютъ только на *источникъ этой самой свободы* ассоціацій: она, конечно, лежитъ въ общественномъ духѣ народа; онъ ее завоевалъ, создалъ и гарантируетъ. Но кто же можетъ указать, гдѣ лежитъ граница, съ одной стороны, между вліяніемъ общественнаго духа на учрежденія, а съ другой—вліяніемъ учреждений на этотъ духъ, въ смыслѣ его подавленія или развитія? Тутъ царитъ полное взаимодействіе. Духъ общности воспитывается, конечно, не *одними* учреждениями, но, тѣмъ не менѣе, онъ ими несомнѣнно воспитывается.

V.

Возвратимся къ „классовому сознанию“. Мы видѣли уже, что въ Америкѣ оно развивалось свободно: его возникновенію, эволюціи и естественному теченію былъ полный просторъ, то-есть не препятствовало ничто *внѣшнее* и благопріятствовали *внутреннія* условія (развитый духъ общности). Этотъ послѣдній былъ, конечно, выработанъ американцами еще на родинѣ, въ Англии. Тамъ, какъ извѣстно, онъ воспитался исторически многими условіями, въ числѣ которыхъ англійскій протестантизмъ и выросшіе на его почвѣ элементы самоуправленія и децентрализаціи играли выдающуюся роль *).

Мы видимъ, что эволюція классоваго сознанія началась съ образованія мелкихъ профессиональныхъ ячеекъ, синдикатовъ рабочихъ. Какъ и въ Англии, они имѣли патрональ-

*) См. Michel: „L'idée de l'Etat“. Духъ индивидуализма и свободы развился еще въ войскахъ Кромвелля.

ный характеръ, т.-е. въ ихъ составъ входили и хозяева. Такой характеръ остается у многихъ изъ нихъ и до сихъ поръ, но значительная часть, — какъ здѣсь, такъ и въ Англии, — теряетъ этотъ первоначальный характеръ.

Уже на этой почвѣ возникаетъ съ конца 1860 г. у нѣсколькихъ отдѣльныхъ выдающихся лицъ идея *общаю* объединенія рабочихъ. Основатели ордена „Рыцарей труда“ были проникнуты, какъ видно изъ вышеизложенныхъ плановъ этого ордена, идеями великихъ американцевъ — Франклина, Эмерсона, Чаннинга, но эти идеи примѣнены ими специально къ жизни рабочаго класса и его развитію. Въ этотъ моментъ перваго и наибольшаго пробужденія *идеальныхъ* представлений о грядущей судьбѣ новаго сословія, форма эволюціи принимаетъ почти религіозно-мистическій характеръ. Орденъ напоминаетъ больше секту, чѣмъ практическое движеніе. Самая процедура пріема въ члены носитъ таинственный, полурелигіозный характеръ. Это — періодъ перваго энтузіазма, полный возвышенныхъ, идеальныхъ, почти религіозныхъ чувствъ. Послѣ этой стадіи наступаетъ то неизбѣжное охлажденіе, которое зависитъ отъ двухъ внутреннихъ причинъ и отъ двухъ внѣшнихъ: во-1-хъ, какъ и у всѣхъ религіозныхъ сектъ, высокой подъемъ настроенія, требующій огромной нервно-мозговой энергіи, сопровождается естественнымъ истощеніемъ этой энергіи. Во-2-хъ, когда эта энергія снова вошла въ берега и достигла своего средняго уровня, на поверхность выплываютъ снова личные эгоизмы, профессиональные интересы, т.-е. будничная сторона жизни и ея насущныхъ заботъ о кускѣ хлѣба.

Къ этому присоединяются двѣ внѣшнихъ причины: во-1-хъ, разросшееся число членовъ уменьшаетъ возможность — какъ и въ обосновавшихся религіяхъ — одинаковой силы первоначальнаго энтузіазма. Піонеры движенія, обыкновенно, — энтузіасты, болѣе или менѣе всецѣло охваченные вѣрой въ данные идеалы. Никакихъ корыстныхъ или личныхъ, или профессиональныхъ расчетовъ еще почти не

можетъ быть среди нихъ, такъ какъ движеніе не можетъ дать вначалѣ никакихъ личныхъ выгодъ, а представляетъ въ ближайшемъ будущемъ только борьбу, иногда тяжелую и опасную. Стало быть, главнымъ стимуломъ можетъ являться только ярко-окрашенный идеаль грядущаго и глубокая вѣра въ него. Совсѣмъ иное дѣло, когда агитація заставляетъ нарастать на это ядро огромную массу людей „толпы“ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова. И чѣмъ больше возрастаетъ такая масса, чѣмъ внушительнѣе кажется ея сила, тѣмъ больше является такихъ элементовъ въ ней, которые присоединяются изъ соображеній практическихъ или идутъ просто за силой, за большинствомъ, изъ подражанія и т. п. Конечно, первоначальныя мечты о воспитаніи своихъ членовъ, о дисциплинированіи ихъ, о руководительствѣ изъ центра ихъ моралью, мыслью и настроеніями, становятся невозможными. Центральныя группы сперва надѣются, однако, побѣдить, какъ мы видѣли, во-1-хъ, ограниченіями пріемовъ въ члены, и во-2-хъ, пародированіемъ власти. Но это, конечно, не имѣетъ успѣха. Начинается стадія полного разлада поставленныхъ идеаловъ съ настроеніемъ и стремленіями большинства.

Къ этому присоединяется и вторая внѣшняя причина, которую Изидоръ Финансъ изображаетъ такъ: „между *принципами и дѣйствіями* лежитъ *человѣческая природа*, ея страсти, ея аппетиты, одинаковые всюду. Не законодательство, не полиція, не антагонизмъ хозяевъ, вообще не причины *внѣшнія* опредѣлили паденіе нѣкоторыхъ обширныхъ ассоціацій,—нѣтъ, паденіе произошло отъ *внутреннихъ* раздоровъ, порожденныхъ эгоизмами тѣхъ, которые мечтали сдѣлать эти ассоціаціи орудіями своего успѣха,—или же отъ горячности тѣхъ, кто, нетерпѣливо алкая пользоваться успѣхомъ, искалъ быстрыхъ, неестественныхъ переворотовъ для осуществленія своего идеала счастья“.

Здѣсь немножко свалены въ одну кучу причины весьма различнаго характера, а именно—личныя, эгоистическія стремленія, съ одной стороны, и, съ другой, остатки прежней вѣры въ

идеаль, прежняго энтузіазма, принимающіе крайній характеръ, въ виду самой неудачи, горечи, иногда отчаянія и разочарованія.

Хотя вторая изъ этихъ причинъ чисто-психологическая, а обѣ причины могутъ быть названы *внутренними* въ томъ смыслѣ, что онѣ возникаютъ внутри самой ассоціаціи, а не идутъ отъ власти внѣшней или отъ антагонистовъ вообще, но я ихъ назвалъ ранѣе *внѣшними* потому, что онѣ возникли *отъ притока извнѣ, въ среду ассоціаціи, элементовъ ей чуждыхъ по духу и идеямъ*; это неизбѣжно должно случиться, когда организація *централизована*, когда агитація идетъ изъ центра, а не расцвѣтаетъ изъ отдѣльныхъ ячеекъ, чтобы уже затѣмъ соединиться въ одно цѣлое единствомъ всеобщихъ интересовъ, какъ мы видимъ въ „Федераціи американскихъ рабочихъ“.

Собственно говоря, тутъ дѣло не въ словахъ „внутренній“ и „внѣшній“, которымъ можно придавать самое различное значеніе,—дѣло тутъ въ томъ, чтобы отмѣтить фактъ и почти неизбѣжный законъ паденія обширныхъ ассоціацій, разрастающихся изъ одного центра. Я указалъ сперва одну причину такого паденія, т.-е. огромное число вербуемыхъ членовъ, все болѣе и болѣе индифферентныхъ и даже своекорыстныхъ. Далѣе, я привелъ другую причину, заключающуюся въ томъ, что и въ средѣ самихъ вожаковъ, т.-е. въ центрѣ, являются элементы, руководящіеся своими личными интересами. Такъ какъ и это явленіе зависитъ отъ вторженія въ среду союза элементовъ менѣе идеальныхъ, руководящихся личными интересами, то я назвалъ и эту причину—*внѣшней*, т.-е. лежащей въ несовершенствѣ *формы* самой организаціи, въ ея централистическомъ характерѣ, т.-е. въ развитіи изъ одного центра.

Третья причина, т.-е. появленіе въ средѣ организаціи (или организаторовъ) элементовъ нетерпѣливыхъ и фанатическихъ, по-моему, причина внутренняя, психологическая, хотя и она стоитъ въ нѣкоторой связи съ недостатками централизующей организаціи, а именно: всякая централи-

зачія обольщаетъ вожаковъ призракомъ своей огромной силы, которой весьма часто нѣтъ въ дѣйствительности. Это я уже показалъ выше: сила кроется въ вѣрѣ, въ авторитетѣ, а миллионная, почти случайная толпа можетъ загорѣться такою вѣрой или идти за авторитетомъ лишь нѣкоторое, весьма короткое время, до перваго пробужденія полного самосознанія и самосохраненія. Между тѣмъ, громадность централизованной массы, обольщая призракомъ своей силы, позволяетъ мечтать о гигантскихъ переворотахъ. Но тутъ немедленно сказывается ошибочность расчетовъ, и слѣдуетъ крахъ не только обширныхъ надеждъ, но и самой организаціи. Тутъ снова замѣчается фактъ: *личныхъ, эгоистическихъ интересовъ не терпитъ только та организація, которая заранее построена по плану, рассчитанному на высшія идеальныя цѣли и стремленія.* Такъ какъ идея такой организаціи, въ концѣ концовъ, оказывается не соответствующей ея матеріалу или характеру большинства ея единицъ, то разрушеніе такой планомѣрной организаціи неизбежно. Это не мѣшаетъ тому, что *въ началѣ такая именно организація приноситъ блестящіе результаты и, быть-можетъ, въ то время только она и возможна,* какъ воплощеніе временнаго подъема духа, энтузіазма къ идеалу *).

Не то совсѣмъ съ организаціей, возникающей впослѣдствіи *снизу*, изъ обыденныхъ житейскихъ интересовъ, каковы, напримѣръ, интересы узко-профессіональные. Здѣсь вначалѣ нѣтъ никакого энтузіазма, почти никакихъ отдаленныхъ идеаловъ и широкихъ принциповъ. Наоборотъ, цѣли и принципы сперва даже искусственно суживаются до потребностей чисто насущныхъ. Но за то эти принципы, этотъ фундаментъ постройки дальнѣйшей эволюціи крѣпки и прочны; и это потому, что основныя, элементарныя потребности не могутъ измѣниться, не могутъ разсѣяться, какъ ослабляется

*) Я уже сказалъ ранѣе, что почти подобное же явленіе мы видимъ въ революціяхъ 1789 и 1848 г. во Франціи, а также въ религіозныхъ сектахъ, расколахъ и т. п.

временный подъемъ идеальнаго энтузіазма и quasi-религіознаго настроенія или вѣры въ „обѣтованную землю“.

И вотъ, на этомъ-то чисто-эгоистическомъ фундаментѣ единенія мало-по-малу, по мѣрѣ сцѣпленія его въ одно цѣлое, начинается возникать особаго рода энтузіазмъ, такъ-сказать, реальный, какъ мы видимъ въ „Федерациі“. Этотъ энтузіазмъ зарождается по мѣрѣ сознанія своей *дѣйствительной*, а не призрачной силы. Это энтузіазмъ не quasi-религіозный, зависящій лишь отъ гипнотизированія ума *представленіемъ* будущаго идеала,—это энтузіазмъ реальный, позитивный, несокрушимый, который долженъ возрастать еще больше и больше, по мѣрѣ *фактическаго возрастанія реальной силы организаціи*. Децентрализационный характеръ организаціи не представляетъ возможности бояться за ея разрушеніе или паденіе. Клѣточки или элементы такой организаціи продолжаютъ жить своею самостоятельной, индивидуальною жизнью, опирающейся на неистребимые, обыденные интересы. Это, такъ-сказать, физиологическая или растительная основа организаціи. Уже на ней вырастаютъ, по мѣрѣ ея сплоченія, высшія цѣли, идеальныя стремленія, и начинается намѣчатся вершина зданія.

Замѣчательно, что „Федерациія американскихъ рабочихъ“ возникла въ моментъ наибольшаго апогея ордена „Рыцарей труда“. Ея возникновеніе относится къ 1881 г., а въ 1885 г. „Рыцари труда“ считали въ своей средѣ еще 730.000 членовъ. Но уже черезъ два года послѣ 1885 г. и черезъ 6 лѣтъ послѣ основанія „Федерациі“—у „Рыцарей труда“ теряется 200.000 членовъ, а черезъ 10 лѣтъ остается лишь $\frac{1}{12}$ часть прежней массы! А въ это же время „Федерациія американскихъ рабочихъ“ почти на 100.000 членовъ перерастаетъ самый высшій пунктъ роста „Рыцарей труда“...

Но можно ли изъ этого сдѣлать нижеслѣдующій выводъ, къ которому многіе приходятъ на основаніи фактовъ американскаго рабочаго движенія? Такъ, L. March, въ „Revue inetrnationale de sociologie“ говоритъ, между прочимъ: „опытъ американскихъ синдикатовъ показываетъ, что *только*

тогда, когда они ограничиваются защитой экономических интересовъ, у нихъ существуетъ *raison d'être*, и они могутъ прогрессировать; наоборотъ, если они осмѣливаются ступить на инныя почвы, они осуждены на нѣкоторое паденіе“.

Подобный выводъ весьма близорукъ, такъ какъ онъ основанъ на внѣшней сторонѣ явленія, а не на подробномъ внутреннемъ его анализѣ, который я сдѣлалъ выше.

Опытъ показываетъ совершенно обратное: въ началѣ эволюціи именно широкіе планы и глубокіе идеалы создаютъ организацію. Это, такъ-сказать, юность эволюціи, ея весна, ея медовый мѣсяцъ, ея quasi-религіозная стадія. Правда, она проходитъ, какъ и всякая юность, какъ и всякая весна. Начинается возмужалость съ ея прозой, съ ея житейскою борьбой. Но это — процессъ естественный, нормальный. Юность уходитъ, но она не остается безслѣдной; она оставляетъ въ организмѣ, въ его клѣточкахъ неизгладимые слѣды прежнихъ вдохновеній и высокихъ моментовъ. Тѣ же клѣточки образуютъ какъ бы новый организмъ, только большихъ размѣровъ, но въ сущности это тотъ же организмъ, ставшій изъ юнаго зрѣлымъ. И чисто-экономическіе интересы, охватывающіе его сначала, представляютъ только второй моментъ, вторую стадію его развитія. Но вотъ проходитъ десять, двѣнадцать лѣтъ, организмъ чувствуетъ себя окрѣпшимъ, могучимъ, достаточно обставленнымъ экономически, и тогда снова выступаютъ на первый планъ болѣе широкія, идеальныя стремленія. Но теперь они являются уже не въ формѣ чисто-теоретическихъ или фантастическихъ плановъ, а въ формѣ практически-неизбѣжныхъ, точно-опредѣленныхъ моментовъ дальнѣйшаго роста и развитія. И въ этомъ состояніи, конечно, широкія цѣли являются уже естественнымъ продуктомъ всего предъидущаго хода явленій; было бы, вѣроятно, опаснымъ уродствомъ, извращеніемъ, еслибы не было этой дальнѣйшей, третьей стадіи. Эволюція классоваго сознанія и роста оказалась бы придавленной, остановленной на полупути.

Вотъ что говоритъ опытъ, а никакъ не то, что хочетъ въ немъ видѣть Е. March.

Какія дальнѣйшія стадіи эволюціи переживетъ классовое сознаніе, это — вопросъ грядущей исторіи, о которой мы не можемъ составить себѣ даже и приблизительнаго представленія. Быть можетъ, и новый общественный классъ, послѣ эпохи зрѣлости достигнувъ апогея, перейдетъ въ эпоху декаданса, давъ мѣсто чему-то новому и совершенно неувиданному мыслью нашей современной эпохи?

Все это увидятъ наши правнуки и праправнуки, а наша задача пока — стараться уловить изъ фактовъ тотъ путь, который намѣчается въ ближайшемъ будущемъ для роста и развитія элементовъ настоящаго.

Это я и старался сдѣлать по мѣрѣ силъ въ узкихъ рамкахъ, которыя я избралъ себѣ для упрощенія задачи.

Л. Е. Оболенскій.

Основанія идеализма.

Критика мистическаго идеализма.

1.

Въ наши дни, послѣ вѣкового развитія критической философіи и величайшихъ успѣховъ естествознанія, нерѣдко наблюдается возвращеніе къ мистицизму и притомъ въ наиболѣе грубыхъ его формахъ. Причиной такого „возвращенія къ типу предковъ“ является не одинъ суевѣрный инстинктъ человѣка, не одно отсутствіе или недостаточное распространеніе положительныхъ знаній. Въ мистицизмѣ сказывается неудовлетворенность эмпиризмомъ и рационализмомъ, протестъ противъ современной науки, которая всего менѣе освѣщаетъ намъ область нашей духовной жизни. Въ немъ выражается стремленіе проникнуть въ эту область путемъ непосредственнаго опыта, чтобы найти въ ней рѣшеніе конечныхъ сомнѣній нашего ума и сердца; ибо ни частное эмпирическое познаніе природы, ни отвлеченности разсудочной метафизики не могутъ дать намъ самаго главнаго знанія—о нашемъ подлинномъ реальномъ существѣ. Грубый, чисто-эмпирической мистицизмъ, съ его различными суевѣріями—въ такъ называемомъ „спиритизмѣ“ или „окултизмѣ“, прельщаетъ въ наши дни не однихъ невѣждъ. Онъ успѣлъ обратить нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ естествоиспытателей и, несмотря на явный корыстный обманъ его профессиональныхъ жрецовъ, нерѣдко привлекаетъ вниманіе изслѣдователей, стремящихся проникнуть въ его „загадочныя

явленія“. Въ своемъ цѣломъ однако такой выродившійся мистицизмъ со своими вымышленными или дѣйствительными экспериментами, со своими фантастическими теоріями и галлюцинаціями существуетъ въ сторонѣ отъ науки, которую онъ игнорируетъ, обращаясь къ „тайнымъ наукамъ“ маговъ и медиумовъ. Не мудрено, что мистицизмъ становится синонимомъ суевѣрія, а мистики стали дѣлиться на обманщиковъ и обманутыхъ.

Но именно въ виду такого положенія дѣла полезно высказать себѣ ту относительную истину, которую заключаетъ въ себѣ дѣйствительный мистицизмъ, — какъ опытъ непосредственнаго познанія сущаго. Ибо мистицизмъ не всегда былъ тѣмъ собраніемъ отдѣльныхъ суевѣрій, какимъ онъ является нынѣ. Онъ облекался въ форму умозрѣнія, представляя умозрительную переработку нѣкоторыхъ основныхъ данныхъ внутренняго религіознаго опыта, данныхъ вѣры или непосредственнаго созерцанія сущаго. И поскольку вѣра является факторомъ нашего знанія, попытка гнозиса посредствомъ такой вѣры представляетъ намъ несомнѣнный интересъ, каковы бы ни были ея результаты. Интересъ этотъ увеличивается тѣми замѣчательными аналогіями и совпаденіями, которыя такъ часто встрѣчаются въ мистическихъ ученіяхъ самыхъ различныхъ религій, вѣковъ и народовъ—индусовъ, грековъ, евреевъ, арабовъ, германцевъ. Во многихъ случаяхъ мы не имѣемъ данныхъ предполагать какое либо внѣшнее заимствованіе; въ другихъ—самое заимствованіе требуетъ объясненія при различіи условій и среды возникающихъ ученій. Сходство обусловливается здѣсь внутренними причинами, внутренними требованіями мистическаго гнозиса—единствомъ его задачи, его данныхъ, его точки отправленія. Недостаточность чувственнаго опыта и отвлеченной мысли для познанія сущаго сознавалась въ эпоху первоначальнаго развитія философіи не менѣе сильно, чѣмъ въ тѣ эпохи, когда опытные знанія и отвлеченное умозрѣніе достигали своихъ величайшихъ успѣховъ. Съ другой стороны, и такіе успѣхи не должны мѣшать

намъ видѣть границу эмпирическаго знанія и отвлеченной мысли, ихъ неизбежную неполноту.

Познаваемая нами дѣйствительность обусловлена формами чувственности и логическими категориями. И если мы признаемъ, что наше познаніе внѣшней намъ дѣйствительности истинно въ основныхъ формахъ своихъ, что наши представленія и понятія *могутъ* или *должны* ей соотвѣтствовать, мы допускаемъ тѣмъ самымъ, что какъ наши представленія и понятія, такъ и эта соотвѣтствующая имъ дѣйствительность обусловлены тѣмъ же духовнымъ началомъ, какимъ обусловлены наша чувственность и логическій разумъ. Въ основаніи нашего сознанія, какъ и въ основаніи дѣйствительности лежитъ одинъ универсальный субъектъ. Это краеугольный камень всего идеализма, всего ученія о познаніи и о познаваемомъ сущемъ.

Всѣ объекты существуютъ для субъекта или на счетъ субъекта; всѣ относительные, соотносительные или соотносящіеся индивидуальныя субъекты суть отчасти объекты, предметы отношеній и постольку сами обусловлены абсолютнымъ, безотносительнымъ субъектомъ, къ которому сводится такимъ образомъ все реальное, изъ котораго вытекаетъ вся дѣйствительность, все мыслимое и чувствуемое, точно такъ же, какъ и самое чувство и мысль. Поэтому, познавая это абсолютное начало, мы познаемъ въ немъ всѣ вещи *sub specie aeternitatis*.

Сообразно этому, высшею цѣлью человѣческаго вѣдѣнія является познаніе абсолютнаго субъекта, — той „самости“ сущаго, которая обуславливаетъ собою всякое относительное, объективное существованіе, всякій объектъ мысли и опыта, точно такъ же, какъ и взаимоотношеніе индивидуальныхъ, относительныхъ субъектовъ.

Но возможно ли „объективное“ познаніе этого абсолютнаго субъекта? Можетъ ли онъ быть познанъ, какъ простой предметъ опыта, предметъ мысли и чувства, изъ частныхъ явленій сознанія и внѣшняго міра, или изъ отвлеченій нашего разума? Не обусловленный ничѣмъ внѣшнимъ, онъ

можетъ быть познанъ лишь въ немъ самомъ и притомъ непосредственно, поскольку мы находимъ абсолютный субъектъ въ глубинѣ нашего „я“,—нашего чувства и разума, нашего ограниченнаго, относительнаго субъекта. Но для того, чтобы быть истиннымъ и адекватнымъ абсолютному субъекту, его сознание предполагаетъ полное, интимное сліяніе съ нимъ: сознание абсолютнаго достижимо лишь подъ условіемъ утраты всякаго частнаго индивидуальнаго сознанія, всякаго относительнаго знанія и опыта,—подъ условіемъ рѣшительнаго отвлеченія отъ всей объективной дѣйствительности. Тамъ, гдѣ исчезаетъ всякое раздвоеніе ограниченнаго сознанія, противопоставляющагося внѣшнимъ объектамъ, гдѣ наше „я“ теряетъ себя, оно находитъ абсолютную самость—„атманъ“ всего сущаго. Такъ учили индійскія Упанишады; такъ учили и многіе позднѣйшіе мистики.

Повидимому, здѣсь исчезаетъ возможность заблужденій вѣры, ибо въ абсолютномъ она обрѣтаетъ свое истинное содержаніе. Ложная вѣра приписываетъ абсолютную реальность относительнымъ существамъ, или реальное самобытное существованіе—простымъ объектамъ нашей мысли, чувства или воображенія. Но если абсолютнымъ предметомъ вѣры является всеединая реальность, которая опредѣляется какъ подлинная самость сущаго, то всякая форма вѣры, направленной на отдѣльныя явленія, отдѣльные объекты мысли или представленія—очевидно не можетъ быть абсолютной, чистой формой вѣры. И постольку мистическій гнозисъ, стремясь къ познанію абсолютнаго, требуетъ послѣдовательнаго очищенія вѣры или непосредственнаго созерцанія—путемъ отвлеченія отъ внѣшнихъ предметовъ, отъ чувствъ, отъ представленій, отъ самой мысли даже. Это подготовительный, „отрицательный“ путь мистическаго созерцанія—*via negationis*.

Такъ, индійская теософія родилась среди самаго необузданнаго и фантастическаго политеизма, среди самой дикой миеологіи, въ которой всѣ стихіи олицетворялись въ какихъ-то чудовищныхъ демонахъ, мѣняющихся образы и наполняю-

щихъ природу своими фантастическими силами. Но умирая для міра и погружаясь въ нѣдра своего духа, индійскіе подвижники возвысились надъ этими призрачными богами и нашли въ себѣ того верховнаго Брахму, субъектъ или „атманъ“ вселенной, въ которомъ они упраздняются.

Сначала мистикъ стремится вступить въ общеніе съ духовнымъ міромъ; затѣмъ онъ стремится овладѣть имъ в его абсолютномъ началѣ. Сначала онъ вѣрится въ безусловную реальность этого духовнаго міра и постепенно сознаетъ призрачный характеръ чувственнаго явленія, чувственнаго бытія. Но мало-по-малу и духовный міръ съ его откровениями представляется ему относительнымъ явленіемъ, которому лишь ложная, несовершенная вѣра придаетъ абсолютное значеніе; прежніе боги либо обращаются въ призрачныхъ демоновъ, либо становятся аспектами, потенціями, эманациями Всеединаго. Такова обычная форма мистическаго идеализма.

2.

Разсмотримъ здѣсь процессъ зарожденія и развитія мистическаго идеализма, какъ онъ изображается въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ индійской мысли.

„Надо искать, надо стремиться познать атманъ (самость), для котораго не существуетъ грѣха, который не подверженъ старости, смерти, горести, голоду, жадѣ, который имѣетъ истину предметомъ желаній и намѣреній своихъ. Тотъ овладѣваетъ мірами и всѣмъ, чѣмъ онъ желаетъ, кто достигаетъ познанія атмана“. Такъ сказалъ Праджапати.

Девы и Асуры вняли и сказали: „поищемъ атмана; когда ищешь его, овладѣваешь мірами и всѣмъ, что желаешь“. Тогда Индра изъ среды Девовъ и Вирочана изъ среды Асуровъ пустились въ путь и, не сговорившись, пришли къ Праджапати съ горючимъ (для жертвы) въ рукахъ.

Они оставались тридцать два года послушниками. Праджапати сказалъ имъ: „Съ какимъ намѣреніемъ вы оставались здѣсь?“ Они отвѣчали: „Почитаемый! тебѣ приписываютъ такія слова: надо искать, надо стремиться узнать атманъ,

для котораго грѣха не существуетъ... и т. д. Желая познать его, мы оставались здѣсь“.

Праджапати сказалъ имъ: „тотъ *пуруша*, который видимъ въ глазу, есть атманъ. Да,—прибавилъ онъ,—это Брама, существо безсмертное и не знающее грѣха“. „Почитаемый!—сказали они,—есть пуруша, видимый въ водѣ, и тотъ пуруша, который виденъ въ зеркалѣ; какой это изъ двухъ?“—„Онъ виденъ во *всѣхъ вещахъ*“, отвѣчалъ онъ.

„Посмотрѣвъ на себя въ сосудъ съ водой, скажите мнѣ, не узнали ли вы тамъ самихъ себя (свою самость—атманъ)?“ Оба посмотрѣли тогда въ сосудъ, наполненный водою.—„Что видите вы?“—спросилъ ихъ Праджапати. Они отвѣчали: „почитаемый, мы видимъ весь нашъ атманъ, совершенно похожій до волосъ и до ногтей“.

Праджапати сказалъ: „украсьтесь получше, нарядитесь въ красивыя одежды и пойдите посмотрѣться въ сосудъ, наполненный водою“. Тогда оба, украсившись, нарядившись въ прекрасныя одежды и разубравшись, посмотрѣлись въ сосудъ, наполненный водою. „Что видите вы?“—спросилъ ихъ Праджапати.

Они отвѣчали: „почитаемый, подобно тому какъ мы украсились, нарядились и разубрались, (такъ) и они (образы наши) украшены, наряжены, разубраны. Это ли атманъ?“—„Да, это Брама, существо безсмертное и не знающее страха“. (Они—Индра и Вирочана—ушли съ облегченнымъ сердцемъ.

Праджапати сказалъ, глядя на нихъ: „они уходятъ, не понявъ и не познавъ атмана. Тѣ, кто приметъ такое ученіе, будь то Девы или Асуры,—будутъ побѣждены“. Вирочана пришелъ къ Асурамъ съ облегченнымъ сердцемъ и далъ имъ такое наставленіе: „здѣсь одинъ атманъ долженъ быть почитаемъ, атманъ долженъ быть предметомъ попеченій. Почитая его, заботясь о немъ, мы обрѣтаемъ и этотъ, и другой міръ“.

Поэтому, еще и теперь говорятъ про человѣка, который не творитъ милостыни, не имѣетъ вѣры и не приноситъ жертвъ: „увы, онъ изъ рода Асуровъ“. Ибо таково правило

(упанишадъ) Асуровъ. Они убирають мертвыхъ, даютъ имъ ароматы, вѣнки и прочее, украшая ихъ одеждами и уборами. Они думаютъ такимъ способомъ обрѣсти тотъ мѣръ.

Но Индра, пришедъ къ Девамъ, ощутилъ безпокойство: „точно такъ же, какъ онъ (атманъ, образъ котораго видѣлъ Индра) разукрашенъ, когда тѣло разукрашено, разряженъ, когда тѣло разряжено и разубрано, также точно онъ слѣпъ, когда тѣло слѣпо, убогъ, когда тѣло убого, онъ погибаетъ, когда погибаетъ тѣло. Я не вижу здѣсь ничего выгоднаго“.

Тогда, взявъ въ руки жертву для сожженія, онъ вернулся къ Праджапати. Этотъ сказалъ ему: „о Магаванъ! съ успокоеннымъ сердцемъ ушелъ ты съ Вирочаной,—какое желаніе приводитъ тебя вновь?“ Индра отвѣчалъ (и рассказалъ ему свои сомнѣнія).

„Это правда, о Магаванъ,—отвѣчалъ Праджапати:—я дамъ тебѣ новыя объясненія объ атманѣ. Пробудь здѣсь еще тридцать два года“. Индра остался еще тридцать два года. Тогда Праджапати сказалъ ему: „та вещь, которая услаждается во снѣ, вотъ атманъ“. Онъ прибавилъ: „это Брама безсмертный и не знающій страха“. Индра ушелъ съ успокоеннымъ сердцемъ, но, не дошедъ къ Девамъ, ощутилъ тревогу: хотя эта вещь, которая услаждается въ сновидѣніяхъ, не слѣпнетъ, когда тѣло слѣпо, не хромаетъ, когда оно хромо, не убога, когда оно убого, не испытываетъ ударовъ, когда его бьютъ; однако она нѣкоторымъ образомъ получаетъ удары, она нѣкоторымъ образомъ испытываетъ страданіе, она плачетъ нѣкоторымъ образомъ (во снѣ). Я не вижу тутъ ничего выгоднаго“.

Съ жертвой для сожженія въ рукахъ онъ вернулся къ Праджапати, который сказалъ ему: „о Магаванъ, ты ушелъ съ успокоеннымъ сердцемъ; какое желаніе приводитъ тебя вновь?“ Индра отвѣчалъ ему (и изложилъ свое сомнѣніе). „Это правда, о Магаванъ!—сказалъ Праджапати:—я дамъ тебѣ новыя объясненія объ атманѣ, но пробудь здѣсь еще тридцать два года“. Индра остался еще тридцать два года.—И

Праджапати сказалъ ему: „то, что въ состояніи сна сосредоточено, погружено въ полный покой и не сознаетъ никакого сновидѣнія—это есть атманъ; это Брама безсмертный и не знающій страха“. Индра ушелъ съ успокоеннымъ сердцемъ, но не дошедъ до Девовъ, ощутилъ тревогу:

„Это (то, что погружено въ непробудный сонъ), не знаетъ въ такомъ случаѣ атмана (*т.-е. самого себя*): оно не можетъ сказать, себѣ: „это я“; и оно не знаетъ и (другихъ) существъ (*т.-е. оно не знаетъ ни субъекта, ни объекта*): оно во власти смерти“.

Тогда Индра съ жертвой для сожженія въ рукахъ вернулся къ Праджапати и т. д. и изложилъ ему свое сомнѣніе.

„Это правда, о Маваганъ,—сказалъ Праджапати:—я дамъ тебѣ новыя объясненія объ атманѣ и больше ничего не имѣю сказать тебѣ. Пробудь здѣсь еще пять лѣтъ“. Индра пробылъ тамъ еще пять лѣтъ, всего сто одинъ годъ. Поэтому говорятъ, что Магаванъ пробылъ сто одинъ годъ послушникомъ у Праджапати. Тогда Праджапати сказалъ ему:

„О Магаванъ, это тѣло смертно; оно подвержено смерти; оно есть мѣстопробываніе атмана безсмертнаго и безплотнаго. Атманъ, соединенный съ тѣломъ, подверженъ удовольствію и страданію. Пока онъ связанъ съ тѣломъ, онъ не можетъ избавиться отъ удовольствія и страданія, но когда онъ отрѣшенъ отъ тѣла, удовольствіе и страданіе болѣе его не касаются.

„Вѣтеръ не имѣетъ тѣла. Туча, молнія, громъ—всѣ эти вещи безъ тѣла. Какъ всѣ эти явленія, возникающія изъ нѣдръ видимаго ээира, облакаются въ весь свой блескъ и представляются въ свойственной имъ формѣ,

„Такъ *самтрасада* (*т.-е. духъ, уснувшій безъ грезъ*), поднимаясь изъ этого тѣла, облакается въ весь свой блескъ и проявляется въ той формѣ, которая ему свойственна. Онъ есть пуруша. Онъ прогуливается въ этомъ мірѣ, вкушая пищу, играя, услаждаясь съ женщинами, колесницами или съ своими родственниками, не заботясь о тѣлѣ, которое есть лишь прилатокъ. *Прана* (душевная сила, *spiritus vitalis*)

впряжена въ это тѣло, какъ вьючное животное въ колесницу.

...То, что думаетъ: „я хочу обонять“—есть атманъ, и онъ чуетъ запахъ обоняніемъ. То, что думаетъ: „я хочу говорить“—есть атманъ, и онъ говоритъ посредствомъ голоса. То, что думаетъ: „я хочу слышать“—есть атманъ, и онъ слышитъ посредствомъ слуха.

„Сущность, которая мыслить: „я хочу думать“ — есть атманъ. *Манасъ* (центральный органъ сознанія, умъ, *mens*) есть его божественное око. Посредствомъ этого божественнаго ока атманъ наслаждается, взирая на всѣ предметы своихъ желаній.

„Девы, сущіе въ мірѣ Браны, чтутъ этотъ атманъ. По этой причинѣ они овладѣли всѣми мірами и всѣми предметами своихъ желаній. Тотъ овладѣваетъ всѣми мірами и всѣми предметами своихъ желаній, кто, искавши, обрѣтаетъ познаніе атмана. „Такъ сказалъ Праджапати *)“.

3.

Индра повидимому удовлетворился этимъ урокомъ и не возвращался болѣе „говѣтъ“ къ Праджапати, который болѣе ничего не имѣлъ ему сообщить. Во всякомъ случаѣ сто одинъ годъ, проведенные Индрой въ послушаніи, пошли ему въ пользу,—разъ онъ овладѣлъ всѣми мірами и всѣми предметами своихъ желаній. Послѣднія пять лѣтъ являются повидимому особенно плодотворными, заканчиваясь объясненіемъ и повтореніемъ всего пройденнаго курса. И послѣднее сомнѣніе Индры относительно выгоды непробуднаго сна—сампрасады—дѣлаетъ большую честь этому богу, такъ какъ многіе изъ его соотечественниковъ вполнѣ успокоиваютъ свои сердца въ нѣмомъ ничтожествѣ нирваны.

Праджапати постепенно, послѣдовательно раскрываетъ истину своему ученику въ связи съ его личными аскетическими усиліями. О самости, объ Атманѣ, нужно пещись

*) Чандогья Упанишадъ у Ренью (*Materiaux p. servir à l'histoire de la phil. de l'Inde, Paris 1876*) 108—117.

прежде всего, ибо въ немъ заключается все. „Мужья, жены, дѣти, богатства, всѣ міры,—словомъ, вся вселенная,—дороги намъ не ради вселенной, мужей, женъ, міровъ и боговъ, а ради Себя—Атмана; ибо и боги, и міры, и всѣ существа отвергли бы какъ чужого того, кто сталъ бы признавать ихъ отличными отъ этой самости—отъ Атмана. „Этотъ Брама, эти міры, эти боги, эти существа, эта вселенная есть атманъ“ *). Онъ есть нить, связующая вмѣстѣ всѣ міры и всѣ существа **).

Гдѣ же слѣдуетъ искать этотъ атманъ? Прежде всего всякое существо, поскольку оно существуетъ, имѣетъ его въ себѣ. „Онъ видѣнъ во всѣхъ вещахъ“. Не есть ли эта самость вещей — ихъ двойникъ, ихъ образъ или призракъ, какъ то думаютъ тѣ племена, которыя чтутъ усопшихъ и демоновъ? Такъ же думаютъ повидимому и многіе современные „окультисты“. Но „кто бы они ни были, — Девы или Асуры, — они будутъ побѣждены“, ибо они стоятъ на низшей ступени мистицизма, принимая призраки за откровеніе духа. Какъ тѣло, такъ и его призракъ не есть истинная самость человѣка и всѣхъ вещей, и познаніе призраковъ не заключаетъ въ себѣ „ничего выгоднаго“. Наша истинная самость отлична отъ тѣла и мы находимъ ее тамъ, гдѣ перестаемъ ощущать или сознать наше тѣло, напримѣръ во снѣ. Но и эта вторая ступень—ступень грезящаго мистицизма—все же является недостаточной. Наша душа, грезящая въ сновидѣніяхъ и каталептическихъ состояніяхъ, есть ограниченное существо, подверженное страданію и связанное съ тѣломъ: она не есть „абсолютная самость“ — Атманъ, не знающій страха творящій изъ себя всѣ міры. Оставляя чувственный міръ и погружаясь въ міръ видѣній, мы еще не находимъ „ничего выгоднаго“, хотя во внутренней жизни нашей психической реальности мы приближаемся къ первоисточнику нашего бытія. Совершенное освобожденіе отъ

*) Ib. 118—119. Brhad. āraṇyaka Upaniṣhad 2, 4, 5—6.

**) Ib. 122. Brh. ar. 3 7.

тѣла и всего чувственнаго, всего объективнаго, внѣшняго нашей самости—и полное погруженіе въ эту основу нашего существа—есть непробудный, невозмутимый грезами вѣчный покой. Вотъ Брама — „вѣчное существо, не знающее смерти“, страданія и страха. Конечное „познаніе“, созерцаніе этого „существа“, полное сляніе съ нимъ, блаженство вѣчнаго, божественнаго покоя внѣ призрачнаго явленія, внѣ дробнаго бытія съ его ложью, страданіемъ и борьбою—вотъ конечная цѣль индійской мистики. Къ ней стремятся мыслители, отчаявшіеся въ возможности рациональнаго познанія; къ ней стремятся индійскіе аскеты и нѣкоторые христіанскіе мистики. И однако Индра не находитъ „никакой выгоды“ и въ этомъ вѣчномъ Атманѣ, въ этомъ океанѣ забвенія, гдѣ безслѣдно исчезаетъ все индивидуальное, теряя сознаніе себя и всѣхъ другихъ существъ.

Все это совершенно понятно: Атманъ есть всѣ вещи; онъ есть наша душа, нашъ субъектъ отличный отъ тѣла и онъ—абсолютная „самость“ всѣхъ вещей; понятно и сомнѣніе Индры—въ выгодѣ такого познанія, въ которомъ расплывается самое сознаніе. Труднѣе понять, какую выгоду получилъ онъ изъ послѣдняго наставленія Праджапати. Для этого нужно принять во вниманіе самый методъ ученія и его продолжительность: то было аскетическое радѣніе или говѣніе (*tapas*),—не курсъ отвлеченной метафизики. То было *практическое* познаніе Атмана.

Безъ тѣла, безъ міра, безъ внѣшнихъ объектов—духъ, Атманъ—не можетъ чувствовать или сознать что-либо, а тамъ, гдѣ онъ имѣетъ тѣло — онъ страдаетъ, подверженъ внѣшнему ограниченію, гнету, насилію, смерти. Такимъ образомъ онъ въ одно и то же время погруженъ въ непробудный покой, и движется, живетъ въ мірѣ. Поэтому, подвижникъ, достигшій познанія Атмана, съ одной стороны, обрѣтаетъ въ себѣ его „блаженное усненіе и вѣчный покой“, а съ другой—„прогуливается“ въ мірѣ и наслаждается его благами, не заботясь о тѣлѣ и о скорбяхъ его, такъ какъ ничто не можетъ болѣе возмутить совершеннаго гностика,

или достигнуть той глубины, въ которую его духъ погрузился. Ибо его внутренній человекъ, его духъ или „пуруша“ отождествился не съ тѣломъ, не съ призракомъ, не съ индивидуальной душой, а съ самимъ Брамой, въ которомъ онъ „спитъ безъ грезъ“. Но вмѣстѣ, какъ вѣтеръ или молнія, возникающіе изъ безплотной атмосферы, онъ проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ. Онъ видитъ свое отраженіе въ образѣ каждаго человека, онъ сознаетъ себя во всѣхъ тваряхъ: *tat twam asi*—„это—ты еси“, т.-е. все это, что ты видишь, есть ты самъ. Въ глубинѣ нашего существа мы солидарны со всѣмъ сущимъ, мы — едино со всѣмъ; и освободившись отъ всего объективнаго, мы находимъ въ себѣ ту „волю бытія“, ту „самость“ сущаго, тотъ абсолютный субъектъ, который обосновываетъ всѣ объекты, обуславливаетъ все относительное бытіе. Въ ней, въ этой „самости“ обрѣтаемъ мы всѣ міры и всѣ предметы нашихъ желаній, поскольку весь міръ есть ея объективация.

Какъ паукъ выпускаетъ изъ себя паутину и вновь поглощаетъ ее въ себя, такъ Брама, чистая, абсолютная воля, свободная отъ всякаго гнета, отъ всякаго объекта, создаетъ изъ себя міры и объемлетъ ихъ. И тотъ, кто оставилъ міръ, оставилъ свою душу и вошелъ въ свой Атманъ, кто погрузился въ ту глубину, изъ которой вытекаютъ всѣ помыслы и желанія, въ то начало, которымъ обосновывается какъ внѣшній міръ объектовъ, такъ и внутренній міръ сознанія, — тотъ овладѣлъ всѣми мірами, тотъ въ одно и то же время творитъ ихъ какъ божество и живетъ въ нихъ какъ тварь, тотъ видитъ себя во всѣхъ тваряхъ и во всѣхъ тваряхъ — единый Атманъ.

Для такой науки сто одинъ годъ — короткій срокъ, и тотъ, кто ее дѣйствительно усвоилъ, получаетъ господство не только надъ міромъ явленій во времени и пространствѣ, но и надъ самыми богами. Извѣстно, что индусы приписываютъ своимъ подвижникамъ чудодѣйственныя способности и даръ ясновидѣнія. Мы не можемъ разбирать, что въ такихъ рассказахъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что въ нихъ

басня или простая сказка. Аскеты, не достигшіе высших ступеней гнозиса, могут „отводить глаза“ себѣ и другимъ, показывая тѣ или другіе фокусы, быть-можетъ развивая въ себѣ извѣстныя психическія способности, — объ этомъ намъ трудно судить съ достовѣрностью. Несомнѣнно одно, что *пріемы* аскетическихъ упражненій, направленныхъ на развитіе такихъ „телепатическихъ“ способностей, — болѣе или менѣе однородны у подвижниковъ самыхъ различныхъ народовъ и религій *). Что касается до совершеннаго подвижника, духъ котораго погрузился въ созерцаніе абсолютной самости, то врядъ ли онъ станетъ продѣлывать психологическіе или иные фокусы, хотя быть можетъ, самыя трансцендентальныя условія воспріятія и волевого дѣйствія для него видоизмѣняются подъ вліяніемъ его аскетической гимнастики. Нарушенія законовъ природы тутъ, очевидно, нѣтъ; но могутъ быть явленія такихъ законовъ, которые намъ пока неизвѣстны.

Такъ, напримѣръ, подвижникамъ всѣхъ временъ и народовъ приписывалась способность ясновидѣнія въ пространствѣ и времени—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Многіе отвергаютъ возможность такого явленія, другіе признаютъ его, ссылаясь на личный опытъ. Но отвергать безусловно возможность такого „*априорнаго воспріятія*“ — значитъ признать абсолютными трансцендентальныя условія чувственного, эмпирическаго воспріятія. На такое признаніе однако не имѣетъ права ни истинный эмпирикъ, не знающій ничего, кромѣ относительнаго, ни идеалистъ, признающій абсолютный субъектъ въ основѣ всѣхъ отношеній: ибо такой субъектъ не подчиненъ трансцендентальнымъ условіямъ ограниченнаго сознанія, точно также какъ и, на оборотъ, трансцендентальныя условія нашей нормальной чувственности не могутъ быть абсолютными, т.-е. опредѣлять собою абсолют-

*) См. Regnaud стр. 181, La délivrance par l'ascétisme et l'extase (таковы безмолвіе, ноздревое дыханіе, сосредоточеніе при помощи извѣстныхъ психо-физическихъ пріемовъ, самоумерщевленіе всѣхъ чувствъ и подавленіе жизненныхъ функцій и пр).

ный субъектъ. Съ другой стороны, признавать возможность ясновидѣнія — значитъ допускать возможность апіорнаго воспріятія вещей, которое очевидно должно происходить при иныхъ трансцендентальныхъ условіяхъ, чѣмъ эмпирическое чувственное воспріятіе. И если всякое объективное, относительное существованіе обуславливается въ концѣ концовъ абсолютнымъ сверхвременнымъ и сверхпространственнымъ субъектомъ, то апіорное воспріятіе въ отличіе отъ внѣшняго или эмпирическаго обуславливается *внутреннимъ* отношеніемъ воспринимающаго къ воспринимаемому чрезъ конечное посредство той же абсолютной сверхчувственной основы нашего бытія и сознанія. Поскольку индійскіе аскеты отрѣшаются отъ внѣшнихъ чувствъ и погружаются въ свою самость, они и думаютъ найти въ ней источникъ такого вѣдѣнія *).

Дальше этихъ отвлеченныхъ соображеній мы не идемъ и не можемъ разсматривать въ высшей степени сложныхъ *психологическихъ* условій подобныхъ явленій. Возможно ли такое практическое осуществленіе мистическаго гнозиса и, главное, *въ какой мѣрѣ*—пусть рѣшаетъ тотъ, кто пожелаетъ продѣлать надъ собою тѣ эксперименты, которымъ подвергаютъ себя аскеты въ течение ихъ долговременнаго искуса. Психологическія лабораторіи со всѣми ихъ машинами едва ли помогутъ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Но для насъ важенъ только теоретическій результатъ мистики, поскольку она соприкасается съ умозрительнымъ ученіемъ идеализма. Правда, что „Атманъ“, какъ абсолютный субъектъ, признается теоретически непознаваемымъ,—въ отличіе отъ объектовъ: онъ достижимъ лишь практически **). Но это практическое сліянiе съ

*) Подобно другимъ мистикамъ, они допускаютъ цѣлую лѣствицу ступеней въ процессѣ внутренняго самоосвобожденія духа, начиная отъ чисто-пассивнаго усыпленія тѣлесныхъ чувствъ и кончая совершенной свободой, полнымъ сліянiемъ съ Божествомъ. И этой лѣствицѣ соотвѣтствуетъ рядъ ступеней мистическаго гнозиса и рядъ посредствующихъ духовныхъ силъ или потенцій.

**) Ср. Deussen: „Das System des Vedanta“ (Lpzg, 1883), S. 153—5.

нимъ, это отождествленіе съ Брамюю (aham Brahma asmi)— все же признается абсолютнымъ вѣдѣніемъ.

Въ Индіи положено первое основаніе идеалистической философіи: впервые абсолютное всеединство было создано здѣсь какъ духовное начало; впервые въ человѣческомъ духѣ найдена была сила, побѣждающая міръ.

4.

Мы не имѣемъ данныхъ для историческаго сближенія греческой и западно-европейской мистики съ индійской. Въ Греціи мистицизмъ является логически необходимымъ моментомъ въ развитіи философской мысли, искавшей въ откровеніи, въ мистической интуиціи Всеединого Сушаго—восполненіе и обоснованіе отвлеченнаго умозрѣнія. Западно-европейскій мистицизмъ опредѣляется, съ одной стороны, философскимъ неоплатонизмомъ, а съ другой—положительными историческими данными христіанства,—Евангеліемъ Христа, Его личностью и церковными догматами. Христіанство съ его универсальнымъ характеромъ далеко не можетъ опредѣляться какъ религія „непосредственнаго“ откровенія и существенно отличается отъ всякаго мистическаго гоостицизма. Во всякомъ случаѣ мистицизмъ нормируется въ христіанствѣ нѣкоторыми основными положительными и объективными нормами (1 Иоан. 4, 1—3). Но, несмотря на всѣ эти различія, на Западѣ, какъ и на Востокѣ, одно-стороннее развитіе мистицизма въ своемъ стремленіи достигнуть сверхчувственнаго, непосредственнаго познанія сущаго нерѣдко вело одинаковымъ путемъ къ аналогичнымъ результатамъ.

Чтобы достигнуть абсолютнаго сущаго, надо умереть для міра, умереть для себя самого, погрузиться въ безмолвіе, въ тишину, не возмущаемую никакимъ чувствомъ, желаніемъ или помысломъ *). Умерщвленіе плоти, аскетическое внутреннее самоумерщвленіе воли, чувствъ и разума есть условіе та-

*) Ср. Реньо—указанная глава объ искупленіи путемъ аскетизма и экстаза.

кого вѣдѣнія. Такъ учатъ индійскіе мудрецы и нѣмецкіе мистики, Упанишады и Санкарачарія, Мейстеръ Экгартъ и Якобъ Бѣме. Тотъ, кто не равнодушенъ къ самому аду, кто еще способенъ въ аду испытывать мученіе, тотъ еще не достигъ совершенства.

Wer in der Hölle nicht kann ohne Hölle leben,
Der hat sich noch nicht ganz dem Höchsten übergeben *).

Тамъ, гдѣ исчезаетъ грань между субъектомъ и объектомъ, между видящимъ и видимымъ, гдѣ прекращается всякое раздвоеніе между ними,—тамъ остается одинъ чистый недѣлимый свѣтъ, тамъ индивидуальность распускается, какъ капля росы въ лучахъ солнца, тамъ живетъ Брама или Божество. Здѣсь уже нѣтъ созерцанія, въ которомъ видящее отлично отъ видимаго, но то и другое едино, какъ учить Плотинъ (VI, 9, 10, 11). Здѣсь упраздняется раздвоеніе, различіе между индивидуальнымъ и абсолютнымъ субъектомъ **). Гдѣ остается индивидуальность съ ея самоутвержденіемъ и эгоизмомъ, гдѣ это ничтожество хочетъ быть о себѣ или для себя,—тамъ адъ борьбы, зла, лжи, призрачнаго существованія,—тамъ царство „князя вѣка сего“ ***). Лишь въ полной нищетѣ, въ полномъ очищеніи, упрощеніи (*ἀπλοῦς*), истощаніи человѣческой воли, человѣческаго духа—онъ обрѣтаетъ въ себѣ полноту Божества, которая поглощаетъ его въ своей безднѣ, соединяется съ нимъ, растворяя его въ своемъ свѣтѣ. Какъ рѣки, впадая въ океанъ, теряютъ названіе и образъ, такъ мудрый, освободившись отъ имени и личности, становится одно съ божественнымъ Брамой.

Das Tröpflein wird das Meer, wenn es in's Meer gekommen,
Die Seele Gott, wenn sie in Gott ist aufgenommen.

*) Ангель Силезій: „Cherubinischer Wandersmann“. Ср. Deussen Syst. d. Vedanta, S. 84—второе правило для истиннаго гностика.

**) Ср. Regnaud, 130 сл.

***) Ср. Theologia Deutsch (весьма популярный мистическій трактатъ, написанный, какъ думаютъ, въ XV в.) гл. 22 (ed. Pfeiffer)... „Denn Ichheit, Selbstheit, Mein, Mir und desgleichen gehört alles zum bösen Geiste“ ср. гл. 36, 40, 44, 49 и др.

Индійскій аскетъ силой своего личнаго подвига побѣждаетъ боговъ, освобождается отъ ихъ власти. Пока для него существуютъ боги, т.-е. пока онъ еще отличаетъ ихъ отъ себя,—онъ еще не достигъ совершеннаго вѣденія: „онъ какъ скотъ для боговъ“, которымъ они кормятся. Неоплатоники и нѣмецкіе мистики, въ своемъ стремленіи слиться съ Божествомъ, такъ же усиливаются подняться выше личнаго Бога или точнѣе—личности Божества.

„Когда я стоялъ въ моей первой причинѣ, — говоритъ Мейстеръ Эккартъ, — я не имѣлъ никакого Бога и былъ самъ собою. Я не хотѣлъ ничего, не желалъ ничего, исповѣдуя себя самого по божественной истинѣ. Тогда я хотѣлъ самого себя и не хотѣлъ никакой другой вещи; что я хотѣлъ, то я и былъ, и что я былъ, того я и хотѣлъ и тамъ находился безъ Бога и безъ всѣхъ вещей. Когда же я вышелъ изъ *(этой)* моей свободной воли и воспринялъ мое тварное естество, тогда возымѣлъ я и Бога; ибо прежде, чѣмъ возникли твари, Богъ не былъ Богомъ: Онъ былъ то, что Онъ былъ *(т.-е. той же всеединой чистой и безосновной Волей)*. Когда же возникли твари и восприняли свое тварное естество, тогда Богъ сталъ Богомъ—не самъ въ Себѣ, а въ тваряхъ сталъ Онъ Богомъ.—Такъ вотъ мы и говоримъ, что Богъ, поскольку Онъ есть Богъ, не составляетъ конечной цѣли для тварей, какъ бы ни было велико то сокровище, какимъ самая малая тварь обладаетъ въ Богѣ. И еслибъ возможно было, чтобы муха имѣла разумъ и могла разумно искать вѣчную бездну божественнаго естества, то мы говоримъ, что Богъ, со всѣмъ тѣмъ, что есть Богъ, не могъ бы наполнить или удовлетворить этой мухи. Поэтому мы молимъ, чтобы намъ отрѣшиться отъ Бога (*dass wir Gottes ledig werden*) и воспріять истину и вкушать вѣчность, въ ней же горніе ангелы и души равны—тамъ, гдѣ я стоялъ и хотѣлъ то, что я былъ, и былъ, что я хотѣлъ. Столь нищъ долженъ быть человѣкъ волей и столь мало хотѣть и желать, какъ онъ хотѣлъ и желалъ тогда, когда онъ былъ ничто“. Такой человѣкъ долженъ забыть себя, Бога и всѣ

твари, обнищать волей, знаніемъ и сознаніемъ, ибо тамъ, гдѣ самъ Богъ перестаетъ быть разумомъ и сознаніемъ, гдѣ Онъ перестаетъ сознавать что-либо,—тамъ Онъ отрѣшенъ отъ всѣхъ вещей и поэтому самому именно тамъ Онъ есть все и обнимаетъ въ себѣ все *).

Такимъ образомъ Божество является какъ Богъ или Господь лишь съ относительной, внѣшней точки зрѣнія. Еще болѣе послѣдовательно проводится эта мысль въ индійской Ведантѣ, гдѣ Брама или абсолютный Атманъ опредѣляется какъ Господь (ісвага), личный Богъ,—лишь въ экзотерическомъ ученіи, для несовершенныхъ гностиковъ **).

Но мы не станемъ умножать примѣровъ. Свидѣтельство мистиковъ различныхъ временъ и народовъ цѣнно для насъ не только потому, что при отсутствіи прямого историческаго преемства они повторяютъ сходныя положенія, но также и потому, что мы наблюдаемъ у нихъ повтореніе одного и того же опыта или по меньшей мѣрѣ аналогичныхъ опытовъ, продуманныхъ и дѣйствительно пережитыхъ.

Мистическое умозрѣніе развивается на религіозной почвѣ; но при этомъ всѣ данныя внѣшняго „положительнаго“ откровенія, вся объективная сторона религіи и культа естественно отодвигаются на второй планъ, или отпадаютъ постепенно, какъ нѣчто относительное, какъ внѣшнее средство для непосвященныхъ. Поэтому, на христіанской почвѣ мистическое умозрѣніе часто стѣснялось въ готовые рамки догмата, или же вовсе порывало съ нимъ, колеблясь между ортодоксальною схоластикой и гностическимъ пантеизмомъ. Мейстеръ Эккартъ, напримѣръ, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ нѣмецкихъ мистиковъ находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Θомы Аквинскаго — особенно въ латинскихъ своихъ трактатахъ; съ другой стороны, его нѣмецкія проповѣди, какъ видно изъ приведеннаго образчика, значительно отклонялись не только отъ нормъ католи-

*) См. Meister Eckhart (ed. Pfeiffer, 1857) проповѣдь LXXXVII (с. 281 сл.).

**) Таково такъ же значеніе Логоса у Филона и у нѣкоторыхъ изъ его христіанскихъ послѣдователей.

ческой догматики, но и отъ нормъ положительной религіи вообще.

Повидимому, уже въ Индіи чистый мистицизмъ пришелъ къ наиболѣе важнымъ и основнымъ своимъ положеніямъ. Правда, результатъ индійской мистики (въ отличіе отъ христіанской) представляется намъ чисто-отрицательнымъ. Познаніе „самости“ — божественнаго атмана или Брами, — достигается путемъ аскетическаго самоумерщвленія чувствъ, воли и мысли; оно доставляетъ человѣку „вѣчный покой“, но въ этомъ покоѣ онъ теряетъ „себя, Бога и вселенную“. Онъ убѣждается въ совершенной призрачности міра, всѣхъ тварей и существъ, его населяющихъ, мало того—въ совершенной призрачности и ничтожествѣ своего индивидуальнаго „я“. Все значеніе такого гнозиса заключается не въ его теоретическихъ результатахъ, которые легко и быстро могутъ быть усвоены, а въ продолжительномъ и многотрудномъ процессѣ самоосвобожденія отъ міра, въ „пробужденіи“ отъ „кошмара“ являющейся дѣйствительности и побѣдѣ надъ міромъ, поскольку центръ міра, его абсолютный субъектъ лежитъ внутри человѣка. Найти въ себѣ этотъ центръ и утвердиться въ немъ, сдѣлать его центромъ своего бытія вмѣсто мнимаго центра нашего личнаго эгоистическаго „я“—вотъ истинная міровая задача человѣка, ибо, измѣняя центръ собственнаго существованія, дѣлаясь, такъ сказать, концентрическимъ абсолютной самости, человѣкъ возстановляетъ въ себѣ нормальное отношеніе міра къ его первоосновѣ, между тѣмъ какъ эгоистическое самоутвержденіе, жажда раздѣльнаго существованія, чувственныя похоти и влеченія, отвлекаютъ человѣка отъ истинной „самости“ сущаго, подчиняютъ его лжи, страданію, смерти и заставляютъ его вѣрять въ ложь и смерть.

5.

Какъ ни значительны такіе практическіе результаты съ точки зрѣнія религіозной морали или съ точки зрѣнія современнаго пессимизма, мы должны спросить себя, „какъ-ко-

ко они состоятельны съ чисто-теоретической точки зрѣнія. Какъ доказать, что мы дѣйствительно обрѣтаемъ внутри себя познаніе абсолютной „самости“, что мы познаемъ сущее, отвлекаясь отъ всякаго явленія и погружаясь въ нѣдра нашего духа путемъ какой то самогипнозизаціи? Опредѣляется ли истинно-сущее, какъ абсолютный Атманъ—безличная самость, безпредметная мысль, или чистая безпредметная воля, свободная отъ всякихъ помысловъ и желаній? По Шопенгауэру, который принимаетъ по своему результаты индійскаго идеализма, такая воля страдаетъ въ вѣчной жаждѣ желанія тамъ, гдѣ она тяготѣетъ къ мнимому, призрачному центру, или дробится на множество влеченій въ мірѣ явленія. И только аскетическое самоумерщвление такой похотной воли, индивидуальной воли и сознанія вообще, только прозрѣніе ничтожества міра возвращаетъ міровую волю—субъектъ мірового процесса—къ самой себѣ въ состояніе блаженнаго покоя нирваны.

Но если абсолютная чистая всеединая воля есть истинная сущность „всѣхъ міровъ“, если объективный міръ явленій есть лишь обманчивый призракъ, который безусловно не соответствуетъ истинному существу этой воли, этого субъекта, то какъ объяснить самое существованіе, возникновеніе такого призрака? Если истинно существуетъ только абсолютный субъектъ, то какъ возможно существованіе относительное, индивидуальное? И далѣе, допустивъ даже, что чувственный міръ есть простой призракъ, мы все-таки должны признать, что мысль о немъ, мышленіе, направленное на его познаніе—не призрачно. А между тѣмъ именно посредствомъ мысли мы и понимаемъ міръ.

Во всякомъ случаѣ мистическій гнозисъ съ своимъ пантеизмомъ находится въ видимомъ противорѣчьи съ живымъ человѣческимъ сознаніемъ. И для того, чтобы разрѣшить такое противорѣчіе, требуется либо аскетическое самоумерщвление этого сознанія, либо же изобрѣтеніе цѣлой теогонической и космогонической системы для согласованія мистическаго умозрѣнія съ опытомъ и мышленіемъ. Если

самъ по себѣ конечный результатъ аскетическаго созерца-
 нія приводитъ подвижника къ блаженству нирваны или сну
 безъ грезъ, который невозможно „опровергать“ какими-ли-
 бо теоретическими соображеніями, то, съ другой стороны,
 совершенно ясно, что такой сонъ неизбѣжно прекращает-
 ся тамъ, гдѣ есть какая-нибудь объективная мысль или вос-
 пріятіе, гдѣ есть какая-нибудь конкретная воля,—словомъ,
 гдѣ есть духовная жизнь. Весь аскезъ мистика именно и
 направленъ на то, чтобы въ корнѣ отрѣшиться отъ всякой
 индивидуальной границы, отъ всего объективнаго. А отсю-
 да несомнѣнно слѣдуетъ, что весь объективный міръ, точ-
 но также какъ и все конкретное сознание, хотя бы мы
 признавали и то, и другое призрачнымъ сновидѣніемъ,—не
 объяснимы изъ чистой безсознательной „самости“, изъ
 этого духа, „спящаго безъ грезъ“. И если міръ обусловленъ
 чувствующимъ и мыслящимъ субъектомъ, сознающимъ на-
 чаломъ, то непонятно, откуда такое начало могло явиться.

Здѣсь граница чистаго мистическаго идеализма, ибо какъ
 только мы обращаемся къ разуму, къ чувственности, къ
 объективному бытію, мы выходимъ изъ сферы абсолютнаго
 мистическаго единства. Тѣмъ не менѣе, послѣдовательно
 развитое мистическое ученіе не можетъ обойти вопроса
 объ отношеніи абсолютнаго сущаго къ являющейся дѣй-
 ствительности, ко множеству существъ, составляющихъ
 вселенную. Правда, этотъ вопросъ разрѣшается обыкно-
 венно въ болѣе или менѣе отрицательномъ смыслѣ: дѣй-
 ствительность улетучивается, расплывается въ лучахъ Бо-
 жества, обращаясь въ призрачную аллегорію вѣчности. *Alles
 vergängliche ist nur ein Gleichniss*. Но тамъ, гдѣ требуется
 отыскать начало, основаніе дѣйствительности въ самомъ
 абсолютномъ, мы, какъ и слѣдуетъ ожидать, встрѣчаемся
 съ значительными разногласіями.

Для индійскаго мистика, какъ и для Шопенгауэра, дѣй-
 ствительный міръ есть непостижимая греза, возникающая
 изъ нѣдръ абсолютнаго, какъ видѣніе или галлюцинація,
 вызванная магической силой желанія. Еще мудрецы Ригъ-

Веды видятъ въ этомъ „желаніи“—звено или „связь между бытіемъ и не бытіемъ“. (Ригъ-Веда, X, 129). Но, съ одной стороны, возникновеніе грезъ или желанія необъяснимо изъ неизмѣнной самодовлѣющей самости, чуждой всякихъ грезъ и желаній въ своемъ вѣчномъ покоѣ; а съ другой стороны сознаніе міра, разумная оцѣнка дѣйствительности, хотя бы въ качествѣ грезы, предполагаетъ не болѣе глубокой сонъ, не само-гипнотизацію, а скорѣе полное пробужденіе мыслящаго духа. Міръ явленій предпологаетъ чувственность и предпологаетъ мысль. Если онъ есть „видѣніе“ или „откровеніе“ абсолютнаго Духа, то онъ предполагаетъ мысль и чувство въ самомъ этомъ Духѣ, который, такимъ образомъ, отъ начала не можетъ ограничиваться своею абстрактною самостью, своимъ субъективнымъ Атманомъ. Если же дѣйствительный міръ есть галлюцинація отдѣльной индивидуальной души, то нужно объяснить, откуда берется эта индивидуальность съ ея мыслью и чувствомъ, и почему существуетъ одинъ и тотъ же объективный міръ явленій для множества соотносящихся и солидарныхъ между собою индивидуальностей?

Эти вопросы неизбежно приводятъ къ самымъ различнымъ рѣшеніямъ. Наряду съ абсолютнымъ Атманомъ или въ немъ самомъ признается другое начало—чувственности, разума, причина явленія, дѣйствительности. Такъ, наряду съ спиритуалистическимъ пантеизмомъ Веданты возникаетъ дуалистическое ученіе Капилы. Шопенгауэръ рядомъ съ своей волей или волящимъ субъектомъ признаетъ „субъектъ познанія“ (Subject des Erkennens), который служитъ „носителемъ міра“, т.-е. обусловливаетъ собою „міръ какъ представленіе“,—являющуюся дѣйствительность. Гартманъ вмѣстѣ съ Волей признаетъ въ своемъ „Безсознательномъ“ начало объективной мысли—абсолютную „Идею“. Неоплатоники, языческіе и христіанскіе, принимали дѣльную систему эманаций, излученій абсолютнаго начала, и первую изъ такихъ эманаций является Разумъ (νοῦς) или *Логосъ*, который обнимаетъ совокупность идей сущаго, об-

щих формъ и прототиповъ дѣйствительности—въ одной всеединой идеѣ. Такимъ образомъ, само абсолютное опредѣляется какъ сознающее себя, объективирующее, раскрывающее себя всеединство. Этого мало: оно раскрываетъ себя въ *реальномъ* множествѣ, какъ это показываетъ нашъ опытъ, наше конкретное сознание. Абсолютное не отрицаетъ дѣйствительности, а обосновываетъ ее. Оно не было бы абсолютнымъ, еслибы исключало ее, или могло исключаться ею.

Но если такъ, то принципъ мистическаго идеализма оказывается недостаточнымъ, поскольку онъ исключаетъ реальное множество и конкретное сознание. Это не абсолютный, а односторонний принципъ, ограниченный своею односторонностію. Абсолютное сущее, которое не можетъ быть обусловлено или ограничено ничѣмъ внѣшнимъ, не ограничивается и своей субъективною самостью, своимъ „атматомъ“; оно заключаетъ въ себѣ положительную потенцію своего „другого“. Поэтому-то ничто „другое“ и не можетъ быть ему границей, ибо въ самой *реальности* этого „другого“ раскрывается истинное конкретное существо абсолютнаго начала. Не достаточно сознать *духовность* этого начала въ его противоположности чувственному, матеріальному міру: нужно показать, что оно въ самомъ дѣлѣ абсолютно, т.-е. что оно заключаетъ въ себѣ основаніе этой своей видимой противоположности,—основаніе или начало дѣйствительности, какъ своего „другого“.

Но эта есть уже задача умозрительной философіи, которая выводитъ насъ за предѣлы мистическаго идеализма съ его отвлеченнымъ спиритуализмомъ. Философія обращается къ объективному міру, познанному посредствомъ опыта и пытается понять его въ абсолютномъ посредствомъ мысли. Она стремится къ *объективному* познанію сущаго.

6.

Правда, мистическій идеализмъ облекался нерѣдко въ умозрительную форму, не отрицая ни рациональнаго, ни опыт-

наго познанія и даже пытаясь не безъ успѣха обосновать такое познаніе. Въ самомъ дѣлѣ, если сущее въ себѣ самомъ опредѣляется какъ абсолютная самость, то не есть ли такая самость источникъ, реальный субъектъ мысли и чувства, конкретный, самоопредѣляющійся Духъ? Не есть ли внутреннее самоопредѣленіе и самооткровеніе этого Духа—всеединый разумъ, универсальное *предсталеніе* или объективная *идея* сушаго? Именно поэтому, погружаясь въ абсолютное путемъ отрѣшенія отъ внѣшнихъ объектовъ и отъ субъективныхъ личныхъ помысловъ, мистикъ находитъ въ немъ „всѣ міры и всѣ предметы своихъ желаній“.

In deinem Nichts hoff ich das All zu finden.

По ученію нѣмецкихъ мистиковъ, въ душѣ, достигшей сверхчувственной и сверхразумной первоосновы бытія, безосновной божественной „свободы воли“—самъ собою рождается Логосъ, обнимающій въ себѣ Разумъ всей вселенной. Утративъ душу—личную индивидуальность, утративъ міръ и самого личного Бога, мистикъ находитъ въ безднѣ Божества и Бога, и міръ, и себя самого въ нераздѣльномъ абсолютномъ единствѣ со всѣмъ сущимъ. Проникнувъ въ *Mysterium magnum*, онъ надѣется непосредственно, интуитивно овладѣть всѣми тайнами природы, усматривая цѣлое въ частяхъ; отдѣльныя явленія служатъ ему откровеніемъ Божества и мистическое откровеніе—ключомъ къ совершенному естествознанію, къ разумѣнію мірового процесса въ частяхъ и въ цѣломъ.

Здѣсь однако мы встрѣчается съ роковымъ вопросомъ: гдѣ критерій такого гнозиса, гдѣ ручательство его абсолютной истинности—помимо субъективной увѣренности? Я не вижу основанія сомнѣваться въ томъ, что многіе мистики дѣйствительно переживали тѣ состоянія или тѣ „откровенія“, о которыхъ они свидѣлствуютъ. Но какъ провѣрить ихъ опытъ и убѣдиться въ непогрѣшимости ихъ гностическаго ясновидѣнія? Какъ различить болѣе или менѣе смутные проблески высшаго сознанія, преломленные въ человѣческой фантазіи, отъ субъективныхъ грезъ этой фантазіи или

отъ постороннихъ психическихъ внушеній, принимаемыхъ за абсолютное откровеніе? Мы можемъ повѣрить на слово тѣмъ или другимъ свидѣтелямъ, сообщающимъ намъ о своемъ внутреннемъ опытѣ; но мы не можемъ принять на вѣру той абсолютной оцѣнки, которую они склонны придавать этому опыту. Мистики всѣхъ временъ и народовъ сходятся довольно близко въ той части своего ученія, которая возводитъ насъ къ мистическому созерцанію абсолютнаго; но попытки понять природу, понять мірозданіе изъ абсолютнаго, какъ и слѣдуетъ ожидать, представляютъ самыя значительныя различія. И поскольку каждый гностикъ претендуетъ на непосредственное внутреннее пониманіе вещей, намъ приходится разбираться въ цѣломъ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній и фантастическихъ положеній. Очевидно слѣдуетъ искать помощи въ *раціональной философской и научной критикѣ* всѣхъ этихъ мнѣній. При отсутствіи философской и научной мысли фантазія заявляетъ свои державныя права; и чѣмъ меньше знаетъ человѣкъ, чѣмъ дальше отстоитъ онъ отъ истины, тѣмъ естественнѣе является стремленіе перелетѣть на крыльяхъ фантазіи черезъ ту бездну, которая его отъ нея отдѣляетъ. Но самая неудача подобныхъ попытокъ заставляетъ человѣка обращаться къ реальному знанію, которому мистическія бредни служатъ лишь помѣхой на пути. Такъ пала мистическая астрономія, химія, медицина, натурфилософія среднихъ вѣковъ: «непосредственное пониманіе» уступило мѣсто опыту и наведенію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ научномъ изслѣдованіи, въ естественныхъ или историческихъ наукахъ интуиція гения, непосредственное пониманіе или «дивинація» явленій нерѣдко ведутъ къ важнѣйшимъ открытіямъ: по выраженію Пушкина, вдохновеніе есть въ геометріи, какъ, и въ поэзіи. Но, во - первыхъ, такому озаренію обыкновенно предшествуютъ долгіе годы упорнаго труда и терпѣливаго изслѣдованія, изученія дѣйствительности, котормъ и обусловливается болѣе глубокое проникновеніе

въ нее: «геній есть великое терпѣніе». Во-вторыхъ, догадки и гипотезы генія имѣютъ цѣну лишь постольку, поскольку онѣ провѣряются послѣдующимъ научнымъ изслѣдованіемъ, поскольку изъ субъективнаго предположенія онѣ дѣлаются объективнымъ знаніемъ. Критерій всѣхъ положеній, относящихся къ объективному міру, заключается въ объективномъ логическомъ знаніи, основанномъ на опытѣ.

Но, можетъ быть, если въ области познанія внѣшняго, чувственнаго міра слѣдуетъ обращаться къ опыту и къ научному размышленію, то въ области метафизики можно искать органа и критерія познанія въ непосредственномъ откровеніи или «интеллектуальной интуиціи», какъ выражались нѣмецкіе романтики? Подобное предположеніе едва ли заслуживаетъ серьезнаго обсужденія: мистическая интуиція, подобно небесной маннѣ, часто мѣняетъ свой вкусъ по желанію того, кто ее вкушаетъ, и возводитъ ее въ самостоятельный органъ познанія, или искать въ ней критерія истины значило бы просто провозгласить непогрѣшимость нашей фантазіи. Безспорно, философскія идеи нѣкоторыхъ мистиковъ являются намъ глубокими и вдохновенными; но такъ же мало, какъ и догадки въ области естествознанія, онѣ не могутъ быть усвоены нами безъ достаточнаго логическаго основанія. Онѣ должны быть «опосредствованы». Метафизика изслѣдуетъ общія формы познанія или пониманія сущаго, общія условія опыта и явленія и въ нихъ имѣетъ свой критерій.

Мы видѣли, что въ своемъ чистомъ абстрактномъ утвержденіи мистическое умозрѣніе приводитъ къ нирванѣ индійскаго пантеизма. Что же прежде всего заставляетъ мысль отказаться отъ подобнаго результата и переходить къ болѣе конкретнымъ формамъ идеализма? Дѣйствительность, познаваемая умомъ и чувствомъ и предполагающая разумъ и чувство—конкретное сознаніе, которое противорѣчитъ отвлеченному мистицизму въ области опыта, умозрѣнія, нравственности, въ области самой религіи. Въ этомъ конкретномъ сознаніи, слѣдовательно, и нужно искать критерій знанія.

На этомъ мы можемъ покончить нашу критику мистическаго идеализма. Въ наши дни важнѣе настаивать на той относительной истинѣ, которая въ немъ заключается, чѣмъ ратовать противъ злоупотребленій или суевѣрій мистицизма. Если мѣръ есть совокупность взаимодействующихъ существъ или являющихся существъ, то такое взаимодействие предполагаетъ внутреннее, имманентное соотношеніе между ними. Если мѣръ, какъ явленіе, обусловленъ сознающимъ субъектомъ, если связная закономерность, господствующая въ немъ обусловлена логически, то стремленіе познать самое духовное начало, субъектъ, обуславливающей объективное существованіе, является необходимымъ. И такое познаніе естественнѣе всего искать не внѣ, а внутри насъ, въ глубинѣ нашего духа. Въ немъ мы сознаемъ свою соотнесенность со всѣмъ сущимъ, которое здѣсь какъ бы перестаетъ быть намъ внѣшнимъ, являясь имманентнымъ нашему сознанію.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кн. С. Трубецкой.

Нравственная организація челоуѣчества.

I.

Естественная организація челоуѣчества имѣеть тотъ смыслъ, что различныя челоуѣческія единицы и группы поставлены по природѣ въ необходимость такого взаимодействія, при которомъ ихъ частныя интересы и дѣйствія уравновѣшивались бы въ результатахъ общаго значенія, ведущихъ къ относительному прогрессу цѣлаго. Такъ, издревле нужды пастуховъ и земледѣльцевъ, воинственный духъ народныхъ вождей и корыстолюбивая предприимчивость купцовъ создавали культуру и двигали всемірную исторію. Такое естественное устроеніе дѣлъ челоуѣческихъ, благодаря которому частныя стремленія ведутъ къ общему прогрессу, выражаетъ нѣкоторое дѣйствительное единство челоуѣчества. Но это единство несовершенно и съ внѣшней, и съ внутренней стороны: съ внѣшней—по своей фактической неполнотѣ, съ внутренней—потому, что оно не составляетъ предмета собственнаго сознанія и собственной воли тѣхъ единицъ и группъ, которыя въ него входятъ. Такая солидарность существъ, помимо ихъ мысли и воли, уже дана въ мірѣ до-челоуѣческомъ—въ единствѣ рода и въ прогрессѣ органическихъ формъ; ограничиться ею одною недостойно челоуѣка, въ которомъ объективный и родовой разумъ—общее „сказуемое“ природы,—становится индивидуальнымъ „подлежащимъ“. Требуется нравственная, сознательная и добровольная организація челоуѣчества, во имя и въ силу всеединого Добра, и она становится прямою цѣлью и задачей мысли и

жизни, съ тѣхъ поръ какъ въ срединный моментъ исторіи это Добро открылось въ своей безусловности и полнотѣ. Единеніе въ Добрѣ не есть только совмѣстность и фактическое уравновѣшеніе частныхъ стремленій и дѣйствій въ общемъ результатѣ, а прямое содружество лицъ и группъ въ единоклюшнѣ дѣятельности, для достиженія всеобщей цѣли, которая понимается и принимается какъ ихъ *собственная цѣль*.

Имѣя цѣлью осуществленіе абсолютнаго Добра, или дѣятельнаго (практическаго) совершенства, нравственная организациа челоуѣческой жизни опредѣляется вообще какъ *совершенствованіе*. При этомъ съ логическою необходимостью возникаетъ прежде всего вопросъ: *кто совершенствуется?*— вопросъ о субъектѣ нравственной организации. Признавать таковымъ только личность, т.-е. собственно лишь отдѣльныя лица, нѣтъ возможности. Дѣйствительный субъектъ совершенствованія или нравственнаго прогресса (какъ и историческаго вообще) есть единичный челоуѣкъ совмѣстно и нераздѣльно съ челоуѣкомъ собирательнымъ, или обществомъ. Какъ не всякая комбинациа молекулъ образуетъ органическую клѣточку и не всякое скопленіе клѣточекъ составляетъ живое существо, точно также не всякое собраніе единичныхъ людей и группъ образуетъ дѣйствительнаго и живого носителя нравственной организации. Чтобы имѣть такое значеніе, т.-е. чтобы органически восполнять нравственную личность, социальное образованіе должно быть не менѣе реальнымъ, чѣмъ она, и въ этомъ смыслѣ равносильнымъ и равноправнымъ съ нею. Оно должно быть даннымъ ей, а не созданнымъ ею.

Естественныя группы, реально расширяющія жизнь личности суть: семья, народъ, челоуѣчество — три пребывающія степени воплощенія собирательнаго челоуѣка (чему въ порядкѣ историческомъ соотвѣтствуютъ стадіи: кровно-родовая, національно-политическая и духовно-универсальная*).

*) См. Личность и общество (Книжки Недѣли, май и августъ 1896).

Можетъ ли *семья* быть элементомъ окончательной и всемирной нравственной организаціи? Не есть ли это только преходящая форма въ развитіи человѣческой жизни? Но въдъ и личность въ своемъ *данномъ состояніи* есть тоже преходящая форма, точно также и народъ, и само человѣчество. Дѣло не въ томъ, чтобы идеализировать и увѣковѣчивать эту тлѣнную сторону въ тѣхъ или другихъ подлежащихъ жизни, а въ томъ, чтобы открылась и разгорѣлась скрытая подъ этимъ тлѣномъ искра Божества, чтобы нашлось въ условной формѣ присущее ей безусловное значеніе и утвердилось не только какъ неподвижная идея, но и какъ начало исполненія, какъ задатокъ совершенства. Положительныя стихіи жизни въ своихъ относительныхъ и преходящихъ проявленіяхъ должны быть поняты и приняты нами какъ *условныя данныя для рѣшенія безусловной задачи*. Въ семьѣ эти естественныя данныя суть три поколѣнія, связанные между собою рожденіемъ: дѣды-родители, дѣти-родители и дѣти-внуки. Высшая задача состоитъ въ томъ, чтобы эту относительную природную связь закрѣпить и превратить въ безусловно-нравственную. Это достигается съ трехъ сторонъ—черезъ семейную религію, бракъ и воспитаніе.

II.

Семейная религія—самое древнее, коренное и прочное учрежденіе въ человѣчествѣ; она пережила родовой бытъ, пережила и переживаетъ всѣ перемѣны религіозныя и политическія. Предметъ семейной религіи есть старшее поколѣніе, отшедшіе отцы или дѣды. По древнѣйшимъ понятіямъ дѣды непременно должны быть умершіе; это настолько необходимо, что по естественному обороту мысли, всѣ умершіе, независимо отъ возраста, назывались дѣдами (литовско-польскіе *dziady*—остатокъ или пережитокъ глубоко-архаической). Если натуральные дѣды случайно заживались, то это было безчинствомъ, нарушеніемъ религіозно-нравственной нормы, которое однако легко возстановлялось чрезъ добровольное жертвоприношеніе старика. Здѣсь была

вѣрная въ сущности мысль, или, точнѣе, двѣ мысли—о томъ, во-первыхъ, что настоящимъ предметомъ благоговѣнія и религіознаго культа для человѣка не можетъ быть существо, находящееся въ одинаковомъ съ нимъ состояніи, съ тѣми же потребностями и способностями, а во-вторыхъ, что для того могучаго благотворнаго *дѣйствія* въ земной сферѣ, которое свойственно высшему существу, оно должно само отойти отъ этой сферы, отрѣшиться отъ непосредственной физической связи съ нею. Чтобы семейный культъ старшаго поколѣнія могъ поддерживаться въ эпоху господствующей силы, нельзя было допустить, чтобы онъ связывался съ зрѣлищемъ дряхлости и безсилія. Сама старики это понимали и съ благородною мудростью заблаговременно разставались съ ослабѣвшею жизнью для другого могучаго и вѣщаго существованія.

Къ закату, началъ конунгъ, мой день пришелъ,
Мнѣ медь уже не вкусенъ, мнѣ шлемъ тяжелъ.

Насыпьте два кургана вы намъ, сыны,
На двухъ берегахъ залива, вблизи волны.

Когда на скалы мѣсяцъ свой блескъ прольетъ,
И на могильный камень роса падетъ,
Мы изъ холмовъ, о Торстенъ, изъ водъ воспрянемъ
И о грядущемъ въ полночь шептаться станемъ *).

Уже въ языческомъ культѣ предковъ естественная связь родовой преемственности стремится получить духовно-нравственное значеніе. Черезъ откровеніе безусловнаго смысла жизни въ христіанствѣ открывается возможность полного осуществленія и для этой религіозной связи съ предками. Вмѣсто матерьяльнаго кормленія жертвами „дѣдовъ“, помогающихъ съ своей стороны въ дѣлахъ внѣшнихъ, устанавливается духовное взаимодействіе въ молитвахъ и таинствѣ; обѣ стороны имѣютъ другъ въ другѣ своихъ молитвенни-

*) „Фритіофъ“ Тегнера, переводъ Я. К. Грота.

ковъ, обѣ помогаютъ другъ другу въ достиженіи *вѣчнаго блага*. Дѣло идетъ о безусловномъ интересѣ — спасеніи души. Вѣчная память, успокоеніе со святыми, воскресеніе жизни—вотъ чего желаетъ, вотъ въ чемъ помогаетъ настоящее поколѣніе отшедшему—*для него* и въ томъ же самомъ ожидаетъ отъ него помощи—*для себя*: взаимное отношеніе, переходя въ область абсолютнаго блага, перестаетъ быть своекорыстнымъ и становится чисто-нравственнымъ, понимается и осуществляется какъ совершенное Добро.

Вѣчная память—это не значить, конечно, что люди на землѣ будутъ вѣчно помнить объ умершемъ, какъ о чемъ-то, что было и чего уже нѣтъ: это, во-первыхъ, было бы для него не такъ уже важно, а, во-вторыхъ, это и невозможно, такъ какъ само земное челоѣчество на *вѣчное* продолженіе своего *временнаго* существованія никакъ не должно разсчитывать, если только есть какой-нибудь смыслъ въ мірѣ. Вѣчная память, за которою мы обращаемся къ Богу, а не къ людямъ, означаетъ пребываніе въ вѣчномъ удѣ Божіемъ; сотворить кому-нибудь вѣчную память значить создать его сообразнымъ его вѣчной идеѣ,—вѣчной мысли Божіей о немъ и утвердить его въ области безусловнаго и неизмѣннаго бытія. По отношенію къ тревогѣ житейской это есть вѣчное *успокоеніе*. Смерть сама по себѣ не есть покой, и умершіе въ натуральномъ челоѣществѣ скорѣе могутъ называться безпокойниками, нежели покойниками. То успокоеніе, о которомъ мы молимся для своихъ отшедшихъ, зависитъ отъ вѣчной памяти Божіей о нихъ. Утвержденные въ своей безусловной идеѣ, они имѣютъ въ ней твердое, непреложное ручательство предстоящей окончательной реализаціи абсолютнаго добра въ мірѣ и потому не могутъ *безпокоиться*; хотя различіе между настоящимъ и будущимъ еще существуетъ для нихъ, но въ этомъ будущемъ нѣтъ ничего сомнительнаго и тревожнаго, оно отдѣлено отъ нихъ только необходимой отсрочкой, и они уже могутъ смотрѣть на все „подъ видомъ вѣчности“, тогда какъ для умершаго въ натуральномъ челоѣществѣ будущее—хо-

тя оно и становится ихъ главнымъ интересомъ,—все-таки остается грозною загадкой и тайной.

Мы изъ холмовъ, о Торстенъ, изъ водъ воспрянемъ

И о грядущемъ въ полночь шептаться станемъ.

Вѣчное успокоеніе не есть бездѣйствіе. Дѣятельность остается и у отшедшихъ; только характеръ ея существенно измѣняется,—она уже не происходитъ изъ тревожнаго стремленія къ цѣли далекой и невѣрной, а совершается на основаніи и въ силу достигнутой и неизмѣнно пребывающей связи съ безусловнымъ Добромъ, и потому здѣсь дѣйствіе совмѣстимо съ безмятежнымъ и безпечальнымъ успокоеніемъ. И какъ въ благотворномъ дѣйствіи отшедшаго выражается его нравственная связь съ ближними по природѣ, съ живущимъ потомствомъ, такъ въ блаженномъ покоѣ онъ неотдѣлимъ отъ своихъ ближнихъ по Богу и вѣчности—это есть успокоеніе *со святыми*.

Такова норма для всѣхъ, и если не всѣ ея достигаютъ, если не всѣ умершіе суть дѣйствительные покойники, и не всѣ, кому поется вѣчная память, оказываются ея достойными передъ Богомъ, то отъ этого религіозное отношеніе къ «дѣдамъ», основаніе семейной, а чрезъ нее и всякой нравственности, нисколько не измѣняется. Ибо, во-первыхъ, дѣйствительная судьба умершаго все-таки остается только гадательною; во-вторыхъ, и при большей вѣроятности неблагоприятнаго предположенія религіозное отношеніе къ факту принимаетъ только другой оттѣнокъ, а приводящее въ такомъ случаѣ чувство жалости побуждаетъ къ усиленному духовному воздѣйствію; и наконецъ, въ-третьихъ, у каждаго человѣка если не всѣ, и если не большинство, то уже навѣрное хоть нѣкоторые „дѣды“ удовлетворяютъ требованіямъ „вѣчной памяти“ и „успокоенія со святыми“, и слѣдовательно, всякій человѣкъ, помимо всѣхъ прочихъ связей, непременно имѣетъ и родовую, кровную связь съ міромъ вѣчности Божіей,—для каждаго семья и съ этой основной стороны можетъ имѣть безусловное значеніе, быть истин-

нымъ восполненіемъ (чрезъ пребывающее прошедшее) его нравственной личности.

Но, съ другой стороны, полнота жизни предковъ, даже вѣчно поминаемыхъ Богомъ, даже со святыми покоящихся, обусловлена дѣйствіемъ потомковъ, создающихъ тѣ земныя условія, при которыхъ можетъ наступить конецъ мірового процесса и, слѣдовательно, тѣлесное воскресеніе отшедшихъ, причемъ каждый отшедшій естественно связывается съ будущимъ, окончательнымъ челоуѣчествомъ посредствомъ преемственной линіи кровнаго родства *). Дѣйствуя на свою тѣлесность и на внѣшнюю матеріальную природу въ смыслѣ ея одухотворенія, каждый исполняетъ обязанность по отношенію къ своимъ предкамъ, платить имъ свой нравственный долгъ: получивъ отъ нихъ физическое существованіе и все наслѣдіе предыдущей культуры, новое поколѣніе ведетъ дальше работу, въ концѣ которой создаются условія жизненной полноты и для отшедшихъ. Значить и съ этой новой точки зрѣнія естественная связь съ прежними поколѣніями, или семейная религія прошедшаго получаетъ безусловное значеніе, становится выраженіемъ совершеннаго Добра.

Одухотворяющая работа челоуѣка надъ своею тѣлесностью и надъ земною природою вообще окажетъ свое благотворное воздѣйствіе *назадъ*, въ прошедшее, лишь тогда, когда цѣль будетъ достигнута: прошедшее имѣть полноту своей дѣйствительности только въ будущемъ. Но пока дѣло не кончено, и не достигнуто еще то совершеніе жизни, когда духовное и тѣлесное бытіе всецѣло проникнуть другъ друга, когда бездна между видимымъ и невидимымъ міромъ будетъ вполнѣ упразднена, и смерть станетъ невозможностью не только для живущихъ, но и для умершихъ, — необходи-

*) О ближайшихъ обстоятельствахъ этой связи и о другихъ вопросахъ, сюда относящихся, я не могу пока распространяться, не переходя въ область метафизики и мистической эстетики. Но общая необходимость воскресенія, какъ полноты духовно-тѣлеснаго бытія, достаточно ясна съ точки зрѣнія безусловнаго нравственнаго начала и дѣйствительности нравственнаго порядка.

мымъ условіемъ для самаго этого будущаго совершенства и нравственную задачу настоящаго должна быть принята борьба духа съ плотью, его сосредоточеніе и укрѣпленіе. Настоящее средство для тѣлеснаго воскресенія есть покореніе плоти, непремѣнное условіе жизненной полноты есть подавленіе жизненной безмѣрности, или аскетизмъ. Истинный аскетизмъ, т.-е. духовное обладаніе плотью, ведущее къ воскресенію жизни, имѣетъ два пути: *монашество* и *бракъ*. О первомъ, преимущественномъ и исключительномъ, мы говорили въ другомъ мѣстѣ *); объясненіе второго принадлежитъ къ настоящему разсужденію.

III.

Такое простое, повидимому, отношеніе, физическая основа котораго является уже въ животномъ и даже растительномъ царствѣ, не даромъ, однако, называется „великою тайной“ и принимается какъ постоянный, словомъ Божиимъ освященный образъ, обозначающій союзъ Господа Израилева съ народомъ, Христа распятаго — съ земною церковью и Христа—царя славы съ Новымъ Іерусалимомъ. Если почитаніе предковъ и религіозное взаимодействіе съ ними связываетъ человѣка съ абсолютнымъ началомъ черезъ прошедшее, то истинный бракъ имѣетъ такое же значеніе для настоящаго, срединнаго момента жизни. Это есть осуществленіе безусловной нравственной нормы въ самомъ дѣйствительномъ средоточіи человѣческаго существованія. Половая противоположность, которая въ мірѣ организмовъ до-человѣческихъ выражаетъ только общее взаимодействіе образующей и образуемой жизни, начала дѣятельнаго и страдательнаго, получаетъ для человѣка болѣе определенное и глубокое значеніе. Женщина не есть, подобно животнымъ самкамъ, только воплощеніе одной страдательно-воспринимающей стороны природнаго бытія,—она есть сосредоточенная сущность цѣлой природы, окончательное вы-

*) См. „Аскетическое начало въ нравственности“.

раженіе матеріальнаго міра въ его *внутренней* страдательности, какъ готоваго къ переходу въ новое высшее царство—къ нравственному одухотворенію. И мужчина здѣсь не представляетъ только дѣятельное начало вообще, а есть носитель дѣятельности собственно-человѣческой, опредѣляемой безусловнымъ смысломъ жизни, которому черезъ него приобщается и женщина. А онъ въ свою очередь обязанъ ей возможностью непосредственной ближайшей рсализаціи этого смысла или абсолютнаго добра.

Высшая, отъ безусловнаго начала идущая и имъ опредѣляемая нравственность (то, что въ богословіи называется благодатью) есть не уничтоженіе природы, а сообщеніе ей дѣйствительнаго совершенства. Естественное отношеніе между мужчиною и женщиной представляетъ три стороны: 1) матеріальную—въ физическомъ влеченіи, обусловленномъ природою организма; 2) идеальную—въ той экзальтаціи душевнаго чувства, которая называется влюбленностью, и, наконецъ, 3) естественное половое отношеніе опредѣляется со стороны своей цѣлесообразности, или своего окончательнаго результата, т.-е. дѣторожденія.

Въ истинномъ бракѣ естественная половая связь не уничтожается, а пресуществляется; но пока это пресуществленіе еще не стало фактомъ, оно есть нравственная задача, и элементы естественнаго полового отношенія суть данныя этой задачи. Главное значеніе принадлежитъ въ этомъ отношеніи среднему элементу—любовной экзальтаціи, или паѳосу любви. Здѣсь человѣкъ видитъ свое природное дополненіе, свое матеріальное другое—женщину, не такъ какъ она является внѣшнему наблюденію и какъ ее видятъ другіе, посторонніе, а прозрѣваетъ въ ея истинную сущность, или идею, въ то, чѣмъ она первоначально назначена быть, чѣмъ ее отъ вѣка видѣлъ Богъ и чѣмъ она окончательно должна стать. Тутъ и за матеріальною природою, въ ея высшемъ индивидуальномъ выраженіи—женщинѣ, признается на дѣлѣ безусловное значеніе, и она утверждается какъ нравственное лицо, какъ самоцѣль, или какъ существо, спо-

собное къ одухотворенію и „оббженію“. Изъ такого призна- нія вытекаетъ нравственная обязанность дѣйствовать въ смыслѣ осуществленія въ этой дѣйствительной женщинѣ и ея жизни того, чѣмъ она должна быть. Этому соотвѣтствуетъ особый характеръ высшаго любовнаго чувства и у женщи- ны, видящей въ своемъ избранникѣ дѣйствительнаго спаси- теля, который долженъ открыть ей и осуществить смыслъ ея жизни.

Бракъ остается удовлетвореніемъ половой потребности; только сама эта потребность относится уже не къ внѣш- ней природѣ животнаго организма, а къ природѣ очеловѣ- ченной и ждущей обожествленія. Выступаетъ огромная за- дача, разрѣшаемая только постояннымъ *подвигомъ*, который въ борьбѣ съ враждебною дѣйствительностью можетъ по- бѣдить, лишь пройдя черезъ *мученичество* *). Съ этой точки зрѣнія полнота жизненнаго удовлетворенія, обнимающаго и тѣлесную чувственность, связана не съ похотью предвара- ющую, а съ послѣдующую радостью достигнутаго совер- шенства.

Само собою понятно, что въ *совершенномъ* бракѣ, въ ко- торомъ до конца осуществляется внутренняя полнота че- ловѣческаго существа чрезъ всецѣлое его соединеніе съ одухотворенною матеріальною сущностью, внѣшнее дѣто- рожденіе дѣлается и ненужнымъ, и невозможнымъ, — ненуж- нымъ потому, что высшая задача исполнена, окончательная цѣль достигнута; невозможнымъ — какъ невозможно, чтобы при наложеніи двухъ равныхъ геометрическихъ фигуръ по-

*) Покойный профессоръ философіи П. Д. Юркевичъ рассказывалъ мнѣ, что одинъ молодой ученый, сынъ евангелическаго пастора въ Москвѣ, при- сутствуя однажды при вѣнчаніи въ русской церкви, былъ пораженъ тѣмъ, что въ священной пѣснѣ вѣнцы брачныя приравняются къ вѣнцамъ муче- никовъ. Этотъ глубокомысленный взглядъ такъ запалъ ему въ душу, что вызвалъ въ ней цѣлый переворотъ, закончившійся тѣмъ, что молодой фило- логъ бросилъ свѣтскую науку и предназначавшуюся ему университетскую ка- еедру и, къ огорченію своихъ близкихъ, пошелъ въ монастырь. Это былъ из- вѣстный отецъ Климентъ Зедергольмъ, котораго прекрасная характеристика и жизнеописаніе были впоследствии даны покойнымъ К. Н. Леонтьевымъ.

лучался остатокъ несовпаденія. Совершенный бракъ есть начало новаго процесса, не повторяющаго жизнь во времени, а восстанавлиющаго ее для вѣчности. Но нельзя забывать, что совершенный бракъ не есть необходимое условіе, а только окончательное слѣдствіе нравственнаго союза мужчины и женщины. Нельзя это высшее предполагать заранѣе и начинать постройку съ крыши, и также нельзя утверждать, что настоящій домъ есть такая крыша. Истинный человѣческій бракъ есть тотъ, который сознательно *направляется* къ совершенному соединенію мужчины и женщины, къ созданію цѣлаго человѣка. Но пока онъ только *направляется* и еще не осуществилъ въ себѣ идею, какъ реальную полноту, не освободился еще отъ двойственности между ею и матеріальною эмпирическою дѣйствительностью, ей противоположною, до тѣхъ поръ внѣшнее физическое дѣторожденіе, является и какъ естественное послѣдствіе недостигнутаго въ настоящемъ совершенства и какъ необходимый путь для его будущаго достиженія. Ясно, что пока соединеніе мужчины и женщины не одухотворилось вполнѣ, пока его полнота остается только въ идеѣ и въ субъективномъ чувствѣ, а въ предметной реальности оно продолжаетъ по прежнему быть внѣшнимъ и поверхностнымъ по образу животныхъ,—и результатъ этого соединенія *не можетъ* имѣть другаго характера. Но также ясна и высшая цѣлесообразность этого результата при данномъ несовершенствѣ; ибо то, чего не совершили родители, будетъ сдѣлано дѣтьми. Внѣшняя, временная преемственность поколѣній существуетъ *потому*, что бракъ не достигъ своего совершенства, что соединеніе индивидуальных мужчины и женщины недостаточно глубоко и полно, чтобы внутренне возродить въ нихъ цѣлаго человѣка по образу и подобію Божію; но это *потому* оказывается вмѣстѣ и *для того*—именно для того, чтобы задача, оказавшаяся слишкомъ трудною для этого индивидуальнаго человѣка (мужчины и женщины), была имъ все-таки осуществлена косвенно, чрезъ идущій отъ него же рядъ будущихъ поколѣній. Такимъ об-

разомъ возстановляется внутренняя полнота и самоцѣльность семьи, за человѣкомъ, хотя бы и несовершеннымъ, остается безусловное значеніе, и пребываетъ непрерывною солидарная связь между временными членами идущаго въ вѣчность жизненнаго ряда.

Какъ для нравственной организациіи человѣчества недостаточно со стороны прошедшаго одинъ фактъ наслѣдственности, т.-е. происхожденія отъ даннаго ряда предковъ, а требуется установленіе пребывающей нравственной связи съ этими предками, что и исполняется въ семейной религіи; какъ, далѣе, недостаточно для той же организациіи въ настоящемъ естественнаго факта половой связи, а требуется возведеніе этой связи на степень духовнаго подвига, что и происходитъ въ истинномъ бракѣ, такъ точно, наконецъ, и со стороны будущаго нравственная организациія собирательнаго человѣка не ограничивается единственнѣмъ значеніемъ дѣтей какъ *новаго* поколѣнія, которому принадлежитъ неизвѣстная будущность, и сверхъ фактической, внѣшней преемственности требуетъ внутренней, нравственной преемственности, — не довольствуется тѣмъ, что родители произвели дѣтей для будущаго, а налагаетъ обязанность *воспитать* этихъ носителей и двигателей будущаго для ихъ опредѣленной всемірно-исторической задачи.

IV.

Природное нравственное чувство жалости, не позволяющее намъ обижать нашихъ ближнихъ и заставляющее помогать имъ, естественно сосредоточивается на тѣхъ ближнихъ, которые всѣхъ тѣснѣе съ нами связаны и вмѣстѣ съ тѣмъ всего болѣе нуждаются въ нашей помощи, т.-е. на дѣтяхъ. Эта связь, имѣющая уже нравственный характеръ въ семьѣ, какъ элементъ природно-человѣческой жизни, получаетъ безусловное значеніе въ семьѣ, какъ первичной основѣ новой, духовно-организованной жизни.

Нравственное значеніе брака состоитъ въ томъ, что женщина перестаетъ быть орудіемъ естественныхъ влеченій,

а признается какъ существо абсолютно - цѣнное само по себѣ, какъ необходимое восполненіе индивидуальнаго чело-вѣка до его истинной цѣлости. Неудача или недостаточный успѣхъ брака въ осуществленіи этого безусловнаго значенія чело-вѣческой индивидуальности заставляетъ переносить задачу впередъ—на дѣтей, какъ представителей будущаго. Тутъ съ простою, конкретною жалостью къ этимъ слабымъ и страдающимъ близкимъ существамъ связывается міровая скорбь о злѣ и бѣдствіяхъ жизни, затѣмъ надежда, что этимъ новымъ существамъ удастся облегчить всеобщую тяжесть и, наконецъ, обязанность уберечь ихъ для этого дѣла и приготовить къ нему.

Въ семьѣ натуральной забота родителей о дѣтяхъ ограничивается снабженіемъ ихъ ближайшими, относительными благами жизни и обезпеченіемъ ихъ матеріальной будущности; въ семьѣ духовно-организованной отношеніе родителей къ дѣтямъ имѣетъ въ виду сверхъ этого и преимущественно передъ этимъ безусловное назначеніе чело-вѣка; цѣль воспитанія здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы связать временную жизнь этого будущаго поколѣнія съ верховнымъ и вѣчнымъ благомъ, которое обще для всѣхъ поколѣній, въ которомъ дѣды, отцы и дѣти нераздѣльно солидарны между собою; ибо Царствіе Божіе можетъ стать явно и воскресеніе жизни можетъ совершиться только чрезъ упраздненіе временнаго распадена чело-вѣка на исключаютія другъ друга, одно другое изъ жизни вытѣсняющія по колѣнія.

А пока, на пути къ этому совершенству, нравственная связь поколѣній и безусловное сверхвременное единство чело-вѣка поддерживается чрезъ культъ предковъ въ одну сторону и чрезъ воспитаніе дѣтей—въ другую.

Великій споръ идетъ въ чело-вѣкѣ между временемъ и вѣчностью о томъ, кто сильнѣе: Добро или смерть? Твои отцы, говоритъ чело-вѣку Князь міра, — тѣ, чрезъ кого ты получилъ все, что имѣешь, — они были, ихъ нѣтъ и не будетъ во вѣки; а если такъ, то гдѣ же Добро? Ты примиряешься

со смертью отцовъ, утверждаешь ее своимъ согласіемъ, ты живешь и наслаждаешься, а тѣ кому, ты этимъ обязанъ, исчезли навсегда. Но развѣ это совмѣстимо съ Добромъ, развѣ это не есть нечестивое, безжалостное, безстыдное и постыдное своекорыстіе? Но не приходи въ отчаяніе: вѣдь такое осужденіе твоей жизни имѣетъ смыслъ только съ точки зрѣнія Добра, только при предположеніи, что Добро существуетъ, а это-то именно предположеніе и составляетъ коренную ошибку: именно Добра-то и нѣтъ вовсе, такъ какъ еслибы оно было, то твои отцы или не умерли бы, или ты бы не могъ помириться съ ихъ смертью; а теперь ясно, что не болѣе какъ пустая претензія это Добро со своими фиктивными требованіями и мѣрилами благочестія, стыда и жалости. Если хочешь жить, живи, забывъ о Добрѣ, такъ какъ оно съѣдено смертью безъ остатка, и нѣтъ его больше и не будетъ.—Умерли твои отцы, но не перестали существовать, ибо ключи бытія—*у меня*, говоритъ Вѣчность; не вѣрь, что они исчезли, и чтобы увидѣть ихъ, свяжи себя съ невидимыми вѣрною связью Добра: чтѣ ихъ, жалѣй о нихъ, стыдись забывать ихъ. — Иллюзія!—говоритъ опять Князь вѣка,—вѣрь, пожалуй, въ ихъ скрытое субъективное существованіе, но если ты для себя самого не довольствуешься такимъ суррогатомъ бытія, а держишься за полноту явной, объективной жизни, то ты ея же долженъ требовать и для отцовъ, если только есть Добро. Но явное, предметное бытіе,—единственное, о которомъ стоитъ говорить, — потеряно отцами твоими и не вернется имъ во вѣки; откажись отъ безсильнаго Добра, отъ истощающей борьбы съ призраками и живи полною жизнью. — Но послѣднее слово принадлежитъ Вѣчности, которая, не отрекаясь отъ прошедшаго, тѣмъ смѣлѣе апеллируетъ къ будущему: Добро не зависитъ отъ степени твоей силы, и твоя слабость не есть безсиліе Добра, да и ты самъ безсиленъ, только когда останавливаешься на себѣ; неполнота твоей жизни есть твое собственное созданіе; по-истинѣ, все открыто для тебя, живи во всемъ, будь единствомъ себя и

своего другого не только въ направленіи прошедшаго, по отношенію къ предкамъ, но и впередъ: утверждай себя въ новыхъ поколѣніяхъ, чтобы они при твоёмъ настоящемъ содѣйствіи довели міръ до того окончательнаго состоянія, въ которомъ Богъ воскреситъ полноту жизни для всѣхъ—и для нихъ самихъ, и для тебя, и для отцовъ и дѣдовъ. А пока и въ настоящій моментъ ты можешь на дѣлѣ показывать абсолютную силу Добра надъ временемъ и смертью,—не отрицая ихъ праздномысленно, а пользуясь ими для полнѣйшаго явленія безсмертной жизни. Пользуйся смертью предковъ, чтобы въ религіи отшедшихъ сохранять прочный залогъ ихъ воскресенія; пользуйся своимъ временнымъ существованіемъ, чтобы, отдавая его потомству, перенося центръ своего нравственнаго тяготѣнія въ будущее, предварить и приблизить окончательное откровеніе Царства Божія.

V.

Уже условная житейская нравственность требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ передалъ въ наслѣдіе своимъ дѣтямъ не только то добро, которое онъ нажилъ, но еще и способность трудиться для дальнѣйшаго обезпеченія своей жизни. Высшая безусловная нравственность также обязываетъ настоящее поколѣніе передавать новому двоякое наслѣдіе: во-первыхъ, все положительное, что добыто прошедшимъ человѣчествомъ, всѣ результаты историческаго сбереженія, а во-вторыхъ, способность и готовность воспользоваться этимъ основнымъ капиталомъ для общаго блага, для новаго приближенія къ высшей цѣли. Таково существенное назначеніе истиннаго воспитанія, которое должно быть заразъ и нераздѣльно *традиционнымъ* и *прогрессивнымъ*. Раздѣленіе и противоположеніе между этими двумя факторами истинной жизни,—между основаніемъ и тѣмъ, что на немъ основывается, между корнемъ и тѣмъ, что должно изъ него вырасти,—одинаково нелѣпо и одинаково убійственно для обѣихъ сторонъ. Если старое хорошее довлѣетъ себѣ и не есть основаніе для новаго лучшаго, то значить это

старое потеряло жизненную силу, и признавая его какъ что-то *поконченное* и поклоняясь ему въ этомъ видѣ какъ внѣшнему предмету, мы дѣлаемъ изъ *религии реликвию* — мертвую, но не чудотворную. Это есть коренной грѣхъ ходячаго консерватизма, который стремится замѣнить живые плоды духа искусственными консервами. Поскольку онъ выражается въ воспитаніи, этотъ лже-консерватизмъ плодитъ людей равнодушныхъ и враждебныхъ къ религіи. Вѣра не можетъ получиться въ *слѣдствіи* такого воспитанія, когда ея уже нѣтъ въ *причинѣ* его. Ясно, въ самомъ дѣлѣ, что исключительная ревность о консервированіи вѣры можетъ происходить только отъ маловѣрія самихъ ревнителей: имъ некогда и незачѣмъ было бы такъ сокрушаться и хлопотать о вѣрѣ, еслибы они жили *вѣрою*.

Гдѣ *преданіе* поставляется на мѣсто *преданнаго* (гдѣ, напримеръ, традиціонная правильность понятій о Христѣ сохраняется безусловно, но присутствіе Самого Христа и Духа Его не чувствуется), тамъ религіозная жизнь невозможна, и всякія усилія искусственно ее вызвать только яснѣе обличаютъ роковую потерю.

Но можетъ ли на дѣйствительно умершемъ прошедшемъ вырасти жизнь будущаго? Если дѣйствительно распалась связь временъ, то что значить прогрессъ? Кто прогрессируетъ? Развѣ дерево могло бы дѣйствительно расти, еслибы его корни и стволъ существовали только мысленно, и лишь вѣтви и листья пользовались настоящею реальностью? Но, не останавливаясь пока на логическихъ несообразностяхъ такой точки зрѣнія, ограничимся этической стороною дѣла. Человѣкъ какъ нравственное существо имѣетъ безусловное значеніе; его настоящая дѣйствительность, въ отдѣльности взятая, этому значенію не соотвѣтствуетъ (не адекватна); отсюда нравственная задача — не отдѣлять себя, свою личность и свою наличность, отъ безусловнаго Добра, пребывающаго какъ единое во всемъ. Поскольку нравственное существо внутренне связано со всѣмъ, оно дѣйствительно имѣетъ безусловное значеніе или удовлетворяетъ своему

достоинству. Въ порядкѣ времени то «все», отъ котораго мы не должны себя отдѣлять, съ которымъ мы должны внутренно соединиться, является съ двухъ сторонъ ближайшимъ образомъ какъ наше прошедшее и наше будущее, какъ предки и потомки. Чтобы осуществить наше нравственное достоинство во времени, мы должны стать духовно тѣмъ, чѣмъ мы уже являемся физически—звеномъ соединенія и посредства между тѣми и другими; а для этого мы должны признать за отшедшими пребывающую дѣйствительность, признать за предками безусловную будущность. Скончавшихся мы не должны считать поконченными,—они носители безусловнаго начала, которое и для нихъ должно имѣть полноту осуществленія.

Только на этой основѣ возможно настоящее воспитаніе. Если мы равнодушны къ будущности нашихъ предковъ,—въ силу чего будемъ мы заботиться о будущности новаго поколѣнія? Если мы не можемъ имѣть безусловной нравственной солидарности съ тѣми, которые *умерли*, то откуда возьмется такая солидарность съ тѣми, которые непременно *умрутъ*? Поскольку воспитаніе существенно состоитъ въ передачѣ нравственной обязанности отъ одного поколѣнія другому, спрашивается: *какая* же обязанность и по отношенію къ *кому* передается нами нашимъ преемникамъ, если наша собственная связь съ предками порвана? Обязанность двигать впередъ человѣчество? Но это только игра словами, ибо ни „впередъ“, ни „человѣчество“ не имѣютъ здѣсь никакого реальнаго смысла. „Впередъ“ должно означать къ Добру, но откуда же оно возьмется, когда въ основу положено зло,—самое элементарное и безспорное зло неблагодарности къ отцамъ, примиреніе съ ихъ исчезновеніемъ, спокойное отдѣленіе и отчужденіе отъ нихъ? И гдѣ же то человѣчество, которое наши воспитанники и преемники должны двигать впередъ? Развѣ прошлогодні листья, развѣянныя вѣтромъ и сгнившіе въ землѣ, составляютъ вмѣстѣ съ новою листвою одно дерево? Никакого человѣчества съ этой точки зрѣнія вовсе не существуетъ,

а есть только отдѣльныя поколѣнія людей, смѣняющія другъ друга.

Если эту внѣшнюю и постоянно исчезающую связь мы должны замѣнить существенною и пребывающею связью нравственною, то, очевидно, это должно быть сдѣлано въ обѣ стороны. Форма времени, нравственно безразличная сама по себѣ, не можетъ по существу опредѣлять нашихъ нравственныхъ отношеній. Тутъ невозможна никакая сдѣлка, — двухъ безусловныхъ принциповъ жизни быть не можетъ. Мы должны окончательно и безповоротно рѣшить для себя вопросъ: признаемъ ли мы безусловное значеніе за временнымъ порядкомъ явленій, или же за нравственнымъ порядкомъ, за внутреннею связью существъ? При первомъ рѣшеніи, за отсутствіемъ общаго субъекта, не можетъ быть и общей задачи, а слѣдовательно не можетъ быть и обязанности воспитывать будущія поколѣнія для дальнѣйшаго исполненія такой задачи. А при второмъ рѣшеніи воспитаніе неразрывно связано съ культомъ прошедшаго, составляетъ его естественное восполненіе. Этимъ традиціоннымъ элементомъ воспитанія обусловленъ и его прогрессивный элементъ, такъ какъ *нравственный прогрессъ можетъ состоять только въ дальнѣйшемъ и лучшемъ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя вытекаютъ изъ преданія.*

То самое безусловное значеніе человѣческаго существа (его способность быть носителемъ вѣчной жизни и участникомъ божественной полноты бытія), которое мы религіозно чтимъ въ отшедшихъ, мы нравственно воспитываемъ въ грядущемъ поколѣннн, утверждая его связь съ ними, какъ проявляющуюся чрезъ торжество надъ временемъ и смертію. Частные вопросы, техника воспитанія, принадлежатъ къ особой специальной области, въ которую мы не входимъ. Но если педагогія желаетъ имѣть общій положительный принципъ, безспорный въ нравственномъ смыслѣ и сообщающій безусловное достоинство ея стремленіямъ, то она найдетъ его только въ одномъ: *въ нерасторжимой связи поколѣній, поддерживающихъ другъ друга въ прогрессивномъ исполненіи*

одного общаго дѣла—приготовленія къ явному Царству Божію и къ воскресенію встѣхъ.

Если вы будете внушать самыя лучшія правила вашему или ввѣренному вамъ ребенку, а онъ спроситъ васъ: зачѣмъ я буду такъ дѣлать, когда мнѣ не хочется?—и вы отвѣтите ему только: для того, чтобы тебѣ было хорошо,—вы воспитаете эгоиста,—несчастливаго и причину несчастій, котораго логическій конецъ—или преступленіе, или самоубійство; если на этотъ вопросъ вы отвѣтите: для пользы людей, для общей пользы и т. п.,—вы воспитаете въ лучшемъ случаѣ отвлеченнаго мыслителя, а вѣрнѣе—пустослова; но если на этотъ вопросъ вы можете, не кривя душой по существу и только приспособляясь къ возрасту въ выраженіяхъ, отвѣтить: чтобы твой дѣдъ на небѣ сказалъ объ этомъ Богу, и чтобы Богъ позволилъ ему и всѣмъ нашимъ покойникамъ скорѣе вернуться и жить вмѣстѣ съ нами навсегда,—только въ духѣ такого отвѣта можете вы воспитать дѣйствительно нравственнаго человѣка, прогрессивнаго дѣятеля исторіи.

VI.

Культъ предковъ и основанное на немъ семейное воспитаніе побѣждаютъ безнравственную рознь и возстановляютъ нравственную солидарность людей въ порядкѣ времени или *последовательности* бытія. Это есть побѣда Добра надъ единичнымъ эгоизмомъ — утвержденіе личности какъ положительнаго элемента въ пребывающемъ, несмотря на смерть и время, союзѣ семейномъ. Но этотъ союзъ, чтобы быть основою нравственной и слѣдовательно всеобщей организаціи, чтобы быть элементарною формою безусловнаго и слѣдовательно всеобъемлющаго Добра, не можетъ быть себѣ довлѣющимъ, замкнутымъ и исключительнымъ. Семья есть ближайшее возстановленіе нравственной цѣлости въ одномъ основномъ отношеніи—преемственности поколѣній. Но эта цѣлость должна быть также возстановлена и въ порядкѣ *сосуществованія*.

Линейная безконечность семьи можетъ находить свою

нравственную полноту лишь въ другомъ болѣе широкомъ цѣломъ, какъ и геометрическая линія реализуется только какъ предѣлъ плоскости, которая для линіи есть то же, что сама линія для точки. И если нравственная точка—единичное лицо имѣетъ настоящую дѣйствительность только какъ носитель родового преемства, то и вся линія этого преемства получаетъ реальное содержаніе бытія ближайшимъ образомъ лишь въ связи со множествомъ собирательно существующихъ семей, составляющихъ *народъ*. Если мы все наше физическое и духовное достояніе получили отъ отцовъ, то отцы имѣли его только чрезъ отечество. Семейныя преданія суть дробь преданій народныхъ, и будущность семьи нераздѣльна съ будущностью народа. Поэтому необходимо культъ отцовъ переходить въ культъ отечества, или патріотизмъ, и семейное воспитаніе примыкаетъ къ воспитанію національному.

Добро, по существу своему неистощимое и беззавистное, сообщаетъ каждому подлежащему нравственныхъ отношеній, единичному, а равно и собирательному, собственное внутреннее достоинство и безусловное значеніе. Поэтому, нравственная связь и нравственная организація существенно отличаются отъ всякой другой тѣмъ, что здѣсь каждое подлежащее низшаго или, точнѣе, болѣе тѣснаго порядка, становясь подчиненнымъ членомъ высшаго или болѣе широкаго цѣлага, не только не поглощается имъ, не только сохраняетъ свою особенность, но находитъ въ этомъ своемъ подчиненіи и внутреннія условія, и внѣшнюю среду для реализаціи своего высшаго достоинства. Какъ семья не упраздняетъ своихъ единичныхъ членовъ, а даетъ имъ въ извѣстной сферѣ полноту жизни, живетъ не только ими, но и въ нихъ и для нихъ,—такъ точно и народъ не поглощаетъ ни семьи, ни личности, а *наполняетъ* ихъ жизненнымъ содержаніемъ въ опредѣленной національной *формѣ*. Эта опредѣленная форма, составляющая собственный смыслъ или положительное качество народа, представляется прежде всего *языкомъ*. Языкъ какъ опредѣленное выраженіе, особая качествен-

ность всемірнаго разума, соединяя тѣхъ, которые говорятъ *этими* языкомъ, не разобщаетъ ихъ однако съ тѣми, которые говорятъ на другомъ языкѣ, такъ какъ всѣ языки суть лишь особыя качества всеединого слова, всѣ соизмѣримы въ немъ между собою, или понятны другъ для друга.

Множественность языковъ сама по себѣ есть нѣчто положительное и нормальное не менѣе, чѣмъ множественность грамматическихъ элементовъ и формъ въ каждомъ изъ этихъ языковъ. Ненормально только взаимное непониманіе и происходящее отсюда разобщеніе. Въ священномъ сказаніи о вавилонскомъ столпѣ небесною карой (и вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ слѣдствіемъ) за стремленіе къ внѣшнему и безбожному единству представляется потеря внутренняго единства и солидарности, выражающаяся во взаимно непонятныхъ *говорахъ* (что возможно и при тождественномъ лексическомъ составѣ). Еслибы внутреннее нравственное единство не было потеряно, то разница языковъ не была бы бѣдою: имъ можно было бы научиться и незачѣмъ было бы разсѣиваться по лицу земли. Но дѣло было не въ творческомъ возникновеніи языковъ, а въ ихъ *смѣшеніи*. „Сойдемъ и смѣшаемъ (*наблѣ*) тамъ говоры ихъ (*сафатамъ*), чтобы не понималъ каждый говора ближняго своего. И разсѣялъ Превѣчный ихъ оттуда по лицу всей земли, и перестали строить городъ; потому называется имя его Бабель (смѣшеніе), ибо тамъ смѣшалъ Превѣчный говоры всей земли, и оттуда разсѣялъ ихъ Превѣчный по лицу всей земли». (Быт. XI, 7—9).

Полный смыслъ этого древняго откровенія, поразительный по своей глубинѣ, понятенъ только при сопоставленіи книги Бытія съ новозавѣтною книгою—Дѣяній апостоловъ. „При наступленіи дня Пятидесятницы всѣ они были *единодушно вмѣстѣ*. И внезапно сдѣлался шумъ съ неба, какъ бы несущагося сильнаго вѣтра, и наполнилъ весь домъ, гдѣ они находились. И явились имъ *раздѣляющіеся языки*, какъ бы огненные, и почили по одному на каждомъ изъ нихъ. И

исполнились всѣ Духа Святого и начали говорить *на иныхъ языкахъ*, какъ Духъ давалъ имъ провѣщать. Въ Иерусалимѣ же находились Іудеи, люди набожные, изъ всякаго народа подъ небесами. Когда сдѣлался этотъ шумъ, собрался народъ и пришелъ въ смятеніе, ибо каждый слышалъ ихъ говорящихъ его нарѣчіемъ. И всѣ изумлялись и дивились, толкуя межъ собою: сіи говорящіе—не всѣ ли Галилеяне? Какъ же мы слышали каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родились,—Парөяне, и Мидяне, и Эламиты, и жители Месопотаміи, Іудеи изъ Каппадокіи, Понта и Асіи, Фригіи и Памфилии, Египта и частей Ливіи, прилежащихъ къ Киринеѣ, и пришедшіе изъ Рима, Іудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне,—слышали ихъ, нашими языками говорящихъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ?“ (Дѣян. II, 1—11).

Единство въ истинномъ смыслѣ осуществляется во многомъ, не упраздняя его, а освобождая его отъ границъ исключительности. Единоязычіе въ смыслѣ Духа Божія есть общеніе и понятность многихъ *раздѣльныхъ, раздѣляющихся, но не раздѣляющихъ языковъ*. Не такъ понимаютъ это дѣло изобрѣтатели и сторонники разныхъ волапюковъ и эсперанто, сознательные или бессознательные подражатели вавилонскихъ столпотворителей *).

Нормальное отношеніе между языками есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нормальное отношеніе между народами (оба понятія по-славянски выражаются однимъ словомъ). Какъ истинное единство языковъ есть не *одноязычіе*, а *всезязычіе*, т.-е. общность и понятность, такъ сказать, взаимнопроникновеніе всѣхъ языковъ съ сохраненіемъ особенностей каждаго, такъ и истинное единство народовъ есть не однородность, а всенародность, т.-е. взаимодействіе и солидарность всѣхъ ихъ для самостоятельной и полной жизни каждаго.

*) Внутренняя связь и контрастъ между вавилонскимъ столпотвореніемъ язычниковъ и сіонскимъ собраніемъ апостоловъ, какъ между нарушеніемъ и восстановленіемъ нормы, ясно указаны въ церковныхъ пѣсняхъ на день Пятидесятницы.

VII.

Когда мы понимаемъ иноземца, говорящаго на его родномъ, а для насъ чужомъ языкѣ,— понимаемъ не только значеніе словъ имъ произносимыхъ, но вступаемъ съ нимъ при помощи этой рѣчи въ настояще общеніе чувствъ, мыслей и стремленій, мы уже тѣмъ самымъ ясно показываемъ, что дѣйствительное единство людей не исчерпывается единствомъ народности. Отрицать этотъ фактъ, фактъ междуязычнаго и международнаго, слѣдовательно всечеловѣческаго общенія, невозможно; но можетъ быть, это общеніе есть только поверхностное отношеніе, не имѣющее за собою никакого реального единства? Такъ думаютъ многіе, утверждающіе, что народъ есть реальное цѣлое, тогда какъ человѣчество—только родовое понятіе, отвлеченное отъ взаимодѣйствій, въ которыя вступаютъ между собою отдѣльные, по существу внѣшніе другъ другу народы. Предоставляя метафизикѣ вопросъ о томъ, насколько *всякое* взаимодѣйствіе предполагаетъ существенное единство взаимодействующихъ, замѣтимъ пока, что свойство *тѣхъ* именно взаимодѣйствій, въ которыя вступаютъ между собою различные народы или люди, принадлежащіе къ различнымъ народамъ, требуетъ, независимо ни отъ какой метафизики, принять между ними такое же, по крайней мѣрѣ, реальное единство, какое принимается внутри каждаго народа между лицами и группами, его составляющими.

На какихъ основаніяхъ признаемъ мы народность реальною силой и народъ чѣмъ-то дѣйствительно единымъ, а не простымъ конгломератомъ многихъ человѣческихъ единицъ? Подобный вопросъ относительно семьи рѣшается указаніемъ на *очевидную* физическую связь. Относительно народа указываютъ на три основанія.

1). *Предполагаемая физическая связь*, или единство происхожденія. Но это *предположеніе* имѣетъ не только равную, но и несравненно большую силу въ примѣненіи къ человѣчеству, нежели относительно народности. Первоначальное

единство человѣческаго рода есть не только догматъ вѣры трехъ монотеистическихъ религій, но и господствующее мнѣніе среди философовъ и естествоиспытателей, тогда какъ единство физическаго происхожденія въ предѣлахъ національности есть въ огромномъ большинствѣ случаевъ завѣдомая фикція.

2). *Языкъ*. Единство языка связываетъ говорящихъ имъ, но мы знаемъ, что различіе языковъ не мѣшаетъ единодушію, единомыслію и даже единословію людей; ибо въ этомъ различіи не упраздняется, а проявляется единое внутреннее слово, несомнѣнно общее всѣмъ людямъ, такъ какъ всѣ, если захотятъ, могутъ понимать другъ друга, на какихъ бы языкахъ они ни говорили; и это не есть поверхностный результатъ внѣшняго взаимодействія, ибо то, что здѣсь взаимно понимается, не относится только къ случайнымъ предметамъ, а обнимаетъ самое внутреннее содержаніе души человѣческой, и слѣдовательно въ этой глубочайшей и дѣйствительнѣйшей основѣ жизни заключаются реальная связь и единство всѣхъ людей. Различіе языковъ есть различіе существенныхъ формъ душевной жизни, и это очень важно, поскольку каждая изъ такихъ формъ представляетъ особую качественность души, — однако, еще важнѣе то содержаніе, которое каждая изъ нихъ воспринимаетъ по своему и которое, всѣми воспринимаемое, ни одною не исчерпываемое и ни одной не исключающее, есть положительное и самостоятельное начало скрытаго единства и явнаго объединенія для всѣхъ.

Языкъ есть самое глубокое и основное выраженіе народнаго характера, но какъ различіе индивидуальныхъ характеровъ не мѣшаетъ реальному единству народа, включающаго въ себя всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ людей, такъ и различіе характеровъ національныхъ не можетъ мѣшать реальному единству всѣхъ народовъ въ человѣчествѣ, которое есть тоже „характеръ“.

3). *Исторія*. Если исторія національная есть основа единства для народа, то исторія всеобщая или всемірная есть осно-

ваніе для болѣе широкаго, но не менѣе крѣпкаго единства всечеловѣческаго. Болѣе того, національная исторія вовсе не мыслима иначе, какъ нераздѣльнымъ членомъ всемірной исторіи. Попробуйте представить русскую исторію въ смыслѣ исключительной національной самобытности. Если бы даже удалось всякими неправдами устранить скандинавское происхожденіе нашего государства, то крещеніе Руси Греками сразу вводитъ нашъ народъ въ сферу жизни всемірной, сверхнациональной. Само по себѣ, по содержанію своему, христіанство есть истина абсолютная, слѣдовательно сверхчеловѣческая и тѣмъ болѣе сверхнародная. Но и съ чисто-исторической стороны ни къ какой отдѣльной національности его приурочить невозможно: какъ отдѣлить здѣсь еврейское зерно отъ халдейскихъ и иранскихъ, египетскихъ и финикійскихъ, греческихъ и римскихъ оболочекъ? И вмѣстѣ съ тѣмъ безъ этого національнаго зерна и безъ этихъ національных оболочекъ не было бы христіанства какъ положительнаго откровенія, и слѣдовательно не было бы заложено основаніе всемірнаго Царства Божія. Но каково бы ни было значеніе національных элементовъ въ историческомъ образованіи всемірной религіи, народы новые, какъ Россія, явившіеся послѣ утвержденія христіанства и принявшіе его въ готовой формѣ, какъ окончательное откровеніе абсолютнаго Добра, не могутъ уже искать въ самихъ себѣ подлиннаго источника своей жизни; ихъ исторія можетъ имѣть смыслъ только какъ болѣе или менѣе совершенное усвоеніе даннаго, болѣе или менѣе успѣшное приготовленіе къ исполненію задачи, уже поставленной христіанствомъ. И понятно, что въ самомъ этомъ приготовительномъ процессѣ одинъ христіанскій народъ не можетъ и не долженъ оставаться въ обособленіи, отчужденіи и враждѣ къ другимъ, ибо такое отношеніе противно самому существу христіанства, и нельзя готовиться къ исполненію извѣстной задачи, утверждаясь въ прямомъ противорѣчій съ внутреннимъ ея смысломъ. Россія рѣшительно подтвердила свое исповѣданіе христіанскаго универсализма, когда

въ самую важную и славную эпоху своей новой исторіи окончательно вышла изъ національной замкнутости и явила себя живымъ членомъ международного цѣлага. И только тогда раскрылась и національная сила Россіи, только тогда могло образоваться то, что (послѣ христіанской вѣры, которую мы тоже не изъ себя получили) болѣе всего значительно и цѣнно у насъ не только для насъ самихъ, но и для другихъ народовъ: крѣпкая наша государственность и глубокая, задумчивая и нѣжная поэзія. Русскій универсализмъ,—который такъ же непохожъ на космополитизмъ, какъ языкъ апостоловъ на волапукъ,—связанъ съ именами Петра Великаго и Пушкина: пусть же назовутъ другія, равныя этимъ національныя русскія имена!

Какъ единичный человѣкъ имѣетъ смыслъ своего личнаго существованія только чрезъ семью, чрезъ связь свою съ предками и потомствомъ, какъ семья имѣетъ пребывающее жизненное содержаніе только среди народа и народнаго преданія, — такъ точно и народность живетъ, движется и существуетъ, только носимая средою сверхнароднаго и международнаго. Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ и чрезъ него живетъ весь рядъ преемственныхъ поколѣній, какъ въ совокупности этихъ рядовъ живетъ и чрезъ нихъ дѣйствуетъ единый народъ, такъ въ полнотѣ народовъ живетъ и совершаетъ свою исторію единое человѣчество.

Если народъ есть реальный фактъ, а не отвлеченное родовое понятіе, если внутренній органическій характеръ связи, соединяющей народы другъ съ другомъ во всемірной исторіи, есть также реальный фактъ, то такимъ же фактомъ должно признать и человѣчество въ его цѣлости, ибо реальные и живые органы могутъ быть только органами реального и живого тѣла, а никакъ не отвлеченнаго понятія. И та самая безусловная нравственная солидарность въ Добрѣ, которая связываетъ человѣка съ его предками и потомками, образуя нормальную семью, и которая черезъ эти первыя и ближайшія освободительныя узы связываетъ его далѣе съ народомъ,—она же связываетъ его и съ тѣмъ все-

мірнымъ цѣлымъ, которое сосредоточено въ человѣчествѣ. Полное собирательное подлежащее совершеннаго Добра, полный образъ и подобіе Божества, или носитель дѣйствительнаго нравственнаго порядка (Царства Божія) есть человѣчество. Но, какъ уже сказано, по самому существу нравственнаго порядка или нравственной организаціи каждая часть или каждый членъ великаго собирательнаго человѣка причастенъ абсолютной полнотѣ цѣлага, такъ какъ онъ необходимъ для этой полноты не менѣе, чѣмъ она для него. Нравственная связь есть связь совершенно обоюдная. Какъ невозможенъ (не только физически, но и нравственно) человѣкъ внѣ родовой преемственности поколѣній, какъ невозможна нравственная жизнь семьи внѣ народа и народа внѣ человѣчества, такъ точно и наоборотъ: человѣчество немислимо отдѣльно отъ народовъ, его составляющихъ, народъ—отдѣльно отъ семей и семья, отдѣльно отъ единичныхъ лицъ. Этотъ трузизмъ охотно всѣми принимался до послѣдняго времени въ полномъ своемъ составѣ, но съ нѣкоторыхъ поръ (по причинамъ, которыя еще темны для существующихъ системъ философіи исторіи) вошло въ обычай, вопреки всякой логикѣ, отдѣлять отъ этой азбучной истины ея необходимую вершину и внутреннюю зависимость народа отъ человѣчества объявлять фантазіей и химерой. Соглашаются, что дурной сынъ и дурной отецъ, человѣкъ не почитающій своихъ предковъ и не заботящійся о воспитаніи своихъ (физическихъ или духовныхъ) потомковъ, не можетъ быть хорошимъ патріотомъ, а плохой патріотъ не можетъ быть настоящимъ служителемъ общаго блага; допускаютъ также и въ обратномъ порядкѣ, что плохой патріотъ не можетъ быть нормальнымъ семьяниномъ, а плохой семьянинъ — нормальнымъ человѣкомъ. Но не хотятъ признать, что та же солидарность между различными степенями нравственной организаціи не позволяетъ быть настоящимъ добрымъ патріотомъ (а вслѣдствіе того нормальнымъ носителемъ семейной, а затѣмъ индивидуальной жизни) такому человѣку, который равнодушенъ къ окончатель-

ному и безусловному благу всѣхъ народовъ. Между тѣмъ совершенно ясно, что если кто вышею цѣлью ставитъ благо своего народа, отдѣльно взятаго, безотносительно къ другимъ, то онъ, во-первыхъ, отнимаетъ у Добра существенный признакъ всеобщности и слѣдовательно искажаетъ самую цѣль; во-вторыхъ, отдѣляя благо своего народа отъ блага другихъ, тогда какъ они въ дѣйствительности солидарно связаны, онъ искажаетъ идею своего народа, а изъ этого двойного искаженія слѣдуетъ, въ-третьихъ, что такой человѣкъ можетъ служить только искаженному народу, сообщая ему искаженное Добро, т.-е. онъ можетъ служить только злу и, принося только вредъ своему отечеству, долженъ быть признанъ плохимъ патриотомъ.

Добро обнимаетъ собою всѣ частности жизни, но само оно *неотъемлемо*. Патриотизмъ, какъ добродѣтель, есть часть общаго должнаго отношенія ко всему, и эта часть въ нравственномъ порядкѣ не можетъ быть отдѣлена отъ цѣлаго и противопоставлена ему. Въ нравственной организаціи одинъ народъ не можетъ преуспѣвать *на счетъ* другихъ, не можетъ утверждать себя положительнымъ образомъ въ ущербъ или во вредъ другимъ. Какъ положительное нравственное достоинство частнаго человѣка познается изъ того, что его преуспѣяніе истинно-полезно всѣмъ другимъ, такъ и преуспѣяніе народа, вѣрнаго нравственному началу, необходимо связано со всеобщимъ добромъ. Эта логическая и нравственная аксіома грубо извращается въ ходячемъ софизмѣ: мы должны думать только о своемъ народѣ, такъ какъ онъ добръ, и слѣдовательно его преуспѣяніе всѣмъ на пользу. Здѣсь съ поразительнымъ легкомысліемъ проглядывается, или съ поразительною наглостью отстраняется та очевидная истина, что самое это отчужденіе своего народа отъ другихъ, это исключительное признаніе его добрымъ по преимуществу есть уже зло, и что на этомъ зломъ основаніи ничего кромѣ зла произойти не можетъ. Одно изъ двухъ: или нужно, отрекаясь отъ христіанства и вообще единобожія, согласно которому „никто не благъ, кромѣ

Бога“, признать свой народъ самъ по себѣ за благо (т.-е. за высшее благо), то-есть поставить его на мѣсто Бога; или же должно допустить, что народъ становится благимъ, лишь сообразуясь и дѣлаясь причастнымъ абсолютному Добру, а это, очевидно, возможно лишь при добромъ отношеніи ко всему, а въ настоящемъ случаѣ прежде всего къ другимъ народамъ; народъ не можетъ быть дѣйствительно добрымъ, пока онъ питаетъ въ себѣ злобу на другихъ, пока онъ не признаетъ въ нихъ своихъ ближнихъ, не любитъ ихъ какъ самого себя.

А этимъ опредѣляется и нравственная обязанность настоящаго патріота—служить народу въ Добрѣ, или истинному благу народа, *нераздѣльному отъ блага всѣхъ*, или что то же—*служить народу въ человечествѣ и человечеству въ народѣ*. Такой патріотъ во всякомъ чужомъ племени и народности найдетъ положительную добрую сторону и чрезъ нее будетъ связывать это племя и этотъ народъ со своимъ собственнымъ—для блага того и другого.

Когда говорятъ о сближеніи народовъ, о международныхъ соглашенияхъ, дружбахъ и союзахъ, прежде чѣмъ радоваться или печалиться по этому поводу, нужно знать, *въ чемъ* происходитъ сближеніе или соединеніе: въ добрѣ или злѣ? Самый фактъ соединенія ничего не рѣшаетъ. Если двухъ соединяетъ ненависть къ третьему,—будутъ ли это два частныхъ человѣка или два народа,—соединеніе ихъ есть зло и источникъ новаго зла. Соединяетъ ли ихъ взаимный интересъ, или общее имъ благо,—вопросъ не рѣшается и этимъ, — ибо интересъ можетъ быть недостойнымъ, благо можетъ быть мнимымъ, и тогда соединеніе народовъ, какъ и единичныхъ людей, въ этомъ недостойномъ интересѣ, въ этомъ мнимомъ благѣ, если не есть прямо зло, то не можетъ быть и добромъ, желательнымъ ради него самого. Всякое соединеніе людей и народовъ можетъ быть положительно одобрено, лишь поскольку оно содѣйствуетъ нравственной организаціи человечества, или организаціи въ немъ безусловнаго Добра. Мы нашли, что

окончательное подлежащее этой организаціи—*реальное существо нравственнаго порядка*—есть собирательный человѣкъ или человѣчество, послѣдовательно расчлененное на свои органы и элементы—народы, семьи и лица. Теперь, зная, *кто* организуется нравственно, мы должны рѣшить *въ чемъ и къмъ* онъ организуется—разсмотрѣть вопросъ о всеобщихъ формахъ и историческихъ двигателяхъ нравственнаго порядка.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Владиміръ Соловьевъ.

Декартъ, какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія *).

I.

Декартъ принадлежитъ къ числу самыхъ признанныхъ и уважаемыхъ именъ въ человѣческой исторіи; и тѣмъ не менѣе къ немногимъ великимъ дѣятелямъ человѣчества потомство отнеслось такъ несправедливо: дѣло Декарта еще ждетъ своей оцѣнки. Съ перваго взгляда такое мнѣніе можетъ показаться страннымъ парадоксомъ. Развѣ мало писано о Декартѣ, и развѣ о немъ не легче судить, чѣмъ о всякомъ другомъ философѣ? Его система ясна, проста и чрезвычайно законченна. Каждый укажетъ ея важнѣйшія достоинства и ея коренные недостатки. Историческая роль Декарта также, повидимому, измѣрена и взвѣшена разъ навсегда. Всѣ согласны, что онъ произвелъ въ философскомъ развитіи радикальный переворотъ, что его можно назвать родоначальникомъ новой философіи, что онъ создалъ новый философскій методъ, что всѣ позднѣйшія философскія и научныя движенія такъ или иначе отпращивались отъ него и т. д. Чего же еще требовать отъ исторіи по отношенію къ нему?

И все-таки съ правомъ можно сказать, что одна очень существенная сторона его дѣятельности обыкновенно упускается изъ виду, и оттого нашъ судъ о немъ является незаслуженно скупымъ и строгимъ. Мы видимъ въ немъ только создателя новаго метода, новой метафизической системы,

*) Читано въ публичномъ засѣданіи Психологическаго Общества 12 октября 1896 года, посвященномъ памяти Декарта. Общій очеркъ жизни и философіи Декарта проф. Н. Я. Грота помѣщенъ въ 9-й книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ за 1891 г.

автора смѣлыхъ научныхъ гипотезъ, великаго математика. И мы знаемъ, что его методъ, при всѣхъ его огромныхъ достоинствахъ, далеко не всегда былъ выработанъ въ своихъ частностяхъ, что его философская система проповѣдовала дуализмъ духа и тѣла въ весьма односторонней формѣ, что въ его пріемахъ разсуждать замѣчаются многочисленныя слѣды ниспровергаемой имъ схоластики, что доказательства даже самыхъ важныхъ положеній его философіи представляются наивными и грубо-догматическими, что, наконецъ, его физическія гипотезы, хотя въ нихъ онъ нерѣдко предвосхищалъ великія открытія послѣдующихъ вѣковъ, въ огромномъ большинствѣ были только остроумною игрой его гениальной фантазіи. Мы прилагаемъ къ нему обычную мѣрку, которою судимъ философовъ, слѣдующихъ за нимъ, — нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ оказывается на одномъ уровнѣ съ ними или даже ниже ихъ. Онъ дѣйствовалъ раньше ихъ, оттого не уберегся отъ многоаго, чего они уже остерегались, и не видѣлъ многоаго, что для нихъ стало ясно. И вотъ мы на Спинозу, Локка, Лейбница, Юма невольно смотримъ болѣе серьезно, чѣмъ на Декарта. Я не говорю уже о Кантѣ: его критическая философія признается обыкновенно рѣшительнымъ антиподомъ притязательности картезіанскаго догматизма. Вообще, у Декарта мы менѣе всего разсчитываемъ отыскать какія-нибудь положительныя философскія истины. Его взгляды, чуть не во всемъ своемъ составѣ, кажутся намъ давно пережитымъ достояніемъ прошлаго.

И по своему мы правы, если имѣть въ виду ту окончательную форму, въ которую облекъ Декартъ свои выводы. И все же мы не замѣчаемъ, какъ мы страшно много ему обязаны. Существуютъ цѣлыя ряды понятій, которыя до того впитались въ плоть и кровь нашу, до того слились съ нашею мыслью, что мы видимъ въ нихъ единственно нормальный и разумный способъ смотрѣть на вещи, и поэтому уже не спрашиваемъ объ ихъ происхожденіи. Относительно такихъ понятій намъ рѣдко приходятъ въ голову тѣ, кто

впервые развилъ и установилъ ихъ. И вотъ именно въ этомъ пунктѣ послѣдующія поколѣнія совершаютъ по отношенію къ Декарту крупную несправедливость: слишкомъ часто забывали и забываютъ до сихъ поръ, что Декартъ не только основатель одной изъ философскихъ системъ, которыхъ было такъ много въ исторіи человѣческой мысли и человѣческихъ заблужденій, онъ—и это является самымъ большимъ и важнымъ въ его историческомъ значеніи,—есть *творецъ новаго европейскаго міросозерцанія*.

Нужно помнить, что новая философская система и новое міросозерцаніе далеко не одно и то же. Каждый оригинальный мыслитель создаетъ свою особую теорію, и если онъ ее разовьетъ во всѣхъ логическихъ послѣдствіяхъ, постарается широко примѣнить ее къ рѣшенію существующихъ проблемъ знанія, дастъ ей законченный видъ, она превратится въ новую философскую систему. Однако лишь очень немногимъ среди философовъ дѣйствительно удалось кореннымъ образомъ измѣнить весь взглядъ на существующее, на весь составъ міра, на его самые основные законы и свойства, на изначальное отношеніе силъ, устанавливающихъ бытіе всѣхъ вещей. Въ исторіи философіи мы обыкновенно наблюдаемъ совсѣмъ другой фактъ: смѣняющія другъ друга философскія теоріи являются лишь различными способами толкованія одной и той же дѣйствительности, представленіе о которой въ его основныхъ чертахъ утвердилось однажды навсегда. Картина міра въ общемъ не мѣняется, мѣняются только комментаріи къ ней. Подтвержденіе этому замѣчанію находимъ во всѣ эпохи существованія философіи. Возьмемъ философію древнихъ грековъ: съ перваго взгляда мы встрѣчаемъ въ ней такую пестроту самыхъ противоположныхъ воззрѣній, что едва ли мы отыщемъ хотя бы одно такое безобидное общее положеніе логики, метафизики или физики, которое одинаково признавалось бы за безспорное во всѣхъ школахъ; но взглянемся въ дѣло глубже и мы замѣтимъ, что эти противорѣчивыя сужденія произносятся объ *одномъ и томъ же*. Образъ дѣйстви-

тельности остается однимъ во всѣхъ умахъ, хотя и вызываетъ въ этихъ умахъ до противоположности различныя мысли. Такъ, міръ элейцевъ съ его неподвижнымъ единствомъ и вѣчно движущійся міръ Гераклита, въ своемъ движеніи осуществляющій свое внутреннее постоянство и тожество, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются однимъ и тѣмъ же міромъ, только при различной умозрительной оцѣнкѣ совершающихся въ немъ процессовъ. Космосъ Платона и вселенная Аристотеля и стоиковъ въ существѣ своемъ составляютъ одно, хотя положеніе и мѣсто идеальныхъ двигателей въ природѣ и опредѣляются ими различно. Я не хочу этимъ сказать, что міросозерцаніе древнихъ совсѣмъ не подвергалось никакимъ перемѣнамъ; напротивъ, въ отдѣльныхъ частностяхъ оно являлось довольно шаткимъ; взгляды на происхожденіе, положеніе и движеніе небесныхъ свѣтилъ, на возникновеніе и форму земли, на образованіе живыхъ существъ, на основныя стихіи физической природы, на человѣческую душу и т. д., оказываются своими особыми чуть не у каждаго философа. Также и общія концепціи дѣйствительности въ ея цѣломъ у однихъ философовъ суживаются и грубѣютъ, у другихъ, наоборотъ, расширяются, идеализируются, одухотворяются. Но все это разнообразіе развивается на одной общей канвѣ; всѣ эти варіаціи разыгрываются на одну основную тему. При всѣхъ различіяхъ въ частныхъ мнѣніяхъ, міръ для всѣхъ умовъ предносится какъ законченное художественное цѣлое, заключенное въ опредѣленные границы, реализующее во всѣхъ своихъ отношеніяхъ и процессахъ господство единого разума, который изнутри имъ движетъ. Этотъ разумъ, въ стремленіи къ гармоніи и совершенству своихъ созданій, подчиняетъ себѣ матеріальную стихію, одолеваетъ ея беспорядочное сопротивленіе, понуждаетъ ее воплотить въ себѣ идеальную красоту. Такое проникновеніе матеріи божественною формирующею силой проходитъ нѣсколько стадій и имѣетъ нѣсколько ступеней; отсюда объясняется дуалистическая тенденція греческой философіи: всѣ вещи

образуются черезъ взаимодействіе свѣтлаго творческаго начала съ началомъ пассивнымъ и темнымъ. Противоборство этихъ началъ сказывается во всемъ, и прежде всего въ большомъ масштабѣ оно раскрывается въ противоположности неба, какъ области чистаго, свѣтлаго, вѣчно жизненнаго ээира, и земли, въ которой соединились болѣе тяжелыя, темныя, инертныя вещества. Но все же этотъ дуализмъ, въ глазахъ грека, только относителенъ,—въ жизни природы онъ постоянно примиряется. Въ концѣ концовъ подлиннымъ мѣриломъ возникающихъ формъ дѣйствительности оказывается ихъ возможное совершенство: настоящій источникъ бытія тварей, порождающая ихъ причина—заключается въ ихъ качествахъ, въ соотвѣтственности ихъ устройства съ тѣмъ внутреннимъ планомъ, который съ неизбѣжностью заложенъ въ дѣятельности мірообразующей силы. Аристотель далъ геніальную логическую формулу этому воззрѣнію, онъ систематически примѣнилъ его къ объясненію всѣхъ явленій природы, но, конечно, не онъ его создалъ. Это воззрѣніе проникаетъ все міропониманіе древнихъ грековъ,—если тутъ можно говорить только объ однихъ грекахъ. Телеологія, объясненіе бытія вещей изъ ихъ качествъ и изъ качествъ дѣйствующихъ въ нихъ силъ, признаніе внутренней духовности жизни міра—даютъ основной тонъ всѣмъ древне-греческимъ теоріямъ, хотя и не съ одинаковою ясностью. Платонъ возвышалъ міровой разумъ надъ всѣми вещественными опредѣленіями, Гераклитъ сливалъ его съ матеріальною стихіею и видѣлъ въ немъ всемірный огонь, Діогенъ Аполлонійскій отождествлялъ его съ воздухомъ,—но для всѣхъ трехъ онъ все же оставался Божественнымъ творческимъ разумомъ. Противоположность идеальнаго и матеріальнаго начала для Анаксагора представлялась въ видѣ взаимодействія между единымъ чистымъ умомъ и раздробленною на безчисленныя частицы матеріей, для Парменида она облекалась просто въ форму борьбы между свѣтомъ и ночью, но тѣмъ не менѣе, оба вѣрили въ качественную противоположность двухъ факторовъ, создаю-

шихъ жизнь вселенной, и въ моральное значеніе ихъ проявленій. Изъ древнихъ только атомисты пытались пробить дорогу для совсѣмъ иного взгляда на вещи, но они остались при самыхъ общихъ и смутныхъ намекахъ, и про нихъ по справедливости можно сказать, что они не прошли даже половины, даже четверти пути къ тому новому представленію въ мірѣ, которое неясно мерцало предъ ними.

Основные черты античнаго взгляда на вещи мало измѣнились въ Средніе Вѣка. Не даромъ Аристотель въ схоластическую эпоху являлся высочайшимъ авторитетомъ въ философіи и наукѣ. Только на всемъ міросозерцаніи, благодаря могучему воздѣйствію религиозныхъ идей, рѣзче легла спиритуалистическая окраска, и дуализмъ природы и духа, вслѣдствіе аскетическаго настроенія того времени, приобрѣлъ гораздо болѣе рѣшительный, мрачный и абсолютный характеръ. Это не значить, однако, чтобы природа тогда противопоставлялась духу въ своей независимой и самодовлѣющей матеріальности: напротивъ, никогда, ни раньше, ни позже, матерія не признавалась въ такой степени лишь слѣпымъ и безсильнымъ орудіемъ духа. Но само духовное царство было подраздѣлено на двѣ непримиримо враждебныя сферы: свѣтлую и темную, добрую и злую,—и въ матеріальной природѣ по преимуществу видѣли поприще для дѣйствія злой и мрачной силы. Этотъ этический дуализмъ въ философскихъ системахъ эпохи Возрожденія уступилъ мѣсто болѣе оптимистическому, мягкому и цѣльному міровоззрѣнію, навѣянному вліяніемъ вновь воскресшихъ ученій античнаго періода. Но мистическое отношеніе къ природѣ отъ этого не только не понизилось,—оно, наоборотъ, получило дотолѣ небывалое развитіе. Въ это время внутренняя духовность, божественность и магическая солидарность природной жизни стали чуть не общепринятымъ догматомъ. Оттого никогда не стояла такъ высоко вѣра въ магію во всѣхъ ея видахъ, никогда не были такъ крѣпко убѣждены въ непосредственномъ могуществѣ человѣческой воли надъ физическими стихіями, никогда не наполняли съ такимъ

усердіемъ природу субстанціальными формами, астральными духами, археями и другими духовидными существами. Безконечное разнообразіе и богатство идеальнаго міра старались вѣдрить внутрь видимой вселенной, и человекъ разсматривали лишь какъ высшую форму воплощенія тѣхъ самыхъ внутреннихъ силъ, которыя одушевляють уже каждый малѣйшій атомъ. Глубокомысленныя философскія мечты Джордано Бруно представляютъ самое художественное и высокое выраженіе для этого строго монистическаго, но въ то же время столь фантастическаго міросозерцанія.

Въ такихъ общихъ очертаніяхъ рисовался міръ человечеству въ теченіе длиннаго ряда столѣтій. Но теперь все то, чему учили съ такою серьезностью о природѣ и составѣ міра Платонъ и Аристотель, Іоаннъ Скоттъ Эригена и Тома Аквинскій, Парацельзъ и Тома Кампанелла, представляется намъ какою-то сказкой, хотя и поэтической, но совсѣмъ наивной. Между тѣмъ въ наше время философы и ученые находятся въ томъ же самомъ положеніи, какъ и древніе: они высказываютъ разные взгляды, создаютъ различныя системы и теоріи, но объ *одной и той же дѣйствительности*. Можно даже утверждать съ полнымъ основаніемъ, что представленіе о мірѣ, приналежащее новому времени, далеко не страдаетъ тою шаткостью въ деталяхъ, которая характеризуетъ міропониманіе древнихъ. Новые взгляды въ этомъ отношеніи гораздо опредѣленнѣе и точнѣе, они гораздо легче укладываются въ ясныя и строгія формулы. Наше понятіе о мірѣ несомнѣнно обладаетъ еще болѣе большимъ внутреннимъ единствомъ, чѣмъ какое было въ идеяхъ о существующемъ у мыслителей и ученыхъ давняго прошлаго. Но чрезвычайно важно то, что мы вѣримъ въ совершенно *другой міръ*, нежели они. Нашъ міръ и традиціонный міръ античной философіи, средневѣковой схоластики и мыслителей Возрожденія не имѣють ничего общаго, даже болѣе,—они находятся между собою въ отношеніи полной противоположности. Если въ прежнемъ міровоззрѣніи однимъ изъ первыхъ предположеній, отъ котораго рѣшались

уклоняться лишь немногіе смѣлые умы, являлась *ограниченность* вселенной въ пространствѣ и ея замкнутость въ разѣ навсегда утвержденныхъ предѣлахъ, — то для насъ, напротивъ, стоитъ какъ нѣкоторая непоколебимая аксіома *безконечность* міра. Если прежде явленія природы объясняли изъ взаимодѣйствія качественно различныхъ стихій и въ частности противопологали стихіи неба стихіямъ земли, — то мы теперь убѣжденно держимся за предположеніе о *единствѣ вещества* и твердо знаемъ, что вещество и на землѣ, и въ небесныхъ пространствахъ одно и то же, обладаетъ одинаковыми свойствами и подчиняется однимъ законамъ. Если вообще въ старое время причинъ вещей искали въ ихъ *качествахъ*, то мы теперь совершенно увѣрены, что всѣ качественныя различія предметовъ природы зависятъ отъ чисто количественныхъ различій въ массѣ, расположеніи и движеніи частицъ вещества, *внутренне однородныхъ*. Если прежде разгадку всякой причинной связи полагали въ идеѣ о разнообразныхъ силахъ, въ своей дѣятельности реализующихъ свойственныя каждой изъ нихъ внутреннія стремленія, то теперь терминъ *сила* является лишь условнымъ обозначеніемъ механическаго движенія, поскольку оно вызываетъ другое движеніе по математически опредѣленнымъ законамъ. То же самое отношеніе крайней противоположности старому замѣчается и на многихъ другихъ понятіяхъ, входящихъ въ наше обычное міровоззрѣніе. Философы и натуралисты прежнихъ временъ искали объясненія вещей въ тѣхъ цѣляхъ, которыя онѣ осуществляютъ въ своемъ бытіи и которыя какъ - бы изнутри движутъ ихъ развитіемъ; въ нашемъ міросозерцаніи *теллеологія* совсѣмъ отброшена: мы не только смѣемся надъ наивными притязаніями ученыхъ далекаго прошлаго проникать въ планы создателя вселенной, — мы совершенно серьезно хотимъ обойтись безъ идеи о реальной цѣлесообразности даже при обсужденіи дѣйствій человѣка и другихъ одушевленныхъ тварей. Въ связи съ этимъ и взглядъ на душу претерпѣлъ радикальное измѣненіе: для прежняго воззрѣнія душа есть

не только внутренній центръ явленій сознанія,—въ то же время она источникъ жизненной дѣятельности тѣла; вообще, духъ оказывался тѣсно слитымъ съ формами физическаго бытія, потому что внутренніе двигатели матеріальной природы сами понимались по аналогіи существъ духовныхъ. По старинному ученію, между природою и духомъ не только не было пропасти, — скорѣе трудно было установить сколько-нибудь опредѣленную грань между ними. Для современнаго взгляда, духъ—если онъ вообще признается за что-нибудь большее чѣмъ простой феноменъ чисто-физическихъ процессовъ,—представляетъ непостижимое исключеніе изъ всей природы: абсолютная безплотность духа, если онъ только существуетъ, его полная непричастность какимъ бы то ни было физическимъ опредѣленіямъ и отношеніямъ кажется намъ истиною, не допускающею никакого спора. Бытіе духа всецѣло должно исчерпываться чисто-внутренними актами ощущенія, мысли, чувства, воли. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствіе души на тѣло составляетъ столь гнетущую загадку, что современнаго спиритуалиста постоянно преслѣдуетъ соблазнъ совсѣмъ отвергнуть это дѣйствіе и на мѣсто связи психическаго съ физическимъ подставить простую параллельность явленій того и другого. Положеніе неспиритуалистовъ въ этомъ вопросѣ нисколько не лучше: какъ бы мы ни смотрѣли на душу, видимъ ли мы въ ней самостоятельное существо или простое явленіе, во всякомъ случаѣ чистая субъективность всего психическаго, его невыводимость за предѣлы внутренняго міра сознанія представляетъ одно изъ самыхъ основныхъ убѣжденій современной философіи; а мысль о дѣйствіи психической силы на тѣлесные процессы находится въ явномъ противорѣчьи съ этимъ убѣженіемъ. Между тѣмъ при такомъ воззрѣніи на содержаніе нашей душевной жизни необходимо должна была измѣниться вся оцѣнка реальности нашего познанія. Для стараго взгляда реальность внѣшняго міра есть истина, не требующая никакихъ доказательствъ,—она казалась очевидною сама по себѣ. Мы, напротивъ, увѣрены, что предметомъ нашего

непосредственнаго воспріятія являются только состоянія нашего собственнаго сознанія и ничего больше. Что лежит за ихъ границей, объ этомъ мы можемъ догадываться и умозаключать, но это неизвѣстно намъ прямо. Мы приписываемъ веществу протяженность, движеніе и другія свойства; но мы обязаны помнить, что все это лишь наши заключенія,—это только символы, въ которыхъ мы обобщаемъ о матеріальномъ мірѣ то, что о немъ *ощущаемъ*.

Сейчасъ приведенныя утвержденія, въ которыхъ новое міросозерцаніе такъ рѣзко противопоставляется старому, по крайней мѣрѣ въ огромномъ ихъ большинствѣ, для сознанія современныхъ мыслящихъ людей представляютъ своего рода аксіомы. И мы не хотимъ знать, что они были поразительною новостью, когда, около двухсотъ пятидесяти лѣтъ назадъ, Декартъ впервые провозгласилъ ихъ. Этимъ онъ произвелъ настоящую умственную революцію, послѣдствія которой были неисчислимы. Обыкновенно Канта (отчасти впрочемъ съ его собственныхъ словъ) называютъ Коперникомъ философіи; однако такое наименованіе къ Декарту, конечно, подходитъ гораздо болѣе. Историческая роль Канта, какъ бы высоко мы ни цѣнили ее, блѣднѣетъ предъ дѣломъ Декарта. Вѣдь если безпристрастно опредѣлить окончательную задачу Канта, она сведется къ слѣдующему: онъ хотѣлъ спасти новое философско-научное міросозерцаніе отъ внутреннихъ противорѣчій и оградить его отъ всякихъ посягательствъ, съ одной стороны, отнявъ у него претензіи на проникновеніе въ метафизическую суть вещей, съ другой стороны превративъ его основныя начала въ аргіогі даные законы разума, не отдѣлимые отъ самой конструкціи нашей мысли*). Глубочайшій нервъ теоретической критики Канта заключался въ стремленіи установить абсолютный характеръ естествовѣдѣнія въ той его математически-строгой формѣ, которая впервые была послѣдовательно развита Декартомъ. Но кто выше,—тотъ ли, кто создалъ извѣстное воззрѣніе, или

*) См. мои Положительныя задачи философіи, ч. II. стр. 135—136, 140—141.

кто его только охраняетъ, хотя бы онъ пользовался при этомъ очень оригинальными и глубокомысленными аргументами?

Былъ ли Декартъ самъ создателемъ всѣхъ своихъ идей, или онъ имѣлъ какихъ-нибудь предшественниковъ? Несомнѣнно, предшественники у него были, и ихъ не разъ указывали историки философіи. Идеи о непосредственной достовѣрности самосознанія и о вытекающей изъ нея чистой духовности нашего субстанціального я, съ которыхъ Декартъ начинаетъ свое философское построеніе, болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до него были съ блестящимъ талантомъ раскрыты въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ блаженнаго Августина; онтологическое доказательство бытія Божія получило подробное развитіе еще у Ансельма Кентерберійскаго; мысль, что индивидуальная природа тѣлъ коренится въ ихъ протяженности, была высказана еще у Фома Аквинскаго; ученіе о безконечности міра находимъ у Николая Кузанскаго и Джордано Бруно и т. д. Точно также Декартъ имѣлъ неоспоримыхъ предшественниковъ и въ своихъ научныхъ теоріяхъ: астрономическая теорія Коперника въ его эпоху была уже всѣмъ извѣстна, его современниками были Кеплеръ и Галилей. Но все же приходится скорѣе удивляться необыкновенной скудости внѣшняго матеріала при созданіи декартовой системы, чѣмъ его обилію. Философскія идеи, подобныя декартовымъ, иногда высказывались задолго до него, но обыкновенно въ виду совсѣмъ другихъ цѣлей, на иныхъ основаніяхъ, и очень нерѣдко, по совершенно случайнымъ поводамъ и мимоходомъ, такъ что для насъ теперь трудно опредѣлить, имѣемъ ли мы предъ собою у Декарта дѣйствительное заимствованіе или простое совпаденіе его мыслей съ нѣкоторыми старыми взглядами. Положеніе науки также, повидимому, представлялось наименѣе удобнымъ для построенія единой, ясной, всеобъемлющей системы. Во время Декарта интересъ къ научнымъ изысканіямъ распространился очень широко, но научное движеніе еще не привело къ прочнымъ и общепризнаннымъ приобрѣтеніямъ. Достаточно сказать, что о теоріи Коперника тогда еще шли горячіе споры, что ея

защитниковъ открыто преслѣдовали, что такіе умы, какъ Бэконъ, ее отвергали, и что самъ Декартъ, въ сущности развивая ее, вынужденъ былъ дѣлать видъ, что онъ ее опровергаетъ. Въ физиологіи фактъ кровообращенія былъ только-что открытъ, и Декартъ одинъ изъ первыхъ воспользовался этимъ открытіемъ, за что подвергся насмѣшкамъ. Въ механикѣ еще не были установлены самые основные законы движенія,—въ физикѣ еще не получили опредѣленности даже такія понятія, какъ *инерція*, *точка*, *масса*. Въ математикѣ тратились силы на разрѣшеніе замысловатыхъ задачъ и математическихъ курьезовъ, и Декартъ первый сдѣлалъ геніальную попытку великаго объединенія различныхъ отраслей математическаго знанія. Методы объясненія явленій природы находились въ состояніи самой хаотической спутанности стараго съ неясно сознаннымъ новымъ. Еще серьезно спорили о томъ, боится ли природа пустоты, и самъ Кеплеръ объяснялъ формы движенія небесныхъ свѣтилъ изъ красоты и гармоніи этихъ формъ. Въ такое-то время возникла декартова теорія міра, которая, несмотря на отдѣльныя фантастическія подробности, болѣе всего поражаетъ необыкновенною близостью своихъ главныхъ положеній къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ постепенно приходила новая наука въ теченіе своего болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго развитія, и къ тѣмъ проблемамъ, разрѣшить которыя эта наука упорно стремится до нашихъ дней. Вспомнимъ только, что Декартъ учитъ о неизмѣнности общей суммы движенія въ мірѣ, что въ своей гипотезѣ вихрей онъ въ значительной степени предвосхищаетъ теорію Лапласа, что явленія свѣта онъ объясняетъ движеніемъ тонкой матеріальной среды, возбуждаемымъ отъ свѣтящихся тѣлъ, что явленія тяжести онъ выводитъ изъ давленія окружающей подвижной среды на находящіяся въ ней тѣла, что теплоту онъ рассматриваетъ какъ особый видъ движенія, что, наконецъ, несмотря на бѣдность тогдашнихъ физиологическихъ знаній, онъ дѣлаетъ отважную попытку объяснить и жизнь, и дѣятельность одушевленныхъ существъ, какъ чисто механиче-

скій процессъ, въ которомъ не замѣшано никакое жизненное начало и который, по крайней мѣрѣ, у животныхъ, не направляется никакою душой, и тѣмъ предупреждаетъ столь распространенное потомъ автоматическое воззрѣніе на явленія жизни. Чѣмъ болѣе мы вчитываемся въ Декарта, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что міръ его гипотезъ есть совсѣмъ нашъ міръ, какъ мы его понимаемъ и толкуемъ. Напротивъ, современники Декарта встрѣтили его взгляды съ недоумѣніемъ. Въ особенности его „Principia philosophiae“, сочиненіе, представляющее наиболѣе систематическое изложеніе его міросозерцанія, производило на читающую публику самое удручающее впечатлѣніе. Гассенди, казалось бы, какъ послѣдователь древнихъ атомистовъ, долженствовалъ сочувствовать взглядамъ Декарта на природу, говорить: „Не знаю никого, кто имѣлъ бы храбрость прочитать „Принципы“ до конца. Ничего не можетъ быть скучнѣе; авторъ убиваетъ читателя, и только дивишься, сколько этотъ вздоръ стоилъ тому, кто его выдумалъ“.

II.

Чему же былъ обязанъ Декартъ новизною своихъ идей? Справедливо въ этомъ отношеніи ссылаются на его методъ: въ немъ, самомъ по себѣ, уже заключался цѣлый переворотъ. Декартъ говоритъ *): „мы приходимъ въ міръ дѣтми и произносимъ разныя сужденія о чувственныхъ предметахъ прежде, чѣмъ получимъ полное употребленіе нашего разума; поэтому многіе предразсудки мѣшаютъ познанію истины. Противъ этого, повидимому, нѣтъ другого средства, какъ рѣшиться однажды въ жизни сомнѣваться во всемъ, достовѣрность чего вызываетъ хотя малѣйшее подозрѣніе. Полезно даже все сомнительное считать прямо за ложное, чтобы тѣмъ надежнѣе найти то, что совсѣмъ достовѣрно и познается всего легче“.

Для Декарта только очевидное, само по себѣ ясное, съ отчетливою раздѣльностью предстоящее нашему уму и то, что изъ этого самоочевиднаго вытекаетъ съ без-

*) Principia philosophiae, p. I, 1, 2.

спорною необходимостью, можетъ быть допущено въ систему истиннаго знанія. Все сомнительное должно быть совсѣмъ отброшено, въ интересахъ достовѣрности нашихъ выводовъ его даже слѣдуетъ разсматривать какъ ложное. И Декартъ съ полной искренностью и серьезностью старался подвергнуть всѣ свои понятія этой предварительной процедурѣ очищенія отъ всего предвзятаго, откуда бы оно ни исходило: только этимъ путемъ надѣялся онъ достигнуть новыхъ и плодотворныхъ истинъ. Въ этомъ случаѣ въ Декартъ изумляетъ своеобразное сочетаніе искренней, задушевной скромности и суроваго, вызывающаго высокомѣрія. Онъ низко оцѣниваетъ свои способности *) — безъ всякаго ложнаго смиренія онъ вовсе не хочетъ приписывать себѣ геніальности—и онъ тѣмъ не менѣе мистически убѣжденъ въ своей верховной мисси, какъ полнаго преобразователя знанія. Источникъ его вѣры въ себя—въ его глубокой вѣрѣ въ свой методъ. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ человекъ, въ которомъ сила умственнаго творчества бьетъ черезъ край, и который все-таки думаетъ, что онъ самъ тутъ не при чемъ, и что все дѣлаютъ нѣсколько методическихъ правилъ, которымъ онъ неуклонно слѣдуетъ въ своихъ разсужденіяхъ и изысканіяхъ. Онъ отъ души увѣренъ, что достаточно не злоупотреблять своимъ умомъ, не высказывать положительныхъ утверженій тамъ, гдѣ нѣтъ прямой очевидности или несомнѣнныхъ доказательствъ, признавать за истину только то, что ясно и отчетливо нами понято, — и самая заурядная голова превзойдетъ любого генія, если тотъ не въ такой же степени осмотрителенъ. Оттого Декартъ въ своихъ философскихъ выводахъ прежде всего ищетъ простоты и общедоступности. Съ мнительностью истинно-оригинальнаго таланта онъ старается понизить ходъ своихъ разсужденій до уровня самыхъ среднихъ умовъ, и не только не думаетъ блистать своимъ глубокомысліемъ, но скорѣе заботится о томъ, чтобы по воз-

*) Discours de la méthode, I.

возможности скрыть его за обыкновенными соображеніями здраваго смысла. Подобно Сократу, онъ не боится быть банальнымъ, если это помогаетъ быть убѣдительнымъ и нагляднымъ. При первомъ знакомствѣ съ его произведеніями испытываешь нѣкоторое разочарованіе: его изложеніе кажется наивнымъ, — онъ посвящаетъ слишкомъ много мѣста размышленіямъ, имѣвшимъ цѣну только для его времени; можетъ быть, нерѣдкіе слѣды схоластики въ его аргументаціи въ значительной мѣрѣ объясняются желаніемъ Декарта облекать свою мысль въ привычныя для всѣхъ формы, если это не вредитъ ясности заключеній. Декартъ менѣе всего заботился о созданіи системы, отпечатлѣвающей всѣ особенности его индивидуальнаго генія, — онъ думалъ лишь о внѣдреніи въ умы современниковъ идей, которыя могли бы быть пригодны для всѣхъ одинаково. Отсюда вытекаютъ нѣкоторыя особенности въ стилѣ Декарта: онъ высказываетъ свои взгляды снисходительнымъ тономъ учителя, который обращается къ незрѣлымъ подросткамъ, впервые начинающимъ учиться.

Въ чемъ же состояла система Декарта и какъ онъ развивалъ ее? Время не позволяетъ мнѣ изложить всѣ подробности ея содержанія и всѣ изгибы его аргументаціи, иногда затрудняющей пониманіе современнаго читателя архаичностью своихъ формъ. Однако воззрѣнія Декарта имѣютъ то неопѣненное преимущество, что ихъ можно передать самымъ простымъ языкомъ, и это нисколько не исказитъ ихъ смысла. Остовъ системы Декарта отличается необыкновенною опредѣленностью; въ понятіяхъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, не заключено никакихъ условныхъ тонкостей; онъ чувствуетъ инстинктивное отвращеніе ко всему, что не допускаетъ математически отчетливой формулировки. Поэтому общую основу міросозерцанія Декарта можно выразить въ рядѣ весьма несложныхъ размышленій. Вотъ они.

Чтобы достигнуть истины, нужно отвергнуть все, что можетъ вызывать хотя малѣйшее сомнѣніе, даже слѣдуетъ признать все это за ложь, и тогда посмотрѣть, что у насъ

останется, какъ вполне несомнѣнное. Но что же тогда считать достовѣрнымъ? Мы вѣримъ нашимъ чувствамъ и полагаемъ, что съ ихъ помощью мы воспринимаемъ существованіе дѣйствительныхъ вещей внѣ насъ. Однако чувства насъ нерѣдко обманываютъ, а простое благоразуміе не позволяетъ очень довѣрять тому, кто насъ обманулъ хотя однажды; далѣе, во снѣ мы постоянно видимъ предметы и событія, которыхъ нигдѣ нѣтъ и не было, а по какому очевидному признаку можно отличить сонъ отъ бдѣнія? Кто намъ поручится, что мы не грезимъ всегда? Итакъ, показанія нашихъ внѣшнихъ чувствъ мы должны отвергнуть *).

Мы вѣримъ логической очевидности отдѣльныхъ положеній и выводовъ изъ нихъ, наприм., въ математикѣ. Но, во-первыхъ, мы въ жизни нерѣдко наблюдаемъ, что люди ошибаются даже и въ такихъ вещахъ и принимаютъ за самоочевидную истину то, что намъ кажется ложнымъ; во-вторыхъ, намъ говорятъ о всемогущемъ Богѣ, который создалъ насъ,—развѣ не могъ Онъ сотворить насъ такъ, чтобы мы постоянно обманывались и принимали ложь за правду? Разъ для этого существуетъ хотя малѣйшая возможность, мы не должны довѣрять нашимъ познаніямъ **).

Идя этимъ путемъ, мы можемъ отринуть, какъ сомнительное, рѣшительно все, во что мы когда-нибудь вѣрили. Мы можемъ легко представить себѣ, что нѣтъ ни Бога, ни неба, ни какихъ-нибудь вещей вокругъ насъ; что у насъ нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни тѣла. Что же намъ останется, какъ достовѣрное? Можно сомнѣваться и въ Богѣ, и въ мірѣ, и въ нашемъ собственномъ тѣлѣ; въ одномъ нельзя сомнѣваться.—нельзя даже этого и попробовать,—въ томъ, что мы сомнѣваемся; нельзя сомнѣваться въ томъ, что я, думающій, что ничего нѣтъ, это *думаю*. А если я думаю, то, стало быть, *существую*,—одно другое подразумѣваетъ съ неиз-

*) Princip. phil. p. I, 4. Cp. Discours de la méthode, IV.

***) Princ. phil. I, 8.

бѣжностью. И такъ, я мыслю, слѣдовательно существую, есмь,—*cogito, ergo sum*, вотъ единственная, совсѣмъ безспорная истина, которая намъ осталась. Мое собственное бытіе есть вещь абсолютно несомнѣнная,—отъ него и должна отправляться настоящая философія во всѣхъ своихъ водахъ *).

Но что же я такое? И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сейчасъ пройденный путь сомнѣнія окажетъ очень важную помощь. Мы усумнились въ своемъ тѣлѣ и отвергли его, отвергли весь матеріальный міръ вообще, а въ себѣ усумниться не могли: это значитъ, что наше *я* не есть что-нибудь тѣлесное. Будь оно существомъ тѣлеснымъ, мы никакъ не могли бы съ несомнѣнностью признавать его бытіе, въ то же самое время отвергая всѣ тѣлесныя вещи и всѣ тѣлесныя свойства. А вѣдь мы сейчасъ сдѣлали именно это. Наше *я* есть нѣчто совсѣмъ несомнѣнное для насъ, слѣдовательно—мы что-то въ немъ непосредственно и прямо воспринимаемъ, безъ всякой возможности это отвергнуть; но, очевидно, это прямо въ немъ данное не есть ни протяженность, ни фигура, ни движеніе, потому что тогда эти тѣлесныя свойства обладали бы для насъ такую же несомнѣнностью, какъ и наше *я*, между тѣмъ мы въ нихъ могли усомниться. Для меня одно достовѣрно: я мыслю. И такъ, мысль, сознание—вотъ единственно, что составляетъ меня для меня самого **).

Этимъ ясно опредѣляется, что такое наша душа. Какъ мы сейчасъ видѣли, въ состояніяхъ нашего сознанія мы не воспринимаемъ никакихъ матеріальныхъ признаковъ,—это означаетъ, что они не суть состоянія какого-нибудь тѣла: еслибы они были тѣлесными состояніями, они необходимо представляли бы изъ себя какое-нибудь движеніе, какую-нибудь протяженность, какую-нибудь фигуру. Но съ другой стороны, наше сознаніе, очевидно, не можетъ быть только чистымъ, абсолютнымъ свойствомъ, не принадлежащимъ ничему: вѣдь

*) Ibid , 7.

**) Ibid. 8.

ничто не имѣетъ свойствъ и состояній. Гдѣ даны свойства и состоянія, тамъ есть и предметъ или *субстанція*, которой они принадлежать. *Субстанція* и *свойство* противоположны другъ другу только для нашей отвлеченной мысли, а не въ дѣйствительности и не въ конкретномъ воспріятіи: уничтожьте всѣ свойства—и не будетъ никакой вещи или субстанции; уничтожьте субстанцію,—исчезнутъ всѣ свойства. Это значитъ, что въ состояніяхъ нашего сознанія намъ непосредственно раскрывается ихъ субстанція, т.-е. *душа* *). Душа есть *мыслящая субстанція*. И разъ наша мысль не имѣетъ въ себѣ никакихъ тѣлесныхъ свойствъ и опредѣленій, наша душа есть субстанція *нематеріальная*.

Чѣмъ болѣе извѣстны намъ состоянія субстанции, тѣмъ яснѣе намъ сама субстанція. Но мы все познаемъ чрезъ наше сознаніе и въ немъ; итакъ, наша душа для насъ есть самая извѣстная, самая ясная вещь на свѣтѣ. Познавая какіе-нибудь предметы, внѣшніе для насъ, мы должны исходить изъ того, что содержится въ ней, въ душѣ. Что же? Даны ли въ нашемъ *я* какія-нибудь основанія утверждать, что, кромѣ насъ, существуетъ еще что-нибудь?

Для этого дана несомнѣнная необходимость во всемъ строѣ нашего существованія. Мы съ абсолютною достовѣрностью знаемъ, что мы не сами себя произвели на свѣтѣ; еслибы было иначе, мы могли бы одарить себя всевозможными совершенствами, какія только мы способны представить себѣ. Между тѣмъ наше существованіе длится во времени; поэтому, если бытіе наше отъ насъ не зависитъ, очевидно, должна существовать какая-то сила, которая удерживаетъ насъ въ жизни въ каждый новый наступающій моментъ,—эта сила даетъ и начало нашему бытію, и охраняетъ его продолженіе. Что же это за сила? Она неизбѣжно рисуется для насъ чертами совершенства и могущества, не допускающими никакого сравненія съ тѣмъ, что мы замѣчаемъ въ себѣ. Ея совершенство тѣмъ болѣе возрастаетъ

*) Ibid. 11.

въ нашихъ глазахъ, когда мы подумаемъ, что вѣдь и ее что-нибудь утверждаетъ и удерживаетъ въ бытіи, и что если это дѣлаетъ не она сама, то мы опять должны вообразить ея подобіе внѣ ея, которое охраняетъ и ее и насъ, и такъ повторять безъ конца. Другими словами, наша мысль можетъ успокоиться только на идеѣ такого существа, которое зависить лишь отъ себя, не нуждается ни въ чьей поддержкѣ и обладаетъ всѣми совершенствами. Такое существо мы называемъ Богомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мысль о Богѣ живетъ въ нашемъ сознаниіи, а между тѣмъ самое ея присутствіе въ насъ не составляетъ ли величайшей загадки? Мы несовершенны и конечны,—какъ же можемъ мы создать идею о существѣ безконечномъ и объемлющемъ всѣ совершенства? Откуда беремъ мы для этого матеріалъ? Вѣдь изъ ничего ничего не бываетъ; совершенное не можетъ быть продуктомъ того, въ чемъ совершенства нѣтъ. Въ нашемъ умѣ не можетъ содержаться такого образа, которому нѣтъ никакого соответствія ни въ насъ, ни внѣ насъ; но въ насъ несомнѣнно отсутствуютъ тѣ высшія совершенства, которыя мы предполагаемъ въ Богѣ,—итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ заключаемъ, что они даны въ нѣкоторомъ существѣ, отъ насъ отличномъ; это существо и есть Богъ.

Чтобы убѣдиться въ неизбежности признать существованіе Бога за непоколебимую истину философіи, достаточно разсмотрѣть простую идею о Немъ. Возьмемъ наше понятіе о всевѣдущемъ, всемогущемъ и всесовершенномъ существѣ: какое бытіе въ немъ подразумѣвается? Очевидно, для такого существа мыслимо бытіе не какъ случайное, или только возможное, а какъ необходимое и вѣчное. Если источникъ его бытія въ немъ самомъ, такое существо не должно быть только возможнымъ при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ,—для него нѣтъ условій внѣ его самого,—и оно не можетъ возникнуть лишь по благоприятному случаю: оно мыслимо лишь даннымъ всегда и необходимо. Итакъ, подобно тому, какъ изъ представленія о треугольникѣ выте-

каеть равенство суммы его внутреннихъ угловъ двумъ прямымъ, такъ въ простомъ представленіи о Богѣ заключается съ очевидностью его необходимое и вѣчное бытіе *).

Слѣдовательно, кромѣ насъ существуетъ Богъ. Должны ли мы этимъ ограничиться? Вѣдь каждый убѣжденъ въ существованіи безчисленныхъ тѣлесныхъ вещей, составляющихъ матеріальный міръ, который простирается вокругъ насъ въ длину, ширину и глубину, который дѣлится на части разнообразной формы, въ которомъ происходятъ движенія въ разныхъ направленіяхъ, который вызываетъ въ насъ ощущенія цвѣтовъ, запаховъ, боли и т. д. Можно ли думать, что этого міра совсѣмъ нѣтъ, и онъ только намъ представляется? Конечно, въ Богѣ достаточно могущества, чтобы вызвать въ насъ иллюзіи, какія угодно. Однако можно сильно сомнѣваться, чтобы вообще было сообразно съ природой Божества преднамѣренно создавать иллюзіи. Мы считаемъ Бога существомъ всесовершеннымъ; не слѣдуетъ ли намъ допустить въ немъ хотя настолько совершенства, что онъ не долженъ желать насъ обманывать? Вѣра въ реальность внѣшняго міра есть нравственное требованіе, вытекающее изъ нашего пониманія истинной сущности Божества. Но только въ силу этого требованія мы и можемъ смотрѣть на матеріальную дѣйствительность, какъ на что-то несомнѣнное **). На самомъ дѣлѣ, непосредственно и прямо мы знаемъ только свою душу и то, что въ ней дѣлается. О матеріальномъ мірѣ мы только умозаключаемъ и вѣримъ въ него, но никогда съ нимъ прямо не соприкасаемся, хотя весьма распространенный предразсудокъ и заставляетъ насъ думать, что именно реальность матеріальной природы есть самая достовѣрная истина въ свѣтѣ.

Итакъ, мы должны вѣрить во внѣшній міръ, потому что Богъ, въ своей вѣчной правдивости, не могъ допустить,

*) Ibid. 14, 17, 18, 20, 21. Cp. Meditationes III, V; Discours de la méth. IV. Въ интересахъ ясности и связности изложенія, доказательства бытія Божія представлены здѣсь въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ у самого Декарта.

**) Princ. phil. II, 1.

чтобы наши ясныя и отчетливыя понятія о вещественной природѣ, внушаемыя намъ нашимъ естественнымъ разумомъ, были только самообманомъ съ нашей стороны. Но о какихъ же свойствахъ матеріальныхъ предметовъ имѣемъ мы ясное и отчетливое знаніе? Развѣ огромное большинство ходячихъ представленій о внѣшней дѣйствительности не страдаетъ темнотою, смутностью и противорѣчивостью? Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но это зависитъ исключительно отъ того, что мы чувственныя качества вещей принимаемъ за ихъ настоящія, собственные качества. Мы приписываемъ тѣламъ и цвѣта, и звуки, и запахи, и теплоту, и холодъ, и жесткость, и мягкость,—пожалуй, даже готовы приписать имъ ту боль, которую мы испытываемъ, неосторожно натыкаясь на нихъ. Въ этомъ лежитъ главный корень ложности нашихъ сужденій о вещественной природѣ. Всѣ эти качества суть только наши ощущенія, зависящія отъ связи нашей души съ организаціей нашего тѣла,—они показываютъ, полезны намъ или вредны предметы, но не выражаютъ никакой ясной идеи о самихъ предметахъ. Оттого они вполне могутъ отсутствовать въ вещахъ, и вещи при этомъ нисколько не пострадаютъ. Но есть другія свойства матеріальныхъ предметовъ, которыя доставляютъ совершенно ясное и отчетливое содержаніе для нашихъ размышленій, и которыхъ даже мысленно нельзя отдѣлить отъ вещей, не уничтоживъ или не измѣнивъ этихъ послѣднихъ, — таковы: протяженность, величина, фигура, движеніе. Только эти свойства и только ихъ одни можно приписать матеріальной природѣ въ ней самой. Но фигура, величина, движеніе суть только различныя проявленія протяженности: итакъ, тѣло или матерія есть субстанція *протяженная*,—въ этомъ вся ея сущность *).

Какая же общая концепція существующаго получается у Декарта въ виду этихъ основныхъ понятій его философіи? По его ученію, причина всѣхъ вещей лежитъ въ без-

*) Ibid.

конечномъ Божествѣ: ему одному принадлежитъ самобытная, полная, истинная дѣйствительность. Богъ вызываетъ къ бытію конечныя вещи актомъ чистой свободы: Онъ есть существо абсолютно свободное, и Его свобода не ограничена ничѣмъ. Для Божественной воли нѣтъ никакого заранее поставленнаго идеала, которому Богъ вынужденъ былъ бы слѣдовать,—напротивъ, Онъ самъ есть совершенно самобытный источникъ всякихъ нормъ добраго и злого. Воззрѣніе Декарта на Божество является ясно выраженнымъ *волюнтаризмомъ*, т.-е. признаніемъ самоопредѣляющейся воли за основную стихію Божественной сущности.

Созданный Богомъ міръ, по Декарту, состоитъ изъ сотворенныхъ субстанцій двухъ видовъ: однѣ изъ нихъ души, другія—тѣла. Сущность души заключается въ мышленіи. Душа есть сила мыслящая, или сознающая, и только это,—никакихъ другихъ опредѣленій и признаковъ ей приписать нельзя. Все, что въ ней происходитъ, суть лишь различныя состоянія мыслящей дѣятельности; познаніе, воля, чувство—все это не болѣе, какъ внутреннія измѣненія мыслящаго начала, которыя предполагаютъ сознаніе, какъ условіе своего бытія; внѣ сознанія имъ нигдѣ нѣтъ мѣста. Міру душъ противостоитъ міръ тѣлъ. Душа и тѣло, сами по себѣ, не имѣютъ ничего общаго между собою, — только въ челоуѣкѣ они какъ бы слиты Божественнымъ творческимъ актомъ въ одно существо и находятся въ тѣсной связи и гармоніи. Сущность тѣла въ его протяженности: каждое тѣло имѣетъ длину, ширину и глубину, каждое тѣло обладаетъ какою-нибудь геометрическою формою, каждое тѣло можетъ двигаться въ различныхъ направленіяхъ. Этимъ природа тѣла вполне исчерпывается, — никакихъ иныхъ признаковъ ясная мысль тѣламъ приписать не можетъ.

Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ необходимыхъ послѣдствій для матеріальной природы. Если вѣрно, что все тѣлесное протяженно и не имѣетъ никакихъ другихъ качествъ, то должно быть справедливымъ и обратное положеніе: все протяженное тѣлесно, такъ какъ протяженность и тѣлесность

тогда совершенно совпадаютъ между собою. Поэтому, во-первыхъ, въ природѣ нигдѣ нѣтъ пустоты: пустоту считаютъ протяженной; но если она протяженна, то она уже есть тѣло, а не пустота, — не можетъ же ничто обладать протяженностью; это значить, что всякая протяженность непременно принадлежитъ субстанціи, т.-е. тѣлу, и стало-быть все пространство міра сплошь наполнено тѣлами *). Во-вторыхъ, изъ этого слѣдуетъ *единство* вещества во вселенной: части міра различаются между собою только величиною, положеніемъ, формою, но внутренняя сущность ихъ всегда одна, — она состоитъ исключительно въ протяженности; при этомъ во вселенной нигдѣ нѣтъ дѣйствительно пустыхъ пространствъ, — она представляетъ непрерывное цѣлое въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; итакъ, матерія есть сущность абсолютно-единая: вещество неба не отличается отъ вещества земли, и всѣ безчисленные міры образованы изъ одной и той же матеріи **). Въ-третьихъ, мы должны признать, что вещественная вселенная безгранична въ пространствѣ: нельзя представить границы протяженности, не допустивъ пространства, т.-е. чего-нибудь протяженнаго за этою границей; между тѣмъ все протяженіе тѣлесно, — слѣдовательно, за предѣлами каждаго тѣла должны лежать другія тѣла. Міръ, какъ ограниченный, прямо невысказанъ ***).

Далѣе, изъ природы тѣла, какъ протяженной субстанціи, съ очевидностью слѣдуетъ, что всякое тѣло дѣлимо до безконечности: все, что состоитъ изъ частей, сложно и можетъ быть раздѣлено; но всякая часть какой-нибудь протяженной вещи сама непременно состоитъ изъ частей и, слѣдовательно, сама можетъ быть раздѣлена; итакъ, ни при какомъ дѣленіи нельзя получить части настолько малой, чтобы она не могла подлежать дальнѣйшему дѣленію ****).

*) Ibid. II 16.

***) Ibid. 22.

****) Ibid. 21.

*****) Ibid. 20.

Наконецъ, изъ понятія о тѣлѣ получается чрезвычайно важный результатъ для пониманія физическихъ процессовъ: ничто тѣлесное не можетъ имѣть самопроизвольнаго движенія, а только движеніе, вызванное извнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое тѣло обладаетъ протяженностью, величиною, фигурою, но въ немъ не живетъ никакого внутренняго двигателя, который отъ себя и по своему желанію выводилъ бы его изъ состоянія покоя и сообщалъ бы ему склонность къ движенію; въ тѣлахъ нѣтъ никакой души или самодѣятельной силы, которая проявлялась бы въ нихъ по собственной инициативѣ. Поэтому источникъ всякаго движенія тѣлъ во внѣшнемъ толчкѣ; въ природѣ нѣтъ никакихъ другихъ силъ, кромѣ механическаго движенія въ его различныхъ формахъ *). Въ связи съ этимъ Декартъ рѣшительно устраняетъ телеологическое разсмотрѣніе явленій дѣйствительности: въ самой природѣ все совершается механически и она не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей; что же касается до намѣреній Творца при созданіи міра, то было бы смѣшно самонадѣянностью желать въ нихъ проникнуть. Поэтому изысканіе конечныхъ причинъ должно быть совершенно устранено изъ философіи **).

III.

Таково міросозерцаніе, которое около половины XVII столѣтія начинаетъ распространяться вездѣ, проникаетъ во всѣ образованныя страны Европы, привлекаетъ всеобщее вниманіе, прокрадывается въ университеты и вступаетъ въ горячую борьбу съ традиціонными воззрѣніями старой философіи и науки. Въ чемъ заключалась тайна его успѣха? Время не позволяетъ мнѣ долго останавливаться на этомъ вопросѣ,—я укажу только на два особо важныя условія быстро выросшей популярности картезіанскаго воззрѣнія: она коренится, во-первыхъ, въ простотѣ картезіанскихъ идей, во-вторыхъ, въ методѣ Декарта, лучше сказать—въ

*) Ibid. 25.

**) Ibid. I, 28.

той непоколебимой вѣрѣ, которую Декартъ питалъ къ нему. Декартъ не только считалъ его за наилучшій способъ изслѣдованія научныхъ вопросовъ, но онъ былъ совершенно серьезно убѣжденъ, что и въ самой природѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы укрыться отъ ясной, методически работающей мысли. Въ природѣ дано только то, что облекается въ ясныя понятія и математически точныя формулы, все остальное на нее выдуманно, — вотъ лозунгъ Декарта, съ которымъ онъ выступилъ навстрѣчу отважнымъ стремленіямъ эпохи научнымъ путемъ проникнуть во всѣ секреты мірозданія. Его ясное, чисто-геометрическое воззрѣніе на вещи, отмѣнявшее прежній динамическій и качественный взглядъ на существующее во всемъ его составѣ, было тѣмъ, чего желали лучшіе умы его времени, но еще не умѣли отыскать. Декартъ далъ удовлетвореніе самымъ смѣлымъ чаяніямъ; оттого, послѣ кратковременнаго смущенія, ему такъ охотно повѣрили. До какой степени картезианскія воззрѣнія приобрѣли права гражданства, видно, наприм., изъ того факта, что одинъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ общераспространенной въ XVII вѣкѣ вѣрѣ въ діавола и магію и преслѣдованіямъ вѣдьмъ и колдуновъ, позорно пятнавшимъ жизнь европейскаго человѣчества въ теченіе многихъ столѣтій, былъ нанесенъ картезианцемъ Балътазаромъ Беккеромъ, исходившимъ въ своей проповѣди изъ совершенно метафизическихъ соображеній: ни духъ не можетъ дѣйствовать на тѣло, ни тѣло на духъ; поэтому, дьяволъ не можетъ вредить чувственной природѣ человѣка, точно такъ же, какъ человѣкъ не можетъ пользоваться помощью демоническихъ силъ. По этому поводу вообще можно замѣтить, что наши понятія о *естественномъ* и *сверхъестественномъ*, до такой степени слившіяся съ нашимъ сознаніемъ, что они представляютъ какъ бы неизбѣжныя категоріи, съ точки зрѣнія которыхъ мы все обсуждаемъ, являются въ значительной мѣрѣ наслѣдіемъ Декарта; въ основѣ ихъ лежитъ картезианскій принципъ: физическія дѣйствія могутъ вызываться лишь физическими причинами.

Послѣ Декарта философія стала картезіанскою. Это не значить, конечно, что всѣ послѣдующіе за нимъ философы во всемъ раздѣляли его ученіе: напротивъ, картезіанская школа, въ ея чистомъ видѣ, скоро приобрѣла очень сильныхъ противниковъ. Но картезіанство создало чрезвычайно плодотворную почву для развитія самыхъ противоположныхъ направленій; оно очертило кругъ понятій и проблемъ, которыя допускали всевозможныя преобразованія и дополненія, при которыхъ открывался путь для самыхъ разнообразныхъ рѣшеній и которыя разъ навсегда отвлекли европейскую мысль отъ вѣками укоренившихся идей старой философіи. Вліяніемъ Декарта были вызваны два господствующія теченія, которыя проходятъ черезъ всю послѣдующую исторію философіи: *раціоналистическій идеализмъ* и *механический реализмъ*. Сѣмена обоихъ этихъ направленій лежали въ собственной системѣ Декарта. Въ идеѣ о самосознаніи, какъ исходной точкѣ философіи, въ признаніи непосредственной достовѣрности нашего духовнаго существа, въ воззрѣніи на человѣческій умъ, какъ на самобытный источникъ достовѣрнаго знанія и какъ на хранилище прирочденныхъ ему высшихъ истинъ, въ методъ, опиравшемся на убѣжденіе, что въ ясныхъ и отчетливыхъ понятіяхъ разсудка намъ открывается самая суть вещей, въ строго дедуктивныхъ приемахъ разсужденія, наконецъ, въ признаніи производнаго характера всѣхъ нашихъ выводовъ о матеріальномъ мірѣ—Декартъ былъ настоящимъ идеалистомъ, притомъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ въ исторіи. Въ своемъ воззрѣніи на вещество, въ своей вѣрѣ въ безусловное господство механическихъ отношеній надъ мертвой и живой природой—Декартъ строгій реалистъ. Мыслители, шедшіе по пути, проложенному Декартомъ, обыкновенно примыкали къ какой-нибудь одной изъ этихъ двухъ тенденцій его міросозерцанія и развивали ихъ дальше. Послѣдовательное проведеніе реалистическаго взгляда на природу влекло къ важнымъ перемѣнамъ въ пониманіи процессовъ человѣческаго разума: неизбѣжно выступала на первый планъ

мысль о зависимости явленій сознанія отъ физической организации и отъ переживаемыхъ ею впечатлѣній,—съ реалистическимъ воззрѣніемъ на міръ поэтому тѣсно связывалось *эмпирическое* и *сенсуалистическое* воззрѣніе на познавательные процессы. Съ другой стороны, строгое развитіе началъ идеализма въ послѣдующіе вѣка нерѣдко приводило къ превращенію познающаго разума не только въ носителя абсолютной истины, но и въ начало всякой дѣйствительности.

Тѣмъ не менѣе идеалистическая и реалистическая точки зрѣнія въ системѣ Декарта связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ,—онѣ остаются связанными и въ огромномъ большинствѣ послѣдующихъ системъ. Отсюда истекають многія весьма интересныя особенности въ философскихъ теоріяхъ новаго времени. Рѣзко выраженная двойственность воззрѣній Декарта перешла въ дальнѣйшія стадии философскаго развитія и облеклась въ самыя разнообразныя формы. Въ новой философіи мы постоянно наблюдаемъ тотъ фактъ, что самые рѣшительные идеалисты всецѣло проникаются чисто-механическими воззрѣніями, какъ скоро вопросъ ставится не только о физической природѣ, но о реальной причинности вообще. Чрезвычайно типичнымъ мыслителемъ въ этомъ отношеніи является Лейбницъ; никто смѣлѣе его не провозглашалъ духовности всего реальнаго: въ его глазахъ, жизнь и одушевленіе разлиты вездѣ—до мельчайшихъ элементовъ мертвой матеріи,—и, тѣмъ не менѣе, для этой всеобщей одушевленности онъ не допускалъ никакихъ реальныхъ проявленій; по его ученію, міръ со всѣми существами, его наполняющими,—только огромная автоматическая машина, все устройство которой направлено исключительно на то, чтобы сдѣлать излишними какія бы то ни было идеальныя воздѣйствія на ходъ ея движеній. И подражая Лейбницу, позднѣйшіе спиритуалисты тоже какъ будто прежде всего озабочены тѣмъ, чтобы ихъ взгляды не нанесли ушерба механическому пониманію міра.

Съ другой стороны, механической реализмъ въ новой философіи замѣтно обнаруживаетъ субъективно-идеалистиче-

скую окраску. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ принципомъ, странность котораго равняется только его распространенности. Его можно формулировать такъ: всякая причинная связь во всѣхъ вещахъ и явленіяхъ сводится къ механизму матеріальныхъ отношеній, но сама матерія есть только наше представленіе. Мы не знаемъ, что такое матерія сама въ себѣ,—не знаемъ, какія ея настоящія свойства и законы,—все, что мы о ней утверждаемъ, есть субъективный продуктъ нашихъ познавательныхъ операцій. Эта мысль возвращается у цѣлаго ряда мыслителей реалистическаго направленія,—начиная еще отъ Гоббса и Локка и кончая позитивистами и неокантіанцами текущаго столѣтія. У нѣкоторыхъ изъ современныхъ неокантіанцевъ это воззрѣніе получаетъ особенно парадоксальный видъ: они проповѣдуютъ, что наше сознаніе съ своеобразнымъ строемъ своихъ законовъ есть продуктъ эволюціи матеріальной природы; но въ то же время они настойчиво утверждаютъ, что матеріальная природа со всѣми ея законами и свойствами есть продуктъ внутренней эволюціи нашего сознанія съ его необходимыми и все же только субъективными формами. Казалось бы, если вѣрно одно, никакъ не можетъ быть вѣрнымъ другое; тѣмъ не менѣе оба тезиса ставятся рядомъ, какъ равноправныя истины.

Если сила картезіанскихъ традицій постоянно сказывается въ положительномъ содержаніи философскихъ теорій новаго времени, она не менѣе наглядно подтверждается на безуспѣшности попытокъ отъ нихъ совсѣмъ освободиться. Весьма поучительно въ этомъ случаѣ представляется неудача стараній нѣмецкихъ идеалистовъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія—вернуть въ философію затерянную цѣльность античнаго міросозерцанія. Они стремятся къ полному одухотворенію существующаго, въ природѣ и человѣческомъ разумѣ они видятъ лишь послѣдовательныя ступени саморазвитія единого абсолютнаго духа. На дѣлѣ они съ первыхъ шаговъ оказались вынужденными признать совершенную бессознательность духа въ природѣ: абсолют-

ный разумъ окаменѣлъ въ природѣ со своими формами и законами, потухъ въ ней, отпалъ отъ самого себя; оттого въ самой природѣ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ силъ и слѣпыхъ физическихъ законовъ. Нѣмецкіе идеалисты хотѣли одухотворить природу,—въ дѣйствительности они матеріализировали духъ, то превращая его въ темную стихійную основу природной жизни, какъ Шеллингъ, то, какъ Гегель, усматривая въ немъ гипостазированную схему законовъ физики.

Итакъ, въ области отвлеченной философіи мы до сихъ поръ принуждены очень считаться съ картезіанскими идеями. Въ естествовѣдѣніи непрерывность картезіанской традиціи, быть, можетъ, выражается еще рѣшительнѣе, хотя замѣчалась она и рѣже. Не говоря уже о частныхъ предвосхищеніяхъ Декартомъ великихъ открытій послѣдующей науки, основныя стремленія новѣйшаго естествознанія имѣли въ немъ своего перваго представителя: я разумѣю, во-первыхъ, стремленіе удалить изъ природы качественно обособленныя силы и понять ихъ какъ видоизмѣненія единой міровой энергіи, которая есть *движеніе*; во-вторыхъ, стремленіе изгнать изъ міра всякія силы, дѣйствующія по цѣлямъ (жизненная сила, психическая сила, поскольку она есть источникъ физическихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ и т. д.) и замѣнить ихъ механическими двигателями. Едва ли можно спорить, что обѣ эти тенденціи весьма характерны для новой науки. И онѣ не только не падаютъ,—онѣ, напротивъ, постоянно усиливаются. Новѣйшее естествознаніе не удаляется отъ Декарта,—оно все болѣе приближается къ нему.

Такимъ образомъ Декартъ до нашихъ дней еще одерживаетъ умственные побѣды. Однако приходится повторить то, что я уже сказалъ въ началѣ моей рѣчи: недостатки системы Декарта все-таки несомнѣнны, и ихъ легко укажетъ всякій внимательный критикъ; мало того, они неисправимы, потому что они заключаются въ самой постановкѣ основныхъ понятій, съ которыми эта система обращается. Уже со-

временники Декарта ясно видѣли, что духъ и матерія, какъ ихъ понималъ Декартъ, не могутъ составить одного міра, что они тѣмъ менѣе могутъ соединиться въ одно существо въ человѣкѣ. Душа имѣетъ бытіе только внутреннее и у нея нѣтъ никакой внѣшней реальности, — тѣло, наоборотъ, имѣетъ бытіе только внѣшнее и въ немъ совершенно отсутствуетъ какая-либо внутренняя жизнь, — чѣмъ же и какъ они дѣйствуютъ другъ на друга? Они представляютъ полное взаимное отрицаніе — почему же тѣло своими измѣненіями порождаетъ въ насъ новыя душевныя состоянія, и почему, съ другой стороны, нашъ духъ воплощаетъ свои стремленія въ движенія тѣла? Не менѣе важное противорѣчіе коренилось въ картезіанской теоріи вещества. По Декарту, матерія ничѣмъ не отличается отъ пространства, которое она занимаетъ. Но тогда какъ же возможно движеніе? Когда тѣло движется изъ одного мѣста въ другое, — чтѣ удаляется изъ перваго мѣста и что появляется вновь во второмъ, если тѣло и занимаемое имъ мѣсто составляютъ со всѣмъ одно и то же? Одинаково невысказаннымъ оказывается и разнообразіе тѣлъ: въ геометрическомъ пространствѣ мы можемъ мысленно провести безчисленныя идеальныя линіи и границы, но что же можетъ обратить ихъ въ реальныя границы тѣлъ, если тѣла и занятое ими пространство не различаются между собою?

Какъ же отнеслись философы послѣ Декарта къ этимъ противорѣчіямъ? Они стараются разрѣшить ихъ и исправить идеи Декарта, но нерѣдко, въ виду неисполнимости задачи, только скрываютъ эти противорѣчія за новой терминологіей. Мѣняются философскія формулы, но суть проблемъ остается прежняя. Это въ особенности нужно сказать о проблемѣ взаимодействія между духомъ и тѣломъ. Если протяженная матерія не можетъ дѣйствовать на непротяженный духъ, то одинаково невозможно, чтобы они были атрибутами единой субстанціи, какъ училъ Спиноза, потому что тогда эта субстанція оказалась бы и протяженной, и непротяженной въ одно и то же время; невозможно и

то, чтобы внутренній міръ духа и матеріальная вселенная, будучи совсѣмъ другъ отъ друга независимы, совпадали въ своихъ состояніяхъ, однако развиваясь по разнымъ законамъ, какъ думалъ Лейбницъ; невозможно, наконецъ, чтобы наше сознание одновременно было и продуктомъ, и творцомъ матеріальной природы, какъ разрѣшаютъ всѣ трудности вопроса нѣкоторые современные мыслители. Философская мысль все еще стоитъ предъ противорѣчіями картезіанства, хотя они и выражены совсѣмъ другими словами.

Недостаточность взглядовъ Декарта давно была признана и въ естественныхъ наукахъ. Картезіанское понятіе о веществѣ претерпѣло радикальное измѣненіе чрезъ признаніе *непроницаемости*, рядомъ съ протяженностью, за существенное свойство всего тѣлеснаго. Еще болѣе важная перемена въ идеѣ о субстратѣ вещественныхъ явленій произошла тогда, когда Ньютонъ, внесъ въ науку понятіе о *силахъ*, дѣйствующихъ между матеріальными частицами на разстояніи. Наконецъ водвореніе въ наукѣ атомистической теоріи совсѣмъ отбѣсило старое картезіанское представленіе о матеріи, сплошь наполняющей все пространство и до безконечности дѣлимой въ каждой своей части, и возвратило гипотезу пустоты, съ которою такъ горячо боролся Декартъ. Механическое міросозерцаніе въ наше время является тѣсно связаннымъ съ атомистическими предположеніями.

Что сказать объ этихъ поправкахъ къ первоначальному картезіанскому взгляду? Онѣ были продиктованы необходимостью, и все же нельзя не видѣть, что онѣ значительно нарушали простоѣ и внутреннюю цѣлостность того чистоколичественнаго, геометрическаго міропониманія, съ котораго начала новая мысль. Вѣдь съ идеями непроницаемости, притяженія и отталкиванія, абсолютной недѣлимости атомовъ и ихъ отъ вѣка опредѣленныхъ формъ опять вернулись качества и силы, въ освобожденіи отъ которыхъ Декартъ полагалъ главную заслугу своихъ теорій. Отожествленіе силы съ движеніемъ, при этихъ нововведеніяхъ, получило условный и ограниченный смыслъ: непроницаемость,

наприм., конечно, нельзя признать за особую форму движенія, когда отъ нея зависитъ возможность всякихъ движеній вообще. Точно также и многія другія утвержденія, въ которыхъ міросозерцаніе новой Европы противопоставляетъ себя античному, у Декарта носившія характеръ самоочевидныхъ аксіомъ, при сейчасъ указанныхъ измѣненіяхъ въ пониманіи вещества, получили гадательный видъ. Такъ, абсолютное единство вещества въ природѣ является совершенно необходимымъ, если признаемъ протяженность за единственное свойство тѣлъ: пространство вездѣ одно. Но если бытіе матеріи устанавливается взаимодействіемъ разнообразныхъ силъ, или если она составлена изъ атомовъ, то не будетъ никакого противорѣчія въ предположеніи, что силы въ вѣщахъ распределены не одинаково, или что атомы изначала имѣютъ разнообразную форму и величину. Подобнымъ образомъ и безконечность міра представляетъ аналитически неизбѣжное слѣдствіе изъ матеріальности всего протяженнаго: по самой идеѣ пространства нельзя вообразить его абсолютныхъ границъ. Но если матерія отличается отъ пустоты, тезисъ далеко не представляется такимъ очевиднымъ: если вездѣ въ окружающей насъ природѣ пустое пространство существуетъ рядомъ съ наполненнымъ, то отчего не допустить, хотя бы въ видѣ отвлеченной возможности только, что необозримо-огромное пространство, занятое веществомъ, окружено со всѣхъ сторонъ пустотой? Изъ этихъ примѣровъ должно быть яснымъ, какъ много въ нашемъ міросозерцаніи положеній, которыя когда-то были логическими выводами, но которыя теперь уже не подлежатъ строгому доказательству. И если мы относимся къ нимъ съ прежнимъ уваженіемъ, то это въ значительной мѣрѣ должно объясняться силой картезіанскихъ традицій.

Декарта всего чаще упрекаютъ въ мертвенности его міровоззрѣнія. Въ этомъ обвиненіи несомнѣнно есть вѣрная сторона, особенно если имѣть въ виду его взглядъ на природу матеріи. Совершенная инертность вещества — вотъ тотъ принципъ, изъ котораго Декартъ объясняетъ всѣ физическіе процессы; ничто не движется само, всякое дви-

женіе вызывается извнѣ. Этотъ недостатокъ картезіанскаго ученія остался въ современномъ міросозерцаніи, несмотря на всѣ происшедшія въ немъ перемѣны, и, повидимому, долженъ остаться въ немъ и впредь: онъ не отдѣлимъ отъ механическаго взгляда на вещи. А между тѣмъ онъ находится въ глубокомъ противорѣчій съ основной тенденціей реалистической философіи видѣть въ природѣ самостоятельный источникъ ея собственной жизни. Отсюда возникаетъ внутреннее разногласіе, которое наблюдается въ наше время въ очень многихъ философскихъ разсужденіяхъ. Убѣжденные проповѣдники реализма горячо изобличаютъ картезіанскій взглядъ, какъ жалкій остатокъ схоластики, провозглашаютъ, что вещество полно жизни, что движеніе не навязано ему извнѣ, а неразрывно связано съ самой его сущностью, но едва дѣло доходитъ до опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: что же такое вещество?—какъ начало инерціи опять выдвигается на первый планъ, и мы опять оказываемся передъ только-что высмѣянною картезіанскою пассивностью матеріальной субстанціи: движеніе никогда не порождается вновь, оно только получается.

Эти недостатки картезіанскаго воззрѣнія — и въ его чистомъ видѣ, и въ его позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ,—невольнo заставляютъ думать, что не въ немъ послѣднее слово истины. И ясно, что по отношенію къ нему должна идти рѣчь не о частныхъ поправкахъ, но объ извѣстной перестановкѣ всей точки зрѣнія,—быть-можетъ, не менѣе рѣшительной, чѣмъ та, которая создала самое картезіанство. Повидимому, должно возникнуть новое міросозерцаніе, свободное отъ противорѣчивыхъ тенденцій, надъ которыми не можемъ возвыситься мы. И надо думать, что въ этомъ новомъ воззрѣніи на дѣйствительность многія изъ понятій и принциповъ, которые Декартъ такъ безпощадно изгналъ изъ философіи и которые болѣе самостоятельные изъ его позднѣйшихъ послѣдователей возвращали опять урывками и какъ бы поневолѣ, открыто получаютъ подобающее имъ мѣсто, потому что будетъ ясно сознано, что безъ нихъ нельзя обойтись: вѣроятно, это міровоззрѣніе будущаго явит-

ся въ большей степени качественнымъ и динамическимъ, нежели современное, и дастъ большее значеніе индивидуальному разнообразію существующаго и его внутренней, идеальной связи, чѣмъ это допускаютъ нынѣ господствующіе взгляды. Быть-можетъ, наконецъ, это новое міросозерцаніе примирительно займетъ средину между картезианствомъ и міропониманіемъ древности, которое въ то же время въ своей основѣ есть первоначальный общечеловѣческій взглядъ на вещи, и признаетъ истину и въ этомъ послѣднемъ, хотя и представитъ ее въ совершенно преобразенномъ видѣ. У Декарта есть одинъ важный пунктъ, котораго не оцѣнили достаточно до сихъ поръ: онъ учитъ, что субстанція духа сполна открыта нашему сознанію въ ея настоящей сути, что относительно ея невозможны никакія иллюзіи и что въ ней точка отправленія для познанія всякой другой дѣйствительности. Когда это положеніе будетъ оцѣнено по достоинству, то станетъ болѣе понятнымъ, какую огромную ошибку дѣлаетъ Декартъ и повторяемъ за нимъ мы, когда онъ начинаетъ изображать матеріальную природу во всѣхъ ея свойствахъ совершеннымъ отрицаніемъ духа. Мы живемъ въ мірѣ, составляемъ одно съ нимъ, — возможно ли, чтобы между тѣмъ, что мы непосредственно знаемъ о себѣ, и остальною реальностью не было никакой аналогіи во внутреннихъ двигателяхъ и основныхъ законахъ дѣйствія и развитія? А понять невозможность этого значитъ признать внутреннюю духовность, жизненность, разумность всего существующаго за неизбѣжный постулатъ философіи. Отдѣльные умы уже вступали на этотъ новый путь, — достаточно назвать Лейбница, — но никто еще не рѣшался пройти его до конца. Когда этотъ путь станетъ для всѣхъ яснымъ, дѣло Декарта дѣйствительно обратится въ достояніе исторіи. Но за то тогда только окончательно оцѣнятъ несравненную мощь этого умственного чародѣя, на долгія столѣтія покорившаго всѣ умы и вдохновлявшаго философское и научное творчество въ эпоху его никогда небывалаго разцвѣта.

Л. Лопатинъ.

По поводу статьи г. Оболенскаго.

Г. Оболенскій въ статьѣ *Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ* возбуждаетъ вопросы, которые занимаютъ въ послѣдніе годы наше образованное общество и имѣютъ важное теоретическое и практическое значеніе. Авторъ и читатели не просѣтуютъ, надѣюсь, на меня за то, что я выскажу нѣсколько недоумѣній и замѣчаній по поводу интересной статьи Л. Е. Оболенскаго.

Авторъ утверждаетъ, что существуютъ три рода искусства: 1) положительное или триумфаторское, 2) отрицательное и 3) quasi-искусство. Читатели могутъ справиться, что г. Оболенскій подъ этой классификаціей разумѣетъ.

Куда помѣстить въ такомъ случаѣ Шекспира? Къ положительному, триумфаторскому искусству отнести его невозможно, потому что ряды „триумфаторовъ“ смѣнялись, а Шекспиръ оставался Шекспиромъ. О томъ, что великаго художника нельзя помѣстить ни въ *отрицательное*, ни въ *quasi-искусство*, и говорить нечего.

Почему, далѣе, г. Оболенскій полагаетъ, что всѣ попытки создать идеальные типы не удаются истиннымъ художникамъ? Онъ приводитъ въ примѣръ, между прочимъ, Чацкаго и утверждаетъ, что онъ вышелъ безжизненнымъ и искусственнымъ. Я считаю недоказаннымъ общее утвержденіе и неудачнымъ данный примѣръ. Сошлюсь на мнѣніе Гончарова, который, конечно, чувствовалъ, искусственно, безжизненно ли данное лицо въ художественномъ произведеніи, и который далъ блистательную характеристику Чацкаго.

Я думаю, что художественная идеализація и возможна, и въ высшей степени желательна. Конечно, Беллами написалъ не художественное произведеніе, но *Донъ-Карлосъ*—произведеніе въ высшей степени художественное, и нельзя причислять его къ области quasi-искусства.

Нѣкоторыя изъ другихъ утвержденій Л. Е. Оболенскаго кажутся мнѣ тоже возбуждающими недоразумѣніе. Онъ говорить, напримѣръ, что будущій прогрессъ человѣчества не

будетъ борьбою классовъ, «если можно полагаться на тенденцію, уже давно намѣтившуюся въ Европѣ и Америкѣ—тенденцію къ нивелировкѣ классовыхъ различій». Не значить ли это, другими словами, слѣдующее: если не будетъ классовъ, то прекратится и борьба между ними?

Не убѣдительно для меня и доказательство г. Оболенскаго въ защиту утвержденія, что въ Западной Европѣ «классовое самосознаніе четвертаго сословія находится (сравнительно) еще въ началѣ своей эволюціи, т.-е. переживаетъ еще первыя свои стадіи». Это, по моему мнѣнію, неправильно, въ особенности по отношенію къ Германіи и Англии.

Возбуждаетъ недоумѣнія и слѣдующее утвержденіе г. Оболенскаго: «развитіе классоваго сознанія начинается не съ узкаго сознанія своихъ исключительно экономическихъ или профессиональныхъ интересовъ, а, наоборотъ, съ широкой, нѣсколько мистической формы представленія отдѣльнаго грядущаго идеала». Немного далѣе авторъ говоритъ: „Мы видѣли, что эволюція классоваго сознанія началась съ образованія мелкихъ профессиональныхъ ячеекъ, синдикатовъ рабочихъ“. И уже на этой почкѣ начинается движеніе религіозно-мистическаго характера (орденъ *Рыцарей труда*). Какое же изъ этихъ противоположныхъ утвержденій авторъ считаетъ въ концѣ концовъ правильнымъ? Вѣроятно первое, потому что въ заключеніи статьи оно повторяется. Экономическіе матеріалисты во всякомъ случаѣ укажутъ на то, что, по мнѣнію самого г. Оболенскаго, высшія цѣли и идеальныя стремленія вырастаютъ на физиологической или растительной основѣ организаціи общества, на неистребимыхъ обыденныхъ интересахъ (*Самосознаніе классовъ*, стр. 549).

Авторъ—противникъ органической теоріи, но самъ въ концѣ своей статьи проводитъ аналогію между индивидуальнымъ организмомъ и обществомъ. Мнѣ кажется, что все указанное, вмѣстѣ взятое, можетъ повести къ нѣкоторой теоретической путаницѣ, устраненіе которой въ высшей степени желательно.

В. Гольцевъ.

Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій *).

I.

Наши свѣдѣнія о тончайшемъ строеніи нервной системы въ послѣднее время значительно расширились, а во многихъ отношеніяхъ радикально измѣнились. Хотя тотъ способъ изслѣдованія, при помощи котораго получены новыя данныя, появился болѣе двадцати лѣтъ, но только теперь, на нашихъ глазахъ, совершается признаніе важности и достовѣрности его результатовъ. Новое направленіе и новая точка зрѣнія постепенно приобращаютъ права гражданства въ неврологию, невропатологию и отчасти въ психіатрію. Съ этимъ теченіемъ, охватившимъ собою всѣ тѣ области знанія, которыя прямо или косвенно связаны съ ученіемъ о тончайшемъ строеніи нервной системы, должны считаться и психологи. Современная неврологическая теорія, основанная на фактахъ, добытыхъ въ недавнее время, проливаетъ новый свѣтъ на разнообразную дѣятельность чрезвычайно сложнаго и весьма совершеннаго въ своихъ детальныхъ построеніяхъ механизма, состоящаго изъ нервныхъ элементовъ. Изслѣдованія Golgi, усовершенствованныя и удачно разработанныя главнымъ образомъ Ramon y Cajal'емъ, а также и другими, доказали, что вся центральная и периферическая нервная система состоитъ изъ совокупности отдѣльныхъ, строго обособленныхъ единицъ, причемъ нигдѣ отростки одной клѣтки не переходятъ въ таковыя другой. Waldeyer для названія этихъ нервныхъ единицъ предло-

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Психологическаго Общества 24 февраля 1896 г.

жилъ терминъ «нейгон», оказавшійся очень удачнымъ и получившій значительную популярность. Что же такое представляетъ изъ себя каждый отдѣльно взятый нейронъ? Каковы его морфологическія, физиологическія и біологическія свойства? Отвѣтивъ на эти вопросы, попытаемся затѣмъ приложить полученные результаты къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій.

Подвергая какой угодно отдѣлъ центральной нервной системы послѣдовательной обработкѣ хромовыми солями и осміевою кислотой въ смѣси съ послѣдними, а затѣмъ дѣйствию азотно-кислаго серебра, мы достигаемъ импрегнаціи нервныхъ элементовъ, которые при разсматриваніи подъ микроскопомъ являются совершенно черными, непрозрачными тѣльцами, обладающими массой вѣтвящихся и расходящихся во всѣ стороны отростковъ. До знакомства съ новыми методами изслѣдованія мы и не предполагали, что каждая нервная клѣтка имѣетъ такое безконечное множество отпрысковъ. Чтобы имѣть исходную точку въ нашемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ съ морфологіей различныхъ нейроновъ, обратимъ вниманіе на рисунокъ нейрона, лежащаго въ мозговой корѣ и называемаго пирамидальною или психическою клѣткою (см. рис. I). Вы имѣете передъ собою тѣло клѣтки въ видѣ пирамидки (а), изъ верхушки которой направляется вверхъ толстый отростокъ—главный или восходящій протоплазматическій (b) отростокъ, отпускающій отъ себя во всѣ стороны новые отростки, носящіе названіе боковыхъ протоплазматическихъ отростковъ (с). Верхушка главнаго протоплазматическаго отростка сразу распадается на массу мелкихъ протоплазматическихъ, также въ свою очередь дѣлящихся, развѣтвленій, имѣющихъ видъ вѣера (d). Изъ основанія тѣла клѣтки во всѣ стороны расходятся и дѣлятся въ разныхъ направленіяхъ такъ называемые протоплазматическіе отростки основанія (e). Рисунокъ изображаетъ только ничтожное количество этихъ отростковъ, которыми снабжена каждая пирамидальная клѣтка. Въ дѣйствительности ихъ значительно больше, и они вѣтвятся несравненно обильнѣе и разнообразнѣе. Изъ тѣла клѣтки, обыкновенно изъ короткаго и толстаго отростка, беретъ начало новый отростокъ (f), но уже имѣющій иную структуру и иное значеніе. То были протоплазматическіе отростки, а это нервная нить, нервное волокно или осево-цилиндрический отростокъ, въ отличіе отъ про-

топлазматическихъ. (На этомъ рисункѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, осево-цилиндрической отростокъ изображенъ для наглядности краснымъ цвѣтомъ.) Отростокъ этотъ, смотря по своему назначенію, направляется къ тому или другому отдѣлу нервной системы; на всемъ протяженіи онъ отпускаетъ отъ себя боковые осево-цилиндрическіе отростки или коллятерали (h), также вѣтвящіеся. Слѣдя за дальнѣйшею судьбой осево-цилиндрическаго отростка, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ достигаетъ въ концѣ концовъ протоплазматическихъ отростковъ какой-нибудь другой клѣтки и вокругъ этой послѣдней образуетъ цѣлую сѣть концевыхъ развѣтвленій (g), состоящую изъ тончайшихъ нервныхъ нитей, причемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ осево-цилиндрическое развѣтвленіе достигаетъ протоплазматическихъ отростковъ другого нервного элемента, никогда не бываетъ перехода отростковъ одной клѣтки въ отростки другой. Во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ дѣло ограничивается простымъ соприкосновеніемъ одного рода отростковъ съ другими. Это основной фактъ нашего современнаго представленія о связи нервныхъ клѣтокъ между собою. Что же касается способа конечныхъ развѣтвленій боковыхъ отростковъ главной нервной нити, то и здѣсь наблюдается то же самое, т.-е., что коллятерали направляются въ свою очередь къ протоплазматическимъ отросткамъ другихъ клѣтокъ, нигдѣ съ ними не сливаясь и образуя вокругъ тѣла клѣтокъ густую сѣть изъ концевыхъ осево-цилиндрическихъ нитей, причемъ и тутъ происходитъ лишь просто соприкосновеніе, контактъ протоплазматическихъ отростковъ съ осево-цилиндрическими. Такимъ образомъ, гдѣ бы ни оканчивалось нервное волокно, сколько бы боковыхъ отростковъ отъ него ни исходило, всегда нервная клѣтка является элементомъ обособленнымъ отъ другихъ ему подобныхъ и нигдѣ не сливающимся съ ними. Вотъ эта-то нервная единица со всѣми своими протоплазматическими и осево-цилиндрическими отростками называется *нейрономъ*. Вся центральная и периферическая нервная система съ этой точки зрѣнія является сочетаніемъ множества различныхъ по своимъ морфологическимъ особенностямъ нейроновъ. Внѣшній видъ послѣднихъ представляетъ большое разнообразіе, которое зависитъ, съ одной стороны, отъ формы тѣла клѣтки, съ другой—отъ способа развѣтвленія протоплазматическихъ отростковъ, въ-третьихъ—отъ того, какимъ образомъ

отходятъ отъ нихъ и куда направляются осево-цилиндрическіе отростки. Насколько различную форму могутъ имѣть отдѣльные нейроны, будетъ ясно видно, если мы сравнимъ между собою веретенообразныя (рис. II, b), многоугольныя (рис. II, d), трехугольныя (рис. II, c) и пирамидальныя (рис. II, a) клѣтки изъ мозговой коры и многоугольныя (рис. V, f), большія звѣздообразныя (рис. V, g.), малыя звѣздообразныя (рис. V, d) и многовѣтвистыя (рис. V, a) клѣтки изъ коры мозжечка.

Трудно описать все разнообразіе внѣшняго вида различныхъ нейроновъ, да это и не входитъ въ нашу задачу. Но несомнѣнно, что для нѣкоторыхъ отдѣловъ нервной системы существуютъ характерной формы нейроны: такъ, на примѣръ, только въ мозговой корѣ встрѣчаются пирамидальныя клѣтки съ характернымъ вѣteroобразнымъ отросткомъ—больше ихъ нѣтъ нигдѣ; клѣтки Purkinje находятся только въ корѣ мозжечка и т. д.

Мы сказали уже, что отдѣльные нейроны связуются другъ съ другомъ при помощи простого контакта осево-цилиндрическихъ развѣтвленій одного нейрона съ протоплазматическими отростками другого. Чѣмъ богаче послѣдними какой-нибудь нейронъ, т.-е. чѣмъ обширнѣе его соприкасающаяся поверхность и чѣмъ больше у него боковыхъ осево-цилиндрическихъ коллатералей, тѣмъ больше количество нейроновъ, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе.

Способы соединенія одного нейрона съ другими довольно разнообразны. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ:

1. Отъ клѣтки отходитъ осево-цилиндрической отростокъ, а отъ него нисходящія вѣточки, назначенныя для того, чтобы обхватывать протоплазматическое тѣло другихъ нейроновъ (рис. V, e).

2. Осево-цилиндрической отростокъ одного нейрона образуетъ настоящую сѣтку, въ которую заключено тѣло связаннаго съ нимъ нейрона (рис. X, b).

3. По протоплазматическимъ отросткамъ одного нейрона вѣтятся, подобно ползучему растенію, осево-цилиндрическія нити другого нейрона (рис. V, k).

4. Къ богато-развитому протоплазматическому вѣтеру митральной клѣтки (b) подходят нервныя нити нѣсколькихъ двухполосныхъ нейроновъ (рис. VIII, m).

Не перечисляя другихъ внѣшнихъ видовъ контакта, мы ограничимся сказаннымъ въ этомъ отношеніи.

Познакомившись съ морфологіей нейроновъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ біологическихъ и физиологическихъ свойствъ. Активную, дѣятельную часть въ каждомъ нейронѣ составляетъ тѣло съ его протоплазматическими отростками; всѣ же осево-цилиндрическіе отростки играютъ роль проводниковъ нервныхъ импульсовъ или нервныхъ токовъ. Молекулярное колебаніе, начавшееся въ дендритахъ (такъ, между прочимъ, называются протоплазматическіе отростки) направляется къ тѣлу клѣтки, а изъ нея переходитъ въ нервный проводникъ, въ нервную нить, доходитъ до концевыхъ развѣтвленій осево-цилиндрическаго отростка и при помощи послѣднихъ вліяетъ на другіе элементы, возбуждая въ нихъ молекулярное колебаніе. Относительно осево-цилиндрическаго отростка нервная клѣтка является трофическимъ центромъ, такъ какъ разрушеніе клѣтки ведетъ къ атрофіи связаннаго съ ней волокна. Протоплазматическіе отростки увеличиваютъ значительно поверхность клѣточного тѣла, а это имѣетъ большое значеніе для питанія клѣтки. Помимо специально нервной функціи протоплазматическіе отростки у нейроновъ служатъ органами питанія, такъ какъ они состоятъ изъ того же самаго вещества, какъ и тѣло нейрона, т.-е. изъ протоплазмы. Живая и подвижная субстанція протоплазматическихъ отростковъ быстро и легко реагируетъ на внѣшнее дошедшее до нея раздраженіе и обладаетъ способностью расправляться и сокращаться, даже, быть можетъ, измѣнять свою форму; всякія перемѣны въ ней происходятъ съ чрезвычайною быстротой. Протоплазматическіе отростки подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій могутъ выростать тамъ, гдѣ ихъ до этого не было, и чѣмъ дѣятельнѣе нейронъ, тѣмъ больше его тенденція къ появленію новыхъ протоплазматическихъ отпрысковъ. Нейронъ со своими дендритами имѣетъ нѣкоторое сходство съ амебою. Одному нѣмецкому ученому (Видерсгейму) удалось наблюдать нервную клѣтку низшаго животнаго во время дѣятельности, и онъ убѣдился въ томъ, что клѣтка не остается въ покоѣ, а измѣняетъ свою форму. Подобно амѣбѣ, дендритъ обладаетъ подвижной и измѣняющей свою форму протоплазмой, которая можетъ давать на своихъ вѣтвяхъ новыя отростки, аналогичныя псевдоподіямъ амѣбы. Но нужно имѣть въ виду, что амѣба ведетъ самостоятельную жизнь, а нейронъ заключенъ среди другихъ элементовъ, связанъ съ ними, находится въ зависимости отъ нихъ и не можетъ вести са-

мостоятельную жизнь. И не смотря на нѣкоторое сходство протоплазмы нейрона съ амѣбою, между ними существуетъ безконечно-огромная разница во внѣшнемъ проявленіи функцій. Способность къ разрастанію протоплазматическихъ отростковъ и къ появленію на нихъ все новыхъ и новыхъ наростовъ имѣетъ большое значеніе для организма вообще и для развитія психическихъ функцій въ особенности, такъ какъ, благодаря этому, нейроны, несущіе психическія отправленія, могутъ образовывать новые субстраты для новыхъ образцовъ, идей и сочетаній между ними. Что касается осево-цилиндрическихъ отростковъ и его коллатералей, то всѣ нервныя нити являются у нейроновъ пассивнымъ органомъ, передающимъ нервный токъ; причемъ нужно допустить, что послѣдній идетъ всегда по направленію отъ тѣла клѣтки, по ея нервной нити, къ протоплазматическимъ отросткамъ другого нейрона.

Какимъ же образомъ совершается питаніе клѣтки съ ея многочисленными протоплазматическими отростками?

Намъ уже давно извѣстно, что вокругъ тѣла клѣтки находится такъ называемое перичеселлюлярное пространство, наполненное лимфатическою питательной жидкостью. Мы полагаемъ, что этотъ мѣшокъ образуетъ сравнительно длинныя рукава, въ которыхъ помѣщаются протоплазматическіе отростки. Слѣдовательно, клѣтка съ ея многочисленными дендритами является окруженной всюду перипротоплазматическимъ мѣшкомъ; она погружена въ лимфатическую жидкость, изъ которой черпаетъ свой питательный матеріалъ.

Мнѣніе Golgi о томъ, что у конца каждаго дендрита находится будто бы кровеносный сосудъ, не подтвердилось дальнѣйшими наблюденіями. Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы нѣжная протоплазма нейроновъ поглощала питательныя соки прямо изъ сосудовъ, содержимое которыхъ безъ предварительной обработки оказывается еще довольно грубымъ матеріаломъ.

Послѣ описанія морфологическихъ и біологическихъ особенностей отдѣльныхъ нейроновъ обратимъ наше вниманіе на то, какимъ образомъ послѣдніе сочетаются въ стройный механизмъ, способный выполнять чрезвычайно тонкія и необъяснимыя функціи. Съ этой точки зрѣнія для насъ въ настоящее время интереснѣе всего тончайшее строеніе головного мозга, особенно его коркового слоя (см. рис. II). Самую важную по своимъ функ-

ціямъ и самую дѣятельную часть въ мозговой корѣ составляютъ пирамидальныя или иначе «психическія» (а) клѣтки, которыя встрѣчаются исключительно въ этой области. Несмотря на колебаніе въ величинѣ и на незначительную разницу во внѣшней формѣ, пирамидальныя клѣтки всюду сохраняютъ свои морфологическія особенности, занимая своимъ клѣточнымъ тѣломъ второй и третій слои изъ четырехъ, на которые можно раздѣлить мозговую кору. Повыше находятся пирамидальныя клѣтки меньшей величины, а подъ ними бѣльшей величины. Протоплазматическій вѣрѣ тѣхъ и другихъ направляется къ свободному краю коры и достигаетъ самаго верхняго слоя ея, образуя тамъ огромное количество вѣтвящихся и свободно оканчивающихся тончайшихъ дендритовъ. Здѣсь же, т.-е. въ томъ же верхнемъ слоѣ мозговой коры, среди густой сѣти, образуемой протоплазматическими вѣрами пирамидальныхъ клѣтокъ, находятся другіе нервныя элементы, въ видѣ веретенообразныхъ (b), трехугольныхъ (c) и многоугольныхъ (d) тѣлецъ. Однако вѣтвяшіеся осево-цилиндрическіе отростки этихъ клѣтокъ имѣютъ тенденцію ложиться параллельно краю мозговой коры; изъ нихъ-то и составляется главнымъ образомъ слой наружныхъ тангенціальныхъ волоконъ. При помощи послѣднихъ соединяются между собою протоплазматическіе вѣрообразные отростки отдѣльныхъ пирамидальныхъ клѣтокъ. Такъ какъ протоплазматическіе вѣра направляются къ поверхности коры почти отвѣсно, а тангенціальныя волокна идутъ параллельно наружному краю ея, то, благодаря этому, одинъ болѣе или менѣе длинный осево-цилиндрическій отростокъ, перекидываясь послѣдовательно съ одной протоплазматической вѣточки на другую, служитъ связью между многими пирамидальными клѣтками.

По нашему мнѣнію, дѣятельность протоплазматическихъ вѣрообразныхъ отростковъ имѣетъ весьма тѣсную связь съ психическими функціями. Протоплазматическій вѣрѣ пирамидальной клѣтки является у нея придаткомъ, который развивается и совершенствуется позднѣе другихъ и который, по всей вѣроятности, обладаетъ наименѣе стойкимъ протоплазматическимъ веществомъ, могущимъ при благоприятныхъ условіяхъ давать все новые и новые мельчайшіе отпрыски.

Концевыя вѣточки и утолщенія протоплазматическаго вѣра могутъ измѣнять свою форму, могутъ увеличиваться или умень-

шаться въ объемѣ, то расправляясь, то сокращаясь, и могутъ появляться тамъ, гдѣ ихъ не было. Такимъ образомъ, въ наружномъ слоѣ мозговой коры помѣщается наиболѣе чувствительный и чрезвычайно деликатный механизмъ, состоящій изъ сочетанія нестойкаго нервнаго протоплазматическаго вещества и весьма тонкихъ осево-цилиндрическихъ нитей и являющійся, по видимому, высшимъ органомъ душевной жизни.

Какую же роль играютъ клѣтки, находящіяся въ верхнемъ слоѣ мозговой коры? Назначены ли онѣ только для того, чтобы служить ассоціаціонными путями для пирамидальныхъ клѣтокъ, или же онѣ имѣютъ особую функцію? Можно считать ихъ лишь побочнымъ, промежуточнымъ, связующимъ, хотя важнымъ и необходимымъ элементомъ; но съ другой стороны, нѣкоторые авторы, какъ, на примѣръ, Wernicke приписываютъ имъ исключительно психическія функціи.

Пирамидальная или психическая клѣтка, помимо связи съ ближайшими или сосѣдними нервными тѣльцами, имѣетъ соединенія на довольно большомъ разстояніи какъ съ различными отдѣлами мозговой коры и съ головнымъ мозгомъ вообще, такъ и со спиннымъ мозгомъ и мозжечкомъ; связи эти происходятъ слѣдующимъ образомъ. Для наглядности возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

1. Изъ пирамидальной клѣтки (III рис.), находящейся, напр., въ лобной долѣ (А), осево-цилиндрической отростокъ направляется въ затылочную долю (В), гдѣ древовидно развѣтвляется и соприкасается съ протоплазматическими отростками или дендритами какой-нибудь пирамидальной клѣтки. Изъ массы такого рода нервныхъ нитей образуется большой ассоціаціонный путь между лобной и затылочной долями. Напредлагаемой схемѣ (рис. III) видно, какъ каждый осево-цилиндрической отростокъ отпускаетъ отъ себя коллатерали; концевыя вѣточки послѣднихъ также соприкасаются съ протоплазматическими отростками нервныхъ элементовъ. Это обстоятельство также убѣждаетъ насъ въ томъ, что количество ассоціаціонныхъ путей, т.-е. связей между нервными клѣтками, лежащими въ одномъ полушаріи, огромно до невѣроятности. Одна клѣтка, при помощи боковыхъ осево-цилиндрическихъ нитей, отходящихъ отъ главнаго ствола, соединяется со многими нервными элементами.

2. Что касается комиссуральныхъ связей (рис. IV), назна-

ченныхъ для передачи нервнаго тока отъ клѣтки, лежащей, напр., въ правомъ полушаріи (В), къ клѣткѣ изъ лѣвой гемисферы (А) или обратно, то и онѣ устроены подобнымъ же, выше описаннымъ способомъ. Пирамидальная клѣтка посылаетъ осево-цилиндрической отростокъ въ другое полушаріе, гдѣ онъ дровидно вѣтвится и входитъ въ контактъ съ дендритами пирамидальной клѣтки, но не одной, а нѣсколькихъ, что опять-таки достигается при помощи коллатералей.

3. Осево-цилиндрической отростокъ пирамидальнаго нейрона можетъ направляться или въ спинной мозгъ, или мозжечекъ и т. д., но куда бы онъ ни шелъ, всюду мы видимъ, что на своемъ пути онъ отдаетъ массу коллатералей, направляющихся не только къ ближайшимъ, но и отдаленнымъ нейронамъ. Весьма вѣроятно, что отъ нѣкоторыхъ осево-цилиндрическихъ отростковъ, проводящихъ импульсы въ ниже лежащіе отдѣлы центральной нервной системы и проходящихъ, напримѣръ, по правому полушарію, отходятъ длинныя коллатерали, переходящія въ лѣвую гемисферу и принимающія участіе въ образованіи комиссуральныхъ связей. Мы представили здѣсь самую простую схему, которая помогла бы уяснить намъ, какимъ образомъ связуются пирамидальныя клѣтки другъ съ другомъ и съ ниже лежащими нейронами изъ другихъ областей. всюду мы видѣли, что коллатерали осево-цилиндрическаго отростка чрезвычайно увеличиваютъ пути для проведенія нервнаго тока, который, начавшись въ одной клѣткѣ, можетъ передаваться по боковымъ путямъ огромному количеству нейроновъ какъ близко лежащихъ, такъ и весьма отдаленныхъ. Кромѣ осево цилиндрическихъ отростковъ, берушихъ начало въ пирамидальныхъ или какихъ-либо иныхъ клѣткахъ мозговой коры, въ послѣднихъ проходятъ нервные импульсы изъ нижнихъ отдѣловъ центральной нервной системы, т.-е. такъ-называемые центростремительные токи. И тутъ мы видимъ, что одно волокно приходитъ въ соприкосновеніе не съ одной пирамидальной клѣткой, а со многими при участіи коллатералей и концевыхъ развѣтвленій; а такихъ волоконъ безчисленное множество. Вообще, самому пылкому воображенію трудно представить, какъ огромно и разнообразно количество соприкосновеній протоплазматическихъ дендритовъ съ осево-цилиндрическими развѣтвленіями. Вѣдь, мы имѣемъ дѣло съ милліонами клѣтокъ, изъ которыхъ многія, быть-можетъ, обладаютъ тысячами контактовъ.

Чтобы закончить нашъ краткій обзоръ механизма мозговой коры, скажемъ, что въ четвертомъ слоѣ ея находятся клѣтки разнообразной величины, имѣющія ту особенность, что ихъ осево-цилиндрическій отростокъ послѣ многократнаго дѣленія въ разныхъ направленіяхъ идетъ въ ниже лежащіе отдѣлы нервной системы. Какое значеніе имѣютъ эти клѣтки—сказать трудно. Онѣ, по видимому, служатъ для проведенія какихъ-то импульсовъ, исходящихъ изъ мозговой коры. Нейроны мозговой коры находятся подъ стимулирующимъ вліяніемъ разнообразныхъ центростремительныхъ импульсовъ, которые передаются имъ черезъ низшіе центры отъ воспринимающихъ периферическихъ аппаратовъ. Самостоятельная дѣятельность пирамидальныхъ клѣтокъ выражается въ томъ, что онѣ превращаютъ и измѣняютъ полученныя раздраженія сообразно своей специфической энергіи. Волнообразное колебаніе воздуха, достигающее органа слуха, чрезвычайно быстрое колебаніе ээира, проникающее до палочекъ и колбочекъ сѣтчатки, приходятъ въ мозговую кору, несомнѣнно, не въ такомъ видѣ, въ какомъ воспринимаются. Поэтому центробѣжные импульсы, идущіе изъ мозговой коры, несутъ на себѣ слѣды особенностей, полученныхъ отъ находящихся здѣсь нейроновъ. Относительно центробѣжныхъ импульсовъ зимѣтимъ еще слѣдующее. Молекулярное колебаніе, возникшее въ протоплазматическомъ вѣрѣ малой пирамидальной клѣтки, можетъ идти по ея осево-цилиндрическому отростку въ другіе отдѣлы нервной системы, или же оно передается при помощи боковыхъ связей большой пирамидальной клѣткѣ, а отъ нея къ клѣткамъ ниже лежащаго слоя.

Описанное выше строеніе мозговой коры почти всюду сохраняетъ свои характерныя черты, хотя въ различныхъ ея отдѣлахъ встрѣчаются тѣ или другія уклоненія отъ общаго плана. Такъ, напримѣръ, въ затылочной области больше тангенціальныхъ волоконъ; послѣднія занимаютъ два пояса, раздѣленные между собою слоемъ вертикальныхъ веретенообразныхъ клѣтокъ. Въ нижнихъ слояхъ коры больше клѣтокъ съ восходящимъ осево-цилиндрическимъ отросткомъ, направляющимся въ верхній молекулярный слой.

Посмотримъ теперь, что даетъ намъ ученіе о нейронахъ относительно мозжечка (рис. V и VI). Хотя этотъ органъ и не имѣетъ прямого отношенія къ психической дѣятельности, однако мы

позволяемъ себѣ остановиться на немъ, такъ какъ здѣсь находятся нейроны, имѣющіе различную и причудливую форму и сочetaющіеся между собою чрезвычайно своеобразно. Во всякомъ случаѣ знакомство съ нейронами мозжечка необходимо для болѣе точнаго представленія ученія о нейронахъ. Характернымъ и притомъ самымъ важнымъ элементомъ для коры мозжечка являются клѣтки Purkinje (a). Внѣшній видъ ихъ очень легко запоминается. Помѣщаясь своимъ клѣточнымъ тѣломъ посрединѣ коры мозжечка, онѣ посылаютъ отъ себя къ наружному краю коры протоплазматическій отростокъ, похожій на дерево, обладающее массой широко разросшихся вѣтвей. Подобнаго рода клѣтки расположены на близкомъ разстояніи одна отъ другой. Если допустить, что клѣтка имѣетъ такой видъ, такъ сказать, en face, то въ профиль она будетъ какъ бы значительно сплюсщенной (рис. VI, a). Отъ каждой клѣтки Purkinje отходитъ длинный осево-цилиндрический отростокъ (b), который направляется въ другіе отдѣлы центральной нервной системы и отдаетъ отъ себя коллатерали (c); эти послѣднія подходятъ къ сосѣднимъ клѣткамъ Purkinje. Такимъ образомъ, осево-цилиндрический отростокъ одной клѣтки служитъ для соединенія нѣсколькихъ клѣтокъ Purkinje между собою. Послѣднія имѣютъ весьма тѣсную связь съ функціями равновѣсія и координаціи движеній; ихъ важное значеніе вполнѣ согласуется съ богатствомъ у нихъ протоплазматическихъ отростковъ или дендритовъ. Нервный токъ начинается въ концевыхъ вѣточкахъ послѣднихъ, переходитъ на тѣло клѣтки и затѣмъ передается въ осево-цилиндрический отростокъ. Выше слоя клѣтокъ Purkinje находятся звѣздообразные нейроны (d), осево-пилиндрический отростокъ которыхъ направляется параллельно наружному краю коры и даетъ начало нѣсколькимъ нисходящимъ коллатералямъ; концевыя вѣточки (e) послѣднихъ образуютъ состоящую изъ тончайшихъ осево-цилиндрическихъ нитей корзинку для помѣщенія тѣла клѣтокъ Purkinje; причемъ одна звѣздообразная клѣтка служитъ для связи нѣсколькихъ клѣтокъ Purkinje. Въ нижнемъ слоѣ коры мозжечка находятся небольшіе нервные элементы (f), бѣдные дендритами, но обладающіе длиннымъ осево-цилиндрическимъ отросткомъ, идущимъ въ область роскошныхъ протоплазматическихъ развѣтвленій клѣтокъ Purkinje и дѣлящимся тамъ въ горизонтальномъ направленіи на двѣ вѣточки. Всѣ эти осево-цилиндрическіе от-

ростки ложатся такъ, что идутъ приблизительно перпендикулярно къ клѣткѣ Purkinje, если смотрѣть на нее en face. Слѣдовательно, на разрѣзахъ такого рода они будутъ перерѣзаны поперекъ. Для того же, чтобы они были ясно видны, нужно взять такой разрѣзъ, гдѣ клѣтки Purkinje видны въ профиль (рис. VI). Тогда мы убѣдимся въ томъ, что упомянутые осево-цилиндрическіе отростки перекидываются съ протоплазматической вѣточки одной клѣтки Purkinje на сосѣднюю клѣтку и т. д.; при этомъ одна нервная нить можетъ служить для соединенія множества клѣтокъ Purkinje. Что касается большихъ звѣздообразныхъ нейроновъ (g), лежащихъ въ нижнемъ слоѣ коры мозжечка, то относительно ихъ назначенія и связи съ другими нейронами ничего опредѣленнаго неизвѣстно.

Нервные импульсы, приходящіе въ мозжечекъ изъ другихъ отдѣловъ центральной нервной системы, приносятся сюда при помощи двоякаго рода осево-цилиндрическихъ развѣтвленій, изъ которыхъ одни оканчиваются ниже слоя клѣтокъ Purkinje и имѣютъ видъ мха, растущаго на деревьяхъ, и называются поэтому мшистыми волокнами (рис. V, h). Весьма вѣроятно, что послѣднія передаютъ въ мозжечекъ нервные токи изъ спинного мозга. Другія центростремительныя волокна мозжечка, проникая въ его кору, достигаютъ клѣтокъ Purkinje, обвиваются вокругъ ихъ протоплазматическихъ вѣточекъ, подобно вьющемуся растенію, и носятъ поэтому названіе ползучихъ волоконъ (рис. V, k).

Что касается нейроновъ спинного мозга (рис. VII), то обратимъ вниманіе только на то, какъ образуется связь чувствующихъ путей съ двигательными. Чувствующее волокно, выйдя изъ клѣтки межпозвоночнаго ганглія, проникаетъ въ спинной мозгъ и тамъ дѣлится на двѣ части: одну (b) нисходящую, а другую (c) восходящую, направляющуюся въ продолговатый мозгъ. Отъ обѣихъ вѣтвей отходятъ коллатерали (d), назначенныя для соединенія съ двигательными клѣтками (e) спинного мозга на разныхъ высотахъ. Такимъ образомъ, одно чувствующее волокно можетъ, при посредствѣ коллатералей, передавать полученное раздраженіе огромному количеству моторныхъ нейроновъ, что имѣетъ большое значеніе для простыхъ спинномозговыхъ рефлексовъ.

Познакомившись съ внѣшнею формою нѣкоторыхъ нейроновъ и съ сочетаніемъ ихъ между собою въ мозговой корѣ, въ мозжечкѣ, а отчасти и въ спинномъ мозгу, посмотримъ, какимъ об-

разомъ изъ послѣдовательнаго ряда нейроновъ образуется непрерывная и замкнутая цѣпь для проведенія центростремительныхъ и центробѣжныхъ нервныхъ импульсовъ. Для наглядности мы остановимся на нѣкоторыхъ схемахъ. Вотъ рисунокъ, который изображаетъ рядъ нейроновъ, служащихъ для воспріятія обонятельныхъ ощущеній. Въ слизистой оболочкѣ носа заложены нервные элементы (рис. VIII, а); раздраженіе ихъ периферическаго протоплазматическаго конца передается при помощи центрального осево-цилиндрическаго отростка такъ-называемымъ митральнымъ (b) клѣткамъ, именно ихъ своеобразно устроенному протоплазматическому отростку. Замѣтимъ мимоходомъ, что гѣло этихъ клѣтокъ имѣетъ видъ митры, откуда и произошло названіе «*cellules mitrales*». Послѣднія по своимъ осево-цилиндрическимъ отросткамъ проводятъ нервный токъ къ пирамидальнымъ клѣткамъ обонятельнаго центра (с).

Каждая изъ митральныхъ клѣтокъ получаетъ раздраженіе съ периферіи не отъ одного волокна, а отъ нѣсколькихъ. Этотъ фактъ стоитъ, повидимому, въ связи съ неопредѣленностью и малою дифференцировкой обонятельныхъ ощущеній.

Число зрительныхъ нейроновъ (рис. IX) больше, чѣмъ обонятельныхъ, что объясняется большимъ разнообразіемъ зрительныхъ ощущеній; вообще, можно сказать, что чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе ощущенія, воспринимаемая периферическимъ аппаратомъ, тѣмъ большее количество нейроновъ нужно для связи периферіи съ психическими центрами мозговой коры.

Ученіе о зрительныхъ и обонятельныхъ нейронахъ даетъ намъ, между прочимъ, одинъ интересный фактъ, имѣющій важное значеніе для теоретическихъ соображеній. Большинство зрительныхъ и обонятельныхъ импульсовъ имѣетъ центростремительное направленіе, т. е. идетъ отъ периферіи къ высшимъ или психическимъ центрамъ. Но рядомъ съ центростремительными волокнами существуютъ центробѣжныя, начало которыхъ до сихъ поръ съ точностью неизвѣстно. По этимъ осево-цилиндрическимъ отросткамъ, происходящимъ отъ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ нервныхъ клѣтокъ, проводятся на периферію импульсы изъ высшихъ центровъ.

Концевыя развѣтвленія центробѣжныхъ осево-цилиндрическихъ отростковъ доходятъ до клѣтокъ периферическаго воспринимающаго аппарата и въ толщѣ ихъ не оканчиваются свободно, а

образуютъ контактъ съ протоплазматическими дендритами нейроновъ, здѣсь находящихся, и оказываютъ на нихъ вліяніе, передавая имъ импульсы, присылаемые изъ головного мозга.

То, что намъ даютъ изслѣдованія надъ зрительными и обонятельными проводящими путями, мы имѣемъ право распространить на всю периферическую нервную систему и сдѣлать такое предположеніе: въ чувствующихъ волокнахъ вообще, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, рядомъ съ волокнами, проводящими нервные токи съ периферіи къ центрамъ и называемыми центростремительными, существуютъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, волокна, служащая для центробѣжныхъ импульсовъ, идущихъ въ обратномъ направленіи. Зная это, намъ нѣтъ надобности допускать, чтобы одно и то же волокно было проводникомъ противоположныхъ молекулярныхъ колебаній. Какую же роль играютъ эти центробѣжныя волокна въ чувствующихъ нервахъ?

Можно допустить, что они являются гистологическимъ субстратомъ нашей способности проэцировать во-внѣ ощущенія и представленія.

Но весьма вѣроятно, что и помимо этого они принимаютъ большое участіе въ процессахъ воспріятія и превращенія послѣднихъ въ представленія и имѣютъ тѣсную связь съ психическою дѣятельностью. Замѣчательно, что въ зрительномъ нервѣ низшихъ животныхъ центробѣжныхъ проводниковъ значительно меньше. Мы полагаемъ, что это явленіе находится въ прямой зависимости отъ того, что запасъ зрительныхъ образовъ у человѣка преобладаетъ надъ количествомъ ихъ у другихъ животныхъ. Если существуютъ центробѣжныя волокна въ чувствующихъ путяхъ, то можно допустить, что къ двигательнымъ нервамъ также въ свою очередь приурочены спеціальныя волокна, назначенныя для центростремительныхъ импульсовъ.

Можетъ быть, эти волокна проводятъ иннервационныя ощущенія и отличаются по своему назначенію отъ чувствующихъ, воспринимающихъ аппаратовъ. Такимъ образомъ, прежняя простая рефлекторная дуга должна быть измѣнена и дополнена; она оканчивается какъ бы двойной.

Разсмотримъ сейчасъ сказанное, для большей наглядности, на какомъ-нибудь примѣрѣ. Возьмемъ хотя бы зрительный аппаратъ. Раздраженія, падающія на сѣтчатку, передаются при помощи цѣпи

нейроновъ клѣткамъ головного мозга, отъ которыхъ идутъ по центробѣжнымъ волокнамъ зрительнаго нерва центральные импульсы, регулирующіе и тонизирующіе протоплазматическое вещество периферическихъ нейроновъ. Полученное при помощи органа зрѣнія раздраженіе клѣтокъ головного мозга рано или поздно въ той или другой формѣ передается въ измѣненномъ и переработанномъ видѣ двигательнымъ центростремительнымъ путемъ, которые направляются къ внутреннимъ и наружнымъ мышцамъ глаза, а отъ нихъ идутъ центростремительныя волокна обратно къ головному мозгу. Эти волокна назначены для иннервационныхъ ощущений, идущихъ отъ двигательнаго аппарата глаза, и имѣютъ тѣсную связь именно съ мышечнымъ механизмомъ, подобно тому какъ центробѣжныя волокна въ чувствующихъ нервахъ тѣсно связаны только съ послѣдними.

Представленіе о двойной рефлкторной дугѣ можетъ быть распространено на всѣ воспринимающіе периферическіе аппараты и на всѣ связанные съ ними двигательные механизмы. Невольно является мысль о томъ, не имѣемъ ли мы «двойныхъ соединеній» между различными центрами и въ головномъ мозгу. Весьма вѣроятно, что такимъ образомъ устроены ассоціационныя и комиссуральныя волокна въ мозговыхъ полушаріяхъ. Мы должны допустить, что клѣтки, находящіяся въ двухъ удаленныхъ другъ отъ друга отдѣлахъ мозговой коры, соединяются между собою такъ, что нервные импульсы могутъ идти въ противоположныхъ направленіяхъ, причемъ въ ассоціационныхъ системахъ осево-цилиндрическіе отростки нейроновъ высшаго порядка по отношенію къ подчиненнымъ имъ нейронамъ играютъ роль особаго рода регуляторовъ. Однако представленіе о «двойныхъ» связяхъ во избѣжаніе недоразумѣнія требуетъ еще одного поясненія. Количество центробѣжныхъ волоконъ въ чувствующихъ нервахъ весьма незначительно по сравненію съ массой центростремительныхъ проводниковъ. Можетъ быть, еще меньше нужно волоконъ, назначенныхъ для иннервационныхъ ощущений, идущихъ отъ двигательныхъ механизмовъ.

Теперь мы имѣемъ въ виду рассмотреть еще схематическое расположение нѣкоторыхъ двигательныхъ и чувствующихъ нейроновъ и отношеніе ихъ другъ къ другу. Обратимъ наше вниманіе на предлагаемый рисунокъ (рис. X). Здѣсь изображенъ кожный покровъ (А), въ толщѣ котораго развѣтвляются концевыя осево-ци-

линдрическія нити (а). Раздраженіе, полученное ими, передается по чувствующему волокну, принадлежащему первому, «чувствующему» нейрону (b), лежащему въ межпозвоночномъ узлѣ спинного мозга. Этотъ нейронъ имѣетъ своеобразное устройство. Онъ представляетъ собою грушевидное тѣло, изъ удлиненаго конца котораго беретъ начало осево-цилиндрической отростокъ, вскорѣ дѣлящійся на двѣ части, нисходящую (с) и восходящую (d). Первая направляется къ кожѣ, вторая передаетъ молекулярное колебаніе клѣткамъ изъ продолговатаго мозга (e). Этотъ нейронъ какъ будто нарушаетъ то общее правило, что нервный токъ идетъ въ осево-цилиндрическомъ отросткѣ отъ тѣла клѣтки и ея протоплазматическихъ дендритовъ; въ первомъ же чувствующемъ нейронѣ мы видимъ, что импульсъ идетъ съ концевыхъ развѣтвленій осево-цилиндрической нити къ тѣлу нейрона. Для объясненія этого противорѣчія обратимся къ фактамъ сравнительно-анатомическимъ. Чувствующая клѣтка у безпозвоночныхъ животныхъ представляетъ изъ себя двухполосное тѣльце. Одинъ конецъ его предназначается для соединенія съ выше лежащими центрами, другой обращенъ къ периферіи. На болѣе низкой ступени зоологической лѣстницы тѣло подобнаго рода клѣтокъ лежитъ очень близко отъ периферіи, въ верхнихъ слояхъ наружнаго покрова. Но чѣмъ выше животное, тѣмъ больше эта клѣтка углубляется и удаляется отъ наружныхъ частей. Периферическій конецъ двухполосной чувствующей клѣтки измѣняется, теряетъ характеръ протоплазматическаго дендрита и переходитъ въ осево-цилиндрической отростокъ. У позвоночныхъ чувствующая клѣтка находитъ себѣ мѣсто въ межпозвоночномъ узлѣ, причѣмъ у низшихъ позвоночныхъ она остается двухполосной, а у высшихъ, въ томъ числѣ и у человѣка, постепенно перегибается; полюсы ея сливаются, и она является грушевиднымъ тѣломъ съ однимъ протоплазматическимъ отросткомъ.

Второй чувствующій нейронъ будетъ клѣтка изъ продолговатаго мозга (e), передающая молекулярное колебаніе по своему осево-цилиндрическому отростку протоплазматическимъ дендритамъ нейроновъ, заложенныхъ гдѣ-то въ большихъ гангліяхъ головного мозга, на примѣръ, въ зрительномъ (B) бугрѣ, гдѣ начинается третій чувствующій нейронъ (f), посылающій свой осево-цилиндрической отростокъ въ мозговую кору (с). Здѣсь онъ вѣтвится и соприкасается съ разнообразными нейронами,

Рисунки къ статьѣ С. А. Суханова.

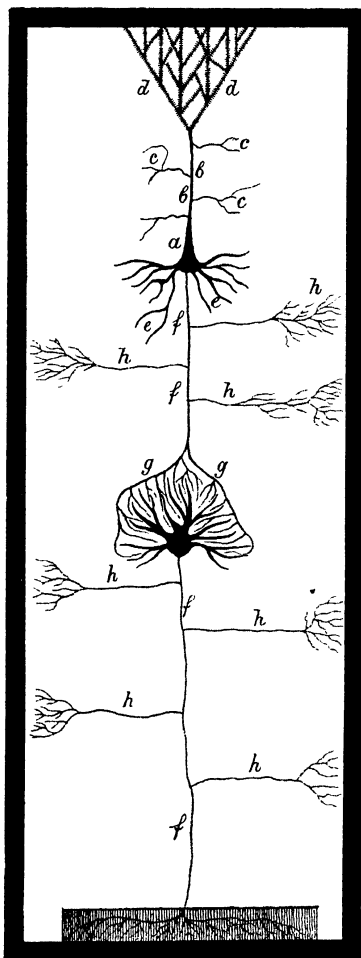
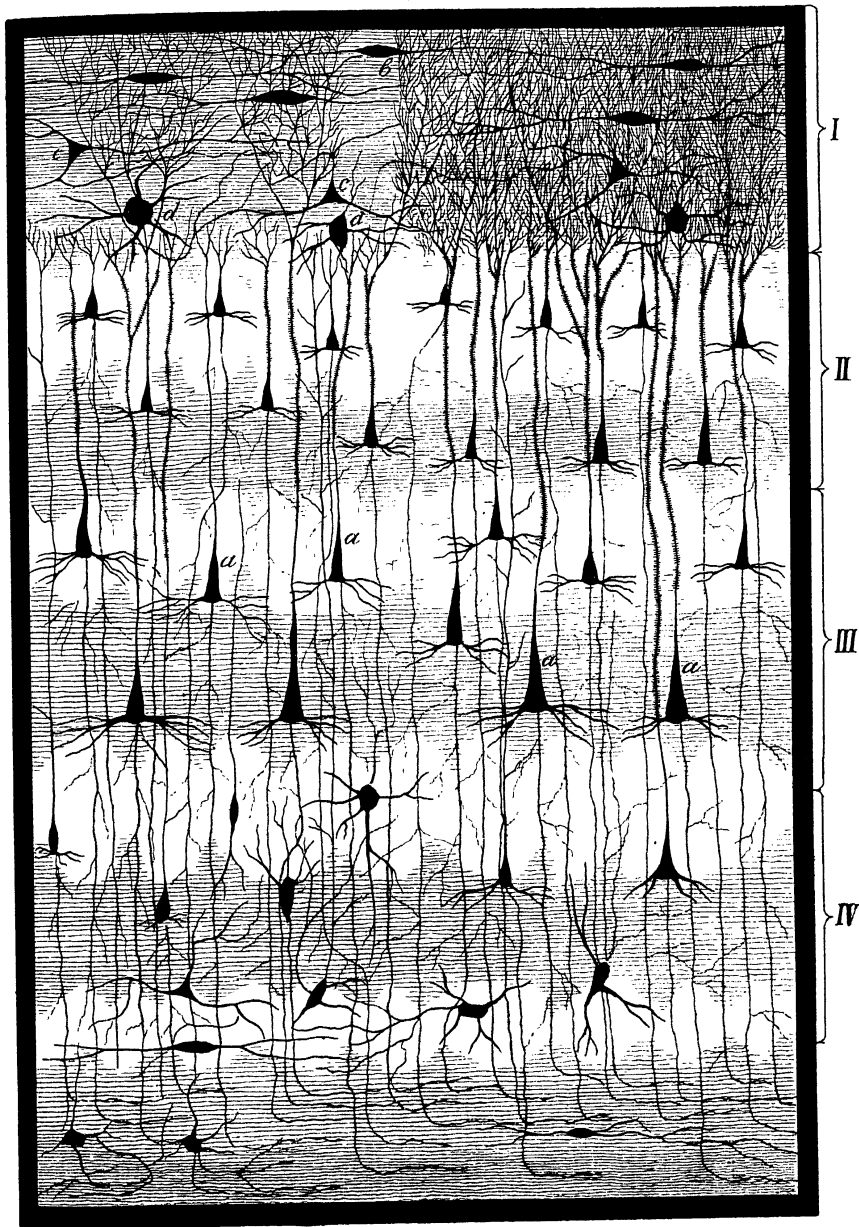
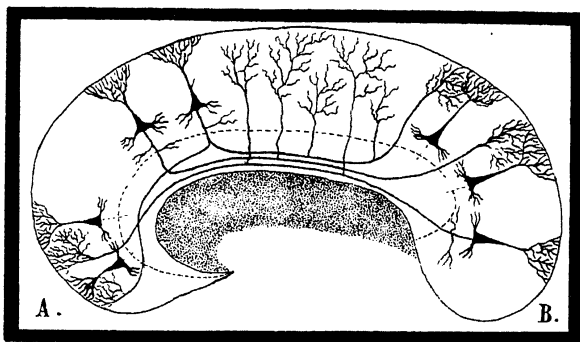


Рис. I.

Рис. II.





А. Лобная доля

В. Затылочная доля

Рис. III.

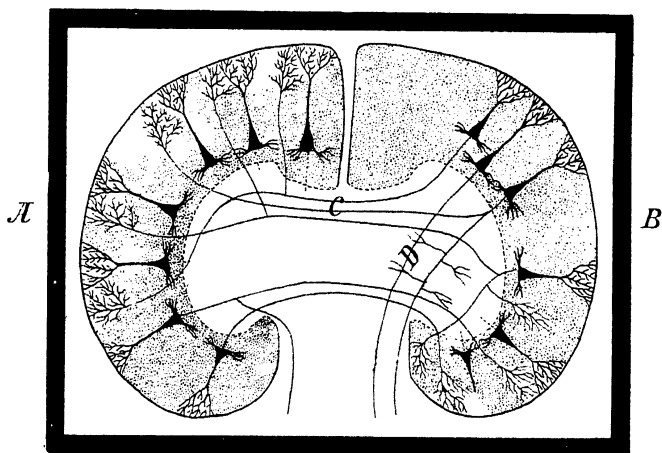


Рис. IV

А. Левое полушарие

В. Правое полушарие

С. Коммиссуральные волокна

Д. Проекционная система

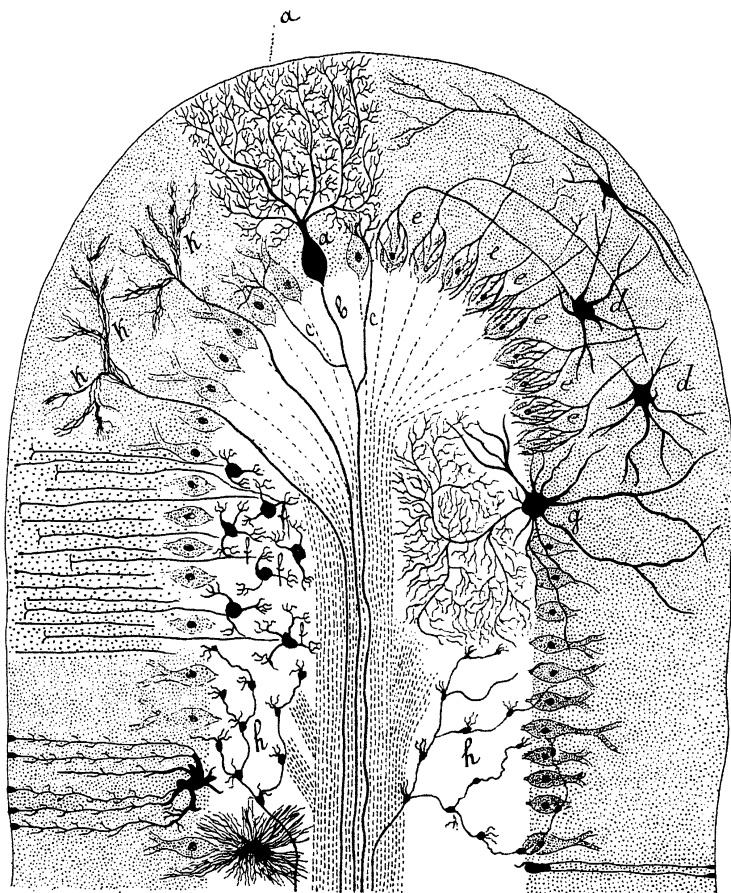


Рис. V

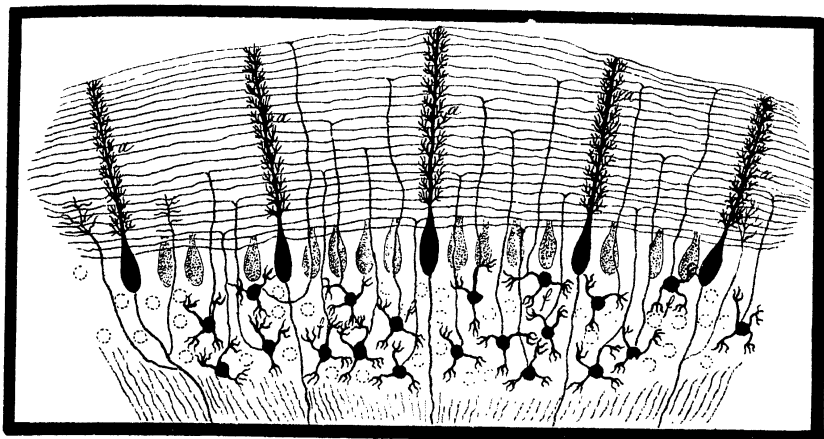


Рис. VI

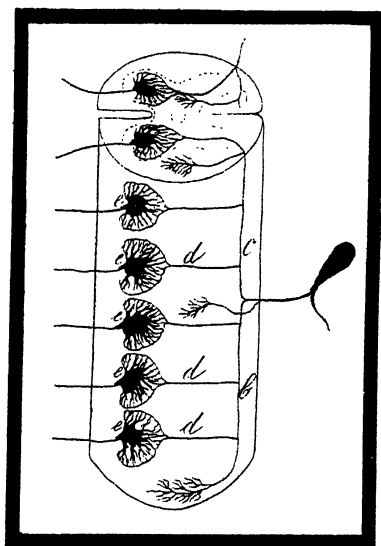


Рис. VII.

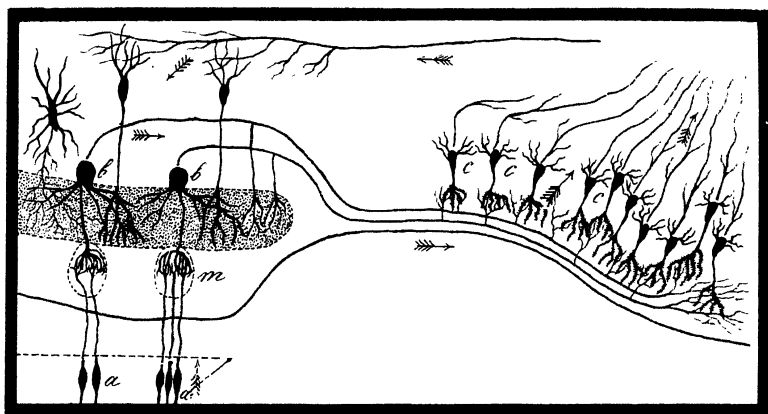


Рис. VIII.

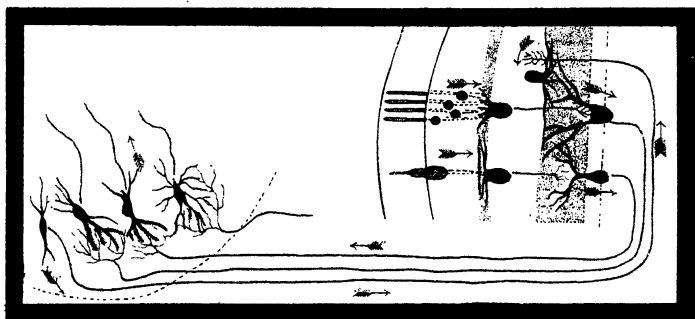


Рис. IX.

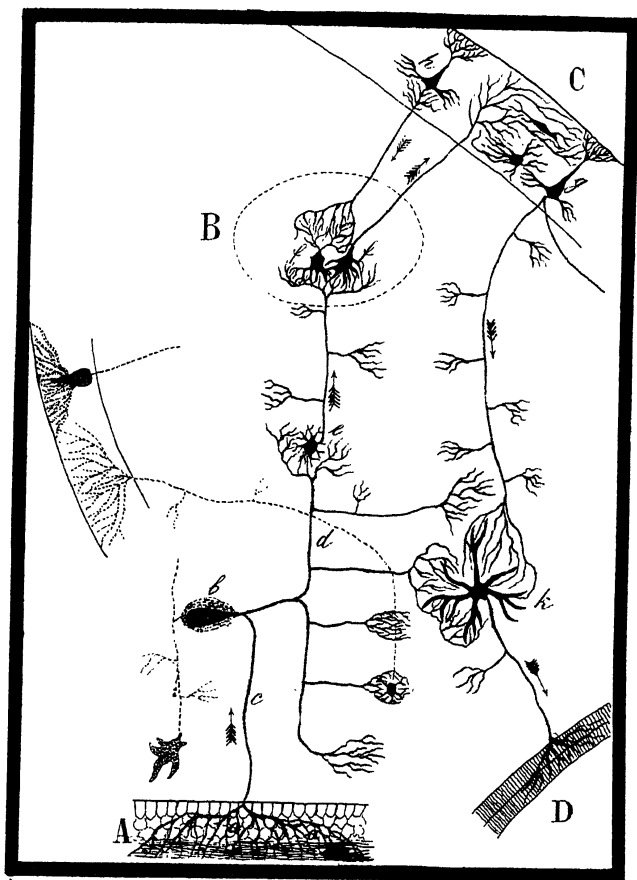


Рис. X.

и между прочимъ, съ двигательными (g) пирамидальными клѣтками.

Мы употребили терминъ «двигательныя пирамидальныя клѣтки», потому, что существуютъ еще чувствующія (h) пирамидальныя клѣтки, изъ которыхъ беретъ начало короткая нервная нить, передающая регуляторный импульсъ въ чувствующія клѣтки зрительнаго бугра. Это, если угодно, будетъ четвертый чувствующій нейронъ.

Двигательный путь схематически можно изобразить двумя нейронами. Первый нейронъ будетъ пирамидальная клѣтка (g) мозговой коры и ея осево-цилиндрическая нить; концевыя вѣточки послѣдней соприкасаются съ дендритами ниже лежащаго нейрона, находящагося въ двигательной области спинного мозга (k). Вторымъ нейрономъ нужно считать моторную (k) клѣтку изъ спинного мозга и принадлежащей ей осево-цилиндрической отростокъ, оканчивающійся въ произвольно двигательномъ мышечномъ аппаратѣ (D).

Оставляя въ сторонѣ подробности нашей схемы, нужно отмѣтить тотъ фактъ, что число чувствующихъ нейроновъ больше, чѣмъ двигательныхъ. Это, повидимому, служитъ указаніемъ на своеобразное проявленіе самозащиты организма отъ губельныхъ для него вліяній. Для нашего высшаго психическаго аппарата, какъ органа крайне важнаго и болѣе другихъ чувствительнаго, необходимо, чтобы раздраженія, имъ получаемыя, доходили до него въ ослабленномъ видѣ, что достигается тѣмъ, что при передачѣ раздраженія отъ одного нейрона другому молекулярное колебаніе становится менѣ напряженнымъ.

На этомъ закончимъ обзоръ гистологическихъ и физиологическихъ данныхъ, касающихся нейроновъ, и перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что даетъ намъ ученіе о нейронахъ для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ какъ изъ области нормальной душевной жизни, такъ и изъ сферы психопатологіи. Мы вовсе не думаемъ, чтобы новая теорія рѣшила вопросъ о сущности психическихъ явленій; мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что она раскрываетъ передъ нами интимную связь, существующую между психическими процессами и тончайшимъ строеніемъ нервной системы. Но во всякомъ случаѣ съ описаннымъ ученіемъ мы должны считаться, такъ какъ оно представляетъ изъ себя стройную систему и даетъ намъ право на нѣкоторыя теоретиче-

скія соображенія, имѣющія значеніе для современной психологіи и психіатріи.

II.

Душевная жизнь, по крайней мѣрѣ, въ ея высшихъ проявленіяхъ, весьма тѣсно связана съ мозговою корою.

Здѣсь находятся пирамидальной формы нейроны, называемые «психическими» клѣтками. Эти послѣднія недаромъ носятъ такое названіе. У всѣхъ низшихъ позвоночныхъ животныхъ встрѣчаются въ корѣ мозга эти нервные элементы. Наблюденіе показываетъ, что чѣмъ ниже животный организмъ на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ бѣднѣе отростками его «психическія» клѣтки. Самый совершенный и обладающій наибольшимъ количествомъ дендритовъ пирамидальный нейронъ мы находимъ въ корѣ человѣка. Нельзя сказать, чтобы болѣе высокая степень психической жизни непременно требовала и большаго объема пирамидальныхъ клѣтокъ.

У низшихъ позвоночныхъ пирамидальныя клѣтки лежатъ гуще и тѣснѣе, почти соприкасаясь своими тѣлами. Въ корѣ человѣка психическіе элементы, такъ сказать, разрѣжены и соприкосновеніе ихъ происходитъ лишь при помощи отростковъ. Ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что богатство душевной жизни у отдѣльныхъ человѣческихъ индивидуумовъ находится въ зависимости отъ количества пирамидальныхъ нейроновъ; не это имѣетъ здѣсь значеніе, а степень совершенства и развитія ихъ дендритовъ и колытералей. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ сѣ мозга у лицъ талантливыхъ и даже геніальныхъ бываетъ въ иныхъ случаяхъ ниже нормы. Способность прогрессирования нашей психики обусловливается свойствомъ протоплазматическихъ отростковъ давать все новые и новые отпрыски и вѣточки; но ростъ ихъ заключенъ въ извѣстные предѣлы. Съ одной стороны, это зависитъ отъ прирожденныхъ качествъ психическихъ элементовъ, а съ другой стороны—отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Значеніе послѣднихъ также нельзя игнорировать, такъ какъ при неблагоприятныхъ условіяхъ потенциальная сила пирамидальныхъ нейроновъ можетъ быстро изсякнуть и дальнѣйшій ростъ ихъ дендритовъ можетъ прекратиться, а одновременно съ этимъ и индивидуумъ лишается возможности идти впередъ по пути дальнѣйшаго развитія своей психики. Количество пирамидальныхъ нейроновъ у взрослого человѣка не увеличивается, а умственное совершенствованіе обу-

словливается появленіемъ новыхъ мельчайшихъ дендритовъ. Какимъ же образомъ происходитъ это? Откуда берется новое вещество? Можно предположить, что протоплазматическіе отростки растутъ на счетъ тѣла клѣтки, которая постепенно уменьшается въ объемъ. Вѣроятноже, что мозговое вещество до нѣкоторой степени имѣетъ способность нарастать вновь, вытѣсняя своимъ присутствіемъ индифферентную, поддерживающую ткань.

Пирамидальные элементы мозговой коры называются психическими клѣтками только потому, что они являются гистологическимъ субстратомъ душевной жизни. Ни ихъ внѣшняя форма, ни богатство ихъ отростками не въ состояніи объяснить намъ, почему ихъ дѣятельность даетъ въ результатъ психическіе акты. Психическая клѣтка имѣетъ такое же устройство, какъ и всѣ другіе нейроны. Она, подобно другимъ, обладаетъ протоплазматическими отростками и осево-цилиндрическою нитью съ ея коллятералами. Многіе нейроны, какъ, напримѣръ, изъ коры мозжечка, представляютъ болѣе сложное и причудливое устройство, хотя ихъ функціи не могутъ даже сравниться съ тою высокою и загадочною дѣятельностью, которая тѣсно связана съ пирамидальными или психическими клѣтками. Мы должны предположить, что разница между дѣятельностью психическихъ нейроновъ и функціями другихъ нервныхъ клѣтокъ лежитъ не во внѣшней формѣ, а въ тончайшихъ структурныхъ и химическихъ особенностяхъ.

Всякій психическій актъ, къ какой бы категоріи онъ ни принадлежалъ, всегда находится въ зависимости отъ соприкосновенія тончайшихъ дендритовъ съ осево-цилиндрическими нитями. Новыя идеи, новыя комбинаціи между ними непремѣнно требуютъ явленія въ мозговой корѣ новыхъ путей для своего осуществленія, что достигается образованіемъ и разрастаніемъ протоплазматическихъ отростковъ и увеличеніемъ количества соприкосновенія между различными нейронами. Безчисленное множество связей, существующихъ между отдѣльными нейронами, объясняетъ намъ до нѣкоторой степени богатство нашей психики ассоціативными процессами. Такъ какъ число нервныхъ единицъ остается у взрослога человѣка въ общемъ безъ измѣненія и такъ какъ для прогресса душевной жизни достаточно явленія новыхъ мельчайшихъ дендритовъ и коллятералей, то мы должны допустить, что отростки нейроновъ имѣютъ весьма важ-

ное значеніе для правильнаго функціонированія психическаго механизма. Протоплазматическое вещество нейроновъ находится въ постоянномъ молекулярномъ колебаніи, которое то ослабляется, то усиливается, смотря по напряженности функціональной способности. Чѣмъ больше молекулярное колебаніе въ психическихъ нейронахъ, чѣмъ интенсивнѣе ихъ дѣятельность, тѣмъ большій притокъ питательнаго матеріала поступаетъ въ ихъ распоряженіе. Протоплазматическіе отростки, какъ органы питанія и всасыванія, играютъ при этомъ большую роль. Не нужно вообще, чтобы питательный матеріалъ усиленно притекалъ ко всему нейрону вообще,—необходимо, чтобы онъ былъ у тѣхъ протоплазматическихъ отростковъ, гдѣ молекулярное колебаніе всего интенсивнѣе. Такимъ образомъ, усиленная функціональная гиперемія находится то у однихъ дендритовъ, то у другихъ. Только что сказанное вполне примѣнимо и къ психическимъ нейронамъ, находящимся въ мозговой корѣ, и связано, по всей вѣроятности, съ психическими процессами, называемыми сознательными. Для появленія въ сознаніи какого-нибудь образа, какой-либо идеи нужна функціональная гиперемія въ области тѣхъ протоплазматическихъ дендритовъ и соприкасающихся съ ними осево-цилиндрическихъ нитей, которыя служатъ гистологическимъ субстратомъ для этихъ психическихъ процессовъ.

Функціональная гиперемія и связанное съ нею усиленіе молекулярнаго колебанія чрезвычайно быстро перемѣщаются отъ однихъ дендритовъ къ другимъ, т.-е. изъ одного отдѣла мозговой коры въ другой; при этомъ чрезъ большое сравнительно разстояніе функціональная гиперемія переходитъ почти моментально. Простое самонаблюденіе ясно показываетъ намъ, какое разнообразіе идей, представленій и образовъ можетъ пребывать въ нашемъ сознаніи въ весьма короткое время, и этой быстрой смѣнѣ объектовъ, наблюдаемыхъ въ полѣ сознанія, соотвѣтствуетъ перемѣщеніе функціональной гипереміи, которая постоянно колеблется, являясь то здѣсь, то тамъ; причѣмъ связанное съ ней усиленіе молекулярнаго колебанія можетъ совершаться съ большой быстротою. Усиленіе вибраціи въ протоплазматическомъ веществѣ сопровождается измѣненіемъ формы тончайшихъ дендритовъ, а въ иныхъ случаяхъ и образованіемъ новыхъ вѣточекъ. Появленію же новыхъ протоплазматическихъ отростковъ должно соотвѣтствовать образованіе коллатеральныхъ осево-цилиндриче-

скихъ нитей. Какимъ же образомъ происходитъ и совершается устройство новыхъ контактовъ? Растутъ ли только одни протоплазматическіе отростки навстрѣчу назначеннымъ для соприкосновенія съ ними осево-цилиндрическимъ развѣтвленіямъ? Или же здѣсь происходитъ нѣсколько иной процессъ? Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ; насколько позволяетъ намъ сдѣлать это современное ученіе о нейронахъ. Для этого обратимъ вниманіе на то, какъ идутъ нервныя токи въ дендритахъ и осево-цилиндрическихъ нитяхъ.

Въ первыхъ молекулярное колебаніе направляется отъ конца отростка къ тѣлу клѣтки, имѣя, слѣдовательно, центростремительное направленіе относительно послѣдней; что касается вторыхъ, то тамъ вибрація идетъ отъ тѣла клѣтки, т. е. ее можно назвать центробѣжной. Внѣшнія раздраженія, дошедшія до концевыхъ развѣтвленій осево-цилиндрическихъ нитей, передаются протоплазматическимъ отросткамъ. Самостоятельная дѣятельность этихъ послѣднихъ ограничивается только тѣмъ, что они измѣняютъ характеръ полученныхъ ими раздраженій сообразно своей индивидуальности; но если они будутъ лишены внѣшнихъ импульсовъ, то тѣмъ самымъ они будутъ обречены находиться въ состояніи относительнаго покоя; во всякомъ случаѣ, при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о дальнѣйшемъ развитіи и совершенствованіи мельчайшихъ дендритовъ. Только возбуждаемое импульсами, лежащими внѣ его, протоплазматическое вещество является механизмомъ, способнымъ давать новыя отростки, а осево-цилиндрическія коллатерали разрастаются подъ вліяніемъ передающагося имъ раздраженія. Весьма вѣроятно, что развитіе нервныхъ нитей нѣсколько опережаетъ образованіе новыхъ протоплазматическихъ отпрысковъ и вѣточекъ.

Разъ уже произошло соприкосновеніе двухъ разнородныхъ отпрысковъ, принадлежащихъ притомъ непремѣнно различнымъ нейронамъ, оно должно оставаться непрерывнымъ. Если мы допустимъ, что во время отдыха и бездѣйствія гдѣ-либо въ мозговой корѣ окажется перерывъ для передачи нервнаго тока, вслѣдствіе, на примѣръ, сокращенія и уменьшенія въ объемѣ протоплазматическаго дендрита, то намъ будетъ трудно понять, какимъ же образомъ молекулярное колебаніе, дошедшее по коллатералямъ до мѣста перерыва, можетъ отразиться на ближайшемъ къ нему дендритѣ другого нейрона.

Вѣдь, протоплазматическое вещество безъ постороннихъ импульсовъ остается въ покоѣ и неспособно самостоятельно измѣнить свою форму. Эти соображенія приложимы не только къ нейронамъ мозговой коры, но касаются всѣхъ отдѣловъ какъ центральной, такъ и периферической нервной системы. Такимъ образомъ нельзя допустить, чтобы появленіе, на примѣръ, въ сознаниіи какого-либо образа или идеи сопровождалось какъ бы замыканіемъ непрерывной цѣпи, по которой идетъ соотвѣтствующій нервный токъ, и исчезновеніе ихъ изъ поля сознаниія вело бы за собою размыканіе этой цѣпи. Цѣпь эта всегда остается замкнутою, а для сознательныхъ процессовъ мозговой коры требуется болѣе сильная вибрація нервнаго вещества, чѣмъ для безсознательныхъ.

Можетъ быть окончанія протоплазматическихъ отростковъ и измѣняютъ свою форму, но не такъ, чтобы получилось разьединеніе съ осево-цилиндрическою нитью; можно даже допустить, что происходитъ уменьшеніе соприкасающихся поверхностей. При правильно функционирующемъ психическомъ механизмѣ не должно нигдѣ быть перерывовъ между дендритами и осево-цилиндрическими нитями; наоборотъ, многія явленія изъ области психопатологіи легко объясняются, какъ мы увидимъ вскорѣ, нарушеніемъ связей между отдѣльными нейронами. Не происходитъ упомянутого перерыва между отростками нервныхъ клѣтокъ и даже во время сна, т.-е. тогда, когда вся мозговая кора погружается въ состояніе относительнаго покоя. Сонъ влечетъ за собою общее ослабленіе молекулярнаго колебанія въ пирамидальныхъ элементахъ, и нигдѣ въ нихъ нѣтъ такой сильной вибраціи, которая свойственна бодрствованію; хотя во время сна и не бываетъ размыканія нервной цѣпи, но весьма вѣроятно, что самое соприкосновеніе дендритовъ съ осево-цилиндрическими нитями носитъ нѣсколько иной характеръ; протоплазматическіе отростки перестаютъ работать такъ напряженно, какъ во время дѣятельности мозговой коры, сокращаются и измѣняютъ до нѣкоторой степени свою форму, такъ что число точекъ соприкосновенія для соотвѣтствующей нервной нити становится меньше; наоборотъ, оно возрастаетъ въ періодъ наивысшей дѣятельности, когда концевая протоплазматическая вѣточка напрягается, становится длиннѣе и тѣмъ самымъ увеличиваетъ поверхность, которая входитъ въ контактъ съ осево-цилиндрическимъ отросткомъ.

Для усиленной мозговой вибраціи, т.-е. для болѣе напряженнаго нервнаго тока, нуженъ болѣе свободный и болѣе широкой проводящій путь, чѣмъ для слабыхъ и менѣе напряженныхъ нервныхъ импульсовъ. Такимъ образомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ протоплазматическій отростокъ соприкасается съ осево-цилиндрическимъ, благодаря подвижности перваго, мы имѣемъ саморегулирующій аппаратъ, измѣняющійся по мѣрѣ надобности. Правильная функція этого механизма имѣетъ весьма важное значеніе для правильнаго хода ассоціаціонныхъ процессовъ, съ которыми тѣсно связаны явленія сознательной жизни.

Концевая вѣточка протоплазматическаго отростка находится подъ постояннымъ тонизирующимъ вліяніемъ раздраженій прилегающей къ ней нервной нити. Это вліяніе прекращается только тогда, когда происходитъ разъединеніе между ними, что бываетъ исключительно въ болѣзненныхъ состояніяхъ и чего въ нормѣ быть не должно.

Степень тонизирующаго вліянія осево-цилиндрическаго отростка на протоплазматическій не остается безъ переменъ, а измѣняется въ зависимости отъ того, насколько велика сила молекулярнаго колебанія. Чѣмъ сильнѣе нервный токъ, чѣмъ больше стимулируется концевой дендритъ, тѣмъ больше измѣняется его форма, тѣмъ больше точекъ соприкосновенія образуется у него съ нервнымъ проводникомъ. Если протоплазматическая вѣточка не успѣваетъ приспособляться къ силѣ молекулярнаго колебанія, то можетъ случиться такъ, что напряженіе нервнаго тока будетъ велико, а проводящій путь слишкомъ малъ; тогда вибраціонная волна должна устремиться по другому направленію, чѣмъ нарушается въ мозговой корѣ нормальное теченіе ассоціаціонныхъ процессовъ и съ чѣмъ мы встрѣтимся вскорѣ, примѣняя теорію нейроновъ къ объясненію того патологическаго состоянія, которое называется спутанностью сознанія.

Въ основѣ психическихъ особенностей, отличающихъ человѣческіе индивидуумы другъ отъ друга, помимо различной способности нейроновъ мозговой коры давать новыя соединенія, лежитъ также и способъ реакціи ихъ на внѣшнія раздраженія.

У однихъ индивидуумовъ концевыя протоплазматическія вѣточки могутъ чрезвычайно быстро расправляться и вновь нарастать, тогда какъ у другихъ послѣднія приходятъ въ дѣятель-

ное состояніе сравнительно медленно, обладая нѣкоторою тугоподвижностью.

Весьма вѣроятно, что съ тою или другою степенью подвижности концевыхъ дендритовъ пирамидальныхъ нейроновъ связаны различія въ темпераментахъ.

Указанныя нами двѣ крайнія ступени, именно, легкость и тугоподвижность протоплазматическихъ отростковъ и всѣ переходныя формы между ними соотвѣтствуютъ двумъ противоположнымъ темпераментамъ—холерическому и флегматическому и остальнымъ промежуточнымъ, а именно: сангвиническому, меланхолическому и смѣшаннымъ.

Концевые дендриты у холерика вибрируютъ быстро и легко, у флегматика, наоборотъ, вибрація ихъ совершается относительно медленно. Нужно добавить, что способность къ подвижности протоплазматическаго вещества психическихъ клѣтокъ даже у одного и того же человѣка не остается всегда одинаковой, а измѣняется, напримѣръ, вслѣдствіе утомленія, подъ влияніемъ возбуждающихъ и наркотическихъ средствъ и т. д.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію того, что даетъ теорія нейроновъ для объясненія нѣкоторыхъ фактовъ изъ области психіатріи. Патолого-гистологическія и анатомическія данныя для многихъ формъ душевныхъ болѣзней крайне скудны, ограничены и противорѣчивы, а для нѣкоторыхъ или совсѣмъ отсутствуютъ, или же даютъ крайне неопредѣленные указанія. Намъ больше всего извѣстны тѣ измѣненія въ центральной нервной системѣ, которыя наблюдаются при такъ называемыхъ органическихъ страданіяхъ мозга, гдѣ или невооруженный глазъ, или микроскопъ констатируютъ то или другое измѣненіе въ головномъ мозгу. Но, помимо грубыхъ разстройствъ въ центральной нервной системѣ, свойственныхъ органическимъ страданіямъ головного мозга, ученіе о нейронахъ даетъ намъ возможность глубже проникнуть въ сферу невидимыхъ, но весьма вѣроятныхъ структурныхъ аномалій.

Для большей ясности и опредѣленности мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ, касающихся органическихъ поражений головного мозга и связаннаго съ ними глубокаго слабоумія.

Такъ, напримѣръ при существованіи въ головномъ мозгу опухоли, которая постепенно растетъ и тѣмъ самымъ увеличиваетъ внутри черепное давленіе, нерѣдко развивается рядомъ съ грубыми

физическими симптомами общее ослабленіе умственныхъ способностей. Въ недавнее время одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ невропатологовъ, Raymond, въ одномъ случаѣ опухоли головного мозга нашель въ корѣ его исчезновеніе тангенціальныхъ волоконъ, главнымъ образомъ—въ наружномъ слоѣ ея. Съ этимъ-то фактомъ онъ и связываетъ слабоуміе. Теорія нейроновъ заставляеть насъ измѣнить этотъ взглядъ Raymond'a, вѣрнѣе—дополнить его. Мы знаемъ, что въ верхнемъ молекулярномъ слоѣ мозговой коры находится чрезвычайно густая сѣть, образуемая протоплазматическими вѣрами пирамидальныхъ или психическихъ клѣтокъ. Увеличенное внутрочерепное давленіе оказываетъ, по всей вѣроятности, свое гибельное вліяніе прежде всего именно на этотъ отдѣлъ мозговой коры, который, по нашему мнѣнію, имѣетъ ближайшее отношеніе къ высшимъ психическимъ актамъ и заболѣваніе котораго прежде всего ведетъ къ общему слабоумію, къ обѣднѣнію психической жизни.

Въ протоплазматическомъ вѣрѣ, равно какъ въ другихъ отросткахъ, и протоплазматическихъ, и осево-цилиндрическихъ, гибнутъ прежде всего концевыя вѣточки дендритовъ и нервныхъ нитей поздняго происхожденія, какъ образованія менѣе устойчивыя и менѣе крѣпкія. Вслѣдствіе этого многіе контакты между дендритами и коллатералами исчезаютъ; каждая психическая клѣтка становится не столь богатой связями съ другими нейронами, какъ въ нормальномъ состояніи, не говоря уже о томъ, что она оказывается менѣе воспримчивой. А чѣмъ меньше соприкосновеній будетъ у психическихъ клѣтокъ другъ съ другомъ и другими нейронами и чѣмъ будетъ больше количество пострадавшихъ элементовъ, тѣмъ рѣзче и глубже выразится ослабленіе психической жизни.

Всякая форма слабоумія, къ какой бы категоріи она ни принадлежала, зависитъ отъ разрушенія связей между протоплазматическими отростками и осево-цилиндрическими нитями; при этомъ безразлично, будетъ ли слабоуміе происходить отъ органическаго страданія головного мозга, или разовьется послѣ какого-нибудь психоза, при которомъ мы не находимъ никакихъ измѣненій, или будетъ обусловливаться хроническимъ отравленіемъ какимъ-нибудь ядомъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны предполагать разрушеніе образовавшихся контактовъ или дальнѣйшую невозможность для образованія ихъ; только при

органическихъ страданіяхъ измѣненія болѣе грубы и могутъ быть констатированы современными методами изслѣдованія.

При нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ, главнымъ образомъ при органическихъ, гдѣ встрѣчается замѣтное и несомнѣнное измѣненіе въ нервной системѣ, весьма часто, вѣрнѣе, почти всегда, рядомъ съ ослабленіемъ умственныхъ способностей, наблюдается разстройство памяти въ той или другой формѣ, обыкновенно въ формѣ забывчивости или ложныхъ воспоминаній. При прогрессивномъ параличѣ и старческомъ слабоуміи, при артеріосклерозѣ и опухоляхъ головного мозга и при многихъ грубыхъ измѣненіяхъ въ послѣднемъ мы наблюдаемъ, что больные нерѣдко путаются въ текущихъ событіяхъ, забывая недавно или только-что случившееся.

При полиневритическомъ психозѣ этотъ симптомъ, т.-е. неспособность запоминать то, что происходитъ въ настоящее время, выступаетъ на первый планъ, причемъ событія давнія помнятся очень хорошо. Какимъ же образомъ можно объяснить это явленіе по теоріи нейроновъ? Впечатлѣнія, получаемыя больнымъ, доходятъ до его воспринимающихъ сознательныхъ центровъ. Въ соответствующемъ протоплазматическомъ веществѣ получается извѣстный слѣдъ, вслѣдствіе усиленія молекулярнаго колебанія. Новый образъ входитъ въ связи, при помощи ассоціаціоннаго аппарата, съ прежними представленіями. Но эти связи и соединенія оказываются временными и крайне нестойкими; ихъ существованіе длится, пока на лицо внѣшнія впечатлѣнія, а какъ только послѣднія исчезаютъ, — теряются и связи новаго образа со старыми. Образующіеся контакты между концевыми протоплазматическими вѣточками и осево-цилиндрическими нитями быстро разрушаются. Слѣдовательно, нервное вещество даннаго субъекта оказывается неспособнымъ давать стойкіе и не такъ легко разрушающіеся пути для новыхъ нервныхъ токовъ. Хотя новые образы, новыя представленія и вызываютъ въ нервныхъ элементахъ усиленіе молекулярнаго колебанія и хотя слѣды отъ нихъ хранятся въ корѣ головного мозга, но они являются мертвымъ матеріаломъ, которымъ нельзя воспользоваться вслѣдствіе быстрого исчезновенія новыхъ контактовъ между разнородными отростками различныхъ нейроновъ. Отъ чего же зависитъ это явленіе? По аналогіи съ тѣмъ, что мы имѣемъ въ периферическомъ нервно-мышечномъ механизмѣ,

гдѣ существуетъ страданіе нервныхъ волоконъ и неправильная и недостаточная иннервация произвольныхъ мускуловъ, мы можемъ предположить, что и въ корѣ головного мозга заболѣваютъ скорѣе всего концевыя развѣтвленія коллатералей осевоцилиндрическаго отростка. Вслѣдствіе этого стимулирующее вліяніе ихъ на протоплазматическое вещество дендритовъ оказывается ослабѣвшимъ и недостаточнымъ для того, чтобы держать концевыя протоплазматическія вѣточки въ такомъ напряженіи и при такомъ тонусѣ, чтобъ онѣ не расслаблялись и не оставляли образовавшихся у нихъ контактовъ съ нервными нитями. Недостаточная функція этихъ послѣднихъ ведетъ къ тому, что новыя связи постоянно разрушаются и не могутъ оставаться больше нѣсколькихъ минутъ или секундъ. Нельзя однако утверждать, что новыя связи между дендритами и мельчайшими коллатералами не образуются исключительно вслѣдствіе слабости концевыхъ нервныхъ нитей. Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, существуетъ, по всей вѣроятности, структурное измѣненіе и въ протоплазматическомъ веществѣ нейроновъ. Можетъ быть, ихъ протоплазматическіе отростки даютъ непрочныя новыя вѣточки, которыя неспособны и сами по себѣ держаться въ такомъ состояніи и напряженіи, чтобы не отходить отъ осевоцилиндрическихъ нитей. Но гибнуть не одни только вновь образующіеся контакты; той же участи подвергаются и недавнія соединенія, причемъ чѣмъ глубже пораженіе коры головного мозга, тѣмъ больше контактовъ обречено на гибель; выживаютъ же, оставаясь безъ крупныхъ измѣненій, исключительно старыя связи между дендритами и осевоцилиндрическими нитями. Съ психической стороны это выражается въ томъ, что больной забываетъ не только текущія событія, но изъ его памяти исчезаетъ и болѣе или менѣе значительно періодъ, предшествующій развитію болѣзненнаго процесса. Мы сказали выше, что новыя образы, являясь временно въ сознаниі, оставляютъ тамъ исчезающей слѣдъ отъ усиленнаго молекулярнаго колебанія; этимъ объясняется то обстоятельство, что хотя больной и забываетъ сейчасъ происходящее у него на глазахъ, но онъ можетъ вспомнить многое изъ періода болѣзни, когда будетъ здоровъ, какъ это бываетъ нерѣдко при полиневритическомъ психозѣ. Быстрое распаденіе новыхъ нестойкихъ контактовъ между дендритами и коллатералами, даже при по-

явленіи опять тѣхъ же самыхъ связей, даетъ больному ощущение новизны, несмотря на повторность и полное сходство получаемыхъ впечатлѣній.

Попытаемся еще приложить теорію нейроновъ къ объясненію разстройствъ въ сочетаніи идей, къ спутанности сознанія. Подъ вліяніемъ интоксикаціи или аутоинтоксикаціи въ мозговой корѣ можетъ разстроиться правильная связь осево-цилиндрическихъ и протоплазматическихъ отростковъ различныхъ психическихъ нейроновъ. Въ грубомъ видѣ это можно представить себѣ такимъ образомъ. Во-первыхъ, протоплазматическое вещество теряетъ въ той или другой степени способность давать новыя соединенія, или даетъ ихъ весьма нестойкія, подобно тому, какъ это мы видѣли, между прочимъ, только что, говоря о расстройствахъ памяти; во-вторыхъ, протоплазматическое вещество вообще и концевыхъ дендритовъ въ частности оказывается неспособнымъ правильно приспособляться къ тѣмъ нервнымъ токамъ, которые переходятъ на него съ осево-цилиндрическихъ нитей. Если напряженіе молекулярнаго колебанія не будетъ соответствовать проводящей способности даннаго контакта, то вибраціонная волна, встрѣчая здѣсь препятствіе, должна устремиться въ другое мѣсто, чѣмъ уже рѣзко нарушается правильный ходъ идей. Въ-третьихъ, при спутанности сознанія, происходитъ разрушеніе многихъ контактовъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ, что зависитъ отъ потери протоплазматическимъ веществомъ сократительной способности. Принимая во вниманіе всѣ эти ненормальныя условія, мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить себѣ, почему нервные импульсы не могутъ идти правильно. Правильное теченіе ассоціаціонныхъ процессовъ при такихъ условіяхъ оказывается невозможнымъ. Чѣмъ обширнѣе нарушеніе контактовъ и чѣмъ глубже болѣзненный процессъ, тѣмъ сильнѣе выразится неспособность правильно комбинировать свои мысли и управлять ими, тѣмъ больше будетъ спутанность сознанія.

Ученіе о нейронахъ даетъ намъ новые факты, которыми можно воспользоваться для объясненія галлюцинаторныхъ явленій. Какъ извѣстно, обманы органовъ чувствъ раздѣляются на иллюзіи, галлюцинаціи и псевдогаллюцинаціи. Ложное ощущение, соединенное съ образомъ или представленіемъ, называется иллюзіей въ томъ случаѣ, если въ основѣ лежитъ какое-нибудь дѣйствительное раздраженіе периферическаго воспринимающаго аппарата.

Такъ, если алкоголикъ, глядя на открытый печной душникъ, ясно видитъ въ этомъ мѣстѣ лицо эфиопа, то это будетъ зрительная иллюзія. Для галлюцинаціи же нужно отсутствіе раздраженія со стороны органа чувствъ. Конечно, трудно допустить, что это вполне возможно, такъ какъ всегда найдутся въ периферическомъ аппаратѣ, хотя и ничтожныя, раздраженія, какъ, напримѣръ мелкія инородныя тѣла въ различныхъ средахъ глаза, тѣ или иныя кожныя раздраженія и т. д. Иллюзіи и галлюцинаціи всегда проецируются вовнѣ.

При псевдогаллюцинаціяхъ больные, испытывая ложныя ощущенія, локализируютъ ихъ внутри своей головы: такъ, они видятъ, по ихъ выраженію, «умственнымъ окомъ» и слышатъ «внутреннимъ ухомъ».

Выше мы указали на то, что въ чувствующихъ нервахъ, идущихъ къ головному мозгу отъ органовъ чувствъ, существуютъ рядомъ съ центростремительными волокнами и центробѣжныя. Если послѣднимъ передается болѣзненное раздраженіе, возникшее въ церебральномъ центрѣ, то ложное ощущеніе, при такихъ условіяхъ, проецируется вовнѣ. Псевдогаллюцинаціи предполагаютъ, по нашему мнѣнію, иной механизмъ. Весьма вѣроятно, что для появленія ихъ необходимо, чтобы болѣзненное накопленіе энергіи въ чувственномъ центрѣ разряжалось по двигательной половинѣ рефлекторной дуги, безъ участія волоконъ, связанныхъ со способностью проецировать вовнѣ наши ощущенія и представленія. Рѣзкая разница, существующая между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями, заставляетъ насъ допустить, что каждый изъ чувственныхъ центровъ головного мозга распадается, по крайней мѣрѣ, на два отдѣла, имѣющихъ нѣкоторую самостоятельность, причемъ одинъ изъ нихъ тѣснѣе связанъ съ первою половиною нашей «двойной» рефлекторной дуги, а другой—съ ея двигательною частью, къ которой приурочены центростремительныя волокна для иннервационныхъ ощущеній.

Примѣняя теорію нейроновъ къ объясненію маниакальныхъ и меланхолическихъ состояній, мы должны предположить, что при всѣхъ ажитированныхъ формахъ усиливается подвижность концевыхъ протоплазматическихъ вѣточекъ, которыя приобретаютъ способность настолько болѣзненно-быстро и легко переходить изъ одного состоянія въ другое, что это ведетъ къ поверхностнымъ и нестойкимъ сочетаніямъ и къ уменьшенію глубины

мышления. При меланхоліяхъ, сопровождающихся заторможеніемъ психическихъ процессовъ, протоплазматическое вещество вообще и дендритовъ въ частности теряетъ свои нормальныя свойства свободно и безъ затрудненія образовывать новые контакты и производить въ прежнемъ объемѣ амёбодныя движенія. Концевыя вѣточки дендритовъ у меланхоликовъ находятся какъ бы въ оцѣпенѣніи и могутъ только съ трудомъ расправляться и вновь нарастать. Конечно, нельзя одною болѣзненною тугоподвижною концевыхъ протоплазматическихъ вѣточекъ объяснять тоскливое состояніе. Послѣднее, по Meunert'у, связано съ кислороднымъ голоданіемъ клѣтокъ головного мозга.

Не вдаваясь въ другія подробности въ объясненіи психопатологическихъ явленій по теоріи нейроновъ, мы на этомъ и заканчиваемъ наши теоретическія соображенія и переходимъ къ разсмотрѣнію фактовъ, которые послужатъ для дополненія и уясненія изложеннаго въ первой половинѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній и для большей наглядности, мы намѣренно не говорили о томъ, что ученіе о нейронахъ должно считаться съ нѣкоторыми фактами, стоящими какъ бы въ противорѣчій съ основными положеніями его. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что соединеніе нейроновъ между собою происходитъ при помощи простого соприкосновенія, контакта осево-цилиндрическихъ отростковъ одного нейрона съ протоплазматическими дендритами или съ тѣломъ другого. Хотя этотъ способъ отношенія между нервными единицами представляетъ явленіе весьма распространенное и обычное, но оказывается, что существуютъ нейроны, не имѣющіе нервной нити и снабженные одними только протоплазматическими отростками, при помощи которыхъ они и входятъ въ связь съ другими нейронами, образуя протоплазматическіе контакты. По мнѣнію проф. Бехтерева, послѣдніе встрѣчаются чаще, чѣмъ допускаютъ это другіе изслѣдователи. Упомянутый авторъ полагаетъ, что связи при участіи однихъ только дендритовъ наблюдаются иногда и между нервными элементами, не лишеными даже осево-цилиндрическаго отростка. Нельзя вполне отрицать и того, что возможны соотношенія и между одними только концевыми нервными нитями. Во всякомъ случаѣ нужно принять за правило, что отдѣльные нейроны въ огромномъ большинствѣ случаевъ соединяются между собою при помощи соприкосновенія протоплазматическихъ отростковъ съ осево-цилиндрическими.

Въ недавно опубликованной работѣ одного французскаго изслѣдователя (Renaut), касающейся вопроса о строеніи и соотношеніи между нейронами, указывается на то, что нѣкоторые нейроны соединены между собою попарно и притомъ двоякимъ способомъ:

1. Двѣ клѣтки, отпускающія отъ себя множество дендритовъ, связаны одна съ другой при помощи перепончатообразнаго отростка. Осевая цилиндрическая нить имѣется только у одной изъ этихъ клѣтокъ. Это будутъ, по Renaut, «нейроны-близнецы».

2. Двѣ сосѣднія клѣтки соединяются между собою общимъ для нихъ протоплазматическимъ отросткомъ. Нервное же волокно отходитъ только отъ одной клѣтки. Это «парные нейроны» Renaut.

Подобнаго рода связи между нервными элементами заставляютъ Renaut нѣсколько измѣнить ученіе объ отдѣльныхъ нервныхъ единицахъ—идіонейронахъ, какъ онъ выражается, и признать существованіе парныхъ нейроновъ—гамонейроновъ. Онъ полагаетъ, что послѣднее обстоятельство лучше объясняетъ намъ явленія накопленія и разряженія нервной энергіи *).

Мнѣніе Renaut о «гамонейронахъ» требуетъ еще дальнѣйшаго подтвержденія; мы упомянули о немъ потому только, что оно составляетъ новинку. Ученіе о нейронахъ остается до сихъ поръ непоколебленнымъ. Неизвѣстно, конечно, какое направленіе приметъ послѣдующее развитіе нашихъ знаній о тончайшемъ строеніи нервной системы; но, во всякомъ случаѣ, изложенная теорія нейроновъ своеобразно освѣщаетъ и объединяетъ факты, касающіеся механизма нервныхъ элементовъ.

Во второй части реферата мы сдѣлали попытку приложить ученіе о нейронахъ къ объясненію явленій изъ области нормальной душевной жизни и изъ сферы психопатологіи, стараясь по возможности пополнить недостатокъ въ этомъ отношеніи теоретическихъ соображеній **).

Сергѣй Сухановъ.

*) Упомянутый авторъ видѣлъ на нѣкоторыхъ протоплазматическихъ отросткахъ четкообразныя утолщенія, которыя онъ связываетъ съ дѣятельнымъ состояніемъ дендритовъ.

***) Приложенные къ статьѣ рисунки исполнены Н. В. Макаровымъ.

Примѣч. автора.

Вико и его система философіи исторіи.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ оживился интересъ къ вопросамъ философіи исторіи. Новая въ этой наукѣ гипотеза экономическаго матеріализма подняла въ высшей степени любопытную полемику и вызвала далеко не лишній пересмотръ ея основныхъ положеній, забытыхъ вмѣстѣ съ нѣсколькими устарѣлыми книгами, трактующими эти вопросы. Въ журналахъ, въ короткій сравнительно промежутокъ времени, появился рядъ статей, пытавшихся установить правильную точку зрѣнія на сущность историческаго процесса и на законы, имъ управляющіе.

Намъ кажется, что тѣмъ, кто слѣдитъ за разсужденіями по философіи исторіи, будетъ также интересно познакомиться и съ ея началомъ, узнать, чѣмъ она была въ той книгѣ, отъ которой ведетъ свое происхожденіе, и какую постановку получили у ея родоначальника разрѣшаемые теперь вопросы *).

I.

Джамбатиста Вико родился въ Неаполѣ, въ 1668 г. До семи лѣтъ это былъ рѣзвый, живой мальчикъ, душа всей школы, гдѣ онъ учился; но неосторожное паденіе, съ разбитымъ черепомъ въ результатъ, совершенно измѣнило его характеръ: мальчикъ сдѣлался серьезнымъ, вдумчивымъ, не потерявъ притомъ своихъ замѣчательныхъ способностей.

*) Литература о Вико довольно обширна. Изъ иностранныхъ писателей назовемъ Ferrarî: Vico et l'Italie и новѣйшую работу англійскаго ученаго Flint'a: Vico, въ серіи Philosophical classics for english readers, издаваемой проф. В. Найтомъ (Knight). Изъ русскихъ ученыхъ, кромѣ Карѣева, о Вико писалъ М. М. Стасюлевичъ въ своемъ „Опытѣ историческаго обзора главнѣйшихъ системъ философіи исторіи“.

Взявъ сына изъ школы, отецъ отдалъ его на обученіе къ іезуитамъ; но юношѣ не понравилось тамъ, и онъ, оставивъ ихъ, началъ заниматься самостоятельно. Предметомъ его изученія сначала были схоластическіе трактаты представителей номинализма, очень быстро сумѣвшіе внушить ему полное отвращеніе къ подобнаго рода произведеніямъ. Затѣмъ онъ изучалъ Дунса Скотта и Суареца, слышшаго въ эту пору за лучшаго философа.

Отъ изученія философіи его оторвало желаніе отца видѣть его адвокатомъ. Одно время онъ слушалъ лекціи мало удовлетворившаго его Франческо Верде, затѣмъ, по своей привычкѣ, ушелъ въ самостоятельное штудированіе Вультея и каноника Канизія. Защитивъ шестнадцать лѣтъ отъ роду одно дѣло, онъ вскорѣ послѣ этого принялъ предложеніе епископа искійскаго Джованни Рокка сдѣлаться наставникомъ его племянниковъ и удалился въ его замокъ. Здѣсь онъ провелъ девять лѣтъ въ усиленныхъ занятіяхъ. Вопросы о благодати и свободѣ, Лоренцо Валла, Боккачіо и Цицеронъ, Данте и Вергилій, Петрарка и Гораций, Аристотель—все это усваивалось, систематизировалось и складывалось въ ту богатую сокровищницу, которая подарила міръ «Новой наукой».

Тутъ же Вико началъ изучать Платона. Знакомство съ представителями классической философіи заставило его окончательно бросить схоластику. Изученіе же классиковъ онъ продолжалъ. Слухи о популярности Гассенди заставили его взяться за Эпикура и Лукреція.

Вернувшись въ Неаполь, онъ засталъ всѣхъ мыслящихъ людей за изученіемъ Декарта. Вико сдѣлался его оппонентомъ. Возраженія его великому философу довольно странны. Декартъ, рассуждаетъ онъ, построилъ свою натурфилософію по Эпикуру, чтобы имѣть успѣхъ въ университетахъ и у докторовъ. Онъ возвратился къ платонизму, чтобы вывести христіанство изъ языческаго источника, и т. д. Переворотъ, произведенный Декартомъ, былъ, дѣйствительно, слишкомъ великъ: схоластика окончательно смолкла, философія гуманистовъ принуждена была запереться въ монастыри, и Вико почувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ области философіи. Но его умъ былъ слишкомъ богатъ мыслями, знанія слишкомъ обширны для того, чтобы онъ могъ окончательно потеряться. Намъ кажется, что именно неудача въ пропагандѣ своей философіи заставила его обратиться

на путь, болѣе соотвѣтствовавшій складу его ума. Въ философіи онъ не создалъ ничего сколько-нибудь удовлетворительнаго, а его этюды, которые стали появляться около времени его возвращенія въ Неаполь, почти всѣ разрабатывали тотъ или другой вопросъ, входящій въ его систему.

Жизнь Вико въ Неаполѣ, откуда онъ уже не выѣзжалъ до самой смерти (1744), сложилась крайне однообразно. Онъ сдѣлался профессоромъ риторики, безуспѣшно добивался каѳедры римскаго права, изготовилъ нѣсколько панегириковъ высокопоставленнымъ особамъ, а все остальное время посвящалъ изученію всего, что только было возможно, обдумыванію своей системы и постепенному изданію этюдовъ, въ послѣдствіи вошедшихъ въ «Новую науку».

Въ Неаполѣ ему пришлось изучать главнымъ образомъ Бэкона и Гуго Гроція, оказавшихъ вмѣстѣ съ Платономъ и Тацитомъ громадное вліяніе на него.

Вотъ болѣе важныя работы Вико: *De nostri temporis studiorum ratione*, *De antiquissima Italorum sapientia* и юридическій трактатъ *De uno universi juris principio et fine uno*, одна глава котораго озаглавлена *Nova scientia tentatur*, наконецъ—«Новая наука».

Вико не былъ оцѣненъ современниками. Ему зачастую приходилось даже переносить нападки, порою грубыя и несправедливыя. На впечатлительную натуру нашего философа это дѣйствовало крайне тяжело. Въ своей «Автобіографіи» онъ постоянно жалуется на то, что онъ не понятъ, и съ глубокою благодарностью отзывается о голландскомъ ученомъ Леклеркѣ, приславшемъ ему сочувственное письмо. Великая душа, воспитанная на произведеніяхъ древности, не можетъ быть чужда честолюбію, а Вико былъ слишкомъ пылкимъ поклонникомъ классической исторіи. Едва ли кто узнаетъ въ человѣкѣ, съ горькимъ чувствомъ повторяющемъ стихъ, относящійся къ Сократу: *Sujus non fugio mortem, si famam assequar*,—безстрашнаго, угрюмаго философа, увлекавшагося стоицизмомъ.

Вико, какъ человѣкъ, въ нашемъ представленіи рѣшительно заслоняется образомъ Вико—мыслителя, образомъ глубокимъ, замѣчательно яркимъ и полнымъ самаго живого интереса *).

*) Мы не излагали политическихъ условій, въ которыхъ находился Неаполь во время Вико. Думаемъ, что это не имѣетъ никакого отношенія къ его міросозерцанію. Интересующіеся вопросомъ найдутъ данныя у Флинта, *Op. cit.*, главы *Italy and Naples*.

II.

Трудно указать писателя, который бы меньше Вико отразилъ на своихъ произведеніяхъ современныя ему общественныя условія. Это былъ мыслитель, всецѣло ушедшій въ свои идеи и если еще сохранившій способность поддаваться какому-нибудь влиянію, то только влиянію интеллектуальному. Благодаря этой особенности, невзгоды родной страны, угнетенное положеніе Неаполя—мало отозвались на его философскихъ построеніяхъ. Это былъ умъ замкнутый въ себѣ и созерцательный по преимуществу, умъ синтетическій, неустанно стремившійся къ созданію единой, цѣльной системы и создавшій ее, относившійся къ частностямъ только какъ къ матеріалу для общаго. Это былъ метафизикъ съ душою, полной какой-то своеобразной, грубой поэзіи, который умѣлъ избѣгать крайностей отвлеченнаго мышленія и удержать въ извѣстныхъ границахъ творческіе порывы. Въ одномъ лишь отношеніи Вико былъ дитя своей среды: при всей глубинѣ ума, при всей широтѣ историческаго кругозора, онъ оставался ортодоксальнымъ католикомъ.

Таковъ былъ мыслитель, съ произведеніями котораго намъ предстоитъ познакомиться.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію его взглядовъ, не лишнимъ будетъ, какъ намъ кажется, выяснить причины его неизвѣстности въ XVIII и началѣ XIX в.

Флинтъ видитъ ихъ въ якобы слишкомъ итальянскомъ характерѣ его книги, въ томъ, что въ эти вѣка только итальянецъ будто бы могъ понять его всецѣло. Едва ли съ этимъ можно согласиться. Мыслительныя особенности нашего философа совершенно исключаютъ всякое подозрѣніе въ націонализмѣ и вообще въ какомъ бы то ни было пристрастіи къ частностямъ. Затѣмъ, еслибы это было дѣйствительно такъ, то онъ былъ бы признанъ, по крайней мѣрѣ, въ родной странѣ. На дѣлѣ этого не было.

Причины здѣсь были другія. Главная изъ нихъ—несвоевременность появленія книги Вико. Въ то время, какъ вся мыслящая Европа была занята картезіанскимъ движеніемъ, увлекалась Декартомъ, комментировала его, произведеніе, написанное совсѣмъ не на картезіанскую тему, притомъ явно противорѣчившее основнымъ положеніямъ декартовой философіи, не могло, конечно, обратить на

себя вниманіе. Тогда появлялось много критическихъ очерковъ, придирчивыхъ разборовъ, мелочныхъ памфлетовъ взбудораженныхъ философовъ старыхъ школъ, и книга Вико была отнесена къ ихъ числу. Уже было замѣчено, что метафизическая часть «Новой науки» не представляетъ изъ себя ровно ничего выдающагося, и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что и вся книга, связанная съ умозрительными построеніями родоначальника философіи исторіи, на время была забыта.

Укажемъ далѣе на то, что «Новая наука» представляетъ изъ себя пищу для ума, далеко не удобоваримую. Написанная на языкѣ, представляющемъ смѣсь неаполитанскаго нарѣчія съ латынью, загроможденная мельчайшими подробностями въ аргументаціи, часто возвращающаяся къ затронутому разъ вопросу, безпорядочная, несмотря на всю свою систематичность, книга Вико требовала для своего изученія много труда и усидчивости, а этими качествами XVIII вѣкъ не особенно отличался.

Наконецъ, придется отнести причины неуспѣха книги Вико и на долю неподготовленности публики къ воспріятію его идей. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Человѣкъ, предвосхитившій теорію Ф. А. Вольфа въ гомеровскомъ вопросѣ, предугадавшій построенія Савиньи въ философіи права и мысли Нибура въ исторической критикѣ, быть можетъ, дѣйствительно, поторопился родиться.

Выше было замѣчено, что Вико могъ быть доступенъ только интеллектуальнымъ вліяніямъ. Разсмотримъ, каковы были эти вліянія и въ какомъ порядкѣ онъ имъ подчинялся.

Мы знаемъ, каково было воспитаніе нашего философа. Съ одной стороны, отцы-іезуиты, съ другой — отвлеченные логическіе и теологическіе трактаты схоластиковъ, нисколько не трогавшіе ума, за то написанные въ строго-ортодоксальномъ духѣ. Отъ годовъ воспитанія у Вико осталось наслѣдіе на всю жизнь: вѣра въ высокое значеніе теологіи. Внѣ системы эта вѣра приводила его къ страннымъ крайностямъ, въ самой же системѣ не произвела особеннаго диссонанса, занявъ подобающее ей мѣсто.

Были, однако, у Вико учителя и другого порядка, — учителя, которыхъ онъ избралъ самъ и въ избраніи которыхъ ему не пришлось ошибиться. Это — четыре мыслителя, о которыхъ уже было

говорено: Платонъ, Тацитъ, Бэконъ и Гроцій—подборъ оригинальный и весьма характерный для Вико.

Глубокий умъ нашего философа былъ чуждъ какой бы то ни было односторонности; онъ былъ такъ же богатъ творческою дѣятельностью, какъ и логическими силами; никогда не умѣлъ онъ удерживаться на высотахъ чистой метафизики и постоянно привлекалъ на помощь къ умозрѣнію результаты опыта древности и новыхъ временъ. Понятно, почему Вико видѣлъ своихъ учителей именно въ этихъ писателяхъ.

Философъ-художникъ и великій историкъ дополняли для Вико другъ друга. «Тацитъ—говоритъ онъ—созерцалъ человѣка такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, Платонъ—такимъ, какимъ онъ долженъ быть (*Tacito contempla l'uomo qual è, Platone—qual dee essere*)». «Какъ Платонъ своимъ всеобъемлющимъ умомъ обнимаетъ всѣ виды добродѣтели, которыя образуютъ идеалъ человѣческой мудрости, такъ Тацитъ опускается до мельчайшихъ подробностей нормъ практической жизни, съ помощью которыхъ честный человѣкъ могъ бы стремиться къ добру, не смотря на удары судьбы и не останавливаемый встрѣченными зломъ».

Человѣкъ въ своей вѣчной сущности и человѣкъ въ дѣйствительности—только такой полною картиной могъ пока удовлетвориться Вико. Это сопоставленіе послужило ему первымъ толчкомъ въ направленіи, которое вскорѣ сдѣлалось для него единственно возможнымъ,—направленіи всеобъемлющаго синтеза.

Вскорѣ Вико узналъ философа, который соединилъ въ стройной системѣ спекулятивную и практическую мудрость. Это былъ Бэконъ, «человѣкъ, сумѣвшій увидѣть, что остается сдѣлать, указавшій ошибки въ томъ, что сдѣлано, отдавшій справедливость всѣмъ наукамъ, совѣтуя каждой изъ нихъ приносить свою дань въ общую сокровищницу царства знаній».

Но Вико все еще чего-то недоставало. Платонъ нашелъ въ гомеровской народной мудрости скорѣе украшеніе, чѣмъ подкрѣпленіе философіи; Тацитъ нашелъ въ разрозненныхъ историческихъ фактахъ матеріалъ для морали и политики. Бэконъ указываетъ путь къ исправленію сдѣланнаго, но онъ не можетъ еще объять всего пространства временъ и всей совокупности народовъ. Это дѣлаетъ Гуго Гроцій. «Онъ соединилъ въ системѣ общаго права философію и теологію, укрѣпилъ это зданіе на изученіи исторіи и языковъ».

Книга Гроція показала Вико путь къ завершенію всей его системы. Ни мыслители древности, ни Бэконъ не могли дать ему того, что далъ авторъ *De jure belli et pacis*. По самому свойству своего ума Вико стремился возможно полнѣе обнять матеріаль, данный ему изученіемъ исторіи, поэзіи, филологіи и римскаго права, стремился на основаніи данныхъ этихъ наукъ увидѣть ясно передъ собою весь міръ въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ и отыскать управляющіе имъ законы. Какая же книга, какъ не катехизисъ науки международнаго права, могла дать ему толчокъ къ обобщенію его знаній? Тогда только изъ нея могъ почерпнуть Вико ту мысль, что наука права, разсматриваемая въ цѣломъ, должна охватить собою всю совокупность знаній, соединить въ себѣ всѣ научныя системы. Но, преломившись въ его мысли, подчинившись общему духу его системы, идеи Гроція только дополнили общую картину, носившуюся въ умѣ нашего философа.

Вообще, не слѣдуетъ думать, будто Вико рабски слѣдовалъ этимъ писателямъ. Для этого у него было слишкомъ много самостоятельности и критическаго таланта. Онъ былъ далекъ отъ того почитанія безъ оглядки, которое было по отношенію къ Платону у Марсилія Фичино *), считавшаго божественными вѣщаніями даже крайности греческаго философа; Бэкона Вико дополнялъ въ своей рѣчи «*De nostri temporis studiorum ratione*», Гроцію онъ не разъ возражаетъ на страницахъ своего юридическаго трактата. Для него всѣ эти мыслители имѣли чисто-внѣшнее значеніе, показывая ему содержаніе и объемъ его системы и снабжая его методологическими указаніями.

Этихъ четырехъ писателей Вико самъ называетъ своими учителями. Намъ надо указать еще на одного мыслителя, котораго онъ часто упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ и съ которымъ у него несомнѣнное родство. Это—Маккіавелли **). Онъ доказывалъ, что исторія представляетъ собою непрерывную смѣну республики и монархіи, процессъ вѣчнаго движенія при одной и той же общей картинѣ. Далѣе, онъ развивалъ идею политическаго параллелизма, доказывая, что сравненіе государственнаго

*) Flint. Op. cit., 74.

**) О философско-историческихъ воззрѣніяхъ Маккіавелли см. Ferrari, *Essai sur le principe et les limites de la philosophie de l'histoire*, p. 91 sqq.

устройства и права всѣхъ правительствъ, и при возможно болѣе разнообразныхъ условіяхъ, необходимо для созданія политической науки. Эту мысль принималъ и Боденъ.

У Вико мы встрѣтимся съ обѣими этими идеями.

III.

Уже было замѣчено, что система Вико создавалась постепенно. Мы знаемъ, какъ путемъ долгаго процесса складывался у него планъ, намѣчались части. Этюды общефилософскаго, методологическаго, юридическаго и филологическаго характера — не болѣе какъ части, вошедшія въ его *opus magnum*.

Въ 1725 г. появилась его книга *Principj di una scienza nuova d' intorno alla commune natura delle nazioni*; ей предназначено было возвести имя ея автора на такую высоту, о которой скромный профессоръ риторики и мечтать не смѣлъ при жизни.

«Въ этой книгѣ—говорить о себѣ Вико—онъ развилъ во весь объемъ принципъ, на который онъ въ смутной формѣ (*confusamente*) указывалъ въ своихъ предшествующихъ работахъ... Съ факеломъ своего новаго критическаго метода въ рукахъ, онъ открылъ происхождение всѣхъ принциповъ науки и искусства, знаніе которыхъ необходимо для того, чтобы съ толкомъ разсуждать (*raggiungere con idee schiarite*) о естественномъ правѣ народовъ».

Что же представляетъ собою эта книга?

Геніальная основная мысль, нагроможденіе безчисленнаго количества фактовъ изъ всѣхъ извѣстныхъ тогда областей знанія въ доказательство этой мысли, въ цѣломъ — могучая система. Вотъ въ двухъ словахъ впечатлѣніе, производимое «Новой наукой».

Мы сказали, что Вико соединялъ метафизику съ изученіемъ фактовъ. Въ этомъ мы находимъ одно существенное указаніе на приемы его работы. Въ главѣ объ элементахъ *) своей науки Вико говоритъ о необходимости союза философіи съ филологіей. Подъ философіей онъ понимаетъ созерцаніе разума, какъ источника науки объ истинномъ (*Filosofia contempla la ragione, onde viene la scienza del vero*). Филологія же изучаетъ акты человѣческой воли (*l'autorita del umano arbitrio*), языки и дѣйствія на-

*) Axioma, 10.

родовъ (*lingue e fatti de' popoli*). Какъ философія требуетъ для подкрѣпленія своихъ доводовъ фактовъ изъ филологіи, такъ филологическіе выводы должны быть обобщены вѣчными истинами философіи. Въ этомъ одинъ основной принципъ метода изслѣдованія у Вико. Этотъ принципъ—синтезъ общаго, абсолютнаго метафизическаго начала съ началомъ фактическимъ, историческимъ.

Другой методологическій принципъ его—принципъ развитія. Это не эволюція въ томъ смыслѣ, какой теперь придается этому слову. Идея Вико такова: всѣ силы человѣчества и всѣ учрежденія, какъ результатъ проявленія этихъ силъ, не представляютъ собою чего-нибудь постояннаго, неизмѣннаго, а развиваются, подчиняясь извѣстнымъ законамъ. Семья, собственность, государство, языкъ, литература, религія, право—все это съ теченіемъ времени мѣняется свои основныя характерныя черты. Въ той же главѣ объ элементахъ указанъ основной принципъ этого воззрѣнія. «Природа вещей—это ихъ появленіе въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ. Время и условія опредѣляютъ природу вещей» *). Отсюда выводъ, что съ теченіемъ времени и съ измѣненіемъ условій измѣняется и природа вещей.

При изложеніи, возможно болѣе полно, и при необходимой сжатости мы увидимъ, какъ Вико примѣнялъ этотъ методъ.

Открывается «Новая наука» хронологическою таблицей, обнимающей время отъ всемірнаго потопа до второй пунической войны. Разборъ событій, заключающихся въ ней, съ точки зрѣнія ихъ удостовѣренности, приводитъ Вико къ тому выводу, что все наслѣдіе древности до второй пунической войны представляетъ собой нѣчто совершенно недостовѣрное (*è tutto incertissimo*). Вико и ставитъ себѣ задачей привести въ порядокъ сохранные исторіей факты, чтобы съ помощью ихъ открыть начало цивилизации (*principj dell' umanità delle nazioni*). Онъ обѣщаетъ создать науку путемъ обоснованія своихъ выводовъ на твердыхъ историческихъ данныхъ (*fatti della storia certa*), скомбинированныхъ извѣстнымъ образомъ.

*) Ах. 14. *Natura di cose altro non è, che nascimento di essi in certi tempi e con certe guise; le quali, sempre che sono tali, indi tali, e non altre nascono le cose.*

Тутъ же мы находимъ подраздѣленіе всего этого времени на три эпохи: боговъ, героевъ и людей—съ соотвѣтственнымъ подраздѣленіемъ на три періода въ развитіи способовъ выраженія мыслей: языкъ гіероглифовъ или священныхъ образовъ (*caratteri sacri*), языкъ символовъ или героическихъ образовъ (*caratteri eroici*) и языкъ письменъ (*pistolare*) или народныхъ образовъ (*caratteri convenuti da' popoli*). Эта двойная историческая триада, заимствованная у египтянъ, какъ увидимъ, играетъ большую роль въ системѣ Вико.

Свои общія воззрѣнія Вико изложилъ въ видѣ аксіомъ въ главѣ объ элементахъ. Для насъ эти аксіомы не существенны, потому что онѣ развиваются на пространствѣ всей книги, и намъ пришлось бы повторять многія изъ его положеній.

Поставивъ себѣ задачу изслѣдованіе происхожденія и развитія цивилизаціи, Вико намѣчаетъ три основные принципа, на которыхъ зиждется всякое общество—религія, бракъ и погребеніе. Эти институты, возникновеніе которыхъ у разныхъ народовъ объясняется общимъ духомъ истины, служатъ единственною гарантіей отъ распадѣнія общества и отъ новаго водворенія дикихъ временъ. Вико тщательно отмѣчаетъ этической характеръ въ бракѣ (*moderazione di passioni co'matrimonj*) и черты вѣры въ бессмертіе душъ, замѣтныя въ обычаяхъ погребенія (*immortalitate dell'anime umane con le sepolture*). Такимъ образомъ, религія, бракъ и погребеніе указываютъ на извѣстную степень обще-метафизическаго развитія того или другого общественнаго организма. Поэтому въ системѣ Вико эти учрежденія играютъ большую роль.

Тутъ же онъ выставляетъ общій критерій своей науки. Такъ какъ ему постоянно приходится имѣть дѣло съ изученіемъ различныхъ общественныхъ группъ, ихъ вѣрованій, культурныхъ и социальныхъ нормъ, то для него является существенно важнымъ установить мѣрило, которое помогло бы ему разобраться во всемъ богатомъ разнообразіи общественной жизни. Такое мѣрило онъ и даетъ намъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: если всѣ люди или большая часть ихъ признаютъ что-либо справедливымъ, то это должно служить нормою общественной жизни *).

*) Cio, che si sente giusto da tutti, o la maggior parte delli uomini debba essere la regola della vita socievole.

Таковы общія положенія Вико. Установивъ ихъ, онъ приступаетъ къ своей задачѣ.

IV.

Поэтическая — первоначальная языческая — мудрость должна была начаться съ метафизики, но не съ той метафизики абстракціи, какъ у нашихъ современниковъ, а съ метафизики чувства и воображенія (*sentita ed imaginata*).

Первые раскаты грома, разразившіеся надъ головами гигантовъ, пережившихъ потопъ, первый блескъ молніи, освѣтившій мѣста ихъ блужданія—все это привело ихъ въ ужасъ и заставило обратить глаза на небо, къ которому они до тѣхъ поръ были равнодушны; сближая силу, вызвавшую эти раскаты, съ единственной знакомой имъ силою мышцъ, они представили себѣ небо громаднымъ человѣческимъ тѣломъ (*un gran corpo animato*). Они назвали его Юпитеромъ, который и сдѣлался ихъ первымъ богомъ. Тутъ сказалась та черта первобытнаго ума, которая прекрасно схвачена Тацитомъ: *fungunt simul creduntque*. Такимъ образомъ, первые поэты-теологи создали первый божественный мифъ (*favola divina*), самый возвышенный изъ всѣхъ. Юпитеръ теперь сдѣлался для нихъ коренною причиною міра, первымъ одушевляющимъ началомъ всего того, что они могли воспринять. Они приписали ему атрибуты, языкъ, знаменія (*parole reali*), которыя они видѣли во всѣхъ проявленіяхъ жизни природы. Каждая нація имѣла своего Юпитера.

Вслѣдъ за созданіемъ бога и религіи явились люди, приписавшіе себѣ даръ угадыванія мыслей этого бога. Возникъ институтъ дивинаціи. Логическимъ слѣдствіемъ этого института были жертвоприношенія.

Возрѣнія Вико на происхожденіе и развитіе религіи принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ частей его «Новой науки». Мы не будемъ слѣдить за всѣмъ ходомъ его аргументаціи по этому вопросу. Происхожденіе божественныхъ образовъ Юноны и Діаны выяснитъ ту связь религіи съ жизнью, которую Вико проводитъ до конца періода общественнаго строенія. Каждая стадія въ развитіи сначала семьи, потомъ общества закрѣпляется созданіемъ бога. Вся теологія такимъ образомъ объясняется естественнымъ образомъ, если не безъ натяжекъ, то во всякомъ случаѣ безъ введенія въ это объясненіе сверхъестественнаго элемента.

Современная культурная история, опираясь на громадное количество точных данных, почерпнутых из наблюдений над дикарями, нѣсколько иначе ставитъ вопросъ и предполагаетъ другое начало религиозныхъ воззрѣній. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы построения Вико оставались однимъ изъ самыхъ характерныхъ проявленій мысли XVIII вѣка, еще не освободившейся окончательно изъ теологическихъ пеленокъ, но уже протягивающей руку рационализму.

Слабость разсудочнаго элемента, какъ вполне естественно ожидать, характеризуетъ первобытную эпоху. Вико отмѣчаетъ результаты этого.

Онъ видитъ весь смыслъ только что указанныхъ религиозныхъ установленій въ томъ, что среди первыхъ буревыхъ тучъ при свѣтѣ молніи люди познали одну изъ величайшихъ міровыхъ истинъ, познали, что Провидѣніе бдитъ за сохраненіемъ человѣчества. Вико и самъ проникнуть эту истину. Поэтому его «Новая наука», ставящая себѣ задачею изслѣдованіе хода развитія цивилизациі, будетъ прежде всего «гражданскою теологіей», потому что развитіе цивилизациі есть не болѣе какъ исторія заботъ Провидѣнія о мірѣ. А изслѣдованіе путей цивилизациі посредствомъ теологической абстракціи превращается въ изслѣдованіе путей Провидѣнія *).

Надо замѣтить, что это воззрѣніе вовсе не играетъ въ системѣ Вико такой существенной роли, какой можно было бы ожидать, судя по столь рѣшительному заявленію автора. Теологическая исключительность такъ же не вяжется со всѣмъ строемъ его міросозерцанія, какъ и всякая другая исключительность. И читатель, для котораго развитіе цивилизациі у Вико продолжаетъ быть развитіемъ цивилизациі, очень скоро забываетъ про эту мимолетную уступку вліяніямъ молодости.

Другое слѣдствіе слабости рефлексіи у первобытныхъ обитателей земли, какъ уже и было отчасти указано,—возникновеніе поэзіи. Порывы фантазіи и воображенія, не сдерживаемые разсудкомъ, впечатлѣнія извнѣ безъ контроля знанія—эти особенности первобытныхъ поэтовъ сдѣлали то, что ихъ поэзія отли-

*) Una teologia civile, raggionata della Providenza.

чалась такою возвышенностью, до которой она никогда не могла подняться впоследствии.

Поэзія тѣсно переплеталась съ религіозными представленіями. Она пользовалась, какъ способомъ выраженія мысли, ею же одушевленными, часто даже обоготворенными явленіями: Юпитеръ, Цибелла, Нептунъ—небо, земля и море; Флора и Помона—цвѣты и плоды.

Подъ вліяніемъ той же группы причинъ явился и языкъ. Благодаря беспорядочности идей въ первобытной головѣ, и способы ихъ выраженія не могли отличаться особенною точностью: часть сходилась за цѣлое, цѣлое за часть, слѣдствіе за причину, причина за слѣдствіе; недостатокъ абстрагирующихъ способностей велъ къ утрировкѣ реальныхъ представлений: поэты-теологи надѣляли страстями неодушевленные предметы, даже самые обширные изъ нихъ — море, небо, землю. Такимъ образомъ, процессъ мышленія въ ту отдаленную эпоху шелъ путемъ поэтическихъ образовъ (*caratteri poetici*), и выраженія мысли соотвѣтственно этому не могли быть иными, какъ образными.

Вико возстаетъ противъ общепринятаго мнѣнія объ открытіи гіероглифовъ египетскими филосогами. Для первыхъ народовъ было естественною необходимостью выражаться знаками. Припомнимъ пять «реальныхъ словъ», отправленныхъ скиѳами Дарію, припомнимъ маковыя головки царя Тарквинія — и это станетъ яснымъ.

Онъ пытается, далѣе, обосновать при помощи фактовъ филологіи египетскую схему яыковъ. У Гомера, ему кажется, онъ находитъ слѣды постепенной смѣны способовъ выраженія мыслей. Несторъ, рассказываетъ Гомеръ, пережилъ три вѣка, говорившихъ различно. Даже въ гомеровской этимологіи есть намеки на существованіе двухъ языковъ, соотвѣтствующихъ божескому и героическому періодамъ. Боги называли одного гиганта Бриареемъ, люди Эгеономъ; какая-то птица на языкѣ боговъ называлась *Χαλκίς*, у людей—*χρῆμίδις*.

Второй періодъ въ жизни языка—періодъ символовъ. Это тѣ *στίματα*, которыми было написано письмо Беллерофонта и которыя должны были представлять собою метафоры, образы, сравненія.

Третій періодъ — языкъ письменъ. Это уже членораздѣльная рѣчь, начавшаяся со звукоподражанія. Гомеръ изображаетъ зву-

комъ сѣ шипѣніе полифемова глаза. Такой способъ выраженія мыслей въ большемъ употребленіи у дѣтей. Первые слова были междометія, изображающія тѣ или другія ощущенія. Затѣмъ явились мѣстоименія, помогающія говорить о вещахъ, названіе которыхъ неизвѣстно; затѣмъ — предлоги, имена и глаголы; послѣдніе начались съ императива, какъ показываютъ односложныя формы его для всѣхъ болѣе употребительныхъ глаголовъ.

Не трудно понять, что создавшійся членораздѣльный языкъ былъ крайне бѣденъ (*poverta di lingua*). Это повело къ тому, что стали часто употребляться образы, метафоры, перифразы, сравненія, что въ свою очередь создало поэтической языкъ. Что проза вошла въ употребленіе уже впоследствии, ясно изъ того, что общія фантастическія басни (*favole universali fantastici*) должны были явиться раньше философскихъ разсужденій, и ассоціація частныхъ идей раньше сведенія къ одному слову частей поэтическаго выраженія (кровь кипитъ во мнѣ=гнѣвъ).

Такой матеріалъ скоро создалъ пѣсню и стихъ. Для человѣка, не обладающаго большимъ запасомъ словъ, вполне естественно произносить на распѣвъ гласные звуки. Первые люди должны были прибѣгать къ рѣчи только въ случаяхъ крайней необходимости, при сильныхъ ощущеніяхъ; тогда голосъ возвышался самъ собою и получался родъ пѣнія.

Первый стихъ былъ стихъ героическій (*il verso eroico*), самый возвышенный изъ всѣхъ, изображающій наиболѣе сильныя душевныя движенія. Сначала это былъ стихъ спондаическій, какъ наиболѣе подходящий къ медленности ума и трудности рѣчи. Съ теченіемъ времени появился болѣе легкій дактиль, затѣмъ ямбъ. Тутъ уже настало время прозы.

Изъ всѣхъ построеній Вико, относящихся къ только-что изслѣдованной области, его страницы о происхожденіи членораздѣльной рѣчи больше всего привлекаютъ вниманіе современнаго читателя. Положительно трудно повѣрить, что это писано въ началѣ XVIII вѣка. Стоитъ теперь раскрыть любую книгу по культурной исторіи*), и тамъ можно будетъ найти то же самое. Если принять во вниманіе крайне ограниченное число наблюденій надъ дикими, полное отсутствіе изслѣдованій по сравнительному языко-

*) Ср., напр., Липпертъ: Исторія культуры; русск. пер. 257—258.

вѣдѣнію, то придется удивиться творческой силѣ ума мыслителя, угадавшего свои выводы. Не его вина, что онъ трактовалъ факты греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ, какъ самостоятельные. Объ ихъ родствѣ тогда не знали.

V.

Душа человѣка, въ которую получила доступъ идея божества, вскорѣ открылась и для другихъ побужденій. Религіозный страхъ, внушенный голосомъ неба, развился въ благочестіе. На этой почвѣ выросла добродѣтель.

Послѣ потопа гиганты бродили въ лѣсахъ, питаясь случайною пищею, ловили для сношеній первую попавшуюся женщину, — словомъ, господствовала полная общность женъ и имущества (*communione delle cose e delle donne*). Но первый ударъ грома и въ этомъ отношеніи произвелъ переворотъ. Разбѣжавшіеся отъ страха гиганты перестали вести бродячій образъ жизни и удалились въ свои пещеры. Это первый шагъ къ созданію общества. Беспорядочное половое сношеніе прекратилось; гиганты стали избѣгать отправления его передъ лицомъ грознаго Бога. Каждый изъ нихъ увлекъ по одной женщинѣ въ свое убѣжище и оставался съ нею уже въ постоянномъ сожительствѣ (*perpetua comagnia*). Явилось чувство стыда, которое послѣ религіи составляетъ главную связь общества. Таково начало брака и семьи.

Проникшись идеей божественнаго происхожденія этихъ инстинктовъ, поэты-теологи создали новый образъ—Юнону, сдѣлавъ ее сестрою и супругой Юпитера и олицетворивъ въ ней святость домашняго очага. Вслѣдъ за Юноной былъ созданъ третій образъ поэтической теологіи—Діана, богиня брачной стыдливости (*pu-dicizia de'matrimonj*).

Итакъ, въ уединенныхъ убѣжищахъ гигантовъ выросла семья, какъ необходимое слѣдствіе постоянного сожительства мужчины съ женщиной. Дѣти усложнили семейныя отношенія. При дальнѣйшемъ развитіи семьи стали постепенно слагаться нормы обычнаго семейнаго права и стали сознаваться потребности.

Вопросъ о воспитаніи дѣтей сталъ въ первой очереди, и такъ какъ циклъ понятій былъ ко времени окончательнаго образованія семьи уже довольно обширенъ, то вопросъ раздробился.

Воспитаніе стали понимать не только какъ физическое, но и какъ духовное (*educazione dell'animo e del corpo*).

Первые отцы были жрецами, царями и законодателями семей, пользовались неограниченной властью надъ своими домашними, признавая надъ собою только власть Бога. Воспитаніе души должно было ограничиться, соотвѣтственно этому, внушеніемъ идеи божества и подчиненіемъ авторитету отца, какъ жреца, царя и мудреца семьи. Физическое воспитаніе, посредствомъ религіознаго страха, суровости патріархальнаго управленія и постоянныхъ священныхъ омовеній (*lavande sagri*), достигло того, что люди постепенно утратили свои гигантскія формы и получили нормальный человѣчскій обликъ (*giusta forma corporea umana*). Теперь имъ были не нужны необходимыя при прежнемъ бродячемъ образѣ жизни громадныя физическія силы.

Семья была бы лишена прочныхъ связей, еслибы *pater familias* не обезпечилъ ей имущества, достаточнаго для ея существованія. У семьи долженъ быть здоровый воздухъ, неизсякаемый источникъ чистой воды, крѣпкое отъ природы положеніе, обширныя поля. Этому условію иногда трудно было удовлетворить, и тогда по религіозному инстинкту жгли лѣса и принимались за усиленную обработку удобренной такимъ образомъ почвы.

Итакъ, мы видимъ, что первоначальною формой собственности былъ племенной коммунизмъ и что частная собственность образовалась вокругъ семьи. Вико не упоминаетъ о частной индивидуальной собственности. Такой взглядъ вполнѣ сходится съ выводами современной науки. Во взглядахъ на коммунистическій характеръ первоначальной собственности почти всѣ изслѣдователи сходятся. Точно также представляется наиболѣе основательною гипотеза возникновенія частной поземельной собственности вокругъ семьи *).

Когда стали умирать члены семьи, ихъ трупы начали зарывать въ землю, чтобы избавиться отъ зловонія. Ихъ могилы были окружены тѣмъ ореоломъ суевѣрнаго страха передъ таинствомъ природы, который у римлянъ назывался *religio* (*locus religiosus* — мѣста погребенія). Вотъ происхожденіе универсальной вѣры въ безсмертіе души. Обычай хоронить мертвыхъ былъ закрѣпленъ

*) М. М. Ковалевскій: «Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности», стр. 68 и слѣд.

созданіемъ четвертаго бога—Аполлона, первоначально бога погребенія.

Такъ семья мало-по-малу сложилась въ организмъ. Вмѣстѣ съ идеей Божества, укрѣпленной воспитаніемъ, въ семью проникло различеніе добра и зла, сознание необходимости поощренія перваго и преслѣдованія послѣдняго. Явилось естественное право, сложившееся изъ комбинаціи нормъ, возможныхъ при принятыхъ въ семьѣ идеяхъ и установившихся въ ней и вокругъ нея фактахъ.

Въ гипотезѣ возникновенія естественнаго права Вико имѣлъ предшественника, и надо замѣтить, что онъ не сумѣлъ воспользоваться его мыслями. Онъ сводитъ право къ двумъ источникамъ: къ волѣ Бога и житейскому обиходу. Между тѣмъ у Гроція мы находимъ третій, не уступающій по своему значенію ни тому, ни другому. Это — *recta ratio*, правый разумъ, дающій намъ непосредственное понятіе о справедливомъ. У Вико эта идея абсорбируется идеей Божества *).

Вопросъ о происхожденіи брака и семьи никогда не переставалъ занимать изслѣдователей, и въ послѣднее время для освѣщенія этого темнаго вопроса было сдѣлано особенно много.

Римская исторія и римское право подсказали Вико его гипотезу патріархата, какъ первоначальной стадіи въ развитіи семьи. Еще не такъ давно у Мэна и социологовъ-юристовъ его школы была возможна защита этой точки зрѣнія. Но уже послѣ Бахофена и его продолжателя Макъ Леннана рѣдко кто стоялъ за нее, а послѣднія изслѣдованія М. М. Ковалевскаго уничтожили всякую возможность сомнѣнія. Всѣ болѣе выдающіеся ученые придерживаются теперь теоріи матриархата.

Что же касается вопроса о возникновеніи брака, то трудно установить прочную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Теорія Вико—гетеризмъ—и теперь раздѣляется такими выдающимися социологами, какъ Спенсеръ и Лэббокъ. Послѣдній же изслѣдователь этого вопроса К. Каутскій **) видитъ первоначальную ступ-

*) Отмѣтимъ здѣсь, что взглядъ Вико раздѣляетъ извѣстный французскій историкъ Fustel de Coulanges (*La cité antique*, 92 sqq.), который прямо доказываетъ, что право родилось въ семьѣ на почвѣ культа предковъ.

**) Entstehung der Ehe und der Faimlie. I. (Heterismus).

пень института брака въ моногаміи. Наблюденій очень много, и, благодаря ихъ неразработанности, они даютъ матеріалъ и для той, и для другой гипотезы.

Въ первоначальную семью, кромѣ ея членовъ въ собственномъ смыслѣ, входили еще слуги—*famuli*, отчего она и получила свое названіе. Ихъ происхожденіе таково: обираемые и преслѣдуемые сильнѣйшими, бродячіе дикари стали являться въ обитаемая мѣста и просить убѣжища. Чувство любви къ ближнему, дружба, было уже воспитано бракомъ. Это было одно изъ побужденій, заставлявшихъ принимать преслѣдуемыхъ, но было и другое: имъ давали пріютъ, ихъ защищали, но вслѣдъ за этимъ стали требовать, чтобы они работали на тѣхъ, кто ихъ спасъ. Они стали называться *vernae*, впоследствии *clientes* въ противоположность *liberi*—свободнымъ или благороднымъ. Такъ произошло вѣдшее раздѣленіе семьи, но на дѣлѣ она представляла единое цѣлое: сыновья, слуги и рабы, которые появились вмѣстѣ съ войною,—считались одинаково ея частями.

VI.

Семья—зерно, изъ котораго выросло государство. Вико такъ представляетъ себѣ этотъ процессъ. Дѣти и кліенты одинаково находились подъ властью *pater familias*. Надъ первыми она прекращалась съ его смертью, надъ послѣдними же продолжалась вѣчно: они были осуждены на постоянное рабство (*semper vivere in stato servile*). Такой порядокъ сдѣлался для нихъ невыносимъ (*attediare*), и они возстали на героевъ, какъ Вико называетъ высшій классъ. Началась борьба. Герои поняли необходимость соединиться между собою, чтобы противостать возставшимъ. Они образовали сословные классы (*unirsi in ordini*), поставивъ въ главѣ ихъ изъ наиболѣе храбрыхъ и твердыхъ (*piu tutti feroce e di spirito piu presente*). А такъ какъ цари были естественно равны между собою, то они стали соединяться въ правящіе сенаты. У нихъ явился общій интересъ—*patria*, т.-е. *res patria*, дѣла отцовъ *). Высшій классъ (*nobili*) сталъ называть

*) Вико не выясняетъ вопроса, совпали ли вновь избранные твердые и храбрые цари съ главами родовъ. Въ его разсужденіи очень трудно разобраться.

себя патриціями. Имъ стала принадлежать какъ военная, такъ и жреческая власть. Въ Греціи мы знаемъ Гераклидовъ, въ древней Италіи, Малой Азіи и Критѣ—Куретовъ. Собранія ихъ назывались *curiata*. Нормы общежитія, функционировавшія у патриціевъ, были обобщены подъ терминомъ права Куретовъ или Квиристовъ. Это было естественное право героическихъ народовъ Италіи, право патриціевъ.

Но борьба продолжалась. Успокоеніе плебеевъ было куплено цѣною изданія перваго аграрнаго закона, который давалъ имъ право бонитарной земельной собственности. Римскіе плебеи пользовались этимъ правомъ до эпохи сословной борьбы, когда законъ Двѣнадцати Таблицъ даровалъ имъ поля, которыя они обрабатывали, въ квиритарную собственность. Но плебеи скоро замѣтили, что этого слишкомъ мало. Такъ какъ у нихъ не было права торжественнаго брака, слѣдовательно не было и законныхъ дѣтей, слѣдовательно—*de jure*—некому было оставлять по завѣщанію свои земли, то послѣ ихъ смерти онѣ опять переходили къ государству. Только право торжественнаго законнаго брака—не съ патриціями, а между собою—вело къ полученію прочихъ правъ: собственности (*suicta*) и завѣщанія *ab intestato*, агнатства. Этимъ объясняется, по мнѣнію Вико, то обстоятельство, что послѣ полученія этого права остальныхъ плебеи добились гораздо легче.

За пользованіе землями патриціевъ плебеи платили имъ вознагражденіе, которое и было тѣмъ ценомъ, учрежденіе котораго приписываютъ Сервію Туллію. Сначала онъ платился отдѣльнымъ лицамъ, затѣмъ эти поступленія сталъ принимать сенатъ; послѣдняя перемѣна была внесена трибунами. Но кромѣ законныхъ поборовъ патриціи тѣснили плебеевъ и другими способами: большими процентами, узурпаціей полей и т. п.

Такова была аристократическая республика. Порядокъ понемногу слѣлался невыносимъ, стали подниматься возстанія со стороны плебеевъ (*movimenti e rivolte*). Тогда Фабій Максимъ раздѣлилъ гражданъ на три сословія: сенаторовъ, всадниковъ и плебеевъ. Съ этихъ поръ плебеи получили доступъ къ высшимъ должностямъ (*a tutti gli onori civili*). Около этого же времени

Повидимому, все-таки, онъ представлялъ себѣ дѣло такимъ образомъ, что „цари“ могли не совпадать съ отцами отдѣльныхъ родовъ, а *patria* относится не только къ членамъ сенатовъ, но и ко всѣмъ вообще „героямъ“.

законъ Публилія преобразоваль Римъ въ демократическую республику. Явились центуриатскія комиціи, какъ результатъ уравненія гражданъ вслѣдствіе фабіева раздѣленія на классы; а вслѣдъ за ними и *comitia tributa*—исключительно плебейскія.

Въ этомъ пунктѣ мы излагали не все, опускали по возможности тѣ странныя мнѣнія, которыхъ здѣсь у Вико довольно много. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ картина происхожденія республики встала передъ нами, нельзя не увидѣть много такого, съ чѣмъ теперь невозможно согласиться. Не у Вико учиться римской исторіи.

Даже помимо чисто-историческаго изслѣдованія теорія Вико вызываетъ много недоумѣній. Переходъ отъ семьи къ государству нѣсколько рѣзокъ. Вико это самъ понималъ, и поэтому у него въ изложеніи семья не отдѣляется отъ рода. Но изслѣдованія родовыхъ отношеній у него нѣтъ.

Здѣсь, далѣе, будетъ умѣстно указать на одинъ капитальный пробѣлъ въ системѣ Вико. Въ аргументаціи, касающейся происхожденія государства, какъ мы только-что видѣли, Вико считается съ экономическими фактами римской исторіи эпохи борьбы словій. Но для него они важны лишь постольку, поскольку они объясняютъ процессъ развитія государственныхъ формъ. Въ данномъ случаѣ они слишкомъ бросаются въ глаза, и Вико не можетъ ихъ игнорировать. Но въ общемъ планѣ его системы экономическія отношенія не играютъ ровно никакой роли: мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ при изложеніи дальнѣйшаго развитія процесса государственнаго строенія. Между тѣмъ эти отношенія существенно важны. Не нужно быть экономическимъ матеріалистомъ, чтобы признавать это. Энгельсъ *) несомнѣнно одностороненъ въ своей схемѣ происхожденія государства, но значеніе этой категоріи факторовъ историческаго процесса признаютъ всѣ историки. Лакомбъ **), котораго никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ экономическомъ матеріализмѣ, приписываетъ хозяйственнымъ отношеніямъ самую крупную роль среди историческихъ факторовъ, отдавая должное и остальнымъ.

*) *Ursprung d. Familie, d. Privateigenthum und d. Staats.* S. 105 ff.

***) *De l'histoire considerée comme science*, p. 151 ss.

VII.

Перейдемъ теперь къ другой попыткѣ Вико, — попыткѣ, которая ему удалась и которая при иныхъ условіяхъ обезсмертила бы его имя давнымъ-давно. Но Вико хватились тогда, когда было уже поздно и когда та же теорія успѣла обезсмертить другого. Какъ извѣстно, Фр. Авг. Вольфъ доказалъ путемъ филологической критики, что «гомеровскія» поэмы не могутъ принадлежать одному лицу. Вико пришелъ къ тому же выводу за 100 лѣтъ до него. Гомеровскій вопросъ разобранъ имъ въ отдѣльной книгѣ его «Новой науки», озаглавленной «Открытие истиннаго Гомера» (*della scoperta del vero Omero*).

Въ поэмахъ «Гомера», — таковъ ходъ разсужденій Вико, — нашла себѣ наиболѣе полное выраженіе народная мудрость, выразившаяся въ произведеніяхъ поэтовъ-теологовъ и поэтовъ героической эпохи. Чувства и нравы современниковъ «пѣвца», какъ въ зеркалѣ, отразились въ Иліадѣ и Одиссеѣ. «Гомеръ» не былъ мудрецомъ, какъ то утверждаетъ Платонъ. Будь онъ мудрецомъ, онъ не сталъ бы внушать удивленіе чувствамъ и нравамъ народа, находящагося на низкой ступени развитія, не сталъ бы забавлять грубый народъ (*volgo villano*) самою грубостью его нравовъ. Какъ могъ бы мудрецъ наполнить свои поэмы бабьими сказками (*favole da vecchiarelle*), годными развѣ для забавы дѣтей?

Кто же «Гомеръ» на самомъ дѣлѣ? Извѣстно, сколько городовъ спорили за честь быть его родиною. Никакихъ другихъ указаній точнаго свойства у насъ нѣтъ. Лучше всего, значить, обратиться къ самымъ поэмамъ и оттуда почерпнуть данныя для опредѣленія его родины и его эпохи.

При помощи разныхъ соображеній Вико рѣшается утверждать, что авторъ Одиссеи родился гдѣ-нибудь въ юго-западной Греціи, между тѣмъ какъ авторъ Иліады — въ Малой Азій; что поэмы написаны гораздо позже Троянской войны (*lontanissimo dalla guerra Trojana*), приблизительно лѣтъ черезъ 450.

Трудно, далѣе, совмѣстить ту изысканную роскошь, которою блещетъ дворъ Алкиноя, тѣ уже смягченные нравы, которые можно наблюдать у феакійцевъ, съ той дикостью и тою необузданностью страстей, которая составляетъ отличительный признакъ героевъ Иліады. Поэмы, въ которыхъ господствующее настроеніе такъ различно, не могли быть написаны одною рукою.

Самая этимология слова "Ομηρος" показывает, что это имя не собственное, а нарицательное. Оно составилось из ὁμοῖ—вмѣстѣ и εἶρεῖν—связывать. Значитъ, нашъ «Гомеръ» былъ не больше, какъ собирателемъ отдѣльныхъ сказаній, распѣвавшимъ ихъ на пути.

Еслибы всѣ тѣ поэмы, которыя вошли въ Илиаду и Одиссею, не представляли собою беспорядочной кучи сказаній (una confusa congerie di cose), то Пизистратидамъ нечего было бы и собирать ихъ въ одно цѣлое.

Чѣмъ, какъ не многообразіемъ частей, объяснить ту смѣсь разноплеменныхъ нарѣчій и разницу въ выраженіяхъ, даже послѣ критической работы Аристарха? Гомера представляютъ слѣпымъ, но вѣдь рапсоды вообще были большею частію слѣпы: у слѣпыхъ превосходная память.

Итакъ, реальнаго, единаго «Гомера» не было. Гомеръ — это идея или героическій образъ народа Греціи, который рассказываетъ свою исторію въ пѣсняхъ (un'idea ovvero un carattere eroico di uomini greci, in quanto essi narravano cantando le loro storie). Гомеръ создалъ Илиаду въ молодости, т. е. въ эпоху молодости Греціи. Онъ тогда горѣлъ возвышенными страстями, гордостью, гнѣвомъ, мщеніемъ. Эти страсти не притворство; всѣ онѣ полны благородства. Гомеръ-старецъ создалъ Одиссею тогда, когда національныя страсти Греціи, благодаря развитію разсудочнаго элемента, поулеглись и сдѣлались мягче.

Припомнимъ тутъ же другую плодотворную мысль Вико, которая точно также опередила свой вѣкъ.

Вся картина древней цивилизаціи подкрѣплена у Вико ссылками на Гомера и на другихъ поэтовъ наравнѣ съ ссылками на писанные документы древней исторіи. Онъ старается не только схватить въ нихъ черты общей культуры, но и прямо возстановить историческіе факты. Правда, это дѣлается не особенно искусно, но тѣмъ не менѣе для насъ важно то, что установленъ принципъ, которому суждено было получить широкое развитіе послѣ появленія перваго тома «Римской исторіи» Нибура.

Этотъ принципъ формулированъ такъ: всѣ древнія языческія исторіи имѣютъ свое начало въ мифахъ (tutte l'antiche storie profane hanno favolosi i princìpi). Тутъ же слѣдуетъ добавленіе, что римская исторія начала писаться поэтами (comincio a scrivere da' poeti). И тѣмъ не менѣе историкъ долженъ при помощи критики выдѣлить дѣйствительность изъ поэтической оболочки мифа.

Руководясь этой мыслью, Вико пытается реконструировать первоначальную римскую историю, хотя, съ точки зрѣнія современной науки, такая попытка мало ему удалось.

Тотъ же принципъ наводитъ его на мысль о сближеніи поэмъ Гомера съ законами Двѣнадцати Таблицъ. Какъ въ послѣднихъ онъ видитъ черты исторіи естественнаго права героическихъ народовъ Лаціума, такъ въ первыхъ онъ усматриваетъ подобныя же черты исторіи естественнаго права героическихъ народовъ Греціи. Мысль оригинальная и глубокая.

Въ только что изложенныхъ идеяхъ Вико мы встрѣчаемся съ многими положеніями современной науки. Такихъ мыслей у него не мало: въ этомъ можно легко убѣдиться, изучая его сочиненія. А между тѣмъ имя его едва извѣстно у насъ. Вообще, нельзя не отмѣтить того страннаго отношенія, какое господствуетъ у насъ къ такъ называемымъ предвосхитителямъ. Не задумавшись о томъ, какова въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ природа предвосхищенія, мы нерѣдко считаемъ себя вправѣ относиться къ мыслителямъ прежнихъ вѣковъ съ какой-то обидной снисходительностью. Между тѣмъ предвосхищенія бываютъ различны. Случайно брошенная мысль, самимъ авторомъ ея понимаемая въ качествѣ случайной, можетъ исчезнуть, когда другой сознательно дошелъ до нея и сдѣлалъ ее несомнѣннымъ и неотъемлемымъ достояніемъ человѣчества. Но когда ученый, путемъ долгой работы открылъ и доказалъ ту или другую истину и только потому не былъ оцѣненъ тотчасъ же, что переросъ современниковъ,—снисходительное отношеніе къ такому ученому совершенно неумѣстно; и мы скорѣе согласимся понять другую крайность, оцѣнку его выше заслугъ, чѣмъ такое легкомысленное отношеніе къ человѣческому разуму, поставленному въ невыгодную для него среду.

VIII.

Установивъ на прочныхъ основахъ свой взглядъ на начала цивилизации, Вико предпринимаетъ систематическое изслѣдованіе законовъ ея развитія. Онъ припоминаетъ античную схему, дѣлившую исторію на божественную, героическую и человѣческую эпохи и пытается доказать, что поступательное движеніе народовъ (*corso che fanno le nazioni*) не выходитъ изъ предѣловъ этихъ рамокъ.

Благодаря преобладанію творческаго элемента надъ разсудочнымъ, природа первыхъ людей была поэтической или созидающей (*creatrix*). Это была природа поэтовъ-теологовъ, хотя съ чертами необузданности и варварства (*fiera ed immane*), которыя религія едва начинала смягчать; во вторую героическую эпоху стали появляться нѣкоторые признаки очеловѣченія; третья дала людей съ природою интеллигентной; это люди скромные, добрые и разсудительные, признающіе надъ собою законы совѣсти и разума и обязанности.

Соотвѣтственно этому характеризуются и нравы трехъ эпохъ, первой—благочестивые, второй—раздражительные, воинственные и чуткіе къ вопросамъ чести (*puntigliosi*), третьей—умѣренные чувствомъ долга.

Естественное право развивается такимъ образомъ. Сначала люди во всемъ видятъ непосредственную волю божества; затѣмъ наступаетъ признаніе права сильнаго, которое въ свою очередь уступаетъ господству права, продиктованнаго развитымъ человѣческимъ разумомъ.

Система управления подчиняется такой же эволюціи. Теократія, вѣкъ оракуловъ, смѣняется аристократіей, господствомъ сильнѣйшихъ (*fortissimi*); торжествомъ закона развитія является человѣческое управленіе: это третья ступень—эпоха социальнаго и политическаго равенства, при республикѣ или монархіи—безразлично.

Власть (*autorità*) сначала бываетъ божественной, затѣмъ героической, когда она всецѣло зиждется на торжественныхъ формулахъ и наконецъ превращается въ довѣріе къ опытнымъ дѣтелямъ (*prudenza nell'agibili*) или лицамъ, надѣленнымъ высокою мудростью (*sapienza nell'intelligibili cose*).

По той же схемѣ идетъ умственное развитіе. Божественная мудрость называется мистической теологіей, знаніемъ тайнъ божества; справедливость, по понятіямъ этой эпохи, заключается въ отправленіи религиозныхъ обрядовъ; этика имѣетъ обрядовый характеръ. Мудрость второго періода стремится обезпечить себя употребленіемъ точныхъ словъ; такъ Одиссей умѣлъ обмануть, не прибѣгая ко лжи. Наконецъ, специально-человѣческая мудрость есть знаніе того, что сообразно со справедливостью и съ истиною. Она имѣетъ въ виду только истинное (*vero*), между тѣмъ какъ мудрость первыхъ эпохъ считается съ простою достовѣрнымъ (*certo*). Такому же развитію слѣдуетъ и разумъ (*ragion*).

Всѣ эти соображенія Вико подкрѣпляетъ очеркомъ исторіи римскаго права; онъ настолько замѣчателенъ, что мы рѣшаемся изложить подробнѣе его основанія.

Управленіе должно сообразоваться съ природою управляемыхъ, а законы должны примѣняться и истолковываться сообразно съ формою управленія. Если упустить изъ виду этотъ принципъ, можно впасть въ грубыя ошибки. Недостаточно, въ самомъ дѣлѣ, назвавъ тотъ или другой законъ, ограничиться отнесеніемъ его къ той или другой эпохѣ; если мы хотимъ понять его въ его причинной связи, то надо выяснить отношеніе къ современнымъ ему государственнымъ формамъ и черезъ то зависимость его отъ духа времени (по Вико—природа управляемыхъ—*natura degli uomini governati*). Изъ этого положенія логическій переходъ къ принципу историческаго развитія права. Если та или иная совокупность правовыхъ нормъ находится въ зависимости отъ природы управляемыхъ, она будетъ годиться только до тѣхъ поръ, пока эта природа будетъ неизмѣнна; съ ея измѣненіемъ потребуетъ пересмотръ законодательства.

Въ связи съ этой рубрикой возрѣній Вико находится его взглядъ на законодательство децемвировъ. Какъ извѣстно, древніе писатели выдумали исторію о посольствѣ въ Аѣины и другіе греческіе города и объ иноземномъ происхожденіи римскихъ правовыхъ нормъ, регламентированныхъ въ Двѣнадцати Таблицахъ. Вико, исходя изъ убѣжденія, что чужого кодекса нельзя насадить никакому государству, подкрѣпляетъ свой взглядъ многочисленными соображеніями, изъ которыхъ главныя—слѣдующія: законы Двѣнадцати Таблицъ слишкомъ замѣтно проникнуты національно-римскимъ духомъ; сходство нѣкоторыхъ аѣинскихъ и римскихъ законовъ объясняется сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ государственнаго устройства обоихъ городовъ, что въ свою очередь вытекаетъ изъ природы вещей; трудно повѣрить, чтобы римляне той эпохи, не знавшіе даже о существованіи Тарента, знали бы о греческихъ городахъ съ высшею культурой, чѣмъ была римская.

Не трудно видѣть, что Вико и въ вопросѣ о законодательствѣ децемвировъ предупредилъ построенія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся представителей современной намъ исторической науки, которые, иногда даже не подозревая объ этомъ, повторяютъ его выводы. А если принять во вниманіе всю эту группу мыслей

Вико, то въ нихъ мы найдемъ прочно поставленнымъ одно изъ наиболѣе важныхъ положеній науки права нашего вѣка.

Савиньи, набрасывая въ своей извѣстной брошюрѣ *) основныя положенія современной намъ исторической школы права, возсталъ противъ той мысли, что какому-нибудь народу можно навязать правовой кодексъ, выработанный на основаніи абстрактныхъ началъ справедливости, и объявилъ, что право есть продуктъ народнаго духа (Volkgeist) и можетъ претерпѣвать перемѣны только путемъ естественнаго процесса.

Не тождествененъ ли этотъ «народный духъ» съ «природой управляемыхъ» Вико, и не узнаемъ ли мы мысли Вико въ аргументаціи отца исторической школы?

Весь процессъ развитія цивилизаціи ведетъ къ апогею поступательнаго движенія—къ монархіи. Для Вико эта форма правленія составляетъ естественное завершеніе государственной эволюціи, послѣ которой должна начаться новая эпоха.

Приведемъ нѣкоторыя интересныя соображенія его по этому вопросу.

Храненіе законовъ было послѣднею привилегіей, которую патриціи уступили плебеймъ. Въ аристократическую эпоху эти законы заключались въ неизмѣнныхъ формулахъ, которыя составляли тайну господствующаго класса. Въ это время и самыхъ законовъ было немного,—къ кодексу Двѣнадцати Таблицъ почти ничего не прибавлялось. Но когда господство перешло къ демократіи, законовъ сразу явилось много, потому что плебеи издавали частныя законы, не будучи въ состояніи возвыситься до общихъ идей (*perche d'universali non è capace*). А многочисленность законовъ—вѣрное предсказаніе близкаго наступленія монархіи (*è via più spedita di pervenir alla monarchia*).

Дальнѣйшимъ подкрѣпленіемъ такой исторической гипотезы является у Вико установленіе болѣе точнаго принципа исторической эволюціи, какъ постепенной смѣны формъ.

Люди, измѣняясь, сохраняютъ въ теченіе нѣ котораго времени впечатлѣніе своихъ первыхъ привычекъ (*del loro vezzo primiero*). Въ эпоху аристократіи люди сохранили семейный порядокъ предыдущей эпохи, заключающійся въ неограниченной власти надъ

*) Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft.

женами и дѣтьми. Образовавши сенатъ, семейные цари усвоили себѣ политическое верховенство (*potesta sovraua civile*), которое было дальнѣйшимъ развитіемъ и распространеніемъ семейнаго. Гражданскія общины (*citta*) вначалѣ представляли аристократіи, смѣшанныя съ семейными монархіями.

Демократическія общества, отнявъ право законодательства у аристократовъ, оставили имъ взамѣнъ прежняго господства опеку надъ собою, потому что, слабые въ политической мудрости, они не могли сразу стать на ноги. Такимъ образомъ, республики, демократическія по природѣ, управлялись аристократическою корпораціей. Наконецъ, деморализація народа привела къ захвату власти могущественными честолюбцами, и монархія представилась необходимымъ завершеніемъ возникшихъ усобицъ.

Вслѣдъ за этимъ Вико признаетъ «вѣчный естественный царственный законъ (*un eterna natural legge reggia*), который ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что монархія есть форма правленія, наиболѣе соотвѣтствующая естественному порядку, начертанному Божествомъ».

Rebus ipsis dictantibus regna condita—такъ формулируетъ Помпоній этотъ законъ. Это значитъ, по мнѣнію Вико, слѣдующее: когда въ демократіяхъ частные интересы гражданъ начинаютъ играть первенствующую роль и заслоняютъ интересы государства, является человѣкъ, который, добившись власти путемъ оружія, беретъ въ свои руки завѣдываніе государственными дѣлами и оставляетъ народу только ихъ частныя занятія. Этотъ шагъ спасаетъ народъ, шедшій къ окончательной гибели.

Вмѣшательство монарха въ такія минуты необходимо тѣмъ болѣе, что народъ ничего не теряетъ; онъ сдѣлался чуждъ своей странѣ; монархъ, управляя имъ, представляетъ его (*le reggano e rappresentino*). Такъ какъ добиться монархіи можно, только опираясь на народъ, то естественно, что монархъ управляетъ въ духѣ и въ интересахъ народа (*popolarmente*). Онъ устанавливаетъ равенство, смиривъ сильныхъ, онъ обезпечиваетъ подданнымъ существованіе и естественную свободу, возвышаетъ достойныхъ, караетъ низкихъ. Оставляются аристократическія формулы законовъ, соблюдавшіяся и при демократіи; получаетъ господство тотъ принципъ, что всякій частный мотивъ справедливости долженъ быть предпочтенъ закону. «Такъ, — восклицаетъ Вико, — подъ человѣческимъ управленіемъ умы на-

рода способны познавать естественную справедливость (*l'equita naturale!*)!»

Итакъ, монархія, по Вико, является самою подходящею формою управления для людей съ наиболѣе развитымъ умомъ (*della piu spiegata ragione*).

Едва ли современные Вико политическія условія имѣли вліяніе на образованіе такого взгляда. Неаполитанская монархія, пока она существовала при его жизни, была далеко не изъ такихъ, которыя возбуждаютъ удивленіе; монархія Людовика XIV уже клонилась къ крушенію въ рукахъ его преемника. Въ Англии окрѣпъ конституціонализмъ. Эти обстоятельства лишній разъ показываютъ, какъ изолированно работаль умъ Вико.

Люди, богатые знаніями и спекулятивными силами ума, но небогатые практикою жизни, не имѣвшіе случая провѣрить свои теоріи опытами, всегда бывають склонны къ крайнимъ построєніямъ. Къ нашему философу это замѣчаніе примѣнимо вполне. Политическія условія едва ли объясняли такую идеализацію монархій; источникъ такого взгляда надо искать въ книгахъ. Мы видѣли, что римская исторія дала главный матеріаль для фактическаго обоснованія выводовъ Вико, а римское право помогало теоріи. Вико постоянно имѣлъ передъ глазами цѣльный историческій процессъ, какой представляла римская исторія, и постоянно исходилъ изъ ея фактовъ; въ римскомъ правѣ онъ нашель юридическую санкцію своихъ выводовъ. Наконецъ, ученіе Платона о переходѣ демократіи въ монархію заставило его увидѣть въ своихъ построєніяхъ не только результатъ естественнаго процесса, но и идеаль, въ которомъ Вико могъ искать примиренія съ дѣйствительностью, ея оправданія.

IX.

Историческій процессъ не останавливается на монархій. Ее постигаетъ та же судьба, что аристократію и демократію. Монархія рушится. Вѣкъ человѣчества прекращается, снова долженъ наступить вѣкъ боговъ.

Вико и раньше приводилъ кое-какія указанія на то, что исторія полна повтореній; ему не разъ случалось упоминать о томъ, что, кромѣ древняго варварства, есть варварство средневѣковое, что нѣкоторыя римскія учрежденія вернулись въ феодальную эпоху и т. п. Въ заключеніе своей книги онъ под-

робно останавливается на этомъ возвратѣ (*ricorso*) къ пункту отправленія.

Это—одна изъ наиболѣе слабыхъ частей «Новой науки». Въ стремленіи найти сходство между чертами двухъ столь непохожихъ одна на другую эпохъ Вико принужденъ порою закрывать глаза на очень рѣзкое различіе, видѣть точки соприкосновенія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, допускать странныя натяжки въ объясненіи и сопоставленіи понятій путемъ произвольныхъ этимологическихъ сближеній. Но такъ велика была власть идеи надъ нимъ, что подобныя затрудненія его не останавливали, и онъ достроилъ до конца свою грандіозную систему.

Когда добродѣтельною жизнью святыхъ мучениковъ, чудесами и писаніями отцовъ церкви истины христіанства были прочно установлены, Богъ далъ міру такую организацію, которая наилучшимъ образомъ охраняла существующій порядокъ. Наступили времена истинно божественныя (*i tempi veramente divini*). Тутъ Вико рисуетъ трогательную для всякаго ортодоксальнаго католика картину, какъ великіе христіанскіе короли наряжались въ одежды діаконовъ и посвящали свои королевскія особы Богу; какъ они принимали церковныя должности (*degnitadi ecclesiastiche*), какъ основывали рыцарскіе и монашескіе ордена для борьбы со всякаго рода невѣрными, вродѣ аріанъ и сарацинъ.

Такъ какъ въ эту эпоху мы находимъ всѣ черты, характеризующія божественный періодъ развитія человѣчества, и такъ какъ первый божественный періодъ былъ порою самаго настоящаго варварства, то и время, такъ благочестиво изображенное Вико, должно называться временемъ варварства; въ отличіе отъ древняго, Вико именуетъ его вторымъ.

Нѣкоторыя его черты поразительно напоминаютъ ту эпоху, когда люди едва вышли изъ дикаго состоянія. Самая замѣчательная точка соприкосновенія касается основанія городовъ. Какъ въ древности, по словамъ Ливія, города большею частью выросли изъ убѣжищъ (*asili*), такъ и теперь, въ эпоху всеобщей разнузданности, болѣе культурные люди, боясь обидъ и несправедливостей, пышно процвѣтавшихъ въ тѣ благочестивые дни, стали съ семьями стекаться къ монастырямъ и поручать себя ихъ покровительству. Вотъ откуда начались церковныя лены, и вотъ почему въ Германіи, классической странѣ средневѣковаго варварства, больше церковныхъ феодаловъ, чѣмъ свѣтскихъ.

Возвратъ героической эпохи Вико видитъ въ установленіи феодальнаго порядка. Какъ и въ первую героическую эпоху,—существуетъ дѣленіе на героевъ и людей (*homines*, вассалы). Отъ *homines* произошли слова *hominium*, право сеньера надъ вассаломъ, и *homagium*, право вести (*agere*) вассала куда угодно. *Homagium* по толкованію ученыхъ феодалистовъ, значитъ *obsequium*, т. е. военныя повинности, такія же, какія были у римскихъ плебеевъ по отношенію къ патриціямъ.

Римская кліентела существовала въ средніе вѣка подъ названіемъ рекомендацій (*commende*); сеньеріальный цензъ имѣлъ черты, сходныя съ цензомъ Сервія Туллія. Въ такъ называемыхъ вооруженныхъ собраніяхъ (*corti armate*) мы узнаемъ тѣ собранія, гдѣ римскіе патриціи появлялись съ оружіемъ въ рукахъ.

Равенство стало водворяться, когда въ итальянскихъ университетахъ было введено преподаваніе римскаго права по Юстиніанову *Corpus'у*. Эта система естественнаго права цивилизованныхъ народовъ стремится уравнивать людей въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ, какъ они равны въ своей природѣ. Въ Римѣ было то же самое: съ гѣхъ поръ, какъ Тиберій Корунканій началъ преподавать право, власть стала понемногу ускользать изъ рукъ патриціевъ, и восторжествовала демократія. При возвратѣ героической эпохи аристократической феодализмъ мало-по-малу уступилъ народовластію и монархіи.

Такія аналогіи съ новою силою показываютъ, что общества рождаются и функционируютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ и что, слѣдовательно, можно построить историческую схему вѣчную и совершенную. Схема эта—вѣчный круговоротъ обществъ, вѣчная смѣна трехъ періодовъ—божественнаго, героическаго и человѣческаго, которая обнимаетъ собою, не совпадая съ нею, другую смѣну—формъ правленія.

Но эта схема допускаетъ исключенія. Кароагенъ, Капуя и Нуманція не успѣли пройти законнаго пути, потому что ихъ историческое развитіе было остановлено внѣшними причинами.

Вико думалъ, что въ его время цивилизація получила уже широкое распространеніе; главный ея признакъ онъ видѣлъ въ томъ, что у всѣхъ народовъ, за немногими исключеніями, успѣла водвориться монархія. Вотъ царь московскій, управляющій народомъ съ тяжелымъ умомъ (*di menti pigri*), вотъ ханъ татарскій, негусъ эфиопскій, государи Японіи и Китая, Персіи и Турціи и т. д. Тамъ,

гдѣ Вико не находитъ монархіи, онъ объявляетъ, что она образуется неизбежно, если ходъ вещей не будетъ нарушенъ никакими внѣшними катастрофами.

X.

Вотъ мысли, показавшіяся намъ наиболѣе важными и наиболѣе интересными въ «Новой наукѣ». Мы изложили не всю книгу. Оставивъ тѣ отдѣлы «Новой науки», которые составляютъ результатъ частью низкаго научнаго уровня времени, частью схоластическихъ занятій юности, мы имѣемъ въ лицѣ Вико оригинальнаго мыслителя, съ которымъ можно спорить и соглашаться, оставаясь на уровнѣ современныхъ намъ знаній.

Мы видѣли, какъ Вико исполнилъ свою задачу. Онъ думалъ, что создалъ, вмѣсто временной и специальной исторіи Греціи и Рима, идеальную исторію вѣчныхъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ народы въ своемъ началѣ, развитіи, положеніи въ ту или другую эпоху, упадкѣ и гибели *); онъ думалъ, что въ многообразіи ея внѣшнихъ проявленій онъ сумѣлъ уловить единство въ сущности (*identità in sostanza*) этой вѣчной исторіи.

Конечно, намъ трудно допустить, чтобы тѣ «вѣчные законы, которымъ подчиняются всѣ народы», могли быть поняты какъ теорія вѣчнаго историческаго круговращенія, и чтобы такая теорія могла быть признана «идеальной исторіей».

Единственный путь для того, чтобы установить законы развитія исторіи человѣчества, есть путь постепеннаго наведенія и абстракціи. Если та или иная группа проверенныхъ историческихъ фактовъ даетъ намъ возможность вывести общее правило и если мы не видимъ противорѣчій этому правилу въ другихъ фактахъ, тогда мы можемъ утверждать, что у насъ есть историческій законъ. Только этотъ методъ не допускаетъ недо-разумній.

Какъ же пришелъ Вико къ необходимости и неизбежности именно указаннаго имъ пути для историческаго процесса? Вико не пренебрегалъ историческимъ обобщеніемъ; но его абстракція слишкомъ элементарна и является почти цѣликомъ какъ обобщеніе римской исторіи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова. Отри-

*) *La storia ideale leggi eterne sopra le quali corron i fatti di tutte nazioni ne'loro sorgimente, progressi, stati, decadenze e fini.*

цательныя инстанціи рѣдко берутся во вниманіе. Правда, онъ пытался доказать, что ходъ развитія римскаго общества повторился и въ другихъ народахъ, но это вело къ натяжкамъ. Но такое сопоставленіе слѣдовало бы испытать до установленія законовъ: тогда, быть можетъ, ихъ было бы меньше, но общій результатъ былъ бы совершенно иной.

Кромѣ того, при доказательствѣ возврата первобытнаго варварства въ средніе вѣка, Вико долженъ былъ разсмотрѣть черты различія между этими двумя эпохами. Но, увлеченный уже составленной идеей, Вико не видѣлъ ихъ. Между тѣмъ это внесло бы существенную поправку въ его систему. Замѣтить разницу значило бы признать прогрессъ, сопровождающій смѣну каждой пары его *corsi e ricorsi*, превратить постоянный кругъ, какимъ онъ представлялъ себѣ историческій процессъ, въ бесконечно развертывающуюся спираль. Вико этого не слѣлалъ, и виною этого опять-таки недостаточность абстрагирующей работы.

Мало было обращено у него вниманія на выясненіе вліянія одного народа на другой. Книга Гроція давала громадный матеріалъ для этого, которымъ Вико не воспользовался. Между тѣмъ разсмотрѣніе международныхъ вліяній дало бы возможность на много уменьшить массу натяжекъ, которыми полна его книга.

Фактическое обоснованіе исторической конструкции Вико всего менѣе удалось ему,—не смотря на обиліе вѣрныхъ и оригинальныхъ идей. Но самая мысль объ общей природѣ народовъ осталась и обусловливаетъ теперь возможность настоящей «идеальной исторіи вѣчныхъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ народы»—соціологии съ теоріей прогресса.

Но и попытка доказать эту мысль не прошла даромъ для науки. Какъ Колумбъ, отыскивая Индію, нашелъ Америку, такъ и Вико, пытаясь почерпнуть аргументы для своей идеи изъ исторіи и философіи, слѣлалъ такія открытія въ XVIII вѣкѣ, которыя пришлось повторять въ XIX-омъ.

Анализъ гомеровскихъ поэмъ, какъ историческаго памятника древнѣйшей греческой исторіи, разрѣшеніе гомеровскаго вопроса, теорія историческаго развитія права, госуларства, религіи — таковы главнѣйшія заслуги Вико передъ наукой.

Затѣмъ онъ показалъ, что исторія не должна заключать въ себѣ только рассказы о царяхъ и войнахъ, что есть и другія отношенія, которыя такъ же, если не болѣе, интересны, что зна-

комство съ правомъ и культурой въ широкомъ смыслѣ слова необходимо для полнаго уясненія хода историческаго процесса. Онъ возсталъ противъ господствовавшаго обычая начинать исторію «съ ассирійскаго царя Нина», доказавъ, что писанные историческіе документы—матеріаль случайный, что письменность не могла явиться вмѣстѣ съ жизнью и что, наконецъ, источниковъ исторіи до традиціоннаго начальнаго пункта ея надо искать въ народномъ эпосѣ. Таковъ результатъ дѣятельности Вико въ болѣе узкой сферѣ исторіи.

Все это дѣлаетъ его книгу замѣчательнымъ произведеніемъ, несмотря на всѣ ея недостатки.

Забудутся невѣрныя историческія данныя, забудется отсутствіе рациональной критики, забудутся странныя этимологическія сближенія, когда мы вспомнимъ о заслугахъ Вико.

Какъ бы ни удивлялись мы генію Нибура, остроумнымъ критическимъ изысканіямъ Вольфа, глубинѣ юридическихъ воззрѣній Савиньи, мы всегда должны помнить, что часть ихъ работы была уже однажды исполнена забытымъ, одинокимъ геніемъ, который, просидѣвъ надъ книгами всю жизнь, выразилъ и пытался обосновать идею философіи исторіи.

А. Дживелеговъ.

Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологии въ Женевѣ.

I.

Женевскій конгрессъ криминальной антропологии, занятія котораго продолжались шесть дней (съ 12 по 17 августа), отличался большимъ интересомъ и оживленіемъ. Онъ привлекъ болѣе ста участниковъ самыхъ разнообразныхъ національностей, среди которыхъ былъ даже представитель Аргентинской республики; большинство европейскихъ государствъ прислало своихъ официальныхъ делегатовъ, и даже англійскіе ученые, не принимавшіе участія на предшествующихъ конгрессахъ, имѣли своего официального представителя А. Griffiths—старшаго инспектора тюремъ Ея Величества. Правда, различныя національности были представлены далеко не равномерно: какъ и на третьемъ брусельскомъ конгрессѣ, преобладающій въ количественномъ отношеніи элементъ составляли лица, говорящія по-французски—французы, швейцарцы и бельгійцы; довольно много было русскихъ *), и очень мало нѣмцевъ и англичанъ. Въ отличіе, однако, отъ брусельскаго съѣзда, въ Женевѣ было много итальянскихъ ученыхъ, и несомнѣнно, что настоящій конгрессъ своимъ интересомъ и оживленіемъ главнымъ образомъ обязанъ ихъ присутствію. Какъ извѣстно, въ Брюсселѣ итальянская школа была провозглашена

*) Изъ Москвы были проф. Л. М. Лопатинъ, проф. С. С. Корсаковъ и В. П. Сербскій; изъ С.-Петербурга: д-ра В. Г. Дехтеревъ, И. А. Маляревскій, П. Я. Розенбахъ, П. Н. Тарновская, проф. В. М. Тарновскій, проф. И. Я. Фойницкій и г. Закревскій; изъ Юрьева—проф. В. Э. Чижъ; изъ Одессы—членъ судебной палаты А. Г. Зубовъ; изъ Ярославля—прокуроръ Д. Стефановскій и др.

умершею; итальянцевъ на этомъ конгрессѣ совѣмъ не было, за исключеніемъ оффиціального делегата—министра де-Renzis, который при закрытіи сѣзда уже послѣ прочтенія отчета о его дѣятельности, счелъ себя вынужденнымъ обратиться къ собранію съ рѣчью. «Я не уполномоченъ защищать то, что носитъ названіе итальянской школы, и сожалѣю сильнѣе, чѣмъ кто-либо, что наиболѣе авторитетные изъ моихъ соотечественниковъ не явились сюда, чтобы защищать свои идеи—защищать мужественно, съ энергіей, такъ какъ изъ столкновения мнѣній возникаетъ свѣтъ. Они подѣлились бы результатами своихъ продолжительныхъ занятій, накопленныхъ фактовъ и личныхъ наблюдений. Они исправили бы тѣ ошибки, которыя прокрались въ общество относительно научнаго достоинства работъ итальянской школы. Они разрушили бы тѣ легенды, которыя находятъ себѣ пріютъ въ умахъ даже наиболѣе образованныхъ лицъ, и подобно тому, какъ древній философъ доказывалъ движеніе своимъ собственнымъ перемѣщеніемъ, они своею жизненностью доказали бы, что итальянская школа не умерла. Нѣтъ, милостивые государыни и государи, вопреки высказанному мнѣнію, я позволю себѣ утверждать, что итальянская школа не умерла,—она жива и молода. Она не является школою одного учителя и не ограничена какою-либо одною идеей. По числу своихъ участниковъ она можетъ назваться легиономъ. Итальянская школа состоитъ изъ скромныхъ работниковъ, рвеніе которыхъ не ищетъ большей чести, какъ идти вмѣстѣ съ вами, всегда въ авангардѣ, къ завоеванію научной истины, къ завоеванію истиннаго человѣческаго правосудія. Имѣетъ ли значеніе, если въ стычкѣ наиболѣе отважные, нѣсколько солдатъ между тысячами, останутся ранеными въ пробитой ими бреші, когда побѣда остается за наукою».

Собравшіеся въ Женевѣ итальянскіе ученые блистательнымъ образомъ подтвердили слова своего министра; своею энергіей и жизненностью они несомнѣнно доказали, что слишкомъ уже поторопились похоронить ихъ, и что нанесенныя имъ раны не помѣшали имъ идти по-прежнему въ авангардѣ въ поискахъ за истиною. Среди итальянцевъ центральными фигурами, привлекавшими къ себѣ вниманіе и симпатіи, были С. Lombroso и Е. Ferri, представляющіе два совершенно различные типа. Lombroso—психиатръ, профессоръ судебной медицины въ Туринѣ, пожилой человѣкъ, небольшого роста, сѣдой, но румяный,

бодрый и свѣжій, плохо, съ рѣзкимъ итальянскимъ акцентомъ, говорящій по-французски, съ добродушнымъ, но не лишеннымъ ѣдкости юморомъ парирующій направленныя противъ него возраженія, представляетъ собою типъ кабинетнаго профессора, всецѣло увлеченнаго своею спеціальностью. Enrico Ferri—адвокатъ, профессоръ уголовного права во Флоренціи, изящный, высокій, съ легкою просѣдью въ черныхъ волосахъ, блестящій ораторъ, неотразимо захватывающій слушателей какъ своимъ неподдѣльнымъ, нерѣдко переходящимъ въ паѳосъ воодушевленіемъ, такъ и художественною картинностью изложенія, — скорѣе представляетъ типъ выдающагося народнаго трибуна.

Вообще, женевскій конгрессъ былъ богатъ первоклассными ораторами. Помимо Ferri, которому безспорно принадлежитъ пальма первенства, особенно выдѣлялись van Hamel, профессоръ права въ Амстердамѣ, отличающійся чрезвычайною простотой и ясностью въ развитіи своихъ мыслей, бельгійскій министръ Lejeune, импонирующій спокойною выдержанностью опытнаго государственнаго челоуѣка, и, наконецъ, молодой бельгійскій аббатъ de-Baets, соединяющій въ себѣ всѣ качества блестящаго католическаго проповѣдника и, несмотря на значительную долю театральнаго дѣланности, сильно вліяющій на чувства слушателей.

Засѣданія конгресса происходили въ актовомъ залѣ университета въ присутствіи многочисленныхъ корреспондентовъ и сторонней публики. Всѣхъ засѣданій было десять, шесть утреннихъ и только четыре дневныхъ, такъ какъ одинъ день былъ посвященъ поѣздкѣ на гору Salève, возвышающуюся надъ самою Женевой, хотя и находящуюся уже на французской территоріи, а другой—прогулкѣ по Женевскому озеру, за которою послѣдовалъ оффиціальныи пріемъ со стороны республики, кантона и города въ Арианѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ доклады, большинство которыхъ были напечатаны уже до открытія съѣзда, излагались на одномъ французскомъ языкѣ; пренія велись также исключительно на этомъ языкѣ. Это представляетъ безспорно крупныя преимущества въ сравненіи съ тѣмъ многоязычіемъ, которое допускается на другихъ международныхъ съѣздахъ, и несомнѣнно способствовало успѣху и единству конгресса. Оффиціальныи делегатъ Англии, повидимому, совершенно не владѣетъ французскимъ языкомъ; онъ представилъ однако очень интересный докладъ, кото-

рый, прочитанный французомъ, вызвалъ чрезвычайно оживленныя пренія, между тѣмъ какъ написанный по-английски онъ, вѣроятно, не обратилъ бы на себя никакого вниманія и безъ всякихъ замѣчаній былъ бы приобщенъ къ трудамъ съѣзда.

Первое засѣданіе конгресса было посвящено привѣтственнымъ рѣчамъ, которыя говорили президентъ швейцарской федераціи А. Lachenal, членъ государственнаго совѣта Dupant и представитель города Женевы Turretini. Затѣмъ слѣдовали рѣчь избраннаго по предложенію Lachenal'я постояннымъ предсѣдателемъ съѣзда женевского психіатра Ladame, избраніе должностныхъ лицъ, чтеніе списка официальныхъ делегатовъ и, наконецъ, выборъ почетныхъ предсѣдателей.

2.

Понедѣльникъ, 12 августа.

Научныя занятія съѣзда открылись сообщеніемъ Lombroso *о новѣйшихъ успѣхахъ криминальной антропологии и социологии* (съ 1890 года). Этотъ докладъ, заключающій въ себѣ изложеніе послѣднихъ работъ, главнымъ образомъ, итальянскихъ ученыхъ, послужилъ поводомъ къ первой и наиболѣе легкой стычкѣ между защитниками новаго направленія уголовной антропологии и его противниками. Первымъ застрѣльщикомъ выступилъ нѣмецкій психіатръ д-ръ Naescke изъ Hubertusburg'a (близъ Лейпцига): теорія о существованіи особаго типа врожденнаго преступника, которую пыталась установить итальянская школа, должна быть оставлена, такъ какъ она не имѣетъ за собою никакой почвы; изслѣдованія нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ несомнѣнно доказали, что подобнаго типа не существуетъ. Неожиданнымъ защитникомъ новой криминальной школы явился извѣстный ученый, профессоръ психіатріи въ Цюрихѣ, Fogel, рѣшительно ставшій на сторону антропологовъ-криминалистовъ и выступившій съ цѣлью примирить противоположныя воззрѣнія. Если многіе изслѣдователи не находили никакихъ особенностей въ организаціи преступниковъ, то это доказываетъ только, что они искали не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. При отсутствіи рѣзкихъ уклоненій во внѣшнемъ строеніи необходимо обратиться къ подробному микроскопическому изслѣдованію мозга, которое часто только и можетъ дать цѣнные результаты. Итальянская школа не права въ

томъ отношеніи, что она придаетъ слишкомъ большое значеніе различнымъ мелкимъ, второстепеннымъ признакамъ, которые, по выраженію Forel'я, не составляютъ ноты въ оркестрѣ. Дѣятельность преступника всецѣло обусловлена головнымъ мозгомъ, а потому только особенности строенія послѣдняго и могутъ составлять оркестровыя ноты. Д-ръ В. Г. Дектеревъ заявляетъ, что потомки хроническихъ алкоголиковъ суть настоящіе *criminel-nés*. Д-ръ Dallemagne, профессоръ судебной медицины въ Брюсселѣ, обращается съ вопросомъ, продолжаетъ ли итальянская школа утверждать, что преступникъ характеризуется опредѣленными анатомическими признаками и что наличность однихъ этихъ признаковъ достаточна для признанія того или другого лица преступникомъ. Отвѣтъ, который далъ на этотъ вопросъ Ferrі, показываетъ, что и крайніе представители новаго направленія готовы покинуть свою исключительную точку зрѣнія, которая создала имъ столько ярыхъ враговъ, и стать на путь крупныхъ уступокъ для примиренія со своими противниками. Итальянская школа, по словамъ Ferrі, говоря о прирожденномъ преступникѣ, отнюдь не думаетъ сдѣлать изъ него исключительно анатомическій типъ. Преступный человѣкъ является сложною личностью, въ одно и тоже время — біологическою, психологическою и соціальною. Преступность есть результатъ троякаго рода факторовъ: фактора антропологическаго, фактора физической среды и фактора среды соціальной. Человѣкъ можетъ родиться со стигматами преступности и тѣмъ не менѣе умереть, не совершивъ ни одного преступленія, если онъ будетъ поставленъ въ благопріятныя окружающія условія, и наоборотъ, въ своихъ индивидуальных качествахъ и наслѣдственномъ вліяніи человѣкъ можетъ найти достаточную силу, чтобы противостоятъ неблагопріятнымъ соціальнымъ условіямъ. Dallemagne горячо привѣтствуетъ это заявленіе; криминальная антропология расширяетъ свои первоначальныя рамки и тѣмъ самымъ дѣйствительно входитъ въ науку. Съ этимъ однако не соглашается Naescke, который опять повторяетъ, что нѣмцы не вѣрятъ въ криминальную антропологию и не признаютъ ея выводовъ. Проф. Forel указываетъ на односторонность категорическихъ заявленій Naescke. Въ заключеніе преній докладчикъ Lombroso отвѣчаетъ на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ ему возраженій; не касаясь теоріи о прирожденномъ преступникѣ, которой онъ въ своемъ докладѣ совсѣмъ и не затрогивалъ и по

поводу которой были уже сдѣланы разъясненія со стороны Ferris; онъ прежде всего отмѣчаетъ свое удовольствіе по поводу участія на конгрессѣ и въ преніяхъ проф. Fogel'я: это, дѣйствительно, серьезный ученый, имя котораго связано съ рядомъ крупныхъ научныхъ заслугъ и указанія котораго чрезвычайно цѣнны. Онъ однако не можетъ согласиться съ его взглядомъ: вліяніе головного мозга на всѣ части человѣческаго организма несомнѣнно, и тѣ или другія уклоненія въ нихъ могутъ до извѣстной степени служить показателемъ и измѣненія самаго мозга и такимъ образомъ, хотя и косвенно, принимать участіе въ составѣ оркестра. Что касается до другихъ возраженій, то Lombroso не считаетъ необходимою останавливаться на нихъ. Здѣсь заявляютъ, что нѣмцы не признаютъ криминальной антропологии, но вѣдь и жители Новой Каледоніи тоже не признаютъ науки, что нисколько не мѣшаетъ ей развиваться.

Другія сообщенія, прочитанныя въ томъ же засѣданіи, именно, итальянскаго психіатра Magro «О соотношеніи между возрастомъ половой зрѣлости и преступленіемъ и помѣшательствомъ», итальянскаго адвоката Anfosso «О краниографическомъ удостовѣреніи тождественности рецидивистовъ» и французскаго доктора Pailhas «Къ вопросу объ антропологическомъ изученіи ушной раковины» — были выслушаны безъ всякихъ замѣчаній. Только сообщеніе Pailhas вызвало нѣсколько вопросовъ со стороны Lombroso.

3.

Вторникъ, 13 августа.

Слѣдующее утреннее засѣданіе было посвящено обсужденію докладовъ, касающихся програмныхъ вопросовъ. Прежде всего Dallemagne изложилъ свой обширный докладъ «О дегенерации и преступности». Въ понятіяхъ о дегенерации и преступности очень много неяснаго, неопредѣленнаго и нерѣдко мистическаго, въ зависимости отъ того, что оба эти понятія представляютъ лишь символы, отвлеченныя формулы, которыя различными изслѣдователями понимаются и оцѣниваются далеко не одинаково. Идея о дегенерации, вырожденіи, впервые установленная знаменитымъ французскимъ психіатромъ Morel'емъ, открыла рядъ чрезвычайно цѣнныхъ фактовъ, но въ то же время дала поводъ къ построенію совершенно ошибочной доктрины. Непоколебимый и дѣйстви-

тельный фактъ, лежащій въ основѣ теоріи дегенерациі, это прогрессивное исчезновеніе рода, расы и вида путемъ послѣдовательныхъ и передаваемыхъ по наслѣдству измѣненій, начиная отъ едва замѣтныхъ психическихъ аномалій до полного угасанія функций, наиболѣе необходимыхъ для сохраненія личнаго и родового. Теоретическія воззрѣнія придали этому факту исключительный и при томъ фатальный характеръ. Вырожденіе повисло надъ человѣчествомъ въ видѣ неизбѣжнаго и неумолимаго рока античныхъ временъ. Теорія эволюціи лишила однако дегенерацию этого характера таинственной, тяготѣющей надъ нами силы и низвела ее на степень естественнаго біологическаго фактора, настолько же неизбѣжнаго, насколько и полезнаго на нашемъ непрерывномъ пути къ совершенствованію.

Каждый человѣкъ обладаетъ опредѣленною, хотя и измѣнчивою суммою сопротивленія по отношенію къ окружающей его средѣ—физической и соціальной. Его развитіе совершается правильно, если его способность сопротивленія достаточна для того, чтобы преодолевать неблагоприятныя окружающія условія. И это равновѣсіе, которое ему удастся поддерживать, онъ передаетъ и своему потомству. Но цѣлому ряду лицъ не удастся сохранить этого первоначальнаго равновѣсія подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ неблагоприятныхъ условій, вызывающихъ болѣе или менѣе глубокія уклоненія. Эти послѣднія могутъ сразу достигнуть такой степени, что способность сопротивленія внѣшнимъ условіямъ рѣзко падаетъ или совсѣмъ утрачивается: вырожденіе является здѣсь самостоятельно, безъ посредниковъ,—это приобрѣтенная дегенерациа нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ. Въ большинствѣ случаевъ однако эти измѣненія развиваются прогрессивно подъ повторнымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и наслѣдственной передачи. Эта инволюція, это обратное развитіе (хотя здѣсь нѣтъ и помину о возвращеніи къ первоначальнымъ состояніямъ) не заключаетъ въ себѣ въ принципѣ ничего фатальнаго. Вырожденіе, начавшееся у одного родича, можетъ остановиться или даже пойти обратно подъ оздоравливающимъ вліяніемъ другого. Оно становится неустранимымъ лишь съ того момента, когда поражаетъ наиболѣе важныя функціи и дѣлаетъ возрожденіе невозможнымъ.

Такимъ образомъ, дегенерациа представляетъ отвлеченную форму, обнимающую измѣнчивые біологическіе процессы и со-

отвѣтствующія очень разнообразныя функціональныя состоянія; общая связь между ними, чисто-схематическая, заключается въ уменьшеніи способности къ сопротивленію, а слѣдовательно и къ нормальному развитію, результатомъ чего является угасаніе личности и расы.

Дегенерация представляетъ лишь символъ: она не существуетъ внѣ лицъ, которыя являются носителями дегенеративнаго процесса, лицъ вырождающихся или дегенерантовъ. Эти послѣдніе по степени представляемыхъ ими измѣненій могутъ быть раздѣлены на четыре группы. Двѣ первыя—*desequilibrants* и *desequilibres*—представляютъ наиболѣе легкія степени уклоненія отъ того равновѣсія, которое свойственно нормальному человѣку; двѣ послѣднія—*degenerants* и *degenerés*—характеризуются болѣе тяжелымъ пораженіемъ, обыкновенно уже не подающимъ надежды на возрожденіе. Самъ *Dallemagne* однако признаетъ всю искусственность своей классификаціи, которая дѣйствительно поκειται на очень шаткихъ и вполнѣ субъективныхъ основаніяхъ; со всѣмъ не понятно его утвержденіе, что эта классификація основана на существенномъ признакѣ дегенерации—предрасположеніи. Лица, предрасположенныя къ вырожденію, отличаются отъ нормальныхъ людей суммою признаковъ, т.-н. стигматами дегенерации. Эти стигматы обыкновенно раздѣляютъ на анатомическіе и біологическіе или функціональные; *Dallemagne* прибавляетъ сюда третью группу—стигматы соціологическіе. Стигматы анатомическіе выражаются самыми разнообразными уклоненіями во внѣшнемъ строеніи, какъ существенными, такъ и второстепенными; число ихъ со времени *Mogel'*я постоянно увеличивается, и это непрерывное возрастаніе едва не дискредитировало ихъ значенія и оцѣнки. Съ установленной точки зрѣнія этой опасности больше не существуетъ: все то, чѣмъ въ анатомическомъ строеніи выражается уменьшеніе способности индивидуума къ сопротивленію, и все то, что способствуетъ уменьшенію этой способности въ потомствѣ, можетъ быть отнесено къ числу анатомическихъ стигматъ. Нельзя не замѣтить, что, несмотря на простоту и удобство этой формулы, она далеко не соответствуетъ дѣйствительному положенію вещей; способность сопротивленія нисколько не страдаетъ отъ неправильнаго строенія ушной раковины или зубовъ, цвѣта радужной оболочки и многихъ другихъ признаковъ, причисляемыхъ въ настоящее время къ числу важныхъ дегенеративныхъ

стигмать. Подобно тому, какъ существуетъ гармонія формъ, существуетъ и гармонія функцій, — приче́мъ оба ряда явленій содѣйствуютъ одной цѣли—приспособленію. Имѣя въ виду это равновѣсіе функціональныхъ отправленій, можно говорить о стигматахъ функціональныхъ или біологическихъ, которые точно также многочисленны и разнообразны, начиная отъ едва замѣтныхъ особенностей нашего характера и интеллекта до самаго тяжелаго пораженія наиболѣе важныхъ функцій. Стигматы социальныя выражаются ослабленіемъ приспособляемости къ общественнымъ условіямъ; они являются нерѣдко первымъ и тонкимъ реактивомъ нашихъ альтруистическихъ отношеній, въ то время когда ни формы, ни функціи не позволяютъ еще подозрѣвать ничего ненормальнаго.

Что касается до преступности, то она точно также является отвлеченіемъ, символическою формулой; въ группѣ юридическихъ явленій она представляетъ то же самое, что дегенерация—въ группѣ явленій біологическихъ. Точно также она не существуетъ сама по себѣ, внѣ конкретныхъ лицъ, т.-е. преступниковъ. Послѣдніе же стали доступны пониманію только съ того времени, когда ихъ стали изучать детально, когда было признано, что преступленіе является сложнымъ результатомъ взаимодействія двухъ различныхъ факторовъ — индивидуальнаго и социальнаго, изъ которыхъ тотъ и другой постоянно подвергаются значительному измѣненію. Преобладаніе того или другого фактора, какъ причинаго момента, позволяетъ раздѣлить преступниковъ на двѣ группы: преступниковъ инстинктивныхъ, по призванію, по профессіи, и преступниковъ случайныхъ, по страсти, по необходимости. Въ первой группѣ предрасположеніе къ преступленію выражено очень сильно, внѣшнія же условія имѣютъ второстепенное значеніе, во второй существуютъ совершенно обратныя отношенія. Эта классификація въ большинствѣ случаевъ совершенно достаточна, но не надо однако забывать, что оба эти крайніе типа представляютъ не что иное какъ схемы, и что между ними существуютъ безчисленные переходы, въ которыхъ личное предрасположеніе и случайныя условія комбинируются между собою самымъ различнымъ образомъ. Что касается до стигмать преступности, то они имѣютъ очень много общаго съ таковыми же дегенераци, но ни въ коемъ случаѣ не должны быть смѣшиваемы съ ними.

Въ какомъ же отношеніи находятся преступность и вырожденіе? На этотъ вопросъ давались различные отвѣты. Присутствіе одинаковыхъ стигматъ, вліяніе аналогическихъ причинъ, а также вліяніе наслѣдственности заставили нѣкоторыхъ прійти къ заключенію, что преступность и вырожденіе суть понятія тождественныя. Другіе, совершенно искусственно схематизируя нѣкоторые преступные типы, пытались свести ихъ къ типамъ дегенеративнымъ, противопоставляя ихъ также схематизированному нормальному типу. Третьи утверждали, что дегенерація, не сливаясь вполне съ преступностью, только предрасполагаетъ къ ней, подготавливая удобную почву для ея развитія. Четвертые самое преступленіе рассматривали какъ одинъ изъ признаковъ дегенерации, причѣмъ преступность вся цѣликомъ перелилась въ область дегенерации.

Наконецъ, стали искать соотношенія между дегенераціей и преступностью, съ другой, менѣе исключительной точки зрѣнія. Многіе авторы путемъ статистики пытались установить, какое число дегенерантовъ находится среди преступниковъ, и пришли къ выводу, что 50%, т.-е. половина преступниковъ, имѣютъ признаки вырожденія и, слѣдовательно, должны быть отнесены къ дегенерантамъ. Другіе же, именно Paul Sollier, ввели факторъ преступности въ качествѣ элемента для классификаціи дегенерантовъ, раздѣливъ ихъ на стоящихъ внѣ общества (extra-socials) и стоящихъ противъ общества (anti-socials).

Dallemagne указываетъ, что всѣ эти рѣшенія неудовлетворительны. Нельзя установить абсолютнаго соотношенія между преступностью и дегенераціей, взятыми сами по себѣ вслѣдствіе отвлеченнаго и измѣнчиваго характера обоихъ понятій. Рѣшеніе можетъ быть только чисто конкретнымъ, индивидуальнымъ, и въ различныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, а иногда и въ цѣлыхъ группахъ ихъ—совершенно неодинаковымъ. У полныхъ идиотовъ, представляющихъ наиболѣе высокую степень вырожденія, не существуетъ преступности: здѣсь дегенерація и преступность находятся въ антагонизмѣ, одна исключаетъ другую. У лицъ съ импульсивными стремленіями преступленіе является лишь выраженіемъ ихъ болѣзненнаго влеченія,—здѣсь преступность и дегенерація идутъ другъ съ другомъ объ руку и коренятся въ одной общей причинѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакихъ указаній на дегенерацію, и предрасположеніе къ преступленію идетъ по пути, стоящему внѣ всякой связи съ вырожденіемъ.

Д-ръ Naeske выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что Dallemagne не относитъ признаковъ дегенерации къ атавизму, и пользуется случаемъ, чтобы отъ лица своего и нѣмецкихъ авторитетовъ высказать снова рѣзкое осужденіе, направленное какъ противъ самого Lombroso, такъ и всего направленія криминальной антропологии, этой «каррикатуры науки». Проф. Fogel указываетъ на необходимость быть болѣе осторожнымъ при оцѣнкѣ признаковъ дегенерации, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе представляютъ не что иное, какъ результатъ подбора и совершенствованія. Наприм., все болѣе распространяющееся облысѣніе можетъ служить указаніемъ на готовящееся исчезновеніе органа, который дѣлается для насъ все болѣе бесполезнымъ и взаимнъ котораго мы, можетъ быть, получимъ какое-либо новое развитіе мозга. Вмѣстѣ съ тѣмъ Fogel указываетъ д-ру Naeske на неумѣстность его рѣзкихъ нападокъ на Lombroso. Ему мы обязаны возникновеніемъ криминальной антропологии. Можно не соглашаться съ его ученіемъ, но всякая теорія, даже ложная, имѣетъ право на существованіе, если она заставляетъ работать и открываетъ новые пути. Эти слова были покрыты громкими аплодисментами.

Второй докладъ «О темпераментѣ и преступности» принадлежалъ Enrico Ferri. Для индивидуума темпераментъ составляетъ то же самое, что раса для народа, т.-е. психофизическую основу, въ большей части унаслѣдованную и врожденную, частію же приобретенную, — основу, которая опредѣляетъ наклонности, стремленія, которая накладываетъ отпечатокъ ихъ самобытнoй личности—индивидуальной или коллективной—сохраняющійся какъ въ теченіе различныхъ историческихъ возрастовъ, такъ и въ различныхъ географическихъ областяхъ. Такъ какъ преступленіе представляетъ собою явленіе патологии въ одно и то же время и личной, и общественной, и служитъ результатомъ факторовъ *антропологическихъ, биологическихъ и социологическихъ*, то очевидно, что къ аналитическимъ изслѣдованіямъ анатоміи, біологіи и психологіи необходимо присоединить изслѣдованія синтетическія, направленные къ изученію биопсихической личности преступнаго человѣка, насколько онъ является носителемъ личнаго темперамента и принимаетъ участіе въ опредѣленной этнической группѣ. Подобныя изслѣдованія уже появились въ работахъ криминальной антропологии. Но и въ области нормальной физиологіи и психологіи замѣчается также

рѣшительный поворотъ къ синтетической точкѣ зрѣнія, послѣ того какъ подъ вліяніемъ благотворной реакціи противъ построеній метафизическаго апіоризма изученіе явленій органической и психической жизни достигло чрезмѣрнаго и вреднаго дробленія. Это выражается въ появленіи многочисленныхъ работъ, направленныхъ къ изученію характеровъ, темпераментовъ, типовъ. Ferri полагаетъ однако, что необходимо еще болѣе расширить этотъ синтезъ. До сихъ поръ изучали и описывали человѣка въ отдѣльности, тогда какъ необходимо изученіе его темперамента и характера при дѣйствительныхъ условіяхъ его существованія, т.-е., какъ члена общества. Въ этомъ личномъ факторѣ, который опредѣляетъ собою реакцію всякаго человѣка на воздѣйствія среды физической и соціальной, слѣдуетъ искать критерія для классификаціи *темпераментовъ въ ихъ соотношеніи съ соціальною жизнью индивидуума*. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о «преступномъ темпераментѣ». Всякій физиологическій темпераментъ можетъ быть физическою основою преступнаго темперамента, наприм., лимфатическіе темпераменты встрѣчаются въ большомъ числѣ среди привычныхъ преступниковъ, нервные — среди преступниковъ по страсти и проч. Но главнымъ образомъ преступный темпераментъ коренится въ состояніяхъ вырожденія организма и особенно нервной системы. Что же такое преступный темпераментъ?

Такъ какъ темпераментъ представляетъ «біо-психическую личность, которая живетъ и дѣйствуетъ въ средѣ физической и соціальной», то необходимо различать двѣ большія категоріи антисоціальныхъ дѣйствій, которыя называются преступленіями.

Преступленіе всегда представляетъ актъ антисоціальный, такъ какъ онъ нарушаетъ условія существованія коллективной группы въ данный моментъ ея развитія. Но преступленіе можетъ нарушать существующее равновѣсіе соціальной жизни или путемъ воспроизведенія атавистическихъ формъ борьбы за жизнь или же съ цѣлью установить новыя и болѣе совершенныя общественныя формы. Различія, давно уже дѣлаемая между преступленіями обыкновенными и преступленіями политическими, между преступностью атавистическою или мышечною и преступностью эволютивною или интеллектуальною, соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени тому различію, какое можно установить между противообщественнымъ актомъ, который воспроизводитъ древнія

фазы общественнаго развитія (убійство, воровство, насиліе) и тѣмъ антисоціальнымъ актомъ, который имѣетъ въ виду фазы будущаго развитія общества (возстанія, стачки, заговоры). Можно различать также среднюю зону преступности, которая нарушаетъ существующій строй общества съ цѣлью его дальнѣйшаго развитія, но посредствомъ атактистической формы (политическія убійства) и т. п. Всѣ авторы этихъ антисоціальныхъ поступковъ суть преступные темпераменты, т.-е. они представляютъ біо-психическую личность, которая не можетъ подчиняться настоящимъ условіямъ общества и которая уступаетъ своимъ импульсивнымъ стремленіямъ, обусловленнымъ неустойчивостью нервной системы, фанатизмомъ или моноидеизмомъ.

Помимо статическаго изученія преступнаго темперамента, связаннаго съ унаслѣдованными наклонностями, надо имѣть въ виду и динамическую точку зрѣнія, т.-е. развитіе и превращеніе этихъ врожденныхъ наклонностей соотвѣтственно возрасту, состоянію здоровья, вліяніямъ физической и соціальной среды, экономическому положенію и проч. Въ своемъ докладѣ Ferrі не имѣлъ въ виду исчерпать всѣхъ подробностей затронутаго вопроса; его цѣль была лишь намѣтить первые шаги *криминальной этологии* (ethologie criminelle), которая потребуеетъ дружной и совмѣстной работы многихъ изслѣдователей.

Докладъ Ferrі снова послужилъ поводомъ къ возобновленію преній по одному изъ основныхъ вопросовъ криминальной антропологии.

Сенаторъ Закревскій (русскій официальный делегатъ) протестуетъ во имя логики противъ самаго термина «преступный темпераментъ», считая недоступнымъ смѣшеніе біо-психологическаго понятія «темпераментъ» съ соціологическимъ понятіемъ «преступленіе». То, что считается преступленіемъ при одномъ уровнѣ цивилизаціи, не считается таковымъ при другомъ. Можно говорить о темпераментахъ порочныхъ, но не преступныхъ. На защиту возрѣній Ferrі выступили проф. Forel и Lombroso, которые въ доказательство существованія преступныхъ темпераментовъ привели нѣсколько случаевъ очень ранняго проявленія преступности у дѣтей. Въ случаяхъ Lombroso можно было при этомъ указать на существованіе эпилепсіи, тогда какъ въ случаѣ Forel'я, касающемся дѣвочки-отравительницы, родившейся отъ пьяницы-матери, нельзя было отмѣтить никакихъ признаковъ дегенераціи

за исключеніемъ ранняго и несоотвѣтственнаго возрасту физическаго развитія. В. Г. Дехтеревъ видитъ въ случаѣ проф. Fogel'я подтвержденіе его положенію, что потомство алкоголиковъ представляетъ собою прирожденныхъ преступниковъ. Dallemagne не довѣряетъ подобнаго рода синтезу. Въ основѣ преступнаго темперамента Ferrі лежитъ просто отсутствіе нравственнаго чувства, т.-е. явленіе патологическое. Д-ръ Verillon, издатель *Revue de l'hypnotisme*, не допускаетъ существованія темперамента, который выдѣлялъ бы порокъ, въ то время какъ другіе темпераменты выдѣляли бы добродѣтель. Криминалисты - антропологи постоянно упускаютъ изъ виду крайне важный факторъ—воспитаніе. Нравственное чувство конечно не прирожденно намъ, а постепенно развивается и воспитывается. Какое воспитаніе получили тѣ молодые преступники, о которыхъ здѣсь говорилось, это осталось неизвѣстнымъ. Оппоненту пришлось изслѣдовать дѣтей, вѣроятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ кому бы то ни было изъ членовъ конгресса, и онъ пришелъ къ заключенію, что клеймо, передаваемое родителями, заключается въ нравственномъ воспитаніи, а не въ наслѣдственности. Даже эпилептики не рождаются фатально предрасположенными къ преступленію, но большинство изъ нихъ воспитываются самымъ плачевнымъ образомъ, часто по винѣ врачей, которые совѣтуютъ родителямъ ни въ чемъ имъ не противорѣчить и не посылать въ школу. Нравственное воспитаніе начинается уже съ первыхъ мѣсяцевъ жизни; наблюденіе показываетъ, что ребенокъ, едва начинающій лепетать, уже получаетъ знакомство съ окружающими его чувствами. Д-ръ В. Г. Дехтеревъ въ опроверженіе взгляда Verillon'a, приводитъ случай 5-ти лѣтней дѣвочки, бывшей въ психіатрической клиникѣ, которая была совершенно лишена всякаго нравственнаго чувства и которая не поддавалась никакому воспитанію. (Однако и въ этомъ случаѣ остается неизвѣстнымъ, каково было воспитаніе до 5-ти лѣтъ; между тѣмъ дѣвочка происходила изъ семьи алкоголиковъ.)

Въ дневномъ засѣданіи д-ръ Verillon сдѣлалъ два сообщенія: «О гипнотическомъ внушеніи, какъ мѣрѣ способствующей исправленію со стороны родителей» и «О необходимости уничтожать татуировку у молодыхъ подсудимыхъ». Итальянская школа, какъ извѣстно, придаетъ большое значеніе наклонности преступниковъ къ татуировкѣ и считаетъ ее однимъ изъ важныхъ признаковъ

преступности, указывающихъ на пониженіе или даже полное уничтоженіе болевой чувствительности кожи. По наблюденію Verillon'a, въ исправительныхъ домахъ можно найти много подростковъ—мальчиковъ и дѣвочекъ, которые позволяли татуировать себя въ раннемъ возрастѣ по шалости или изъ подражанія. Большинство ихъ тяготится своею татуировкою и охотно соглашается на ея уничтоженіе. Поэтому желательно было бы имѣть при подобныхъ учрежденіяхъ особаго мастера, который бы занимался сведеніемъ татуировки. На это было указано, что очень многіе преступники чрезвычайно дорожатъ своею татуировкою, особенно если она выполнена художественно; если многія дѣвушки и желаютъ избавиться отъ какой-либо эмблемы любви, то только для того, чтобы замѣнить ее новою; наконецъ—и это самое важное—не существуетъ никакого средства, которое позволяло бы уничтожить татуировку (Lacassagne, Gosse, Dalifol, Lombroso).

Сообщеніе П. Н. Тарновской было посвящено вопросу «о женской преступности». Г-жа Тарновская кратко изложила свои выводы изъ 160 наблюденій надъ женщинами-убійцами, подробно изслѣдованными ею анатомически, функціонально и психически, что составляетъ обширный трудъ, готовящійся къ печати.

Въ своемъ докладѣ авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ *).

Женская преступность отличается отъ мужской, сообразно физиологическимъ отправлениямъ женщины и особенностямъ ея характера, зависящимъ отъ этихъ отравленій, а также сообразно и нѣкоторымъ другимъ свойствамъ, присущимъ женщинѣ, въ связи съ положеніемъ, занимаемымъ ею въ семьѣ и обществѣ.

Согласно автору, существуетъ только два преступленія противъ личности, присущія исключительно каждому полу отдѣльно—это вытравленіе плода для женщины и изнасилованіе для мужчины. Всѣ прочія преступленія совершаются одинаково какъ женщиною, такъ и мужчиною, но въ различной степени частоты, соотвѣтственно каждому полу.

Сумма преступленій противъ личности, совершаемыхъ женщинами, всегда и во всѣхъ странахъ значительно меньше суммы

*) Благодаря любезности П. Н. Тарновской, я имѣю возможность привести ея сообщеніе въ ея собственномъ изложеніи.

тѣхъ же преступленій, совершаемыхъ мужчинами; сумма женской уголовной преступности составляетъ приблизительно отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{10}$ мужской преступности.

Среди женскаго сельскаго населенія въ Россіи изъ преступленій противъ личности чаще другихъ встрѣчаются мужеубійства, что отчасти зависитъ отъ обычая въ деревняхъ выдавать дѣвушекъ замужъ очень рано, едва онѣ достигнутъ 16-ти лѣтъ, нерѣдко помимо ихъ согласія,—отчасти же вызывается тяжелымъ и подчиненнымъ положеніемъ въ семьѣ мужа: уйти нельзя—водворять обратно; развода не существуетъ. Вслѣдствіе совокупности этихъ причинъ, мужеубійства, преимущественно путемъ отравленія, въ крестьянской средѣ совершаются несравненно чаще, чѣмъ женоубійства.

Несмотря на полное подчиненіе женщины въ крестьянской семьѣ, отвѣтственность ея передъ судомъ одинакова съ мужчиной, что несправедливо при неодинаковости правъ.

Въ своемъ докладѣ авторъ настаиваетъ на необходимости, во-первыхъ, изучать болѣе подробно личность преступника; во-вторыхъ, вникать болѣе обстоятельно въ мотивы или побужденія, вызвавшія данное преступленіе. Согласно нашему Уголовному Уложенію, всѣ преступленія противъ личности одинаково наказуются ссылкой въ каторжныя работы, и лишь срокъ наказанія бываетъ различенъ, смотря по тяжести преступленія. Между тѣмъ побудительныя причины, вызывающія преступленія, бываютъ весьма различны: дѣвушка, задушившая своего новорожденнаго ребенка, подъ вліяніемъ страха и стыда, несомнѣнно руководилась иными побужденіями, чѣмъ человѣкъ, совершившій убійство съ цѣлю ограбленія; человѣкъ, убившій подъ вліяніемъ ревности, дѣйствовалъ на основаніи совершенно иного мотива, чѣмъ то лицо, которое отравило съ цѣлю получить наслѣдство или страховую премію. Авторъ приводитъ примѣръ попытки, сдѣланный итальянской антропологической школой классифицировать преступленія на основаніи побужденія, вызвавшаго ихъ.

Такое близкое разсмотрѣніе побудительныхъ причинъ, вызывающихъ преступленія, по необходимости будетъ способствовать всестороннему изученію и выясненію личности преступника, что не можетъ не отразиться на примѣненіи репрессивныхъ мѣръ и на измененіи однородности наказанія преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ побудительныхъ причинъ, не имѣющихъ между

собою ничего общаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, близкое изученіе личности преступника предупредить возможность ссылки и наказанія людей больныхъ и невмѣняемыхъ.

Въ видѣ примѣра г-жа Гарновская дѣлитъ свой матеріалъ согласно побужденіямъ, вызвавшимъ убійство, и получаетъ слѣдующія рубрики: убійства подъ вліяніемъ страстныхъ побужденій: месть, ревность, супружескія несогласія; убійства изъ корысти, убійства вслѣдствіе притупленія нравственнаго чувства; убійства случайныя и, наконецъ, убійства, совершенныя подъ вліяніемъ психическихъ разстройствъ.

Чаще всѣхъ встрѣчались убійства, вызванныя супружескими несогласіями и страстными побужденіями: такихъ оказалось 70 на 160 наблюденій. Рѣже встрѣчались убійства изъ корыстныхъ цѣлей—32 случая на 160. Преступленій противъ личности, совершенныхъ психическими больными, насчитывалось 8 на 160.

Рѣже всего встрѣчалъ авторъ случайныхъ убійцъ между женщинами: 5 на 160 наблюденій. Среди мужской преступности случайныя убійства происходятъ несравненно чаще подъ вліяніемъ гнѣва, пьянства и дракъ. Рѣдкость случайныхъ убійцъ между женщинами объясняется тѣмъ, что женщины, обладая значительно меньшею физической силой, рѣже прибѣгаютъ къ насилію; болѣе замкнутый, домашній образъ жизни большинства женщинъ предохраняетъ ихъ отъ многихъ внѣшнихъ столкновеній, и, наконецъ, самое главное—число женщинъ, предающихся пьянству, несравненно менѣе числа пьяницъ мужчинъ.

Свой докладъ г-жа Гарновская заканчиваетъ замѣчаніемъ, что напрасно противники криминальной антропологіи предъявляютъ ей такія категорическія требованія, на которыя она въ настоящій моментъ отвѣта дать еще не можетъ. Конкретнаго типа преступника нѣтъ, такъ какъ само преступленіе есть явленіе сложное, слагающееся изъ множества отрицательныхъ факторовъ въ жизни человѣка, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неблагоприятная наслѣдственность, бѣдность, дурной примѣръ, пьянство родителей, заброшенное дѣтство и отсутствіе всякаго воспитательнаго начала, пріучающаго человѣка съ раннихъ лѣтъ сдерживать себялюбивые инстинкты и страстныя побужденія. Также незаслуженъ упрекъ, дѣлаемый криминальной антропологіи, что, въ чрезмѣрной заботѣ своей объ исправленіи преступниковъ, она забываетъ о нуждахъ честнаго и трудящагося

населенія, имѣющаго болѣе правъ на заботливость общества. Но, разрабатывая методы всесторонняго изученія преступника не только съ анатомической точки зрѣнія, но и съ психической и нравственной стороны, антропология все ближе и ближе подходит къ причинамъ, лежащимъ въ основаніи преступленій; она уподобляется, такъ сказать, врачу, которому нужно узнать причину, производящую болѣзнь, прежде чѣмъ лѣчить ее на основаніи однихъ ея симптомовъ. Популяризируя свои взгляды и распространяя ихъ въ публикѣ, антропология учитъ, какъ бороться съ неблагопріятною наслѣдственностью и путемъ цѣлесообразнаго воспитанія ослаблять ея вредъ; она разъясняетъ опасность браковъ между близкими родственниками, между лицами, страдающими нервными болѣзнями, предостерегаетъ отъ алкоголизма и другихъ излишествъ, ведущихъ къ ослабленію и вырожденію настоящаго поколѣнія, которое при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ нараждается съ недостаточною силой сопротивленія для жизненной борьбы, въ свою очередь также все болѣе и болѣе осложняющейся.

Изучая личность преступника во всѣхъ ея подробностяхъ и углубляясь въ причины, вызывающія самыя преступленія, антропология работаетъ на пользу не только преступниковъ, но и всего человѣчества, такъ какъ она указываетъ на профилактическія мѣры, способствующія къ оздоровленію, просвѣтлѣнію и возвышенію нравственнаго уровня темныхъ массъ, а этимъ самымъ — къ предупрежденію и уменьшенію числа преступленій. Не надо только забывать, что криминальная антропология вовсе не утверждаетъ, что всѣ преступники больные или сумасшедшіе, но она научаетъ отдѣлять больныхъ отъ здоровыхъ и отличать тѣ промежуточныя формы, которыя граничатъ между болѣзнью и здоровьемъ и порождаютъ людей ненормальныхъ, плохо уравновѣшенныхъ, которыхъ надо не наказывать, а воспитывать, исправлять или лѣчить.

Это сообщеніе вызвало самыя восторженныя похвалы со стороны Lombroso, предложившаго затѣмъ докладчицѣ нѣсколько частныхъ вопросовъ. Адвокатъ Laschi изъ Вероны въ докладѣ «О способѣ предупредительнаго воспитанія» порочныхъ и брошенныхъ дѣтей отдастъ предпочтеніе англійской промышленной школѣ. Воспитаніе такихъ дѣтей должно быть строго индивидуалистическимъ, согласно съ темпераментомъ ребенка и другими

условіями: приему въ такое заведеніе должно предшествовать психофизиологическое изслѣдованіе.

Д-ръ Minović изъ Бухареста сообщилъ о результатахъ своихъ антропологическихъ изслѣдованій надъ преступниками, содержащимися въ румынскихъ тюрьмахъ. Эти изслѣдованія привели его къ отрицательному выводу относительно существованія особаго преступнаго типа; по своему анатомическому строенію преступники ничѣмъ не отличаются отъ другихъ лицъ. П. Н. Тарновская, затѣмъ Lombroso указали докладчику, что его выводы имѣютъ мало значенія, такъ какъ изслѣдуя различныя народности—румынь, болгаръ, турокъ, онъ не выдѣлилъ этихъ группъ и, сопоставляя преступниковъ съ честными людьми, сравнивалъ далеко не однородныя величины. Докладчикъ, соглашаясь, что въ его работу проскользнулъ указанный пробѣлъ, тѣмъ не менѣе выставляетъ на видъ, что, если ему случалось иногда находить у преступниковъ тѣ или другіе отдѣльные признаки, описанные Lombroso, то ни разу ему не встрѣтилось преступнаго типа въ смыслѣ этого ученаго. Проф. Forel, предсѣдательствовавшій на этомъ засѣданіи, не придаетъ рѣшающаго и исключительнаго значенія грубому анатомическому строенію; стигматъ преступности слѣдуетъ искать въ тонкой структурѣ мозга и въ психологическомъ характерѣ. Сенаторъ Закревскій обращаетъ вниманіе Forel'я на уставъ конгресса, по которому предсѣдатель можетъ принимать участіе въ преніяхъ, только передавъ предсѣдательство другому лицу. Проф. Forel соглашается, что онъ дѣйствительно нарушилъ параграфъ устава, но позволилъ себѣ это сдѣлать только потому, что никто больше не пожелалъ принять участія въ преніяхъ.

4.

Среда, 14 августа.

Въ своей рѣчи при открытіи конгресса проф. Ladame указалъ, что настоящему конгрессу предполагалось придать болѣе практической характеръ. «Послѣ оживленной борьбы въ Римѣ и Парижѣ по поводу теоріи прирожденнаго преступника, въ Брюсселѣ состоялось счастливое сближеніе между юристами и медиками, метафизиками и позитивистами на почвѣ научнаго наблюденія. Вслѣдствіе этого нашли возможнымъ и своевременнымъ

придать женевскому конгрессу болѣе практической характеръ, поставивъ на первый планъ вопросы, касающіеся судебныхъ и административныхъ приложений криминальной антропологии.

Однако, докладовъ, касающихся практическаго примѣненія криминальной антропологии, было представлено немного. Изъ числа ихъ видное мѣсто принадлежитъ докладу van Hamel'я: «Анархизмъ и борьба съ нимъ съ точки зрѣнія криминальной антропологии». Преступленія анархистовъ разнообразны. На первомъ планѣ стоятъ покушенія,—то, что носитъ общее названіе «пропаганды дѣйствіемъ». Эти покушенія иногда направлены противъ опредѣленныхъ представителей власти, парламента, полиціи, но въ большинствѣ случаевъ они направлены противъ неопредѣленной массы «буржуа» и состоятъ въ массовыхъ убійствахъ и разрушеніяхъ, совершаемыхъ главнымъ образомъ при помощи бомбъ и другихъ взрывчатыхъ веществъ. Всѣ эти покушенія противъ личности и собственности исходятъ изъ одной общей причины—глубокой ненависти къ существующему обществу и горячаго желанія открыть новую эру соціальной жизни; всѣ они стремятся къ одной цѣли—насильственному превращенію старыхъ соціальныхъ формъ въ формы новыя.

На второмъ планѣ стоятъ подготовительныя дѣйствія. Съ одной стороны, матеріальное подготовленіе — фабрикація, храненіе или перевозка разрушительныхъ средствъ; съ другой — подготовленіе интеллектуальное—подстрекательство къ этимъ покушеніямъ, подстрекательство прямое, посредствомъ слова или печати, и подстрекательство косвенное, путемъ апологіи этихъ преступленій.

Преступленія анархистовъ представляютъ результатъ ихъ доктрины. Тѣмъ не менѣе необходимо строго различать первыя отъ послѣдней. Доктрина анархистовъ представляетъ такую же соціальную теорію, какъ и всѣ другія. Можно приходить въ ужасъ отъ ихъ нигилистическихъ выводовъ, пожимать плечами при ихъ абсурдныхъ претензіяхъ и иллюзіяхъ, но съ точки зрѣнія современнаго (западнаго) права имъ нельзя запретить формулировать свою теорію наравнѣ съ другими теоріями, каковы бы онѣ ни были. Къ борьбѣ умовъ должны быть допущены всѣ безъ исключенія. Всегда будутъ лица, которыя нападаютъ на существующія учрежденія и будутъ другія, которыя ихъ защищаютъ. Аргументамъ, благороднымъ чувствамъ и острой мысли

однихъ другіе противопоставяють аргументы, чувства и мысли того же характера. Здравый смыслъ населенія будетъ въ состояніи отличить пшеницу отъ плевель, а борющіяся стороны въ самой борьбѣ научатъ многому однѣ другихъ. Такимъ путемъ долженъ совершаться прогрессъ въ человѣческомъ мірѣ.

Теорія анархистовъ представляетъ однако крупную отрицательную сторону; ихъ дѣйствія представляютъ опасность, если не для существующаго общества, то во всякомъ случаѣ для мирнаго развитія общественныхъ установленій, и потому они не могутъ быть терпимы. Въ обществѣ людей цивилизованныхъ всѣ вопросы, въ томъ числѣ и вопросы социальныя, не могутъ и не должны разрѣшаться грубою силой оружія и слѣпымъ разрывомъ бомбъ; лишь настойчивая работа умовъ, убѣжденіе мысли и чувства представляютъ дѣйствительно великія двигательныя силы въ развитіи идей и въ развитіи учрежденій. И это убѣжденіе даетъ намъ силу и право бороться энергично со всякою «пропагандою дѣйствіемъ», бороться съ преступленіями анархистовъ, безъ всякаго колебанія и безъ всякой боязни.

Въ чемъ же должна состоять эта борьба? Эта задача можетъ поставить нѣсколько въ тупикъ защитниковъ классической школы съ ихъ традиціонными формулами: «возмездіемъ за преступленіе» и «заслуженнымъ наказаніемъ». Наоборотъ, слѣдуя принципамъ, установленнымъ криминальною антропологіей, она разрѣшается просто и легко. Криминальная антропологія прежде всего основываетъ право наказанія на необходимости *защиты общества*. Во-вторыхъ, она имѣетъ дѣло не съ преступленіемъ, а съ самимъ преступникомъ; преступленіе получаетъ значеніе не какъ отдѣльный поступокъ, связанный съ тѣми или другими юридическими послѣдствіями, а лишь какъ выраженіе всей личности человѣка. Наконецъ, въ-третьихъ, при выборѣ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ она руководится изученіемъ причинъ преступности. Эти три основные принципа нагляднѣе всего доказываютъ свою пригодность и преимущество именно по отношенію къ пропагандѣ, подготовительнымъ актамъ и подстрекательству анархистовъ.

Согласно изслѣдованіямъ Lombroso, среди анархистовъ можно различать три категоріи. Во-первыхъ, обыкновенные преступники, для которыхъ анархизмъ служитъ лишь плащомъ, прикрывающимъ ихъ низкія эгоистическія стремленія, и для которыхъ

проповѣдь: «дѣлай все, что пожелаешь» — является особенно удобною и заманчивою. Вторую группу составляют случаи патологическіе, — люди, страдающіе невротами или прямо душевною болѣзнію. Наиболѣе же многочисленная категорія состоитъ изъ фанатиковъ, въ характерѣ которыхъ нельзя найти ничего патологическаго. Съ чѣмъ же слѣдуетъ бороться и какими мѣрами? Покушенія анархистовъ, подготовительные акты и прямое подстрекательство къ покушеніямъ во всѣхъ законодательствахъ признаны преступленіями и не возбуждаютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Сомнѣніе возникаетъ лишь по отношенію къ подстрекательству *тайному*. Многие законодатели въ настоящее время считаютъ подлежащимъ наказанію лишь подстрекательство открытое, публичное. Въ виду, однако, самой системы анархистовъ, подстрекательство тайное играетъ чрезвычайно большую роль, и оно точно также должно быть наказуемо, если самый фактъ подстрекательства точно установленъ. Доказательство этого можетъ встрѣтить, однако, большія затрудненія, такъ какъ здѣсь можетъ быть болѣе всего необходимо держаться заключенія, что *nus testis nullus testis*, что обвиненіе, какъ это предписываетъ французскій законъ, не можетъ быть основанъ на свидѣтельствѣ одного лица, которое подверглось подстрекательству. Другое сомнѣніе возникаетъ по отношенію къ подстрекательству *косвенному*. Не подлежитъ сомнѣнію, что и это послѣднее можетъ быть такъ же опасно и имѣть такое же дѣйствіе, какъ и прямое. Косвенное подстрекательство въ той формѣ, какую признаетъ французскій законъ, въ формѣ *апологии* анархизма должно быть наказуемо.

Что касается до предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ, то ихъ общій принципъ долженъ состоять въ непоколебимой рѣшимости существующаго общества защищать свое мирное развитіе противъ всякаго нападенія и пользоваться для этого всѣми наличными средствами. Отсутствие организациі со стороны анархистовъ дѣлаетъ необходимымъ неустанную бдительность полиціи, а также международный обмѣнъ свѣдѣній объ этихъ лицахъ. Мѣры противъ первой категоріи анархистовъ — обычныхъ преступниковъ — по существу ничѣмъ не должны отличаться отъ наказаній общаго права. Признанные больными должны находить себѣ мѣсто въ специальныхъ заведеніяхъ. И по отношенію къ третьей категоріи должна быть установлена общая точка зрѣнія,

что преступленія анархистовъ не представляютъ ничего исключительнаго и всецѣло входятъ въ область общаго права. Общее право охраняетъ жизнь, тѣлесную неприкосновенность и собственность, на которыя нападаютъ анархисты, общее же право должно и карать ихъ. Какіе-либо исключительные законы могутъ иногда принести вредъ, окружая ихъ ореоломъ какихъ-то особыхъ существъ. Наоборотъ, анархисты должны убѣдиться, что ихъ преступленія суть тѣ же самыя, которыя наказывались во всѣ времена у всѣхъ народовъ и что общество чувствуетъ себя достаточно защищеннымъ противъ нихъ своими общими законами. Наравнѣ съ другими преступниками анархисты подлежатъ праву помилованія, если существуютъ смягчающія обстоятельства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не должны быть изъяты отъ смертной казни въ тѣхъ странахъ, гдѣ таковая представляетъ собою высшую степень наказанія; конечно, этой казни могутъ подлежать только участники въ покушеніи противъ чьей-либо жизни. Въ другихъ случаяхъ можетъ оказаться необходимымъ и полезнымъ лишеніе свободы съ неуставленнымъ напередъ срокомъ, одиночное заключеніе и режимъ постоянного труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы всегда должны помнить: если мы желаемъ защищать общество и имѣть чистую совѣсть, то должны посвятить всѣ наши силы для его преобразованія, для его прогрессивнаго развитія, чтобы оно дѣйствительно стало достойнымъ защиты.

Докладъ van Hamel'я вызвалъ очень оживленныя пренія.

Tripels, адвокатъ изъ голландскаго города Maastricht, не считаетъ возможнымъ признавать теорію анархистовъ за социальную теорію. Это теорія антисоциальная. Ораторъ былъ, однако, избранъ председателемъ, которымъ въ этомъ засѣданіи былъ бельгійскій министръ Lejeune, въ виду того, что обсужденіе этого вопроса не входитъ въ программу съѣзда.

Lombroso полагаетъ, что докладчикъ выказалъ себя слишкомъ жестокимъ по отношенію къ анархистамъ. Настоящій анархистъ полагаетъ, что онъ дѣлаетъ добро, а не зло. Исключительные законы опасны въ цѣляхъ защиты самого общества. Италия дала самый недостойный примѣръ подобныхъ законовъ, которые, изданные противъ анархистовъ, были примѣнены къ республиканцамъ и ко всѣмъ лицамъ, состоящимъ въ оппозиціи, между тѣмъ какъ анархизмъ продолжалъ развиваться. Lombroso является рѣшитель-

нымъ противникомъ смертной казни въ примѣненіи къ анархистамъ. Въ этомъ отношеніи абиссинскій король даетъ хорошій примѣръ своимъ врагамъ: онъ посылаетъ политическихъ преступниковъ на крутую гору, даетъ имъ пить и ѣсть, но не позволяетъ спускаться. Репрессивныя мѣры противъ анархистовъ должны быть различны. Нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы посылать въ Новую Каледонію и примѣнять ихъ способности къ цивилизации дикарей. Будучи принципиальнымъ противникомъ суда присяжныхъ, Lombroso считаетъ однако необходимымъ сдѣлать въ пользу него исключенія для преступленій политическихъ и религиозныхъ. Въ обсужденіи этихъ вопросовъ участіе жюри необходимо, такъ какъ только оно можетъ рѣшить, насколько тѣ или другія воззрѣнія находятъ сочувствіе или оппозицію въ общественномъ мнѣніи. Конечно, прибавилъ Lombroso, присяжные должны выбираться между самыми уважаемыми лицами, сенаторами и депутатами.

Профессоръ уголовного права въ Лионѣ Garraud, соглашаясь съ докладчикомъ, что подвергать отвѣтственности можно только за акты, а не за теоріи, выставляетъ на видъ, что во Франціи одно обнародованіе закона противъ анархистовъ положило конецъ этого рода преступленіямъ. Въ этомъ онъ видитъ доказательство, что анархистовъ нельзя относить ни къ прирожденнымъ преступникамъ, ни къ больнымъ, ни къ фанатикамъ, такъ какъ на всѣ эти категоріи ни угрозы, ни наказанія не могутъ оказывать никакого вліянія.

Противъ такого заключенія горячо возстаетъ Ferré, по мнѣнію котораго Garraud впалъ въ двойную ошибку. Опытъ показываетъ, что никакіе законы и никакія наказанія не имѣютъ замѣтнаго вліянія на преступность; не они уменьшаютъ преступленія, а социальныя мѣры. Самые строгіе законы не могли искоренить пиратства, которое пало само собою при развитіи парокходства. Большое заблужденіе думать, что законы оказали вліяніе на эпидемію анархизма во Франціи; эта эпидемія представляла какъ бы лихорадку въ социальномъ организмѣ, которая достигла своего высшаго развитія и затѣмъ прекратилась сама собою. Съ другой стороны, ошибочно утверждать, что указанныя категоріи лицъ не способны реагировать на наказаніе; угроза наказанія дѣйствуетъ даже и на душевно-больныхъ; спросите психіатровъ (вѣроятно Ferré имѣлъ въ виду очень старыхъ психіатровъ), какое благотворное

дѣйствіе оказываетъ, наприм., боязнъ холоднаго душа на помѣшанныхъ.

Соглашаясь съ главными выводами van Hamel'я, Ferri возражаетъ ему противъ нѣкоторыхъ частныхъ. Онъ является самымъ яркимъ противникомъ системы одиночнаго заключенія—этой величайшей нелѣпости XIX вѣка, самаго безчеловѣчнаго изобрѣтенія, придуманнаго для того, чтобы уничтожить въ челоуѣкѣ всякіе слѣды обществѣнности, вмѣсто того, чтобы стараться воспитать и поднять ее. Наилучшая мѣра — это земледѣльческія колоніи во всѣхъ видахъ. Ferri горячо протестуетъ также противъ преслѣдованія за косвенное подстрекательство. Въ теоріи это выходитъ очень хорошо, но на практикѣ представляетъ большую опасность. Судьи вѣдь люди и легко могутъ уступить соблазну обратить это преслѣдованіе противъ всѣхъ ненравящихся имъ убѣжденій. Въ Италіи законъ противъ анархистовъ примѣнялся почти исключительно къ социалистамъ, которымъ говорили: да, вы не участвуете въ поступкахъ анархистовъ, но вы проповѣдуете теоріи, изъ которыхъ выросла ихъ доктрина, слѣдовательно, вы являетесь отцами этого движенія. Самъ Ferri былъ привлеченъ къ отвѣтственности за свои научныя воззрѣнія и политическія убѣжденія. Въ заключеніе Ferri указываетъ, что однѣ репрессивныя мѣры недостаточны въ борьбѣ съ анархизмомъ, это лишь хирургія болѣзни, тогда какъ необходима прежде всего ея гигиена, т. е. социальныя реформы. На это должно быть обращено вниманіе законодателя; для правильнаго общественнаго развитія необходимо, чтобы государство ему покровительствовало.

Докладчикъ ограничился нѣсколькими словами въ отвѣтъ на сдѣланныя ему возраженія. По его мнѣнію, Lombroso слишкомъ сближаетъ анархистовъ съ политическими преступниками; что касается до косвеннаго подстрекательства, то онъ имѣлъ въ виду только апологію покушеній.

Оставляя въ сторонѣ совершенно безсодержательный докладъ профессора судебной медицины въ Ліонѣ Lacassagne «О кражахъ въ большихъ магазинахъ», я только вскользь упомяну и о докладѣ французскаго психіатра Legrain «О социальныхъ послѣдствіяхъ алкоголизма предковъ по отношенію къ вырожденію, нравственности и преступности», въ виду того, что развитыя въ этомъ докладѣ положенія общеизвѣстны и не разъ служили предметомъ обсужденія на съѣздахъ и въ обществахъ. Слѣдуетъ

отмѣтить, что вопросъ объ алкоголизмѣ лишь впервые вошелъ въ программу антропологическаго съѣзда. Изъ преній, въ которыхъ участвовали очень многіе члены (В. Г. Дехтеревъ, Boissier (изъ Парижа), Struelness (изъ Брюсселя), Rey (изъ Марселя), Forel, г. Закревскій, Mottet (изъ Парижа), de Seigneux (изъ Женевы), Legrain) можно было прійти къ заключенію, что всѣ участники конгресса, независимо отъ того, признаютъ ли они теорію прирожденнаго преступника или нѣтъ, согласны въ томъ отношеніи, что алкоголизмъ предковъ безспорно вызываетъ въ потомствѣ сильное предрасположеніе какъ къ душевнымъ болѣзнямъ, такъ и къ преступленіямъ. Позволю себѣ однако прибавить, что ни изъ многочисленныхъ статистическихъ данныхъ, приводимыхъ въ подтвержденіе этого мнѣнія, ни изъ личнаго богатаго опыта отдѣльныхъ наблюдателей нельзя прійти къ опредѣленному заключенію, играетъ ли первую и главную роль непосредственное наслѣдственное вліяніе, или же значительная, по крайней мѣрѣ, доля этого вреда падаетъ на ту убійственную обстановку, въ которой совершается воспитаніе дѣтей алкоголиковъ. Не лишено также интереса, что въ то время какъ одни, съ Forel'емъ во главѣ, высказались за вредное вліяніе всѣхъ видовъ спиртныхъ напитковъ безъ исключенія и стояли поэтому за полное воздержаніе, французскіе врачи отстаивали виноградныя вина, доказывая ихъ безвредность тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи алкоголизмъ появился только вслѣдъ за филлоксерою, когда жители, лишеныя натурального вина, были вынуждены пользоваться разными искусственными напитками.

Дневное засѣданіе отличалось еще большимъ оживленіемъ.

Послѣ сообщенія брюссельскаго тюремнаго врача Struelness'a по поводу «причинъ и профилактики преступленія» и изложенія работы итальянскаго адвоката Cavalieri (въ сотрудничествѣ съ Florian'омъ), сенаторъ Закревскій познакомилъ конгрессъ со своимъ докладомъ «Объ отношеніяхъ между правомъ и антропологіею», который своимъ содержаніемъ, и, можетъ быть, еще болѣе пренебрежительнымъ тономъ докладчика вызвалъ сильное негодованіе. Начавъ съ заявленія, что большинство теорій, выпущенныхъ подъ коллективнымъ названіемъ «криминальной антропологіи», окончательно погибло подъ ударами научной критики и простаго здраваго смысла, докладчикъ замѣтилъ, что самое названіе, присвоенное этой наукѣ, которая подъ именемъ «преступнаго человѣка»

должна была заняться изученіемъ вновь открытой человѣческой расы,—самое это названіе носить нѣсколько фантастическій характеръ (*quelque peu fantaisiste*). Съ одинаковымъ правомъ можно было бы установить и антропологию добродѣтельную (*vertueuse*).

Несмотря на многочисленныя работы научной критики, названіе криминальной антропологии продолжаетъ существовать и до настоящаго дня, и подъ этимъ неопредѣленнымъ обозначеніемъ, повидимому, понимаютъ пучокъ различныхъ свѣдѣній, принадлежащихъ къ областямъ біологіи, социологіи и юриспруденціи, но соединенныхъ въ виду общей и не менѣ расплывчатой цѣли—борьбы съ преступленіемъ.

Еслибы соединили всѣ медицинскія науки — хирургическія, фармацевтическія и терапевтическія въ одну единственную науку, смѣшавъ ихъ предметы, цѣли и методы, подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ онѣ стремятся къ борьбѣ съ болѣзнью,—можно думать, что это не повело бы къ прогрессу въ классификаціи человѣческихъ знаній. Между тѣмъ то же самое смѣшеніе царитъ въ области того, что продолжаютъ называть криминальною антропологіей. Если хотятъ сохранить этотъ условный терминъ, необходимо ему придать по крайней мѣрѣ болѣе ясный смыслъ. Криминальная антропология не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только психопатологією или судебною психіатріей, т.-е. вѣтвью общей психіатрии. Эта наука должна состоять изъ свода всѣхъ знаній физиологическихъ и патологическихъ, психологическихъ и психіатрическихъ, которыя могутъ доставить законодателю необходимыя данныя для рѣшенія вопроса о вмѣняемости и ея степеняхъ, также какъ для установленія системы наказанія. Словомъ, она должна служить вспомогательнымъ средствомъ для юриспруденціи. Что касается собственно антропологическихъ изслѣдованій, то, пожалуй, они могутъ быть полезными при установленіи личности преступника. Вопросъ о вмѣняемости и отвѣтственности остается всецѣло въ области юриспруденціи. Понятіе о преступленіи самодержавно (*souverainement*) устанавливается государственнымъ закономъ. Всякая теорія объ «естественномъ преступленіи» представляетъ чистую химеру. Одинъ только судья, представитель закона, долженъ рѣшать, отвѣтственъ ли передъ нимъ данный преступникъ. Несмотря на большія заслуги судебной психопатологіи въ области юридическихъ примѣненій, она не должна стремиться къ тому, чтобы подставлять врача на мѣсто судьи,

медицинскія науки на мѣсто юриспруденціи, какъ этого пытаются добиться, благодаря тому смѣшенію понятій, которое царитъ въ настоящее время. Судья не отречется отъ своей вѣковой власти передъ кѣмъ бы то ни было, будь это комиссія медиковъ или собраніе соціологовъ. Такимъ образомъ, юридическія науки и между ними наука уголовного права должна сохранять свое автономное положеніе въ іерархіи человѣческихъ знаній, и отношенія между правомъ и антропологіею почти тѣ же самыя, какія существуютъ между правомъ и геологіею или астрономіею; антропологія преступленія или добродѣтели представляетъ не что иное какъ злоупотребленіе словами.

Первымъ отвѣтилъ г. Закревскому бельгійскій аббать de Vaets, произнесшій чрезвычайно сильную, мѣстами всецѣло захватывающую рѣчь, которая то и дѣло прерывалась единодушными бурными аплодисментами.

«Все сказанное представляетъ не докладъ, а скорѣе обвинительный актъ противъ криминальной антропологіи. Г. Закревскій не признаетъ этой науки, отрицаетъ ее и сомнѣвается въ самомъ правѣ ея на существованіе. Мое отношеніе совершенно иное. Отдавъ всѣ свои симпатіи, всю свою любовь міру отверженныхъ, я мучился въ виду карающаго бѣзъ всякой пощады закона, въ виду грозныхъ, терзавшихъ мою душу вопросовъ о вмѣняемости и отвѣтственности. И я долго бродилъ безпомощный въ потьмахъ, не находя отвѣта на свои сомнѣнія... И только когда я встрѣтился съ трудами криминальной антропологіи и тщательно изучилъ ихъ, мои сомнѣнія разсѣялись, мои мысли озарились свѣтомъ.

Съ тѣхъ поръ я всей душою полюбилъ эту науку; она освѣтила намъ тотъ міръ падшихъ и обездоленныхъ, тотъ міръ страданія и мрака, въ которомъ гибнуть жертвы общественной несправедливости и безсердечности, тотъ отверженный міръ, къ которому мы подходили только затѣмъ, чтобы карать его суровыми и беспощадными мѣрами. Если криминальная антропологія не открыла особой расы, то она открыла глаза человѣчества на тѣ факты, которые до нея оставались незамѣченными.

Конечно, этихъ фактовъ еще недостаточно. Для того, чтобы установить наше отношеніе къ преступному міру, нужна извѣстная норма. Г. Закревскій видитъ ее въ волѣ государства, въ законѣ. Но есть нѣчто болѣе великое, болѣе высокое: это—истина

и тотъ неизбежный порядокъ, вытекающій изъ самой природы вещей, какой приданъ имъ Тѣмъ, Кто ихъ создалъ. Существуетъ естественное право, но этой нормы человѣкъ не усматриваетъ абстрактно, однимъ своимъ разумомъ; онъ долженъ приложить много труда и старанія, чтобы хоть приблизиться къ ея пониманію. И эту норму, эту истину ищетъ криминальная антропология. Предметомъ ея изученія служитъ человѣкъ въ томъ видѣ, какъ онъ созданъ, съ его характеромъ и съ тѣми условіями, которыя его окружаютъ. И поскольку криминальная антропология находитъ эту истину, постольку долженъ видоизмѣняться и законъ согласно съ ея требованіями и указаніями. Законъ, который не слѣдуетъ реформирующему вліянію науки, недолговѣченъ и рано или поздно будетъ снесенъ нахлынувшею волной прогресса. И судьи, представители закона, должны не отворачиваться отъ свѣта науки, а искать въ немъ силы и руководства для себя. Какъ и г. Закревскій, заключилъ свою рѣчь de Baets, я нахожу терминъ «криминальная антропология» неподходящимъ. Онъ слишкомъ узокъ. Я бы желалъ, чтобы эта наука расширила предметъ своего вѣдѣнія, чтобы она изучала человѣка не только по отношенію къ уголовному закону, но и по отношенію къ гражданскому праву, охватывала всѣ сферы правовыхъ и социальныхъ отношеній и изъ криминальной антропологии превратилась въ антропологию юридическую».

Поднявшійся вслѣдъ за тѣмъ на трибуну Lombroso, поблагодаривъ прежде всего de Baets'a за горячую защиту криминальной антропологии, добродушно замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ совѣтъ и не требовалось защиты; криминальная антропология стоитъ настолько твердо, что, конечно, ее не могутъ поколебать нападки несвѣдущихъ лицъ. «Въ представленномъ докладѣ совершенно нѣтъ ничего, что заслуживало бы какого нибудь серьезнаго вниманія и требовало бы дѣйствительнаго возраженія. Г. Закревскій очевидно хотѣлъ насъ сегодня повеселить, и я также послѣдую его примѣру. Онъ уже въ третій разъ предаетъ меня смерти. Въ первый разъ онъ меня убилъ на Брюссельскомъ конгрессѣ, потомъ написалъ въ своей книжкѣ, что Lombroso совѣтъ уже умеръ, и сегодня онъ меня хотѣлъ убить уже самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но я еще живъ и продолжаю работать и много работаю. Надѣюсь, что и сегодняшнее покушеніе на мою жизнь также не вызоветъ дурныхъ послѣдствій».—Проф. Forel

замѣтилъ, что лучшимъ средствомъ доказать существованіе криминальной антропологіи было бы основаніе земледѣльческой колоніи для тѣхъ лицъ, которыми она занимается—для дегенерантовъ, прирожденныхъ преступниковъ. Если то, что мы говоримъ, справедливо, пріютъ наполнится скоро; но онъ долженъ находится скорѣе подъ вѣдѣніемъ психіатровъ, а не юристовъ.

«Никто больше не просить слова?—обратился къ собранію предсѣдательствовавшей Ferrі:—«тогда я самъ отвѣчу»,—и зала собранія огласилась страстною, полною негодованія рѣчью. Докладъ сенатора Закревскаго представляетъ печальное событіе для конгресса. Своимъ совершеннымъ непониманіемъ того, о чемъ идетъ рѣчь, онъ доказалъ, что не прочелъ даже первыхъ страницъ ни одного серьезнаго труда по криминальной антропологіи, что онъ совершенно незнакомъ съ азбукой того предмета, о которомъ позволяетъ себѣ судить съ такою развязностью. Говоря объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ, онъ повидимому смѣшалъ ихъ съ системой Bertillon'a, представляющей лишь ихъ практическое приложеніе. Никогда криминальная антропологія не говорила объ особой расѣ,—рѣчь шла лишь о простой разновидности. Утверждать, что отношенія между юриспруденціею и криминальною антропологіею ничѣмъ не отличаются отъ ея отношенія къ геологіи или астрономіи является верхомъ нелѣпости.

Г. Закревскій ставитъ судью выше всякаго ареопага ученыхъ; приписывать такую гордость всѣмъ юристамъ было бы конечно несправедливо. Только ретроградный рутинеръ, закоренѣлый врагъ всякаго прогресса можетъ утверждать, что *судья не долженъ признавать для себя обязательнымъ слѣдовать указаніямъ науки*. Г. Закревскій очевидно незнакомъ съ тѣмъ, что сказалъ еще Цицеронъ: *a natura hominis est discenda natura juris* (въ природѣ чловѣка должна познаваться природа права)».

Рѣчь Ferrі была покрыта бурными, долго несмолкавшими аплодисментами, въ которыхъ принялъ участіе и г. Закревскій.

Выступившій рѣшителнымъ противникомъ новаго направленія еще на Брюссельскомъ конгрессѣ и не встрѣтившій тамъ—благодаря случайному составу съѣзда—никакого отпора, г. Закревскій не рассчитывалъ встрѣтить его и въ Женевѣ, по крайней мѣрѣ въ такой откровенной формѣ. Г. Закревскій началъ увѣрять, что его не такъ поняли; онъ не думаетъ отрицать интереса и пользы криминальной антропологіи и что онъ съ полнымъ

уваженіемъ относится къ ея представителямъ, въ частности къ проф. Lombroso.

Послѣ этого печальнаго инцидента бывший директоръ центральной полиціи въ Женевѣ Guénaud сообщилъ интересныя данныя «о преступности въ Швейцаріи». Статистическія данныя, заимствованныя изъ федеральнаго статистическаго бюро, показываютъ, что Швейцарія по сравненію съ другими государствами Европы занимаетъ исключительно привилегированное положеніе на лѣстницѣ преступности. Въ частности, въ женевскомъ кантонѣ число преступленій прогрессивно уменьшается, что докладчикъ ставитъ въ непосредственную связь съ улучшеніемъ уголовныхъ законовъ, бдительностью полиціи и особенно благотворнымъ вліяніемъ патронажа, который содѣйствуетъ возможности для освобождаемыхъ изъ тюрьмы снова вступать на честный путь. Что дѣло заключается не въ однихъ перечисленныхъ условіяхъ, доказываютъ данныя того же докладчика, по которымъ въ тюрьмахъ подсудимые женевцы составляютъ всего 19⁰/₀ противъ 53⁰/₀ подсудимыхъ иностранцевъ, въ то время какъ количество тѣхъ и другихъ въ населеніи почти одинаково.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправка. Въ помѣщенной въ 33-й книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ статьѣ „Психофизиологическія изслѣдованія надъ микроорганизмами“ вкрались слѣдующія опечатки: на 303 стр., въ примѣчаніи, напечатано „діатомовыя и водоросли“ вмѣсто „діатомовыя водоросли“, „животныхъ и микроорганизмы“ вмѣсто „животные микроорганизмы“ и „усутиковыя“ вмѣсто „жгутиковыя“.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Новый философскій журналъ.

Съ 1896 г. выходитъ отдѣльными выпусками и въ неопредѣленные сроки новый философскій журналъ «Kantstudien», издаваемый профессоромъ Файгингеромъ. Имя автора «Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft» настолько извѣстно въ литературѣ, посвященной изученію кантовской философіи, что оно одно уже служить достаточнымъ ручательствомъ научныхъ достоинствъ новаго журнала. Не меньшей извѣстностью пользуются и его сотрудники по редакціи: Adickes, Dilthey, K. Fischer, B. Erdmann, Heinze, Windelband и др. Все это имена, которыя говорятъ сами за себя. Но и помимо этого нельзя не привѣтствовать появленія такого журнала, который будетъ служить объединяющимъ органомъ для всѣхъ изслѣдованій о Кантѣ, число которыхъ растетъ съ каждымъ днемъ. До сихъ поръ подобныя работы были разбросаны по разнымъ журналамъ и изданіямъ, что дѣлало полное знакомство съ ними крайне затруднительнымъ и подчасъ даже невозможнымъ. Между тѣмъ, какъ бы ни относились къ Канту современные мыслители всѣхъ странъ, болѣе или менѣе причастныхъ философскому движенію мысли, являются ли они его послѣдователями или противниками, — всѣ они тѣмъ не менѣе должны прежде всего ясно опредѣлить свое отношеніе къ великому кенигсбергскому мыслителю. «Возвращеніе къ Канту», ставшее лозунгомъ современной философіи, означаетъ прежде всего необходимость пересмотрѣть кореннымъ образомъ всѣ основные пункты его ученія, хотя бы для того, чтобы ихъ опровергать.

Въ своей передовой статьѣ профессоръ Файгингеръ говоритъ, что онъ уже давно лелѣялъ планъ изданія такого журнала, ко-

торый могъ бы сосредоточить въ себѣ работы по всѣмъ вопросамъ, касающимся ученія и произведеній Канта; осуществленію же этого плана именно теперь способствовало то обстоятельство, что Берлинская королевская академія наукъ постановила принять новое полное изданіе всѣхъ сочиненій Канта, причѣмъ рѣшено воспользоваться по возможности всѣмъ имѣющимся рукописнымъ матеріаломъ. Съ этою цѣлью разосланы воззванія къ большимъ газетамъ, журналамъ, бібліотекамъ и архивамъ и къ собирателямъ автографовъ. Конечно, это изданіе кантовскихъ сочиненій вызоветъ массу новыхъ изслѣдованій, относящихся къ Канту и его ученію. Поэтому вновь возникшій журналъ, по всей вѣроятности, не будетъ имѣть недостатка ни въ сотрудникахъ, ни въ читателяхъ.

Программа журнала, по заявленію редактора, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду двѣ цѣли: историческую и систематическую, пополняющія и переходящія одна въ другую.

Къ исторической задачѣ относится изслѣдованіе тѣхъ фактическихъ данныхъ и психологическихъ условій, благодаря которымъ возникла кантовская философія. Сюда войдетъ историческое разясненіе цѣлаго ряда кантовскихъ проблемъ и положеній, объ условіяхъ возникновенія которыхъ мы зачастую еще ничего не знаемъ, затѣмъ выясненіе того, въ какомъ отношеніи стоялъ Кантъ къ своимъ предшественникамъ, и т. п.

Въ своей систематической части *Kantstudien* ставитъ себѣ задачей полное освѣщеніе кантовскаго ученія и критическое изслѣдованіе его вліянія на послѣдующій ходъ философіи, а также и его значенія для современнаго мышленія и для выработки наиболѣе законченной системы философіи. Такимъ образомъ «*Kantstudien*» отнюдь не хотятъ ограничиваться однимъ лишь изученіемъ новѣйшей исторіи философіи, но стремятся и сами содѣйствовать прямымъ путемъ дальнѣйшей разработкѣ разнообразныхъ философскихъ проблемъ, поскольку послѣднія, какъ это бываетъ почти всегда, примыкаютъ къ Канту. Вотъ почему, по словамъ издателя, «*Kantstudien*» присвоили себѣ названіе «*философскаго* журнала».

Издатель обѣщаетъ намъ, что и та, и другая задача—историческая, и систематическая—будутъ преслѣдоваться журналомъ съ одинаковымъ рвеніемъ, а потому на страницахъ его найдутъ себѣ мѣсто и спеціальныя изслѣдованія, и статьи, систематически объ-

единающія результаты послѣднихъ. Не будетъ забытъ и вопросъ о вліяніи Канта не только на философію, но и на литературу, а равно и на специальныя науки—естествознаніе, богословіе и ученіе о правѣ. И такъ какъ въ настоящее время философія Канта служитъ общимъ достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ, ибо его произведенія и его идеи играютъ роль силъ, вліяющихъ на общій ходъ культуры не только въ Германіи, но и за ея предѣлами, то въ зависимости отъ этого и новый журналъ приобретаетъ до нѣкоторой степени международный характеръ: не говоря уже о томъ, что въ составъ его редакціи вошли представители французской, итальянской и англійской науки,—и произведенія, помѣщаемыя въ немъ, будутъ печататься по желанію каждаго автора на одномъ изъ четырехъ языковъ—нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ.

Итакъ, цѣль журнала—широкая разработка кантовскаго ученія, освѣщеніе его съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія; причемъ всѣмъ направленіямъ будетъ дана одинаковая возможность высказаться на страницахъ этого журнала, который будетъ избѣгать всякой односторонности какъ въ апологетическомъ, такъ и въ полемическомъ направленіи. А что касается до пресловутыхъ чисто-внѣшнихъ, чисто-филологическихъ вопросовъ такъ называемой *Kantsphilologie*, то они будутъ обсуждаться при случаѣ и лишь постольку, поскольку это окажется воочію необходимымъ для философскихъ и историко-философскихъ изслѣдованій о Кантѣ.

Сообразно со всѣми этими задачами, въ составъ *Kantstudien* войдутъ слѣдующіе отдѣлы: а) оригинальныя статьи, большаго и меньшаго объема, задача которыхъ—расширеніе нашего знанія о Кантѣ или критическое отношеніе къ его философіи; б) подробныя рецензіи о вновь выходящихъ изслѣдованіяхъ о Кантѣ, заключающія въ себѣ не только объективный анализъ содержанія, но и, по возможности, обсужденіе проблемы, затронутой въ рецензируемомъ сочиненіи, по существу; в) краткія извѣщенія о собственныхъ вновь выходящихъ работахъ (*Selbstanzeigen*), дающія автору случай самому оповѣщать читателей объ интересныхъ сторонахъ своего труда; д) по возможности полный библиографическій обзоръ (*Literaturbericht*) съ краткимъ разсмотрѣніемъ содержанія всевозможныхъ напечатанныхъ работъ (студенческихъ и другихъ диссертаций, журналь-

ныхъ статей и т. п.), не только тѣхъ, которыя относятся прямо къ Канту, но и тѣхъ (и это даже главнымъ образомъ), въ которыхъ лишь косвеннымъ образомъ идетъ рѣчь о Кантѣ. Не зачѣмъ говорить, какъ важенъ этотъ отдѣлъ для изслѣдователей философіи *).

Затѣмъ есть еще двѣ рубрики: Exegetische Miscellen и Varia. Первая рубрика имѣетъ цѣлью удовлетворить давно уже назрѣвшей потребности, именно — дать возможность любителямъ кантовской философіи помѣщать въ видѣ небольшихъ замѣтокъ толкованія особенно темныхъ и трудныхъ мѣстъ, или же обращать на нихъ вниманіе другихъ ученыхъ. Здѣсь же будетъ помѣщаться и критика текста. Что же касается до отдѣла Varia, то въ него войдутъ различныя объявленія, сообщенія, запросы и т. д., касающіеся Канта.

Чтобы нагляднѣй ознакомить нашихъ читателей съ новымъ журналомъ, укажемъ составъ уже вышедшаго выпуска. Въ немъ помѣщены слѣдующія статьи:

Adickes — Движущія силы въ философскомъ развитіи Канта и два полюса его системы. Статья еще не окончена. Она представляетъ собою дальнѣйшую разработку вступительной лекціи автора, прочитанной имъ въ университетѣ, въ Килѣ 1-го ноября 1895 г. Онъ настаиваетъ, какъ на необходимомъ требованіи, чтобы изслѣдованіе кантовской системы въ ея теперешнемъ законченномъ видѣ шло рука объ руку съ изслѣдованіемъ *исторіи ея развитія*. Примѣняя этотъ методъ къ дѣлу, онъ показываетъ, что во всѣ періоды своего научнаго развитія Кантъ, съ одной стороны, постоянно стремился найти прочное, непоколебимое, строго-научное обоснованіе теоріи познанія, метафизики и морали, причѣмъ исходная точка его мышленія оставалась всегда рационалистической; а съ другой стороны, онъ всегда живо инте-

*) Для доставленія же ежегодныхъ обзоровъ литературы различныхъ внѣ-германскихъ странъ, относящейся прямо или косвенно къ Канту, издателемъ приглашены и уже обѣщали ему свое содѣйствіе слѣдующія лица: въ Бельгіи проф. Merten, въ Даніи проф. Höfding, въ Англіи проф. Wallace, во Франціи—Levy-Bruhl, въ Голландіи—проф. van der Wyk, въ Японіи—проф. Nakaschima, въ Италіи—проф. Cantoni, въ Норвегіи,—Arne Löchen, въ польскихъ земляхъ—проф. Twardowski (во Львовѣ), въ Россіи—проф. Александръ Введенскій, въ Швеціи—Vannérus, въ Венгріи—проф. Szlávik, въ Соединенныхъ Штатахъ—проф. Creighton.

рессовался вопросами естественной теологии и рациональной психологии и желалъ найти имъ положительное рѣшеніе съ научной точки зрѣнія, пока, наконецъ, не пришелъ къ убѣжденію, что всѣ эти вопросы принадлежать къ области вѣры и могутъ быть разрѣшены въ положительномъ смыслѣ лишь при, условіи принципиальнаго отдѣленія вѣры отъ науки. Такимъ образомъ, говорить Adickes, по самому ходу своего развитія, Кантъ былъ вынужденъ установить полное раздѣленіе между знаніемъ и вѣрой и создать систему, которая тяготѣетъ къ двумъ полюсамъ. Къ такимъ же результатамъ приводитъ, по мнѣнію Adickes'a, и разсмотрѣніе законченной системы Канта. И здѣсь онъ видитъ два главныхъ пункта или какъ бы два полюса: стремленіе обосновать науку посредствомъ упроченія рационализма и стремленіе защитить религіозное міровоззрѣніе посредствомъ сведенія его на нравственную практическую вѣру. Въ первомъ выпускѣ журнала помѣщенъ только разборъ «Критики чистаго разума». Въ противность существующимъ мнѣніямъ, авторъ пытается—доказать, что уже самая постановка задачи въ введеніи къ «Критикѣ»: какимъ образомъ возможны синтетическія апіорныя сужденія, — обнаруживаетъ рационалистическую тенденцію Канта и можетъ быть понята только съ точки зрѣнія этой тенденціи. Такая постановка указываетъ на то, что главная задача «Критики»—доказать *существованіе* синтетическихъ апіорныхъ сужденій (рациональнаго познанія, имѣющаго объективную дѣйствительность). Съ этой главной задачей связаны, по мнѣнію автора, три второстепенныя: нахожденіе и перечисленіе нѣкоторыхъ апіорныхъ познаній, объясненіе факта ихъ объективнаго значенія, опредѣленіе границъ послѣдняго. Изъ всего этого Adickes считаетъ возможнымъ сдѣлать такой выводъ: «Критика» прежде всего имѣетъ въ виду не объясненіе возможности опыта, не теорію апіорности, не доказательство того, что мы никогда не можемъ ни познать бытія вещей въ себѣ, ни выйти за предѣлы опыта, а лишь *новое обоснованіе рациональной науки*.

R. Vorländer— Отношеніе Гёте къ Канту въ его историческомъ развитіи. Статья также неокончена. Въ ней разбирается вліяніе Канта на философское развитіе Гёте. Авторъ, кромѣ произведеній поэта, пользуется обильнымъ матеріаломъ: письмами и записями самого Гёте, письмами къ нему различныхъ лицъ и другими документами. На основаніи всего этого онъ

пытается опредѣлить, насколько сильно было вліяніе на Гёте главныхъ произведеній Канта: «Критики чистаго разума» и «Критики способности сужденія», такъ какъ «Критика практическаго разума», повидимому, прошла для Гёте безслѣдно. Онъ устанавливаетъ фактъ вліянія, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что вначалѣ, до сближенія съ Шиллеромъ, Гёте хотя и занимался изученіемъ философіи Канта, но понималъ ее весьма своеобразно, такъ что между этими двумя великими людьми всегда оставалось что-то чуждое, мѣшавшее ихъ духовному сближенію.

August Stadler—Трансцендентальная эстетика—бесѣда съ начинающими, посвященная выясненію кантовской терминологіи.

Pinloche—Кантъ и Фихте и проблема воспитанія (на французскомъ языкѣ). Эта статья по поводу работы, напечатанной подъ этимъ заглавіемъ профессоромъ Женевскаго университета Durgoix, излагаетъ системы воспитанія Канта и Фихте, изъ которыхъ первый разсматривалъ воспитаніе съ точки зрѣнія индивидуума, а второй—съ точки зрѣнія общества, и именно, націи. Примиряя эти двѣ системы, мы получаемъ синтезъ двухъ существенныхъ факторовъ проблемы воспитанія.

Оставляя въ сторонѣ всѣ три библиографическихъ отдѣла (Recensionen, Selbstanzeigen и Litteraturbericht), разсмотримъ составъ Exegetische Miscellen и Varia. Въ первомъ помѣщены три замѣтки. Въ первой изъ нихъ идетъ рѣчь о словахъ, находящихся въ концѣ «Критики чистаго разума», гдѣ говорится, что кромѣ математика, естествоиспытателя и логика, есть еще «ein Lehrer im Ideal» и что онъ-то одинъ и долженъ быть называемъ философомъ. Ланге въ своей «Исторіи матеріализма» понялъ слова «ein Lehrer im Ideal», какъ «учитель идеала» *), т.-е. въ смыслѣ человѣка, обучающаго идеалу. Съ легкой руки Ланге многіе стали утверждать, что, по словамъ Канта, отличіе философа отъ другихъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что первый долженъ быть учителемъ идеала **). Между тѣмъ связь рѣчи ясно показываетъ, что подъ словами «Lehrer im Ideal» Кантъ подразумѣваетъ не

*) Такъ перевелъ и Страховъ слова «Lehrer im Ideal», находящіяся въ цитатѣ изъ Канта, приводимой Ланге.

**) У насъ въ Россіи, сколько помнится, подобную же мысль высказалъ г. Гротъ въ своей лекціи, которой онъ открылъ свою профессорскую дѣятельность въ Московскомъ университетѣ.

учителя идеала, а учителя, рассматриваемаго въ идеалѣ, т.-е. идею учителя, отличающагося отъ математика, естествовѣда и т. д. Во второй замѣткѣ объясняются слова «irokesischer Sachem», упоминаемая въ § 2 «Kritik der ästh. Urt.» Наконецъ, въ третьей замѣткѣ указывается на то обстоятельство, что часто въ проповѣдяхъ, въ апологетическихъ и т. п. сочиненіяхъ цитируется такая фраза Канта: «Изъ всѣхъ прочитанныхъ мною книгъ ни одна не доставила мнѣ такого утѣшенія, какъ слова Библии въ псалмѣ 23, 4» (слѣдуетъ цитата изъ псалма); между тѣмъ въ извѣстныхъ доселѣ письмахъ и сочиненіяхъ Канта нигдѣ нѣтъ такой фразы.

Въ составъ отдѣла *Varia* въ первомъ выпускѣ вошелъ перечень курсовъ, касающихся Канта и читавшихся въ различныхъ университетахъ въ зимній семестръ 1895 — 96 г.; далѣе, перечень темъ, касающихся философіи Канта, предложенныхъ университетами и академіями для соисканія различныхъ наградъ, перечень приготовляемыхъ къ печати сочиненій о Кантѣ и снимокъ съ гербовой печати, которую употреблялъ Кантъ для своихъ писемъ, сопровождаемый объясненіемъ характера герба.

Александръ Введенскій.

II. Обзоръ книгъ.

Boutroux. De l'idée de la loi naturelle. Paris, 1895.

Сочиненія въ родѣ того, о которомъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, имѣютъ въ настоящее время большое значеніе и отвѣчаютъ вполне созрѣвшей потребности. Все увеличивающееся количество специальностей, большое число изслѣдованій частныхъ вопросовъ, возникновеніе новыхъ наукъ, непрерывно расширяющійся кругъ предметовъ научной мысли—все это имѣло слѣдствіемъ громадное накопленіе научнаго матеріала и появленіе специальныхъ изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ знанія. Необыкновенно быстрое развитіе науки въ XIX вѣкѣ и появленіе многочисленныхъ дѣятелей, посвящающихъ свои силы научной работѣ, справедливо считается одной изъ отличительныхъ чертъ кончающагося вѣка. Но, на ряду съ такимъ блестящимъ развитіемъ ея, стали обнаруживаться явленія, способныя замедлить столь успѣшно начавшееся движеніе впередъ. Крайняя специализація знаній, упадокъ общаго образованія между учеными, разрабатывающими точныя науки, и, въ особенности, пренебреженіе къ философской культурѣ ума—создали весьма вредныя для развитія науки, разсматриваемой какъ одно цѣлое, односторонность и узость взглядовъ, освободиться отъ которыхъ бываетъ подъ силу только лицамъ, выдающимся по своему таланту и широтѣ мысли. Слѣдствіемъ дробленія научной работы является обособленіе наукъ и отчужденіе ихъ между собой, и наука представляетъ собою рядъ многочисленныхъ изслѣдованій, не соединенныхъ никакой внутреннею связью, лишенныхъ общей руководящей мысли и потому далеко не исчерпывающихъ предмета.

Врядъ ли есть другая отрасль знанія, для которой было бы

столь важно, какъ для философіи, знакомство съ результатами, достигнутыми въ другихъ наукахъ. Философъ не можетъ оставаться въ невѣдѣніи того, что дѣлается въ области науки.

Вотъ почему сочиненіе г-на Бутру, трактующее о законахъ, общихъ всѣмъ наукамъ, представляется особенно цѣннымъ и полезнымъ. Возникнувъ изъ публичныхъ чтеній въ Сорбоннѣ, оно было напечатано въ новомъ журналѣ «Revue des cours et conférences» и въ 1895 г. издано отдѣльною книгой.

Изложивъ въ первой главѣ, что должно понимать подъ естественнымъ закономъ и какъ онъ понимался въ разное время представителями различныхъ направленій, авторъ предполагаетъ рассмотреть его со слѣдующихъ трехъ сторонъ.

1. Какова его природа? Въ какомъ смыслѣ и въ какой степени онъ для насъ познаваемъ? Различаются ли естественные законы общностью и сложностью, или же появленіе новой группы сопровождается внесеніемъ и новаго начала, отличнаго по философскому характеру?

2. Степень объективности. Касаются ли эти законы дѣйствительныхъ вещей или же они управляютъ только способомъ обнаруженія явленій? Вѣрны ли они безусловно или же только относительно? Представляютъ ли они части дѣйствительнаго міра или только знаки его?

3. Со стороны значенія. Существуютъ ли отношенія причинности дѣйствительно въ природѣ или же они представляютъ только способъ, которымъ мы соединяемъ вещи, чтобы сдѣлать ихъ предметами мысли?

Затѣмъ идетъ послѣдовательное изложеніе законовъ логики, какъ самыхъ общихъ и наименѣе зависящихъ отъ внѣшняго міра; за ними слѣдуютъ законы математики, механики, физики, химіи, біологіи, психологіи и соціологіи, причемъ въ каждой группѣ встрѣчается начало, котораго не было въ предыдущей.

Для характеристики приѣмовъ изложенія нашего автора остановимся на его разсужденіи о законахъ логики и психологіи.

Въ логикѣ можно различать основные законы: тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго и законы силлогизма или формальной, аристотелевской логики. Если можно сказать о первыхъ, что они понятны сами собой и представляютъ типы очевидности, то о формальной логикѣ этого сказать нельзя, и она

не можетъ быть выведена изъ основныхъ логическихъ законовъ.

Силлогизмъ есть сочетаніе сужденій, которое не можетъ быть составлено на основаніи законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Посылки также удаляются отъ формулы $A=A$. Эта послѣдняя формула не увеличиваетъ нашего знанія, а всякое сужденіе должно прибавить что-нибудь къ тому, что мы уже знаемъ, и должно въ этомъ смыслѣ соответствовать формулѣ $A=B$; наконецъ, и заключеніе, по мнѣнію автора, не можетъ быть сведено къ полному тождеству.

Такимъ образомъ, матеріалъ, приспособленный къ примѣненію этихъ законовъ, не былъ полученъ путемъ простого вывода изъ основныхъ законовъ логики: силлогизмъ былъ составленъ при помощи этихъ основныхъ законовъ и еще нѣкотораго посторонняго придатка.

Каково же происхожденіе аристотелевской логики *)? Вполнѣ апріорной она быть не можетъ, потому что ея нельзя вывести цѣликомъ изъ основныхъ логическихъ законовъ. Но развѣ возможно согласиться съ эмпириками, что она имѣетъ апостериорный характеръ? Несмотря на критику англійской школы, считающей силлогизмъ за пустую игру ума, безъ него невозможно обойтись, и онъ примѣняется во всякомъ доказательствѣ, посредствомъ котораго мы въ чемъ-нибудь убѣждаемся. Правда, онъ не обладаетъ полной очевидностью основныхъ логическихъ законовъ, но только частью ея. Такимъ образомъ, онъ не вполнѣ происходитъ а posteriori. Онъ представляетъ скорѣе соединеніе началъ а priori и а posteriori. Силлогизмъ можно разсматривать какъ методъ, совокупность знаковъ, подъ которыми разумъ мыслить вещи, какъ форму, въ которую онъ облакаетъ дѣйствительность, чтобы сдѣлать ее познаваемой **).

Въ главѣ, посвященной психологическимъ законамъ, нашъ авторъ совершенно правильно указываетъ на бѣдность философской основы ассоціативной школы, которая въ концѣ концовъ сводится къ утвержденію, что наше «я» есть не болѣе, какъ рядъ состояній нашего сознанія, который познаетъ себя ***). «Какимъ

*) Стр. 13 и 14.

**) Стр. 16.

***) Стр. 110.

образомъ рядъ можетъ познать себя?» — справедливо недоумѣваетъ авторъ и тутъ же приводитъ дѣйствительно многозначительныя слова Джона Стюарта Милля, который былъ вынужденъ признать, что это единство не можетъ быть произведеніемъ законовъ мысли, и допустилъ самостоятельное существованіе «я».

Переходя затѣмъ къ тому направленію, которое г. Бутру называетъ физической психологіей, онъ ставитъ предъ нимъ слѣдующую диллему:

Психологическіе законы связываютъ или разнородные термины, и въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія ставить одно въ зависимость отъ другого; или же они связываютъ термины однородные, различающіеся только въ количественномъ отношеніи, и вслѣдствіе этого нельзя найти никакого соотвѣтствія между этими объективными законами и субъективными явленіями души *).

Такимъ образомъ, г. Бутру не только вполне отвергаетъ взаимодѣйствіе между субъективнымъ міромъ души и объективными явленіями, но отрицаетъ даже, чтобы каждому явленію нашей внутренней жизни, обнаруживаемому сознаніемъ, соотвѣтствовалъ нѣкоторый физическій процессъ **), и это на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ на духовныя явленія пришлось бы смотрѣть какъ на нѣчто самостоятельно и отдѣльно существующее, какъ на духовные атомы.

Съ мнѣніемъ г. Барту нельзя согласиться. Нельзя думать, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ половинъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, другъ на друга не вліяющихъ и живущихъ каждая своею отдѣльною жизнью. Намъ извѣстны и вполне понятны только существа, состоящія, по общепринятому способу выраженія, изъ души и тѣла. Какъ бы жила та часть, которую мы называемъ душой, безъ тѣла, намъ неизвѣстно, и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить даже о возможности такого существованія. Да это и вопросъ, выходящій за предѣлы *психологии человека*, которая занимаетъ насъ въ настоящую минуту. Исходя изъ явленія нашего сознанія и ограничиваясь такимъ образомъ кругомъ явленій, непосредственно

*) Стр. 121.

**) Стр. 121: Vouloir qu'un certain équilibre mécanique représente chacun des états d'âme, c'est admettre que ceux-ci sont en quelque sorte des entités fixes et rigides, des atomes immuables, ce qui, nous l'avons vu, n'existe pas en réalité.

намъ извѣстнымъ, и повторяя разсужденіе, которое Декартъ выразилъ сужденіемъ «*cogito ergo sum*», мы придемъ къ несомнѣнному убѣжденію, что, какъ жизнь наша вообще, такъ и многія явленія въ нашей душѣ обусловлены и подчиняются обстоятельствамъ, лежащимъ внѣ нашего сознанія. Постепенно, по мѣрѣ накопленія опыта, убѣжденіе наше расширяется, и мы утверждаемъ, что для всякаго явленія нашего сознанія необходимо нѣкоторое благоприятное для него состояніе внѣшнихъ условій и прежде всего нашего тѣла. Доказательствомъ этого положенія могутъ служить многочисленные факты, которыми теперь располагаетъ опытная психологія, факты изъ области нормальной жизни человѣка и еще болѣе патологической *).

И если г. Бутру отвергаетъ «духовные атомы», какъ онъ ихъ называетъ, то еще менѣе является возможнымъ понять, какъ можно допустить существо, состоящее изъ матеріальной основы и духовнаго начала, которое съ этой основой ни въ какомъ отношеніи не состоитъ. Если мы считаемъ человѣка за одно существо, за нѣчто единое, то это единое не можетъ состоять изъ двухъ разъединенныхъ половинокъ. Въ такомъ пониманіи мы видимъ то нерѣдко встрѣчающееся въ философскихъ разсужденіяхъ явленіе, что отвлеченіямъ нашего ума приписывается совершенно самостоятельное существованіе. При взглядѣ, котораго держится нашъ авторъ, вопросъ объ отношеніи души и тѣла остается неразрѣшеннымъ, да и не можетъ получить никакого разрѣшенія.

Дуализмъ имѣетъ уже продолжительную исторію, и за нимъ надо признать не мало заслугъ какъ въ области чисто философской, такъ и въ спеціально научной, но по этой же самой причинѣ, вслѣдствіе его разработанности, вполне выяснилось, что онъ приводитъ къ антиноміи, изъ которой нѣтъ выхода.

Мы вѣдь знаемъ только наше «я», подъ которымъ разумѣемъ совокупность явленій, обнаруживаемыхъ въ нашемъ сознаніи, и это «я» составляютъ явленія исключительно двустороннія; поэтому, о явленіяхъ чисто-физическихъ и чисто-психическихъ мы можемъ говорить только условно и должны твердо помнить, что, говоря такъ, мы разсматриваемъ только одну сторону явленія.

*) См. любопытное сочиненіе «*Le sentiment et la pensée*» par A. Godfernaux. Paris 1895.

Въ заключеніе приведемъ изъ разбираемаго сочиненія слѣдующую мысль, которая должна лежать въ основѣ всякаго разсужденія о природѣ человѣка:

«Человѣкъ по всей вѣроятности не представляетъ собою уродства въ природѣ: разумъ, отличающій его, долженъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ природѣ существъ вообще. Въ природѣ вещей должно лежать нѣчто разумное, если и не похожее на человѣческій разумъ, то по крайней мѣрѣ имѣющее свойства и наклонности, подходящія къ нему» *).

Н. Мазаровичъ.

W. Lutoslawski. Sur une nouvelle méthode pour déterminer la chronologie des dialogues de Platon. Paris, 1896.

Эта брошюра принадлежитъ молодому русскому ученому, г. Лютославскому, который получилъ степень магистра въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) университетѣ и былъ потомъ (1890—1893) преподавателемъ философскихъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ. Въ теченіе 11-ти послѣднихъ лѣтъ авторомъ было помѣщено нѣсколько статей на разныхъ европейскихъ языкахъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Одинъ изъ главныхъ предметовъ въ области философіи, которымъ посвящаль г. Лютославскій свой трудъ и вниманіе, представляетъ философія Платона и въ ней чрезвычайно важный вопросъ: *о подлинности и хронологическомъ порядкѣ* различныхъ діалоговъ великаго греческаго философа. Объ этомъ же вопросѣ трактуетъ и данная брошюра.

Вопросъ этотъ уже издавна занималъ и философвъ, и филологовъ; и такъ какъ прямыхъ свидѣтельствъ самого Платона или его учениковъ (напримѣръ, Аристотеля) относительно времени сочиненія многихъ діалоговъ не было, то ученые рѣшали это на основаніи разныхъ несогласныхъ другъ съ другомъ и противорѣчивыхъ предположеній. При этомъ какъ скоро какой-либо діалогъ не подходилъ къ тому или другому предположенію, то ученый, сдѣлавшій послѣднее, выходилъ изъ затрудненія тѣмъ, что заподозривалъ подлинность не подходившаго къ его теоріи сочиненія. Этотъ вопросъ настолько важенъ по своему существу, что онъ не позволилъ забыть о себѣ и въ послѣднія десятилѣтія

*) Стр. 19.

вызвалъ для своего рѣшенія *новые* методы, изъ которыхъ особеннымъ вниманіемъ современныхъ ученыхъ пользуется методъ, основанный на изученіи стилиа діалоговъ и разсматривающій этотъ стиль, такъ сказать, съ *статистической* точки зрѣнія.

По этому методу, въ различныхъ сочиненіяхъ Платона считаютъ тѣ или другія особенно выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи формулы, выраженія или термины и сравниваютъ ихъ съ такими же, употребленными имъ въ діалогахъ или сочиненіяхъ, которыхъ время написанія или появленія въ свѣтъ извѣстно другими путями, напримѣръ, изъ историческихъ свидѣтельствъ или изъ вполнѣ достовѣрныхъ соображеній. Изъ большого или меньшаго *сходства* или *различія* сравниваемыхъ сочиненій заключаютъ о томъ, какое изъ нихъ написано раньше, какое — позже, причемъ, конечно, послѣднимъ и высшимъ критеріемъ служатъ всетаки историческія свидѣтельства.

Изслѣдованія г. Лютославскаго вообще примыкаютъ къ этому статистическому методу и главнымъ образомъ опираются на относящіяся къ Платону изслѣдованія шотландскаго ученаго Lewis Campbell, остававшіяся, впрочемъ, до самаго послѣдняго времени, совершенно неизвѣстными даже для многихъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые писали о порядкѣ его сочиненій и слѣдовали вообще статистическому методу.

Присоединяясь на почвѣ этого метода къ изслѣдованіямъ Lewis Campbell'я, г. Лютославскій сдѣлалъ въ своей работѣ довольно важную модификацію, о которой я скажу его же словами:

«До сихъ поръ—говоритъ онъ,—(стр. 30) смотрѣли на Платона, какъ на метафизика и моралиста, но недостаточно обращали вниманіе на то, что онъ былъ великій логикъ, создатель метода научнаго изслѣдованія. Между тѣмъ, опредѣлить перемѣну направленія въ мнѣніяхъ, относящихся къ метафизикѣ и морали, весьма трудно, тогда какъ прогрессъ въ логикѣ гораздо очевиднѣе и объективнѣе, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Слѣдовательно, если хотятъ сдѣлать изъ перемѣнъ въ доктринѣ средство для опредѣленія хронологіи, то нужно обратить главное вниманіе на теоріи логическія, на методъ изслѣдованія».

Вводя въ свою собственную работу статистическій методъ и сейчасъ указанный пріемъ, г. Лютославскій пришелъ къ результатамъ, выраженнымъ въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Послѣднія произведенія Платона, написанныя послѣ ше-

стидесятаго года его возраста, суть *Парменидъ*, *Софистъ*, *Политикъ*, *Филебъ*, *Тимей*, *Критій* и *Законы*.

2) *Тесетъ* и *Федръ*, написаны позже *Федона*, и предшествуютъ *Пармениду*, отъ котораго отдѣляются большою остановкою въ литературной дѣятельности Платона.

3) Изысканія о стилѣ Платона, начатыя Campbell'емъ въ 1867 г. и продолжаемая въ Германіи съ 1878 г. Blass'омъ, Roeger'омъ, Dittenberger'омъ, Jecht'омъ, Frederking'омъ, Hoefler'омъ, Schanz'омъ, Kugler'омъ, Gomperz'омъ, Walbe'омъ, Siebeck'омъ, C. Ritter'омъ, Tiemann'омъ и Van Cleef'омъ (изъ нихъ никто не зналъ Campbell'я) суть самыя вѣрныя пособія для окончательнаго рѣшенія проблемы о хронологіи твореній Платона. *Всѣ эти изысканія согласны между собою, если ихъ толковать, какъ слѣдуетъ*, т.-е. соотвѣтственно логической природѣ того, о чемъ они трактуютъ.

5. Указанный сейчасъ методъ *логическихъ сравненій* во всемъ подтверждаетъ результаты стилистическихъ сравненій и приводитъ насъ къ такой степени объективной достовѣрности, какая неизвѣстна было до сихъ поръ относительно изслѣдованій, касающихся хронологіи сочиненій Платона.

Разбираемая брошюра есть только краткая записка, читанная авторомъ въ Парижѣ, передъ Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ. Подробное же изложеніе всего того, о чемъ въ ней идетъ рѣчь, находится въ сочиненіи, изданномъ Краковскою академіею наукъ, а также и въ другомъ изслѣдованіи, имѣющемъ быть изданнымъ въ концѣ нынѣшняго, года на англійскомъ языкѣ, въ Лондонѣ, фирмою Longmans, Green et Cie.

А. Козловъ.

Вл. Вагнеръ. Вопросы зоопсихологіи. IV+255. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Названная книга представляетъ собой рядъ статей, напечатанныхъ (кромѣ одной—последней) въ разныхъ журналахъ и теперь впервые явившихся отдѣльнымъ изданіемъ. Всѣхъ статей шесть. Первые двѣ статьи посвящены вопросу о методѣ зоопсихологіи. Четыре послѣднія: «Психологическая природа инстинктовъ», «Что такое ошибки инстинктовъ», «Генезисъ инстинктовъ по даннымъ біологіи» и «Инстинктъ и разумъ въ ихъ взаимоотношеніи» касаются вопросовъ о природѣ умственныхъ способностей животныхъ, ихъ генезисѣ и взаимоотношеніи.

Фактическимъ матеріаломъ книги служатъ частью наблюденія иностранныхъ натуралистовъ (преимущественно французскихъ и англійскихъ), частью принадлежащія самому автору и произведенныя главнымъ образомъ надъ нѣкоторыми изъ безпозвоночныхъ животныхъ. (Введеніе, стр. IV).

Въ вопросѣ о методѣ зоопсихологіи авторъ является абсолютнымъ противникомъ такъ называемаго субъективнаго метода и горячимъ защитникомъ метода объективнаго. Подъ первымъ онъ разумѣетъ «методъ опредѣленія, оцѣнки явленій и установленія связи ихъ между собою на основаніи критериума, почерпнутаго не изъ самихъ явленій, а изъ личнаго пониманія ихъ авторомъ, изъ личнаго его міросозерцанія» (2).

Исходнымъ пунктомъ защищаемаго авторомъ объективнаго метода служить «идея о томъ, что въ изученіи зоопсихологіи, какъ и явленій природы вообще, надо идти отъ животныхъ къ человѣку, а не наоборотъ. Въ зоопсихологіи для этого служатъ два пути: *сравнительно-физиологическій* и *сравнительно-психологическій*. Тѣмъ и другимъ мы изучаемъ, разумѣется, одно и то же, т.-е. функцію нервной системы, но пріемы этого изученія различны» (36).

«Въ то время какъ субъективный методъ вовсе не нуждается ни въ обилии фактическаго матеріала, ни въ его систематическомъ и всестороннемъ изученіи, сравнительно-психологическій не дѣлаетъ ни одного шага независимо отъ опыта. Отсюда необходимость такого обилія ихъ для заключеній по этому послѣднему методу, какимъ наука до сихъ поръ еще не располагаетъ, вслѣдствіе чего методъ этотъ до сихъ поръ остается скорѣе теоретически желательнымъ, чѣмъ фактически осуществленнымъ. Отсюда и причина господства метода субъективнаго, который, основываясь на аналогіяхъ, замѣняющихъ фактическій матеріалъ, даетъ намъ законченныя системы, а иногда очень обширныя и очень остроумныя изслѣдованія» (69).

Въ качествѣ аргументовъ въ защиту своего основнаго положенія о несостоятельности субъективнаго метода и о плодотворности объективнаго авторъ приводитъ множество фактовъ, отчасти заимствованныхъ изъ сочиненій иностранныхъ зоологовъ, отчасти имъ самимъ констатированныхъ—преимущественно изъ жизни безпозвоночныхъ и въ частности изъ жизни пауковъ, ибо арахнологія уже давно составляетъ предметъ спеціальныхъ занятій автора.

Съ основною мыслью автора о неудовлетворительности господствующаго метода разработки вопросовъ зоопсихологии и о необходимости установить новый методъ зоопсихологическихъ изслѣдованій можно согласиться вполне, хотя его положеніе о полной бесплодности субъективнаго метода и совершенной достаточности объективнаго—въ предложенной имъ формѣ—можно принять только съ нѣкоторыми оговорками. Конечно, если подѣ субъективнымъ методомъ разумѣть только «методъ оцѣнки явленій на основаніи критериума, почерпнутаго изъ личнаго *міросозерцанія* автора», выражающійся, между прочимъ, въ скороспѣлыхъ и поверхностныхъ аналогіяхъ, то противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Но вѣдь у нѣкоторыхъ изъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ мы можемъ констатировать присутствіе психическихъ функцій, правда, низшаго порядка, но тѣмъ не менѣе аналогичныхъ нѣкоторымъ процессамъ въ душѣ человѣка. Если даже допустить, что вся психическая жизнь животныхъ сводится къ одной только ассоціаціи, то вѣдь достовѣрное познаніе объ этой психической функціи мы можемъ приобрѣсти только изъ непосредственнаго самонаблюденія. Тщательный психологическій анализъ собственнаго сознанія часто можетъ открыть намъ первичные элементы нашей психической дѣятельности и свести на сравнительно простые законы наши, повидимому, очень сложные психическіе процессы. Такой анализъ едва ли можетъ быть бесполезнымъ и въ зоопсихологическихъ изслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что можно видѣть нѣкоторую связь между прогрессомъ въ психологіи человѣка и въ зоопсихологіи. Исключительное господство интеллектуалистическаго направленія вредно отзывалось на изученіи психики животныхъ, ибо чуть не вся психическая дѣятельность послѣднихъ сводилась на механизмъ логическаго мышленія, который считался основнымъ процессомъ въ психической дѣятельности человѣка.

Что касается метода, предлагаемаго авторомъ, то онъ въ настоящее время представляется единственно плодотворнымъ, и полученные при помощи его результаты несравненно достовѣрнѣе тѣхъ, которые добыты субъективнымъ методомъ. Но приложимость этого метода должна ограничиваться сферою психической жизни животныхъ, и поэтому едва ли справедливо положеніе автора, что этотъ методъ можетъ быть цѣликомъ перенесенъ и на человѣка. Здѣсь проглядываетъ увлеченіе автора методологіею

Конта, который, какъ извѣстно, отвергалъ методъ внутренняго самонаблюденія и обращалъ психологію въ часть физиологіи.

Въ своихъ замѣчаніяхъ о методѣ автора мы должны упомянуть объ одномъ промахѣ, нѣсколько роняющемъ достоинство этой въ другихъ отношеніяхъ очень хорошей книги. Дѣло касается отношенія автора къ одному изъ своихъ противниковъ— Вундту. Считая Вундта крайнимъ представителемъ субъективнаго метода, авторъ нѣсколько разъ (9, 25, 27, 30) указываетъ на его неправильныя заключенія въ области зоопсихологіи, причемъ онъ ссылается на его книгу: «Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ», русск. пер. 1865 г. Ссылаться на это изданіе теперь для характеристики взглядовъ Вундта странно и несправедливо, особенно въ ученomъ сочиненіи. Автору, вѣроятно, не безызвѣстно, что въ 1892 г. появилось второе изданіе этой книги, совершенно переработанное, которое въ 1894 г. переведено на русскій языкъ. Въ этомъ изданіи Вундтъ отказывается отъ очень многихъ положеній, высказанныхъ въ первомъ изданіи, о чемъ онъ считаетъ нужнымъ заявить, между прочимъ, и въ предисловіи. Такъ, въ этомъ изданіи ничего нѣтъ похожего на тѣ преувѣличенія въ сужденіяхъ о познавательной дѣятельности низшихъ животныхъ, о которыхъ говоритъ авторъ въ такомъ иронически-презрительномъ тонѣ. Напротивъ, еслибы авторъ познакомился съ этимъ изданіемъ книги Вундта или съ его статьей «О психологіи животныхъ» (Essays. Leipzig, 1885), то онъ встрѣтилъ бы тамъ многое изъ того, что онъ самъ защищаетъ, и едва ли бы призналъ Вундта крайнимъ приверженцемъ субъективнаго метода. Такъ, онъ могъ бы увидѣть, что Вундтъ, исходя въ своихъ зоопсихологическихъ воззрѣніяхъ (развитыхъ въ его книгѣ) изъ данныхъ человѣческаго сознанія, въ то же время признаетъ другой способъ изложенія психологіи животныхъ, имѣя въ виду «нѣчто въ родѣ сравнительной физиологіи души, общей исторіи развитія душевной жизни въ ряду живыхъ существъ».—Въ упомянутой статьѣ Вундтъ указываетъ на два существенныхъ недостатка въ современной литературѣ по зоопсихологіи: на недостаточную критику наблюдений и злоупотребленіе аналогіей съ душевною дѣятельностью человѣка. Отношеніе Вундта къ выводамъ Гюбера, Роменса и друг. не менѣе осторожно, чѣмъ отношеніе самого автора. Отсюда мы можемъ заключить, что читатель «Вопросовъ зоопсихологіи», на основаніи выдержекъ, при-

веденныхъ авторомъ, составить себѣ далеко не вѣрное представленіе о зоопсихологическихъ воззрѣніяхъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго.

Переходимъ къ дальнѣйшему обзорѣю книги. Слѣдующая статья: «Психологическая природа инстинкта» посвящена критикѣ ученія Роменса о сознательности инстинктивныхъ дѣйствій и защитѣ собственнаго положенія автора о полной безсознательности инстинктивной дѣятельности животныхъ. Аргументы въ пользу своего основного положенія авторъ почерпаетъ главнымъ образомъ изъ опытовъ, произведенныхъ имъ самимъ надъ главнѣйшими представителями слѣдующихъ трехъ классовъ безпозвоночныхъ животныхъ: червями, многоножками и насѣкомыми. На основаніи этихъ опытовъ авторъ заключаетъ, «что хотя инстинктивные акты и кажутся сознательными при наблюденіи животныхъ въ нормальныхъ условіяхъ, они однако не могутъ быть признаны таковыми вслѣдствіе того, что повторяются безъ измѣненія и послѣ обезглавливанія, когда поражаютъ наблюдателя своею бессмысленностью и бесполезностью, какъ раньше поражали кажущимся пониманіемъ цѣли и способностью къ умозаключенію» (143). Дальнѣйшій выводъ: «въ то время, какъ между актами инстинктивными и разумными можетъ быть проведена опредѣленная граница, между инстинктами и рефлексами такой границы провести безусловно невозможно» (143). — Эта глава одна изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ. Жаль, что собственные наблюденія и опыты автора касаются инстинктивной дѣятельности только безпозвоночныхъ животныхъ. Желательно было бы, чтобы въ своихъ послѣдующихъ трудахъ онъ представилъ въ защиту своего положенія побольше фактическихъ данныхъ изъ области инстинктивныхъ дѣйствій высшихъ животныхъ.

Въ слѣдующей статьѣ идетъ рѣчь о такъ называемыхъ «ошибкахъ инстинктовъ». Большинство фактовъ, объясняемыхъ въ смыслѣ ошибокъ инстинктовъ, авторъ не признаетъ относящимися къ существу вопроса и даетъ имъ объясненіе совсѣмъ на другой почвѣ. Что же касается очень рѣдкихъ явленій, несомнѣнно представляющихъ индивидуальныя психологическія особенности, то авторъ видитъ въ нихъ «не ошибки, а уклоненія инстинктовъ или прогрессивнаго характера, или регрессивнаго».

Въ статьѣ «о генезисѣ инстинкта» авторъ трактуетъ этотъ

вопросъ на основаніи данныхъ біологіи и, полемизируя съ защитниками первоначальной разумности нѣкоторыхъ инстинктивныхъ актовъ, резюмируетъ свои разсужденія въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: «1) можно считать доказаннымъ, что простые инстинкты получаютъ свое начало изъ рефлексовъ, а сложные—изъ простыхъ инстинктовъ путемъ такъ называемыхъ «случайныхъ уклоненій», «первичныхъ склонностей», въ которыхъ разумныя способности не принимаютъ никакого участія; уклоненія эти удерживаются и закрѣпляются естественнымъ подборомъ, если оказываются полезными, и устраняются имъ, если оказываются вредными; 2) положеніе, что всѣ инстинкты или какая-либо ихъ группа представляетъ не болѣе какъ пониженіе разумности, расходится съ фактами и потому не можетъ быть признано научно установленнымъ» (216).

Съ общими выводами этой статьи можно вполне согласиться. Жаль однако, что авторъ разсматриваетъ этотъ вопросъ только съ біологической точки зрѣнія и почти совершенно игнорируетъ психологическій характеръ нѣкоторыхъ инстинктовъ. Несомнѣнно, въ генезисѣ нѣкоторыхъ инстинктовъ, особенно позвоночныхъ животныхъ, участвуютъ специально психическіе элементы—въ видѣ ощущеній пріятнаго и непріятнаго, а также въ видѣ импульсовъ психологическаго характера, и указать роль этихъ факторовъ на ряду съ біологическими было бы далеко не лишне. Далѣе, въ качествѣ аргумента въ защиту своего положенія, авторъ ссылается на ученіе Вейсмана о ненаслѣдуемости привычекъ. Но воззрѣнія Вейсмана по вопросу о наслѣдственности настолько еще спорны, что пользоваться ими въ качествѣ убѣдительнаго доказательства можно только съ большою осторожностью.

Въ послѣдней статьѣ: «Инстинктъ и разумъ въ ихъ взаимоотношеніи»—авторъ «пытается подойти къ вопросу о генетической связи инстинктовъ съ разумною дѣятельностью и ихъ взаимоотношеніи на основаніи данныхъ фізіологіи, поскольку они совпадаютъ съ данными сравнительно-психологическими» (219). Эта статья, по нашему мнѣнію, слабѣе предшествующихъ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что авторъ стоитъ здѣсь на довольно шаткой почвѣ, именно на данныхъ фізіологіи мозга, которыя, какъ извѣстно, не отличаются опредѣленностью и устойчивостью. Но главный недостатокъ въ томъ, что авторъ не

всегда держится физиологической точки зрѣнія и часто сбивается на почву психологіи, а его психологическія воззрѣнія нуждаются въ гораздо большей ясности и опредѣленности. Плодомъ смѣшенія этихъ двухъ точекъ зрѣнія являются такія неудачныя выраженія, какъ «душевное состояніе—функція мозговыхъ клѣтокъ», «кора (мозга) дѣлаетъ умозаключеніе отъ звука къ образу, съ которымъ этотъ звукъ связанъ» (223) и другія подобныя.

Здѣсь же можно упомянуть о воззрѣніи автора на природу памяти, которую онъ понимаетъ односторонне; напрасно дѣлаетъ онъ замѣчаніе по адресу Вундта и его послѣдователей, которые въ данномъ случаѣ являются не представителями какой-нибудь школы, а только психологами. Съ критикой автора воззрѣній нѣкоторыхъ эволюціонистовъ, полагающихъ, что инстинкты, по мѣрѣ своего осложненія, мало-по-малу переходятъ въ способности высшаго порядка, т. е. въ разумныя, можно согласиться. Но едва ли покажутся убѣдительными доказательства автора, что инстинкты и элементы разумной дѣятельности возникаютъ изъ общаго корня рефлексовъ одновременно. Вопросъ о генезисѣ разумной дѣятельности настолько сложенъ, что его едва ли можно такъ категорически рѣшать на основаніи тѣхъ немногихъ и неустойчивыхъ данныхъ, которыя представляетъ намъ въ настоящее время физиологія мозга. Мы уже не говоримъ о томъ, что самая попытка рѣшить этотъ вопросъ только на чисто-физиологической почвѣ является одностороннею, и выводы, полученные этимъ путемъ, едва ли будутъ обладать такою убѣдительностью, которая можетъ быть приписана аналогичнымъ заключеніямъ о природѣ и генезисѣ инстинкта.

Несмотря на указанные недостатки, разбираемая книга заслуживаетъ серьезнаго вниманія всѣхъ интересующихся вопросами зоопсихологіи и сравнительной психологіи. Это *первый* въ русской литературѣ *оригинальный* трудъ, посвященный вопросамъ психологіи животныхъ. Отличительный характеръ его—критическое отношеніе къ массѣ накопившагося матеріала и очень осторожныя выводы, преимущественно на основаніи фактовъ, непосредственно изученныхъ. Будущее покажетъ, окажется ли предложенный авторомъ методъ вполне удовлетворительнымъ для объясненія психической дѣятельности высшихъ животныхъ; но въ сферѣ большинства затронутыхъ авторомъ вопросовъ пло-

творность этого метода несомнѣнна. Отъ души желаемъ книгѣ широкаго распространенія, а автору—такъ же успѣшно продолжать свои изслѣдованія въ области зоопсихологіи.

Н. Виноградовъ.

Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представлений о пространствѣ. Петербургъ, 1896. 52 стр.

Проф. Бехтеревъ посвятилъ длинный рядъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ русскихъ и заграничныхъ журналахъ, вопросу о физиологической роли органовъ равновѣсія и объ ихъ значеніи въ образованіи представлений о пространствѣ. Въ настоящей брошюрѣ онъ подводитъ итогъ этимъ изслѣдованіямъ, а также перерабатываетъ и дополняетъ одну изъ своихъ прежнихъ работъ, посвященную тому же предмету.

Авторъ различаетъ два вида органовъ равновѣсія: черепные, къ которымъ относятся полукружные каналы перепончатаго лабиринта и область воронкообразной части 3-го желудочка, и внѣчерепные,—нервные аппараты, заложенные въ кожѣ и мышцахъ (6). Считая значеніе черепныхъ органовъ для равновѣсія тѣла достаточно выясненнымъ, онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на периферическихъ кожно-мышечныхъ органахъ. Изслѣдованіе его распадается на 3 части: сначала онъ старается опредѣлить анатомическое отношеніе этихъ органовъ къ центральной нервной системѣ, затѣмъ описываетъ опыты, доказывающіе, что органы равновѣсія, помимо рефлекторной дѣятельности, служатъ источникомъ специфическихъ ощущений, достигающихъ сознания, и, наконецъ, сравнительно немного мѣста удѣляетъ отношенію этихъ органовъ къ образованію нашихъ представлений о пространствѣ.

Исходя изъ апріорныхъ соображеній относительно закона специфическихъ энергій, а также по аналогіи съ другими периферическими органами равновѣсія, проф. Бехтеревъ предполагаетъ, что интересующіе насъ кожно-мышечные органы совершенно обособлены отъ тѣхъ нервныхъ аппаратовъ, при посредствѣ которыхъ воспринимаются осязательныя раздраженія. Впрочемъ, тѣ и другіе реагируютъ на одни и тѣ же внѣшніе раздражители (8). Всѣ эти органы суть приводы одного и того же механизма, заложеннаго въ мозжечкѣ, который находится подъ непрерывнымъ

вліяніемъ импульсовъ, возникающихъ въ периферическихъ органахъ. Нарушеніе гармоніи такихъ импульсовъ сопровождается двигательными расстройствами и нѣкоторыми субъективными явленіями (11).

Наличность послѣднихъ доказывается прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что по удаленіи мозговыхъ полушарій, ослабѣваютъ двигательныя расстройства, имѣющія мѣсто при разрушеніи какихъ-нибудь органовъ равновѣсія: движенія вокругъ продольной оси тѣла и нистагмъ глазъ часто вполне прекращаются. Слѣдовательно, изъ мозговыхъ полушарій исходитъ рядъ импульсовъ, оказывающихъ вліяніе на упомянутыя расстройства, что позволяетъ предполагать, что разрушеніе органовъ равновѣсія «дѣйствуетъ опредѣленнымъ образомъ на психическую сферу», такъ какъ субстратомъ послѣдней считаются мозговья полушарія (17). Эти субъективные эффекты открываются патологическими наблюденіями случаевъ пораженія мозжечка, опытами съ электризаціей затылочной области головы человѣка, а также опытами съ пассивнымъ и активнымъ вращеніемъ тѣла вокругъ его продольной оси. Всѣ эти случаи нарушенія функціи органовъ равновѣсія сопровождаются головокруженіемъ, такъ что является ложное ощущеніе движенія собственнаго тѣла и, какъ результатъ послѣдняго, кажущееся движеніе окружающихъ предметовъ въ противоположную сторону (25, 32).

Доказавъ, такимъ образомъ, что периферическіе органы равновѣсія служатъ источникомъ сознательныхъ ощущеній, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію ихъ роли въ образованіи представленія о пространствѣ. Здѣсь ему приходится ограничиваться преимущественно догадками и діалектикой, такъ какъ психологическую сторону вопроса онъ совершенно игнорируетъ. Прежде всего авторъ дѣлаетъ «весьма вѣроятное» предположеніе, что при посредствѣ органовъ равновѣсія мы воспринимаемъ положенія своихъ членовъ (36). «Благодаря ощущеніямъ положенія тѣла, каждый разъ при смѣшеніи нашего тѣла вмѣстѣ съ происшедшею перемѣной во внѣшнихъ ощущеніяхъ мы убѣждаемся, что эта перемѣна зависитъ отъ перемѣненія нашего тѣла, а слѣдовательно (?) и предметы ощущенія должны находиться не внутри насъ, а внѣ насъ» (44). И такъ какъ проэцированіе ощущеній лежитъ въ основѣ пространственнаго воспріятія, то органы равновѣсія играютъ важную роль въ образованіи представленій о

пространствѣ (47). Проекція ощущеній должна зависѣть, по мнѣнію автора, главнѣйшимъ образомъ отъ функцій органовъ равновѣсія, потому что нарушение послѣднихъ сопровождается, какъ мы видѣли, кажущимся вращеніемъ находящихся вокругъ насъ предметовъ, т.-е. ложною проежіей (47). Это единственное экспериментальное доказательство, которое авторъ приводитъ въ пользу своей теоріи, по нашему мнѣнію, недостаточно убѣдительно. Кажущееся вращеніе внѣшнихъ предметовъ при нарушении функцій органовъ равновѣсія зависить, по признанію самого автора, отъ головокруженія, являющагося слѣдствіемъ того же нарушения, такъ какъ мы склонны переносить пассивныя движенія своего тѣла на окружающій міръ. Подобная же ложная проекція имѣетъ мѣсто при ѣздѣ по желѣзной дорогѣ, когда весь ландшафтъ представляется несущимся на встрѣчу поѣзду (32). А такъ какъ нормальное функціонированіе органовъ равновѣсія не вызываетъ головокруженія, то и нѣтъ основанія предполагать со стороны этихъ органовъ какое-нибудь вліяніе на проежірование ощущеній. Авторъ считаетъ возможнымъ объяснить своей теоріей даже тотъ фактъ, что мы располагаемъ ощущенія въ пространствѣ трехъ измѣреній. Причину тому онъ видитъ въ соотношеніи, которое устанавливается между ощущеніями положенія тѣла и его органовъ и локальными знаками ощущеній (50). Однако остается совершенно неяснымъ, какимъ образомъ это соотношеніе содѣйствуетъ развитію представлений о пространствѣ трехъ измѣреній.

Д. Викторъ.

Ив. Гвоздевъ, заслужен. ордин. профессоръ судебной медицины. О врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ дѣтей, какъ зачаткахъ преступности взрослыхъ. 2-е изд. 1896. 36 стр. Ц. 50 к.

Проблемы, поставленныя въ заглавіи этой брошюры, соприкасаются и съ теоріей познанія, и съ психологіей, и съ педагогикой: эти науки имѣютъ на нихъ равное право. Поэтому, криминалистъ, затрогивающій подобные вопросы, необходимо долженъ считаться съ выводами перечисленныхъ наукъ. Профессоръ Гвоздевъ совершенно забылъ, повидимому, о существованіи такой связи: мы не найдемъ у него ни намека на психологическій анализъ; философскій взглядъ на предметъ вполне чуждъ ему, и если затронутые вопросы восходятъ къ сѣдой старинѣ, то

нельзя не признать почтеннаго возраста и за отвѣтами г-на профессора.

«Наша утробная жизнь, открываетъ авторъ (онъ начинаетъ ab ovo), совершается по непреложнымъ законамъ природы» (16); эта мысль пользуется особенной благосклонностью автора, потому что онъ не устаетъ повторять ее нѣсколько разъ (5, 6). «Наша матеріальная жизнь,—сообщаетъ далѣе авторъ, переходя къ слѣдующей стадіи развитія, состоитъ изъ трехъ періодовъ: развитія, увяданія и межуточнаго (?) между первыми». (6) «Качества внѣшняго міра,—продолжаетъ проф. Гвоздевъ, приступая къ генезису человѣческой психики,—входятъ въ нашъ внутренній міръ при помощи органовъ пяти чувствъ», и, вѣроятно, чтобы кто-нибудь не забылъ этой истины, развиваетъ упомянутый тезисъ на 9 и 11 стр. До сихъ поръ психологія знала, что душевная жизнь человѣка слагается изъ двухъ факторовъ—субъекта и объекта. Авторъ вставляетъ между ними новооткрытый, но не совсѣмъ опредѣленный факторъ: воспріятіе или невоспріятіе объекта зависитъ между прочимъ, по его мнѣнію, отъ «надлежащей воспримчивости нашего внутренняго и внѣшняго (?) міра» (11). Что такое этотъ «нашъ внѣшій міръ», профессоръ не разъяснилъ, но зато отмѣчаетъ фактъ, что не у всѣхъ одинаково острое зрѣніе, слухъ и т. д.; причина тому кроется «въ совершенствѣ строенія (органовъ?) внѣшнихъ чувствъ и воспримчивости къ нимъ (т.-е. *къ внѣшнимъ чувствамъ?*) внутреннихъ центровъ» (11). Прослѣдивъ такимъ образомъ первичный генезисъ чувственнаго воспріятія, авторъ подмѣчаетъ первый моментъ «ознакомленія нашего съ природой»; преддверіемъ къ нему служитъ «первая улыбка» ребенка (10); можно думать однако, что первая улыбка ребенка такой же рефлекторный актъ, какъ и его испугъ при видѣ сдвинутыхъ бровей. О существованіи мускульнаго чувства почтенный профессоръ и не подозреваетъ: несовершенство попытокъ схватить предметъ рукой онъ ставитъ въ связь съ неразвитостью чувства осязанія (12); стремленія у него относятся къ «познавательной способности» (18) и т. п. Всѣ разсужденія автора въ этой области или психологическій трюизмъ, или психологическій nonsens. Не выше того стоятъ и педагогическіе рецепты г. профессора. Достаточно одного, выбраннаго наудачу: по отношенію къ воспитанію ребенка, увѣряетъ авторъ, намъ не остается ничего болѣе, какъ «стараться, по рожденіи ребенка,

продлить по возможности тѣ условія, при которыхъ совершалась наша утробная жизнь» (18)... Впрочемъ, источники неудачъ автора, помимо незнанія психологіи и другихъ смежныхъ съ нею наукъ, кроются гдѣ-то глубже. Онъ заявляетъ, напримѣръ, что «ребенокъ, какъ и всѣ мы, невоенные, не терпитъ шаблонности» (20); ему представляется чрезвычайно труднымъ и даже неразрѣшимымъ вопросъ: «отъ кого и какимъ образомъ ребенокъ научается разговаривать?» (22). Наряду съ такимъ скромнымъ признаніемъ, профессоръ поднимаетъ, однако, *questionem vexatam* философіи: «въ чемъ состоитъ познавательная способность вообще? Роковымъ путемъ пришедши къ подобному вопросу, говорить онъ, мы, какъ таковые (?), не въ состояніи на него отвѣтить съ надлежащей ясностью и полнотою» (11). Не въ состояніи сдѣлать этого и мы, роковымъ путемъ пришедши къ вопросу, какое отношеніе имѣютъ всѣ эти разсужденія къ вопросу о зачаткахъ преступности взрослыхъ?

Д. Викторовъ.

Философскія теченія русскаго поэзіи. А. С. Пушкинъ, Е. А. Баратынскій, А. В. Кольцовъ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. А. Огаревъ, Ф. И. Тютчевъ, Гр. А. К. Толстой, А. А. Фетъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Майковъ, А. Н. Апухтинъ, Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Составилъ П. Перцовъ. С.-Петербургъ, 1896.

Содержаніе этой книги гораздо скромнѣе ея заглавія. Она представляетъ собою рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ названныхъ выше поэтовъ, и имѣетъ своею цѣлью «разъясненіе и опредѣленіе философскихъ теченій нашей поэзіи». Эта задача, разумѣется, очень интересна, но ея постановка у г. Перцова можетъ возбудить нѣкоторое недоумѣніе. Несомнѣнно, что міръ, который рисуется въ отвлеченной мысли философа, и міръ, который блещетъ живыми красками въ образахъ поэта, есть одинъ и тотъ же міръ; несомнѣнно, что та же природа и жизнь говорятъ и сосредоточенному созерцанію пытливаго ума, и чуткой впечатлительности воображенія. И если поэтъ вдохновляется конкретное и единичное, если онъ находитъ красоту и величіе въ отдѣльномъ явленіи и именно его воспроизводитъ въ своемъ творествѣ, то силой своего дара онъ

нерѣдко подмѣчаетъ въ частномъ тотъ самый смыслъ, который философъ, благодаря глубинѣ своей интуиціи, видитъ въ совокупности явленій, въ мірѣ, какъ цѣломъ. Сознательно, или безсознательно, но каждый истинный поэтъ носитъ въ себѣ свою философію, не выраженную въ логическихъ формулахъ, не подающуюся точному опредѣленію и подернутую дымкой индивидуальнаго настроенія. Съ другой стороны, законченная философская система всегда имѣетъ въ себѣ элементъ, прекраснаго, эстетическаго, а иногда, какъ у Платона и Лейбница, достигаетъ изумительной красоты и сливается съ поэзіей. Въ исключительно-гениальныхъ натурахъ, подобно Гёте, поэзія и философія сочетаются между собою въ возвышенной гармоніи, и красота проникаетъ все міровоззрѣніе. Но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, что въ поэзіи можно искать философскихъ теченій, т.-е. послѣдовательнаго и прагматическаго развитія какихъ-либо основнѣхъ идей и моментовъ. Въ исторіи философіи одна система опирается на другую, одинъ мыслитель вызываетъ къ жизни другого, и всѣ они объединяются внутренней, неразрывной связью. Въ поэзіи же царить, если и не полная, то во всякомъ случаѣ гораздо большая самостоятельность, и вліяніе поэтовъ другъ на друга ограничивается преимущественно внѣшнею формой; поэтъ не можетъ надолго передать въ наслѣдіе другому поэту своего настроенія, которое играетъ такую важную роль въ художественномъ творествѣ и такъ незначительно въ философскомъ мышленіи и которое отличаетъ, на примѣръ, субъективный пессимизмъ Леопарди отъ объективнаго пессимизма Шопенгауэра. Лирическіе аккорды обязательны для поэта, но философъ намѣренно подавляетъ ихъ и не допускаетъ, чтобы капризное чувство нарушало строгость его мысли; въ сборникѣ стихотвореній насъ не поразитъ сосѣдство элегіи съ жизнерадостнымъ гимномъ, слезъ и улыбки, а отъ философскаго ученія мы прежде всего требуемъ цѣльности и свободы отъ противорѣчій. Вотъ почему намъ и кажется нѣсколько претенціознымъ и страннымъ то многообѣщающее названіе, которое г. Перцовъ далъ своей книгѣ. Литературные портреты двѣнадцати русскихъ поэтовъ, къ тому же не всегда вѣрные и законченные, не опредѣляютъ и не выясняютъ «философскихъ теченій нашей поэзіи». Въ лучшемъ случаѣ они знакомятъ только съ міросозерцаніемъ ея отдѣльныхъ и притомъ не всѣхъ представителей.

Въ сборникѣ г. Перцова мы не находимъ Жуковского съ его трогательнымъ оптимизмомъ и тихую грусть, не видимъ поэзіи эпикуреизма, которую культивировали въ Россіи Батюшковъ, Языковъ, Полежаевъ, Щербина, и наряду съ Апухтинымъ и гр. Голенишевымъ-Кутузовымъ читатель ожидалъ бы изъ новѣйшихъ поэтовъ встрѣтить весьма характернаго Надсона, который, безспорно, заслуживаетъ мѣста въ книгѣ, посвященной философской сторонѣ поэтического творчества. Правда, г. Перцовъ самъ сознаетъ пробѣлы своего изданія, но онъ винить въ этомъ не себя, а прежнюю русскую критику; которая, по его мнѣнію, своеобразно относясь къ вопросамъ поэзіи и философіи, оставила интересующую его область «почти неразработанной» (стр. II). Не говоря уже о всей несправедливости этого упрека нашимъ старымъ критикамъ, къ которымъ вообще большинство авторовъ сборника склонны проявлять слѣпую неблагодарность, г. Перцовъ во всякомъ случаѣ не имѣлъ права выдавать свою книгу за разборъ философскихъ теченій русской поэзіи; чѣмъ бы ни объяснялись какъ отмѣченные, такъ и многіе другіе пропуски—виною ли прежней критики или безсиліемъ современной,—но разъ они существуютъ, нельзя говорить о русской поэзіи въ ея цѣломъ, а можно только говорить объ отдѣльныхъ поэтахъ.

О нихъ и трактуютъ г. Перцовъ и его товарищи по сборнику. Чертою, присущей всѣмъ авторамъ книги, кромѣ гг. Соловьева и Андреевскаго, является необыкновенная изысканность и туманность изложенія; самая простая мысль облачается у нихъ въ пышныя и громкія слова, въ общіе и расплывчатые термины, которымъ можно придавать и то, и другое значеніе. Читатель невольно выноситъ такое впечатлѣніе, что критики наивно убѣждены, будто именно эта манера разсуждать о поэтахъ и дѣлаетъ ихъ этюды философскими. На самомъ же дѣлѣ только у г. Никольскаго, въ его характеристикѣ Фета, подъ слоемъ сочиненныхъ образовъ и риторическихъ прикрасъ, мы находимъ теоретическое и до извѣстной степени правильное обсужденіе вопроса о связи между художественнымъ и философскимъ творчествомъ. Но когда г. Никольскій называетъ Фета «золотымъ мостомъ между философіей и поэзіей», когда онъ считаетъ его поэтомъ грядущихъ поколѣній и пророчить, что его творенія «современемъ стануть настольною книгой каждаго

мыслителя», когда онъ увѣряетъ, что Фетъ въ ученіи Шопенгауэра многое упростилъ, «а многое за него до конца договорилъ» (стр. 241, 242),—то всѣ эти бездоказательныя и гиперболическія утвержденія болѣе подобаютъ панегирику. или комплименту, чѣмъ критико-философскому разбору. Знакомство съ поэзіей Фета вовсе не оправдываетъ и не подтверждаетъ взглядовъ на нее г. Никольскаго. Она, дѣйствительно, даритъ насъ многими минутами высокаго наслажденія, чаруя воздушными очертаніями своей граціи и музыкальности, плѣняя тонкимъ воспроизведеніемъ неуловимыхъ моментовъ въ жизни природы и человѣческаго сердца, но, вопреки г. Никольскому, въ ней нѣтъ «восторженныхъ порывовъ духа» (стр. 246), она дышитъ кветизмомъ, и совершенно невѣрно, будто въ ея творцѣ, «художникъ не убиваетъ чувствующаго, страдающаго и жаждущаго любви человѣка» (стр. 258). Фетъ зналъ и любилъ душу природы, сживался съ нею и ея красотой, въ которой растворялось для него все содержаніе міра и жизни, и г. Никольскій правъ, называя его пантеистомъ. Но эти особенности Фета являются достояніемъ поэзіи вообще; онѣ только различнымъ образомъ комбинируются у разныхъ художниковъ слова, и нельзя поэтому заявлять, подобно г. Никольскому, что «эирность, чистота и духовность поэзіи Фета рѣзко выдѣляютъ его изъ несмѣтнаго множества лириковъ, не исключая даже величайшихъ изъ нихъ» (стр. 247): напрасно нашъ усердный панегиристъ забываетъ хотя бы о Шелли, къ которому названіе «поэта философовъ» и пантеиста подходитъ гораздо болѣе, чѣмъ къ пѣвцу *Вечернихъ огней*. При такомъ благоговѣйномъ отношеніи къ Фету, со стороны его поклонника непонятно, почему онъ недоволенъ формой фетовскихъ стихотвореній и находитъ въ ней «крупные недостатки» (стр. 245); г. Никольскій не долженъ былъ бы упускать изъ виду, что въ художественныхъ произведеніяхъ, особенно въ стихахъ, немислимо отдѣлять форму отъ содержанія и что именно неправильный синтаксическій строй лирическихъ перловъ Фета придаетъ имъ невыразимую и оригинальную красоту, дѣлаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ они есть и чѣмъ такъ восхищаютъ г. Никольскаго. Крайне своеобразенъ у нашего автора и тотъ совсѣмъ не критическій приемъ, въ силу котораго онъ заявляетъ, что «пониманіе поэзіи Фета—наилучшій эстетическій цензъ» (стр. 246); неужели г. Никольскому не ясно, что этимъ онъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ

желаніи запугать довѣрчивыхъ читателей, которые изъ боязни выказать свое эстетическое невѣжество могутъ притворно восторгаться безразличными для нихъ твореніями Фета?

Въ сборникѣ г. Перцова особенно тяжкая судьба постигла Пушкина. Ему посвятилъ большую статью г. Мережковскій. Вся она представляетъ собою сплошную вычурную фразу, въ которой нѣтъ почти ни одного естественнаго, человѣческаго оборота и которая въ концѣ концовъ раздражаетъ шумихой своихъ словъ, безвкуснымъ нагроможденіемъ метафоръ и прямо невыносимой напыщенностью. Такія выраженія, какъ, на примѣръ, «русская литература... напрасно будетъ натягивать на обнаженную пошлость черни свѣтлыя ризы галилейскаго милосердія» (стр. 45), — встрѣчаются у г. Мережковскаго на каждомъ шагу. И весь этотъ трескучій арсеналъ декадентской болтовни нуженъ автору для того, чтобы показать, что Пушкинъ былъ великій художникъ... Г. Мережковскій не вноситъ ни одного новаго штриха въ характеристику гениальнаго поэта и только искажаетъ тѣ мысли, которыя такъ горячо и краснорѣчиво высказалъ о Пушкинѣ Бѣлинскій. Своего г. Мережковскій даетъ лишь образцы поразительнаго высокомерія и дѣлаетъ неприлично-грубыя вылазки противъ литературныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, — вылазки, которыя вошли теперь въ такую постыдную моду. Онъ сопоставляетъ Писарева съ Булгаринимъ, принижаетъ Добролюбова и Чернышевскаго, попутно возмущается «демократическимъ варварствомъ», братствомъ и принципомъ большинства голосовъ, обвиняетъ Россію въ томъ, что она не вынесла Пушкина на одну высоту съ Гомеромъ, Данте, Шекспиромъ и Гёте, завѣряетъ насъ, что политическія увлеченія Пушкина были поверхностны и что онъ искренне каялся въ нихъ. Нерѣдко г. Мережковскій противорѣчитъ самому себѣ: на примѣръ, въ одно и то же время онъ ропщетъ и на то, что у насъ нѣтъ критики, что она не отзывчива, и на то, что русское общество не имѣетъ своего мнѣнія: о книгахъ и «ходитъ на помочахъ у критики» (стр. 5). Сопоставленіе «Пушкина со Львомъ Толстымъ въ ихъ общемъ протестѣ противъ «городской жизни, денегъ, внѣшней власти и буржуазной пошлости» — интересно задумано г. Мережковскимъ, но выполненіе этого замысла рушится подъ градомъ ненужныхъ и невѣрныхъ словъ. Въ разборѣ «Поэта» и «Черни» г. Мережковскій положительно клеветаетъ на Пушкина и приписываетъ ему возмутительный аристократизмъ, въ которомъ великій

поэтъ неповиненъ; вмѣсто того, чтобы разсвѣять то неправильное толкованіе, которое далъ этимъ стихотвореніямъ столь ненавистный г. Мережковскому Писаревъ, нашъ авторъ только усиливаетъ ошибку покойнаго критика, не разъясняетъ, кого собственно клеймилъ Пушкинъ названіемъ черни, и отъ себя уже величаетъ уши толпы «звѣриными» (стр. 48). Вообще, желая доказать ту несомнѣнную и никѣмъ не оспариваемую истину, что Пушкинъ замѣчательнъ своей простотой и естественностью, г. Мережковскій употребляетъ для этого самыя неестественныя приемы и, незаконно отождествляя свое міровоззрѣніе съ міровоззрѣніемъ Пушкина, оказываетъ своему кумиру очень дурную услугу. И наконецъ, если авторъ убѣжденъ, что философскіе идеалы чужды искусству (стр. 46), то какъ согласовать съ этимъ, что онъ далъ свою статью въ сборникъ г. Перцова?

Гораздо спокойнѣе и лучше написаны очерки г. Мережковскаго, посвященные Кольцову и Майкову (они уже появлялись въ печати). Въ характеристикѣ поэта-прасола г. Мережковскій вѣрно указываетъ, что средоточіемъ кольцовской поэзіи, главнымъ сюжетомъ ея пѣсенъ является *хлѣбъ*; въ статьѣ о Майковѣ онъ очень тонко подмѣчаетъ нѣкоторую ограниченность содержанія въ поэзіи триады—Майкова, Фета и Полонскаго, ихъ боязнь всякой борьбы и бури, всякаго страданія, ихъ любовь къ тишинѣ и покою; при этомъ авторъ заявляетъ (словно не онъ писалъ этюдъ о Пушкинѣ...), что онъ лично предпочитаетъ «влажныя, разорванныя волнами ризы Аріона самымъ торжественнымъ ризамъ жрецовъ чистаго искусства» и что великіе люди древности не были «чужды живой современности, народныхъ страданій и злобы дня» (стр. 320). Вообще, творчество Майкова и скульптурный характеръ его поэзіи обрисованы г. Мережковскимъ вполне искусно и правильно. Быть можетъ только, классическую манеру поэта онъ напрасно распространяетъ и на его описанія русской природы,—они у Майкова очень просты и красивы и не имѣютъ античнаго элемента. Ничего не говоритъ г. Мережковскій и о любви у Майкова, хотя отношеніе къ ней поэта, спокойное и безбурное, дополняетъ общую физиономію майковской поэзіи.

Статьи г. Перцова о Полонскомъ, гр. А. К. Толстомъ, Кольцовѣ (въ дополненіе къ этюду г. Мережковскаго), Огаревѣ, Апухтинѣ, гр. Голенищевѣ Кутузовѣ имѣютъ характеръ эскизовъ. Но онѣ производили бы хорошее впечатлѣніе, еслибы авторъ не стре-

мился прежде всего къ изысканности внѣшней формы,—для него какъ будто важно не столько выразить свою мысль, сколько придать ей какую-нибудь оригинальную оболочку; правда, въ этомъ отношеніи г. Перцовъ заходитъ совсѣмъ не такъ далеко, какъ гг. Мережковскій и Никольскій. Если очерки г. Перцова не исчерпываютъ всего того, что можно и должно сказать о поэтахъ, которыми они занимаются, то во всякомъ случаѣ они изобилуютъ отдѣльными замѣчаніями, съ которыми нельзя не согласиться. Совершенно правильно указано г. Перцовымъ различіе между блѣднымъ и анемичнымъ пессимизмомъ Апухтина и мощнымъ презрѣніемъ къ жизни гр. Кутузова; въ Огаревѣ критикъ вѣрно подмѣтилъ то, что другъ Герцена черпалъ все содержаніе своей грустной поэзіи только изъ себя, изъ своего внутренняго міра, и что главною трагедіей его души былъ царившій въ ней разладъ между мистицизмомъ и рационализмомъ. Нѣкоторыя положенія г. Перцова очень сомнительны: на какомъ основаніи, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что у гр. А. К. Толстого—«сердце, нѣжное какъ ласка»? Это рѣшительно невѣрно, потому что не съ одною любовью смотрѣлъ Толстой на землю, и въ душѣ его всегда было много ироніи.

Прекрасная статья г. Соловьева о Тютчевѣ, какъ о поэтѣ преимущественно темной и загадочной стихіи въ природѣ, и талантливые очерки г. Андреевскаго, посвященные Лермонтову и Баратынскому, были уже напечатаны въ другихъ изданіяхъ и хорошо извѣстны читающей публикѣ.

Стихотворенія, приложенныя въ видѣ иллюстраціи къ характеристикамъ поэтовъ, выбраны не всегда удачно въ смыслѣ типичности; особенно это можно сказать о Полонскомъ, Майковѣ, гр. А. К. Толстомъ.

Въ общемъ надо замѣтить, что, какъ попытка философски освѣтить нѣкоторыя стороны русской поэзіи, сборникъ г. Перцова имѣетъ несомнѣнныя достоинства, и остается только сожалѣть, что проникающее почти всю книгу враждебное отношеніе къ корифеямъ русской критики придаетъ этому начинанію неумѣстный боевой колоритъ.

Ю. Айхенвальдъ.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юліей Рэймондъ Гинджеллъ. Съ портретомъ Герберта Спенсера. Перевелъ съ англійскаго А. Гойжевскій подъ редакціей Вл. Соловьева. С.-Петербургъ 1896 г.

Мысль извлечь изъ сочиненій Спенсера рядъ афоризмовъ и составить изъ нихъ сборникъ далеко не можетъ считаться счастливой. Система эволюціонной философіи цѣнна постольку, поскольку она является именно системой, и отдѣльные элементы ея, взятые въ своей обособленности, не связанные другъ съ другомъ, теряютъ значеніе и смыслъ. Спенсера нельзя дробить, и если сокращенное изложеніе его теорій, сдѣланное Говардомъ Коллинсомъ, вышло необыкновенно сухимъ и скучнымъ, то книжка г-жи Гинджеллъ имѣетъ только то достоинство, что она свидѣтельствуетъ объ искреннемъ увлеченіи автора его знаменитымъ соотечественникомъ. Съ чисто-женскою кропотливостью поклонница Спенсера предприняла совершенно бесполезную и безцѣльную работу и выписала изъ его произведеній тѣ мѣста, которыя ей показались выдающимися. По собственному ея признанію, она это сдѣлала для своего удовольствія (стр. IX). Безспорно, удовольствіе — вполне невинное, дозволительное, и, конечно, болѣе разумное, чѣмъ вышиваніе по канвѣ; трудно понять лишь то, зачѣмъ г-жа Гинджеллъ вздумала знакомить публику съ плодами своего досуга и посылать на книжный рынокъ свой экстрактъ изъ Спенсера. Это недоумѣніе не разсѣивается ея словами, что англійскій мыслитель далъ свое согласіе на изданіе и что она надѣется своими выписками пробудить въ читателяхъ интересъ къ философіи эволюціи. Авторитетъ Спенсера въ данномъ случаѣ ни для кого не обязателенъ, и то, что онъ отдалъ свое имя и свои идеи въ распоряженіе г-жи Гинджеллъ, доказываетъ только его славолубіе или рыцарскую галантность. Далѣе, надежда, которую возлагаетъ авторъ на свои упражненія, лишена серьезнаго основанія потому, что цитаты, собранныя имъ, вовсе не даютъ особенно лестнаго представленія о философіи Спенсера и не могутъ служить магнитомъ, который привлекалъ бы къ непосредственному и болѣе обстоятельному знакомству съ нею. Неискусно вырванныя изъ цѣльнаго міровоззрѣнія, онѣ ничѣмъ не замѣчательны, не оригинальны, иной разъ даже странны. Насколько автору не удалось представить свои отрывки въ са-

мостоятельной формѣ, насколько они неразрывны съ контекстомъ, видно уже изъ того, что многіе изъ нихъ въ книжкѣ г-жи Гинджелль начинаются словами *итакъ, но, однако, следовательно*. Это рѣшительно производитъ комическое впечатлѣніе и заставляетъ русскаго читателя подчасъ вспоминать о совѣмъ другихъ афоризмахъ, помѣщенныхъ въ одномъ юмористическомъ сборникѣ. Сила Спенсера не въ отдѣльныхъ мысляхъ, не въ изреченіяхъ, для которыхъ у него нѣтъ и подходящаго стиля, сжатаго и картиннаго; сила его въ логическомъ развитіи идей, въ плавномъ и пространномъ разсужденіи, въ примѣрахъ, подчерпнутыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей человѣческаго знанія. Вотъ почему трудъ, который взяла на себя г-жа Гинджелль, не вызываетъ сочувствія; мы и такъ уже слишкомъ питаемся суррогатами, и незачѣмъ увеличивать ихъ числа. Книжка англійскаго автора не вредна—и это лучшее, что можно сказать о ней; но если бы кто-нибудь, познакомившись съ нею, счелъ себя знающимъ философію Спенсера, то изъ бесполезнаго сборникъ г-жи Гинджелль сталъ бы вреднымъ.

Русскій переводъ книги довольно тяжелъ.

Ю. Айхенвальдъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.

Ю. А. Метафизика и логика. По поводу статей проф. Грота „О времени“. Съ 9 рисунками въ текстѣ. Херсонъ, 1896 г. Цѣна 50 коп. Стр. 72.

М. Ансеновъ. Не-«университетская философія». Этюдъ I. О времени. Трансцендентально-кинетическая теорія времени. Харьковъ, 1896 г. Цѣна 60 к. Стр. 37.

А. П. Аргамановъ. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ 1896 г., цѣна 1 р. Стран. 218.

Библіотена для самообразованія. Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Переводъ подъ редакціей Н. Н. Шамонова и Д. М. Петрушевскаго. Выпускъ 2-й. М. 1896 г. Цѣна 1 р. 75 коп. Стр. XIX + 502 + II.

С. Р. Гардинеръ. Пуритане и Стюарты 1603—1660 гг. **О. Эйри.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. Отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Культурно-историческая бібліотека. Изданіе О. Н.

Поповой. С.-Петербургъ, 1896 г. Цѣна 1 руб. 75 коп. Стр. V + 2 + II + 252 + VIII + 228.

Проф. В. Я. Данилевскій. Душа и природа, 2-е дополненное и переработанное изданіе. Харьковъ. 1897 г. Цѣна 1 руб. Стр. 92.

Чарльзъ Дарвинъ. Сочиненія. Полные переводы, проверенные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Томъ II. Происхождение человѣка и половой подборъ. Переводъ профессора И. Сѣченова. О выраженіи ощущений у человѣка и животныхъ. Переводъ подъ редакц. академика А. О. Ковалевскаго. Съ приложеніемъ 27 таблицъ и рисунковъ. С.-Петербургъ, 1896 г. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. VI + 421 + 184.

Н. А. Добролюбовъ. Сочиненія. Томъ IV. Изданіе пятое. С.-Петербургъ, 1896 г. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. VI + 674.

Антонъ Менгеръ. Общественныя задачи правовѣдѣнія (Рѣчь, читанная при вступленіи въ должность ректора Вѣнскаго университета 24 октября 1895 г.). Международная библіотека. Изданіе I. Юровскаго. С.-Петербургъ. Цѣна 15 коп. Стр. 26.

Эрнестъ Навиль, заслуженный профессоръ Женевскаго университета. Что такое философія? Переводъ съ французскаго подъ редакціей доцента философіи въ Московской духовной академіи А. И. Введенскаго. «Въ защиту идеаловъ разума». Избранная библіотека современныхъ западныхъ мыслителей. М., 1896 г. Цѣна 1 р. 25 к. Стр. XIV + 319.

Я. Озе. Персонализмъ и проэктивизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ, 1896 г. Цѣна 2 р. 50 к. Стр. VIII + 476.

Отчеты о засѣданіяхъ Общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ за 1894—95 годъ. Годъ пятый. М., 1896 г. Стр. 117.

Врачъ М. Пацкевичъ. Значеніе гипнотическаго внушенія, какъ врачебнаго средства. Отдѣльный оттискъ изъ «Русской Медицины» №№ 37—38, 1894 г. Стр. 13.

Врачъ М. Пацкевичъ. Спорные вопросы въ области гипнотизма и психотерапіи. С.-Петербургъ. Стр. 22.

Первая помощь. Изданіе Общества врачей гомеопатовъ въ С.-Петербургѣ. С.-Петербургъ, 1896 г. Стр. 57.

А. Рождествинъ. Страданія Господни и современное невѣріе. Казань, 1896 г. Цѣна 30 к. Стр. 55.

Н. А. Рубакинъ. Разказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ

природы. Изданіе 3-е. С.-Петербургъ, 1896 г. Изданіе О. Н. Поповой. Цѣна 18 к. Стр. 92.

Профессоръ А. И. Смирновъ. Публичныя лекціи по философіи наукъ. Основныя понятія и методы наукъ физико-математическихъ. Казань, 1896 г. Стр. II + 164.

Пр. С. Соллертинскій. Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная. Иисусъ Христосъ, основатель христіанскаго пастырства. Изданіе исправленное и дополненное. С.-Петербургъ, 1896 г. Цѣна 2 р. 50 к. Стр. 421 + LXXII.

Гербертъ Спенсеръ. Афоризмы изъ сочиненій. Извлечены и приведены въ систему Юліею Рэймондъ Гинджелль. Съ портретомъ Герберта Спенсера. Перевелъ съ англійскаго А. Гойжевскій. Подъ редакцій Вл. Соловьева С.-Петербургъ. Изданіе Н. П. Карбасникова. Цѣна 1 р. Стр. XVI + 200.

Гербертъ Спенсеръ. Всеобщее превращеніе. Въ краткомъ изложеніи И. Любомудрова. Самара, 1896 г. Цѣна 15 к. Стр. 20.

Н. Н. Страховъ. Философское ученіе о познаніи и достовѣрности познаваемого. Изданіе второе. Харьковъ, 1896 г. Цѣна 50 к. Стр. 96.

Д. Тяжельниковъ. Значеніе народнаго образованія въ разрѣшеніи нашего экономическаго кризиса. Стр. 31.

Эдуардъ Б. Тэйлоръ, Лекторъ Антропологии въ Оксфордскомъ университетѣ, авторъ «Изслѣдованій древнѣйшей исторіи человѣческаго рода» и пр. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія мифологии, философіи, религіи, языка, искусства и быта. Второе изданіе, исправленное и дополненное по третьему англійскому изданію (1891 г.) подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Въ двухъ томахъ. Томъ I. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ, 1896 г. Стр. VIII + 374.

Г. Ф. Шершеневичъ. Профессоръ Казанскаго Университета. Опредѣленіе понятія о правѣ. Казань, 1896 г. Цѣна 75 коп. Стр. 83.

А. Шенбахъ. Государственный строй Сѣверо-Америк. Соединенныхъ Штатовъ. Международная библіотека. Изданіе I. Юровскаго. Цѣна 15 коп. Третье изданіе. С.-Петербургъ, 1896 г. Стр. 44.

III. Обзоръ журналовъ.

Rivista italiana di filosofia. 1896. Мартъ и іюль.

G. Zuccante. Исторія философіи и ея отношеніе къ исторіи культуры и цивилизаціи.

Ни для какой другой науки ея исторія не имѣетъ такого огромнаго значенія, какъ для философіи; но она имѣетъ значеніе и не для нея одной: она важна и для положительныхъ наукъ. Развитія научныхъ идей нельзя понять, если не знать исторіи тѣхъ мыслителей, которые выработали новые методы и построили міръ по новому плану. Великіе философы, отражая въ себѣ духъ эпохи, оказывали всегда вліяніе на научныя воззрѣнія и культуру своего времени. Исторію философіи, такимъ образомъ, слѣдуетъ понимать широко, какъ исторію знанія и культуры вообще и не потому, чтобы всѣ идеи были идеями философскими и всѣ науки составляли съ философіей одно,—а потому, что всѣ идеи получаютъ свое лучшее выраженіе въ философіи. и всѣ науки имѣютъ въ ней свое послѣднее основаніе. Мораль и право получаютъ различное направленіе, смотря потому, будемъ ли мы считать человѣка преимущественно эгоистомъ или альтруистомъ, будемъ ли признавать главнѣйшимъ мотивомъ дѣятельности пользу или долгъ. Философская мысль есть необходимый субстратъ всякой соціальной доктрины, а такъ какъ эти доктрины стремятся къ своей реализаціи, то философія есть то, что проникаетъ насквозь всю жизнь. Исторію фактовъ можно понять только въ исторіи идей. Философія, наконецъ, имѣетъ самую тѣсную связь съ религіей и изящной литературой. Вотъ почему исторія философіи должна быть вообще исторіей прогресса и цивилизаціи.

V. Venini. Основанія морали.

Понятіе закона есть необходимая принадлежность каждой нравственной системы, не исключая и эвдемонизма; но одни ищутъ

основанія закона въ идеальныхъ цѣляхъ, другіе—въ цѣляхъ реальныхъ. По мнѣнію автора, мораль должна быть согласна съ человѣческой природой и ея цѣлями, должна принимать во вниманіе наши желанія, инстинкты и наклонности. Многіе считаютъ неизбѣжною противоположность между инстинктомъ и долгомъ; но постоянное и полное противорѣчіе сдѣлало бы невозможной самую мораль. Еслибы человѣкъ въ своихъ естественныхъ стремленіяхъ не находилъ ни одного, которое было бы согласно съ требованіями долга, какъ могъ бы онъ его исполнить? Требовать, чтобы человѣкъ сдѣлалъ что-нибудь противное своей природѣ, равносильно желанію, чтобы тѣла падали снизу вверхъ. Поэтому, нравственный принципъ долженъ не отрицать наши цѣли, а согласоваться съ ними. Наше поведеніе нравственно, когда (и если) оно согласно съ реальной цѣлью человѣческой жизни. Авторъ обѣщаетъ въ послѣдствіи обосновать подробнѣе свою теорію, въ настоящей же статьѣ онъ предлагаетъ только критику различныхъ теорій нравственности. Но уже изъ этой критики можно видѣть, что онъ понимаетъ нравственный законъ исключительно, какъ законъ природы; поэтому, онъ больше всего симпатизируетъ тѣмъ системамъ, которыя находятъ основаніе нравственности въ понятіи мірового порядка (П. Жане).

G. Tauro. Новыя направленія философіи права въ Германіи.

Разсматриваются теоріи Геринга, Дана, Лассона, Кирхмана и Бирлинга. Авторъ находитъ, что реализмъ, къ которому направляется современная юридическая философія, не въ состояніи объяснить всѣхъ элементовъ понятія права; вотъ почему замѣтны уже признаки возрожденія теоріи естественнаго права.

G. Zussante. Біологическое значеніе поведенія по Спенсеру.

Излагается этическая теорія Спенсера, къ которой авторъ относится вообще съ сочувствіемъ.

A. Nagu. Факты нормальные и факты болѣзненные въ психологіи.

Всѣ сознаютъ различіе между нормальными и болѣзненными фактами, но опредѣлить это различіе въ точной формулѣ до сихъ поръ не удавалось. Существуютъ даже теоріи, считающія всѣ факты нормальными (потому что всѣ они соотвѣтствуютъ даннымъ органическимъ условіямъ) или всѣ факты патологиче-

скими (потому что всѣ они производятъ въ организмѣ измѣненія). Разсматривая факты психической дѣятельности (воспріятіе, чувство, акты воли), авторъ устанавливаетъ аналогію между ними и инфекціонными болѣзнями: тѣ и другія одинаково зарождаются, производятъ измѣненія въ организмѣ и возбуждаютъ въ немъ реакцію; сила тѣхъ и другихъ зависитъ, какъ отъ внѣшняго вліянія, такъ и отъ воспримчивости. Отсюда дѣлается заключеніе, что границы между нормальнымъ и болѣзненнымъ со-всѣмъ нельзя и установить: каждый фактъ можно считать нормальнымъ для него самого и патологическимъ по отношенію къ другому факту, который ему предшествуетъ или за нимъ слѣдуетъ. Но обыкновенно мы называемъ нормальными тѣ факты, которые являются для организма привычными и болѣзненными—тѣ, которые встрѣчаются менѣе часто.

N. d'Alfonso. Органическое воспитаніе.

Подъ органическимъ воспитаніемъ слѣдуетъ разумѣть такое, которое исходитъ изъ понятія взаимной обусловленности различныхъ сторонъ человѣческой жизни. Въ противоположность только физическому воспитанію, оно заключаетъ въ себѣ элементы: механики (развитіе скелета, мускуловъ и нервной системы), физики (поддержаніе теплоты въ тѣлѣ), химіи (питаніе), физиологіи (функціонированіе организма) и психологіи.

В. Вальденбергъ.

IV. Новости иностранной философской литературы.

(Извлеченія изъ рецензій въ иностранныхъ журналахъ).

Max Dessoir. Geschichte der neueren deutschen Psychologie. Erster Band. X + 439. Carl Duncker, Berlin. M. 13, 50.

Первый томъ этой исторіи новой нѣмецкой психологіи трактуетъ о періодѣ отъ Лейбница до Канта; второй и третій томы доведутъ изложеніе до нашихъ дней. Въ началѣ своей книги Дессуаръ разсматриваетъ эпоху Лейбница, Вольфа, его послѣдователей и противниковъ и эклектиковъ. Рационалистическая психологія Вольфа въ сущности была физиологическою психологіей, и ея спекулятивныя воззрѣнія имѣли своей подкладкой стремленіе установить для всѣхъ психическихъ процессовъ соотвѣтственные физиологическіе; вольфовская концепція предустановленной гармоніи приближается къ современной доктринѣ психофизическаго параллелизма. Въ періодъ отъ 1750 до 1780 г. въ психологіи царилъ сперва рѣзкій рационализмъ, который смѣнился потомъ сентиментальнымъ субъективизмомъ. Подвергаясь различнымъ воздѣйствіямъ со стороны Локка, шотландцевъ, Юма, моралистовъ, какъ Шефтсбери и Гетчесонъ, Руссо, энциклопедистовъ, Ламеттри, Кондильяка, Гельвеція и другихъ, нѣмецкая психологія въ то же время должна была тогда считаться съ развитіемъ сентиментальности въ нравахъ, съ пѣтизмомъ, съ моральными изданіями, которыя всячески популяризировали философію Вольфа. За этотъ періодъ Дессуаръ различаетъ пять школъ: нео-вольфіанцевъ, эклектиковъ, популярныхъ психологовъ (Мендельсонъ, Аббтъ), матеріалистовъ, какъ Гиссманнъ, Ирвингъ, Ламбертъ, — которые утверждали, что психологъ долженъ быть больше физиологомъ, чѣмъ философомъ, — и, наконецъ, эмпириковъ.

Въ послѣднихъ частяхъ своего изслѣдованія авторъ излагаетъ главные проблемы нѣмецкой психологіи конца XVIII вѣка и детально трактуетъ о ея результатахъ и отношеніяхъ къ теоріи познанія, къ эстетикѣ, медицинѣ, морали и праву, педагогіи и къ философіи Канта. Дессуаръ отмѣчаетъ то характерное явленіе, что тенденція отдѣлить психологію отъ метафизики и основать первую на наблюденіи и экспериментѣ ясно обнаруживалась у многихъ нѣмецкихъ психологовъ второй половины XVIII в., и если не было тогда термина «физиологическая психологія», то понятіе это существовало; Фреммихенъ, напримѣръ, сравнивалъ занятіе психологіей безъ физиологической основы съ работой паука.

Строго-объективный и научный трудъ Дессуара даетъ обильныя и точныя свѣдѣнія о психологическихъ системахъ указаннаго періода, и надо желать скорѣйшаго появленія слѣдующихъ томовъ.

(В. *Revue philosophique*, 1895, № 8).

Apel, Max. Dr. Kants Erkenntnistheorie und seine Stellung zur Metaphysik. Eine Einführung in das Studium von Kants Kritik der reinen Vernunft. Berlin, Mayer und Müller, 1895.

Эта книга не достигаетъ своей цѣли и не можетъ служить введеніемъ къ изученію Канта уже потому одному, что для начинающаго она не по силамъ; только предварительное знакомство съ міромъ кантовскихъ идей дѣлаетъ доступнымъ ея спутанное изложеніе. Кромѣ того, она не является надежною руководительницей и потому, что авторъ ея придерживается невѣрнаго взгляда на сущность и истинную основу «Критики чистаго разума»: ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ критицизма онъ видитъ въ якобы господствующей въ немъ идеѣ интеллектуальной интуиціи, между тѣмъ какъ это понятіе играетъ у Канта лишь побочную роль. Но иззатокъ кенигсбергскаго философа не вынесетъ изъ книги Апеля особенной пользы, и для него окажутся совершенно излишними многочисленныя цитаты, приведенныя тамъ, а въ экзегетическихъ и критическихъ замѣчаніяхъ автора онъ найдетъ много произвольнаго и шаткаго. Въ особенности странно воззрѣніе Апеля на метафизику: онъ считаетъ возможнымъ выводить ее изъ однихъ категорій безъ помощи опыта, онъ считаетъ возможными такія синтетическія апріорныя сужденія, которыя не имѣютъ другой основы, кромѣ разума. Такимъ обра-

зомъ, Апель усиливаетъ еще ошибку Канта, понимавшаго метафизику какъ науку а priori. Будучи сторонникомъ свободы воли и опровергая детерминизмъ, авторъ смѣшиваетъ его съ фатализмомъ. Въ общемъ, Апель былъ бы въ состояніи сказать нѣчто лучшее и выдающееся, если бы онъ не смотрѣлъ на «Критику чистаго разума» съ неправильной точки зрѣнія.

(Franz Erhardt. *Kantstudien*. Band I, Heft I).

L. Lévy Bruhl. La philosophie de Jacobi. 1 vol. in 8°. Alcan (Bibliothèque de philosophie contemporaine).

Изящно и живо написанный этюдъ Леви Брюля знакомить съ міровоззрѣніемъ Якоби, какъ типичнымъ образцомъ той философіи чувства или вѣры, которая, по словамъ автора книги, возрождается въ наше время. Доктрина Якоби заключалась, собственно говоря, только въ опроверженіи чужихъ системъ, и ея основы надо искать въ его индивидуальности, въ его впечатлительной и религиозной душѣ, которая жила своей обособленною жизнью и стойко противилась внѣшнимъ вліяніямъ. Глубоко убѣжденный противникъ популярной философіи нѣмецкаго просвѣщенія, врагъ сухой логичности и абстракціи, непоколебимый индивидуалистъ, Якоби имѣлъ союзниковъ среди дѣятелей эпохи «бури и натиска» и горячо боролся за первенство непосредственнаго чувства передъ размышленіемъ. Его «Письма объ ученіи Спинозы» стремятся доказать, что спинозизмъ—неизбѣжная участь всякаго философскаго мышленія. Но въ результатѣ этихъ писемъ было только то, что наиболѣе выдающіеся умы энергично приступили къ изученію Спинозы и усвоили себѣ его идеи; такимъ образомъ, Якоби противъ своей воли сослужилъ службу творцу «Этики». Вообще, провозглашая несостоятельность всякой рационалистической системы, Якоби этимъ какъ бы выключалъ себя изъ круга людей, способныхъ къ философскому изслѣдованію, и его сентиментальная и мистическая проповѣдь грозила остаться безъ слушателей. Вотъ почему, когда вышла въ свѣтъ «Критика чистаго разума», Якоби воспользовался проводимымъ въ ней различіемъ разсудка и разума и вмѣсто своихъ прежнихъ терминовъ—чувства и вѣры—началъ употреблять слово *разумъ* въ смыслѣ способности къ сверхчувственному познанію. Такъ искажилъ онъ Канта и заставилъ послѣдняго открыто заявить о томъ, что между нимъ и Якоби нѣтъ ничего общаго, что онъ, Кантъ, на-

ставяется только на относительности разума, но вовсе не отказывается отъ него. Для Якоби Кантъ былъ правъ постольку, поскольку онъ отвергалъ догматическую метафизику. Точно также и мораль Канта лишь на первый взглядъ кажется аналогичной съ моралью Якоби, сходясь съ нею въ антиутилитаризмъ и сверхчувственномъ характерѣ; въ дѣйствительности же, категорическій императивъ служить для Канта не откровениемъ сердца, а проявленіемъ разума, и, въ противоположность ученію Якоби, исключаетъ наравнѣ съ утилитаризмомъ и все мистическое. Якоби, понявъ эти разногласія, возбудилъ полемику съ Кантомъ, выступалъ затѣмъ противъ Фихте и его чистаго «я», противъ Шеллинга, въ системѣ тождества котораго видѣлъ самую опасную форму атеизма и фатализма; къ сожалѣнію, объ этой послѣдней полемикѣ съ Шеллингомъ Леви Брюль, вѣроятно, въ виду однообразія аргументовъ Якоби, упоминаетъ лишь слегка. Гегель былъ правъ, говоря, что философія начинается именно тамъ, гдѣ останавливается Якоби. Леви Брюль, воздавая должное нѣмецкому пѣтисту, ясно замѣчаетъ однако всю несостоятельность его ученія; онъ признаетъ заслугу Якоби въ томъ, что философія чувства и вѣры, представителемъ которой былъ нѣмецкій мистикъ, рельефно показала, какая глубокая тайна окружаетъ насъ, какія сложныя проблемы должно рѣшить человѣчество. Автору однако можно замѣтить, что философскія системы вѣры и чувства, несмотря на видимую тождественность своихъ формулъ, значительно разнятся одна отъ другой, и ученіе Якоби нельзя считать типичнымъ въ этомъ отношеніи.

(Victor Delbos. *Revue philosophique* 1895 г., № 12.)

John Watson. Hedonistic Theories from Aristippus to Spencer. LL. D., Professor of Moral Philosophy in the University of Queen's College, Kingston, Canada. Glasgow: James Mac-Lehose and Sons. 1895.

Эта книга содержитъ въ себѣ популярное изложеніе гедонистическихъ теорій въ ихъ исторической послѣдовательности. Собственное воззрѣніе автора на гедонизмъ выражено въ слѣдующихъ словахъ: «въ результатъ своихъ изслѣдованій я убѣдился, что ни одна гедонистическая теорія не въ состояніи объяснить нравственность, не принимая тезисовъ, которые несомнѣстимы съ ея основнымъ принципомъ». При всемъ сочувствіи къ взглядамъ Watson'a, нельзя не замѣтить, что его утвержде-

ніе; будто гедонизмъ смѣшиваетъ удовольствіе и страданіе, какъ чувства, съ удовольствіемъ и страданіемъ, какъ объектами мысли,—ложно; вообще, противъ гедонизма авторъ выставляетъ иногда такіе аргументы, которые давно уже были опровергнуты Д. С. Миллемъ въ его «Утилитаризмъ». Прекрасное изложеніе Watson'a не чуждо нѣкоторыхъ погрѣшностей; нельзя, напримеръ, утверждать, что, по Гоббсу, общество основывается на добровольномъ самоотреченіи индивидуальной воли для общаго блага; нельзя называть теорій Локка полною противоположностью теорій Гоббса.

(W. R. Sorley. *International Journal of Ethics*, 1896, № 3.)

Z. A. Selby-Bigge. An Enquiry concerning the human Understanding and an Enquiry concerning the principles of morals, by David Hume, reprinted from the posthumous edition of 1777 and edited, with an introduction, comparative tables of contents, and an analytical index (in—12, 1894, Oxford, at the Clarendon Press; 350 S.)

Въ введеніи къ этому новому изданію «*Опытовъ*» Юма Selby Bigge указываетъ тѣ значительныя отличія, которыя существуютъ между ними и «*Treatise of the human nature*», какъ извѣстно, появившемся въ свѣтъ раньше. Во многихъ отношеніяхъ идеи этого «Трактата» были радикально измѣнены Юмомъ въ его позднѣйшихъ трудахъ и измѣнены къ ущербу для стройности и цѣльности его системы. Идеалистическая и ассоціаціонная философія Юма въ *Enquiries* потеряла свою научную и систематическую форму и получила явно-скептическій характеръ. Если извѣстное ученіе Юма о причинности имѣетъ въ *Трактатъ* психологическую подкладку въ различеніи впечатлѣній отъ ощущеній и разума, то въ *Enquiries* мы этой важной ссылки на психологическую основу не находимъ. Далѣе, въ *Treatise* Юмъ разсматриваетъ геометрію, какъ естественную науку, опирающуюся на наблюденіе, а въ *Опытахъ* онъ посвящаетъ этому вопросу лишь двѣ страницы, на которыхъ высказывается только противъ мысли о безконечной дѣлимости пространства, и вообще обнаруживаетъ сомнѣніе въ правильности своего прежняго взгляда. Наконецъ, въ области морали перемѣна въ воззрѣніяхъ Юма еще болѣе очевидна: послѣдовательный утилитаристъ въ «Трактатѣ», онъ въ *Enquiries* говоритъ объ «естественной филантропіи» и, вопреки своему прежнему правилу, ищетъ причины въ

сложномъ, когда она находится въ простомъ; такъ, въ *Enquiries* онъ, измѣняя самому себѣ, возстаетъ противъ того, чтобы объяснить благоволеніе себялюбіемъ.

(F. Pillon. *Revue philosophique* 1895, № 10.)

Wilhelm Wundt. Grundriss der Psychologie. Leipzig. Wilhelm Engelmann, 1896. London: Williams et Norgate. Pp. XVI, 392.

Новую книгу Вундта надо привѣтствовать какъ первое полное изложеніе его психологической системы. Въ *Grundzüge* Вундтъ трактовалъ о психологіи только въ ея отношеніяхъ къ физиологіи, въ *Vorlesungen*—разсматривалъ ее съ философской точки зрѣнія, и лишь *Grundriss* имѣетъ цѣлью представить психологію какъ таковую, систематически изложить факты душевной жизни въ ихъ чисто-психологической связи. Основными принципами для Вундта служатъ слѣдующія положенія: 1) психологическій опытъ есть непосредственный опытъ вообще; 2) этотъ непосредственный опытъ не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, а состоитъ изъ процессовъ, которые являются частными опытами, присутствующими всему человѣчеству; 3) каждый изъ такихъ процессовъ есть процессъ субъективный, но содержаніе его объективно. Если нѣкоторыя психологическія проблемы и могутъ разсматриваться съ физиологической точки зрѣнія, то лишь психологическій анализъ въ состояніи ихъ объяснить. Посредствомъ такого анализа всѣ психическіе процессы могутъ быть сведены къ чистымъ ощущеніямъ и простымъ чувствованіямъ. Нѣтъ такого психического содержанія, въ которое не входили бы элементы и ощущеній, и чувствованій, хотя они и разсматриваются отдѣльно. Отсюда типичнымъ психологическимъ процессомъ является процессъ воли.

(*Mind*. 1896, № 19, July.)

C. Lloyd Morgan. An Introduction to comparative Psychology, in—12. London, Walter Scott, XIV + 382 S.

Книга Моргана принадлежитъ къ той категоріи изслѣдованій по зоопсихологіи, которая не довольствуется однимъ перечнемъ фактовъ, а старается дать имъ извѣстное теоретическое освѣщеніе. Трудъ Моргана главнымъ образомъ стремится установить отношеніе психологіи человѣка къ психологіи высшихъ животныхъ и указать роль сознанія въ природѣ. Такая цѣль книги

объясняетъ присутствіе въ ней многихъ чрезвычайно интересныхъ главъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ зоопсихологіей. Авторъ, приверженецъ монизма, начинаетъ свое сочиненіе критикой дуалистической теоріи. Для Моргана въ природѣ царитъ эволюція, стремящаяся отъ хаоса къ космосу, и потокъ сознанія (the wave of consciousness) распредѣляется по міру въ извѣстной постепенности. Какъ главное методологическое правило въ своихъ изысканіяхъ, Морганъ выставляетъ принципъ, что ни одного душевнаго акта не слѣдуетъ считать результатомъ дѣйствія высшей психической способности, если онъ можетъ быть объясненъ какъ результатъ силы, занимающей менѣе высокое мѣсто на психологической лѣстницѣ. Очень интересны въ дальнѣйшемъ изложеніи главы о памяти и ассоціаціи идей у животныхъ. По вопросу о томъ, обладаютъ ли животныя разумомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова или же они не переходятъ эмпирическихъ границъ, данныхъ ощущеніями, авторъ склоненъ думать, что вообще слѣдуетъ принять второе мнѣніе, но что есть нѣкоторые замѣчательные случаи, когда отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ затруднителенъ.

(Th. Ribot. *Revue philosophique* 1895, № 12.)

James Sully, M. A., L. L. D. Grote Professor of Philosophy of Mind and Logic, University College, London. *Studies of Childhood*. London and New-York: Longmans, Green and C^o., 1895.

Эти этюды не являются законченнымъ изслѣдованіемъ по дѣтской психологіи, а содержатъ въ себѣ наблюденія надъ различными сторонами дѣтской души, которыя представляли для автора особенный интересъ. По своему изложенію книга Sully рассчитана на родителей и учителей. Изслѣдуя интеллектуальные факторы дѣтской жизни, авторъ даетъ иллюстрированныя примѣрами изъ дѣйствительности указанія на то, какъ впервые возникаютъ идеи природы, «я», Бога. Эмоціональная сторона души ребенка анализируется на примѣрѣ дѣтскихъ страховъ; говоря о нравственности дѣтей, Sully останавливается, между прочимъ, на интересномъ и тонкомъ пунктѣ дѣтской лжи. Въ главѣ объ эстетическомъ развитіи дѣтей, кромѣ общей характеристики его, приведены очень любопытныя и научно обработанныя свѣдѣнія о томъ, какъ рисуютъ дѣти и дикіе.

(Hubert M. Foston. *Mind* 1896, № 17. January.)

S. Le Sanetis. J fenomeni di contrasto in psicologia 84 p. in—8. Roma 1895.

Этотъ весьма интересный и поучительный этюдъ по экспериментальной психологіи содержитъ въ себѣ множество фактовъ, уясняющихъ явленіе психическаго контраста. Для автора психическій контрастъ имѣетъ въ своей основѣ антитезу въ ассоціаціи идей и самъ по себѣ не носитъ патологическаго характера; онъ есть не что иное какъ специфическое и энергическое функціонированіе ассоціаціи по контрасту. Въ психопатологіи законъ психическаго контраста обнаруживается болѣе интенсивно и часто. Явленія психическаго контраста вызываются или различными внѣшними факторами, или субъективными условіями организма; эти явленія проливаютъ свѣтъ на многое въ психологіи нормальнаго человѣка, напримѣръ—на особенности женской и дѣтской психики (эпизодическую и систематическую лживость), на духъ противорѣчія, на неожиданныя перемѣны въ нашихъ взглядахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ и т. п. Факты психическаго контраста въ психологическомъ отношеніи объясняются усиленною дѣятельностью вниманія или болѣе или менѣе скоротечными субъективными условіями. Принципомъ всякаго феномена психическаго контраста можно считать ослабленіе воли и усиленіе автоматизма. Съ физиологической точки зрѣнія контрастъ нельзя свести къ спеціальному механизму; авторъ думаетъ, однако, что наиболѣе подходящимъ для этого феномена является механизмъ задерживающихъ рефлексовъ. По мнѣнію де-Санктиса, изученіе психическаго контраста должно выяснитъ и опредѣлитъ, въ какихъ именно случаяхъ въ психологической борьбѣ за существованіе противоположное и отрицательное состояніе сознанія одерживаетъ верхъ надъ соответствующимъ ему положительнымъ коррелятомъ.

(Bernard Pérez. *Revue philosophique* 1895, № 10.)

L. Dugas, agrégé de philosophie, Docteur ès lettres. Le psittacisme et la pensée symbolique. Paris: Félix Alcan, 1896 pp. 202.

Эта книга представляетъ собою опытъ психологіи номинализма. Она раздѣлена на двѣ части. Въ первой авторъ трактуетъ о пситтацизмѣ, подъ которымъ онъ понимаетъ употребленіе словъ безъ знанія ихъ смысла. Для Dugas пситтацизмъ есть только карикатура нормальнаго психологическаго явленія—сим-

волической мысли. Есть различныя стадіи пситтапизма; онъ вполне проявляется, напримѣръ, тогда, когда въ діалогѣ одинъ изъ собесѣдниковъ не понимаетъ смысла словъ другого. Вообще, языкъ никогда не адекватенъ мысли: онъ находится въ статическомъ, а она въ динамическомъ положеніи; онъ дѣлимъ, а мысль цѣльна, связна. Тѣмъ не менѣе, языкъ имѣетъ важныя заслуги,—онъ спасаетъ отъ полного забвенія наши мысли, расширяетъ наши представленія. Самая простая ариѳметическая операція уже превышаетъ силу нашего воображенія, и мы должны прибѣгать къ помощи символовъ. Вторая часть изслѣдованія Dugas, наиболѣе интересная для психолога, занимается вопросомъ о символической мысли. Авторъ придерживается взгляда, что все наше знаніе заключается въ языкѣ, и прогрессъ знанія характеризуется упрощеніемъ терминовъ языка. Всякое ощущеніе есть символъ его физическихъ и физиологическихъ причинъ. Образы болѣе удобны для символизаци, чѣмъ ощущенія. Дальнѣйшая стадія—это родовой образъ и, наконецъ, общая идея. Здѣсь авторъ становится на номиналистическую почву: онъ учитъ, что, собственно говоря, общихъ или абстрактныхъ понятій разумъ не имѣетъ, но въ видѣ эквивалента обладаетъ способностью замѣнять одни частныя и конкретныя понятія другими частными же и конкретными понятіями. Общая идея—это не что иное какъ частная идея, *безразлично* выбранная изъ числа другихъ *частныхъ* идей того же рода. У разума есть тенденція объединять сходныя идеи подъ общимъ названіемъ, и наука стремится придать этой тенденціи извѣстную правильность и точность. Символизмъ—необходимый элементъ умственной экономіи. «Теченіе процессовъ ума, подобно движенію тѣлъ, всегда направляется по линіи наименьшаго сопротивленія».

(W. F. Trotter. *Mind*, 1896, № 19, July.)

G. Ferrero. Les lois psychologiques du symbolisme, in—8^o (F. Alcan).

Ферреро полагаетъ, что существуютъ основные законы разума, благодаря которымъ человѣкъ, при самыхъ разнообразныхъ социальныхъ условіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, остается всегда равнымъ самому себѣ, похожимъ на самого себя: *eadem sunt omnia semper*. Эти законы сводятся къ *умственной инерціи* и *наименьшему сопротивленію*. Разсматривая ближе сущность человеческого ума,

авторъ приходитъ къ выводу, что наши идеи представляютъ собою не что иное, какъ естественные феномены, не болѣе логичные, чѣмъ остальные явленія природы; вотъ чѣмъ и объясняются многочисленныя противорѣчія въ мышленіи и дѣятельности людей. Символизмъ, свойственный нашему уму, является порожденіемъ нашей интеллектуальной посредственности; всякій символъ есть ощущеніе, къ которому ассоціировались тѣ или другіе образы; мы почерпаемъ символы изъ окружающихъ насъ данныхъ опыта и выбираемъ ихъ, сообразуясь съ нашими удобствами, съ наиболѣе привычными ассоціаціями (примѣръ узла на платкѣ, какъ мнемоническаго приѣма). Большинство символовъ основывается на ассоціаціи по смежности, а не по сходству, потому что второе требуетъ размышленія, къ которому человѣческій умъ прибѣгаетъ лишь въ крайности, когда механическихъ операцій становится уже недостаточно. Въ символизирующей дѣятельности интеллекта большую роль играетъ диссоціація идей, т.-е. задержка въ ассоціаціи, умственная остановка, которая въ свою очередь влечетъ за собою задержку въ эмоціи: такъ, фетишизмъ—это любовь, относящаяся уже не къ идеѣ, а только къ ея внѣшнему знаку, и какъ бы остановившаяся на полупути. Въ общемъ, резюмируя теоріи Ферреро, надо замѣтить, что онѣ стремятся ограничить и уменьшить роль сознательнаго размышленія въ человѣческихъ поступкахъ. Авторъ нормальнымъ состояніемъ мысли признаетъ лѣнь, инертность. Его психологическія воззрѣнія очень интересны для моралиста. Проводимое имъ различіе между идеальными (логическими) и природными (психологическими) законами ума искусственно; логика не отличается кореннымъ образомъ отъ психологіи и есть только методическое примѣненіе естественныхъ законовъ человѣческаго ума. Парадоксально сводитъ научный гений къ умственной инерціи, но этотъ гений можно объяснять какъ наилучшее или наиболѣе экономическое примѣненіе мысли. Понятая такимъ образомъ, психологическая теорія Ферреро можетъ хорошо гармонизировать съ его социальными взглядами, насколько о нихъ даетъ представленіе его книга.

(L. Dugas. *Revue philosophique*, 1895, № 10.)

M-lle Joséphine Zürcher. Jeanne d'Arc, von psychologischen und psychopathologischen Standpunkte aus. Leipzig, 147 S. in 8^o.

Эта диссертация, основанная на изучении множества исторических трудовъ, главное вниманіе удѣляетъ роли внушенія и самовнушенія въ жизни знаменитой героини. Описывая галлюцинаціи, которымъ подвергалась Жанна д'Аркъ, авторъ высказываетъ свой взглядъ, что галлюцинаціи не всегда служатъ патологическимъ симптомомъ и часто бываютъ и у людей здоровыхъ; не слѣдуетъ забывать, что у орлеанской дѣвы онѣ не являлись рѣзкой аномаліей, благодаря мистическому характеру той эпохи суевѣрій и фанатизма. По мнѣнію M-lle Цюршеръ, опирающемуся на теоріи Bernheim'a, Liebeault и Forel'я, всякій здоровый субъектъ въ большей или меньшей степени подверженъ внушенію, которое въ сущности есть не что иное какъ интуитивное вліяніе одного человѣка на другого. У Жанны д'Аркъ подчиненность внушеніямъ и, преимущественно, самовнушеніямъ достигала необыкновенной интенсивности. M-lle Цюршеръ видитъ въ Жаннѣ образецъ женскаго генія, величіе котораго имѣетъ нравственный характеръ и заключается въ волѣ и стойкости. Экзальтированный патриотизмъ и узкая религіозность давали французской героинѣ неисчерпаемый матеріалъ для ея непрерывныхъ галлюцинацій и удовлетворяли ея жажду къ самовнушенію.

(D. S. *Revue philosophique* 1895, № 12.)

Charles F. D'Arcy, B. D. Short Study of Ethics. London and New-York. Macmillan and C^o, 1895.

Книга D'Arcy навѣяна, несомнѣнно, трудомъ Green'a «Prolegomena to Ethics», который вообще вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ изслѣдованій по этикѣ. D'Arcy отличается отъ своихъ предшественниковъ главнымъ образомъ тѣмъ, что отводитъ значительное мѣсто анализу метафизическихъ вопросовъ, которые онъ справедливо считаетъ неотдѣлимыми отъ этическихъ; сравнительно меньшее вниманіе обращаетъ онъ на критику системъ своихъ противниковъ. Первые страницы своей книги онъ посвящаетъ сжато разбору отношеній субъекта къ космосу, воли къ природѣ, божественной къ индивидуальной душѣ; онъ касается, далѣе, доказательствъ существованія Бога и идеи органическаго единства въ ея приложеніи къ обществу. Для автора космосъ проникнуть душою и поэтому предполагаетъ субъектъ;

но, съ другой стороны, очевидно, изъ боязни принять пантеистическое міровоззрѣніе и согласиться, что «я» есть абсолютный коррелятъ природы, D'Arcy, упуская изъ виду, что пантеизмъ не долженъ непремѣнно придерживаться такого взгляда на «я», отрицаетъ, что и субъектъ въ свою очередь предполагаетъ космосъ, и такимъ образомъ впадаетъ въ дуализмъ. Это заблужденіе снова проявляется у D'Arcy, когда онъ отрицаетъ «космосъ волю», общность ихъ—иными словами, не признаетъ въ людяхъ духа социальности, забывая, что если различность воли символизируется внѣшнимъ отношеніемъ нашихъ тѣлъ другъ къ другу, то единство воли дано въ нашей моральной дѣятельности. Эта ошибка автора заставила его принять самую несостоятельную мысль извѣстной книги Kidd'a (*Social Evolution*),—мысль, будто разумъ по существу своему несоціаленъ.

(J. H. Muirhead *International Journal of Ethics*. 1896, № 3.)

D. Dr. A. Dörner, O. Ö. Professor an der Universität Königsberg. *Das menschliche Handeln. Philosophische Ethik*. Berlin: Mitscher und Rostell, 1895, pp. XII, 737.

Авторъ этого философскаго произведенія уже приобрѣлъ извѣстность, какъ метафизикъ и теологъ. Но слѣдуетъ думать, что выдающіяся качества его труда по этикѣ больше всего послужатъ его популярности. Съ замѣчательной широтой и стойкостью міросозерпанія изслѣдуетъ Dörner область человѣческихъ поступковъ съ точки зрѣнія ихъ моральнаго характера. Дѣйствіе, поступокъ служить для автора звеномъ, которое соединяетъ субъекта и его наклонности, предрасположенія съ внѣшними проявленіями его воли. Поступки или поведеніе челоуѣка надо объяснять и анализировать психологически, но это вовсе не значитъ, что этика занимается только частной группой психологическихъ фактовъ. Этика, кромѣ эмпирическихъ данныхъ, имѣетъ своимъ объектомъ и взлелѣянные челоуѣчествомъ идеалы, хотя бы они, повидимому, и находились въ антагонизмѣ съ дѣйствительностью; реализація, осуществленіе—хотя бы и частное—необходимо связаны съ идеалами. Этика такимъ образомъ входитъ въ сферу метафизики. Кромѣ того, она предполагаетъ извѣстные религіозные постулаты, и религія не должна начинаться тамъ, гдѣ кончается этика. Въ своемъ желаніи установить отношенія этики къ метафизикѣ и религіи, Dörner какъ бы опасается, что

онъ даетъ больше, чѣмъ желали бы иные изъ новыхъ философовъ, и меньше, чѣмъ требуютъ теологи, но и тѣ, и другіе должны съ сочувствіемъ и благодарностью признать его безпристрастіе, тонкій критическій умъ и убѣдительность. Въ противоположность многимъ современнымъ теченіямъ, Dogner видитъ въ этикѣ не чисто-теоретическую дисциплину, которой она не можетъ быть, поскольку она сообразуется съ идеалами, и не нѣчто практическое, а нормативную науку. Являются ли данные идеалы дѣйствительно высшими,—это рѣшается научной компетенціей этики. Dogner не сомнѣвается въ безусловномъ характерѣ морали, но онъ согласенъ, что установить его не легко; онъ понимаетъ, почему многіе изслѣдователи отвергаютъ моральный императивъ, но онъ утверждаетъ, что безъ этого императива нравственность рушится сама собой. Вторая часть книги даетъ цѣльную систему человѣческаго поведенія; особенное вниманіе удѣлено ученіямъ о долгѣ, добродѣтели и благѣ. Въ общемъ, мастерское и соотвѣтствующее современнымъ потребностямъ изслѣдованіе Dogner'a одинаково замѣчательно какъ въ своей теоретической, такъ и въ прикладной части; снабженное богатымъ фактическимъ матеріаломъ, проникнутое глубокой философскою мыслью и талантомъ, оно представляетъ собою цѣнный вкладъ въ этику. Стилъ книги отличается такою ясностью, которой могутъ похвастаться немногіе изъ соплеменниковъ автора.

(James Lindsay. *Mind*, 1896, № 17, January.)

Henry Rutgers Marshall. *Aesthetic Principles* (New-York, Macmillan, 1895.

Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ наука о прекрасномъ сведена къ общей теоріи удовольствія и страданія, и если главная концепція книги не нова, то развитіе ея оригинально. По воззрѣнію Маршалля, всѣ эстетическія теоріи, провозглашающія бытіе объективной красоты, должны быть отвергнуты; онъ разсматриваетъ только тѣ ученія эстетики, по которымъ красота есть нѣчто скорѣе «для меня», чѣмъ «въ себѣ». Эти ученія раздѣляются на три категоріи: одна удѣляетъ главную роль ощущенію (Баумгартенъ, Грантъ Аллэнъ), другая—эмоціи (Алисонъ, Джэмсъ Милль, Бурке, Гюйо), третья—интеллекту (Гегель, Шеллингъ, въ извѣстной степени Кузенъ, Рэскинъ). Всѣ эти точки зрѣнія представляются Маршаллю недостаточными, и онъ стоитъ за то, что

всѣ элементы нашей психической жизни—ощущенія, эмоціи, интеллектъ, воля—участвуютъ такъ или иначе въ томъ актѣ духа, который даетъ намъ идею красоты. Противъ такого взгляда никто не возражаетъ, но надо въ сложномъ эстетическомъ чувствѣ указать *главный, доминирующий* моментъ. Какъ субъективный принципъ красоты, Маршалль выдвигаетъ идею удовольствія. Но связь удовольствія и красоты была, начиная съ Аристотеля, признаваема всѣми эстетиками, кромѣ, можетъ быть, Гартманна, и удовольствіе бываетъ, конечно, результатомъ не только созерцанія красоты, такъ что необходимо опредѣлить, какова специфическая черта удовольствія, которое поражается искусствомъ. Маршалль видитъ ее въ сравнительной стойкости и продолжительности его, обусловленной тѣмъ, что оно, это удовольствіе, является суммой пріятныхъ состояній, соединенныхъ съ каждымъ элементомъ нашей сознательной жизни. Однако, автору «*Aesthetic Principles*», при всей справедливости его основной мысли объ участіи въ искусствѣ всѣхъ элементовъ сознательной жизни, можно возразить, что стойкое и длящееся удовольствіе не есть атрибутъ одного лишь искусства и что эти элементы не всюду сохраняютъ одну и ту же послѣдовательность; ученый испытываетъ такое же продолжительное удовольствіе, какъ и художникъ. Вполнѣ слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ взглядомъ Маршалля, что критическій строй ума совершенно гармонируетъ съ артистическимъ темпераментомъ; дѣйствительно, искусство имѣетъ социальную функцію, но прежде всего оно есть для художника функція его природы; нельзя противопоставлять одну другой теоріи утилитарнаго искусства и искусства для искусства, потому что простая реализація идеи искусства влечетъ за собою синтезъ этихъ противоположностей или заставляетъ ихъ исчезнуть. Алгедоническіе принципы (удовольствіе-страданіе) развиты у Маршалля очень остроумно, тонко и изящно, и его книга является однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій по эстетикѣ за послѣднее время.

(Lucien Arréat. *Revue philosophique*, № 12.)

T. Whittaker. *Essays and Notices.* London: T. Fisher Unwin, 1895.
 Опыты Whittaker'а, изъ которыхъ большинство было уже напечатано въ журналѣ «*Mind*», имѣютъ самый разнообразный характеръ. Главный изъ нихъ, «Критическій опытъ о философіи

исторіи», изслѣдуетъ вопросъ о томъ, насколько историческій прогрессъ отъ древней къ новой цивилизаціи былъ прерванъ средними вѣками; авторъ приходитъ къ выводу, что возвращеніе Европы къ свѣту въ гораздо большей степени имѣло характеръ внутренне-необходимаго процесса, чѣмъ упадокъ въ вѣка тьмы. Очень интересны, далѣе, опыты «*Volkmann's Psychology*», *Philosophical Antinomies*» (критическій разборъ воззрѣній Ренувье).

(*Mind* 1896, № 17, January).

Извѣстія и замѣтки.

Въ первой половинѣ ноября выйдетъ въ изданіи Л. Ф. Пантелѣева новая книга:

Я. Колубовскій.

Философскій Ежегодникъ.

Обзоръ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ.

Годъ второй (1894). Цѣна 2 руб.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Н. П. Карбасникова, Петербургъ., Москва и Варшава.

Тамъ же имѣется въ продажѣ «Философскій Ежегодникъ» за 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Готовится къ печати новое русское изданіе книги Ибервегъ-Гейнце: Исторія новой философіи, переводъ Я. Колубовскаго. Въ книгу будутъ внесены всѣ многочисленныя измѣненія и дополненія, которыя вошли въ 8-е изданіе нѣмецкаго подлинника. Очеркъ философіи въ Россіи будетъ значительно расширенъ.

Психологическое Общество.

CXLV. Изложение прений по реферату Л. М. Лопатина „Понятие о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“.

П. А. Каленовъ. Мои замѣчанія, Левъ Михайловичъ, коснутся первой части Вашего реферата. Вы стремитесь обосновать и утвердить понятие имманентной психической субстанции, видя въ немъ чрезвычайно плодотворный принципъ, объясняющій психическіе феномены. Вы полагаете, что такая субстанція, если только существованіе ея будетъ доказано, устранить логическія противорѣчія и сдѣлаетъ вполне доступной для нашего познанія область универсальнаго духа. Я съ Вами рѣшительно не согласенъ; я думаю, что Вы не найдете такого понятія имманентной субстанции и что вовсе и не желательно найти его. Всякое толкованіе, всякое объясненіе не только не уничтожаетъ логическихъ противорѣчій, но и прямо основывается на нихъ, потому что объясненіе вообще имѣетъ своимъ базисомъ трансцендентальное противорѣчіе, отъ котораго мы фатальнымъ образомъ не можемъ освободиться; въ самомъ дѣлѣ, объясненіе основано на идеѣ неизмѣнной сущности измѣняющихся явленій, а въ этой идеѣ коренится противорѣчіе. Вотъ почему Вы не объяснили факта памяти и впали въ неизбежныя противорѣчія. Мнѣ думается, Вы должны были бы только указать на *эстетическую* возможность чисто-психическихъ феноменовъ.

Л. М. Лопатинъ. Вы подымаете, Петръ Александровичъ, старый споръ о человѣческомъ познаніи; Вы увѣрены, что всѣ положенія мысли представляютъ собой логическое противорѣчіе. Естественно, что съ такой точки зрѣнія всякая теорія гибнетъ. Вы указываете, что въ самомъ понятіи субстанции есть противорѣчіе—неизмѣнный субстратъ измѣчивыхъ явленій. Но Вы были

бы правы только въ томъ случаѣ, еслибы я признавалъ за субстанціей абсолютную неизмѣнность; на самомъ дѣлѣ, однако, такая неизмѣнность есть лишь логическая иллюзія, и я нигдѣ не настаиваю на ней. Вы становитесь на элейскую почву, утверждая, что реальность въ неизмѣнномъ; я же защищаю скорѣе Гераклита съ его многообразіемъ дѣйствій, съ его принципомъ измѣнчивости, какъ признака реальности. По моему, понятіе субстанціи совпадаетъ съ понятіемъ дѣятельной силы; въ дѣятельности, въ измѣненіи заключается природа силы.

Н. Я. Гротъ. Я думаю, что затронутый Вами, П. А., вопросъ носить слишкомъ принципиальный характеръ и не имѣетъ поэтому непосредственнаго отношенія къ реферату Льва Михайловича.

А. А. Токарскій. Въ своемъ предыдущемъ рефератѣ Вы, Л. М., пришли къ заключенію, что душу надо мыслить какъ отдѣльную духовную субстанцію; сегодня Вы старались опредѣлить характеръ этой субстанціи. Остановливаясь на логической сторонѣ Вашего труда, потому что логика—Ваше оружіе, я воспроизвожу ходъ Вашей мысли: Вы говорили, что субстанція есть нѣчто познаваемое, имманентное, присутствующее во всѣхъ явленіяхъ, сверхвременное; далѣе, выдѣляя изъ явленій все случайное и временное, Вы заключаете, что субстанція выражается въ памяти и въ синтезѣ ощущеній,—другими словами, въ единствѣ сознанія.

Л. М. Лоуатинъ. Въ объясненіе моего взгляда я долженъ добавить, что для меня субстанція душевной жизни не есть что-либо отвлеченно познаваемое при особо благоприятныхъ условіяхъ и въ результатѣ специальныхъ изслѣдованій по физиологіи и психологіи, а всегда познанное въ каждомъ актѣ нашего сознанія. Я указывалъ не только на сверхвременный характеръ субстанціи, но и на временный характеръ явленій, причемъ я отмѣтилъ аналогію съ физическимъ міромъ, гдѣ вещество всегда остается неизмѣннымъ, однимъ и тѣмъ же, между тѣмъ какъ движенія его преходящи и измѣнчивы.

А. А. Токарскій. Мнѣ кажется, что приводимыя Вами соображенія и характеристика субстанціи духа не достаточны для доказательства необходимости разъединенія субстанцій духа и тѣла. Такъ, Вы говорите, что субстанція познаваема и уже познана. Но все мы можемъ познавать въ большей или меньшей степени, и душевныя явленія также мы познаемъ то больше, то меньше.

Полагаете ли Вы, что познаніе субстанціи будетъ одинаково полнымъ при различныхъ степеняхъ познанія явленій?

Л. М. Лопатинъ. Опять повторяю, что нужно различать нѣсколько видовъ познанія. Есть познаніе непосредственное и есть познаніе отвлеченное. Въ нашемъ сознаніи непосредственно дана намъ наша душевная жизнь, дана и ея субстанція, но не всегда мы можемъ формулировать свое познаніе въ ясныхъ и отвлеченныхъ положеніяхъ.

А. А. Токарскій. Значить, Вы думаете, что мы всегда въ состояніи имѣть хотя бы нѣкоторое, такъ сказать, подозрѣніе субстанціи? Но есть ли это достаточное знаніе и тѣмъ болѣе такое, которое можно назвать полнымъ? Познать субстанцію мы могли бы только тогда, когда вполне познали бы явленіе, а далеко нельзя сказать, что мы обладаемъ такимъ полнымъ познаніемъ душевной жизни. Нѣкоторымъ невниманіемъ къ этому обстоятельству объясняется, на мой взглядъ, и неправильность заключенія, которое Вы дѣлаете относительно того, что Вы называете «синтезъ ощущений». Вы видите въ немъ проявленіе субстанціи духа, тогда какъ это есть лишь выраженіе свойства матеріи, несовершенства матеріи, вслѣдствіе которыхъ мы не способны воспринять въ отдѣльности многіе процессы, раздѣляемые во внѣшнемъ мірѣ, и воспринимаемъ ихъ какъ нѣчто единое. Такимъ образомъ мы воспринимаемъ, наприм., какъ одинъ тонъ цѣлый рядъ колебаній камертона, если промежутокъ между ними меньше известной величины; слѣдовательно, этотъ синтезъ ощущений есть всецѣло продуктъ дѣятельности матеріи или, если хотите, результатъ ея слабости, тогда какъ, наоборотъ, пусть промежутокъ между ощущениямъ будетъ больше известной величины, и тогда никакія усилія духа не сольютъ этихъ раздѣльныхъ ощущений воедино.

Слѣдовательно, синтезъ ощущений не можетъ доказывать различіе субстанцій духа и тѣла и скорѣе можетъ даже служить доказательствомъ того, что субстанція духа есть въ тоже время и субстанція тѣла. Съ этимъ согласно и Ваше утвержденіе относительно того, что память обусловливается физиологическими условіями организма. Наконецъ, мы ничего не знаемъ относительно того, не является ли субстанція, лежащая въ основаніи духа и тѣла, въ свою очередь основою другой, еще неизвѣстной субстанціи.

Л. М. Лопатинъ. Я не подымалъ еще вопроса о взаимномъ отношеніи матеріальной и духовной субстанцій. Но, по моему мнѣнію, однородными ихъ можно признать только въ томъ случаѣ, если предположить, подобно Лейбницу, что физическій міръ является совокупностью монадъ, одаренныхъ психическою природою; лишь подъ этимъ условіемъ духъ и тѣло представляются тождественными въ своихъ основныхъ признакахъ. Относительно памяти я нигдѣ не говорилъ, что она всецѣло объясняется изъ фізіологическихъ данныхъ, — напротивъ, я настаиваю, что объяснить ее можно только посредствомъ понятія о субстанціальномъ единствѣ сознанія. Синтезъ ощущений былъ бы невозможенъ, если бы мы, въ силу субстанціальности своей души, не сознавали единства своего существа. Вообще, ничто психическое не можетъ быть понято безъ принципа сверхвременности, а сверхвременность подразумѣваетъ субстанціальное бытіе.

В. Н. Иваѳовскій. Я нахожу, что произведенный Вами, Л. М., анализъ памяти не можетъ служить доказательствомъ для предлагаемаго Вами принципа субстанціальности души. Мнѣ думается, что сознаніе реальности прошлаго не является неразложимымъ и первичнымъ актомъ духа; еслибы мы обладали способностью прямо, непосредственно сознавать реальность прошлаго, то не было бы самаго процесса установленія этой реальности, не было бы и всѣхъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя мы впадаемъ на всѣхъ его стадіяхъ, а между тѣмъ и этотъ весьма сложный процессъ, и сопровождающія его ошибки, неточности, явленія ложной памяти и т. п. — несомнѣнны. Такимъ образомъ, мы устанавливаемъ реальность прошлаго и сознаемъ время не какой-то субстанціальною функціей души, а реальнымъ духовнымъ процессомъ, который каждый изъ насъ можетъ изучать въ своемъ сознаніи. Правда, Вы стараетесь отвести возраженіе, основанное на фактѣ ошибокъ памяти, тѣмъ, что хотя духъ и сверхвремененъ, субстанціаленъ, но въ явленіяхъ памяти онъ нагляднѣе всего подчиненъ физической организаціи. Но разъ Вы, на основаніи анализа памяти, признаете душу субстанціальной, Вы не имѣете права считать нѣкоторыя явленія той же памяти результатомъ связи души съ тѣломъ, ибо этимъ Вы сами нарушаете субстанціальность души. Точно также и синтезъ психическихъ феноменовъ объясняется не сверхвременностью души, какъ субстанціи, а опять-таки памятью. Далѣе, сознаніе нашего единства, нашъ

внутренне-единный психический синтез не есть явление первичное (по крайней мѣрѣ, это не доказано), и въ глазах феноменалиста оно занимает свое мѣсто въ ряду другихъ явленій же и нисколько не предполагаетъ субстанціальности души. Наконецъ, если даже принять Вашъ принципъ соотносительности субстанцій и явленій, то, собственно, что Вы выигрываете этимъ? Разъ субстанція имманентна явленіямъ, разъ о ея существованіи и свойствахъ мы заключаемъ только изъ феноменовъ и, *кромя нихъ, не имѣемъ другого источника познанія*, то совершенно безразлично, будемъ ли мы называть эти феномены просто явленіями, или же проявленіями субстанціи, и Вы такимъ образомъ съ метафизической почвы въ сущности переходите на почву феноменизма. Вы опровергаете лишь матеріализмъ, но не феноменизмъ. Метафизика, какъ мнѣ кажется, можетъ быть или трансцендентной, „потусторонней“, или ея совѣмъ не должно быть: по сю сторону опытнаго знанія она излишня и теряетъ даже свою внѣшнюю величественность; понятіе субстанціи не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого содержанія.

Л. М. Лопатинъ. Я вовсе не отрицаю, что память есть реальный душевный процессъ,—я лишь настаиваю, что этотъ процессъ является очевиднымъ абсурдомъ, если его не признавать за субстанціальную функцію духа. Поэтому, не психический синтезъ надо объяснять памятью, а какъ разъ наоборотъ. *Субстанція и феномены* не только слова, которые можно безразлично употреблять въ одномъ и томъ же смыслѣ, но понятія съ совершенно опредѣленнымъ и неодинаковымъ содержаніемъ, которое я и старался выяснить въ началѣ моего реферата. Безъ предположенія субстанціальности духа самыя основныя психическія явленія не только непонятны,—они прямо немислимы.

Н. Я. Гротъ. Я придерживаюсь мировоззрѣнія референта, но долженъ сознаться, что изъ сегодняшнаго доклада Л. М. я не почерпнулъ аргументовъ въ защиту дуализма. Для того чтобы говорить о душѣ, какъ о самостоятельной субстанціи, надо показать, чѣмъ эта духовная субстанція отличается отъ матеріальной; Л. М. этого не показалъ: напротивъ, единство, сверхвременность, активность могутъ быть, по его мнѣнію, атрибутами какъ той, такъ и другой субстанціи, такъ что не трудно сдѣлать выводъ о существованіи лишь одной субстанціи, и именно матеріальной. Изъ того, что физическія и духовныя явленія имѣютъ

различные признаки, еще не слѣдуетъ, что должна непременно существовать особая и самостоятельная духовная субстанція.

Л. М. Лопатинъ. Въ моемъ отвѣтѣ А. А. Токарскому я уже указалъ, при какомъ единственномъ условіи я могу признать однородность духа и матеріи. Что касается до отсутствія у меня аргументовъ въ пользу дуализма, то вѣдь я совсѣмъ не хотѣлъ защищать дуализма. Я нахожу, что для спиритуалиста вовсе нѣтъ необходимости во что бы то ни было доказывать противоположность между духомъ и матеріей, т.-е. противоположность между тѣмъ, что намъ извѣстно непосредственно (духъ) и тѣмъ, чего мы собственно не знаемъ (матерія); спиритуализмъ не предполагаетъ непременно противоположности между матеріей и духомъ. Лейбницъ, напримѣръ, такой противоположности вовсе не предполагалъ, а развѣ онъ не былъ спиритуалистомъ?

Условія для соисканія второй преміи,

учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ

покойнымъ Д. А. Столыпинымъ

ЗА СОЧИНЕНІЕ НА ТЕМУ ПО ФИЛОСОФІИ НАУКЪ.

Въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 24 мая 1891 г., на основаніи доклада комиссіи по присужденію преміи Д. А. Столыпина за лучшее сочиненіе по философіи наукъ, постановлено было, между прочимъ: 1) Присудить половину означенной преміи за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Положительная философія и единство науки» съ девизомъ *εὐ καὶ πᾶσι*, авторомъ котораго оказался (по вскрытіи конверта) почетный членъ Общества Б. Н. Чичеринъ *). 2) Выразить Д. А. Столыпину глубокую признательность Общества за основанную имъ премію на тему по философіи наукъ. 3) Просить жертвователя, не согласится ли онъ на оставшуюся сумму въ 1.000 руб. предложить новую тему на премію за сочиненіе о философіи

*) Докладъ комиссіи по присужденію означенной преміи былъ тогда отпечатанъ; высылается желающимъ по полученіи отъ нихъ пяти семикопѣчныхъ марокъ.

Ог. Конта; въ случаѣ же несогласія на это Д. А. Столыпина назначить трехгодичный срокъ для соисканія преміи на ту же тему.

Такъ какъ въ 1891 г. отъ нынѣ умершаго Д. А. Столыпина получено было на имя Психологическаго Общества заявленіе о томъ, что измѣненія заданной имъ темы на соисканіе преміи онъ не желаетъ, то, во исполненіе постановленія Общества отъ 21 мая 1891 г. и выраженной жертвователемъ воли, былъ назначенъ для соисканія остающейся Столыпинской преміи новый срокъ—1-го января 1895 г.

Въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 15 апрѣля 1895 г. комиссія по присужденію преміи Д. А. Столыпина, избранная въ годичномъ засѣданіи 24-го января 1895 г. изъ пяти членовъ Общества: Н. Я. Грота, Н. А. Иванцова, Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго и Н. А. Умова, доложила свое заключеніе относительно единственнаго поданнаго на премію сочиненія, подъ девизомъ «*In necessariis unitas. Per aspera ad astra*»; согласно этому заключенію, сочиненіе не можетъ быть признано достойнымъ ни полной преміи, ни части ея. Психологическое Общество утвердило постановленіе комиссіи.

Въ виду этого, Московское Психологическое Общество вновь назначаетъ премію въ 1.000 рублей за лучшее сочиненіе на прежнюю тему:

„Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпадении (*coincidence spontanée*) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (*unité logique et scientifique*“. См. *Cours de philosophie positive*, leçons 58-me et 59-me, особенно стран. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Для полнаго разрѣшенія задачи желательно особое разсмотрѣніе философій физики, химіи и біологіи въ ихъ главныхъ методахъ и основныхъ законахъ, какъ онѣ изложены во II и III тт. «Курса» (Ср. брошюры жертвователя Д. А. Столыпина: Двѣ философій. Единство науки. Ученіе Ог. Конта. Начала социологіи.—Очерки философій и науки.—Мировой законъ равновѣсія и гармоніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Москва, 1888—92).

Срокъ подачи сочиненій—1-е января 1900 года. Присужденіе

преміи особою комиссіей при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1900 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій присужденіе преміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя Предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпитафьевъ представленныхъ сочиненій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества.

Вышла девятая (сентябрьская) книга
ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СОДЕРЖАНІЕ: I.—Лялька (изъ „Сказокъ дѣйствительности“). Окончаніе.—Вас. И. Немировича-Данченко. II. Сергѣй Шумовъ. Повѣсть. Окончаніе.—Н. И. Тимковскаго. III. Полная исповѣдь. Разсказъ Ф. Филиппа. Переводъ съ англійскаго—А. п. IV. Подвальный этажъ. Повѣсть.—И. Н. Потапенка. V. Докторъ химіи. Разсказъ Стефана Жеромскаго. Перев. съ польск.—В. М. Л. VI. Чудовище. Разсказъ Леона де-Тенсо. Переводъ съ франц.—М. VII. Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды.—Н. А. Фелисова. VIII. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (1796—1824 гг.)—А. Бриннера. IX. Земледѣльческія артели херсонской губерніи.—В. Ф. Левитскаго. X. Нѣсколько цифръ объ армянахъ на Кавказѣ.—А. Н. Сазонова. XI. Биметаллисты въ Англии. А. А. Исаева. XII. Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма (Открытое письмо къ В. А. Гольцеву)—С. Ушанова. XIII. Столичныя комитеты грамотности. Продолженіе.—П. М. Шестакова. XIV. Чувствительный и хладнокровный.—Г. XV. Не въ очередь.—В. А. Гольцева. XVI. Очерки провинціальной жизни.—И. И. Ивановова. XVII. Огюсть Контъ.—С. Л. XVIII. Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. XIX. Внутреннее обозрѣніе. XX. Картинки современныхъ нравовъ.—Н. М. Станюковича. XXI. Библиографическій отдѣлъ. XXII. Объявленія.

Для новыхъ подписчиковъ прилагается начало ром. Сенкевича «Камо грядеши», напечатанное въ «Рус. Мысли» въ 1895 г.

Принимается подписка на 1896 г.

(Семнадцатый годъ изданія).

Цѣна:	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставк. и пер. во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.—к. 1 р.—к.	
За границу.	14 „	10 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апр., 1 іюля, 1 окт. по 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, уг. Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. № 2—24. Въ Петербургѣ—въ книж. маг. Н. Фену и К^о, Невскій. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. Л. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ

магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, съ приѣмомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библиотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библиотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

ЗАПИСКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета.

1896.

4.

Содержаніе. I. 30) Строеіе нервной системы. Головной мозгъ. Г. И. Прибыткова, прив.-доц. Моск. Унив. 31) Инструменты для психологическихъ изслѣдованій и способы ихъ употребленія.

II. Занятія въ лабораторіи. 32) Память фразъ. А. Токарскаго.

III. 33) О памяти зрительныхъ воспріятіи. И. Цѣликова. 34) Иллюзія осозанія Аристотеля. А. Бѣлкина, прив.-доц. Моск. Унив. 35) О геометрическихъ иллюзіяхъ зрѣнія по Thiéry. Д. Викторова.

I.

30. Строеіе нервной системы. Головной мозгъ.

Извилины мозга.

Каждая доля (lobus) полушарій въ свою очередь подраздѣляется на болѣе мелкіе участки—*извилины* (*gyri*), изъ которыхъ нѣкоторые называются *долями* (*lobuli*). Естественными границами извилинъ служатъ борозды; ими опредѣляются положеніе и форма извилинъ. При этомъ бороздами типическими (первой и второй категоріи) ограничиваются и извилины типическія; борозды же третьей категоріи, являясь въ большемъ или меньшемъ количествѣ на мѣсто типическихъ бороздъ обуславливаютъ образованіе атипическихъ извилинъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ та или иная изъ типическихъ бороздъ не развита и замѣняется бо-

роздками третьей категоріи, тамъ для опредѣленія положенія и границъ извилинъ должно руководствоваться обыкновеннымъ положеніемъ этихъ типическихъ бороздъ и проводить границы между извилинами искусственно.

На наружной поверхности полушарія побокамъ центральной или Роландовой борозды, образуя берега ея, тянутся двѣ извилины: *передняя и задняя центральныя извилины*, *gyrus centralis anterior et posterior*. Первая изъ нихъ принадлежитъ лобной долѣ, вторая—темянной.

1. *Gyrus centralis anterior* (s. *gyrus frontalis ascendens*, s. *prae-*

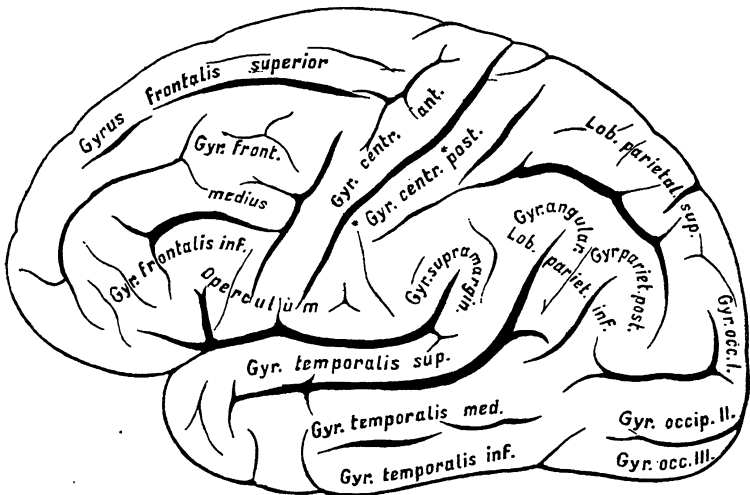


Рис. 58.

centralis) — *передняя центральная извилина*—ограничивается центральной бороздой сзади и предцентральными бороздами спереди; она тянется поперекъ всего полушарія (см. рис. 58) *). Кпереди отъ нея по наружной поверхности лобной доли отходят слѣдующія три извилины.

2. *Gyrus frontalis superior* (s. *primus*, *gyrus frontalis marginalis*—*верхняя, первая лобная извилина*—тянется впередъ по наружной поверхности лобной доли параллельно верхнему краю полушарія, огибаетъ передній конецъ полушарія (лобный или фронтальный полюсъ) и продолжается на нижнюю, надглазничную поверхность

*) По Edinger'у.

лобной доли; кнутри она переходит на внутреннюю поверхность полушария; верхний край полушария (ребро плаща) образуется этой извилиной. Кнаружи она граничитъ съ средней лобной извилиной.

3. *Gyrus frontalis medius* (s. secundus)—*средняя, вторая лобная извилина* лежитъ между верхней и нижней лобными бороздами; она также направляется впередъ и также продолжается на нижнюю поверхность лобной доли.

4. *Gyrus frontalis inferior* (s. tertius)—*нижняя, третья лобная извилина* (на лѣвой сторонѣ она носитъ названіе *circonvolution de Broca*)—выходитъ изъ нижняго конца передней центральной извилины и образуетъ верхній берегъ Сильвиевой борозды. На пути своемъ кпереди она огибаетъ восходящую и переднюю горизонтальную вѣтви Сильвиевой борозды (*ramus anterior ascendens et r. ant. horizontalis fiss. Sylvii*). Участокъ этой извилины, лежащій между *fiss. praecentralis inferior* и восходящею вѣтвью Сильвиевой борозды, называется *pars opercularis* (*operculum*); треугольный участокъ между восходящей и передней горизонтальной вѣтвями Сильвиевой борозды — *pars triangularis* (*cap. de la circonvolution de Broca*); наконецъ, участокъ впереди отъ *ramus horizontalis anterior* — *pars orbitalis*; онъ переходитъ на надглазничную поверхность лобной доли.

Форма этихъ трехъ лобныхъ извилинъ очень измѣнчива и осложняется многочисленными бороздками третьей категоріи. Нѣсколько большее постоянство въ направленіи этихъ бороздокъ замѣчается только въ нижней лобной извилинѣ, гдѣ онѣ по большей части располагаются лучеобразно вокругъ Сильвиевой борозды.

На наружной поверхности *темянной доли* различаютъ три извилины: (рис. 58).

1. *Gyrus centralis posterior* (s. *gyrus ascendens parietalis*, s. *g. postrolandicus*)—*задняя, центральная извилина*. Какъ упомянуто, она образуетъ задній берегъ центральной борозды, и идетъ параллельно передней центральной извилинѣ; сзади ее ограничиваетъ постцентральная борозда (*fiss. postcentralis*). У нижняго, а также и у верхняго конца центральной борозды задняя и передняя центральныя извилины сливаются другъ съ другомъ; при этомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ центральная борозда прорѣзываетъ верхній край полушарія, переходъ задней центральной извилины

въ переднюю виденъ только со стороны внутренней поверхности полушарія (*lobulus paracentralis*).

2. *Gyrus s. lobulus parietalis superior* — верхняя темянная извилина представляетъ участокъ темянной доли приблизительно трехугольной формы, ограниченный спереди верхнею частью постцентральной борозды, снизу—интерпаріетальной (темянной) бороздой; кнутри эта извилина переходитъ черезъ верхній край полушарія на внутреннюю поверхность, гдѣ носить название *praecuneus*; задній конецъ ея, обогнувши снаружи верхній конецъ *fissura parieto-occipitalis*, переходитъ въ область затылочной доли подъ именемъ верхней затылочной извилины (*gyrus occipitalis superior*). На поверхности верхней темянной извилины всегда встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ бороздки третьей категоріи, осложняющія ея форму и придающія ей видъ группы извилинъ.

3. *Gyrus s. lobulus parietalis inferior* — нижняя темянная долька или извилина ограничивается сверху интерпаріетальной (темянной) бороздой, спереди нижнимъ концомъ постцентральной борозды или, если послѣдняя служитъ началомъ темянной борозды, то нижнимъ концомъ темянной борозды.

Понаправленію кзади нижняя темянная долька или извилина безъ естественныхъ границъ переходитъ въ извилины затылочной доли. На пути своемъ кзади она огибаетъ задніе концы Сильвіевой и первой височной бороздъ. Участокъ нижней темянной дольки, огибающій задній конецъ Сильвіевой борозды называется *gyrus marginalis*, (на рис. 58 *gyrus supramargin.*); а тотъ участокъ, который огибаетъ задній конецъ первой височной борозды, называется *gyrus angularis*. Многочисленныя бороздки третьей категоріи придаютъ нижней темянной извилинѣ весьма сложную форму.

На наружной поверхности затылочной доли различаютъ три не всегда рѣзко ограниченныя извилины, образуемая двумя поперечными (горизонтальными) непостоянными бороздками.

1. *Gyrus occipitalis superior* — верхняя затылочная извилина.
2. *Gyrus occipitalis medius* — средняя затылочная извилина.
3. *Gyrus occipitalis inferior* — нижняя затылочная извилина (на рис. 58 онѣ обозначены: *gyrus occipit. I, II, III*).

На наружной поверхности височной доли различаются три извилины:

1. *Gyrus temporalis primus (s. superior)*—верхняя височная извилина, лежитъ параллельно горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды, и кзади сливается съ нижней теменною долькой.

2. *Gyrus temporalis secundus (s. medius)*—средняя височная извилина.

3. *Gyrus temporalis tertius (s. inferior)*—нижняя височная извилина.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вторая височная борозда отсутствуетъ и замѣняется косо расположенными бороздками третьей категории, тогда двѣ послѣднія височныя извилины сливаются въ одну болѣе широкою извилину. *Gyrus temporalis tertius* составляетъ переходъ съ наружной поверхности височной доли на нижнюю.

На нижней поверхности височная и затылочная доли сливаются другъ съ другомъ, благодаря отсутствію между ними естественной границы; потому и извилины височной доли непосредственно продолжаютъ до затылочной верхушки полушарія (затылочный полюсъ).

4. *Gyrus occipito-temporalis lateralis (s. gyrus seu lobulus fusiformis)* лежитъ между *fiss. temporalis inferior* и *fiss. occipito-temporalis*. (Рис. 59). Такъ какъ *fiss. temporalis inferior* непостоянна, то *gyrus occipitotemporalis lateralis* не всегда бываетъ отграничена отъ нижней височной извилины (*g. temporalis inferior*).

5. *Gyrus occipito-temporalis medialis (s. gyrus seu lobulus lingualis)* начинается отъ верхушки затылочной доли и направляется прямо впередъ, частью принадлежа нижней поверхности полушарія, частью — внутренней. Границами ея служатъ: снаружи *fissura occipito-temporalis*, внутри, или что то же, сверху—*fissura calcarina*. Направляясь впередъ, она встрѣчается съ продолженіемъ извилины мозолистого гѣла—*gyri fornicati* (описание послѣдней ниже), *gyrus hippocampi*, въ которую и переходитъ; здѣсь она представляется наиболѣе узкой; далѣе впереди она снова становится шире и подъ именемъ *gyrus uncinatus* достигаетъ передняго конца височной доли, причемъ она въ видѣ крючка (отсюда и названіе *uncinatus*) загибается кнутри вокругъ передняго конца *fissurae hippocampi*. (Рис. 59 и 60).

На нижней (надглазничной) поверхности лобной доли слѣдующія извилины (Weissbach):

1. *Gyrus rectus* идетъ въ передне-заднемъ направленіи по внут-

ренному краю полушарія, ограничиваясь продольною щелью—*fissura pallii* съ внутренней стороны и *fissura olfactoria* — снаружи. Задній конецъ ея лежитъ впереди мѣста выходения обонятельнаго нерва и называется *tuberculum olfactorium*, обонятельный бугорокъ.

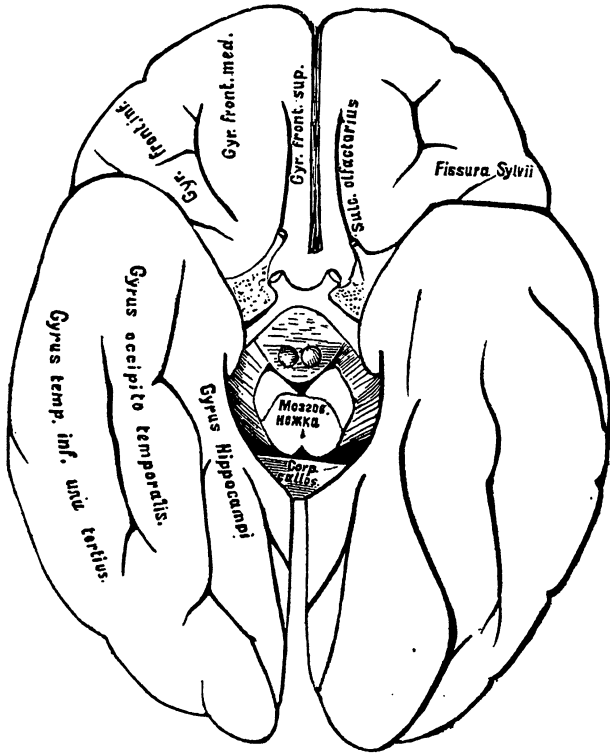


Рис. 59.

2. *Gyrus supraorbitalis transversus* лежитъ между Сильвиевой ямой и поперечной надглазничной бороздой (*fiss. supraorbitalis transversa*).

3. *Gyrus supraorbitalis longitudinalis internus*—продолжение первой лобной извилины, перегнувшей черезъ передній край полушарія съ наружной поверхности лобной доли.

4. *Gyrus supraorbitalis longitudinalis medius*.

5. *Gyrus supraorbitalis longitudinalis externus*.

Послѣднія двѣ извилины также считаются продолженіемъ второй и третьей лобныхъ извилинъ. Однако должно замѣтить, что какъ борозды, такъ конечно и извилины здѣсь весьма непостоянны. Нижняя (третья) лобная борозда почти никогда не доходитъ безъ перерыва до надглазничной поверхности: обыкновенно близъ лобнаго полюса находится поперечная борозда впереди передняго конца *fissurae frontalis inferioris*—*sulcus frontomarginalis* (Wernicke). На рис. 59 (Edinger) изображено только три из-

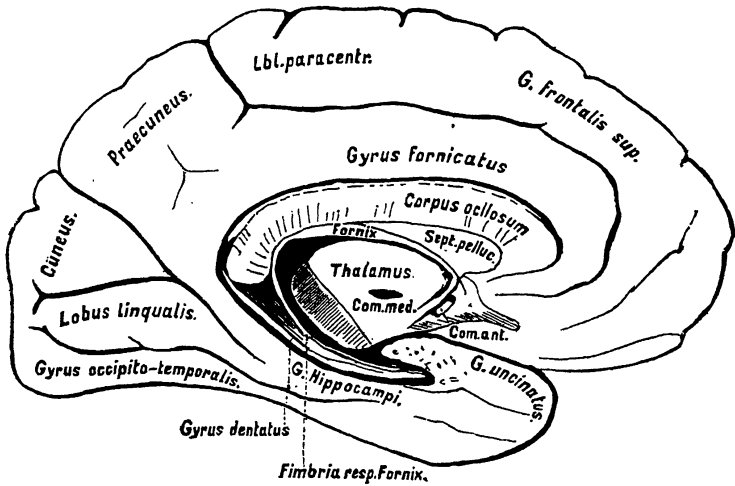


Рис. 60.

вилины: *gyr. frontalis super.*, *gyrus front. med.*, *gyr. front. infer.* Schwalbe продолженіемъ первой лобной извилины считаетъ *gyrus rectus*, и не выдѣляетъ *gyr. supraorb. longitudinal. internus*. Описываемая нами пять извилинъ надглазничной поверхности лобной доли очень хорошо можно видѣть на рис. 31 въ предыдущемъ выпускѣ (стр. 140).

На внутренней поверхности полушарія (рис. 60) вокругъ мозолистато гѣла, огибая его полукольцомъ спереди, сверху и сзади, тянется *gyrus fornicatus*, отдѣляющаяся отъ мозолистато гѣла известной уже *sulcus corporis callosi*. Задній конецъ этой извилины загибается вокругъ задняго конца мозолистато гѣла (*splenium corporis callosi*) и переходитъ на внутреннюю поверхность височной доли, гдѣ слившись съ *gyrus occipito-temporalis medialis*, направляется впередъ подъ именемъ *gyrus hippocampi* (*subiculum cornu*

Ammonis), о которой говорено было выше. Самый передній конец *gyri hippocampi* называется *gyrus uncinatus*. Тотъ отдѣлъ *gyri fornicati*, который огибаетъ мозолистое тѣло, называется *gyrus cinguli* (s. *gyrus corporis callosi*); часто названіе *gyrus fornicatus* присвоивается только одному этому отдѣлу извилины.

Fissura hippocampi составляетъ верхнюю границу *gyri hippocampi*. Если нѣсколько оттянуть книзу край этой извилины, чтобы осмотрѣть дно *fiss. hippocampi*, то можно видѣть, что другой берегъ этой борозды составляетъ сѣрая съ нѣсколько зубреннымъ краемъ пластинка, которая по своему происхожденію есть мозговая извилина: это—т.-наз. *fascia dentata Tarini* (на рис. 60—(*Gyrus dentatus*). Она тянется по направленію къ крючку (*uncus*) *Gyri incinati* и съ нимъ соединяется.

Gyrus cinguli составляетъ внутренній (центральный) поясъ внутренней поверхности полушарія; верхнюю его границу составляетъ *fissura calloso-marginalis*. Участокъ внутренней поверхности полушарія, лежащій кнаружи отъ этой борозды между нею и верхнимъ краемъ полушарія, составляетъ внутреннюю сторону верхней лобной извилины—*gyrus frontalis superior*. Кзади эта извилина продолжается только до *sulcus lobuli paracentralis*. (См. рис. 32, стр. 142).

Участокъ, ограниченный спереди этой бороздой, т.-е. *sulcus lobuli paracentralis*, сзади — восходящей, вертикальной частью *fissurae calloso-marginalis* и снизу—горизонтальнымъ отдѣломъ той же *fissurae calloso-marginalis*, выдѣляется въ особую дольку: *lobulus paracentralis*. Здѣсь передняя центральная извилина сливается съ задней, образуя дугообразную извилину, огибающую верхній конецъ центральной (Роландовой) борозды.

Идя далѣе кзади вдоль верхняго края полушарія, отмѣчаемъ участокъ поверхности, ограниченный вертикальною вѣтвью *fissurae calloso-marginalis* спереди, *fissura arcuata praesuneae*—снизу и *fissura parieto-occipitalis*—сзади. Это—внутренняя сторона темянной доли—*praesuneus*.

Внутренняя сторона затылочной доли имѣетъ видъ треугольника, ограниченаго бороздами: *fissura parieto-occipitalis*—сверху и *fiss. calcarina*—снизу; онъ носитъ названіе *suneus* (клинь).

Всѣ описанныя извилины внутренней поверхности полушарія прорѣзываются болѣе или менѣе многочисленными бороздками

третьей категоріи, котѣрыя однако не вліяють существенно на измѣненіе границъ описанныхъ извилинъ.

Что касается пятой доли мозга — Рейліева островка, то уже раньше (стр. 137) было упомянуто, что поверхность его прорѣзывается лучеобразно расходящимися кверху и кзади бороздками; извилины, лежащія между этими бороздками числомъ 5—9, называются: *gyri recti, aperti sive breves insulae*; наиболѣе длинная изъ нихъ тѣ, котѣрыя направляются кзади (рис. 61, In).

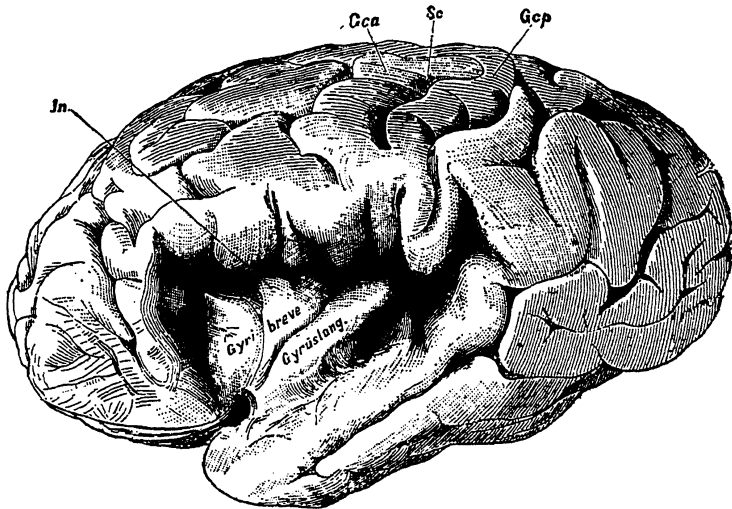


Рис. 61.

Какъ уже раньше упоминалось, сѣрое корковое вещество располагается равномернымъ слоемъ одинаково какъ на поверхности извилинъ, такъ равно и въ глубинѣ бороздъ. Поэтому ясно, что, благодаря извилинамъ, площадь мозговой поверхности увеличивается, сѣрый корковый слой получаетъ большое протяженіе: онъ представляется какъ бы смятымъ въ складки. Но чтобы составить себѣ приблизительное представленіе о площади, образуемой мозговой поверхностью, должно имѣть въ виду то обстоятельство, что кромѣ извилинъ, видимыхъ снаружи, въ глубинѣ нѣкоторыхъ бороздъ корковый слой также образуетъ складки, т.-е. извилины въ различныхъ направленіяхъ. Примѣромъ подобныхъ *скрытыхъ извилинъ* можетъ служить описанный нами островокъ (*insula Reilii*), скрытый въ глубинѣ Сильвиевой

борозды и съ поверхности совершенно невидимый. Хотя прочія скрытыя извилины, каждая въ отдѣльности, не достигаютъ такой значительной величины какъ островокъ, но въ общемъ число ихъ настолько значительно, что протяженіе коры головного мозга (у человѣка), скрытой въ глубинѣ бороздъ, превосходитъ видимую на свободной поверхности часть почти вдвое.

О развитіи бороздъ и извилинъ мозга, объ ихъ индивидуальных особенностяхъ и аномаліяхъ, будетъ сказано въ очеркѣ исторіи развитія мозга и потомъ, когда пойдетъ рѣчь о физиологическомъ значеніи извилинъ и отдѣльныхъ областей коры большого мозга. Тамъ же будутъ приведены и нѣкоторыя наиболѣе существенныя сравнительно-анатомическія свѣдѣнія.

Основаніе головного мозга.

На нижней поверхности цѣльнаго головного мозга, по освобожденіи его отъ оболочекъ, видны слѣдующія образованія. Описанныя уже объ лобныя доли, раздѣленныя продольной мозговой щелью (*fissura pallii*) и объ височныя доли; далѣе къзади средней линіи лежатъ Вароліевъ мостъ и продолговатый мозгъ, покоющіеся на мозжечкѣ; послѣдній прикрываетъ собою нижнюю поверхность затылочныхъ долей. (Рис. 62, взятый изъ руководства проф. Зернова, представляетъ головной мозгъ повернутый основаніемъ кверху). Начиная отъ задняго конца *fissurae pallii*, къзади идетъ сравнительно узкій участокъ поверхности мозга, ограниченный съ обѣихъ сторонъ височными долями, которыя на него какъ бы надвигаются. Подъ именемъ основанія мозга обыкновенно подразумѣвается этотъ средній участокъ и нижняя поверхность слѣдующихъ далѣе къзади Вароліева моста и продолговатаго мозга. Нижняя поверхность лобныхъ и височныхъ долей описана уже выше, какъ принадлежащая къ поверхности собственно полушарій мозга, между тѣмъ средняя полоса, составляющая основаніе мозга, вся почти цѣликомъ принадлежитъ образованіямъ, составляющимъ мозговой стволъ *). Собственно поверхности полушарій принадле-

*) Стволъ головного мозга составляютъ: продолговатый мозгъ, Вароліевъ мостъ, мозжечекъ, ножки мозга и зрительные бугры (почти совершенно скрытые въ полушаріяхъ, за исключеніемъ только небольшой части ихъ нижней

жать только участки сѣраго вещества, лежащіе по бокамъ средней линіи тотчасъ позади лобныхъ долей, это — *lamina s. substantia perforata anterior* (рис. 62, 1ера), передняя продыравленная пластинка. Каждая изъ нихъ имѣетъ треугольную форму и ограничена спереди нижней поверхностью лобной доли, сбоку ви-

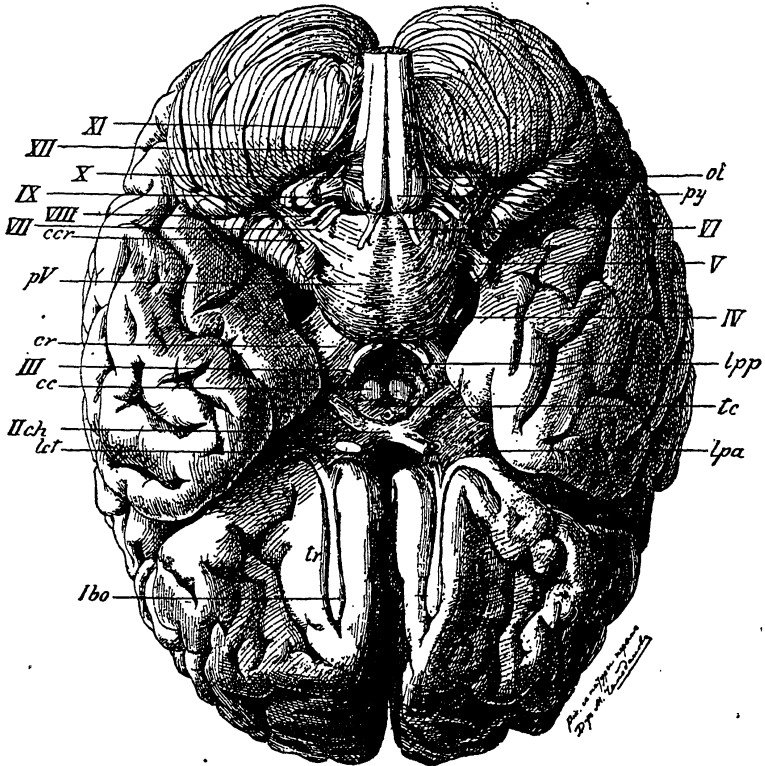


Рис. 62.

сочною долей, сзади—зрительнымъ канатикомъ—tractus opticus. Поверхность ихъ «продыравлена» многочисленными мелкими отверстиями, черезъ которыя углубляются въ вещество мозга мелкія артеріи. Обѣ продыравленные переднія пластинки соединяются другъ съ другомъ посредствомъ узенькой полоски сѣраго вещества, лежащей поперекъ средней линіи мозга тотчасъ у зад-

поверхности). Полушарія головного мозга, покрывающія сверху эти образования, называются плашвидною частью мозга или плащомъ—*pallium*.

няго конца *fissurae pallii*; эта пластинка называется *lamina cinerea terminalis*. (Рис. 62, lct). Она кзади граничитъ съ перекрестомъ зрительныхъ нервовъ—*chiasma nervorum opticorum* (II ch); и такъ прикрывается имъ, что для обозрѣванія ея должно перекрестъ зрительныхъ нервовъ приподнять и нѣсколько отвернуть кзади *).

Отъ передняго края передней продыравленной пластинки прямо впередъ тянется *обонятельный нервъ* или *трактъ*, *n. s. tractus olfactorius* (рис. 62, tr). Онъ въ видѣ бѣлаго трехграннаго тяжа лежитъ въ обонятельной бороздѣ (*fiss. olfactoria*), какъ въ желобѣ; въ переднемъ концѣ борозды на 3 см. отъ начала онъ оканчивается овальнымъ утолщеніемъ—обонятельной луковицей—*bulbus olfactorius* (рис. 62, bo). Въ обонятельную луковицу входятъ многочисленные тонкіе нервные стволыки—*fila olfactoria*, проникающіе въ полость черепа изъ полости носа черезъ отверстія рѣшетчатой кости, на которой въ естественномъ состояніи покоится обонятельная луковица. *Fila olfactoria* суть обонятельные нервы въ истинномъ смѣлѣ. Что же касается обонятельной луковицы и тракта, то, какъ учатъ исторія развитія и сравнительная анатомія, на нихъ должно смотрѣть какъ на мозговую долю, у человѣка не достигающую большого развитія. У животныхъ осматическихъ (съ сильно развитымъ обоняніемъ), куда относятся грызуны, хищныя и проч., *bulbus olfactorius* и *tractus* дѣйствительно представляютъ истинную мозговую долю.

Если отвести нѣсколько кнаружи и назадъ передній конецъ височной доли, то можно видѣть, что *tractus olfactorius* у задняго своего конца раздѣляется на нѣсколько пучковъ, изъ которыхъ самые наружные, направляющіеся кнаружи и назадъ черезъ *lamina perforata anterior*, можно прослѣдить до *gyrus uncinatus*. Обыкновенно описываютъ еще внутренніе пучки и средніе, но ихъ далеко не всегда удается видѣть, особенно средній.

Остальныя части основанія мозга принадлежать мозговому стволу. Позади *lamina cinerea terminalis* и переднихъ продыравленныхъ пластинокъ лежатъ перекрестъ зрительныхъ нервовъ—*chiasma* и зрительные тракты—*tractus optici* (рис. 62, II ch). Зрительные нервы, передніе концы которыхъ на рисункѣ представлены отрѣзанными, вступивши въ полость черепа изъ глазницы черезъ одноименныя

*) Въ естественномъ положеніи перекрестъ зрительныхъ нервовъ лежитъ *подъ lamina cinerea terminalis*; здѣсь же имѣется въ виду, что мозгъ для обозрѣванія повернуть основаніемъ къверху.

отверстія, направляются назадъ и внутрь и тотчасъ же сходятся на средней линіи и образуютъ перекрестъ—*chiasma nn. opticorum*. Послѣ образования перекреста они расходятся и направляются кнаружи, кзади и нѣсколько кверху и скрываются въ щель между ножками мозга и надвинувшимися на нихъ краями височныхъ долей. Название зрительныхъ *нервовъ* (*nervi optici*) присвоивается только ихъ переднему отдѣлу, начиная отъ глазного яблока и до перекреста, заднему же ихъ отдѣлу послѣ перекреста при-

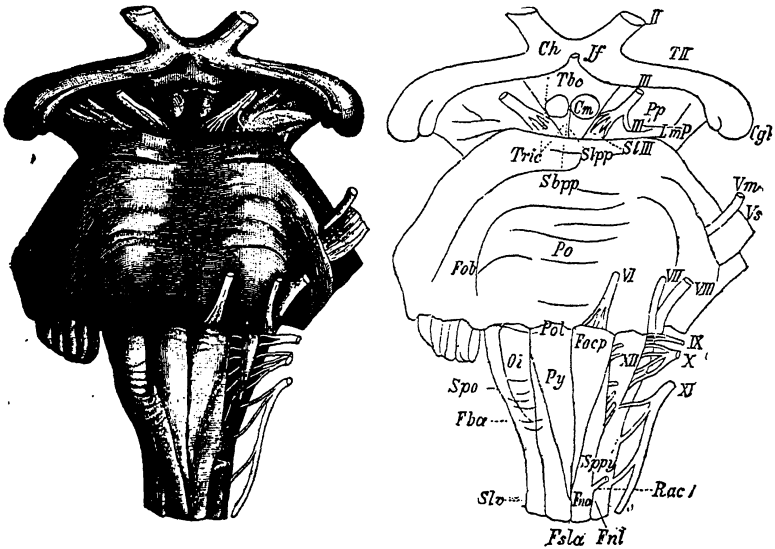


Рис. 63.

своено название зрительныхъ *трактовъ или канатиковъ* (*tractus optici*).

Позади перекреста зрительныхъ *нервовъ* между расходящимися зрительными трактами возвышается образование, состоящее изъ сѣраго вещества—т. наз. *tuber cinereum*, сѣрый бугорокъ (рис. 62 tc, 63, Fbc). По направленію внизъ (въ естественномъ положеніи мозга) сѣрый бугорокъ конусообразно суживается и превращается въ тоненькій тяжъ, на которомъ прикрѣпленъ т. наз. *придатокъ мозга, hypophysis cerebri* (рис. 66, Hy). На рисункѣ 62 этотъ *придатокъ* не изображенъ, и на мѣстѣ его прикрѣпленія виденъ остатокъ верхушки сѣраго бугорка съ зіяющимъ круглымъ отверстіемъ: это отверстие ведетъ въ цен-

тральную полость мозга, въ т.-наз. третій желудочекъ мозга. Полость 3-го желудочка мозга здѣсь по направленію книзу постепенно воронкообразно суживается и слѣпо оканчивается въ вытянутой, въ видѣ тонкаго отростка, верхушкѣ сѣраго бугорка, которая и называется *воронкой*—*infundibulum* (рис. 66, Rif). Придатокъ мозга (*hypophysis cerebri*) имѣетъ видъ эллипсоиднаго тѣла, величиною въ бобъ, длинный діаметръ котораго идетъ справа налѣво; онъ помѣщается на основаніи черепа въ углубленіи турецкаго сѣдла (*sella turcica*); твердая мозговая оболочка кольцеобразно надвигается на придатокъ со всѣхъ сторонъ (*operculum sellae turcicae*) и оставляетъ только небольшое отверстіе, черезъ которое проникаетъ воронка (*infundibulum*); потому, если при выниманіи мозга изъ черепа не принимается достаточной предосторожности, придатокъ обыкновенно отрывается, оставаясь на своемъ мѣстѣ.

Позади сѣраго бугорка по обѣ стороны средней линіи тѣсно другъ къ другу лежатъ два шарообразныя образованія бѣлаго цвѣта, съ горошину величиною: это—*corpora mammillaria s. can-dicantia*—*титъковидныя тѣла*. (Рис. 62 сс., 63, См).

Позади титъкообразныхъ тѣлъ лежитъ *lamina perforata posterior* *заднее продырявленное пространство* (рис. 62 lpp). Это довольно значительное углубленіе, берега котораго составляютъ расходящіяся въ стороны мозговья ножки (*crura cerebri*), а задняя граница образуется переднимъ краемъ Вароліева моста. На самомъ днѣ этого пространства, въ глубинѣ видны многочисленныя отверстія, черезъ которыя вступаютъ въ мозгъ мелкія артеріи.

Ножки мозга—*pedunculi s. crura cerebri* (рис. 63, сс; 63 Pp; 64 Pp). —въ видѣ двухъ объемистыхъ жгутовъ бѣлаго цвѣта выступаютъ изъ-подъ передняго края Вароліева моста и, разойдясь въ стороны, подъ острымъ, угломъ, скоро погружаются въ массу полушарій мозга, скрываясь подъ внутренніе края височныхъ долей. Поверхность ихъ замѣтно продольно рубчатая, что указываетъ на волокнистое ихъ строеніе. На внутреннихъ сторонахъ ножекъ, составляющихъ берега задняго продырявленнаго пространства, почти у самага передняго края Вароліева моста выходитъ по нервному стволу на той и другой сторонѣ. Это *глазодвигательные нервы*, *nervi oculomotorii* (рис. 62, III, 63, III). Кнаружи же отъ мозговыхъ ножекъ изъ щели, образуемой ими и внутреннею поверхностью височныхъ долей появляются на по-

верхность на обѣихъ сторонахъ по тоненькому нерву: это—*блоковой нервъ*—*n. trochlearis* (рис. 62, IV).

Далѣе казди, въ видѣ массивнаго бѣлаго образованіи, лежитъ *Вароліевъ мостъ*—*pons Varolii*. (рис. 62, 3у, 63, 64 Ро). Поверхность его (нижняя) представляется поперечно исчерченной, что указываетъ на его волокнистое строеніе, — при чемъ нервныя волокна, его составляющія, направляются съ одной стороны на другую. Раньше уже упоминалось, что нервныя волокна Вароліева моста направляются изъ одного полушарія мозжечка въ другое, обходя спереди продолговатый мозгъ. Боковые отдѣлы Вароліева моста, содержащія въ себѣ эти волокна, называются ножками мозжечка къ Вароліеву мосту — *crura cerebelli ad pontem* (рис. 62, ссс); изъ нихъ выступаетъ на поверхность по толстому нервному пучку на той и другой сторонѣ: это — *тройничный нервъ n. trigeminus* (рис. 62, V, 63, V и V s).

Наконецъ позади Вароліева моста лежитъ *продолговатый мозгъ medulla oblongata*.

Продолговатый мозгъ, отдѣленный отъ спинного мозга на уровнѣ мѣста выходения изъ мозга перваго шейнаго нерва (рис. 63 Рас 1)—граница между продолговатымъ мозгомъ и спиннымъ, — въ общемъ имѣетъ форму усѣченнаго конуса, вершина котораго обращена внизъ, къ спинному мозгу; длина его около 3 сантиметровъ. Верхняя граница его на передней сторонѣ рѣзко обозначается заднимъ, или, что то же, нижнимъ краемъ Вароліева моста. На средней линіи (на передней сторонѣ) вдоль продолговатаго мозга проходитъ глубокая борозда, *fissura longitudinalis anterior* (рис. 63 Fsla), составляющая продолженіе такой же борозды спинного мозга; у задняго края Вароліева моста она слѣпо оканчивается, образуя кратерообразное углубленіе — *foramen coecum posterius* (рис. 63 Fоср). (Другое *foramen coecum—anterius*—находится подъ переднимъ краемъ Вароліева моста въ вершинѣ угла, образуемаго расходящимися ножками мозга — *crura cerebri* (рис. 66 Fоса). По бокамъ этой борозды лежатъ два валикообразныя возвышенія, выходящія изъ-подъ задняго края Вароліева моста—это *пирамиды—pyramides* (рис. 62, 63, 64 и 66 Ру); онѣ состоятъ изъ продольно идущихъ нервныхъ волоконъ, направляющихся внизъ въ спинной мозгъ. Направляясь книзу, пирамиды постепенно истончаются, и на уровнѣ перваго шейнаго нерва сходятъ на нѣтъ, ихъ уже не видно съ поверхности. Наруж-

ная граница пирамиды—*sulcus parapyramidalis* (рис. 63 Spry) здѣсь сходится подъ острымъ угломъ съ передней продольной бороздой. Кнаружи отъ пирамиды на боковой сторонѣ продолговатаго мозга лежитъ хорошо очерченное со всѣхъ сторонъ круговою бороздкой эллипсоидное возвышеніе 12—14 миллиметровъ длины и 6—7 миллиметровъ ширины: это—*eminentia olivaris s. oliva me-*

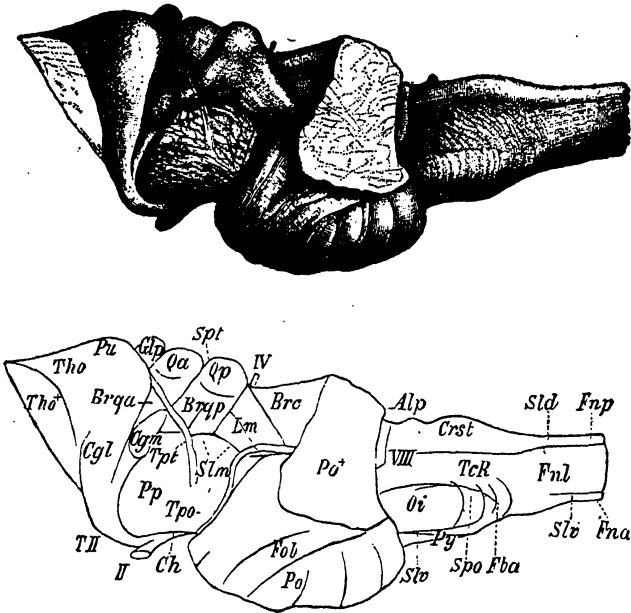


Рис. 64.

dullae oblongatae, нижняя олива (рис. 62 ol, 63, 64 oi); бороздка, ихъ ограничивающая спереди, называется *sulcus lateralis ventralis* (рис. 64 Slv), сзади—*sulcus postolivaris* (рис. 63, 64 Spo). Первая, т.-е. передняя, бороздка продолжается далѣе внизъ, хотя часто сглаживается проходящими черезъ нее поперечными пучками нервныхъ волоконъ и потому не на всемъ своемъ протяженіи видна отчетливо; далѣе книзу изъ ея продолженія выходитъ первый шейный нервъ (рис. 63 Ract); она раздѣляетъ два валикообразныя возвышенія или пучка: первый изъ нихъ лежитъ рядомъ съ пирамидой и кверху суживается, вклиниваясь между пирамидой и оливой:

это — *funiculus anterior* (рис. 63, 66 Fna); второй, направляясь вверхъ, обходить оливу снаружи: это — *funiculus lateralis* (рис. 63, 64, 65 Fnl); боковой пучокъ, продолженіе т.-наз. бокового столба спинного мозга; этотъ пучокъ вмѣстѣ съ другими пучками, прилегающими къ нему на тыльной сторонѣ продолговатаго мозга, входитъ въ составъ массивнаго канатика, т.-наз. *веревчатая тѣла*, о которомъ будетъ сказано ниже.

Изъ продолговатаго мозга на описанномъ участкѣ его выходитъ большое число нервовъ, изъ которыхъ только упомянутый первый шейный нервъ относится къ спиннымъ нервамъ, остальные же суть головные нервы.

У задняго края Вароліева моста, между нимъ и продолговатымъ мозгомъ, близъ средней линіи (въ 1,5—2 миллиметрахъ отъ нея) выходитъ *отводящій нервъ, n. abducens* (VI на рис. 62, 63) (*нервъ наружной прямой мышцы глаза*). Онъ выходитъ нѣсколькими пучками, которые тотчасъ же складываются въ одинъ общій стволъ, который направляется впередъ, на нѣкоторомъ протяженіи прилегая къ поверхности Вароліева моста (въ заднемъ его отдѣлѣ).

Далѣе кнаружи у того же задняго края Вароліева моста, кнаружи отъ оливы, появляется довольно толстый нервный стволікъ: это — *лицевой нервъ, n. facialis* (рис. 62, 63, 65 VII).

Кнаружи, прилегая къ лицевому нерву, выходитъ болѣе толстый *слуховой нервъ, n. acusticus* (рис. 62, 63, 64, 65 VIII).

Вдоль борозды, отдѣляющей пирамиду отъ оливы (*sulcus lateralis ventralis*), на протяженіи всей почти ея длины, выходитъ рядъ пучковъ (около 10), которые тотчасъ же собираются въ одинъ стволъ — *подъязычный нервъ, n. hypoglossus* (рис. 62, 63 XII) (*движущій нервъ языка, n. motorius linguae*).

Далѣе кнаружи, изъ борозды между оливою и веревчатымъ тѣломъ, появляется рядъ корешковъ, служащихъ началомъ 3 нервныхъ стволівъ.

Первый изъ нихъ — *языко-глоточный нервъ, n. glosso-pharyngeus* (рис. 62, 63 IX) — выходитъ тотчасъ позади (ниже) слухового и лицевого нервовъ нѣсколькими тонкими пучками (числомъ 5—6), которые вскорѣ складываются въ одинъ стволікъ.

За нимъ книзу слѣдуетъ рядъ такихъ же пучковъ, принадлежащихъ *блуждающему нерву, n. vagus* (рис. 62, 63 X) (*легочно-желудочный нервъ, n. pneumo-gastricus*). Они соединяются въ одинъ нерв-

ный стволъ не тотчасъ же, но на дальнѣйшемъ своемъ пути при выходѣ изъ черепа черезъ яремное отверстіе.

Еще далѣе книзу идетъ рядъ пучковъ, входящихъ въ составъ *прибавочнаго Виллизіева нерва, n. accessorius Willisii* (рис. 62, 63 XI). Этотъ нервъ составляется изъ многочисленныхъ пучковъ, выходящихъ на весьма большомъ протяженіи изъ боковой поверхности шейной части спинного мозга, начиная отъ уровня 5 шейнаго нерва. Пучки эти послѣдовательно присоединяются къ общему стволу, который направляется вверхъ вдоль боковой поверхности шейной части спинного мозга и вмѣстѣ съ нимъ вступаетъ въ полость черепа черезъ затылочное отверстіе; здѣсь къ нему также продолжаютъ присоединяться нервные пучочки, изъ которыхъ самые верхніе начинаются уже въ области оливы. Послѣ того стволъ прибавочнаго нерва присоединяется къ блуждающему нерву и они вмѣстѣ выходятъ изъ полости черепа наружу черезъ яремное отверстіе. По происхожденію своему прибавочный Виллизіевъ нервъ долженъ былъ бы причисляться къ спиннымъ нервамъ, и если причисленъ Виллизіемъ къ головнымъ, то именно въ качествѣ «прибавочнаго».

На мозгѣ, вынутомъ изъ черепа обычнымъ способомъ, весьма трудно опредѣлить, какіе изъ этого ряда корешковъ принадлежатъ языко-глоточному нерву, какіе блуждающему и прибавочному. Конечно, опредѣленно можно сказать, что самые верхніе пучки принадлежатъ языко-глоточному нерву, а самые нижніе прибавочному. Съ опредѣленностью же можно раздѣлить эти пучки по принадлежности къ тому или иному нерву, если препаровать ихъ, идя отъ периферіи, послѣ того какъ корешки уже сложились въ отдѣльные нервные стволы.

Нервы, видимые на основаніи мозга и нами сейчасъ описанные, составляютъ 12 паръ головныхъ нервовъ; общепринятый порядокъ изъ перечисленія таковъ:

- I пара tractus olfactorius—обонятельный нервъ.
- II » nervus opticus—зрительный нервъ.
- III » n. oculomotorius—глазодвигательный нервъ.
- IV » n. trochlearis—блоковой нервъ.
- V » n. trigeminus—тройничный нервъ.
- VI » n. abducens—отводящій нервъ.
- VII » n. facialis—лицевой нервъ.
- VIII » n. acusticus—слуховой нервъ.

IX пара n. glosso-pharyngeus—языко-глоточный нервъ.

X » n. vagus—блуждающій нервъ.

XI » n. accessorius Willisii—прибавочный нервъ.

XII » n. hypoglossus—подъязычный нервъ.

Въ это число вошли всѣ головные нервы. Всѣ они, гдѣ бы они ни выходили изъ вещества мозга, выходятъ на его основаніе; мѣсто выхожденія изъ мозга нѣкоторыхъ изъ нихъ (n. opticus, trochlearis, acusticus) при осмотрѣ основанія мозга не видно, такъ какъ они возникаютъ на тыльной сторонѣ мозгового ствола и первоначальный ходъ ихъ скрытъ сосѣдними образованіями.

Стволъ головного мозга.

Нижняя или т.-наз. брюшная (вентральная) поверхность мозгового ствола описана сейчасъ подъ именемъ основанія мозга; тыльная его поверхность и боковыя скрыты окружающими образованіями, и для удобства осмотра этихъ поверхностей необходимо прилежащія части удалить. Прежде всего необходимо удалить мозжечекъ, который хотя и принадлежитъ къ мозговому стволу, какъ учить исторія развитія, но по положенію своему (въ видѣ самостоятельнаго придатка) можетъ быть описанъ въ отдѣльности, и это не только не нарушитъ послѣдовательности въ изученіи мозгового ствола, но во многихъ отношеніяхъ облегчитъ усвоеніе взаимныхъ отношеній различныхъ частей его. Мозжечекъ прикрываетъ собою съ тыльной стороны и отчасти съ боковъ продолговатый мозгъ, область Вороліева моста до четверохолмія. На прилагаемыхъ рисункахъ (по Obersteiner'у) мозговой стволъ представленъ выдѣленнымъ изъ полушарій большого мозга и освобожденнымъ отъ мозжечка.

Тыльная сторона *продолговатаго мозга*. Здѣсь по средней линіи идетъ снизу вверхъ задняя продольная борозда, *fissura longitudinalis posterior s. dorsalis* (рис. 65 Fslp); параллельно ей снаружи лежатъ еще двѣ борозды: *sulcus paramedianus dorsalis* (рис. 65 Spd) и *sulcus lateralis dorsalis* (рис. 64, 65 Sld). Боковой и задній отдѣлы продолговатаго мозга представляются въ видѣ массивнаго канатика, состоящаго изъ продольно идущихъ нервныхъ волоконъ, т.-наз. *веревчатая тѣла, corpus restiforme* (рис. 64, 65 Crst) — (pedunculus cerebelli inferior, bra-

chium s. crus cerebelli ad medullam oblongatam, Kleinhirnstiel). На средней линіи веревчатя тѣла той и другой стороны тѣсно прилежатъ другъ къ другу и раздѣляются только узкой продольной бороздой (fissura longitudinalis posterior); на уровнѣ середины оливъ они начинаютъ расходиться подѣ острымъ угломъ въ стороны и образуютъ берега открывающагося такимъ образомъ углубленія, которое называется *ромбовидной ямой*, *fossa rhomboidea*

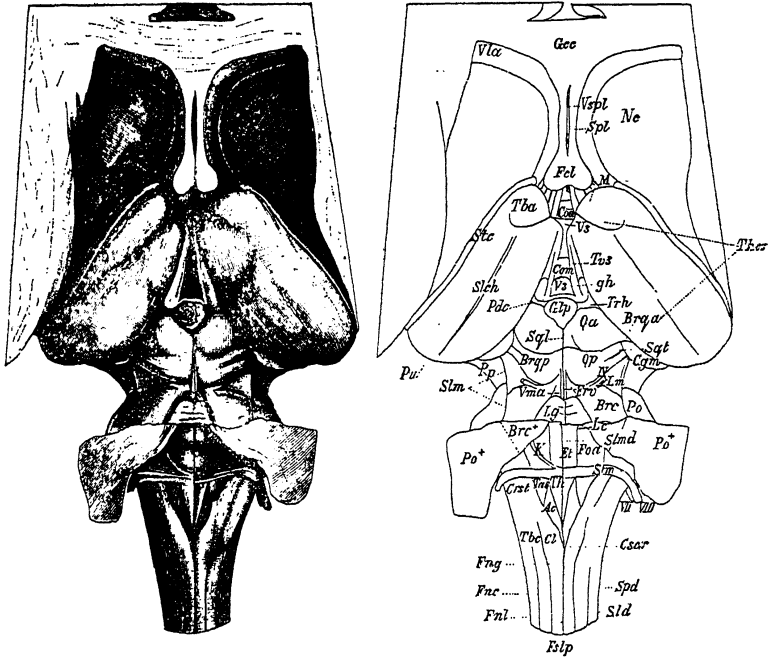


Рис. 65.

s. rhomboidalis. Вершина угла, образуемаго расходящимися веревчатыми тѣлами, называется *писчимъ перомъ*, *calamus scriptorius* (рис. 65, 66 Ссет); здѣсь оканчивается задняя продольная борозда продолговатаго мозга. Направляясь далѣе, веревчатя тѣла постепенно все далѣе и далѣе расходятся и постепенно дугообразно загибаются вверхъ и наконецъ погружаются въ массу лежащаго надъ ними мозжечка. Въ нижней части продолговатаго мозга упомянутыя борозды (sulcus paramedianus dorsalis и sulcus lateralis dorsalis) раздѣляютъ веревчатое тѣло на 3 отдѣльные пучка или канатика. У средней линіи лежитъ т.-наз. *нижний*

канатинъ, *funiculus gracilis* (рис. 65 Fng); у задняго угла ромбовидной ямы, гдѣ веревчатая тѣла начинаютъ расходиться въ разныя стороны, онъ представляетъ замѣтное вздутіе или утолщеніе, т.-наз. *clava* (рис. 65 Cl) (задняя пирамида). Сосѣдній съ нимъ пучокъ, лежащій кнаружи—*funiculus sinuatus*, клиновидный канатинъ (рис. 65 Fnc); онъ также образуетъ вздутіе, рядомъ съ *clava*, но только менѣе и не всегда замѣтное—*tuberculum sinuatum*. Кнаружи отъ клиновиднаго канатика, уже на боковой сторонѣ продолговатаго мозга, лежитъ третій пучокъ, причисляемый къ составу веревчатого тѣла: *funiculus lateralis* (рис. 65 Fnl) (по Henle—*corpus restiforme laterale*).

Ромбовидная яма составляетъ дно мозговой полости, называемой четвертымъ желудочкомъ мозга (*ventriculus quartus*) (рис. 66). Это углубленіе имѣетъ дѣйствительно форму ромба, длинная діагональ котораго длиною около 3 сантиметровъ идетъ въ передне-заднемъ направленіи; ширина его нѣсколько не достигаетъ 2 сантиметровъ. Берега ея въ заднемъ отдѣлѣ составляютъ веревчатая тѣла, а въ переднемъ т.-наз. ножки мозжечка къ четверохолмію, *crura cerebelli ad corpus quadrigeminum* (рис. 64, 65 Brc) (*brachia conjunctiva, processus cerebelli ad cerebrum, Bindearme*). Это два массивные канатика, состоящіе изъ продольно-идущихъ нервныхъ волоконъ; подобно тому какъ веревчатая тѣла подходятъ подъ мозжечекъ сзади и загибаются кверху, чтобы погрузиться въ массу мозжечка, такъ и ножки мозжечка къ четверохолмію, идя отъ головного мозга назадъ, подходятъ подъ передній край мозжечка, расходятся въ разныя стороны подъ острымъ угломъ, загибаются дугообразно вверхъ и погружаются въ массу мозжечка съ нижней его стороны. Расходясь въ разныя стороны, переднія ножки мозжечка образуютъ двѣ переднія стороны ромбовидной ямы.

Дно ромбовидной ямы, составляющее тыльную поверхность Варолиева моста и части продолговатаго мозга, представляетъ нѣсколько небольшихъ возвышеній и углубленій. Во всю длину ея по средней линіи, начиная отъ *calamus scriptorius*, до самаго верхняго угла ея тянется совершенно прямая бороздка, *sulcus medianus longitudinalis fossae rhomboideae* (рис. 65 Slmd). По обѣимъ сторонамъ продольной борозды лежатъ два слегка возвышенные валика, *funiculi teretes, s. eminentiae teretes* (рис. 65 Et); въ задней половинѣ ямы они заостряются и образуютъ по бокамъ средней линіи два треугольника; каждый изъ этихъ треугольни-

ковъ соотвѣтствуетъ ядру п. hypoglossi (скопление нервныхъ клѣтокъ, дающихъ начало волокнамъ подъязычнаго нерва) и потому имъ присвоивается названіе *trigonum hypoglossi* (рис. 65 Th). (Obersteiner). Кнаружи отъ *trigonum hypoglossi* (на той и другой сторонѣ) лежатъ углубленія также триугольной формы съ вершиной, обращенной впередъ, дно которыхъ сѣраго цвѣта, темнѣе окружающихъ частей: это—т.-наз. *alae cinereae*, *спрыя крылья* (Ac), по Obersteiner'у — *trigonum vagi*. Въ передней половинѣ ромбовидной ямы кнаружи отъ *funiculus teres* отмѣчается углубленіе *fovea anterior* (Foa). У самаго наружнаго угла ромбовидной ямы видно возвышеніе, лежащее большею своей частью въ передней ея половинѣ: это—*tuberculum acusticum* (Tac); въ самой передней части ямы возлѣ наружнаго угла видно болѣе темное мѣсто съ синеватымъ оттѣнкомъ—*locus coeruleus*, s. *substantia ferruginea* (Lc). Цвѣтъ этого мѣста зависитъ отъ того, что сквозь тонкій слой бѣлаго мозгового вещества, выстилающаго переднюю половину ромбовидной ямы, просвѣчиваютъ заложеныя здѣсь скопленія весьма сильно пигментированныхъ нервныхъ клѣтокъ.

Поперекъ ромбовидной ямы лежатъ нѣсколько бѣлыхъ полосокъ (пучки нервныхъ волоконъ), которыя выходятъ изъ продольной борозды нѣсколькими начальными пучками, на пути къ боковымъ угламъ ямы сближающимися другъ съ другомъ; въ боковыхъ углахъ эти полосы перегибаются черезъ веревчатое гѣло передъ самымъ вступленіемъ его въ мозжечекъ и присоединяются къ корешку слухового нерва: это—*striae acusticae*, s. *medullares* (Stm). Вмѣстѣ съ другимъ корешкомъ, выходящимъ изъ самаго веревчатого гѣла, *striae acusticae* образуютъ *слуховой нервъ* (рис. 62, 63, 64, 65 VIII), мѣсто выходенія котораго изъ мозга не могло быть указано раньше при описаніи основанія мозга, такъ какъ было скрыто мозжечкомъ.

Striae acusticae представляютъ весьма частыя индивидуальныя колебанія по формѣ и величинѣ: иногда онѣ развиты очень сильно, иногда же (какъ исключеніе) онѣ совсѣмъ отсутствуютъ или на одной или на обѣихъ сторонахъ; въ направленіи отдѣльныхъ пучковъ ихъ также нерѣдко встрѣчаются различныя индивидуальныя особенности.

Между внутренними краями ножекъ мозжечка къ четверохолмію, надъ переднимъ отдѣломъ ромбовидной ямы, въ видѣ по-

крышки натянута тоненькая бѣлая мозговая пластинка, суживающаяся кпереди: это — *передній мозговой парусъ, velum medullare anticum* (рис. 65, 66 Vma). Онъ составляетъ дѣйствительно крышу для передняго отдѣла четвертаго желудочка мозга. Задній отдѣлъ желудочка прикрывается также пластинкой триугольной формы, натянутой между ножками мозжечка къ продолговатому мозгу — заднимъ мозговымъ парусомъ, *velum medullare posticum*. Въ заднемъ углу онъ представляется столь истонченнымъ, что состоитъ изъ слоя эпителия выстилающаго внутреннюю поверхность мягкой мозговой оболочки (*tela choroidea cerebelli, s. ventriculi quarti*); поэтому, при освобожденіи мозга отъ оболочекъ, вмѣстѣ съ мягкой оболочкой обыкновенно удаляется и средняя истонченная часть задняго мозгового паруса, и только по краю веревчатыхъ гѣлъ остаются бѣлыя мозговья пластинки — *taenia ventriculi quarti, s. ligula*; между утолщеніями *funiculi gracilis* пластинка, покрывающая верхушку *calami scriptorii* называется *obex* (запоръ).

По нижней поверхности *tela choroideae* отъ *calamus scriptorius* по обѣимъ сторонамъ средней линіи тянется вверхъ полоска ворсинчатыхъ сосудистыхъ клубковъ — среднее сосудистое сплетеніе мозжечка — *plexus choroides cerebelli medialis*; далѣе вверху эти полоски направляются всторону и выходятъ наружу сбоку слухового нерва у нижней поверхности мозжечка; здѣсь они образуютъ сосудистый клубокъ — боковыя сосудистыя сплетенія мозжечка — *plexus choroideus cerebelli lateralis*.

Въ истонченной части задняго мозгового паруса впереди *calamus scriptorius* существуетъ очень небольшое овальное отверстіе — *foramen Magendii* (*apertura inferior ventriculi quarti*); кромѣ того въ наружныхъ углахъ задняго мозгового паруса есть еще два меньшія отверстія. Черезъ эти три отверстія подпаутинное пространство мозга сообщается съ мозговыми желудочками.

Полость четвертаго желудочка, суживаясь книзу, продолжается дальше въ видѣ центральнаго канала спинного мозга; въ верхнемъ углу ромбовидной ямы она также суживается и въ видѣ узкаго канала — т.-наз. *aqueductus Sylvii* (Сильвиевъ водоводъ) — углубляется подъ четверохолміе. На рис. 66 представлена поверхность разрѣза, посредствомъ котораго мозговой стволъ раздѣленъ на двѣ половины, правую и лѣвую (на рисункѣ изображена правая половина); разрѣзъ проведенъ точно по средней

линии въ вертикальной плоскости. На этомъ рисункѣ видно, какъ полость четвертаго желудочка (Vn) внизъ продолжается въ центральный капаль спинного мозга (Cc) и вверхъ въ Сильвиевъ водопроводъ (As), который открывается въ третій желудочекъ (AAs).

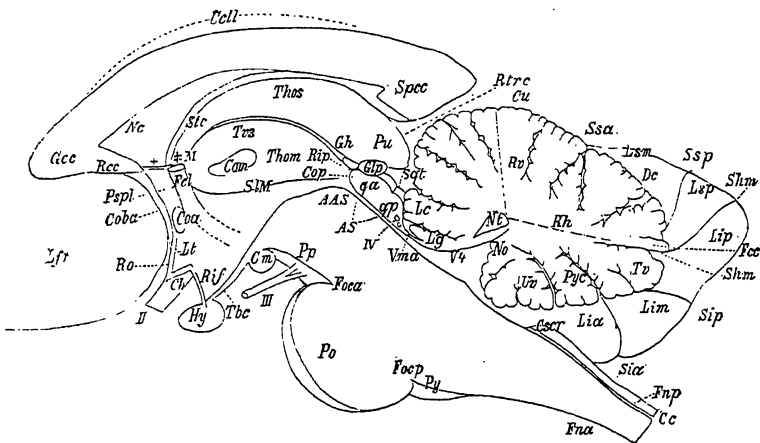


Рис. 66.

Ножки мозжечка къ четверохолмію (или къ мозгу), ограничивающія съ боковъ передній отдѣлъ полости четвертаго желудочка, снаружи и сверху имѣютъ видъ массивныхъ канатиковъ; сходясь другъ съ другомъ кпереди, онѣ уходятъ подъ четверохолміе (отчего получили и названіе). Четверохолміе, *corpus quadrigeminum*, дѣйствительно представляется въ видѣ четырехъ симметрично лежащихъ бугровъ, раздѣленныхъ двумя крестообразно идущими бо-

роздами, продольной и поперечной, на двѣ пары: переднее четверохолміе, *corpus quadrigeminum anterius* (рис. 64, 65, 66 Qa) (правильнѣе — *переднее двухолміе, corpus bigeminum anterius*) и заднее *c. quadigeminum posterius* (рис. 64, 65, 66 Qp) (*corpus bigeminum posterius*). Кпереди отъ четверохолмія мозговой стволъ сразу очень сильно увеличивается въ объемѣ, особенно вправо и влѣво, благодаря тому что здѣсь лежатъ симметрично два очень массивныя образованія— *зрительныя бугры, Thalami optici* (рис. 64 Tha, 66 Thos, Thom), раздѣленные по средней линіи вертикальной щелью— *третьей желудочекъ моза* (рис. 65 Vs). Четверохолміе представляется какъ бы вдвинутымъ своей передней частью между задними отдѣлами зрительныхъ бугровъ. Ножки мозжечка къ четверохолмію составляютъ тыльный отдѣлъ мозгового ствола, нижній же, основной болѣе широкій отдѣлъ составляютъ неоднократно уже упоминавшіяся мозговья ножки (*Crura s. pedunculi cerebri*) (рис. 63, 64, 65, 66 Pp). Послѣднія можно видѣть (снизу сбоку) только на небольшомъ разстояніи (около 12 миллим.) отъ передняго края Варолиева моста до задняго края зрительныхъ бугровъ, подъ которыми мозговья ножки уходятъ въ массу мозга. Такъ какъ ножки мозга составляютъ болѣе широкое основаніе мозгового ствола, то граница между ними и лежащимъ выше четверохолміемъ и ножками мозжечка очень рѣзко выражена на обѣихъ сторонахъ въ видѣ продольной боковой борозды— *sulcus lateralis mesencephali* (рис. 64, 65 Slm).

При болѣе подробномъ осмотрѣ тыльнаго отдѣла мозгового ствола отмѣчается слѣдующее. Передній мозговой парусъ, растянутый между ножками мозжечка, оканчивается также у задняго края четверохолмія; въ переднемъ своемъ отдѣлѣ онъ образуетъ маленькую продольную складку (иногда ясно раздѣленную на два пучка): это — *уздечка паруса, frenulum veli medullaris antica* (рис. 65 Frv), которая продолжается въ задній конецъ продольной бороздки четверохолмія. По ту и другую сторону отъ уздечки, у задняго края четверохолмія, изъ вещества паруса появляются на поверхность два тонкіе нервные стволіка: это — *блоковые нервы, n. trochlearis* (рис. 64, 65 IV); перегнувшись черезъ ножку мозжечка, боковой нервъ, охватываетъ ее и мозговую ножку снаружи и выходитъ на нижнюю поверхность мозга, гдѣ онъ уже нами описанъ. — Кромѣ того на поверхности паруса кзади отъ блоковыхъ нервовъ видно нѣсколько (5—6) попереч-

ныхъ складокъ или валиковъ сѣраго вещества, которые представляютъ переднюю дольку т.-наз. верхняго червячка мозжечка (*lingula*, язычокъ) (Lg).

Задній край *четверохолмія* возвышается надъ ножками мозжечка въ видѣ крутого, почти отвѣснаго подъема; передняя же сторона переднихъ бугровъ имѣетъ видъ отлогаго ската. Отъ каждаго изъ бугровъ *четверохолмія* кнаружи отходитъ хорошо выраженный бѣлый валикъ или пучокъ: это—*ножки четверохолмія*, *brachia corporis quadrigemini* (*s. brachia conjunctiva*); поперечная борозда *четверохолмія* съ тыльной стороны переходитъ на боковую и раздѣляетъ переднюю ножку *четверохолмія* отъ задней (*sulcus interbrachialis*). Задняя ножка (рис. 64, 65 Вгqr) направляется по боковой сторонѣ ствола внизъ и впередъ и въ нижней своей части раздѣляется неглубокой и не всегда ясно выраженной бороздкой на два пучка: задній скоро исчезающій въ *sulcus lateralis mesencephali*, и передній всегда хорошо выраженный и направляющійся къ овальному возвышенію (длиною около 1 сантиметра), лежащему въ концѣ продольной боковой борозды и въ бороздѣ, отдѣляющей *четверохолміе* отъ зрительнаго бугра—*внутреннему колѣнчатому тѣлу*, *corpus geniculatum mediale s. internum* (рис. 64, 65 Сgm).

Передняя ножка *четверохолмія* (рис. 64, 65 Вгqa) направляется прямо кнаружи и отчасти прикрывается сильно нависшимъ кзади зрительнымъ бугромъ. Одну ея часть можно прослѣдить кнаружи до небольшой выпуклости на заднемъ концѣ зрительнаго бугра—*наружнаго колѣнчатого тѣла*, *corpus geniculatum laterale s. externum* (рис. 63, 63 Сgl), другая же часть ея исчезаетъ подъ внутреннимъ колѣнчатымъ тѣломъ. Послѣднія подробности впрочемъ не на всѣхъ мозгахъ удастся видѣть отчетливо. Въ треугольномъ пространствѣ, на боковой сторонѣ мозгового ствола, образуемомъ боковой продольной бороздкой и заднимъ краемъ задней ножки *четверохолмія* (*brachium corporis quadrigemini posterius*) замѣтны полоски, идущія отъ боковой продольной борозды косвенно вверхъ и впередъ: это—слой нервныхъ волоконъ, т.-наз. *петля*, *lemniscus* (*laqueus*, *ruban de Reil*); эта пластинка или слой скрывается подъ заднимъ бугромъ *четверохолмія*, причемъ самыя внутреннія ея волокна почти сходятся на средней линіи впереди края передняго мозгового паруса, благодаря этому передній отдѣлъ *ножекъ мозжечка* къ *четверохолмію* и не можетъ быть

видимъ сбоку, будучи прикрытъ этою пластинкой (рис. 64, 66 Lm).

Впереди передняго бугра четверохолмія иногда бываетъ виденъ тоненькій пучекъ нервныхъ волоконъ, идущій отъ наружнаго края бугра кзади и внизъ поперекъ ножекъ четверохолмія и черезъ мозговую ножку на нижнюю поверхность послѣдней, гдѣ и теряется: это—т-наз. *tractus peduncularis transversus* (рис. 64 Трт). У животныхъ онъ выраженъ очень отчетливо, у человѣка же далеко не всегда.

Продольная бороздка четверохолмія (рис. 65 Sdl) въ переднемъ своемъ концѣ постепенно превращается въ мелкую, плоскую трехугольную ямку—*trigonum subpineale*, въ которой лежитъ овальное образованіе, которое сравниваютъ обыкновенно съ сплюснутой еловой шишкой: это—*шишковидная железа, glandula pinealis, s. conarium* (рис. 64, 65, 66 Glp); она принадлежитъ къ зрительнымъ буграмъ и будетъ описана нѣсколько ниже.

Поверхность четверохолмія покрыта тонкимъ слоемъ бѣлаго (нервно-волокнистаго) вещества (*stratum zonale*); внутренніе же отдѣлы его состоятъ изъ сѣраго вещества. Сильвievъ водопроводъ, *aquaeductus Sylvii*, служащій продолженіемъ полости четвертаго желудочка, идетъ въ видѣ узкаго канала подъ четверохолміемъ и подъ переднимъ краемъ его открывается въ полость третьяго желудочка мозга. Онъ проходитъ въ массѣ сѣраго вещества, окружающаго его со всѣхъ сторонъ и служащаго продолженіемъ сѣраго вещества дна четвертаго желудочка (центральное сѣрое вещество). Форма Сильвиева водопровода въ переднемъ и заднемъ его отдѣлахъ имѣетъ видъ триугольника обращеннаго вершиной внизъ, а въ среднихъ отдѣлахъ—форму эллипсиса съ заостренными верхнимъ и нижнимъ концами.

Зрительные бугры, thalami optici (couche optique). Зрительный бугоръ имѣетъ видъ продолговатаго массивнаго тѣла, иногда сравниваемого съ яйцомъ; продольная ось его не совпадаетъ съ продольною осью мозга; она идетъ спереди и снутри кзади и кнаружи. Верхняя поверхность его покрыта слоемъ бѣлаго вещества (*stratum zonale thalami optici*); наружная поверхность его сливается съ массой полушарій мозга. Внутренняя сторона состоитъ изъ сѣраго вещества. Эта сторона зрительнаго бугра составляетъ наружную стѣнку центральной щелеобразной вертикальной полости третьяго желудочка мозга (рис. 65 Vs). Внут-

ренія стороны обоихъ зрительныхъ бугровъ, сравнительно очень ровныя, стоятъ совсѣмъ близко другъ къ другу,—на мѣстахъ же, соотвѣтствующихъ срединѣ ихъ (нѣсколько дальше кпереди отъ середины), онѣ даже срастаются, благодаря чему образуется т. наз. *мягкая или спрая спайка, commissura mollis s. grisea* (рис. 66 Com); Эта спайка представляетъ очень мягкую, легко разрывающуюся перемычку; въ нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ случаяхъ она отсутствуетъ.

Въ задней стѣнкѣ третьяго желудочка въ верхней ея части открывается передній конецъ Сильвиева водопровода (*aditus ad-aquæductum Sylvii*) (рис. 66 AAs); стѣнка эта имѣетъ косою уклонъ кпереди и спускается внизъ; поэтому полость третьяго желудочка представляется болѣе глубокой въ передней своей части, гдѣ, постепенно суживаясь, образуетъ т.-наз. *aditus ad infundibulum* и самую *infundibulum*—воронку, о которой упоминалось при описаніи основанія мозга (рис. 66 Rif). Въ нижней своей части задняя стѣнка третьяго желудочка, слѣдовательно, становится дномъ его, и со стороны основанія мозга этому мѣсту соотвѣтствуетъ описанный уже сѣрый бугорокъ (*tuber cinereum*).

Верхняя поверхность зрительнаго бугра имѣетъ выпуклую форму; на ней сбоку видна бороздка, составляющая наружную границу бугра, *stria cornea* (рис. 65, 66 Stc) (*Stria terminalis, taenia cornea*); она начинается въ самой передней части бугра ближе средней линіи и направляется къзади и кнаружи. Кромѣ общей выпуклой формы на верхней поверхности зрительнаго бугра, въ самой передней его части виденъ округлый бугорокъ—*tuberculum anterius* (рис. 65 Tba); къзади и кнаружи отъ него идетъ мелкая отлогая борозда—*sulcus choroideus* (рис. 65 Slch). Самый задній очень, утолщенный отдѣлъ зрительнаго бугра носитъ названіе *подушки, pulvinar* (рис. 64, 65, 66 Pu); на задней сторонѣ бугра кнаружи и книзу отъ подушки отмѣчается еще бугорокъ—*наружное колѣчатое тѣло, corpus geniculatum laterale, s. externum* (рис. 63, 64 Cgl); въ бороздѣ же, отдѣляющей зрительный бугоръ отъ боковой стороны четверохолмія, подъ нависшею къзади подушкою (*pulvinar*) выдается упомянутое уже овальное возвышеніе—*внутреннее колѣчатое тѣло, corpus geniculatum mediale, s. internum* (рис. 64, 65 Cgm). Отъ этихъ двухъ возвышеній возникаетъ плоскій и широкій нервно-волокнистый пучокъ—*tractus opticus, зрительный трактъ* (рис. 63, 64 I II). Онъ огибаетъ зрительный бугоръ

сзади и снизу и появляется на основаніи мозга, гдѣ, направляясь впередъ и кнутри, впереди сѣраго бугорка (*tuber cinereum*) встрѣчается съ трактомъ другой стороны, и они образуютъ перекрестъ (*chiasma nervorum opticorum.*). Зрительные тракаты на пути своемъ на нижней сторонѣ мозгового ствола охватываютъ ножки мозга (*crura cerebri*), которыя скрываются съ поверхности и углубляются въ массу полушарій именно подъ зрительными трактами.

Граница между верхней и внутренней поверхностями зрительнаго бугра имѣетъ видъ ребра, которое заостряется еще благодаря тому, что по ней идетъ бѣлый валикъ (*stria medullaris thalami*) (рис. 66 Тв₃). Этотъ валикъ по направленію кзади утолщается и на заднемъ своемъ концѣ образуетъ колбообразное тѣльце—*ganglion habenulae* (gh); кзади отъ *ganglion habenulae*, между нимъ и отодвинувшимся кнаружи зрительнымъ бугромъ видно небольшое треугольное пространство—*trigonum habenulae* (рис. 65 Тrh). Отъ каждаго *ganglion habenulae* отходятъ короткіе тяжи, къ переднему краю упомянутой уже шишковидной железы (*glandula pinealis, conarium*), соединяющіе эти образования и образующіе т.-наз. ножки шишковидной железы (*penduculi conarii*) (рис. 65 Pdc). Шишковидная железа лежитъ въ расширенномъ переднемъ концѣ продольной бороздки четверохолмія (*trigonum subpineale*); вершиной она обращена назадъ. Она состоитъ изъ нѣжной ткани бурого цвѣта. Часто внутри железы встрѣчаются конкременты минеральныхъ солей, фосфорнокислой известк^а (т.-наз. *asegulus cerebrealis*).

Подъ шишковидною железой въ задней стѣнкѣ третьяго желудочка находится небольшое щелеобразное углубленіе, суживающееся кзади и открытое впередъ — *ventriculus s. recessus conarii* (рис. 66 Rip).

Книзу отъ *recessus conarii*, между нимъ и переднимъ краемъ Сильвіева водопровода лежитъ поперечно справа налѣво бѣлый нервноволокнистый тяжъ, соединяющій задніе отдѣлы обоихъ зрительныхъ бугровъ и ограничивающій *trigonum subpineale* спереди: это—*задняя бѣлая спайка, commissura alba posterior* (рис. 66 Cop).

Г. Прибытковъ.

31. Инструменты для психологических изслѣдованій и способы ихъ употребленія.

21. Хронографъ Wundt'a. Первоначально Wundt пользовался аппаратомъ, который онъ назвалъ *физиологическимъ хроноскопомъ*, устроеннымъ слѣдующимъ образомъ:

Маленькій камертонъ *b* (рис. 67, В), служащій для измѣренія времени, помѣщенъ между ножками подковообразнаго магнита

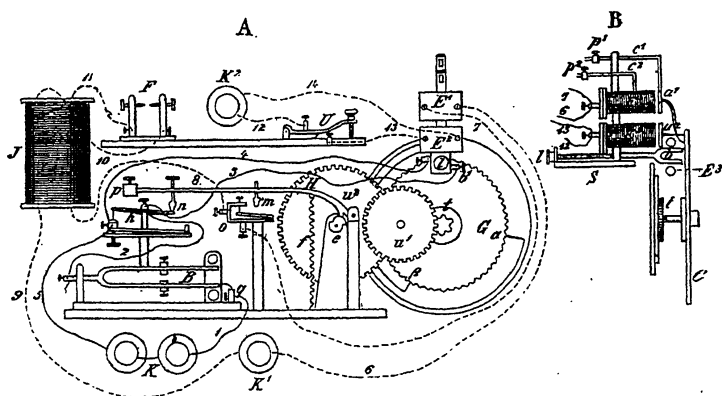


Рис. 67.

E_3 ; на одной изъ ножемъ камертона укрѣплена щетинка, прикасающаяся къ задней сторонѣ стекляннаго круга G , закопченнаго съ этой сторонѣ на лампѣ. При дрожаніи камертона щетинка чертитъ свои колебанія на закопченномъ стеклѣ. Линія колебаній камертона видна на фиг. А, изображающей аппаратъ съ задней стороны. Стеклянный кругъ G , посредствомъ шестерни t , приводится въ движеніе колесами u_1 и u_2 часового механизма съ гирей. Особеннаго регулятора для полученія постоянной скорости вращенія нѣтъ. Какъ только пріобрѣтется извѣстная степень быстроты, эта быстрота сама собою, вслѣдствіе вліянія преодолеваемыхъ сопротивленій, остается въ продолженіе многихъ оборотовъ постоянною. Но и при неравномѣрной скорости опредѣленіе времени будетъ абсолютно точнымъ, потому что время высчитывается по колебаніямъ камертона b и число этихъ колебаній ни мало не зависитъ отъ неравномѣрности вращенія стекляннаго круга. Если извѣстно, сколько колебаній въ секунду

дѣлаетъ камертонъ b , то по числу волнъ, вычерченныхъ камертономъ на закопченномъ стеклѣ, прямо видна продолжительность измѣряемаго промежутка времени. Для того, чтобы, при нѣсколькихъ оборотахъ стекляннаго круга, кривая колебаній камертона не чертилась бы все по одному мѣсту, устроено особое приспособленіе, вслѣдствіе котораго камертонъ приводится въ дрожаніе какъ разъ передъ началомъ измѣряемаго промежутка времени. Для этой цѣли служитъ камертонъ B , вродѣ того камертона, какой употреблялъ Helmholtz при акустическихъ опытахъ. Ножки камертона B , звучащаго одною октавою ниже b , находятся между полюсами электромагнита, соединеннаго съ сильною постоянною батареей. При колебаніяхъ большого камертона токъ этой батареи то замыкается, то прерывается; это производится тѣмъ, что припаянная къ нижней ножкѣ камертона проволока, согнутая подъ прямымъ угломъ, то погружается въ ртуть чашечки q , то выходитъ изъ нея. Для того, чтобы ртуть не слишкомъ быстро сгорала отъ электрическихъ искръ, на поверхность ея наливаютъ немного алкоголя. Аппаратъ устроенъ такъ, что токъ, проходящій по камертону B , какъ разъ передъ моментомъ дѣйствія раздраженія раздѣляется, причемъ часть его пробѣгаетъ по спирали электромагнита, приводящаго въ колебаніе маленькій камертонъ b . Послѣдній долженъ быть настолько чувствителенъ, чтобы приходиться въ колебаніе отъ попеременнаго появленія и исчезанія тока въ спирали соотвѣтствующаго ему электромагнита. Такъ какъ колебанія большого камертона, а слѣдовательно и перерывы тока, относятся къ колебаніямъ маленькаго камертона какъ 1 : 2, то звучаніе перваго камертона усиливаетъ колебаніе камертона b , и послѣдній чертитъ на вращающемся и покрытомъ сажею кругѣ явственно видную волнообразную линію. На рисункѣ 67 волны колебаній, ради ясности, представлены сильно увеличенными относительно размѣровъ аппарата; онѣ изображены почти въ половину настоящей величины, тогда какъ стеклянный кругъ начерченъ въ одну пятую натуральной величины. Еще болѣе увеличены на рисункѣ разстоянія отъ линіи колебаній линій, начерченныхъ штифтами. Въ дѣйствительности эти разстоянія не превосходятъ 2 mm. Открытіе побочнаго пути черезъ электромагнитъ E_2 , равно какъ произведеніе раздраженія, обусловливается дѣйствіемъ того же часового механизма, которымъ вращается стеклянный кругъ G . Медленно вращающееся колесо u_2 имѣетъ

ось e , два раза вырѣзанную въ формѣ Архимедовой спирали. На этой оси лежитъ палецъ рычага H ; въ продолженіе одного оборота колеса n_2 этотъ рычагъ два раза медленно поднимается и, поднявшись, быстро каждый разъ падаетъ; паденіе рычага ускоряется находящимся на концѣ его грузомъ p и пружиною f , которая тянетъ его книзу. На рычагѣ H находятся два молоточка m и n , которые, посредствомъ винтовъ, могутъ быть установлены на большей или меньшей высотѣ. Молоточекъ m при паденіи рычага отмыкаетъ прерыватель o , состоящій изъ платиноваго штифта и металлической пластинки, прижимаемой къ штифту пружинкою; ударомъ молоточка m и прерывается это сообщеніе. Другой молоточекъ n при паденіи рычага H нажимаетъ на плечо маленькаго металлическаго рычага h , вслѣдствіе чего штифтъ, находящійся на другомъ плечѣ этого рычага, выходитъ изъ стоящей подъ нимъ чашечки со ртутью, такъ что сообщеніе этой чашечки съ рычагомъ h прерывается. Установкою винтовъ m и n , а также винта чашечки при h можно легко устроить такъ, чтобы прикосновеніе молоточка n къ его прерывателю совершалось или одновременно съ прикосновеніемъ молоточка m къ другому прерывателю, или нѣсколько раньше. Наконецъ, электромагниты E_1 и E_2 служатъ для регистраціи раздраженія и отмѣтки момента апперцепціи. E_1 находится въ соединеніи съ батареей K_1 и съ прерывателемъ o , E_2 соединенъ съ батареей K_2 и съ ключомъ U . Сообщеніе U прерывается наблюдателемъ въ моментъ полученія впечатлѣнія. Электромагниты E_1 и E_2 расположены одинъ надъ другимъ; ихъ якоря имѣютъ спереди (фиг. В) штифты a_1 и a_2 (штифтъ a_1 изогнутъ), которые прикасаются къ закопченному кругу G , слѣдовательно чертятъ на немъ линіи, до тѣхъ поръ, пока ихъ якоря не притянутся электромагнитами. Штифтъ a_1 очень остръ и прикасается къ стеклянному кругу слегка, такъ что не задерживаетъ его движенія; напротивъ, штифтъ a_2 толстъ, онъ чертитъ по кругу съ большимъ треніемъ, вслѣдствіе чего кругъ скоро останавливается. Оба якоря укрѣплены на рычагахъ c_1 и c_2 , на концѣ которыхъ присоединены грузы p_1 и p_2 ; правильная установка этихъ передвижныхъ гирекъ обуславливаетъ быстрое передвиженіе якорей со штифтами въ моментъ перерыва тока. Электромагниты E_1 и E_2 укрѣплены на одномъ штативѣ съ маленькимъ камертономъ b ; этотъ штативъ, при дѣйствіи винтомъ, можетъ

передвигаться по рельсамъ S взадъ и впередъ; винтъ l служить для надлежащей установки штифтовъ относительно стекляннаго круга G . Кромѣ того, посредствомъ другого рельсоваго приспособленія, не показаннаго на схемѣ, штативъ съ якорями, штифтами и камертономъ b можетъ быть передвигаемъ по радіусу круга G ; это сдѣлано для того, чтобы на одномъ и томъ же закопченномъ кругѣ можно было произвести послѣдовательно рядъ опытовъ. J есть маленькій Румкорфовъ аппаратъ; въ моментъ перерыва тока въ F , между двумя платиновыми проволоками проскакиваетъ искра. F вмѣстѣ съ ключомъ U можетъ быть помѣщенъ на отдѣльномъ столѣ, такъ чтобы остальные части аппарата не были видны испытуемому субъекту. При производствѣ опыта поступаютъ слѣдующимъ образомъ: Сначала приспособляютъ, какъ слѣдуетъ, оба молоточка m и n ; при h и o устанавливаютъ сообщеніе; устраиваютъ рычагъ H на оси e такъ, чтобы часовой механизмъ могъ быть въ ходу нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ послѣдуетъ паденіе рычага. Затѣмъ замыкаютъ цѣпи K , K_1 и K_2 , приводятъ въ колебаніе камертонъ B , заставляють изслѣдуемое лице нажать ключъ U и пускаютъ въ ходъ часовой механизмъ (посредствомъ неизображеннаго на рисункѣ ключа, находящагося въ сообщеніи съ колесомъ u_2). Токъ цѣпи K идетъ отъ 1 черезъ G , B и 2 къ h , отсюда черезъ чашечку съ ртутью и 5 обратно къ K . Токъ цѣпи K_1 идетъ черезъ b къ электромагниту E_1 , потомъ черезъ 7 къ прерывателю o , черезъ 8 къ индукціонному аппарату J и, наконецъ, черезъ G возвращается къ K_1 . Проволоки 10 и 11 соединяють F съ концами вторичной спирали аппарата J . Наконецъ токъ цѣпи K_2 идетъ черезъ проволоку 12 къ замкнутому прерывателю U , отсюда по проводнику 13 къ электромагниту E_2 , возвращаясь черезъ 14 къ K_2 . Такъ какъ цѣпи K_1 и K_2 замкнуты, то электромагниты держатъ свои якоря и, слѣдовательно, штифты a_1 и a_2 не прикасаются къ стеклянной пластинкѣ. Вслѣдствіе того, что b замкнуто, токъ отъ камертона B не идетъ къ электромагниту E_3 и маленькій камертонъ остается въ покоѣ, чертя на стеклянной пластинкѣ простой кругъ. Въ моментъ паденія рычага H происходитъ слѣдующее: Сначала n падаетъ на рычагъ h и прерываетъ здѣсь сообщеніе. Тогда токъ цѣпи K идетъ черезъ 1 , B , 2 къ h , отсюда къ 3 черезъ клему b_1 къ электромагниту E_3 , возвращаясь назадъ черезъ 4 и 5 . Здѣсь въ цѣпь входитъ

электромагнитъ маленькаго камертона; послѣдній отъ перерывовъ тока, обусловленныхъ большимъ камертономъ, приходитъ въ постепенно усиливающіяся колебанія. Черезъ весьма короткое время послѣ того, какъ n наткнулось на b , молоточекъ m доходитъ до пластинки прерывателя o и прерываетъ здѣсь сообщеніе. При этомъ перерывѣ цѣпи K_1 при F проскакиваетъ отмыкательная индукціонная искра и въ этотъ же моментъ штифтъ a_1 прижимается къ стеклянному кругу G и начинаетъ чертить на немъ кривую линію. Увидавъ искру, испытуемое лице отнимаетъ палецъ отъ U , прерывая здѣсь сообщеніе. Въ моментъ перерыва цѣпи K_2 штифтъ a_2 съ силой надавливаетъ на стеклянный кругъ и въ скоромъ времени задерживаетъ движеніе. Положимъ, что на стеклянной пластинкѣ черта отъ штифта a_1 началась у α , черта отъ a_2 —у β ; тогда намъ остается только сосчитать число колебаній камертона, т.е. число волнъ между α и β , чтобы, принявъ въ соображеніе продолжительность колебанія камертона b , опредѣлить абсолютную продолжительность времени реакціи. Камертонъ Wundt'a дѣлалъ 348 колебаній въ секунду; такъ какъ не трудно было видѣть $\frac{1}{4}$ одного колебанія, то точность опредѣленія равнялась по крайней мѣрѣ 0,001 секунды.

Для опытовъ съ звуковымъ раздраженіемъ присоединялся колокольчикъ, причѣмъ молоточекъ m , ударяя въ колокольчикъ, замыкалъ боковое соединеніе цѣпи электромагнита E_2 ; или же прерыватель o соединялся съ особымъ электромагнитнымъ молоточкомъ, тоже замыкавшимъ въ моментъ своего удара, боковое соединеніе цѣпи E_1 и тѣмъ обусловливавшимъ освобожденіе штифта a_1 отъ электромагнита. При опытахъ съ электрическимъ раздраженіемъ приборъ располагался почти такъ же, какъ на рис. 67, только вмѣсто Румкорфовскаго аппарата брался санный аппаратъ Дюбуа-Реймона, обыкновенно употребляемый для раздраженія при физиологическихъ опытахъ. Для опытовъ относительно слабыхъ осязательныхъ впечатлѣній у рычага H было придѣлано, на противоположной сторонѣ, второе плечо, которое, приподнимаясь при паденія плеча H , ударяло своимъ молоточкомъ по очень тонкой металлической пластинкѣ, укрѣпленной на продыравленномъ столикѣ. При прикосновеніи рычага къ этой пластинкѣ цѣпь электромагнита E_1 снова получала побочное замыканіе. На металлическую пластинку испытуемое лице клало свой

палець. Такимъ образомъ и здѣсь движеніе штифта совпадало съ моментомъ впечатлѣнія.

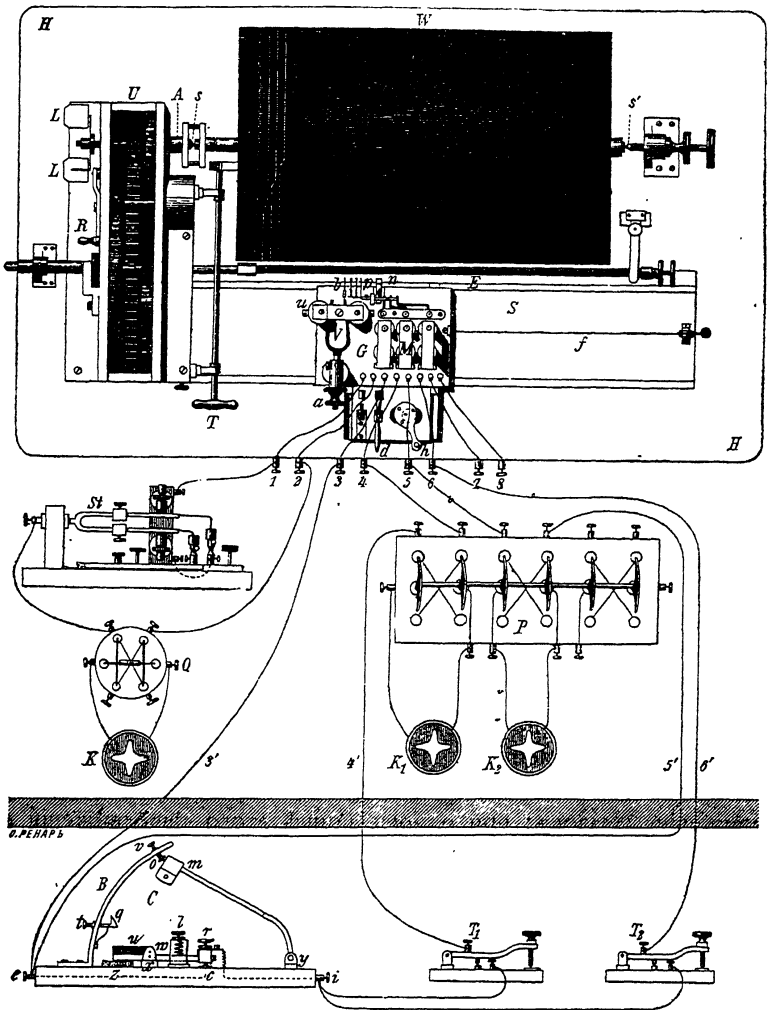


Рис. 63.

Впослѣдствіи Wundt устроилъ инструментъ для графическаго способа исчисленія времени, который онъ назвалъ хронографъ для измѣренія очень малыхъ промежутковъ времени. Этотъ аппаратъ (рис. 58) состоитъ изъ часоваго механизма U, укрѣпленнаго на гори-

горизонтальной доскѣ HH , который въ зависимости отъ положенія соединенныхъ съ нимъ маховыхъ колесъ LL и отъ величины гири, приводящей его въ движеніе, можетъ вращаться болѣе или менѣе быстро. Горизонтальная ось A этого часового механизма оканчивается заостреннымъ концомъ S , противъ котораго находится подвижной штифтъ S_1 , который съ помощью винта и гайки можетъ то приближаться, то удаляться. Между этими остріями помѣщается цилиндръ W въ 32 ст. длины и 62 ст. въ окружности, съ обѣихъ сторонъ котораго на оси сдѣланы углубленія. Для того чтобы вращеніе A производило также и вращеніе цилиндра, ось A имѣетъ маленькую вертикальную поперечную пластинку, снабженную на концахъ отверстіями, и у оси цилиндра есть такая же поперечная пластинка, но съ двумя штифтами. При помѣщеніи цилиндра между остріями S и S_1 эти штифты входятъ въ соотвѣтствующія отверстія, чѣмъ и достигается прочное соединеніе между осью часового механизма и цилиндромъ. Посредствомъ рычага R и T часовой механизмъ можетъ быть каждое мгновеніе остановленъ съ большей или меньшею быстротой. Записывающій аппаратъ хронографа состоитъ изъ камертона V , настроеннаго возможно точно на 500 колебаній въ секунду и снабженнаго тонкою щетиной b и затѣмъ изъ трехъ перьевъ p , которыя находятся въ соединеніи съ якорями трехъ электромагнитовъ. Этотъ пишущій аппаратъ помѣщается на доскѣ G , которая подвижна въ двухъ направленіяхъ. Онъ помѣщается на салазкахъ, которые могутъ передвигаться параллельно оси цилиндра въ направленіи S . На этихъ салазкахъ доска G можетъ поворачиваться въ другомъ направленіи перпендикулярно къ движенію салазочекъ; при одномъ концѣ этого передвиженія пишущій аппаратъ находится въ такой близости отъ цилиндра, что какъ щетинка камертона, такъ и эластическія перья прилегаютъ къ закопченной бумагѣ цилиндра, тогда какъ при обратномъ положеніи такого прикосновенія не происходитъ. Съ помощью пружины аппаратъ удерживается постоянно въ первомъ положеніи, хотя существуетъ приспособленіе и для того, чтобы привести его во второе положеніе (безъ контакта), однако такъ, что достаточно давленія пальцевъ на рукоятку d , для того, чтобы аппаратъ подъ давленіемъ пружины пришелъ опять въ первое положеніе. Потянувъ за рычагъ h , можно также легко снова привести пишущій приборъ въ положеніе безъ контакта. На доскѣ

G пишущаго аппарата по направленію къ цилиндру прикрѣпленъ еще штифтъ *n*, на которомъ со стороны обращенной къ цилиндру вырѣзанъ винтъ. Когда пишущій аппаратъ приводится въ соприкосновеніе съ цилиндромъ, въ то же время конецъ штифта *n* приходитъ своими винтовыми нарѣзами въ соединеніе съ безконечнымъ винтомъ *E*, лежащимъ параллельно оси цилиндра. Этотъ винтъ, соединенный съ часовымъ механизмомъ, вращается одновременно съ цилиндромъ. При этомъ онъ тащитъ салазки слѣва направо такимъ образомъ, что щетинка и концы перьевъ пишутъ на цилиндрѣ четыре параллельныхъ винтовыхъ линіи, высота которыхъ приблизительно равняется ширинѣ всѣхъ четырехъ линій. Это движеніе салазокъ однако прекращается, какъ только пишущій приборъ приведенъ во второе положеніе безъ контакта, такъ какъ штифтъ *n* не захватываетъ болѣе за безконечный винтъ. Для уменьшенія тренія салазки передвигаются на колесикахъ. Остатокъ тренія уравнивается тяжестью прикрѣпленной къ ниткѣ *f* перекинутой черезъ блокъ, которая тянетъ пишущій приборъ слѣва направо. Электромагнитныя движенія перьевъ устроены такимъ образомъ, что притяженіе каждаго якоря производитъ посредствомъ изогнутаго рычага отклоненіе соотвѣтствующаго пера направо и, наоборотъ, отскакиваніе якоря приводитъ перо опять въ прежнее положеніе. При этомъ перья постоянно находятся въ соприкосновеніи съ закопченною бумагой. Слѣдовательно, моментъ каждаго движенія якоря будетъ отмѣчаться на бумагѣ отклоненіемъ пера отъ прямой линіи, и такимъ образомъ могутъ быть отмѣчены три момента, какъ это показано на рисункѣ, отношенія между которыми легко могутъ быть высчитаны по кривой камертона. При этомъ лучше отмѣчать не дѣйствительное начало отклоненія пера, а моменты соотвѣтствующіе удару якоря о подпорку, такъ какъ эти послѣдніе болѣе рѣзко замѣтны. Повѣрка показываетъ, что при этомъ не происходитъ ошибки въ вычисленіи. Записывающій время, камертонъ приводится въ движеніе съ помощью электромагнита, возбуждаемаго другимъ большимъ камертономъ *St*. Послѣдній устроенъ по Helmholtz'у такимъ образомъ, что онъ своимъ движеніемъ то замыкаетъ, то размыкаетъ токъ отъ батареи *K*; въ токъ введенъ подковообразный электромагнитъ *n*, полюсы котораго, передвигаемые съ помощью винта, лежатъ снаружи отъ приводимаго въ движеніе камертона. Слѣдовательно,

если камертонъ St , съ помощью перестановки находящейся на немъ тяжести, будетъ соотвѣтственно настроенъ, примѣрно октавой ниже, чѣмъ записывающій камертонъ, то съ каждымъ замыканіемъ тока будетъ получаться новый импульсъ, вызываемый камертономъ St , такъ что движеніе будетъ продолжаться безъ перерыва. Для приведенія въ дѣйствіе хронографа требуется четыре отдѣльныхъ гальваническихъ тока: одинъ для камертоновъ и три остальныхъ для трехъ электромагнитовъ пишущаго прибора. Для камертоновъ служитъ батарея изъ 18 элементовъ Мейдингера, соединенныхъ по 6. Для каждаго пера употребляются двѣ группы такихъ же элементовъ, соединенныхъ по три.

22. Контрольный аппаратъ L. Lange для хронографа. При произ-

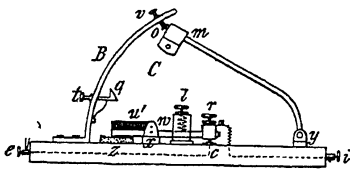


Рис. 69.

водствѣ хронографическихъ опытовъ происходятъ, вслѣдствіе никогда вполне не устранимыхъ неравенствъ времени отрыванія якорей электромагнитовъ, ошибки, которыя должны быть опредѣлены особыми повѣрочными опытами. Для послѣднихъ слу-

житъ устроенный L. Lange *контрольный аппаратъ*, изображенный на рис. 69. На общей горизонтальной оси x вращаются независимо другъ отъ друга три массивныхъ рычага w , одинъ изъ которыхъ изображенъ на чертежѣ. Въ точкѣ r каждый рычагъ имѣетъ винтъ съ платиновымъ концомъ, устанавливаемый съ помощью гайки. Этотъ винтъ изолированъ отъ рычага съ помощью куска слоновой кости. Каждый платиновый штифтъ прижимается посредствомъ пружины l къ платиновой пластинкѣ s . Три платиновыя пластинки, хорошо изолированныя другъ отъ друга, соединены мѣдными проволоками, проходящими подъ доской, съ клеммами e , тогда какъ клеммы i соединены мѣдными проволоками съ подвижными винтами. Рычаги на противоположномъ контактамъ концѣ покрытыхъ кускомъ желѣза u , имѣющимъ форму \square , который вращается по оси лежащей вертикально надъ x . При давленіи на этотъ рычагъ придавливаются также и лежащія подъ нимъ концы рычаговъ и такимъ образомъ замыкаются три контакта. Съ помощью винта r положеніе платиновыхъ контактовъ регулируется такимъ образомъ, что всѣ три контакта замыкаются при одномъ и томъ же положеніи рычага w' . Тогда

пускаютъ падать съ высоты 10 ст. на рычагъ u' молотокъ, вращающійся по оси y . Въ моментъ паденія головка молотка пріобрѣтаетъ быстроту движенія болѣе метра въ секунду, и эта быстрота сообщается также и рычагу u' . Непосредственно за паденіемъ молотка отскакиваетъ крючокъ q , который можетъ укрѣпляться къ петлѣ t , и задерживаетъ упавшій молотокъ въ его положеніи. Рисунокъ изображаетъ молоточекъ въ поднятомъ положеніи; въ этомъ положеніи онъ удерживается тѣмъ, что пружинная задвижка O проходитъ черезъ отверстіе въ латунной дугѣ B въ соотвѣтствующее углубленіе въ головкѣ молотка. Если потянуть за головку v , то молотокъ упадетъ на рычагъ u' . Чтобъ уменьшить силу отскакиванія на нижней поверхности молотка, придѣлывается гуттаперчевая пластинка и подъ концы рычаговъ подкладывается войлочная подкладка Z . Этотъ контрольный аппаратъ посредствомъ клеммъ e и i вводится въ цѣпь (рис. 68). Во время психофизиологическихъ опытовъ молотокъ остается въ поднятомъ положеніи и токъ свободно проходитъ черезъ контакты. Съ цѣлью контроля замыкаются всѣ остальные контакты, напримѣръ T_1 и T_2 , такъ, чтобы токъ могъ свободно проходить черезъ нихъ. Затѣмъ пускаютъ падать молотокъ и отмѣчаютъ на цилиндрѣ время размыканія контактовъ. Въ общемъ получается разница между временемъ отклоненія различныхъ перьевъ, хотя соотвѣтствующія размыканія тока послѣдовали одновременно. Эту «кажущуюся» разницу вычисляютъ какъ среднее изъ большого количества опытовъ, и при окончательномъ вычисленіи она принимается во вниманіе для полученія точнаго результата.

Для объясненія примѣненія хронографа можетъ служить слѣдующій примѣръ. На моментальное звуковое впечатлѣніе можно реагировать различными движеніями; является вопросъ, какая послѣдовательность существуетъ между двумя такими движеніями, напримѣръ—движеніемъ правой и лѣвой руки. Рисунокъ 68 изображаетъ расположеніе опыта для отвѣта на этотъ вопросъ. Два ключа T_1 и T_2 помѣщаются въ отдѣльной комнатѣ и каждый изъ нихъ посредствомъ проволокъ $3'$, $4'$ и $5'$, $6'$ вводится въ цѣпь электромагнита пишущаго прибора (третій пишущій приборъ въ этомъ опытѣ остается безъ дѣйствія). Реагентъ въ теченіе всего опыта держитъ ключи замкнутыми, пока онъ не получитъ звукового впечатлѣнія, на которое онъ долженъ реагировать. Экспериментаторъ съ своей стороны передъ началомъ опыта при-

водитъ въ движеніе часовой механизмъ хронографа, пускаетъ въ ходъ камертонъ и передъ опытомъ переставляетъ коммутаторъ *P*. Такъ какъ реагентъ держитъ въ другой комнатѣ ключи замкнутыми, то якоря обоихъ электромагнитовъ моментально притягиваются и перья поворачиваются направо. Переставивъ коммутаторъ, экспериментаторъ даетъ въ другую комнату звонокъ съ помощью кнопки, находящейся недалеко отъ его лѣвой руки, сначала какъ сигналъ, а черезъ секунду второй звонокъ, какъ условленное впечатлѣніе. При второмъ ударѣ звонка правая рука нажимаетъ рычагъ *d* пишущаго аппарата; послѣдній прикасается слѣдовательно къ цилиндру, при чемъ это дѣлается раньше, чѣмъ будетъ зарегистрировано отскакиваніе электромагнита соответствующее отмыканію тока реагентомъ. Какъ только экспериментаторъ отмѣтитъ отскакиваніе якоря, онъ тотчасъ отодвигаетъ пишущій аппаратъ въ прежнее положеніе. Если это дѣлается достаточно скоро, то на одномъ листѣ можно записать до 22 опытовъ. Въ началѣ и въ концѣ ряда такихъ опытовъ производится контрольный опытъ для вычисленія ошибки. Прямые опыты даютъ вѣроятную ошибку при примѣненіи этого аппарата въ $\pm 0,11 \sigma$ для каждаго отдѣльнаго опыта и вѣроятную ошибку при вычисленіи среднихъ въ $\pm 0,03 \sigma$.

Вслѣдствіе такой точности измѣреній хронографъ можетъ употребляться и для повѣрки другихъ измѣряющихъ время аппаратовъ, напримѣръ хроноскопа Гиппа, о чемъ будетъ рѣчь далѣе.

22. Психодометръ Obersteiner'a. Описанные аппараты для измѣренія продолжительности времени реакціи отличаются большою сложностью; обращеніе съ ними требуетъ времени и большаго навыка. Очень простой и чрезвычайно удобный въ употребленіи аппаратъ, съ достаточною точностью (до 0,002, а по мнѣнію изобрѣтателя даже до 0,001 секунды) опредѣляющій продолжительность времени реакціи, изобрѣтенный Оберштейнеромъ, называется *психодометромъ*. На рисункѣ 70 онъ изображенъ въ планѣ сбоку. Аппаратъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, изъ подставки, поддерживающей ось съ подвижнымъ рычагомъ *fg*, длинный конецъ котораго представляетъ упругую пластинку, и изъ саннаго аппарата, скользящаго по *ab*, съ лежащею на немъ закопченною стеклянною пластинкой *mn*. Неравноплечный рычагъ *fg* укрѣпленъ неподвижно на горизонтальной оси, лежащей между двумя стойками. Посредствомъ винта *H* можно затруднять вращеніе этой оси. Короткій конецъ рычага, *fH*, слѣ-

лань изъ мѣди (весь аппаратъ мѣдный, за исключеніемъ длиннаго плеча рычага и стеклянной пластинки) и имѣетъ головку *f*; при нажиманіи пальцемъ на послѣднюю длинное плечо рычага, находившагося въ горизонтальномъ положеніи, поднимается кверху. Упругая стальная пластинка, шириною въ 1 см., длиною въ 12 см., поставлена ребрами кверху и книзу. Если ее привести въ колебательное движеніе, то въ продолженіе 1 сек. она дѣлаетъ ровно 100 колебаній. На свободномъ концѣ пластинки укрѣплена щетинка *k*. Когда рычагъ находится въ горизонтальномъ положеніи и опирается на столбикъ *m*, конецъ щетинки

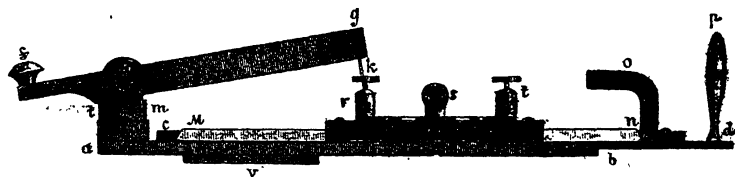


Рис. 70.

прикасается къ покрытой сажею стеклянной пластинкѣ саннаго аппарата. При нажиманіи пальцемъ на головку *f* длинное плечо рычага поднимается и щетинка удаляется отъ стеклянной пластинки. Короткое плечо рычага въ это время упирается на столбикъ *l*. Дощечка *v* служитъ для прикрѣпленія аппарата къ столу помощью зажимного винта. По фальцамъ подставки скользятъ санный аппаратъ, длиною въ 24 см.; на немъ, между двумя шпонами, помѣщается выдвигающая стеклянная пластинка *m*. Кромѣ того на самомъ аппаратѣ находятся—рукоятка *p*, для выдвиганія его, и желѣзная стойка *o*, служащая для натягиванія пружины.

Аппаратъ употребляется слѣдующимъ образомъ. Стеклянная пластинка, предварительно закопченная на лампѣ, помѣщается на санномъ аппаратѣ и послѣдній вдвигается до тѣхъ поръ, пока не задержится винтомъ, невиднымъ на чертежѣ, потому что онъ находится на другой сторонѣ аппарата; при этомъ конецъ стальной пластинки горизонтально поставленнаго рычага необходимо долженъ быть отклоненъ въ сторону, иначе свободный конецъ стойки *o* наткнется на него прежде, чѣмъ санный аппаратъ дойдетъ до задерживающаго его винта. При отклоненіи конца стальной пластинки всторону, она нѣсколько сгибается и удерживается въ этомъ положеніи концомъ стойки *o*. При этомъ щетинка стальной пружины должна прикасаться къ закопченной стеклянной пластинкѣ. Когда аппаратъ установленъ для опыта,

изслѣдуемый субъектъ долженъ положить свой палецъ на головку f , не смотря на экспериментатора, чтобы не видѣть его движеній. Послѣдній, за рукоятку p , болѣе или менѣе быстро выдвигаетъ санный аппаратъ. Въ тотъ моментъ, когда стойка оставляетъ натянутую пружину, эта послѣдняя приходитъ въ колебанія, издавая при этомъ явственно слышимый тонъ. Услышавъ звукъ колеблющейся пластинки, изслѣдуемое лице должно въ тотъ же моментъ нажать пальцемъ на головку $и$, такимъ образомъ, поднять длинное плечо рычага, удаляя щетинку отъ

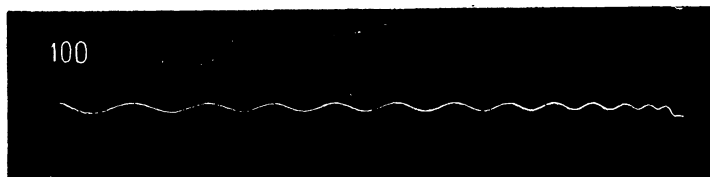


Рис. 71.

стеклянной пластинки. Время реакціи заключается между тѣмъ моментомъ, когда стальная пластинка освобождается и начинаетъ дрожать, издавая звукъ, и моментомъ произведенія регистрирующаго движенія пальцемъ. Въ продолженіе этого времени щетинка чертитъ на закопченной стеклянной дощечкѣ волнообразную линію (рис. 71), которою и измѣряется это время. Такъ какъ упругая пластинка аппарата дѣлаетъ въ теченіе 1 сек. 100 полныхъ колебаній, то каждая полная волна начерченной щетинкою линіи соотвѣтствуетъ 0,01 секунды; но такъ какъ легко можно опредѣлить десятые части волнъ, то полученная волнообразная линія съ достаточною точностью показываетъ тысячныя доли секунды.

Для того, чтобы можно было дѣлать опыты съ электрическимъ раздраженіемъ, къ аппарату присоединены винты r , t , s , въ которыхъ могутъ быть зажимаемы проволоки гальванической цѣпи. Винты уединены какъ другъ отъ друга, такъ и отъ средняго винта; съ послѣднимъ соединена полукруглая мѣдная пластинка, которая, смотря по своему положенію, устанавливаетъ сообщеніе средняго винта s то съ винтомъ r , то съ винтомъ t . Въ моментъ освобожденія колеблющейся пластинки можетъ быть получаемъ какъ отмыкательный, такъ и замыкательный ударъ.

Для опытовъ съ зрительнымъ впечатлѣніемъ можно поступить такъ. Психодометръ устроенъ такимъ образомъ, что когда санный аппаратъ вполнѣ вдвинутъ, то конецъ его, пройдя между

стойками подставки, выдается за концомъ послѣдней. Въ узкій промежутокъ между этимъ выдающимся концомъ и столомъ можно класть небольшіе кусочки бумаги такъ, чтобы по установкѣ аппарата бумажка была невидна для изслѣдуемаго субъекта и открывалась зрѣнію послѣдняго именно въ тотъ моментъ, когда упругая пластинка приходитъ въ колебанія. Изслѣдуемому субъекту внушается, что онъ долженъ произвести регистрирующее движеніе только въ томъ случаѣ, если онъ увидитъ бумажку.

Въ Московской психологической лабораторіи психодометръ Оберштейнера укрѣпленъ на особомъ переносномъ столѣ, на которомъ поставлена ширма съ находящимся на ней электрическимъ одноударнымъ звонкомъ для звуковыхъ впечатлѣній и Гейселеровой трубкой для впечатлѣній зрительныхъ. Кромѣ того, въ той же ширмѣ находится станокъ для освѣщенія съ помощью Гейселеровыхъ трубокъ. Въ этотъ станокъ могутъ вставляться цвѣтныя карточки, карточки съ напечатанными на нихъ буквами, словами, такъ что опыты могутъ быть достаточно разнообразны. Къ сожалѣнію, простой и удобный аппаратъ Оберштейнера отмѣчаетъ лишь короткіе промежутки времени до 0.25—0.30 сек., что крайне ограничиваетъ его примѣненіе.

Справочныя книги: W. Wundt: „Grundzüge der physiologischen Psychologie“, IV Auflage. Leipzig 1893.— В. Вундтъ: „Основанія фізіологической психологіи“. Перевелъ и дополнилъ В. Кандинскій. Москва 1880.

II.

Занятія въ лабораторіи.

32. Память фразъ.

Для того чтобы сравнить воспоминаніе ряда словъ, о чемъ была рѣчь ранѣе, съ воспоминаніями словъ соединенныхъ опредѣленнымъ смысломъ и составляющихъ фразы, была взята возможно простая фраза, имѣющая конкретное значеніе: *на высокомъ холмѣ стоитъ одиноко вѣтвистый дубъ, обвитый цвѣтуцими змѣями.*

Результаты опыта рѣзко отличались отъ предыдущаго: громадное большинство отвѣтовъ было правильно, такъ что еслибы изобразить этотъ результатъ въ видѣ кривой, то пришлось бы начертить прямую линію. Изъ 15 лицъ принимавшихъ участіе въ опытѣ только два уклонились нѣсколько отъ точности воспроизведенія, сдѣлавъ прибавку: *роскошнымъ къ слову плющемъ и*

вмѣсто *обвитый* поставивъ *который обвивалъ* съ послѣдующими измѣненіями падежа: *площь*.

Такимъ образомъ уже изъ одного этого опыта можно вывести заключеніе, что память фразъ, по крайней мѣрѣ короткихъ, значительно превосходитъ память не связанныхъ между собою отдѣльныхъ словъ.

А. Токарскій.

III.

33. О памяти зрительныхъ воспріятій.

Ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что образы воспоминанія могутъ измѣняться, причемъ степень вѣрности того или другого воспоминанія уменьшается съ теченіемъ времени.

Прослѣдить экспериментально такое измѣненіе образовъ воспоминанія зрительныхъ воспріятій и было цѣлью нашихъ опытовъ. Первоначально мы имѣли намѣреніе воспользоваться методомъ г. Заборскаго (см. стр. 115), для чего въ психологической лабораторіи и былъ устроенъ аппаратъ, точно соотвѣтствующій описанію г. Заборскаго. Однако, очень скоро намъ пришлось отказаться отъ этого метода, такъ какъ онъ служилъ источникомъ многочисленныхъ ошибокъ. Лица, участвовавшія въ опытахъ г. Заборскаго, различали передвиженье свѣчи на 3 мм. и на 2 мм. изъ ста случаевъ болѣе 70-ти разъ вѣрно, въ то время какъ мы могли при передвиженіи на 4 мм. изъ 100 только 55 опредѣлить вѣрно, при передвиженіи на 10 мм.—58 и при передвиженіи на 20 мм. только 66, причемъ фиксировался главнымъ образомъ фонъ. Если же фиксировать только тѣнь, какъ было въ опытахъ г. Заборскаго, то даже и такихъ цифръ получить было нельзя, — было трудно даже опредѣлить передвиженье свѣчи на 50 мм. Такіе же результаты получились у насъ съ другими лицами: у г-на П. (студ. юр.) при передвиженіи на 10 мм.—55% вѣрныхъ случаевъ, у г-на У. при передвиженіи на 15 мм. 66% вѣрн. случаевъ. А. А. Токарскій затруднялся опредѣлить передвиженіе свѣчи на 10 мм. Этимъ, быть-можетъ, объясняется то обстоятельство, что у г. Заборскаго получились одни и тѣ же результаты какъ для промежутка времени въ 1 сек., такъ и въ 7 мин.

Причина этихъ ошибокъ заключается въ томъ, что г. Заборскій, устраивая свой аппаратъ, считалъ его «мало отличающимся отъ Румфордовскаго фотометра» и прилагалъ къ нему вычисленія, соотвѣтствующія этому послѣднему, тогда какъ въ

дѣйствительности аппаратъ г. Заборскаго существенно отличается отъ фотометра.

Румфордовскій фотометръ, изображенный на рис. 72, имѣетъ 2 источника свѣта, изъ которыхъ одинъ служитъ для отбрасыванія тѣни, а другой—для ея освѣщенія, причемъ яркость тѣни измѣняется соотвѣтственно разстоянiю этого послѣдняго. Такъ, напримѣръ, тѣнь *a* отъ лампы *L* освѣщается свѣчей *B*, и яркость тѣни *a* будетъ обратно пропорциональна квадрату разстоянiя

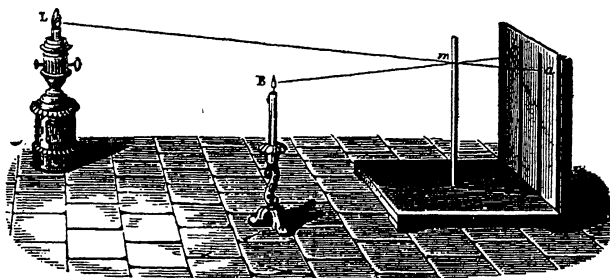


Рис. 72.

свѣчи *B* отъ экрана; другими словами, для измѣненія яркости тѣни служитъ не тотъ источникъ свѣта, который отбрасываетъ тѣнь, а другой. Г. Заборскій пользовался одной свѣчей, отбрасывающей тѣнь, и, передвигая ее, предполагалъ, что яркость ея будетъ измѣняться также по законамъ фотометра, чего въ дѣйствительности не происходитъ, такъ какъ при передвиженiи свѣчи въ аппаратъ г. Заборскаго мѣнялся не только фонъ тѣни, но и очертанiе тѣни отъ измѣненiя полутѣней. Чѣмъ дальше отодвигалась свѣча, тѣмъ фонъ былъ темнѣе, а контуры тѣни рѣзче, и наоборотъ. Такъ какъ контрастъ проявляется рѣзче въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обѣ поверхности непосредственно примыкаютъ другъ къ другу *), то тѣнь съ ясными контурами будетъ казаться *ceteris paribus* темнѣе тѣни, у которой существуетъ полутѣнь. Благодаря этому обстоятельству, тѣнь у г. Заборскаго не могла казаться измѣнившейся въ томъ отношенiи, въ какомъ онъ предполагалъ, вслѣдствiе чего и полученныя имъ данныя не могутъ имѣть значенiя.

*) Н. v. Helmholtz, Handb d. Physiolog. Optic, 2 Aufl., 543—546.
Wundt Grundz. d. Physiol. Psychologie, B, I, 527.
Hering, Zur Lehre vom Lichtsinn. Mittheilung, 1—3.

Нашъ аппаратъ былъ устроенъ вполне по типу Румфордовскаго фотометра. Онъ представлялъ изъ себя ящикъ съ выкрашенными внутри черною краскою стѣнками; сверху онъ накрывался крышкой, гдѣ были продѣланы отверстія для прохода воздуха (размѣры его были такіе же, какъ у ящика г. Заборскаго—62 ст. длины, 42 ст. ширины. Рис. 73 показываетъ внутреннее расположеніе.

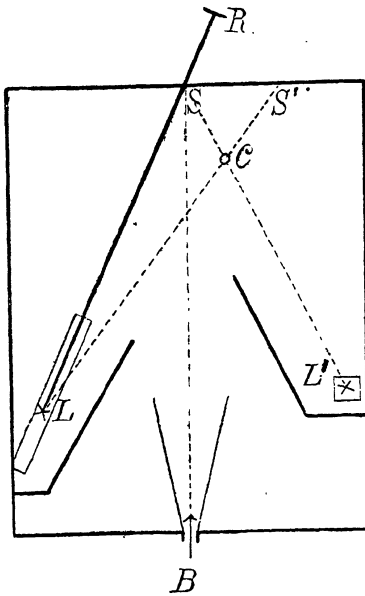


Рис. 73.

L и L^1 —двѣ стеариновыя свѣчи, около которыхъ были помѣщены двѣ ширмы, не допускавшія свѣтъ къ B . Свѣчу L можно было то удалить, то приближать къ S посредствомъ металлическаго стержня RL , находящагося на днѣ ящика; свѣча L^1 была неподвижна. C —вертикально поставленный цилиндрическій черный стержень, дающій на экранѣ изъ бристоляскаго картона отъ свѣчей двѣ тѣни S и S^1 (Размѣры стержня 1 ст. діаметръ, 30 ст. высота, разстояніе $CS = 10$ ст.). B —наблюдаемое лице, смотрѣвшее на S сквозь отверстіе въ стѣнкѣ ящика въ черную воронко-

образную трубку. Тѣнь S можно было, передвигая L , дѣлать то свѣтлѣе, то темнѣе и притомъ въ извѣстномъ отношеніи, такъ какъ RL былъ раздѣленъ на пп.

Опыты производились слѣдующимъ образомъ. Наблюдаемое лице смотрѣло на тѣнь въ продолженіе приблизительно $5''$; черезъ извѣстный промежутокъ времени, въ который яркость тѣни измѣнялась передвиженіемъ свѣчи, это лице вновь смотрѣло и опредѣляло, сдѣлалась вторая тѣнь свѣтлѣе или темнѣе первой. Для правильнаго сравненія полученныхъ такимъ образомъ воспріятій необходимо, чтобы разница между воспріятіями была одна и та же, т. е., если будетъ раздраженіе производимое «нормальною» тѣнью (назовемъ такъ первую тѣнь) — N , а другой H или D (смотря по тому, сдѣлалась ли она

свѣтлѣе или темнѣе), то тогда по закону Вебера-Фехнера должно $\frac{H}{N} = \frac{N}{D}$. Нормальная тѣнь, чтобъ уменьшить вліяніе навѣха, была различной яркости, для чего свѣчу L ставили на различномъ разстояніи отъ S. Было восемь такихъ нормальныхъ тѣней на разстояніи 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45 и 46 ст.

Разстоянія, на которыя надо было передвигать свѣчу, чтобы вызвать соответствующія раздраженія, узнаются такимъ образомъ. Пусть будутъ раздраженія, полученныя отъ нормальныхъ тѣней, N_1, N_2, N_3 и т. д., отъ болѣе свѣтлыхъ H_1, H_2, H_3, \dots , отъ болѣе темныхъ D_1, D_2, D_3, \dots , то, на основаніи выше указанныхъ соображеній, должно:

$$\frac{H_1}{N_1} = \frac{N_1}{D_1} = \frac{H_2}{N_2} = \frac{N_2}{D_2} = \frac{H_3}{N_3} = \frac{N_3}{D_3} \dots \dots$$

Такъ какъ яркость тѣни находится въ прямомъ отношеніи къ раздраженію и въ обратномъ къ квадрату разстоянія отъ свѣчи, то:

$$\frac{H_1}{N_1} = \frac{n_1^2}{h_1^2} = \frac{d_1^2}{n_1^2} = \frac{n_2^2}{h_2^2} = \frac{d_2^2}{n_2^2} = \frac{n_3^2}{h_3^2} = \frac{d_3^2}{n_3^2} \dots \dots \dots$$

(гдѣ n_1, n_2, n_3, \dots , h_1, h_2, h_3, \dots и d_1, d_2, d_3, \dots означаютъ соответственныя разстоянія свѣчи). Отношеніе $\frac{n_1}{h_1} = m$ для каждаго лица бываетъ извѣстно, и отсюда

$$h = \frac{1}{m} n ; h_2 = \frac{1}{m} n_2 ; h_3 = \frac{1}{m} n_3 \dots \dots \dots$$

$$d_1 = mn_1 ; d_2 = mn_2 ; d_3 = mn_3 \dots \dots \dots$$

Промежутки времени были 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 90, 120 и 180 сек. Счетъ времени производился по метроному Maelzel'я. Удары метронома нормировали время, въ продолженіе котораго смотрѣли на тѣнь (5", какъ указано), а удары колокольчика опредѣляли промежутки времени отдыха.

Наблюдаемыми лицами были: г-нъ Д., г-нъ З. и г-нъ Л.—школьн. учителя, г-нъ П.—студ.-юристъ, я, обозначенный буквой Ц., и кромѣ того принималъ участіе А. А. Токарскій. Всѣхъ названныхъ лицъ я весьма благодарю за участіе въ этихъ утомительныхъ опытахъ.

Остальныя условія опытовъ были таковы. Наблюдаемая лица смотрѣли на тѣнь всегда однимъ и тѣмъ же глазомъ. Для уменьшенія утомляемости сѣтчатки, во-первыхъ, всѣ опыты производились въ темной комнатѣ, а во-вторыхъ, между отдѣльными

опытами, гдѣ промежутки времени были не болѣе 10", дѣлались перерывы около 30". Если чувствовалось малѣйшее общее утомленіе, то опыты прекращались. Во всѣхъ опытахъ наблюдаемыя лица не знали, вѣрно или ошибочно они опредѣлили ту или другую тѣнь. Чтобъ уменьшить вліяніе привычки къ крайнимъ яркостямъ тѣней, тѣни на разстояніи 39 и 40 ст. дѣлались только темнѣе и 46 и 45 свѣтлѣе, чего наблюдаемыя лица (кромѣ, конечно, меня) не знали. Свѣчи были четвериковыя всегда одного и того же завода. Фиксировали глазомъ только тѣнь, причемъ старались не обращать вниманія на фонъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить одно несовершенство нашего аппарата, которое, впрочемъ, очень незначительно могло вліять на результаты. Если яркость свѣта въ точкѣ S отъ L будетъ J, отъ L¹—J¹, то яркость тѣни будетъ J, а яркость окружающаго фона J+J¹, и отношеніе яркостей $\frac{J}{J+J^1}$. При измѣненіи тѣни полученное отношеніе не сохранялось, и, слѣдовательно, вліяніе контраста было неодинаково. Если принять во вниманіе опыты А. Lehmann'a *), гдѣ контрастъ яркостей достигалъ своего maximum'a при отношеніи яркостей $\frac{1}{4,76}$, то слѣдуетъ думать, что въ данномъ случаѣ контрастъ будетъ уменьшаться, когда приближаютъ свѣчу (и наоборотъ), потому что здѣсь отношеніе яркостей было приблизительно = $\frac{1}{2}$, а это отношеніе увеличивается, когда приближаютъ свѣчу.

Съ каждымъ изъ лицъ производилось для необходимаго навыка около 100 предварительныхъ опытовъ. Изъ нихъ выяснилось, что для полученія приблизительно одного и того же отношенія измѣненія силы свѣта для г-дъ Д., З. и Ц. должно было быть въ $\frac{1}{11}$, для г. Л. въ $\frac{1}{8}$, г. П. въ $\frac{1}{14}$; для А. А. Токарскаго измѣненіе было въ $\frac{1}{11}$. Въ каждой отдѣльной серіи опытовъ нормальную тѣнь одинаковое число разъ дѣлали свѣтлѣе и темнѣе, причемъ порядокъ слѣдованія нормальныхъ тѣней для каждаго лица былъ постояненъ.

Приведенныя таблицы показываютъ результаты, выраженные въ %.

Числа, обозначенныя буквой п, означаютъ число опытовъ, t"—время, f—ошибочные случаи, g—сомнительные, r—вѣрные и $r + \frac{g}{2}$ —числа, гдѣ сомнительные случаи, раздѣленные, по обыкновенію, на 2, приложены къ г.

*) А. Lehmann, *Phylosoph. Stud.*, III, 497.

Таблица I-я показываетъ результаты каждаго лица отдѣльно. Во II-й таблицѣ помѣщены ариѳметическія среднія числа, вычисленныя изъ результатовъ г-дъ Д. З., Л. и Ц.

Таблица I.

	t''	2	3	4	5	6	7	8	9	10	15	20	30	40	50	60	90	120	180
Д.	n.	100	100	100	100	100	—	50	—	50	—	50	50	50	50	50	30	30	30
	f.	13	12	17	16	21	—	16	—	16	—	18	24	22	26	18	26,7	16,7	16,7
	g.	3	20	26	18	20	—	24	—	22	—	20	20	18	18	26	23,3	36,6	43,3
	r.	84	68	57	66	59	—	60	—	62	—	62	56	60	56	56	50	46,7	40
	$r + \frac{g}{2}$	85,5	78	70	75	69	—	72	—	73	—	72	66	69	65	69	61,7	65	61,6
З.	n.	50	50	50	50	50	—	50	—	50	—	50	50	50	50	50	50	30	30
	f.	8	16	10	10	14	—	14	—	12	—	14	18	20	24	20	22	20	30
	g.	2	2	12	12	10	—	12	—	10	—	14	26	22	20	20	26	30	33,3
	r.	90	82	78	78	76	—	74	—	78	—	72	56	58	56	60	52	50	36,7
	$r + \frac{g}{2}$	91	83	84	84	81	—	80	—	83	—	79	69	69	66	70	65	65	53,3
Л.	n.	50	50	50	50	50	—	50	—	50	—	50	50	50	50	50	50	30	30
	f.	10	20	20	20	20	—	24	—	24	—	30	22	22	24	26	16	23,3	20
	g.	10	12	8	12	10	—	14	—	18	—	20	18	20	24	22	30	33,4	50
	r.	80	68	72	68	70	—	62	—	58	—	50	60	58	52	52	54	43,3	30
	$r + \frac{g}{2}$	85	74	76	73	74	—	69	—	67	—	60	69	68	64	63	69	60	55
П.	n.	100	100	100	100	100	100	100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	i.	12	16	11	15	24	15	13	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	g.	14	18	33	29	20	29	37	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	r.	74	66	56	56	56	46	50	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	$r + \frac{g}{2}$	81	75	72,5	70,5	66	70,5	68,5	64,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Т.	n.	100	100	100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	f.	25	32	37	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	g.	8	5	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	r.	67	63	61	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	$r + \frac{g}{2}$	71	65,5	62	61	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ц.	n.	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	50	30	—
	f.	11	10	16	18	12	11	14	16	11	19	13	13	11	14	12	8	10	—
	g.	6	17	17	13	20	20	20	17	28	24	32	34	39	44	46	68	70	—
	r.	83	73	67	69	68	69	66	67	61	57	55	53	50	42	42	24	20	—
	$r + \frac{g}{2}$	86	81,5	75,5	75,5	78	79	76	75,5	75	69	71	70	69,5	64	65	58	55	—

Таблица II.

t''	2	3	4	5	6	8	10	20	30	40	50	60	90	120	180
n.	300	300	300	300	300	250	250	250	250	250	250	250	180	120	90
f.	10,5	14,5	15,7	17	16,8	17	15,8	18,8	19,3	18,7	22	19	18,2	17,5	22,2
g.	5,2	12,8	15,8	13,2	15,5	17,5	19,5	21,5	24,5	24,8	26,5	28,5	36,8	42,5	42,2
r.	81,3	72,7	68,5	69,8	67,7	65,5	64,7	59,7	56,2	56,5	51,5	52,5	45	40	35,6
$r + \frac{g}{2}$	86,9	79,1	76,4	76,4	75,5	74,2	74,5	70,5	68,5	68,9	64,7	66,7	63,4	61,2	56,7

Полученные результаты у всѣхъ безъ исключенія лицъ показываютъ, что образы воспоминанія измѣняются непосредственно вслѣдъ за полученіемъ воспріятія, и притомъ это измѣненіе происходитъ гораздо быстрѣе въ первое время, чѣмъ въ послѣдующее.

Это явленіе выступаетъ рѣзче, если эти результаты изобразить графически. Откладывая на абсциссѣ t и на ординатѣ r, мы получимъ линію, показывающую измѣненіе памяти нашихъ воспріятій за данное время. Теоретически разсуждая, точка о ординаты должна соотвѣтствовать $\frac{n}{3}$, потому что полное исчезновеніе образовъ воспоминанія по методу вѣрныхъ и ложныхъ случаевъ выразится въ $f = \frac{n}{3}$, $g = \frac{n}{3}$ и $r = \frac{n}{3}$, а слѣдовательно, при $n = 100$ точку о ординаты слѣдуетъ обозначить числомъ 33,3..., и если на ординатѣ откладывать $r + \frac{g}{2}$, то въ силу тѣхъ же соображеній точкѣ о будетъ соотвѣтствовать число 50.

Чертежъ (рис. 74) изображаетъ результаты, приведенные во 2-й таблицѣ; линія, выраженная пунктиромъ, обозначаетъ r, а сплошная линія $r + \frac{g}{2}$.

На чертежѣ еще яснѣе бросается въ глаза тотъ фактъ, что образы воспоминанія измѣняются: 1) непосредственно за воспріятіемъ, 2) скорость измѣненія убываетъ быстрѣе вначалѣ, чѣмъ впоследствии.

Изъ описанныхъ ранѣе работъ *) только работа г. Заборскаго

*) См. 2-ой и 3-ій вып. „Записокъ Психол. Лаб. Псих. Кл. И. М. У.“, стр. 115, 192. Неописанные результаты А. Lehmann'a (въ его изслѣдованіи „Объ узнаваніи“), согласуются съ нашими выводами, Philosoph. St. В. V, стр. 96.

не подтверждаетъ наши опыты: числа, полученныя г. Заборскимъ, прямо противорѣчатъ нашимъ результатамъ. Но условія, при которыхъ производились опыты г. Заборскаго, какъ мы по-

казали, не допускали возможности придти къ правильному рѣшенію задачи, а потому его выводы не могутъ здѣсь имѣть положительнаго значенія. Между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса, помимо важности въ психологіи, имѣетъ общее біологическое значеніе. Физиологическое выраженіе того психическаго процесса, который мы называемъ воспріятіемъ, будетъ заключаться въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ нервной клѣткѣ, подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія. Естественно ожидать, что возбужденіе нервной клѣтки будетъ ослабѣвать немедленно послѣ прекращенія внѣшняго раздраженія; другими словами, что образъ воспоминанія будетъ ослабѣвать непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ раздраженія и слѣдовательно

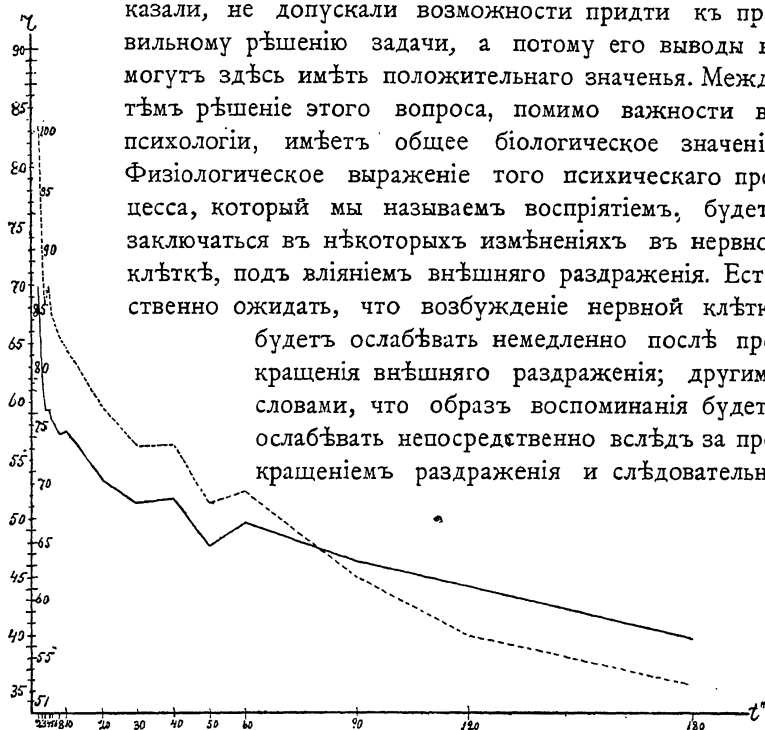


Рис. 74.

будетъ слабѣе воспріятія. Наши опыты позволяютъ утверждать, что такое ослабленіе дѣйствительно наступаетъ немедленно вслѣдъ за исчезновеніемъ раздраженія и притомъ происходитъ быстрѣе вначалѣ, чѣмъ послѣ.

Подобное быстрое непосредственное измѣненіе образовъ воспоминанья зрительныхъ воспріятій бываетъ замѣтно вездѣ, гдѣ только приходится имѣть дѣло съ простыми впечатлѣніями, наприм. въ фотометріи. Поэтому тамъ ставится однимъ изъ главныхъ условій, для правильности сравненія, чтобы сравниваемые объекты были возможно ближе другъ къ другу, и «самымъ не точнымъ бываетъ то сравненіе, когда данное впечатлѣніе

приходится сравнивать съ образомъ воспоминанія прежняго впечатлѣнія» *).

Это наглядно показываютъ слѣдующіе произведенные нами опыты. Мы перемѣщали стержень С въ нашемъ аппаратѣ немного всторону, такъ что изъ В дѣлались видными двѣ тѣни, однако достаточно удаленныя другъ отъ друга. Путемъ цѣлаго ряда опытовъ (до 100) черезъ передвиженіе свѣчи достигалась субъективно равная густота тѣней. Тогда мы опредѣляли измѣненіе свѣта въ $\frac{1}{10}$ 80 разъ изъ ста вѣрно, а г-нь П. при измѣненіи въ $\frac{1}{35}$ 83 раза вѣрно. Если же производить опыты, когда бываетъ видно только одну тѣнь, то мы опредѣляли измѣненія въ $\frac{1}{17}$ 76 разъ вѣрно, а г. П. могъ опредѣлить вѣрно 80 разъ только при измѣненіи въ $\frac{1}{19}$. Во второмъ случаѣ, гдѣ сравненіе происходило спустя немного болѣе времени, чѣмъ въ первомъ (въ первомъ случаѣ промежутокъ времени составлялъ время, пока глазъ переводили съ одной тѣни на другую, во второмъ — время передвиженія свѣчи), мы видимъ, что образъ воспоминанія успѣвалъ измѣниться настолько, что для полученія одинаковыхъ отношеній измѣнять яркости надо было почти вдвое больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Что касается того, насколько наши опыты рѣшаютъ вопросъ о процессѣ воспоминанія и о связи представленій между собой, то мы здѣсь воздержимся отъ выводовъ, потому что для этого необходимы дополнительные опыты.

Полученныя ломанья линіи, очень напоминающія, кстати сказать, кривыя параболической формы, показываютъ что г уменьшается не вполне правильно. Рѣзкія повышенія и пониженія г зависятъ отъ многихъ факторовъ.

Такъ, наприм., повышеніе г при 5" и 10", нужно думать, произошло отъ того, что при другихъ промежуткахъ времени наблюдаемымъ лицамъ приходилось для счета времени наблюденія (5") слѣдить за ударами метронома и колокольчика, а въ данномъ случаѣ при 5" и 10" — только за колокольчикомъ, что, конечно, отвлекало меньше вниманія.

Отвлеченіе вниманія, вызванное посторонними причинами, подобнымъ же образомъ могло вліять на результаты и въ другихъ случаяхъ. Измѣненіе пламени свѣчи должно было значительно

*) Н. v. Helmholtz „Handb. d. Physiol. optik.“ II aufl., 417, 543.

влиять на результаты, а между тѣмъ яркость пламени зависитъ отъ случайныхъ причинъ (наприм., отъ притока воздуха и т. п.).

Изъ явленій сопровождающихъ опыты мы должны отмѣтить прежде всего привычку. Такъ, наприм. по окончаніи всѣхъ опытовъ мы предложили г-ну Л. повторить опыты на промежутокъ въ 2 sec. *). Результатъ получился такой: $f=8$, $g=6$ и $r=86$, а раньше r было равно (см. табл. I) 80. Точно также у г-на П., при разныхъ нормальныхъ тѣняхъ, измѣненіе яркости происходило въ $\frac{1}{14}$, а при одной нормальной тѣни надо было для полученія тѣхъ же результатовъ мѣнять только въ $\frac{1}{19}$.

Утомляемость сѣтчатки глаза должна была, по нашему мнѣнію, значительно влиять при короткихъ промежуткахъ времени. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ съ г. Л., когда не дѣлали перерывовъ между отдѣльными опытами, то для 2 sec. $r=68$, а при перерывахъ $r=86$. Общее утомленіе мало вліяло на результаты.

Въ нашихъ опытахъ мы замѣтили одинъ фактъ, почти правильно встрѣчавшійся у всѣхъ наблюдаемыхъ лицъ: всѣ лица дѣлали относительно больше ошибокъ тогда, когда нормальную тѣнь дѣлали свѣтлѣе.

Таблица III-я показываетъ ошибочные случаи каждаго лица отдѣльно (числа вычислены относительно r первой таблицы), а

Таблица III.

		t''	2	3	4	5	6	8	10	20	30	40	50	60	90	120	180
Г-нъ Д.	свѣтлѣе	11	7	12	7	16	8	8	12	16	16	20	18	20	10	6,7	
	темнѣе	2	5	5	9	5	8	8	6	8	6	6	—	6,7	6,7	10	
Г-нъ З.	свѣтлѣе	6	16	8	12	12	2	10	4	8	6	12	6	14	16,7	23,3	
	темнѣе	2	—	2	2	2	12	2	10	10	14	12	14	8	3,3	6,7	
Г-нъ Л.	свѣтлѣе	8	16	14	16	16	18	20	24	18	18	18	20	12	13,3	10	
	темнѣе	2	4	6	4	4	6	2	6	4	4	6	6	4	10	10	
А. А. Токарскій.	свѣтлѣе	17	25	28	27	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	темнѣе	8	7	9	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Ц.	свѣтлѣе	10	7	9	11	12	10	9	10	10	7	10	6	2	6,7	—	
	темнѣе	1	3	7	7	1	4	2	3	3	4	4	6	6	3,3	—	

*) Обыкновенно промежутки времени при опытахъ слѣдовали въ томъ же порядкѣ, какой написанъ въ таблицахъ.

таблица IV-я ихъ ариѳметическія среднія. Въ таблицѣ V-ой помѣщены для сравненія сомнительные случаи; здѣсь не замѣчается такого явленія, и цифры приблизительно одинаковы, дѣлаютъ ли нормальную тѣнь свѣтлѣе или темнѣе.

Таблица IV.

t''	2	3	4	5	6	8	10	20	30	40	50	60	90	120	180
свѣтлѣе	8,7	11,5	10,7	11,5	14	9,5	11,7	12,5	13	11,5	15	12,5	12	11,7	13,3
темнѣе	1,7	3	5	5,5	3	7,5	3,5	6,2	6,2	7	7	6,5	6,5	5,8	8,9

Таблица V.

t''		2	3	4	5	6	8	10	20	30	40	50	60	90	120	180
Г-нъ Д.	свѣтлѣе	1	13	12	13	9	14	14	10	14	10	8	12	13,3	16,7	20
	темнѣе	2	7	14	5	11	10	8	10	6	8	10	14	10	20	23,3
Г-нъ З.	свѣтлѣе	2	—	8	6	6	8	4	8	14	14	10	6	14	13,3	20
	темнѣе	—	2	4	4	6	2	6	6	12	8	10	14	12	16,7	13,3
Г-нъ Л.	свѣтлѣе	6	4	2	6	2	6	8	8	8	10	8	10	12	20	26,7
	темнѣе	4	8	6	6	8	8	10	12	10	10	16	12	18	13,4	23,3
А. А. То- карскій.	свѣтлѣе	7	3	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	темнѣе	1	2	1	1	.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ц.	свѣтлѣе	6	13	9	6	10	12	17	—	16	22	24	21	34	36,7	—
	темнѣе	—	4	8	7	10	8	11	18	14	18	17	20	25	38	33,3
Среднее арифмет.	свѣтлѣе	3,7	7,5	7,7	5,5	6,7	10	10,7	11	13	14	12,5	12,2	18,3	21,7	22,2
	темнѣе	1,5	5,2	8	7,5	8,7	7	8,7	10,5	11,5	10,7	14	16,2	19,5	23,3	20

Изъ этихъ результатовъ выходитъ, что нормальная тѣнь въ воспоминаніи становилась какъ будто свѣтлѣе. Наши данныя не позволяютъ удовлетворительно объяснить это явленіе, для этого требуются спеціальныя опыты, но съ аналогичнымъ явленіемъ мы встрѣтились у Н. С. Warren и W. I. Schaw, гдѣ предложено и объясненіе (на основаніи Веберовскаго закона *). У Н. С. War-

*) Описаніе метода и выводовъ Н. С. Warren и W. I. Schaw помѣщено во 2-омъ выпускѣ „Записокъ Психол. Лаб. Псих. Клин. И. М. У.“, стр. 192-

gen и W. I. Schaw прямоугольники, начерченные на доскѣ, въ воспоминаніи увеличивались, другими словами, происходило измѣненіе въ сторону бѣльшаго раздраженія. Принявъ, что чѣмъ свѣтлѣе тѣнь, тѣмъ больше раздраженія, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что и въ нашихъ опытахъ происходило измѣненіе въ сторону бѣльшаго раздраженія.

Но между нашими результатами и результатами Н. С. Warren и W. I. Schaw есть существенная разница. У названныхъ авторовъ образъ воспоминанія имѣлъ наклонность «становиться больше» вмѣстѣ съ увеличеніемъ промежутковъ времени, наши же данныя, если сохранить аналогію, показываютъ скорѣе обратное явленіе. Во всякомъ случаѣ, постоянно ли это явленіе сопровождается измѣненіемъ образовъ воспоминанія или оно зависитъ отъ случайныхъ причинъ, рѣшить могутъ только особые опыты.

И. Цѣлиновъ, студ. ест.

34. Иллюзія осязанія Аристотеля.

Если мы скрестимъ два пальца руки,—указательный и средній или средній и четвертый,—и будемъ ошупывать ими, какъ указано на рисункѣ 75, какой-нибудь небольшой предметъ — горошину, конецъ ручки пера, конецъ пальца и т. п., то намъ будетъ казаться, что мы касаемся не одного, а двухъ предметовъ.



Рис. 75.

Эта иллюзія упоминается много разъ какъ въ подлинныхъ сочиненіяхъ Аристотеля, такъ особенно и въ сомнительныхъ. Самъ Аристотель упоминаетъ объ этой иллюзіи въ своей «Метафизикѣ» (кн. III гл. 6 и кн. X гл. 6 *)). Онъ пользуется этой иллюзіей для опроверженія мнѣнія Протагора, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей—какъ существующихъ, такъ и несуществующихъ», и что, слѣдовательно, существуетъ для человѣка или не существуетъ лишь то, что ему кажется существующимъ или не существующимъ. По мнѣнію Аристотеля, взглядъ Протагора не вѣренъ: «если все то, что мы думаемъ, и все то, что мы воспринимаемъ, истинно, то все должно быть въ одно и то же время

*) Главы 1—8 кн. X—это или извлеченіе изъ книгъ III, IV и VI, или старый набросокъ этихъ книгъ. См. Ueberweg. Geschichte d. Philos. I, S. 206.

и истиннымъ и ложнымъ, потому что одни люди часто думаютъ совсѣмъ противоположное, чѣмъ другіе». Даже и то, что человекъ перцепируетъ, можетъ быть въ одно и то же время противоположнымъ другъ другу. Въ подтвержденіе этого Аристотель и приводитъ вышеописанную иллюзію: осязаніе указываетъ намъ два предмета, между тѣмъ какъ зрѣніе говоритъ намъ, что предметъ одинъ.

Въ «Проблемахъ» — сборникѣ, въ основу котораго легли, вѣроятно, записки самого Аристотеля—объ этой иллюзіи упоминается нѣсколько разъ. Приведемъ два мѣста изъ «Проблемъ», въ одномъ изъ которыхъ удвоеніе осязаемаго предмета сравнивается съ удвоеніемъ предмета при смѣщеніи глазъ, а въ другомъ дается объясненіе иллюзіи. «Почему, — спрашиваетъ авторъ, — если мы скосимъ глаза, вещи кажутся двойными? Или потому, что движеніе каждаго изъ глазъ направляется не на одну и ту же точку? Итакъ, когда духъ видитъ дважды (*δύο*), то ему кажется, что онъ видитъ вдвойнѣ (*δίς*). То же происходитъ, если мы скрестимъ пальцы руки: единая вещь кажется вдвойнѣ, потому что хотя она и одно, но пальцы касаются ея дважды». Авторъ «Проблемъ» такъ объясняетъ эту иллюзію: «Почему то, чего мы касаемся перекрещенными пальцами, кажется двумя предметами? Или потому, что мы ощупываемъ двумя органами осязанія? Вѣдь, когда рука имѣетъ естественное положеніе, мы не можемъ осязать въ одно и то же время обѣими внѣшними частями пальцевъ». Ошибка осязанія исправляется, по словамъ Аристотеля, зрѣніемъ, которому мы болѣе доверяемъ, какъ высшему чувству, чѣмъ осязанію (*De Insomniis*, гл. II).

Въ настоящее время психологія пользуется опытомъ Аристотеля для доказательства, что локализція въ пространствѣ есть приобрѣтенная способность. Мы приводимъ пальцы въ непривычное для нихъ положеніе, причемъ соприкасаются такія поверхности пальцевъ, которыя при нормальномъ положеніи руки не прикасаются другъ къ другу. Поэтому, одновременное прикосновеніе къ этимъ соприкасающимся поверхностямъ мы, по привычкѣ, относимъ къ двумъ предметамъ. Робертсонъ *) указываетъ, что если при скрещенныхъ пальцахъ прикоснуться сперва къ указательному пальцу, а потомъ къ среднему, то оба прикосно-

*) Цитировано по Will. James: *The Principles of Psychology*. II. 86.

венія будутъ казаться занимающими два различныя мѣста въ пространствѣ. Мѣсто прикосновенія къ указательному пальцу будетъ казаться выше, хотя оно на самомъ дѣлѣ будетъ находиться ниже; а прикосновеніе къ среднему пальцу будетъ казаться ниже, хотя оно на самомъ дѣлѣ будетъ помѣщаться на пальцѣ выше. «Мы воспринимаемъ прикосновеніе вдвойнѣ потому, что относимъ его къ двумъ различнымъ точкамъ пространства».

А. Бѣлкинъ.

35. О геометрическихъ иллюзіяхъ зрѣнія по Thiéry.

Armand Thiéry. Ueber geometrisch-optische Täuschungen. Phil. Stud. B. XI—XII.

Обширная работа Thiéry представляетъ изъ себя первую попытку дать систематическую научную обработку геометрически-оптическихъ иллюзіей во всей ихъ совокупности; до сихъ поръ эта область психо-физическихъ явленій затрогивалась мимоходомъ или служила объектомъ «научныхъ развлеченій». Значеніе изслѣдованія Thiéry обуславливается многими причинами. Онъ собралъ и систематизировалъ всѣ отмѣченныя доселѣ разными учеными иллюзіи относительно размѣровъ и разстояній объектовъ и рисунковъ, представивъ такимъ образомъ ихъ полное перечисленіе. Важное преимущество его работы по сравненію съ работами другихъ психо-физиологовъ по этому же предмету состоитъ далѣе въ томъ, что онъ изучаетъ каждую иллюзію не въ отдѣльности самоё по себѣ, но приводитъ ея элементы въ связь съ элементами другихъ иллюзіей. Такой методъ даетъ ему возможность вскрыть причины, общія всѣмъ иллюзіямъ, взвѣсить важность каждаго элемента каждой иллюзіей; сопоставляя такимъ образомъ иллюзіи другъ съ другомъ, онъ обращаетъ вниманіе экспериментатора на такія стороны, которыя оставались до сихъ поръ въ тѣни. При этомъ онъ руководствуется въ своихъ объясненіяхъ количественными опредѣленіями иллюзіей, что ставитъ ихъ на болѣе твердую почву. Сплошь да рядомъ такая количественная оцѣнка иллюзіей даетъ возможность распутаться въ томъ несмѣтномъ количествѣ объясненій, которое насчитываетъ каждая иллюзія. И если не всѣ толкованія автора удовлетворяютъ читателя, если нѣкоторыя изъ нихъ кажутся натянутыми, тѣмъ не менѣе онъ разработалъ въ деталяхъ технику экспериментовъ надъ количественными опредѣленіями иллюзіей.

Съ описанія этой техники мы и начнемъ.

Передъ наблюдателемъ помѣщалась на столѣ ширма, обложенная черною папкой. Для того, чтобы наблюдатель могъ видѣть рисунки всегда изъ одной и той же точки и подъ однимъ и тѣмъ же угломъ, было сдѣлано отверстіе въ ширмѣ на определенной высотѣ. Это отверстіе закрывалось дощечкой, скользящей въ горизонтальномъ направленіи, такъ чтобы наблюдатель не могъ замѣтить тѣхъ видоизмѣненій, которыя производились въ фигурахъ экспериментаторомъ.

Для того, чтобы достигнуть большей точности въ количественномъ опредѣленіи иллюзій, Thiéry бралъ фигуры значительныхъ размѣровъ (отъ 15—30 ст.). Чертились фигуры на листахъ (60 ст. длины, 45 ст. ширины) зеркистой бристольской бумаги; листы вкладывались въ раму, сдѣланную изъ зачерненаго дерева. Въ краяхъ рамы продѣланы пазы, въ которые вставляются два стекла, скользящія—одно въ вертикальномъ другое въ горизонтальномъ направленіи. Внѣшняя ширина рамы равнялась 54 ст., внѣшняя высота 67 ст. Самые края имѣли въ толщину 18 мм., а въ ширину—45 мм., такъ что размѣры внутренней ширины этой рамы=58 ст. длины, 45—ширины. Въ толщѣ болѣе *длинныхъ* краевъ продѣланы двѣ лежащихъ непосредственно другъ надъ другомъ щели; длина одной=59 ст., ея ширина = 2,5 мм.; другая имѣла въ длину — 60 ст., въ ширину—0,7 мм. Въ послѣднюю щель можно вдвигать сбоку листъ бумаги, а въ первую — стекло, которое, при высотѣ = 59 ст., ширинѣ=56 ст., имѣетъ въ толщину 2,5 мм. Въ *болѣе короткихъ* краяхъ продѣлано только *по одной* щели, ширина которой=2,5 мм., а длина=48 ст. Въ этой щели помѣщается стекло, 48 ст. въ ширину и 72 ст. въ высоту. Это стекло можно двигать въ направленіи высоты рамы. Для того, чтобы видоизмѣнять фигуры по усмотрѣнію, придерживались такого метода. На листъ бумаги, занимавшій всю раму и прикрѣпленный неподвижно, накладывался другой листъ, меньшій. Послѣдній можно было передвигать, закрывая ту или другую часть большого листа; но онъ прижимается стекломъ къ послѣднему, оставаясь въ томъ положеніи, которое мы ему придали. Передвиженія этого листа измѣняются по полоскѣ бумаги, раздѣленной на миллиметры и прикрѣпленной къ краямъ рамы. Кромѣ этого прибора употреблялись въ отдѣльныхъ случаяхъ еще и другіе, которые будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ.

Thiéry различаетъ три группы геометрически-оптическихъ иллюзій, смотря по различнымъ элементамъ; которые ложно оцѣниваются нами на глазомѣрѣ: 1) иллюзій относительно направленія, 2) величины размѣровъ и 3) кривизны кривыхъ линий. Эти главныя формы могутъ конечно переплетаться другъ съ другомъ. Первая глава посвящается первой группѣ иллюзій—относительно направленія. Она въ свою очередь распадается на 3 отдѣла: 1) обманы относительно параллельныхъ линий, пересѣченныхъ параллельными поперечными линиями. 2) Такіе же обманы,

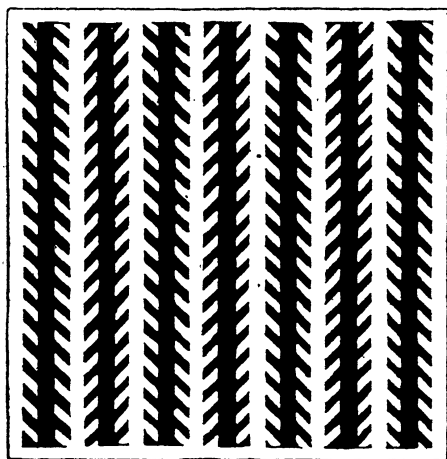


Рис. 76.

если поперечныя линіи сходятся. 3) Обманы относительно самыхъ поперечныхъ линій. Во второй главѣ авторъ изслѣдуетъ вторую и третью группы иллюзій и присоединяетъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно причинъ иллюзій. Въ этой главѣ 5 подотдѣловъ: 1) Обманы относительно размѣра сходныхъ фигуръ, пересѣкаемыхъ параллельными поперечными линіями. 2) Обманы относительно

размѣра линій, пересѣкаемыхъ сходящимися поперечными линіями. 3) Подобные же обманы относительно размѣра несходныхъ фигуръ, пересѣкаемыхъ параллельными поперечными линіями. 4) Обманы относительно размѣра фигуръ, если не принимать въ соображеніе поперечныхъ линій. 5) Общія причины обмановъ относительно величины.

Первая иллюзія относительно направленія, которую изслѣдуетъ Thiéry, называется фигурой Zöllner'a. Эта фигура состоитъ изъ трехъ системъ линій (рис. 76), параллельныхъ и отстоящихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Первая система состоитъ изъ болѣе длинныхъ линій, онѣ стоятъ вертикально и пересѣкаются подъ угломъ 30° или 50° двумя системами другихъ параллелей болѣе короткихъ. Эти поперечныя линіи пересѣкаютъ

систему вертикалей симметрично и попеременно. Иллюзия состоит в томъ, что вертикали, рядомъ лежащія, т.-е. первая и вторая, вторая и третья и т. д., кажутся расходящимися въ сторону схождения линий поперечныхъ, сходящимися въ томъ направленіи, въ которомъ поперечныя расходятся. Такого отклоненія отъ вертикальнаго направленія продольныхъ линий не наблюдается между линиями нечетными (1 и 3, 3 и 5 и т. д.) или между четными (2 и 4, 4 и 6 и т. д.).

Подобная же иллюзия замѣчается не только на рисункахъ, но и на дѣйствительныхъ предметахъ. Въ одномъ помѣстьи въ Англіи поднимается передъ домомъ, постепенно возвышаясь, лугъ; на разстояніи полмили отъ дома идетъ длинная аллея, по обѣимъ сторонамъ которой посажены два ряда деревьевъ, идущихъ совершенно параллельно. Несмотря на это, ближніе къ дому концы аллеи кажутся расходящимися. То же самое можетъ имѣть мѣсто и на горизонтальной плоскости, потому что горизонтальная плоскость значительныхъ размѣровъ кажется намъ всегда постепенно поднимающейся. Здѣсь причину иллюзіи слѣдуетъ видѣть въ дѣйствительномъ или кажущемся возвышеніи плоскости, связанномъ съ постепеннымъ удаленіемъ ея.

Нѣкоторый свѣтъ на причины иллюзіи Zöllner'a проливаютъ далѣе пластическія истолкованія ея. Именно, Helmholtz наблюдалъ слѣдующій фактъ, вода остріемъ циркуля перпендикулярно къ продольнымъ параллелямъ: если! слѣдить глазомъ за движеніемъ циркуля, то фигура Zöllner'a приходитъ въ замѣчательное безпокойство. Если циркуль движется справа налѣво, то нечетныя вертикали выступаютъ какъ бы впередъ, четныя отодвигаются назадъ. Первые отклоняются въ сторону движенія циркуля и кажутся лежащими въ плоскостяхъ, наклонныхъ къ плоскости рисунка; четныя подвергаются тѣмъ же видоизмѣненіямъ только въ обратную сторону. При движеніи циркуля слѣва направо происходятъ такія же отклоненія вертикалей, но въ противоположномъ смыслѣ.

Другое пластическое истолкованіе фигуры Zöllner'a принадлежитъ Guе. Если нарисовать эту фигуру на листѣ обыкновенной бумаги и держать передъ глазами подъ извѣстнымъ наклономъ; то иллюзія исчезаетъ, но фигура кажется нарисованной пластически: сѣкущія кажутся стоящими перпендикулярно къ вертикалямъ въ плоскостяхъ, наклонныхъ къ плоскости рисунка подъ

угломъ 45° . Весь рисунокъ находится какъ бы на листѣ, сложенномъ по своей длинѣ складками. На граняхъ этихъ складокъ лежатъ вертикали, а сѣкущія идутъ своими верхними концами къ гребнямъ складокъ, а нижними — въ углубленіе между ними.

Опытъ Guye наводитъ на мысль, что сѣкущія поперечныя въ фигурѣ Zöllner'a представляютъ перспективное изображеніе призмъ, удаляющихся своимъ верхнимъ или нижнимъ концомъ. Если признать такое толкованіе, то становится понятнымъ и наблюденіе Helmholtz'a. Перспективное изображеніе предмета допускаетъ сплошь да рядомъ нѣсколько толкованій, смотря по положенію глазъ наблюдателя. Рисунокъ 77, наприм., можно понимать въ четырехъ смыслахъ: 1) это цилиндръ, на который мы смотримъ сверху, если дуги А и В выступаютъ впередъ. 2) Фигура принимаетъ форму цилиндра, на который мы смотримъ снизу, если впередъ выдаются дуги R и S. 3) Если впередъ выдвигаются дуги А и S, то та же фигура имѣетъ видъ выпуклаго цилиндрическаго стекла. 4) Наконецъ, фигура можетъ казаться цилиндромъ, передняя часть котораго находится очень близко къ наблюдателю, а задняя — очень далеко, если выдвигаются впередъ дуга BR.

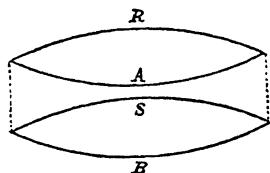


Рис. 77.

Точно также и перспективное изображеніе призмъ можетъ быть двусмысленнымъ. Если составить рис. 78 и 79, изъ которыхъ одинъ изображаетъ призму, разсматриваемую снизу, другою призму, разсматриваемую сверху, такъ чтобъ у нихъ одна грань была общая, какъ то показано на рисункѣ 80, то мы получимъ часть Zöllner'овой фигуры. Если глазъ движется справа налѣво, то общая сторона обѣихъ призмъ выдается впередъ своимъ правымъ краемъ, а лѣвымъ удаляется вглубь; если же глазъ передвигается слѣва направо, то лѣвый край выдвигается впередъ, а правый уходитъ вглубь. Такимъ образомъ и объясняется то безпокойство, въ которое приходитъ фигура Zöllner'a въ опытѣ Helmholtz'a.

Итакъ фигура Zöllner'a представляетъ изъ себя перспективное изображеніе призмъ, на грани которыхъ проецируются параллели. Вслѣдствіе того, что линіи проецируются нами не на плос-

кость, но на плоскостное изображеніе призмъ, параллели должны расходиться. Нужно при этомъ различать два фактора: 1) поперечныя сѣкущія истолковываются нами въ смыслѣ граней призмъ, 2) поэтому однѣ части фигуры кажутся лежащими дальше, другія ближе. Тѣ параллели, которыя проецируются на грани ближе лежащія, кажутся расходящимися (какъ въ примѣрѣ съ аллеей ближніе къ дому концы ея кажутся расходящимися); тѣ же, которыя проецируются на грани далѣе лежащія, кажутся сходя-

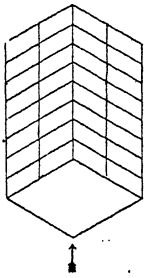


Рис. 78.

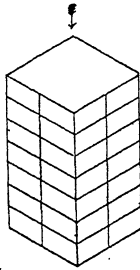


Рис. 79.

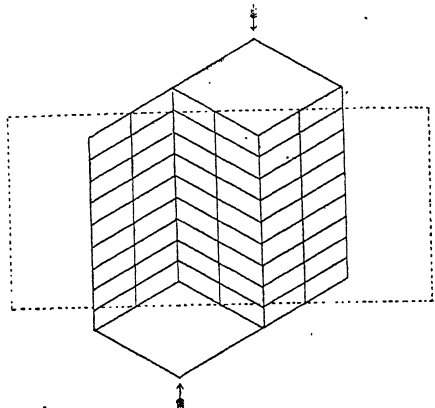


Рис. 80.

щимися, потому что параллельныя линіи, постепенно удаляющіяся, кажутся сходящимися въ сторону удаленія.

Для количественнаго опредѣленія этой иллюзіи Thiéry пользовался слѣдующимъ аппаратомъ (рис. 81). Остовъ аппарата составляетъ стальная рама, въ видѣ квадрата, имѣющаго въ просвѣтѣ 33 см., ширина сторонъ рамы = 3 см., толщина ихъ = 3 мм. Одна изъ сторонъ рамы продолжена и снабжена металлическою дугой, на которой нанесены дѣленія, изображающія четверти градуса. Поверхъ этой неподвижной рамы прикрѣпляется другая, имѣющая тѣ же размѣры и составленная изъ 4-хъ стальныхъ полосъ. Эти полосы связаны другъ съ другомъ винтами такимъ образомъ, что образуютъ одно подвижное цѣлое. Двѣ параллельныя стороны подвижной рамы прикрѣплены въ своей серединѣ къ серединѣ соответственныхъ сторонъ рамы неподвижной, такъ что подвижная рама можетъ вращаться около этихъ точекъ прикрѣпленія. Къ одной изъ сторонъ подвижной рамы прикрѣплена

другая дуга, меньшая, съ чертой по срединѣ, которая играетъ роль указателя: передвигаясь вмѣстѣ съ подвижною рамой по дѣленіямъ дуги, прикрѣпленной къ рамѣ неподвижной, она по-

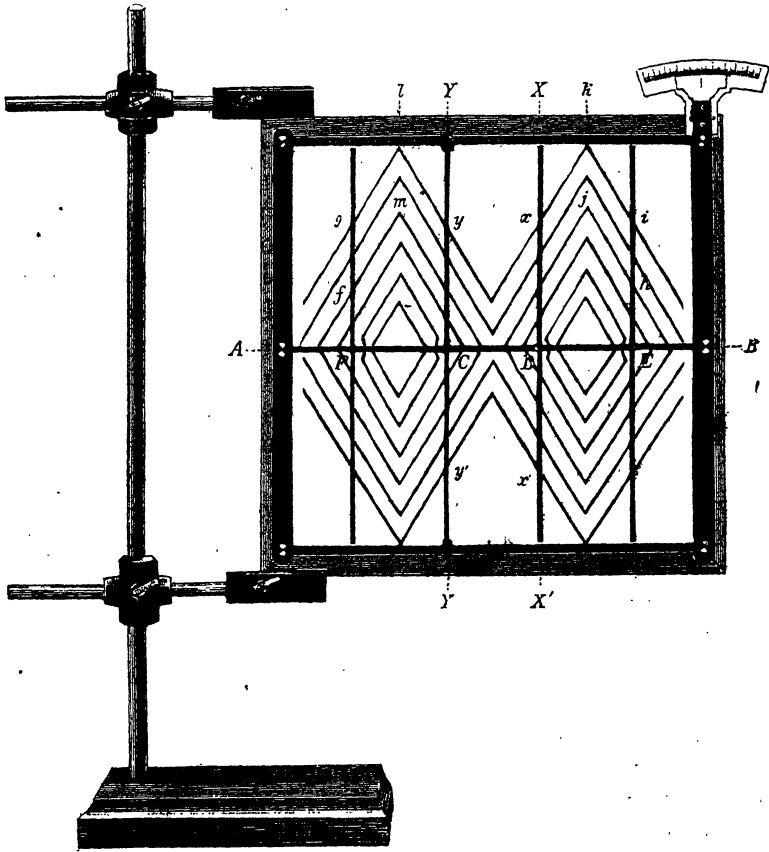


Рис. 81.

казываетъ амплитуду вращенія подвижной рамы. Если указатель стоитъ на нулѣ, то подвижная рама образуетъ квадратъ и совпадаетъ своими сторонами неподвижной рамы; если же указатель отклоняется вправо или влѣво отъ нуля, то подвижная рама образуетъ ромбъ. Тѣ двѣ стороны подвижной рамы, которая прикрѣплены къ сторонамъ рамы неподвижной, стоятъ всегда подъ угломъ въ отношеніи къ сторонамъ послѣдней, за исключеніемъ того случая, когда указатель стоитъ на нулѣ; напротивъ,

стороны прикрѣпленныя сохраняютъ всегда параллельное положеніе по отношенію къ соотвѣтствующимъ сторонамъ неподвижной рамы.

Въ эту подвижную раму вставляется модель фигуры Zöllner'a. Въ точкахъ вращенія рамы прикрѣпляется къ ея сторонамъ горизонтальная ось АВ, роль которой играетъ мѣдная полоса, шириною въ 4 мм, длиною въ 30 см. Къ этой оси прикрѣпляются 4 перпендикулярныя къ ней полосы, отстоящія другъ отъ друга и отъ внутренняго края рамы на разстояніи 6 см. Эти вертикальныя полосы, имѣющія въ длину 30 см., могутъ вращаться около точекъ своего прикрѣпленія къ горизонтальной оси, а свободные концы каждой полосы можно прикрѣплять къ сторонамъ подвижной рамы въ любой точкѣ. Прикрѣпленная такимъ образомъ полоса передвигается вмѣстѣ съ вращеніемъ подвижной рамы, такъ что придѣланный къ послѣдней указатель показываетъ въ то же время и амплитуду вращенія полосъ. Каждая полоса состоитъ изъ двухъ независимыхъ половинъ, каждая изъ которыхъ въ свою очередь можетъ вращаться около точки своего прикрѣпленія къ горизонтальной оси и можетъ быть прикрѣплена, независимо отъ другой, къ сторонѣ подвижной рамы. Тѣ стороны послѣдней, которыя остаются неприкрѣпленными къ сторонамъ рамы неподвижной, раздѣлены на миллиметры, и по нимъ скользятъ кубическія деревянныя санки. Эти санки имѣютъ продольный разрѣзъ, въ который вставляются свободные концы вертикальныхъ полосъ и привинчиваются къ сторонѣ подвижной рамы. Чтобы получить полную фигуру Zöllner'a, остается дополнить эту систему вертикальныхъ полосъ системой полосъ поперечныхъ. Послѣднія были сдѣланы изъ зачерненной мѣди; онѣ образовали уголь въ 30° съ полосами вертикальными и отстояли на 3 см. другъ отъ друга. Онѣ были спаяны попарно, такъ что образовали другъ съ другомъ уголь 60° и были затѣмъ припаяны только къ внѣшнимъ вертикальнымъ полосамъ, а обѣ среднія вертикальныя полосы были наложены на поперечныя, но не скрѣплены съ ними. Расположеніе полосъ и ихъ взаимное скрѣпленіе можно яснѣе видѣть на рис. 81: пусть АВ будетъ осью, внѣшнія вертикальныя или основныя полосы прикрѣплены въ точкахъ Е и F, среднія—въ точкахъ С и D. Поперечныя полосы спаяны другъ съ другомъ въ точкахъ j, k, l и m; а съ основными—въ точкахъ f, g, h, i, s.

Описанная модель фигуры Zöllner'a ставится на столъ и поддерживается штативомъ; фономъ служитъ ширма, сдѣланная изъ сѣраго картона и поставленная позади модели на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи.

Это изображеніе фигуры Zöllner'a, какъ просвѣчивающей системы линій, совмѣщаетъ условія болѣе благоприятныя для иллюзіи, чѣмъ рисунокъ на листѣ бумаги. Смотря на модель, намъ легче представить себѣ, что нѣкоторыя полосы лежатъ дальше отъ насъ, другія — ближе, чѣмъ если мы имѣемъ дѣло съ рисункомъ на плоскости. Thiégu старался точнѣе выразить значеніе этого условія для размѣровъ иллюзіи при помощи описаннаго аппарата. Опыты, произведенные въ этомъ направленіи, дали слѣдующіе результаты:

1. Если вращать модель вокругъ вертикальной или горизонтальной оси, то различные элементы фигуры будутъ находиться въ разномъ разстояніи отъ зрителя. Величина иллюзіи подвергается соотвѣтственнымъ видоизмѣненіямъ: если условія кажущагося удаленія совпадаетъ съ дѣйствительнымъ различіемъ въ разстояніи элементовъ фигуры, то иллюзія усиливается.

2. Разстояніе модели, отдѣляющее ее отъ наблюдателя, вліяетъ на размѣры иллюзіи въ томъ смыслѣ, что условія, благоприятствующія рельефному истолкованію фигуры, усиливаютъ иллюзію. При бинокулярномъ зрѣніи интенсивность иллюзіи растетъ по мѣрѣ удаленія модели. Этотъ фактъ разъясняется отчасти двумя другими, сродными съ нимъ. Во-первыхъ, иллюзія бываетъ болѣе значительной при монокулярномъ зрѣніи, чѣмъ при бинокулярномъ. Во-вторыхъ, абсолютная величина иллюзіи менѣе значительна для близорукихъ, чѣмъ для дальновзоркихъ. Любители искусства и художники знаютъ, что рельефъ рисунка выступаетъ наиболѣе отчетливо въ томъ случаѣ, если наблюдатель смотритъ однимъ только глазомъ, закрывъ другой. Если дѣйствительная причина иллюзіи заключается въ истолкованіи плоскостнаго рисунка, какъ перспективнаго изображенія призмъ, то монокулярное зрѣніе должно усиливать иллюзію. Что касается близорукихъ, то они менѣе восприимчивы къ этой иллюзіи потому, что не привыкли возстановлять тѣлесность отдаленныхъ предметовъ по цвѣтамъ, тѣнямъ и другимъ деталямъ, которыя служатъ критеріемъ рельефа тѣлъ и ускользаютъ отъ ихъ вниманія въ силу ихъ близорукости. Напротивъ того, при

бинокулярномъ зрѣніи мы способны воспринимать дѣйствительный рельефъ непосредственно и потому, имѣя предъ собой рисунокъ, близко къ намъ лежащій, мы отчетливо видимъ, что онъ вообще не имѣетъ рельефа, а представляетъ плоскость. Для того, чтобы вызвать впечатлѣніе рельефа, при бинокулярномъ зрѣніи, необходимо, слѣдовательно, увеличить разстояніе, отдѣляющее рисунокъ отъ наблюдателя.

3. Направленіе поперечныхъ линій по отношенію къ наблюдателю также не остается безъ вліянія на размѣры иллюзіи. Въ томъ случаѣ, если онѣ расходятся въ направленіи наблюдателя, иллюзія усиливается; если же сходятся въ сторону зрителя, то иллюзія ослабляется. Для объясненія этого факта, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что сходящіяся линіи служатъ перспективнымъ изображеніемъ параллельныхъ удаляющихся по направленію къ горизонту.

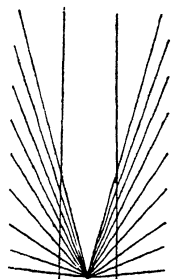


Рис. 82.

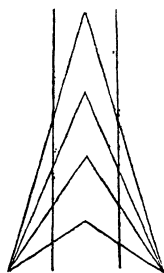


Рис. 83.

Поэтому сходящіяся линіи кажутся какъ бы удаляющимися въ сторону схождения. Поперечныя линіи въ фигурѣ Zöllner'a должны поэтому казаться удаляющимися въ сторону своего схождения. Въ томъ случаѣ, когда онѣ расходятся въ направленіи наблюдателя, точка ихъ схождения лежитъ, дѣйствитель-

но, дальше отъ наблюдателя, чѣмъ тѣ точки, изъ которыхъ онѣ выходятъ; это совпаденіе кажущагося удаленія съ фактическимъ усиливаетъ иллюзію; если же точка схождения лежитъ ближе къ наблюдателю, то несоотвѣтствіе фактического и кажущагося удаленія должно ослаблять иллюзію.

Кажущееся удаленіе сходящихся линій въ сторону ихъ схождения вызываетъ, по мнѣнію Thiéry, также иллюзіи относительно фигуръ Hering'a (рис. 82) и Wundt'a (рис. 83). Обѣ эти фигуры отличаются отъ фигуры Zöllner'a только тѣмъ, что вмѣсто параллельныхъ поперечныхъ здѣсь взяты поперечныя линіи, пересѣкающіяся въ одной точкѣ. Такъ какъ эти поперечныя линіи кажутся удаляющимися въ сторону своего схождения, то тѣ концы параллельныхъ линій, которыя лежатъ ближе къ точкѣ пересѣ-

ченія, должны казаться лежащими дальше тѣхъ концовъ, которые обращены въ сторону расхожденія поперечныхъ линій. Относя такимъ образомъ эти параллели на различное разстояніе, мы различно оцѣниваемъ и разстояніе ихъ другъ отъ друга по мѣрѣ приближенія ихъ къ точкѣ схожденія поперечныхъ линій. Предполагая, что эти концы параллелей лежатъ дальше, мы переоцѣниваемъ ихъ разстояніе другъ отъ друга; поэтому онѣ кажутся намъ сходящимися въ сторону расхожденія поперечныхъ линій и расходящимися въ сторону ихъ схожденія.

Переходимъ теперъ къ иллюзіямъ относительно величины фигуръ. Понятно, что эти обманы должны стоять въ тѣсной связи

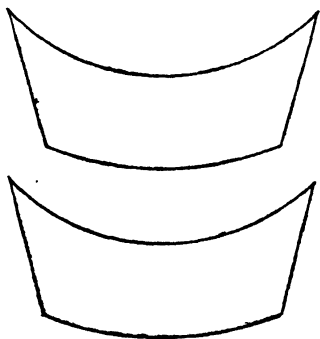


Рис. 84.

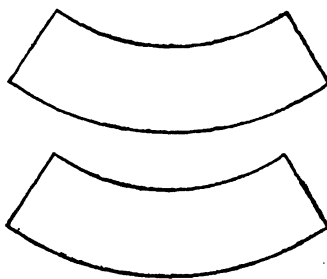


Рис. 85.

съ обманами относительно направленія линій, потому что направленіе линій составляетъ необходимый элементъ нашихъ представлений о величинѣ предметовъ. И дѣйствительно, три первыхъ иллюзіи представляютъ или отдѣльныя части фигуры Зöllner'a, или незначительныя видоизмѣненія ея частей. Возьмемъ два равныхъ пояса, составленныхъ изъ дугъ, равныхъ соотвѣтственно одна другой по своей величинѣ. Поясъ, лежащій въ направленіи схожденія прямыхъ линій, ограничивающихъ дуги, кажется большимъ (рис. 83 и 84). Въ фигурѣ 85 иллюзія увеличивается потому, что оба пояса представляются неравными кусками концентрическихъ колецъ. Къ числу подобныхъ иллюзіей относится и иллюзія съ трапеціями. Изъ двухъ равныхъ трапецій кажется большей та, которая лежитъ въ направленіи схожденія непараллельныхъ сторонъ трапецій (рис. 87), и сторона А В. кажется больше стороны а в.

Очевидно, что эти иллюзии представляют фигуру Zöllner'a, съ однѣми поперечными линиями безъ вертикальныхъ параллелей. Для вскрытія причинъ переоцѣнки размѣровъ поясовъ и трапеціи Thiéry приводитъ два соображенія: 1) сходящіяся линіи служатъ перспективнымъ изображеніемъ удаляющихся параллельныхъ линій; 2) если два предмета отбрасываютъ на сѣтчатку изображенія одинаковыхъ размѣровъ, но одинъ изъ нихъ представляется лежащимъ дальше, то мы увеличиваемъ его, потому

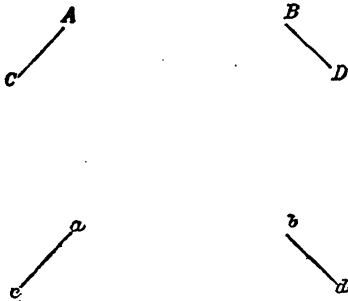


Рис. 86.

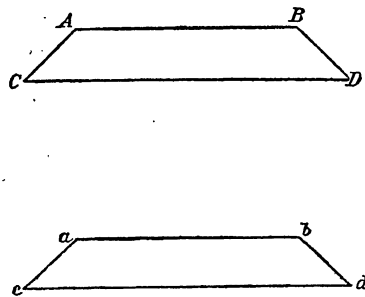


Рис. 87.

что знаемъ по опыту, что кажущаяся величина предметовъ уменьшается по мѣрѣ удаленія ихъ.

Такъ какъ линіи ограничивающія пояса и непараллельныя стороны трапеціи сходятся другъ съ другомъ подъ известнымъ угломъ, то фигуры, лежащія въ направленіи ихъ схождения, кажутся болѣе далекими; поэтому мы переоцѣниваемъ ихъ размѣры. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что иллюзія относительно трапеціи возрастаетъ, если трапеціи обращены къ наблюдателю той стороною, въ направленіи которой ихъ ненормальная стороны расходятся. Въ этомъ случаѣ фигура, относимая на болѣе далекое разстояніе вслѣдствіе схождения непараллельныхъ сторонъ трапеціи, и въ дѣйствительности лежитъ дальше отъ наблюдателя. Такимъ образомъ кажущееся удаленіе фигуры находитъ себѣ подтвержденіе въ реальномъ ея положеніи, почему иллюзія и усиливается.

Вліяніе наклонныхъ другъ къ другу линій сказывается еще болѣе на слѣдующей фигурѣ (рис. 88). Изъ точки O выходитъ пучокъ прямыхъ, расположенныхъ симметрично около линіи Oab. Перпендикулярно къ послѣдней нарисованы двѣ равныхъ линіи

CD и C'D' на различномъ разстояніи отъ точки O. Линія CD, т.-е. ближе лежащая къ точкѣ O, кажется меньше C'D'. Эта иллюзія объясняется, по мнѣнію Thiéry тѣмъ, что линія CD кажется лежащей дальше отъ наблюдателя, чѣмъ линія C'D', потому что прямыя Oa, Oc, Od, Ob кажутся удаляющимися по направленію къ точкѣ O.

Подтвержденіе своему объясненію Thiéry ищетъ въ количественномъ опредѣленіи иллюзіи. Съ этою цѣлю онъ пользовался слѣдующимъ аппаратомъ. Представимъ себѣ прямоугольную доску

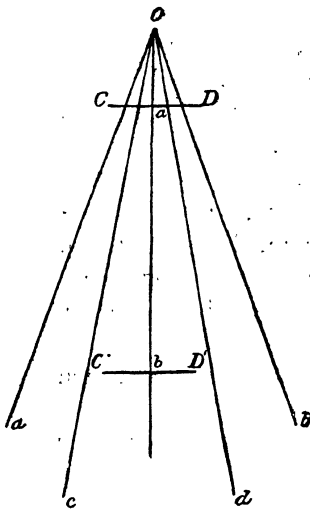


Рис. 88.

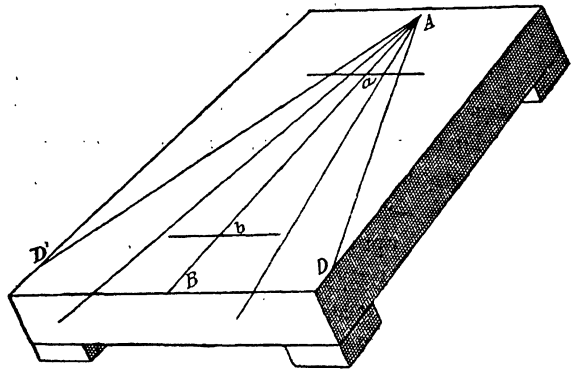


Рис. 89.

изъ букового дерева, шириною въ 20 см., длиною въ 40 см. (рис. 89). Доска хорошо выстругана и по краямъ закруглена; ея внѣшняя поверхность тщательно выкрашена въ черную краску, и на этой поверхности расположены цилиндрическія деревянныя палочки, покрытыя бѣлой краской, 25 см. длины 3,5 мм. въ поперечникѣ. На одномъ изъ своихъ концовъ онѣ вставлены въ мѣдную гильзу, длиною въ одинъ см., того же самага поперечника, что и палочки. Черезъ эту гильзу проходитъ маленькій гвоздь, прикрѣпленный къ доскѣ, такъ что различныя палочки могутъ вращаться около этой неподвижной точки, когда онѣ связаны въ точкѣ A. Такимъ образомъ можно мѣнять углы, которые образуютъ другъ съ другомъ палочки. Палки AB прикрѣплены по всей своей длинѣ къ поверхности модели; сходя-

шіяся палочки AD' и AD размѣщаются симметрично по отношению къ AB . На средней палкѣ AB надѣто два цилиндра изъ тонкой мѣди (они изображены особо на рис. 90). Эти цилиндры расщеплены во всю свою длину, такъ что ихъ можно передвигать по неподвижной точкѣ. Длина цилиндровъ 15 mm., поперечникъ равенъ поперечнику палки. Въ верхней сторонѣ цилиндровъ придѣлано еще по одному цилиндру, такъ что ихъ оси стоятъ перпендикулярно къ осямъ подвижныхъ цилиндровъ. Эти цилиндры служатъ поддержкой для гѣхъ палочекъ, величина которыхъ сравнивается. Палочки, имѣвшія въ поперечникѣ 2 mm. были нарѣзаны такъ, что получилось 15 палочекъ, длина кото-

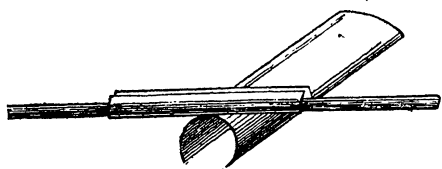


Рис. 90.

рыхъ разнилась на 1,5 mm., начиная съ 84 mm. Палочки 84 mm. помѣщались въ упомянутыхъ цилиндрахъ на разстояніи 7,5 mm. отъ нижняго края AB и отъ точки A . Лежавшая ближе къ точкѣ A казалась большей.

Опыты, произведенные при помощи описаннаго аппарата, дали слѣдующіе результаты:

1. *Количество линий, пересѣкающихъ двѣ прямыя, величины которыхъ сравниваются, вліяетъ на иллюзію въ томъ смыслѣ, что съ ихъ числомъ растетъ и иллюзія. Иллюзія достигаетъ своего minimum'a при 2 пересѣкающихъ, своего maximum'a при 4. Въ этомъ результатѣ Thiéry видитъ подтвержденіе своего объясненія иллюзіи. Если правильно предположеніе, что сходящіяся линии вызываютъ представленіе постепеннаго удаленія, что и обусловливаетъ кажущееся увеличеніе одной изъ прямыхъ, то большее количество сходящихся линий должно усиливать это представленіе кажущагося удаленія, усиливая такимъ образомъ иллюзію.*

2. Не остается безъ вліянія на иллюзію и *положеніе модели*. Если мы обозначимъ то положеніе модели, при которомъ точка пересѣченія сѣкущихъ лежитъ дальше всего отъ наблюдателя, какъ положеніе подъ градусомъ 0^0 , и будемъ вращать модель около ея вертикальной оси, то оказывается, что иллюзія достигаетъ своего maximum'a при 0^0 , minimum'a при 180^0 . При по-

положеніи O^0 точка пересѣченія, по направленію къ которой удаляются повидимому сѣкущія, и дѣйствительно лежитъ дальше отъ наблюдателя; совпаденіе кажущагося удаленія и дѣйствительнаго должно усиливать иллюзію. Напротивъ того, при положеніи 180^0 точка пересѣченія лежитъ въ дѣйствительности ближе къ наблюдателю; несоотвѣтствіе кажущагося и дѣйствительнаго положенія точки ослабляетъ иллюзію.

3. Въ предыдущихъ опытахъ обѣ палочки, величина которыхъ сравнивалась, имѣли одинъ и тотъ же поперечникъ (2 мм.). Оставляя одну палочку съ тѣмъ же поперечникомъ, возьмемъ другую съ поперечникомъ = 3 мм., для того, чтобъ опредѣлить вліяніе поперечника *прямыхъ* на иллюзію. Иллюзія достигаетъ своего максимумъ при такомъ сочетаніи палочекъ, когда поперечникъ палочки, дальше лежащей отъ точки, въ которой сходятся сѣкущія, больше, т.-е. когда дальше отъ этой точки лежитъ палочка съ поперечникомъ = 3 мм., ближе къ ней — палочка съ поперечникомъ = 2 мм. Если палочка, ближе лежащая къ точкѣ схожденія сѣкущихъ, кажется лежащей дальше, то она должна казаться и тоньше, что и дано въ условіяхъ опыта, такъ какъ ея поперечникъ меньше поперечника нижней палочки. Совпаденіе кажущагося уменьшенія палочки съ фактическими данными усиливаетъ иллюзію.

4. Особенный интересъ представляетъ вліяніе *положенія двухъ палочекъ*, величины которыхъ сравниваются, на неподвижной оси модели АВ. Въ трехъ вышеописанныхъ случаяхъ эти палочки оставались на разстояніи 7,5 см. отъ точки схожденія сѣкущихъ. Обозначивъ это положеніе +7,5 см., будемъ переставлять верхнюю палочку на точку схожденія сѣкущихъ (O) и за точку схожденія ихъ на 7,5 см. (—7,5). Оказывается, что иллюзія сохраняется при всѣхъ трехъ положеніяхъ, оставаясь равной для положенія +7,5 см. и —7,5 см. Этотъ результатъ важенъ потому, что онъ устраняетъ само собой напрашивающееся объясненіе этой иллюзіи. Извѣстно, что линіи раздѣленныя кажутся больше равныхъ имъ, но не раздѣленныхъ. Въ виду того, что прямая, лежащая ближе къ точкѣ схожденія сѣкущихъ, раздѣляется ими на нѣсколько отрѣзковъ, можно было бы предположить, что это расчлененіе и служитъ причиной ея кажущагося увеличенія. Однако, только что приведенный опытъ доказываетъ неосновательность этого объясненія: иллюзія сохраняетъ свою

величину и при положеніи — 7,5 см., т.-е. когда лежитъ за точкой схождения сѣкущихъ и потому не разъединяется ими на нѣсколько отрѣзковъ.

5. Измѣнимъ теперь *направленіе палочекъ*, перенеся ихъ съ неподвижной оси АВ на одну изъ сѣкущихъ, такъ чтобъ онѣ образовали съ осью АВ уголъ 30° . Иллюзія не только значительно уменьшается, но иногда становится даже обратной, т.-е. палочка, ближе лежащая къ точкѣ схождения сѣкущихъ, кажется меньше палочки, лежащей дальше отъ этой точки. Это измѣненіе иллюзіи, по мнѣнію Thiéry, говоритъ какъ нельзя больше въ пользу даннаго ей толкованія. Мы имѣемъ двѣ системы сходящихся линій: 1) систему прежнихъ линій и 2) систему, составленную изъ двухъ палочекъ, находящихся теперь на одной изъ сѣкущихъ, и оси АВ, съ которой онѣ пересѣкаются. Последняя система должна производить такое же дѣйствіе, какъ и система прежнихъ линій. И здѣсь палочка, лежащая ближе къ точкѣ схождения линій, должна казаться большей, несмотря на то, что она лежитъ дальше отъ точки схождения линій второй системы. Такъ объясняется уменьшеніе и даже извращеніе иллюзіи въ этомъ случаѣ.

6. До сихъ поръ модель оставалась лежащей на столѣ. Если мы ее поставимъ, такъ чтобы ось АВ была въ положеніи, перпендикулярномъ къ столу, то иллюзія значительно уменьшается. Обѣ палочки лежатъ на одинаковомъ разстояніи отъ вертикальной плоскости, проведенной черезъ линію, соединяющую центры глазъ, и это должно ослаблять впечатлѣніе, будто бы сѣкущія линіи удаляются по направленію къ точкѣ схождения.

Д. Викторъ, студ. фил.

Списокъ книгъ полученныхъ въ лабораторіи будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ выпускѣ.

Я обращаюсь ко всѣмъ авторамъ психологическихъ изслѣдованій, равно какъ ко всѣмъ институтамъ и лабораторіямъ, гдѣ такія изслѣдованія производятся, съ покорной просьбой не отказать въ присылкѣ своихъ работъ, трудовъ и отчетовъ.

Адресъ: Москва, Дѣвичье Поле, Психіатрическая Клиника, А. А. Токарскому.

Москва, сентябрь 1896 г.

А. Токарскій.